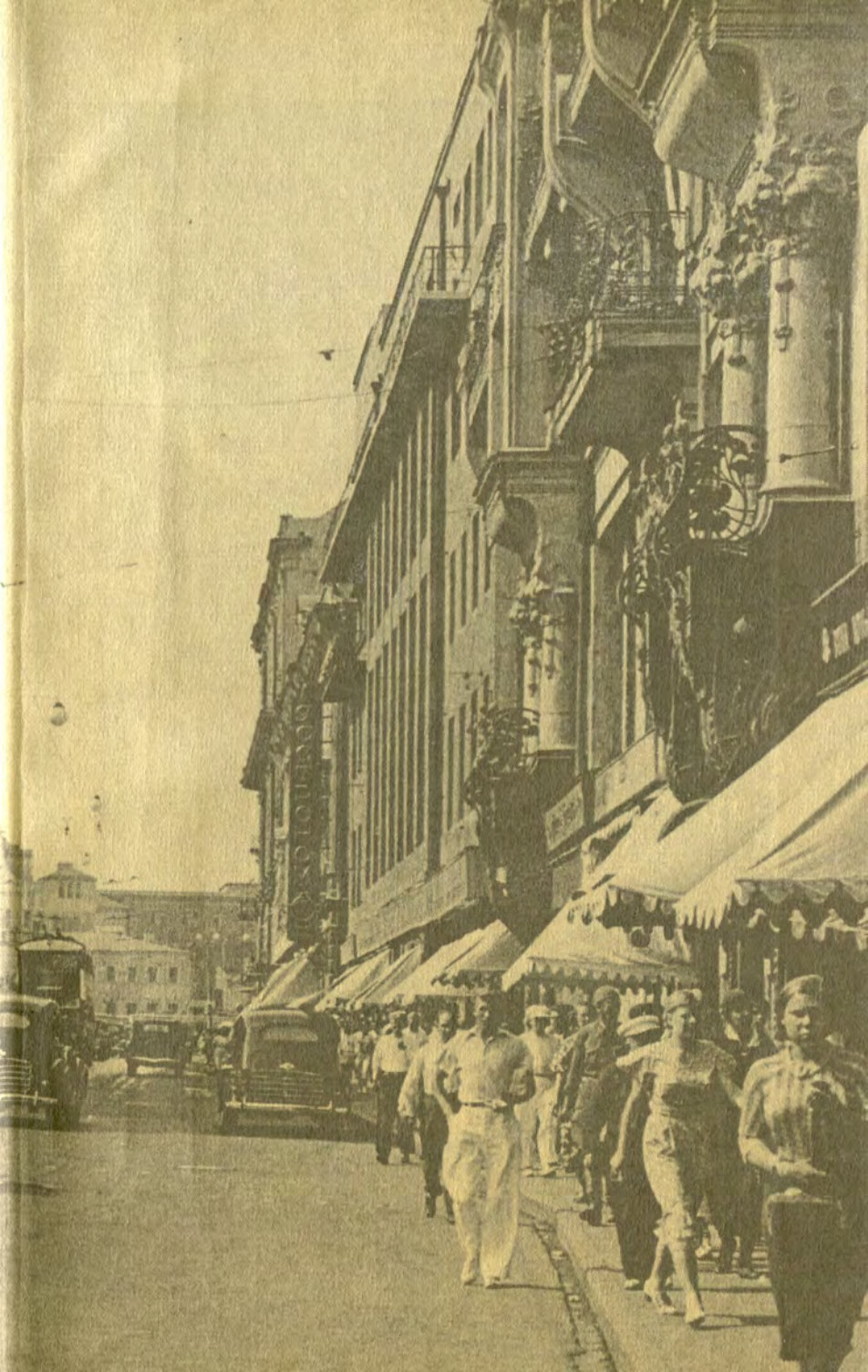
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Последние дни



М. Булгаков

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ВИКТОР ПЕТЕЛИН
Составление,
предисловие, подготовка текста

1
ДЬЯВОЛИАДА

2
РОКОВЫЕ ЯЙЦА

3
СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

4
БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

5
БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

6
КАБАЛА СВЯТОШ

7
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

8
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

9
МАСТЕР И МАРГАРИТА

10
ПИСЬМА

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
СЕДЬМОЙ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Москва
«ГОЛОС»
1999

УДК 882
ББК 84 (2 Рос-Рус)
Б90

Редакционный совет издательства:

П.Ф.АЛЕШКИН — председатель, Т.В.АЛЕШКИНА,
В.С.ГОЛУБЕВ, П.А.КОШЕЛЬ,
В.В.ПЕТЕЛИН (зам. председателя), И.Р.ФОМИН,
Р.И.ФОМИН

Художник Г.Д.РАСТОРГУЕВ

ИЗДАНИЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МИХАИЛА БУЛГАКОВА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРИ УЧАСТИИ:

КОММЕРЧЕСКИЙ

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

109240, Москва, ул. Гончарная, 1
Телефон: 915-29-14
Факс: 915-29-16
Телетайп: 207012 АЛАМАР
Телекс: 414818 ODYSS SU

Президент — Светлана Викторовна КУЗЬМИНА
Главный бухгалтер — Вадим Павлинович НИЗОВ

ISBN 5-7117-0427-3 (т.7)
ISBN 5-7227-0304-8

© Составление В.В.Петелин, 1999
© Оформление. Издательство «Голос», 1999

«ДОПИСАТЬ РАНЬШЕ, ЧЕМ УМЕРЕТЬ!»

Эти слова Михаил Булгаков написал в новой клеенчатой тетрадке 30 октября 1934 года, в четвертый раз приступая к роману о дьяволе. Казалось бы, только месяц тому назад, с 21 сентября, он за несколько дней написал две последние главы — «Ночь» и «Последний путь», в которых попытался завершить свой творческий замысел, много лет бередивший его душу. Но сейчас, перечитывая написанное и вновь обдумывая предстоящее, Булгаков всем сердцем своим ощущал, что не получилось того, что хотел воплотить в своих образах. Видимо, не удалось ему отрешиться от сиюминутных проблем и полностью отдаться роману... Многое не удовлетворяло его в написанном за последний год. И прежде всего глава, завершающая роман — «Последний путь».

«Над неизвестными равнинами скакали наши всадники, — начал перечитывать последние строки романа М. А. Булгаков. — Луны не было и неуклонно светало. Воланд летел стремя к стремени рядом с поэтом...

— Но скажите мне, — спрашивал поэт, — кто же я? Я вас узнал, но ведь несовместимо, чтобы я, живой из плоти человек, удалился вместе с вами за грани того, что носит название реального мира?

— О, гость дорогой! — своим глубоким голосом ответил спутник с вороном на плече, — о, как приучили вас считаться со словами. Не все ли равно — живой ли, мертвый ли!

— Нет, все же я не понимаю, — говорил поэт, потом вздрогнул, выпустил гриву лошади, провел по телу руками, расхохотался.

— О, я глупец! — воскликнул он, — я понимаю! Я выпил яд и перешел в иной мир! — он обернулся и крикнул Азазелло:

— Ты отравил меня!

Азазелло усмехнулся ему с коня.

— Понимаю: я мертв, как мертва и Маргарита, — заговорил поэт возбужденно. — Но скажите мне...

— Мессир... — подсказал кто-то.

— Да, что будет со мною, мессир?

— Я получил распоряжение относительно вас. Преблагоприятное. Вообще могу вас поздравить — вы имели успех. Так вот, мне было велено...

— Разве вам можно велеть?

— О, да. Велено унести вас...»

А куда унести? И что должно было последовать за этими словами, — Булгаков не мог ответить на эти вопросы... Слишком много неясностей еще было в самом тексте романа, в развитии событий, характеров, конфликтов. Некоторые главы еще нуждались в том, чтобы их дописать или просто переписать. Работать приходилось урывками, буквально выкраивать свободное время, удавалось написать то страничку, то две, а иной раз и вообще несколько строк... Так нельзя работать над серьезным романом, но столько возникало разных дел, сиюминутных, неотложных, заказных, и столько было звонков, столько гостей... Чуть ли не каждый день приходилось бывать в Театре, принимать участие в репетициях, дежурить во время спектаклей; столько предложений и советов сыпалось со всех сторон. Особенно настойчивы были те, кто совстовал написать прокоммунистическую пьесу. «Почему М. А. не принял большевизма?.. Сейчас нельзя быть аполитичным, нельзя стоять в стороне, писать инсценировки», — говорил один из деятелей киноискусства, беседуя с Е. С. Булгаковой о драматической судьбе Михаила Афанасьевича, не желающего «ни за что» «большевикам петь песни». Другой деятель «истязал М. А, чтобы он написал декларативное заявление, что он принимает большевизм» (См. «Дневник Елены Булгаковой», с. 66).

Главное — заявить, а что ты чувствуешь при этом — не так уж важно. Время таково, что формировалась двойная мораль, двойная жизнь. И ничего не видели в этом предосудительного. Даже такие, как Станиславский, пытались потрафлять общепринятым нормам поведения. 25 августа 1934 года Станиславский, вернувшийся из-за границы, наконец-то повидался со своим Театром. Актеры встретили его длинными аплодисментами. Станиславский много полезного говорил в тот день. Но то, что он говорил о жизни за границей, поразило Булгакова. «Почему он говорил, что за границей все плохо, а у нас все хорошо, — думал все эти дни Булгаков. — Что там все мертвы и угнетены, а у нас — чувствуется живая жизнь. «Встретишь француженку, — говорил Станиславский, — и неизвестно, где ее шик?..» Нельзя не согласиться с ним, что нужно больше репетировать, готовиться к поездке в Европу работать, потому что Художественный театр высоко расценивается за границей... «Но зачем же так потрафлять советской пропаганде...» Вспомнил Булгаков и разговор со Станиславским, который тут же состоялся после того, как закончилась встреча и все разошлись:

— Что вы пишете сейчас?

— Ничего, Константин Сергеевич, устал.

— Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

Потом вдруг испугался и говорит:

— Впрочем, вы не туда повернете!

— Вот... все боятся меня...

— Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.

Хорошо, что этот разговор он передал Елене Сергеевне, и она записала в дневник.

И не только эти встречи и разговоры вспоминал М. А. Булгаков Под давлением обстоятельств многие люди, менялись, насиловали свою сущность, изменяли самим себе. Даже вчерашние кумиры, которые подчас диктовали свою политику и выдавали ее за политику правящий партии, подвергались жесткой критике и проработке.

Шло время стремительно, Булгаков видел, какие крутые перемены происходили в России, но люди, хоть и с трудом, но приспосабливались к новым условиям жизни, пытаясь угадать, что от них требуется. Особенно угодливыми оказались бывшие рапповцы, распущенные накануне Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Один за другим поднимались на трибуну съезда Авербах, Раскольников, Киршон, Вишневский, Афиногенов, Ермилов и клялись в верности партии и правительству, славили вождя пролетариата, рабочего класса Иосифа Сталина. А. М. Горький, на которого Булгаков все еще надеялся в своей борьбе, говорил на съезде «В чем же я вижу победу большевизма на съезде писателей? В том, что те из них, которые считались беспартийными, «колеблющимися», признали большевизм единственной босвой, руководящей идеей творчества». «У нас нет аполитичной литературы», — заявила Лидия Сейфуллина С готовностью «перековался» Илья Эренбург, тоже выступивший на съезде: «Мы пишем книги, чтобы помочь нашим товарищах строить страну. И советские писатели своим творчеством доказали свою органическую связь с народом-творцом, великой Коммунистической партией и отдали себя служению делу социализма, делу народа, руководимого партией». Валентин Катаев, Леонид Леонов, Юрий Олеша, Борис Пильняк успели написать романы и повести о социалистической перестройке, создать образы коммунистов, переворачивающих устаревшую жизнь и перестраивающих ее по-новому. «Соть», «Время, вперед!», «День второй» и другие произведения о первой пятилетке непременно изображали героический образ коммуниста-преобразователя и противостоящего ему тип буржуазного «интеллектуала», непременно внутренне опустошенного и нравственно деградировавшего. И не только эти произведения и выступления на съезде пугали Булгакова своей готовностью прислуживать новым властям. Совершенно непонятно, почему Горький, крупный писатель, независимый человек, так быстро перестроился и отступил от своих взглядов, высказанных в его произведениях. «Мы выступаем, как судьи мира, обреченного на гибель. Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина», — эти слова Горького, сказанные им во вступительной речи на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писателей, до сих пор с удивлением вспоминает Михаил Булгаков. А что в собственной стране творится? Перегибы в процессе коллективизации. Голод в хлебных местах, таких как Поволжье, Дон, Украина... Разве можно забыть этот 1933 год... Конечно, в прессе появлялись только бравурные реляции, но правдивые слухи об ужасном голоде доходили до Москвы, и друзья Булгакова шепотом передавали друг другу эти бесчеловечные картины голода, увиденные кем-то собственными глазами.

И Булгаков вспомнил, как бывший рапповец Александр Афиногенов спросил его, почему он не бывает на съезде. «Я толпы боюсь», — ответил Булгаков. А что он мог ответить одному из тех, кто всю жизнь травит его. И что он не видел на съезде? Толпу самодовольных писателей, жаждущих от властей, что их похвалят и назовут «инженерами человеческих душ», готовых так же, как Станиславский, сказать, что «за границей все плохо, а у нас хорошо», что «там все мертвы и угнетены, а у нас чувствуется живая жизнь». А хлеб подорожал в два раза...

Съезд писателей закончился грандиозным банкетом. Рассказывали, что было очень пьяно, что «какой-то нарезавшийся поэт ударил Таирова, обругав его предварительно «эстетом». Хорошо, что Булгаковых не пригласили на этот банкет.

Конечно, Булгаков следил за работой съезда, читал выступления делегатов. Со всеми он так или иначе был знаком, а с некоторыми начинал вместе. Большинство из них разумно покаялись в собственных ошибках молодости, поклялись в верности руководству страны, пообещали сделать все, что от них зависит, чтобы следовать уставным требованиям Союза советских писателей, прежде всего основному требованию — правдиво, исторически конкретно изображать действительность в ее революционном развитии, способствовать своими произведениями идейной переделке трудящихся в духе социализма.

Всеволод Иванов заявил, что все «Серапионовы братья», некогда подписавшие декларацию об аполитичности искусства, «против всякой тенденциозности в литературе», теперь, через 12 лет, прошли такой путь роста сознания, что не найдется больше ни одного, кто со всей искренностью не принял бы произнесенной тов. Ждановым формулировки, что мы «за большевистскую тенденциозность литературы». И уж совсем поразительные слова произнес Всеволод Иванов, но произнес уверенно, как клятву: «Совсем недалеко стоит от нас старый капиталистический мир. И мы гордимся тем, что наша все более растущая партийность заставляет нас, научает нас, поддерживает нас в том ожесточении и в той непрерывной злобе, с которой мы смотрим на этот древний мир».

А Исай Григорьевич Лежнев, бывший редактор смелой «России», опубликовавший «Белую гвардию», вернувшийся из ссылки, видимо, сломленным, вообще дошел до того, что в своей речи на съезде обвинил В. Вересаева, И. Новикова, покойного Андрея Соболя в том, что все они в разных выражениях протестовали против партийного руководства, которое не помогает творчеству, а насилует художественную совесть, толкает к двурушничеству и неискренности. Булгаков полностью был согласен с процитированными писателями, потому что и сам не раз высказывался в том же духе; прав Андрей Соболь, сказавший, что: «Опека и художественное творчество — вещи несовместимые. Гувернеры нужны детям, но гувернеры при писателе — это более чем грустно», а вот некогда отважный Лежнев опустился до предательства, указав на непослушных Вересаева и Ивана Новикова, ратовавших за свободу творчества и возра-

жавших против диктата большевиков в литературе, как и искусстве вообще.

Обратил внимание Булгаков и на то, что в президиуме съезда были самые послушные из драматургов — Киршон, Афиногенов, Погодин, Тренев... А Булгакова как бы и не было... Если ж его и упоминали, то только в качестве отрицательного примера, не поддающегося перековке.

И действительно Булгаков в эти дни заканчивал третью редакцию романа о дьяволе. Так редко удавалось ему самому прикоснуться к рукописи, все чаще приходилось диктовать Елене Сергеевне: ложился на диван, устраивался поудобнее, задумывался, погружаясь в знакомый мир реальных фантастических образов, и диктовал: «В Ваганьковском переулке компания подверглась преследованию. Какой-то взволнованный гражданин, увидев выходящих, закричал:

— Стой! Держите поджигателей!

Он суетился, топал ногами, не решаясь в одиночестве броситься на четверых. Но пока он созывал народ, компания исчезла в горьком дыму...

Маршрут ее был ясен. Она стремилась к Москве-реке. Они покидали столицу».

— Елена Сергеевна! Новая глава — «На здоровье!»

И Михаил Афанасьевич продолжал диктовать свой, как ему казалось, никому ненужный роман:

«Одинокая ранняя муха, толстая и синяя, ворвалась в открытую форточку и загудела в комнате.

Она разбудила поэта, который спал четырнадцать часов. Он проснулся, провел рукой по лицу и испугался того, что оно обрито. Испугался того, что находится на прежнем месте, вспомнил предыдущую ночь, и безумие едва не овладело им.

Но его спасла Маргарита...»

В следующие дни Булгаков создал главы «Гонец», «Они пьют», «Милосердия! Милосердия!», «Ссора на Воробьевых горах», «Ночь» (Глава предпоследняя), «Последний путь». Эту главу Булгаков оборвал на полуфразе: «Велено унести вас...» И 30 октября 1934 года написал: «Дописать раньше, чем умереть», приступая в четвертый раз к роману, который через несколько лет получил название: «Мастер и Маргарита».

Булгаков, работая над пьесой, киносценариями, новыми главами романа о дьяволе, часто задумывался о своей собственной судьбе. Почему так неудачно складывается его писательская и театральная судьба? Почему поведение нормального человека, не утратившего своей индивидуальности, воспринимается чаще всего как вызов общественному мнению? Трудно понять... Иной раз он вспоминал, как однажды близкий человек сказал ему, что, когда он, то есть Михаил Афанасьевич Булгаков, будет умирать, и очень скоро, и позовет всех проводить в последний путь, то никто не придет к нему,

кроме Черного Монаха. И до этого предсказания у Булгакова возникал этот рассказ. Становилось страшновато... Неужели так никто и не придет к нему? За что судьба карает так жестоко. Он хочет лишь одного — оставаться самим собой, видеть мир таким, каким только он, единственный на земле, видит его, писать так, как только он, единственный на земле, может писать. Пусть другие пишут лучше или хуже, но так, как написана «Белая гвардия», мог написать только он, Булгаков. Так, как написана «Кабала святош», мог написать только он, Булгаков. А «Бег»? Сколько раз за эти пять-шесть лет «Бег» то возникал, то снова пропадал в пучине страха и опасений власть имущих. Вот ведь и совсем недавно по дороге в Театр встретился с Судаковым. «— Вы знаете, Михаил Афанасьевич, положение с «Бегом» очень и очень неплохое. Говорят — ставьте. Очень одобряет и Иосиф Виссарионович и Авель Сафронович. Вот только бы Бубнов не стал мешать». И столько раз возникали подобные разговоры, приступали даже к репетициям, распределяли роли, заказывали художественное оформление, а потом сразу, как по мановению дурной палочки, все стихало, умолкали даже разговоры о «Беге». Только автор «Бега» не мог выбросить его из головы. Недавно были у Поповых, Анна Ильинична пела цыганские вальсы под гитару. И так вальсы понравились ему, что он тут же стал примеривать их к постановке «Бега». Но пойдет ли «Бег» вообще? Вот вопрос, который больше всего мучал Булгакова и его друзей. То Ольга Бокшанская, — секретарь Немировича-Данченко, а поэтому первой узнает все новости, — звонит и говорит Елене Сергеевна: «— Ты знаешь, кажется, «Бег» разрешили. На днях звонили Владимиру Ивановичу из ЦК, спрашивали его мнения об этой пьесе. Ну, он, конечно, страшно расхваливал, сказал, что замечательная вещь. Ему ответили: «Мы учтем ваше мнение». А на рауте, который был по поводу праздника, Судаков подошел к Владимиру Ивановичу и сказал, что он добился разрешения «Бега». Сегодня уж Судаков говорил Жене, что надо распределять роли по «Бегу». Ясно, что Ольга будет выпрашивать какую-нибудь роль для своего мужа Евгения Калужского. Тем более, что в Театре началась кутерьма, затеянная Станиславским Давно, как только приехал из-за границы, Станиславский задумал перестроить руководство Театром, считая, что сбои в Театре, потеря зрительского интереса, происходят из-за того, что заместитель директора и режиссер Сахновский не справляется со своей работой. Ну и попросил Сахновского написать заявление о переводе на режиссерскую работу по болезни сердца. Возбужденные Ольга и Евгений Калужский пришли к Булгаковым и рассказали о вывешенном рескрипте, который так долго вынашивали «в черном кабинете и у Старика». Должность заместителя директора распределить так: Судаков отвечает за план театра, за репертуар Кедров — «диктатор сквозного действия», а Подгорный — «хранитель традиций МХАТа».

Но главное, о чем поведали Калужские, — Калужского освободили от заведования труппой. И темпераментная Ольга рассказывала: «Из этого рескрипта ничего понять нельзя. Вроде бы освободить

Женю от заведования труппой и одновременно продолжать работать в Репертуарной конторе и заведовать филиалом. Этот пункт так нежно и туманно был сформулирован, что мы так и не поняли, остается Калужский заведующим репертуаром или нет. За несколько дней Константин Сергеевич говорил с Женей и сказал ему, что он остается на своем месте в Театре, а через несколько дней появился этот туманный рескрипт. Женя взбесился и написал Старику письмо, в котором горячо протестовал против всего, что творится в Театре; распространяют про него, что он — вор, взяточник, написал резко, прямодушно и в ультимативной форме написал: если не оставят его заведующим, то он ни на какую административную работу в Театре не соглашается, а главное — он просил Константина Сергеевича прекратить шельмование его имени и указал прямой источник этих сплетен Рассказывали, что КС разъярился, когда читал это письмо. А на следующий день пригласил Женю на совещание как заведующего, был с ним чрезвычайно любезен и ежеминутно о нем упоминал как заведующем репертуаром». «А Сахновский?» — спросил заинтересованный Булгаков. «А Сахновский и не думал подавать заявление об уходе!» — воскликнула Ольга Бокшанская.

Булгаков часто думал о сложившейся атмосфере Театра. Станиславский и Немирович-Данченко по-прежнему, как уже десятки лет, не терпели друг друга, их творческие принципы были чуть ли не прямо противоположными, их административные способы управления Театром тоже существенно различались. Старики-актеры и актрисы постепенно утрачивали свое обаяние первооткрывателей, повторяли самих себя в разных ролях, не замечая того, но зрителя не обманешь... Зрителя можно заманить свежей темой, острой проблемой, талантливой игрой. А вместо этого Старик занялся перестройкой в управлении, выгнал замечательного Якова Леонтьевича Леонтьева, потом предложил написать заявление Сахновскому, а тот пошел в ЦК Рабиса с протестом, председатель ЦК Рабиса поддержал его протест, заявив, что наверху недовольны Станиславским за все его новшества. Естественно, Станиславский узнал об этом недовольстве и как очень «смелый» человек тут же пошел на попятную, ругал свой «нижний кабинет» за то, что они его подвели, орал, будто, дико до четырех часов ночи. И все оставил как было. Только милый Яков Леонтьевич Леонтьев остался без места и очень переживал. Но вскоре его взяли заместителем директора Большого театра. Может, и к лучшему...

Все лето и до сих пор Булгаков боялся ходить один. А стоило хоть на минуту остаться дома одному, как возникал страх смерти, одиночества, пространства. Так и водила его в Театр Елена Сергеевна. Потом уводила. А без нее — страшно... Уж очень хорош был шок. Целый месяц лечились электричеством в Ленинграде, использовали и гипноз. Какое-то время помогало, но и по сей день что-то словно уходило из под ног, заволакивало сознание, чувствовал беспомощность, и всем его существом овладевал страх смерти. Это бывало и раньше, но теперь все чаще и чаще. А все потому, что отказали в поездке за границу.

...Как хорошо все начиналось несколько месяцев тому назад... Получили наконец квартиру, ждали этого долго, ходили узнавать чуть ли не каждый день. Квартира — это самое главное, что он хотел получить, Елена Сергеевна говорит, что это у него «пунктик». Действительно, все были счастливы, а когда пустили газ, блаженству, казалось, не было конца. Какая уж тут работа, хотя приходилось выполнять свои многочисленные договора с театрами.

Так уж повелось, что постоянно приходилось отвлекаться на побочные замыслы. А замыслов у него, как всегда, возникало множество. И каждый из них — интереснейший. Снова потянуло Булгакова к фантастической комедии, жанр которой, казалось ему, способен был передать нравы и черты своего времени и унести в будущее, чтобы показать всесилие человеческого ума и его технических возможностей.

Читаешь комедию сейчас и поражаешься тому, как блистательно сменяют одна картина другую. Сколько юмора таится в каждой сцене, каким чувством театра и его возможностей обладают сцены пьесы «Блаженство», которую он закончил в 1934 году.

«Блаженство» Булгаков заканчивал в новой квартире, в Нащокинском переулке, куда он вместе с Еленой Сергеевной переехал 18 февраля 1934 года. В письме П. С. Попову Булгаков рассказывает об устройстве на новом месте, о работе в Художественном театре, о репетициях «Мольера» и «Пиквикского клуба», где ему дали роль Судьи — президента суда, о работе над новой комедией «Блаженство». «...Один из Колиных друзей (Коля: Н. Н. Лямин, друг М. Булгакова.— *В. П.*), говоря обо мне всякие пакости, между прочим сообщил, что во мне «нездоровый урбанизм», что мне, конечно, немедленно и передали.

Так вот, невзирая на этот урбанизм, я оценил и белый лес, и шумящий самовар, и варенье. Вообще, и письмо приятное, и сам ты тоже умный. Отдыхай!

Зима эта воистину нескончаемая. Глядишь в окно, и плюнуть хочется. И лежит, и лежит на крышах серый снег. Надоела зима!

Квартира помаленьку устраивается. Но столяры осточертели не хуже зимы. Приходят, уходят, стучат.

В спальне повис фонарь. Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты. Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно. Хотя было и много интересного...»

В конце апреля 1934 года Булгаков прочитал «Блаженство» в Театре сатиры, но театр не принял пьесы; выступавшие говорили, «что начало и конец хорошие, но середина пьесы куда-то совершенно не туда». С этой пьесой Булгаков связывал какие-то надежды на спокойную работу в дальнейшем, но получилось так, что над пьесой надо еще работать, изгоняя все сцены будущего.

Работы было много. И в эти месяцы Булгакову предложили написать киносценарий по «Мертвым душам». Булгаков надеялся, за-

кончив пьесу, тут же начать работу над сценарием. Но забыть о пьесе, как он предполагал, ему не удалось, только через год он закончит ее и назовет «Иван Васильевич», где уже не будет сатиры на будущее, а будет сатира на прошлое.

А пока он продумывает киносценарий, встречается с И. А. Пырьевым, режиссером будущего фильма, переписывается с ним, читает ему первые сцены. В апреле Булгаков подает заявление на заграничную поездку, оформляет документы, мечтая о том, как он побывает в Париже и Риме, какие замечательные путевые очерки напишет он.

Снова самыми тайными надеждами и своими переживаниями в этот период он делится с задушевным другом П. С. Поповым: «...25-го читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился всем первый акт и последний. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота. Думал сплавить пьесу с плеч и сейчас же приступить к «Мертвым душам» для кино. А теперь вопрос осложнился. Я чувствую себя отвратительно, в смысле здоровья. Переутомлен окончательно. К 1 августа надо во что бы то ни стало ликвидировать всякую работу и сделать антракт до конца сентября, иначе совершенно ясно, что следующий сезон я уже не в состоянии буду тянуть.

Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август — сентябрь. Давно уже мне грезилась средиземная волна, и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и — словом, возможность видеть все это. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный «Фрегат «Палладу» и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось! Тогда уж готовь новую главу — самую интересную.

Видел одного литератора как-то, побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем берет купил и приехал.

Ни строки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?»

Но поездка, о которой он так мечтал и с которой так много связывал, не состоялась: 7 июня Булгакову отказали в поездке.

Казалось бы, ничто не предвещало отказа. Заявления приняли благосклонно. 1 мая 1934 года Булгаков написал письмо Горькому, приложив копию письма Авелю Сафроновичу Енукидзе, с просьбой поддержать его в правительственных кругах в деле, которое имело для него «действительно жизненный и чисто писательский смысл». Он хотел бы подольше побыть за границей, во-первых, для того, чтобы написать книгу путешествий, во-вторых, повидать братьев Николая и Ивана, в-третьих, за последние годы за границей появились желающие ставить его пьесы, переводить его «Белую гвардию», Мария Рейнгард ставила «Зойкину квартиру» в Париже, «Турбиных» — в Праге, Америке, Лондоне. Необходимо было все посмотреть, дать

советы, запретить всякую отсебятину, на какую были горазды теперешние театры. «Я в такой мере перутомлен, — писал Булгаков Горькому, — что боюсь путешествовать один, почему и прошу о разрешении моей жене сопровождать меня. Я знаю твердо, что это путешествие вернуло бы мне работоспособность...»

К несчастью, как раз в эти дни первомайского праздника серьезно заболел сын Горького — Максим, а 12 мая в «Литературной газете» сообщили о смерти Максима Пешкова. Соболезнование Горькому подписали члены правительства, в том числе и Сталин: «Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех».

Павел Попов уговаривал Булгакова послать Горькому соболезнование, но Булгаков решительно отказался: если бы он получил ответ на письмо от 1 мая... Нельзя же в самом деле унижаться. Да и возникла какая-то непобедимая уверенность, что и без Горького с поездкой получится: ведь Яков Леонтьевич Леонтьев, их верный друг, лично вручил заявление самому Енукидзе, который через несколько дней наложил благосклонную, как уверяли знающие люди, резолюцию: «Направить в ЦК». Пугали только слова Ольги Бокшанской, которая хорошо знала «кухню» партийной и советской власти:

— С какой стати Маке должны дать паспорт? Дают таким писателям, которые заведомо напишут книгу, нужную для Союза. А разве Мака показал чем-нибудь после звонка Сталина, что он изменил свои взгляды?

А если так думают и наверху? Но пока страхи и сомнения отбрасывали как несущественную мелочь. И вот — отказ в паспортах.

Подробнее всего об этом в письме И. Сталину от 10 июня 1934 года «от драматурга и режиссера МХАТ СССР имени Горького Михаила Афанасьевича Булгакова:

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло:

1.

В конце апреля сего года мною было направлено Председателю Правительственной Комиссии, управляющей Художественным Театром, заявление, в котором я испрашивал разрешение на двухмесячную поездку за границу, в сопровождении моей жены Елены Сергеевны Булгаковой.

В этом заявлении была указана цель моей поездки — я хотел сочинить книгу о путешествии по Западной Европе (с тем, чтобы по возвращении предложить ее для напечатания в СССР).

А так как я действительно страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества, то я и просил о разрешении моей жене сопровождать меня, с тем чтобы она оставила здесь на два месяца находящегося на моем иждивении и воспитании моего семилетнего пасынка.

Отправив заявление, я стал ожидать одного из двух ответов, то есть разрешения на поездку или отказа в ней, считаю, что третьего ответа не может быть.

Однако, произошло то, чего я не предвидел, то есть, третье.

17 мая мне позвонили по телефону, причем произошел следующий разговор:

— Вы подавали заявление относительно заграничной поездки?

— Да.

— Отправьтесь в Иностранный Отдел Мосгубисполкома и заполните анкету Вашу и Вашей жены.

— Когда это нужно сделать?

— Как можно скорее, так как Ваш вопрос будет разбираться 21 или 22 числа.

В припадке радости я даже не справился о том, кто со мной говорит, немедленно явился с женой в ИНО Исполкома и там отрекомендовался. Служащий, выслушав, что меня вызвали в ИНО по телефону, предложил мне подождать, вышел в соседнюю комнату, а, вернувшись, попросил меня заполнить анкеты.

По заполнении, он принял их, присоединив к ним по две фотографические карточки, денег не принял, сказавши:

— Паспорта будут бесплатные.

Советских паспортов не принял, сказавши:

— Это потом, при обмене на заграничные.

А затем добавил буквально следующее:

— Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение. Вы могли бы получить их сегодня, но уже поздно. Позвоните ко мне восемнадцатого утром.

Я сказал:

— Но восемнадцатого выходной день.

Тогда он ответил:

— Ну, девятнадцатого.

19 мая утром, в ответ на наш звонок, было сказано так:

— Паспортов еще нет. Позвоните к концу дня. Если паспорта будут, вам их выдаст паспортистка.

После звонка к концу дня выяснилось, что паспортов нет, и нам было предложено позвонить 23 числа.

23 мая я лично явился с женою в ИНО, причем узнал, что паспортов нет. Тут о них служащий стал наводить справку по телефону, а затем предложил позвонить 25 или 27 мая.

Тогда я несколько насторожился и спросил служащего, точно ли обо мне есть распоряжение и не ослышался ли я 17 мая?

На это мне было отвечено так:

— Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чье это распоряжение, но распоряжение насчет вас и вашей жены есть, также как и относительно писателя Пильняка.

Тут уж у меня отпали какие бы то ни было сомнения, и радость моя сделалась безграничной.

Вскоре последовало еще одно подтверждение о наличии разреше-

ния для меня. Из театра мне было сообщено, что в секретариате ЦИК было сказано:

— Дело Булгаковых устраивается.

В это время меня поздравляли с тем, что многолетнее писательское мечтание о путешествии, необходимом каждому писателю, исполнилось.

Тем временем, в ИНО Исполкома продолжались откладывания ответа по поводу паспортов со дня на день, к чему я уже относился с полным благодушием, считая, что сколько бы ни откладывали, а паспорта будут.

7 июня курьер Художественного Театра поехал в ИНО со списком артистов, которые должны получить заграничные паспорта. Театр любезно ввел и меня с женой в этот список, хотя я подавал свое заявление отдельно от театра.

Днем курьер вернулся, причем даже по его растерянному и сконфуженному лицу я увидел, что случилось что-то. Курьер сообщил, что паспорта даны артистам, что они у него в кармане, а относительно меня и моей жены сказал, что нам в паспортах отказано.

На другой же день, без всякого замедления, в ИНО была получена справка о том, что гражданину Булгакову М. А. в выдаче разрешения на право выезда за границу отказано.

После этого, чтобы не выслушивать выражений сожаления, удивления и прочего, я отправился домой, понимая только одно, что я попал в тягостное, смешное, не по возрасту положение.

2.

Обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве».

Ответа на это письмо не последовало, тем более заступничества...

Но в письме Сталину нет кое-каких деталей и подробностей, которые скорее всего повлияли на исход задуманного путешествия.

Елена Сергеевна записала в дневнике: «20 июля. Семнадцатого мы вернулись из Ленинграда, где прожили больше месяца в «Астории».

За это время многое, конечно, произошло, но я не записывала ни там, ни здесь. Что я помню? Седьмого июня мы ждали в МХАТе вместе с другими Ивана Сергеевича, который поехал за паспортами Он вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам — последним — белые бумажки — отказ. Мы вышли. На улице М. А. вскоре стало плохо, я с трудом его довела до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку. Я вышла на улицу — нет ли такси? Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около нее Безыменский. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М. А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства.

Дня через три (числа 10—11) М. А. написал письмо обо всем этом Сталину, я отнесла в ЦК. Ответа, конечно, не было» (Дневник, с.61).

И вот, анализируя все известные нам по документам события, связанные с поездкой за границу, приходишь все к тому же неутешительному выводу, что поездка сорвалась случайно, из-за неблагоприятного стечения обстоятельств, а может просто из-за характера самого Михаила Афанасьевича Булгакова, любителя розыгрышей, любителя поиронизировать и пересмешничать. Елена Сергеевна по горячим следам событий записала, как они пришли в серьезное учреждение, где оформляют заграничные паспорта, заполнять анкеты. «Когда мы писали, М. А. меня страшно смешил, выдумывая разные ответы и вопросы. Мы много хихикали, не обращая внимания на то, что из соседних дверей вышли сначала мужчина, а потом дама, которые сели тоже за стол и что-то писали.

Когда мы поднялись наверх, Борисполец сказал, что уже поздно, паспортистка ушла и паспорта сегодня не будут нам выданы. «Приходите завтра».

— Но «завтра 18-е (шестидневка)». — «Ну, значит, 19-го».

На обратном пути М. А. сказал:

— Слушай, а это не эти типы подвели?! Может быть, подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся?.. Да нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!

И все повторял ликующе:

— Значит, я не узник! Значит, увижу свет!

Шли пешком, возбужденные. Жаркий день, яркое солнце. Трубный бульвар. М. А. прижимает к себе руку, смеется, выдумывает первую главу книги, которую привезет из путешествия.

— Неужели не арестант?!

Это — вечная ночная тема: Я — арестант... Меня искусственно ослепили...

Дома продиктовал мне первую главу будущей книги» (Дневник, с. 59—60).

Это записано в тот же день; детали и подробности событий убийственны для Булгаковых. Мужчина и дама не только подслушивали, как хихикают заполняющие анкеты, но тут же и донесли вышестоящему начальнику, явно сгустив то, что говорили Булгаковы, извратив смысл их разговоров. И тонко чувствовавший обстановку 30-х годов Булгаков высказал именно эту догадку, а потом ее отбросил как мешающую мечтать о Париже. А так и случилось. Так что счастье, как говорил Карамзин, это судьба, характер и ум. Очень много в жизни Булгакова складывалось в зависимости от его характера, бескомпромиссного, прямодушного, язвительного, не прощающего малейших промахов.

И множество врагов следили за каждым его шагом, за каждым его высказыванием, за каждым гостем, пересекавшим порог его дома. Уверен, что и среди гостей были такие, которые добровольно доносили о разговорах, которые велись в квартире Булгаковых. Елена Сергеевна некоторых из своих посетителей подозревала в доносительстве, по крайней мере, в дневнике есть намеки на это позорное явление того времени.

Естественно, Булгаковы хотели бы сузить круг своих знакомых, бывавших в доме, но популярность Булгакова росла, к нему приходили разные люди с готовыми пьесами, с замыслами, приходили режиссеры, артисты, художники, просто читатели... Зачастили и переводчики, связанные с зарубежными агентствами, режиссеры и исполнители зарубежных постановок.

А уж за этими-то людьми нужен был особый догляд, и в их рядах тоже были добровольные доносчики. Так что жизнь Булгаковых просматривалась со всех сторон. И в этом отношении дневниковые записи Елены Сергеевны — просто бесценные свидетельства времени, к сожалению, испорченные позднейшим редактированием.

Булгаков все чаще в мыслях своих возвращается к «роману о дьяволе», делает новые наброски, новые страницы, но необходимость зарабатывать деньги снова и снова отвлекает его от своего, подлинного: после киносценария «Мертвые души» он вынужден был заключить договор с Украинфильмом на киносценарий по «Ревизору». На очереди переделка «Блаженства»; рождалась, в сущности, новая пьеса.

Все чаще у Булгакова возникала мысль написать пьесу о Пушкине. В феврале 1937 года исполнится сто лет со дня смерти великого национального гения, а Булгаков боготворил Пушкина.

В то время широко распространилась версия о косвенной виновности в гибели Пушкина его жены — Натальи Николаевны, легкомысленной светской красавицы, увлеченной лишь балами и танцами. И Булгаков поверил приводимым серьезными исследователями фактам.

Наталья Николаевна появляется в своем доме вместе с Дантесом, он проводил ее до подъезда, а через несколько минут, как только она осталась одна, он вошел с ее перчатками, забытыми ею в санях. Здесь же, в столовой, рядом с комнатой Александра Сергеевича Пушкина, происходит любовное объяснение Дантеса с Пушкиной, он предлагает ей бежать с ним в другие страны, покинуть детей, мужа, Россию. Он угрожает ей постучать в комнату Пушкина, она в страхе кричит ему: «Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину...»

Работая над пьесой о Пушкине, Булгаков пошел совсем по другому пути, чем в «Мольере», избрал совсем иное композиционное решение. На сцене Пушкин, в сущности, не появляется. Два-три раза на сцене мелькнула его тень, его фигура. И все.

Это своеобразное художественное решение по-разному объясняли. Не без оснований в этом увидели проявление художественного такта. К. Федин, например, писал: «Основное желание Булгакова вполне очевидно: он хотел избежать опошления драгоценного образа великого поэта, попытался изображением общественной среды, в которой жил Пушкин, раскрыть его трагедию» (Литература и искусство, 1943, 24 апр.).

Как и Мольер, Пушкин переживает тяжелую пору. Всюду и везде

его преследуют неудачи, не дают покоя кредиторы, завистники, чиновники и бюрократы в генеральских мундирах. Пока его нет, приходит некто Шишкин, ростовщик, и предъявляет денежный иск, оказывается, «в разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчуга и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями». Ростовщик угрожает продать вещи, «персиянина нашел подходящего». И только отданные под залог «фермуар и серебро» Александры Гончаровой временно спасают положение. Но дело не только в этом. Положение создалось критическое. Жизнь в Петербурге дорого стоит, особенно если жена — красавица. Добрый и преданный Пушкину Никита жалуется на судьбу, на страшное безденежье: «Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Каретнику, аптекарю... В четверг Кародыгину за бюро платить надобно. А заемные письма? Да лишь бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп... И все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...» Много смысла в этих причитаниях старого Никиты — и любовь, и забота, и сожаление, и преданность, и точное определение наметившейся трагедии. Здравый смысл Никиты подсказывает — надо бежать отсюда, добра не будет. Александра Гончарова тоже приходит к выводу, прочитав очередное анонимное письмо, что «в деревню надо ехать». Просит об этом Наталью, жену Пушкина, но та не может себя представить зимой в деревне. «Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... Презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет. Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно. Натурально, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства».

В «Мольере» есть эпизод, в котором раскрывается, в сущности, авторское отношение к доносчикам. При Николае I дело уже было поставлено на широкую ногу. Там были, так сказать, кустари-одиночки, здесь уже появилась целая каста людей, которые живут доносами, сделали это своей основной профессией. На них Николай I опирается в осуществлении своей власти. Уже организовано сыскное отделение с целью выводить крамолу, выслеживать неблагонадежных, тех, кто подтачивает основы государственности. Подбирают черновики, брошенные в корзину неосторожным Пушкиным, переписывают неопубликованные его стихи с целью передачи их в жандармское управление, поручают Биткову следить за ним всюду и везде, передавать все, что он говорил, с кем говорил, что написал, кому написал, подслушивают его разговоры.

Драма построена так, что действующие лица только и говорят о Пушкине — дурно или восторженно. Он занимает умы людей своего круга. Он вселяет беспокойство в Николая, Бенкендорфа, Дубель-

та, Кукольника; его ненавидит Петр Долгоруков за эпиграмму, в которой Пушкин зло его высмеял. За ним пристально следит действительный статский советник Богомазов, получивший 30 червонцев от Дубельта за черновик письма к Геккерену, в котором Пушкин вызывал его на дуэль. Словом, работает хорошо налаженная машина, в которой каждый винтик действует четко и безотказно.

Николай люто ненавидит Пушкина за непокорство, за самостоятельность, за стремление быть самим собой, за стихи, разоблачающие тупость самодержавия, за все возрастающую популярность его среди мыслящей части народа. Он готов обрушить свой царский гнев на Пушкина только за то, что тот явился на бал во «фрачишке», а не в мундире камер-юнкера, присвоенном ему императором. Тяжелым взором вглядывается император в черный силуэт Пушкина. Он весь кипит от негодования. Ему нужен только повод для расправы над непокорным поэтом. И лишь Жуковский умоляет императора не гневаться и не карать Пушкина своей немилостью. Он все еще надеется, что Пушкина можно исправить, можно по-отечески внушить ему правильное поведение, заставить его соблюдать светские нормы, ссылается на ложную систему воспитания, на общество, в котором Пушкин провел юность, пытается доказать Николаю, что он совсем стал другим, стал «восторженным почитателем» императорского величества, призывает быть снисходительным к поэту, который призван составить славу отечества. Только у Жуковского, пожалуй, нет зависти к гению Пушкина. Он по-прежнему относится к своему ученику как добрый дядюшка, пытается его урезонить, направить по верному пути, а это значит — стать таким, как все, лицемерить, притворяться, говорить любезности гаденькому, но влиятельному человечку. Жуковский в канун дуэли пытается предупредить Пушкина о готовящейся расправе над ним — Дантес великолепно стреляет: туз — десять шагов, а царь раздражен, мог запретить дуэль, но не запретил. Только что ему были прочитаны новые тайные стихи Пушкина.

В России нет закона,
А — столб, и на столбе корона.

«Этот человек способен на все, исключая добра, — говорит Николай в присутствии своих верных сыщиков Бенкендорфа и Дубельта. — Ни благоволения к божеству, ни любви к отечеству... Ах, Жуковский! Все заступается... И как поворачивается у него язык!.. Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина... Он дурно кончит... Позорной жизни человек ничем и никогда не смоет перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански».

В этих словах Николая I приговор своенравному поэту. Бенкендорфу, понимавшему с полуслова своего повелителя, все ясно. Участь поэта была решена. И хотя Николай повелел «поступить с дуэлянтами по закону», то есть арестовать их и запретить дуэль, но тут

же добавил: «Примите во внимание — место могут изменить». И Дубельту после этой фразы все становится ясно: нужно только сделать вид, проявить старание, исполнительность в выполнении указания, а на самом деле дуэль должна состояться. Разговор этот совершенно лишен смысла, если не принимать во внимание интонации. Далее происходит тот же лицемерный разговор, в котором огромный смысл приобретает подтекст: Бенкендорф еще раз напоминает, «чтоб люди не ошиблись, а то поедут не туда». Дубельт хорошо понимает своего начальника и посылает своих подчиненных именно «не туда», где происходила дуэль.

Драма о Пушкине еще не завершена, а пришлось отложить ее, потому что возобновились репетиции «Мольера». Много лет уже тянулась история с постановкой «Мольера», то ярко вспыхивала, то угасала вновь. 5 марта 1935 года режиссер Н. М. Горчаков показал Станиславскому всю пьесу, кроме картины «Смерть Мольера». По воспоминаниям Н. М. Горчакова, старый мастер смотрел репетиции очень хорошо, с живейшим интересом, он сочувствовал героям, улыбался во время комедийных сцен. Потом в присутствии артистов, Н. М. Горчакова и М. А. Булгакова он высказал свои замечания. Эти замечания Станиславского записал помощник режиссера В. В Глебов: «Считает, что спектакль и пьеса требуют доработки. Главный недостаток С. видит в односторонней обрисовке характера Мольера, в принижении образа гениального художника, беспощадного обличителя буржуа, духовенства и всех видов шарлатанов».

«Когда я смотрел, я все время чего-то ждал... Внешне все сильно, действенно... много кипучести, и все же чего-то нет. В одном месте как будто что-то наметилось и пропало. Что-то недосказано. Игра хорошая и очень сценичная пьеса, много хороших моментов, и все-таки какое-то неудовлетворение. Не вижу в Мольере человека огромной мощи и таланта. Я от него большего жду... Важно, чтобы я почувствовал этого гения, непонятого людьми, затоптанного и умирающего. Я не говорю, что нужны трескучие монологи, но если будет содержательный монолог, — я буду его слушать... Человеческая жизнь есть, а вот артистической жизни нет. Может быть, слишком ярка сценическая форма и местами убивает собой содержание».

В спектакле «много интимности, мещанской жизни, а взмахов гения нет».

С. вступает в спор с М. А. Булгаковым, который утверждает, что Мольер «не сознавал своего большого значения», своей гениальности. И Булгаков «стремился, собственно, дать жизнь простого человека» в своей пьесе.

«Это мне совершенно неинтересно, что кто-то женился на своей дочери, — возражает С. — ...Если это просто интим, он меня не интересует. Если же это интим на подкладке гения мирового значения, тогда другое дело». Мольер «может быть наивным, но это не значит, что нельзя показать, в чем он гениален».

С. предлагает расставить нужные акценты («крантики, оазисы»), которые «придадут всей пьесе и спектаклю иное звучание» (цитирую по книге И. Виноградской «Жизнь и творчество К. С. Станиславского», летопись, т. 4, 1927—1938. с. 396—397).

Павел Сергеевич Попов, видимо, выражал в эти дни соболезнование Булгакову в том, что киношники затравили его, требуя от него доработки сценария «Мертвых душ». И потому Булгаков в письме от 14 марта 1935 года писал ему: «...Не одни киношники. Мною многие командуют.

Теперь накомандовал Станиславский. Прогнали для него «Мольера» (без последней картины, не готова), и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер — гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: — Пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать. Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять! Поглаживая по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, не нужно! И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя — идти на войну — значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!

Что это такое, дорогие граждане?..»

Булгаков переделал картины «Ужин короля» и «Собор», внес небольшие поправки и в другие сцены, так, больше для видимости, чем по существу.

В апреле Станиславский провел несколько репетиций «Мольера», «беседует с исполнителями об образах, разбирает роли по линии физических действий, уточняет главное, наиболее существенное в каждом куске и сцене, выявляет отношение каждого действующего лица к Мольеру», «учит актеров типичным для мольеровского времени манерам, ритуалам, жестам, демонстрирует походку архиепископа, как он благословляет короля, как дамы играют своим весом, как кланяются аристократы и т. д.» (цитирую запись В. В. Глебова по книге И. Виноградской «Жизнь и творчество Станиславского», с. 403).

Переделки пьесы не удовлетворяют Станиславского, и он снова возвращается к тексту пьесы, настаивает на том, чтобы автор вновь взялся за доработку пьесы, считает, что автор обкрадывает сам себя и сам себе вредит, потому что в пьесе «много исторически неверного». Булгаков наотрез отказался вставлять в свою пьесу подлинные

тексты произведений Мольера, вспоминал позднее Н. Горчаков, для того чтобы, по мнению Станиславского, показать Мольера гениальным комедиографом.

На одной из репетиций В. Я. Станицын, игравший роль Мольера, почувствовал, что Станиславский добивается от него исполнения совсем другого характера Мольера, а не того, каким он изображен у Булгакова. Станицын сказал об этом Станиславскому, но Станиславский настаивал на своем понимании Мольера, считая, что главное в его жизни, что он боролся и его задавили, а не то, что он подличал. Самое опасное, говорил Станиславский, если получится Мольерчик. Мольерчика, конечно, никто не хотел, и прежде всего сам Булгаков.

И в дальнейшем, репетируя «Мольера», Станиславский стремился вложить в игру актеров и актрис несколько другой смысл драмы, чем задумал Булгаков Драма Мольера приобретала совсем иной характер, а Станиславский все еще надеялся, что автор «сам местами пересмотрит свою пьесу». Его не удовлетворяет текст, он фантазирует, предлагает свои варианты картин, реплик... И написанные Булгаковым картины распадаются, текст взламывается, все нужно создавать заново.

Запись репетиции 17 апреля была послана М. А. Булгакову. 22 апреля в письме Станиславскому Булгаков писал по поводу этой записи: «Ознакомившись с нею, я вынужден категорически отказаться от переделок моей пьесы «Мольер», так как намеченные в протоколе изменения по сцене Кабалы, а также намеченные текстовые изменения по другим сценам, окончательно, как я убедился, нарушают мой художественный замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, так как в корне с нею не согласен.

Если Художественному театру «Мольер» не подходит в том виде, как он есть, хотя театр и принимал его именно в этом виде и репетировал в течение нескольких лет, я прошу Вас «Мольера» снять и вернуть мне» (цитирую по книге И. Виноградской, с. 407).

В ходе многочисленных репетиций «Мольера» возникли противоречия не только между драматургом и режиссером, но и противоречия между актерами и режиссером. Пришлось постановку «Мольера» заканчивать Немировичу-Данченко.

Булгаков во время этого конфликта со Станиславским почти совсем отошел от репетиций «Мольера», и порой ему казалось, что он возненавидел Художественный театр вообще.

Заканчивался сезон в Художественном театре, репетиции «Мольера» со Станиславским практически мало что дали: спектакль по-прежнему был не готов к представлению.

Весной и летом 1935 года М. Булгаков шлифовал пьесу «Пушкин», читал ее в присутствии своего соавтора В. В. Вересаева, спорил с ним, отстаивая, как и в споре со Станиславским, свое право на собственный художественный замысел, на собственное видение

того, что предстало перед ним после изучения биографических книг о Пушкине и его времени, после изучения последних дней его жизни.

18 мая 1935 года М. А. Булгаков читал пьесу о Пушкине у себя дома в 12 часов дня, как свидетельствует Е. С. Булгакова, в присутствии В. В. Вересаева, его жены М. Г. Вересаевой, а также артистов вахтанговского театра: Л. П. Русланова, И. М. Рапопорта, Б. В. Захавы и А. О. Горюнова.

На следующий день В. В. Вересаев послал М. Булгакову письмо, с которого и началась эта переписка о пьесе «Александр Пушкин». В. В. Вересаев писал, что он ушел от Булгаковых «в очень подавленном настроении». Конечно, он понимает, что пьеса еще будет отделываться, но ему уже сейчас ясно, что ни одно из его предложений не было учтено автором: «Боюсь, что теперь только начнутся для нас подлинные тернии «соавторства». Я до сих пор минимально вмешивался в Вашу работу, понимая, что всякая критика в процессе работы сильно подсекает творческий подъем. Однако это вовсе не значит, что я готов довольствоваться ролью смиренного поставщика материала, не смеющего иметь суждение о качестве использования этого материала...»

И действительно, как и предвидел В. В. Вересаев, начались подлинные тернии соавторства.

Наконец Булгаков предлагает Вересаеву предоставить ему полную свободу в доработке готовой пьесы, после этого Вересаев ознакомится с окончательным экземпляром и примет решение, подписывать ли ему вместе с Булгаковым эту пьесу или отказаться от собственной подписи. «Чем скорее Вы мне дадите ответ, тем более облегчите мою работу. Я, Викентий Викентьевич, очень устал».

22 августа 1935 года Вересаев писал Булгакову: «Иного ответа я от Вас и не ожидал. Мне ясен основной источник наших несогласий — органическая Ваша слепота на общественную сторону пушкинской трагедии... Мы говорим на разных языках... Я за лето измучил Вас, Вы измучили меня. Оба мы готовы друг друга ненавидеть. Дальше идти некуда. Делайте с пьесой, что хотите, отдавайте в театр в том виде, в каком находите нужным. Я же оставляю за собой право, насколько это для меня окажется возможным, бороться за устранение из Вашей прекрасной пьесы часто изумительно ненужных нарушений исторической правды и усиления ее общественного фона...»

Слухи, конечно, просочились в широкие театральные и литературные московские круги. Но пока никак не отразились на судьбе пьесы. Вахтанговцы и мхатовцы твердо намеревались поставить пьесу к 100-летию со дня гибели Пушкина.

Осенью 1935 года возобновились репетиции «Мольера». Н. М. Горчаков и М. А. Булгаков чуть ли не ежедневно работали с актерами, подгоняли декорации и костюмы вместе с сотрудниками театра. Премьера приближалась... 31 декабря спектакль посмотрел В. И. Немирович-Данченко, решивший в оставшееся до премьеры время кое-что уточнить, помочь актерам в завершении созданных ими образов. 14 репетиций, проведенных Станиславским, сказал он, не так уж

много дали, но за результат этого спектакля он не боялся, в целом он будет принят хорошо. Плохо только то, что работая над пьесой, все время хотели ее переделать, изменить авторский замысел. На одной из репетиций исполнитель роли Мольера Станицын спросил Немировича-Данченко: «Как до конца докопаться до основной линии Мольера?» И Немирович-Данченко указал на односторонность в раскрытии образа Мольера, у Станицына Мольер — только актер: «А нам важно, что он актер и писатель. Актер-комик — это только характерность, а главное — писатель. Я от этого и шел. Я иду диалектическим путем. Не может быть, чтобы писатель мог мириться с насилием, не может быть, чтобы писатель не насиловал свою свободу. Таких пьес не бывало, чтобы весь высказался. Цензура не допускала, чтобы гений был революционен. Возьмите, для примера, Пушкина. У писателя есть всегда чувство, что он в себе что-то давит. Вот это чувство я считаю одним из самых важных элементов в образе Мольера».

Но мало что удалось сделать и Немировичу-Данченко. Он провел всего лишь одиннадцать репетиций, изменить стиль представления оказалось невозможным, а не выпустить спектакль на публику он уже не имел права... Столько лет режиссеры и актеры, художники и автор ждали этого спектакля, столько положили сил на его постановку.

Ничто не предвещало драматического конца этого спектакля. Надеялся на благополучный исход истории с «Мольером» и Булгаков. Во всяком случае, Е. С. Булгакова 17 января 1936 года писала матери: «Живем мы чудесно. Правда, за последние два месяца очень устали, так как Миша взял перевод одной мольеровской комедии с французского и пришлось много работать. Вчера только его закончили, вернее,— я переписку, и вздохнули с облегчением. Из-за этого перевода пропустили массу чудных дней — не могли походить на лыжах... На днях генеральная «Мольера».

В эти зимние месяцы Булгаковы часто бывали в Большом театре, познакомились с композиторами С. С. Прокофьевым и Д. Д. Шостаковичем, дирижером А. Ш. Мелик-Пашаевым, в разговорах с ними возникала идея создать оперу о Пушкине. Удар по этим замыслам был нанесен с неожиданной стороны: 28 января 1936 года появилась разгромная статья об опере Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», поставленной Немировичем-Данченко в Музыкальном театре. Статья называлась «Сумбур вместо музыки». Сразу же после генеральной репетиции «Мольера», состоявшейся 5 февраля, была опубликована статья «Балетная фальшь» о балете «Светлый ручей» все того же Д. Д. Шостаковича.

15 февраля 1936 года наконец-то состоялась премьера «Мольера». Успех был несомненный, с бурными аплодисментами и вызовами автора. Одно за другим последовало семь представлений «Мольера». Появились первые рецензии, первые отзывы: чувствовалось, что общественное мнение формируют давние гонители М. А. Булгакова. О. Литовский в «Советском искусстве» 11 февраля 1936 года, за несколько дней до премьеры, писал, что фигура Мольера «получается

недостаточно насыщенная, недостаточно импонирующая, образ суховат». 15 февраля, в день премьеры, в газете театра «Горьковец» были опубликованы отзывы о спектакле Вс. Иванова, Ю. Олеши, А. Афиногенова, которые во всех недостатках спектакля обвиняли драматурга, а А. Афиногенов прямо заявил, что провал спектакля — «урок печальный и поучительный». Сдержанно высказался о своем Мольере М. А. Булгаков, напомнив, что Мольер «был велик и неудачлив», что в нем уживалось множество противоречивых черт, как и во всяком человеке, и гений в этом смысле — не исключение. Режиссер Н. Горчаков рассказал о работе над пьесой, жанр которой он с легкой руки Немировича-Данченко определил как «историческая мелодрама».

И все это говорилось до премьеры и в день премьеры, а уж потом... Шумный успех «Мольера» у зрителей порождал зависть, братья-писатели из бывших рапповцев опасались повторения такого же успеха, как получилось с «Днями Турбиных». И в газете «Правда» появилась редакционная статья под названием «Внешний блеск и фальшивое содержание», в которой полностью уничтожался спектакль, в основе которого была реакционная, дескать, негодная пьеса. Получалось, что Булгаков извратил и опошлил в своей пьесе историю жизни Мольера, а МХТ поставил своей задачей поразить зрителя блеском дорогой парчи, шелка, бархата и всякими «побрякушками». Театр упрекали в том, что он не жалел «затрат на эту шикарную внешность». Статья эта была опубликована 9 марта, а 10 марта 1936 года «Литературная газета» опубликовала статью Б. Алперса под названием «Реакционные домыслы М. Булгакова», в которой гневно говорилось не только о «Мольере», но и о «Пушкине», которого только предполагалось поставить. 10 марта объявленный «Мольер» был срочно заменен и больше не возобновлялся. А критики добивали «Мольера», и не только критики. Вс. Мейерхольд 14 марта, то есть через пять дней после статьи в «Правде», говорил: «Я сам присутствовал на этом спектакле и у молодого режиссера Горчакова в целом ряде мизансцен, красок, характеристик, биографий видел худшие времена моих загибов. Надо обязательно одернуть, ибо получается, что пышность дана потому, что Горчакову нравится пышность, а добросовестный режиссер обыкновенно очень боится пышности на сцене, так как это яд, с которым можно преподнести публике такую тухлятину, что люди задохнутся».

Казалось бы, все сводилось к тому, чтобы вновь занести меч над головой и на этот раз опустить его без всякой пощады. Но тут произошло одно событие, которое показывает, что все не так уж безнадежно. 16 марта 1936 года О. С. Бокщанская писала В. Немировичу-Данченко: «...Владимир Иванович, совсем по секрету, потому что я знаю, что М. А Булгаков оторвал бы мне голову, если бы узнал, что я без его ведома и спроса рассказываю о нем. Сегодня утром он вызывался к Керженцеву (председатель комитета по делам искусств.— *В.П.*), пробыл у него полтора часа. После этого он был в театре, сказал мне об этом факте, а когда я спросила, о чем был разговор,

то он ответил, что дело шло о будущей работе, что он еще весь под впечатлением множества мыслей, что он «даже еще не успел рассказать» и т. п. Словом, впечатление у меня такое, что ему хотели дать понять, что унывать от статьи он не должен и что от него ждут дальнейшей работы. Я его спросила: что ж, это был «социальный заказ»? Но точного определения, что это было, я так и не получила. Сказал он об этом свидании случайно, потому что Керженцев просил его позвонить ему через какой-то срок, а телефона керженцевского он не знает. Вот он за ним и пришел ко мне Возможно, что дальше Михаил Афанасьевич и не будет делать из этого секрета, но вначале он всегда «засекречивает» свои мысли и поступки» (ГБЛ, ф. 562, к. 62, ед. хр. 8).

Это важное письмо, оно многое объясняет в дальнейшей судьбе М. А. Булгакова. Конечно, он понимал, что с «Мольером» покончено, но оставался еще «Иван Васильевич», над постановкой которого Театр сатиры продолжал работать. Конечно, после статьи в «Правде» театр тут же предложил Булгакову кое-что переделать в пьесе, внести кое-какие исправления в роль инженера Тимофеева. 15 апреля он сдал исправленную пьесу, а 11 мая, присутствуя на репетиции, он понял, что театр провалит и эту пьесу. Так оно и случилось: 13 мая «Иван Васильевич» был изъят из репертуара Театра сатиры. Оставался еще «Пушкин», но 19 мая вахтанговцы обратились к Булгакову с просьбой доработать пьесу.

Булгаков твердо решил ни «Мольера», ни «Ивана Васильевича», ни «Пушкина» не дорабатывать. Пожалуй, лучше всего в этот трудный период взяться за перевод комедии «Виндзорские проказницы», и он в эти дни заключил договор с МХТом.

Летом 1936 года Булгаковы побывали в Киеве, где МХТ показывал «Дни Турбиных», потом вернулись в Москву. 17 июня Булгаков начал работать над либретто оперы «Минин и Пожарский» по договору с Большим театром, музыку писал композитор Б. В. Асафьев. Меньше месяца работал над либретто, черновая редакция либретто была закончена, как свидетельствуют документы, 6 июля. «У Миши очень много работы, и все срочная, к осени,— писала матери Е. С. Булгакова 11 июля 1936 года — Так что и сейчас все время диктует. И летом, когда поедем отдыхать на месяц в Синоп (под Сухуми), будет работать Оба мы устали страшно. Все время думали, вот эту работу сдаст, и отдохнем. И все надо было дальше работать, без отдыха. Когда-то это будет?»

Булгаков с удовольствием ухватился за возможность создать героико-патриотическую оперу. За несколько месяцев до этого он решил принять участие в создании учебника по истории СССР, делал кое-какие наброски, заготовки, выписки, много размышлял после прочитанного. Так что Булгаков был готов для создания либретто о Минине и Пожарском и Смутном времени.

Август Булгаковы прожили в Синопе, Михаил Афанасьевич переводил «Виндзорских кумушек», Елена Сергеевна переписывала им переведенное, а потом, вечерами, подолгу разговаривали с П. Мар-

ковым и Н. Горчаковым. Все чаще стали замечать диктаторский тон Горчакова, пытавшегося поучать Булгакова, давать ему советы, как исправить «Мольера» и как ему переводить «Виндзорских кумушек». П. Марков обещал Булгакову защитить его от диктата режиссера, но Булгаков понял, что и эта комедия, как он ее задумал переводить, не получит одобрения театра.

Вскоре Булгаковы уехали в Тифлис, потом во Владикавказ.

Все эти дни Булгаков думал о своих взаимоотношениях с Художественным театром, который не сумел защитить его «Мольера». Можно ли после случившегося делать вид, что все осталось по-старому? Так же ходить на службу в качестве ассистента-режиссера? Покорно выслушивать всякие глупости старших по чину? После гибели «Мольера» он не мог больше оставаться в Художественном театре. И 15 сентября 1936 года Булгаков подал прошение об отставке; накануне художественный руководитель Большого театра С. А. Самосуд предложил ему работу в Большом театре: Булгаков не мог оставаться, как он сам говорил, в «безвоздушном пространстве», ему нужен был заработок и нужна была окружающая среда, лучше всего — театральная».

5 октября 1936 года Булгаков в письме П. С. Попову рассказывает о событиях последних дней и о своих чувствах, в эти дни переживаемых: «...У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном Театре и разорвал договор на перевод «Виндзорских».

Довольно! Все должно иметь свой предел.

Позвони, Павел! Сговоримся, заходи ко мне. Я по тебе соскучился. Елена Сергеевна долго хворала, но теперь поправляется.

Прикажи вынуть из своего погреба бутылку Клико, выпей за здоровье «Дней Турбиных», сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей. Снимаю перед старухой свою засаленную писательскую ермолку, жена меня поздравляет, в чем и весь юбилей...»

Нет, не открылась дверь в этот день и не появилась депутация от Станиславского и Немировича-Данченко с адресом и подношением автору по случаю юбилея... Да и что они могли написать в адресе? Указать все его искалеченные и погубленные пьесы? А в качестве ценного подношения избрать большую медную кастрюлю, наполненную тою самою кровью, которую они выпили из него за десять лет? Никто такой юбилей праздновать не собирался и не собирается...

Булгаков твердо убежден, что во всех его театральных неудачах виноваты Станиславский и Немирович-Данченко, утратившие в эти годы былую смелость, новаторство, остроту первооткрывателей. Все заметнее в их творчестве были черты приспособленчества и конформизма. В дневнике Елены Сергеевны можно обнаружить некоторые факты, подтверждающие эти мысли: «13 сентября 1935 года. М. А. сказали, что роль еврея в «Турбиных» выкинул К. С. А тогда говорили — «по распоряжению сверху». 18 сентября 1935 года. «Оля говорит, что Немирович в письмах ей и Маркову возмущался К. С.-ом и вообще Театром, которые из-за своих темпов работы потеряли лучшего драматурга, Булгакова.

Когда я это рассказала М. А., он сказал, что первым губителем, еще до К. С. был именно сам Немиров» (Дневник, с. 102—103).

Но были и радости и надежды — радостное знакомство с композитором Борисом Владимировичем Асафьевым и надежды на скорую постановку оперы «Минин и Пожарский», которую они закончили в октябре 1936 года. Вот две телеграммы, которыми они обменялись. 17 октября: «Вчера шестнадцатого кончил нашу оперу приветы. Асафьев». «Радуюсь горячо приветствую хочу услышать. Булгаков».

С редким единодушием работали над оперой Булгаков и Асафьев Казалось бы, многое разделяло их. Борис Владимирович Асафьев — профессор-музыковед, автор вышедшей в 1930 году книги «Русская музыка», многочисленных статей по истории и теории музыки, композитор, автор балетов «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» — был человеком сдержанным, суховатым, человеком академического толка. И Булгаков — актер, режиссер, писатель, любивший шутку, мистификации, розыгрыши. Но была у Булгакова и Асафьева общая любовь — любовь к русской истории, особенно к тем эпохам в истории России, которые принято называть переломными. Что-то общее у них было и в судьбе, которая одинаково немилостива была по отношению к ним. Не случайно ведь в одном из первых своих писем Булгакову, 23 июля 1936 года, получив либретто «Минина и Пожарского», Асафьев, в частности, писал: «... Пишу Вам, чтобы еще раз сказать Вам, что я искренне взволнован и всколыхнут Вашим либретто. Вы не должны ни нервничать, ни тревожиться. Я буду писать оперу, дайте только отдышаться и дайте некоторое время еще и еще крепко подумать над Вашим текстом в связи с музыкальным действием, то есть четко прощупать это действие. ...Умоляю, не терзайте себя. Если б я знал, как Вас успокоить! Уверяю Вас, в моей жизни бывали «состояния», которые дают мне право сопереживать и сочувствовать Вам: ведь я тоже одиночка. Композиторы меня не признают... Музыковеды, в большинстве случаев, тоже. Но я знаю, что если бы только здоровье, — все остальное я вырву у жизни. Поэтому, прежде всего, берегите себя и отдыхайте...»

Либретто оперы Булгаков начал с одного из драматических эпизодов Смутного времени: русский патриарх Гермоген, прикованный к стене кремлевской темницы, испытывает нравственные муки оттого, что в Московском Кремле он постоянно слышит католический хор, поющий по-латыни. Два года Гермоген рассылал грамоты, призывающие русский народ ко всеобщему восстанию против польских захватчиков, но лишь малые дружины поднимались на борьбу, не нашлось пока силы, которая могла бы объединить народ в это время смуты и разброда, в это время Семибоярщины. Лучше смерть, чем слышать, «как чужеземцы поют заутреню в Кремле». Но через потайной ход в Кремле к Гермогену проникает отважный Илья Пахомов, сын посадский, и приносит важную весть: «Пришла к нам смертная погибель! Остался наш народ с одной душой и телом, терпеть не в силах больше он. В селеньях люди умирают,— отчизна кровью залита. Нам тяжко вражеское иго. Отец, взгляни, мы погибаем!

Меня к тебе за грамотой прислали, а ты в цепях, цепях, несчастный! Горе нам!»

Гермоген. «Мне цепи не дают писать, но мыслить не мешают. Мой сын, пока ты жив, пока еще на воле, спеши в Троице-Сергиевский монастырь. Скажи, что Гермоген смиренный велел писать народу так: идет последняя беда!.. И если не поднимется народ, погибнем под ярмом, погибнем!»

Гермоген доволен: «Не оскудела храбрыми земля и век не оскудеет». Но Илья Пахомов попался в лапы немецких драбантов, охранявших Кремль, удалось лишь бежать его спутнику — гонцу Мокееву, который побывал в Троице-Сергиевском монастыре и привез Минину грамоту, призывающую народ русский к восстанию против поработителей. А незадолго до появления Мокеева ранним осенним утром горько размышляет нижегородский староста Козьма Минин: «Рассвет! Я третью ночь не сплю, встречая рассвет осенний и печальный, и тщетно жду гонцов с вестями из Москвы. Их нет, и ночи тишину не нарушает топот их коней. О, всевеликий Боже, дай мне силы, вооружи губительным мечом, вложи в уста мне огненное слово, чтоб потрясти сердца людей и повести на подвиг освобождения земли!..»

Появляется Мокеев, приемная дочь Минина Мария, она тоже с нетерпением ждет гонцов из Москвы, потому что один из них — Илья Пахомов, ее жених. Мокеев рассказывает Минину и Марии о том, что произошло в Москве, о том, что он побывал в Троице и привез грамоту, которая весь народ зовет на подвиг во имя спасения отчизны. «Дай грамоту сюда, она дороже злата! — восклицает Минин. — Гонец, ты послужи еще! Я дам тебе коня, и ты без отдыха скачи сейчас, скачи сейчас к Пожарскому в деревню и привези его сюда к полудню завтра... Скажи, что ждем его на дело государства!»

Пожарский участвовал в битве, ранен; «он изувеченный лежит!» — кричит Мокеев, но Минин уговаривает Мокеева: «Шепни, чтобы не мешкал! Скажи, что грамота пришла, пришел наш час! Скажи, зову его на подвиг — царство спасать!»

На Лобном месте, у Собора в Нижнем Новогороде — воеводы, старосты, стряпчие, слепцы, «народ», «женщины в народе», Минин, Пожарский, «женский хор», «мужской хор»... Здесь, на Лобном месте происходит борение различных страстей, но, поддержанные народом, побеждают Минин и Пожарский. «полякам смерть», «освободим отечество или погибнем», «никто чтоб смерти не боялся», «а будет так, тогда врагу настанет последний... судный час». «Судный час» — эту фразу произносят «все».

Действительно, эти сцены сделаны просто превосходно, здесь сольные партии Минина и Пожарского, Марии, Биркина органично сочетаются с хоровыми, народными, в которых выражены настроения разных социальных групп.

Не знаю музыки Б. В. Асафьева, но читаю либретто, и как живые встают передо мной Минин и Пожарский, Мария, Гермоген, польский ротмистр Зборовский, гетман литовский Ходкевич, поля-

ки, казаки, русский люд, поднявшийся за свое освобождение... Кострома, куда сходились русские рати, подкрепленные татарами: «за строем татар идет строй мордовский» — дает ремарку Булгаков при описании народных массовых сцен. «За мордовским строем опять русский строй и с ним едет Пожарский» — вот еще одна ремарка Булгакова, который хотел тем самым подчеркнуть, что восстание действительно было всенародным, охватившим все народы, входившие в тогдашнюю Россию. Русские, татары, мордва...

Б. Асафьев, закончив первоначальный вариант оперы в октябре 1936 года, конечно, продолжал работать, отделывая и совершенствуя партитуру. И как внимательный исследователь хоровой песни, споткнулся как раз на этом месте, которое я только что привел: мордовский строй исполняет хоровую песню, в которой славят князя Дмитрия... Асафьев просмотрел чуть ли не все книги, в которых авторы касаются Смутного времени, и ни в одной из них не обнаружил сведений об участии мордвы в освободительном движении. Он прочитал книгу Н. П. Чичагова о жизни князя Пожарского и гражданина Минина, «Очерки по истории Смуты...» С. Ф. Платонова, очерки о мордве П. И. Мельникова-Печерского, просмотрел «занятную книжечку» И. Беляева о составе армий и ополчений до Романовых, но нигде не нашел об участии мордвы в ополчении Минина и Пожарского. А хоровая песня получилась... Что делать?

В конце ноября 1936 года дирекция Большого театра командировала дирижера Мелик-Пашаева и Булгакова в Ленинград для прослушивания музыки Асафьева. Впервые за четыре года совместной жизни Михаил Афанасьевич Булгаков покинул Елену Сергеевну на несколько дней.

29 ноября Елена Сергеевна записывает в дневнике: «Послала М. А. телеграмму. Ночью, в два часа, он позвонил по телефону. Сказал, что музыка хороша, есть места очень сильные. Что поездка неприятная, погода отвратительная, город в этот раз не нравится.

Клавир перешлет Асафьев через несколько дней, он печатается в Ленинграде» (Дневник, с. 126).

«Без него дома пусто», — записывает Елена Сергеевна, а 1 декабря утром она встречала его на вокзале. — «Приехал. Ленинград произвел на него удручающее впечатление... Единственный светлый момент — слушание «Минина». Асафьев — прекрасный пианист — играет очень сильно, выразительно. И хотя он был совсем простужен и отчаянно хрипел — все же пел, и все же понравилось М. А.» (там же).

12 декабря 1936 года Асафьев писал Булгакову: «Приезд Ваш и Мелика вспоминаю с радостью. Это было единственно яркое происшествие за последние месяцы в моем существовании: все остальное стерлось. При свидании нашем я, волнуясь, ощутил, что я и человек, и художник, и артист, а не просто какая-то бездонная лохань знаний и соображений к услугам многих, не замечающих во мне измученного небрежением человека. Я был глубоко тронут чуткостью Вас обоих...»

Все шло нормально, 20 декабря привезли клавир из Ленинграда, надо было кое-что изменить в тексте, и Михаил Афанасьевич побывал у Мелик-Пашаева, чтобы выправить экземпляр. 24 декабря Булгаковы были у Мелик-Пашаева, сыгравшего им «Минина». «Очень хорошо — вече в Нижнем и польская картина», — отметила Елена Сергеевна в дневнике.

По потом началась обычная кутерьма, как только прослушивать стали власть имущие.

27 декабря состоялось прослушивание и обсуждение «Минина» в Большом театре. Елена Сергеевна оставила ценное свидетельство: «Пианист Большого театра Васильев играл «Минина». Слушали: Керженцев, Самосуд, Боярский, Ангаров, Мутных, Городецкий, М. А. и Мелик.

После — высказывания, носившие самый сумбурный характер.

Ангаров: А оперы нет!

Городецкий: музыка никуда не годится!

Керженцев: Почему герой участвует только в начале и в конце? Почему его нет в середине оперы?

Каждый давал свой собственный рецепт оперы, причем все рецепты резко отличались друг от друга.

М. А. пришел оттуда в три часа ночи в очень благодушном настроении, все время повторял:

— Нет, знаешь, они мне все очень понравились...

— А что же теперь будет?

— По чести говорю, не знаю. По-видимому, не пойдет.

28 декабря. Звонил Мелик, говорит мне:

— Воображаю, что вы бы наговорили, если бы были на этом обсуждении!

29 декабря. В «Советском искусстве» заметка, что «Минин» принят к постановке в этом сезоне.

Позвольте?!» (Дневник, с. 127—128).

В эти дни Булгаков начал писать «Записки покойника», достал заветную тетрадку, начатую еще в 1929 году, перечитал написанное и стал заново писать свой театральный роман.

Роман о дьяволе Булгаков закончил в Загорянске, летом во время отдыха. Глава «Последний полет» датирована 6 июля 1936 года. Здесь Булгаков попытался завершить судьбы полюбившихся ему героев, но и этот конец не удовлетворял его:

«Амазонка повернула голову в сторону мастера, она резала воздух хлыстом, ликовала, хохотала, манила, сквозь вой полета мастер услышал ее крик:

— За мной! Там счастье!

Очевидно, она поняла что-то ранее мастера, тот подскакал к Воланду ближе и крикнул:

— Куда ты влечешь меня, о великий Сатана?

Голос Воланда был тяжел, как гром, когда он стал отвечать.

— Ты награжден. Благодари, благодари бродившего по песку Ешуа, которого ты сочинил, но о нем более никогда не вспоминай.

Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил. Ты будешь жить в саду, и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом, как цепляясь ползет по стене...»

Булгаков, перечитывая эти строчки, резко подчеркнул слова: «Ты награжден. Благодари, благодари бродившего по песку Ешуа».

Нет, и этот конец романа не мог удовлетворить Булгакова, слишком идиллический конец он предопределил мастеру и Маргарите, мало кто поверит такому концу.

И Булгаков вновь отложил работу над романом о дьяволе до лучших времен. Много еще было неясностей в творческом замысле, требовались раздумья и раздумья. А главное — возникали сомнения в нужности его. Стоит ли вообще тратить время на роман, заранее обреченный на то, чтобы лежать в письменном столе... К тому же неотложные дела переполняли его жаждущую успеха художническую душу.

Это издание стало возможным благодаря *Светлане Викторовне Кузьминой* и *Вадиму Павлиновичу Низову*, руководителям АКБ «Общий», благодаря генеральному директору ПКП «Регитон» *Вячеславу Евграфовичу Грузинову*, благодаря председателю Совета «Промстройбанка» *Владимиру Ивановичу Шимко* (увы, покойному, о безвременной кончине которого узнал с великой скорбью) и председателю Правления «Промстробанка» *Якову Николаевичу Дубенецкому*, благодаря генеральному директору фирмы «МЕТКАБ» *Ларисе Григорьевне Боронко*, благодаря заместителю генерального директора фирмы «ЭЛЕКТРОСЕРВИС» *Алексею Васильевичу Боронко*, благодаря генеральному директору фирмы «ИММ» *Михаилу Владимировичу Баринову*, оказавшим материальную помощь издательству «Голос», отважно взявшемуся за это уникальное издание.

Виктор ПЕТЕЛИН

2 Зак 1510

БЛАЖЕНСТВО
(СОН ИНЖЕНЕРА РЕЙНА)

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица:

Евгений Николаевич Рейн, инженер.
Соседка Рейна.
Юрий Милославский, по прозвищу Солист.
Бунша-Корецкий, князь и секретарь домоуправления.
Иоанн Грозный, царь.
Опричник.
Стрелецкий голова.
Михельсон, гражданин.
Радаманов, Народный Комиссар Изобретений.
Аврора, его дочь.
Анна, его секретарь.
Саввич, директор Института Гармонии.
Граббе, профессор медицины.
Гость.
Услужливый Гость.
Милиция.

Действие происходит в разные времена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Весенний день. Московская квартира. Передняя с телефоном. Большая комната Рейна в полном беспорядке. Рядом комната гражданина Михельсона, обильно меблированная.

В комнате Рейна, на подставке, маленький механизм. Чертежи, инструмент. Рейн в промасленной прозодежде, небрит, бессонен, работает у механизма. Время от времени, когда Рейну удается настроить механизм, в комнате начинают слышаться долетающие издали приятные музыкальные звуки и мягкие шумы.

Рейн. Триста шестьдесят четыре... Опять тот же звук... Но ничего больше...

За сценою вдруг возбужденный голос соседки: «Селедки... Последний день...», потом глухие голоса, топот ног и стук в дверь Рейна.

Ну, ну! Кто там еще?

Соседка *(войдя)*. Софья Петровна! А Софья Петр... ах, нету ее? Товарищ Рейн, скажите вашей супруге, что в нашем кооперативе по второму талону селедки дают. Чтоб скорее шла. Сегодня последний день.

Рейн. Ничего не могу ей сказать, потому что она еще вчера вечером ушла.

Соседка. А куда ж она пошла?

Рейн. К любовнику.

Соседка. Вот так так! Как же это вы говорите, к любовнику? Это к какому же любовнику?

Рейн. Кто его знает? Петр Иванович или Илья Петрович, я не помню. Знаю только, что он в серой шляпе и беспартийный.

Соседка. Вот так так! Оригинальный вы человек какой! Такого у нас в доме еще даже и не было!

Рейн. Простите, я очень занят.

Соседка. Так что ж, селедки теперь пропадут, что ли?

Рейн. Я очень занят.

Соседка. А она когда придет от этого, беспартийного-то?

Рейн. Никогда. Она совсем к нему ушла.

Соседка. И вы что же, страдаете?

Рейн. Послушайте, я очень занят.

Соседка. Ну, ну... Вот дела? Пока. *(Скрывается.)*

За сценой глухие голоса; слышно: «К любовнику ушла... селедки... последний день...», потом топот, хлопанье двери и полная тишина.

Рейн. Вот мерзавки какие! *(Обращается к механизму.)* Нет, сначала. Терпение. Выберу весь ряд. *(Работает.)*

Свет постепенно убывает, и наконец в комнате Рейна темно. Но все слышны дальние певучие звуки.

Парадная дверь беззвучно открывается, и в переднюю входит Юрий Милославский, хорошо одетый, похожий на артиста человек.

Милославский *(прислушиваясь у двери Рейна).* Дома. Все люди на службе, а этот дома. Патефон починяет. А где же комната Михельсона? *(У двери Михельсона читает надпись.)* Ах, вот! Сергей Евгеньевич Михельсон. Какой замок курьезный. Наверно, сидит в учреждении и думает, какой чудный замок повесил на свою дверь. Но на самом деле этот замок плохой. *(Взламывает замок и входит в комнату Михельсона.)* Прекрасная обстановка. Холостые люди всегда прилично живут, я заметил. Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство. Вот первым долгом и нужно ему позвонить. *(По телефону.)* Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. *(Несколько изменив голос.)* Товарищ Михельсон? Бонжур. Товарищ Михельсон, вы до конца на службе будете? Угадайте. Артистка. Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню. Я очень настойчивая. *(Кладет трубку.)* Страшно удивился. Ну-с, начнем. *(Взламывает письменный стол, выбирает ценные вещи, затем взламывает шкафы, шифоньерки.)* Ампир. Очень аккуратный человек. *(Снимает стенные часы, надевает пальто Михельсона, меряет шляпу.)* Мой номер. Устал. *(Достает из буфета графинчик, закуску, выпивает.)* На чем это он водку настаивает? Прелестная водка! Нет, это не полынь. Уютно у него в комнате. Почитать любит. *(Берет со стола книгу, читает.)* Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы... Красивые стихи. *(По телефону.)* Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Михельсон? Это опять я. На чем вы водку настаиваете? Моя фамилия таинственная. А какой вам сюрприз сегодня выйдет! *(Кладет трубку.)* Страшно удивляется. *(Выпивает.)* Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...

Комната Михельсона угасает, а в комнату Рейна набирается свет. В воздухе вокруг Рейна и механизма начинает возникать слабо мерцающее кольцо.

Рейн. Ага! Светится. Это иное дело.

Стук в дверь.

Ах, чтоб вы провалились, проклятые! Да! *(Тушит кольцо.)*

Входит Бунша-Корецкий, на голове у него дамская шляпа.

Меня дома нет.

Бунша улыбается.

Нет, серьезно, Святослав Владимирович, я занят. Что это у вас на голове?

Бунша. Головной убор.

Рейн. А вы посмотрите на него.

Бунша *(у зеркала)*. Это я шляпку у Лидии Васильевны, значит, надел.

Рейн. Вы, Святослав Владимирович, рассеянный человек. В ваши годы дома надо сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с книгой.

Бунша. У меня нет внуков. А если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Рейн. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить.

Рейн. У меня нет денег, Святослав Владимирович.

Бунша. За квартиру нельзя не платить. У нас в доме думают, что можно, а на самом деле нельзя. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такие вещи, которые рассказывать запрещено.

Рейн. Вам, князь, лечиться надо.

Бунша. Я уж доказал, Евгений Николаевич, что я не князь, и вы меня не называйте князем.

Рейн. Вы — князь.

Бунша. Нет, я не князь.

Рейн. Не понимаю этого упорства. Вы — князь.

Бунша. А я говорю, нет. *(Вынимает бумаги.)* Вот документы, удостоверяющие, что моя мама изменяла папе, и я сын кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея. Потрудитесь прочесть.

Рейн. Не стоит. Ну, если так, вы — сын кучера, но у меня нет денег.

Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру, а то Луковкин говорит, что наш дом на черную доску попадет.

Рейн. Вчера жена ушла к какому-то Петру Ильичу, потом селедки, потом является эта развалина, не то князь, не то сын кучера, и истязает меня. Меня жена бросила, понятно?

Бунша. Позвольте, что же вы мне-то не заявили?

Рейн. Почему это вас волнует? Вы на нее какие-нибудь виды имели?

Бунша. Виды такие, что немедленно я должен ее выписать. Куда она выехала?

Рейн. Я не интересовался.

Бунша. Понятно, что вам неинтересно. А мне интересно. Я сам узнаю и выпишу. *(Пауза.)* Я присяду.

Рейн. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Недавно была лекция, и я колоссальную пользу получил. Читали про венерические болезни. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают. Наш дом вообще очень странный. Михельсон, например, красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы машину сделали.

Рейн. Вы бредите, Святослав Владимирович!

Бунша. Я обращаюсь к вам с мольбой, Евгений Николаевич. Вы насчет своей машины заявите в милицию. Ее зарегистрировать надо, а то в четырнадцатой квартире уже говорили, что вы такой аппарат строите, чтобы на нем из-под советской власти улететь. А это, знаете, и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Рейн. Какая же сволочь это говорила?

Бунша. Виноват, это моя племянница.

Рейн. Почему эти чертовы ведьмы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы — старый зуда, шляе-

тесь по всему дому, подглядываете, а потом ябедничаете, да, главное, врете!

Бунша. Я — лицо, занимающее официальный пост, и обязан наблюдать. Меня тревожит эта машина, и я вынужден буду о ней сообщить.

Рейн. Ради бога, повремените. Ну, хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над изучением времени. Да, впрочем, как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего... Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?.. Одним словом, вдолбите себе в голову только одно, что это совершенно безобидно, невредно, ничего не взорвется, и вообще никого не касается! Вот, например, возьмем минус 364, минус. Включим. Минус, прошлое. *(Включает механизм.)*

Кольцо начинает светиться. Слышен певучий звук.

К сожалению, все. *(Пауза.)* Ах, я идиот! Нет, я не изобретатель, я кретин! Да ведь если шифр обратный, значит, я должен включить плюс! А если плюс, то и цифру наоборот! *(Бросается к механизму, поворачивает какой-то ключ, включает наново.)*

В то же мгновение свет в комнате Рейна ослабевает, раздается удар колокола, вместо комнаты Михельсона вспыхивает сводчатая палата. Иоанн Грозный с посохом, в черной рясе, сидит и диктует, а под диктовку его пишет Опричник в парчовой одежде, поверх которой накинута ряса.

Слышится где-то церковное складное пение и тягучий колокольный звон. Рейн и Бунша замирают.

Иоанн. ...и руководителю...

Опричник *(пишет)*. ...и руководителю...

Иоанн. ...к пренебесному селению преподобному игумену Козме иже...

Опричник *(пишет)*. ...Козме иже...

Иоанн. ...о Христе с братиею... с братиею царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...

Опричник *(пишет)*. ...всея Руси...

Иоанн. ...челом бьет.

Рейн. Ах!

Услышав голос Рейна, Иоанн и Опричник поворачивают головы. Опричник, дико вскрикнув, вскакивает, пятится, крестится и ис-чезает.

Иоанн *(вскакивает, крестясь и крестя Рейна).* Сгинь! Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох! Сгинь! Сгинь! *(В исступлении бросается в комнату Рейна, потом, крестя стены, в переднюю и исчезает.)*

Бунша. Вот какую машину вы сделали, Евгений Николаевич!

Рейн. Это Иоанн Грозный! Держите его! Его увидят! Боже мой! Боже мой! *(Бросается вслед за Иоанном и исчезает.)*

Бунша *(бежит к телефону в передней).* Дежурного по городу! Секретарь домкома десятого жакта в Банном переулке. У нас физик Рейн без разрешения сделал машину, из которой появился царь! Не я, не я, а физик Рейн! Банный переулок! Да трезвый я, трезвый! Бунша-Корецкий моя фамилия! Снимаю с себя ответственность! Согласен отвечать! Ждем с нетерпением! *(Вешает трубку, бежит в комнату Рейна.)*

Рейн *(вбегая).* С чердака на крышу хода нету? Боже мой!

Вдруг за палатой Иоанна затявкал набатный колокол, грянул выстрел, послышались крики: «Гой да! Гой да!» В палату врывается Стрелецкий голова с бердышом в руках.

Голова. Где царь?

Бунша. Не знаю.

Голова *(крестясь).* А, псы басурманские! Гой да! Гой да! *(Взмахивает бердышом.)*

Рейн. Черт возьми! *(Бросается к механизму и выключает его.)*

В то же мгновение исчезают и палата, и Стрелецкий голова и прекращается шум. Только на месте, где была стенка комнаты Михельсона, остается небольшой темный провал.

Пауза.

Видали?

Бунша. Как же!

Рейн. Постойте, вы звонили сейчас по телефону?

Бунша. Честное слово, нет.

Рейн. Старая сволочь! Ты звонил сейчас по телефону? Я слышал твой паскудный голос!

Бунша. Вы не имеете права...

Рейн. Если хоть кому-нибудь, хоть одно слово! Ну, черт с вами! Стало быть, на крышу он не выскочит! Боже мой, если его увидят! Он дверь за собой захлопнул на чердак! Какое счастье, что их всех черт за селедками унес!

В этот момент из провала — из комнаты Михельсона — появляется встревоженный шумом Милославский с часами Михельсона под мышкой.

Вот тебе раз!

Милославский. Я извиняюсь, это я куда-то не туда вышел. У вас тут стенка, что ли, провалилась? Виноват, как пройти на улицу? Прямо? Мерси.

Рейн. Нет! Стойте!

Милославский. Виноват, в чем дело?

Бунша. Михельсоновы часы.

Милославский. Я извиняюсь, какие Михельсоновы? Это мои часы.

Рейн *(Бунше)*. Да ну вас с часами! Очевидно, я не довел до нуля стрелку. Тьфу, черт! *(Милославскому.)* Да вы какой эпохи? Как вас зовут?

Милославский. Юрий Милославский.

Рейн. Не может быть!

Милославский. Извиняюсь, у меня документ есть, только я его на даче оставил.

Рейн. Вы кто такой?

Милославский. А вам зачем? Ну, солист государственных театров.

Рейн. Я ничего не понимаю. Да вы что, нашего времени? Как же вы вышли из аппарата?

Бунша. И пальто Михельсона.

Милославский. Я извиняюсь, какого Михельсона? Что это, у одного Михельсона коверкотовое пальто в Москве?

Рейн. Да ну вас к черту с этим пальто! *(Смотрит на циферблат механизма.)* Ах, ну да! Я на три года не довел стрелку. Будьте добры, станьте здесь, я вас сейчас отправлю обратно. *(Движет механизм.)* Что за оказия! Заело! Вот так штука! Ах ты, господи! Этот на чердаке сидит! *(Милославскому.)* Вы не волнуйтесь. Дело вот в чем. Я изобрел механизм времени, и вы попали... Ну, словом, вы не пугайтесь, я... я сейчас налажу все это. Дело в том, что время есть фикция...

Милославский. Скажите! А мне это и в голову не приходило!

Рейн. В том-то и дело. Так вот механизм...

Милославский. Богатая вещь! Извиняюсь, это что же, золотой ключик?

Рейн. Золотой, золотой. Одну минуту, я только отвертку возьму. *(Отворачивается к инструменту.)*

Милославский наклоняется к машине. В то же мгновение вспыхивает кольцо, свет в комнате меняется, поднимается вихрь...

Что такое!.. Кто тронул машину?!

Бунша. Караул!

Вихрь подхватывает Буншу, втаскивает его в кольцо, и Бунша исчезает.

Милославский. Чтоб тебя черт! *(Схватывается за занавеску, обрывает ее и, увлекаемый вихрем, исчезает в кольце.)*

Рейн. Что же это такое вышло! *(Влетает в кольцо, схватывает механизм.)* Ключ! Ключ! Где же ключ? *(Исчезает вместе с механизмом.)*

Наступает полная тишина в доме. После большой паузы парадная дверь открывается, и входит Михельсон.

Михельсон *(у двери в свою комнату).* Батюшки! *(Входит в комнату.)* Батюшки! *(Мечется.)* Батюшки! Батюшки! *(Бросается к телефону.)* Милицию! Милицию! В Банном переулке, десять... Какой царь? Не царь, а обокрали меня! Михельсон моя фамилия! *(Бросает трубку.)* Батюшки!

В этот момент на парадном ходе начинаются энергичные звонки. Михельсон открывает дверь, и входит милиция в большом числе.

Слава тебе, господи! Товарищи, да как же вы быстро поспели?

Милиция. Где царь?

Михельсон. Какой царь?! Обокрали меня! Стенку взломали! Вы только гляньте! Часы, пальто, костюмы! Портсигар! Все на свете!

Милиция. Кто звонил насчет царя?

Михельсон. Какого такого царя, товарищи? Ограбили! Вы посмотрите!

Милиция. Без паники, гражданин! Товарищ Сидоров, займите черный ход.

Михельсон. Ограбили!

Темно. Та часть Москвы Великой, которая носит название Блаженство. На чудовищной высоте над землей громадная терраса с колоннадой. Мрамор.

Сложная, но малозаметная и незнакомая нашему времени аппаратура. За столом, в домашнем костюме, сидит Народный Комиссар Изобретений Радаманов и читает.

Над Блаженством необъятный воздух, весенний закат.

Анна *(входя)*. Павел Сергеевич, вы что же это делаете?

Радаманов. Читаю.

Анна. Да вам переодеваться пора. Через четверть часа сигнал.

Радаманов *(вынув часы)*. Ага. Аврора прилетела?

Анна. Да. *(Уходит.)*

Аврора (входя). Да, я здесь. Ну, поздравляю тебя с наступающим Первым мая.

Радаманов. Спасибо, и тебя также. Кстати, Саввич звонил мне сегодня девять раз, пока тебя не было.

Аврора. Он любит меня, и мне приятно его мучить.

Радаманов. Но вы меня не мучьте. Он сегодня ломился в восемь часов утра, спрашивал, не прилетела ли ты.

Аврора. Как ты думаешь, папа, осчастливить мне его или нет?

Радаманов. Признаюсь тебе откровенно, мне это безразлично. Но только ты дай ему сегодня хоть какой-нибудь ответ.

Аврора. Папа, ты знаешь, в последнее время я как будто несколько разочаровалась в нем.

Радаманов. Помнится, месяц назад ты стояла у этой колонны и отнимала у меня время, рассказывая о том, как тебе нравится Саввич.

Аврора. Возможно, что мне что-нибудь и померещилось. И теперь я не могу понять, чем он, собственно, меня прельстил? Не то понравились мне его брови, не то он поразил меня своей теорией гармонии. Гармония, папа...

Радаманов. Прости. Если можно, не надо ничего про гармонию, я уже все слышал от Саввича...

На столе в аппаратуре вспыхивает голубой свет.

Ну, вот, пожалуйста. *(В аппарат.)* Да, да, да, прилетела.

Свет гаснет.

Он сейчас подымется. Убедительно прошу, кончайте это дело в ту или другую сторону, а я ухожу переодеваться. *(Уходит.)*

Люк раскрывается, и из него появляется Саввич. Он ослепительно одет, во фраке, с цветами в руках.

Саввич. Дорогая Аврора, не удивляйтесь, я только на одну минуту, пока еще нет гостей. Разрешите вам вручить эти цветы.

Аврора. Благодарю вас. Садитесь, Фердинанд.

Саввич. Аврора, я пришел за ответом. Вы сказали, что дадите его сегодня вечером.

Аврора. Ах, да, да. Наступает Первое мая. Знаете ли что, отложим наш разговор до полуночи. Я хочу собраться с мыслями.

Саввич. Слушаю. Я готов ждать и до полуночи, хотя и уверен, что ничего не может измениться за эти несколько часов. Поверьте, Аврора, что наш союз не-

избежен. Мы — гармоническая пара. А я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы были счастливы.

Аврора. Спасибо, Фердинанд.

Саввич. Итак, разрешите откланяться. Я явлюсь, как только начнется праздник.

Аврора. Мы будем рады.

Саввич уходит.
Радаманов входит, полуодет.

Радаманов. Ушел?

Аврора. Ушел.

Радаманов. Ты опять не дала ответа?

Аврора. Как всякая интересная женщина, я немного капризна.

Радаманов. Извини, но ты вовсе не так интересна, как тебе кажется. Что же ты делаешь с человеком?

Аврора. А с другой стороны, конечно, не в бровях сила. Бывают самые ерундовские брови, а человек интересный...

За сценой грохот разбитых стекол. Свет гаснет и вспыхивает, и на террасу влетают Бунша, затем Милославский и, наконец, Рейн.

Рейн. О, боже!

Бунша. Евгений Николаевич!

Милославский. Куда ж это меня занесло?

Радаманов. Артисты. Что ж это вы стекла у меня бьете? О съемках нужно предупреждать. Это моя квартира.

Рейн. Где мы? Да ответьте же, где мы?

Аврора. В Блаженстве.

Радаманов. Простите...

Аврора. Погоди, папа. Это карнавальная шутка. Они костюмированы.

Радаманов. Во-первых, это раньше времени, а во-вторых, все-таки стекла в галерее... На одном из них, по-видимому, дамская шляпа. Может быть, это и очень остроумно...

Рейн. Это Москва? *(Бросается к парапету, видит*

город.) Ах! *(Оборачивается с безумным лицом, смотрит на светящийся календарь.)* Четыре двойки. Две тысячи двести двадцать второй год! Все понятно. Это двадцать третий век. *(Теряет сознание.)*

Аврора. Позвольте! Он по-настоящему упал в обморок! Он голову разбил! Отец! Анна! Анна! *(Бросается к Рейну.)*

Анна вбегает.

Радаманов *(по аппарату)*. Граббе! Поднимитесь ко мне! Да в чем есть! Тут какая-то чертовщина! Голову разбил!

Анна. Кто эти люди?

Аврора. Воды!

Бунша. Он помер?

Открывается люк, и вылетает полуодетый Граббе.

Аврора. Сюда, профессор, сюда!

Граббе приводит в чувство Рейна.

Рейн *(очнувшись)*. Слушайте... Но только верьте... я изобрел механизм для проникновения во время... вот он... поймите мои слова... мы люди двадцатого века!

Темно.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Иллюминированная ночь на той же террасе. Буфет с шампанским. Радаманов и Рейн во фраках стоят у аппарата. В отдалении Саввич. Анна в бальном платье у аппарата. Слышна мощная музыка.

Радаманов. Вон, видите, там, где кончается район Блаженства, стеклянные башни. Это — Голубая Вертикаль. Теперь смотрите — поднялся рой огней. Это жители Вертикали летят сюда.

Рейн. Да, да.

В аппарате вспыхивает свет.

Анна. Голубая Вертикаль хочет видеть инженера Рейна.

Радаманов. Вы не возражаете?

Рейн. Нет, с удовольствием.

Анна *(в аппарат)*. Слушайте. Говорит Народный Комиссар Изобретений Радаманов.

Радаманов *(Рейну)*. Сюда, пожалуйста. *(Освещаясь сверху, говорит в аппарат.)* Приветствую Голубую Вертикаль! В день праздника Первого мая!

Мимо террасы летит рой светляков. Свет внезапно сверху заливает Рейна.

Вы хотели видеть Рейна? Вот он перед вами. Гениальный инженер Рейн, человек двадцатого века, пронзивший время! Все сообщения в телеграммах о нем правильны! Вот он! Евгений Рейн!

Донесся гул. Светляки исчезают.

Посмотрите, какое возбуждение вы вызвали в мире.

Аппараты гаснут.

Может быть, вы устали?

Рейн. О, нет! Я хочу видеть все. Нет, кто действительно гениален, это ваш доктор Граббе. Я полон сил. Он вдунул в меня жизнь.

Саввич. Этим лекарством нельзя злоупотреблять.

Радаманов. Вы познакомились?

Рейн. Нет еще.

Радаманов. Саввич, директор Института Гармонии. Инженер Рейн. *(Рейну.)* Так, может быть, вы хотите взглянуть, как танцуют? Анна, займите и проводите гостя.

Анна. С большим удовольствием.

Анна и Рейн уходят.
Пауза.

Радаманов. Ну, что вы скажете, милый Фердинанд, по поводу всего этого?

Саввич. Я поражен. Я ничего не понимаю. *(Пауза.)* Скажите, Павел Сергеевич, какие последствия все это может иметь?

Радаманов. Дорогой мой, я не пророк. *(Хлопает себя по карманам.)* У вас нет папиросы? В этой суматохе я портсигар куда-то засунул.

Саввич *(похлопав себя по карманам).* Вообразите, и я забыл свой! *(Пауза.)* Радаманов! Нет, этого не может быть!

Радаманов. Вот это что-то новенькое. Как же это не может быть того, что есть? Нет, дорогой Фердинанд, нет, мой дорогой поклонник гармонии, примиритесь с этой мыслью. Трое свалились к нам из четвертого измерения. Ну, что ж... Поживем, увидим. Ах, я курить хочу.

Оба уходят.

Слышен аплодисмент, и входит Бунша, а за ним задом, с кем-то раскланиваясь, Милославский. Оба выбриты и во фраках.

Милославский. Очень, очень приятно. Мерси, гран мерси. В другой раз с удовольствием. Мерси. *(Бунше.)* Понравились мы им.

Бунша. Все это довольно странно. Социализм совсем не для того, чтобы веселиться. А они бал устроили. И произносят такие вещи, что ого-го-го... Но самое главное, фраки. Ох, прописали бы им ижицу за эти фраки!

Милославский. Если в тебя вглядеться, то сразу разочаровываешься. Это кто же им пропишет?

Выходит Гость во фраке.

Гость. Я понимаю, что вы ищете уединения, и сию минуту уйду. Мне только хотелось пожать руку спутникам великого Рейна.

Милославский. Очень, очень приятно. Мерси, гран мерси. Милославский Юрий. А это секретарь. А вы из каких будете?

Гость. Я мастер московской водонапорной станции.

Милославский. Очень приятно. Вы тоже трудящийся человек. Да что там... эти рукопожатия всякие.. давайте поцелуемся.

Гость. Я буду счастлив и польщен.

Милославский обнимает Гостя.

Не забуду этой минуты. *(Хочет обнять Буншу.)*

Милославский. С ним не обязательно. Это секретарь.

Гость. Желаю вам всего, всего хорошего. *(Удаляется.)*

Милославский. Приятный народ. Простой, без претензий, доверчивый.

Бунша. Надел бы фрак да на общее собрание пришел бы! Вот бы я посмотрел! Какого он происхождения, интересно бы знать?

Милославский. Ты перестань мне гудеть в ухо. Ничего не даешь сообразить.

Бунша. Я уже все сообразил и даже с вами могу поделиться своими соображениями. И одного я не понимаю, откуда у вас появились точно такие часы, как у Михельсона? У меня возникают кое-какие подозрения. *(Подходит к столу, на котором лежат вещи, принесенные из XX века: часы, занавеска, дамская шляпа.)* Вот и надпись выцарапана: Михельсон.

Милославский. Это я выцарапал «Михельсон».

Бунша. Зачем же чужую фамилию выцарапывать?

Милославский. Потому что она мне понравилась. Это красивая фамилия. Пожалуйста, сцарапываю и выцарапываю новую: Милославский. Это вас успокаивает?

Бунша. Нет, не успокаивает. Все равно я подозреваю.

Милославский. О господи! Тоска какая! На что мне, обеспеченному человеку, Михельсоновы посредственные часы? Вот часы так часы! *(Вынимает из кармана часы.)*

Бунша. У товарища Радаманова точно такие же часы... и буква «Р».

Милославский. Ну, вот видишь.

Бунша. А на каком основании вы мне «ты» говорите?

Милославский. Можешь и мне говорить «ты».

Анна *(входит.)* Не скучаете ли вы одни? Выпьемте шампанского.

Милославский. Покорнейше благодарю. Простите, мадемуазель, за нескромный вопрос, нельзя ли нам спиртику выпить в виде исключения?

Анна. Спирту? Вы пьете спирт?

Милославский. Кто же откажется?

Анна. Ах, это интересно. У нас, к сожалению, его не подают. Но вот кран. По нему течет чистый спирт.

Милославский. Ах, как у вас комнаты оборудованы? Бунша, бокальчик.

Анна. А неужели он не жжется?

Милославский. А вы попробуйте. Бунша, бокальчик даме.

Анна *(выпив).* Ой!

Милославский. Закусывайте, закусывайте.

Бунша. Закусывайте!

В это время входит смущенный Гость и, стараясь не помешать, что-то ищет под столом.

Милославский. Что ищете, отец?

Гость. Простите, я где-то обронил медальон с цепочкой.

Милославский. Э-э, это жалко.

Гость. Простите, посмотрю еще в бальном зале. *(Уходит.)*

Милославский. Славные у вас люди. За ваше здоровье. Еще бокальчик.

Анна. А я не опьянею?

Милославский. От спирту-то? Что вы! Вы только закусывайте. Князь, мировой паштет.

Бунша. Я же рассказывал тебе про Пантелея.

Милославский. Да ну тебя к черту с твоим Пантелеем! Все равно им, кто вы такой. Происхождение не играет роли.

Бунша *(Анне)*. Позвольте, товарищ, навести у вас справочку. Вы в каком профсоюзе состоите?

Анна. Простите, я не понимаю.

Бунша. То есть, чтобы иначе выразиться, вы куда взносы делаете?

Анна. Тоже не понимаю. *(Смеется.)*

Милославский. Ты меня срамишь. Ты бы еще про милицию спросил. Ничего у них этого нет.

Бунша. Милиции нет? Ну, это ты выдумал. А где же нас пропишут?

Анна. Простите, что я улыбаюсь, но я ни одного слова не понимаю из того, что вы говорите. Вы кем были в прошлой жизни?

Бунша. Я секретарь домоуправления в нашем жакте.

Анна. А... а... вы что делали в этой должности?

Бунша. Я карточками занимался, товарищ.

Анна. А-а. Интересная работа? Как вы проводили ваш день?

Бунша. Очень интересно. Утром встаешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я сажусь карточки писать. Первым долгом смотрю, не умер ли кто в доме. Умер — значит, я немедленно его карточки лишаю.

Анна *(хохочет)*. Ничего не понимаю.

Милославский. Позвольте, я объясню. Утром встанет, начнет карточки писать, живых запишет, мертвых выкинет. Потом на руки раздаст; неделя пройдет, отберет их, новые напишет, опять раздаст, потом опять отберет, опять напишет...

Анна *(хохочет)*. Вы шутите! Ведь так с ума можно сойти!

Милославский. Он и сошел!

Анна. У меня голова закружилась. Я пьяна. А вы сказали, что от спирта нельзя опьянеть.

Милославский. Разрешите, я вас за талию поддержу.

Анна. Пожалуйста. У вас несколько странный в наше время, но, по-видимому, рыцарский подход к женщине. Скажите, вы были помощником Рейна?

Милославский. Не столько помощником, сколько, так сказать, его интимный друг. Даже, собственно, не его, а соседа его Михельсона. Я случайно проезжал в трамвае, дай, думаю, зайду. Женя мне и говорит...

Анна. Рейн?

Милославский. Рейн, Рейн... Слетаем, что ли... Я говорю: а что ж, не все ли равно, летим... *(Бунше.)* Помолчи минутку. И вот-с, пожалуйста, такая история... Разрешите вам руку поцеловать.

Анна. Пожалуйста. Я обожаю смелых людей.

Милославский. При нашей работе нам нельзя несмелым быть. Оробеешь, а потом лет пять каяться будешь.

Радаманов *(входит)*. Анна, голубчик, я в суматохе где-то свои часы потерял.

Милославский. Не видел.

Анна. Я потом поищу.

Бунша. Товарищ Радаманов...

Радаманов. А?

Бунша. Товарищ Радаманов, я вам хотел свои документы сдать.

Радаманов. Какие документы?

Бунша. Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанные. Считаю долгом предупредить.

Радаманов. Простите, дорогой, не понимаю... Разрешите потом... *(Уходит.)*

Бунша. Совершенно расхлябанный аппарат. Ни у кого толку не добьешься.

Граббе *(входит)*. А, наконец-то я вас нашел! Радаманов беспокоится, не устали ли вы после полета? (*Анне.*) Простите, на одну минутку. *(Наклоняется к груди Милославского, выслушивает сердце.)* Вы пили что-нибудь?

Милославский. Лимонад.

Граббе. Ну, все в порядке. *(Бунше.)* А вы?

Бунша. У меня, товарищ доктор, поясница болит по вечерам, а стул очень затрудненный.

Граббе. Поправим, поправим. Позвольте-ка пульсик. А где ж часы-то мои? Неужели выронил?

Милославский. Наверно, выронили.

Граббе. Ну, неважно, всего доброго. В пальто, что ли, я их оставил?.. (*Уходит.*)

Анна. Что это все с часами как с ума сошли?

Милославский. Обхохочешься! Эпидемия!

Бунша (*Милославскому тихо*). Часы Михельсона — раз, товарища Радаманова — два, данный необъяснимый случай... подозрения мои растут...

Милославский. Надоел. (*Анне.*) Пройдемся?

Анна. Я на ногах не стою из-за вашего спирта.

Милославский. А вы опирайтесь на меня. (*Бунше тихо.*) Ты бы пошел в другое место. Иди и там веселись самостоятельно. И что ты за мной таскаешься?

Все трое уходят.

Входят Рейн и Аврора. Рейн идет, схватившись за голову.

Аврора. Дорогой Евгений Николаевич, да где же он-то?

Рейн. Одно из двух: или он остался на чердаке, или его уже схватили. И вернее всего, что он сейчас уже сидит в психиатрической лечебнице. Вы знаете, я как только вспомню о нем, прихожу в ужас. Да, да... Да, да... Несомненно, его уже взяла милиция, и воображаю, что там происходит! Но, впрочем, сейчас говорить об этом совершенно бесполезно. Все равно ничего не исправишь.

Аврора. Вы не тревожьте себя, а выпейте вина.

Рейн. Совершенно верно. (*Пьет.*) Да, история...

Аврора. Я смотрю на вас и не могу отвести глаз. Но вы-то отдаете себе отчет в том, что вы за человек? Милый, дорогой Рейн, когда вы восстановите свою машину?

Рейн. Ох, знаете, там у меня катастрофа. Я важную деталь потерял. Ну, впрочем, это выяснится...

Пауза.

Аврора. Скажите, ну, у вас была личная жизнь? Вы были женаты?

Рейн. Как же.

Аврора. Что ж теперь с вашей женой?

Рейн. Она убежала от меня.

Аврора. От вас? К кому?

Рейн. К какому-то Семену Петровичу, я не знаю точно...

Аврора. А почему она вас бросила?

Рейн. Я очень обнищал из-за этой машины, и нечем было даже платить за квартиру.

Аврора. Ага... ага... А вы...

Рейн. Что?

Аврора. Нет, ничего, ничего.

Бьет полночь. Из бальных зал донесся гул. В то же время открывается люк и появляется Саввич.

Аврора. Полночь. Ах, вот мой жених.

Рейн. А!

Аврора. Ведь вы знакомы?

Саввич. Да, я имею удовольствие.

Аврора. Вы хотите со мной поговорить, Фердинанд, не правда ли?

Саввич. Если позволите. Я явился в полночь, как вы назначили.

Рейн. Пожалуйста, пожалуйста, я... *(Встает.)*

Аврора. Не уходите далеко, Рейн, у нас только несколько слов.

Рейн выходит.

Милый Фердинанд, вы за ответом?

Саввич. Да.

Аврора. Не сердитесь на меня и забудьте меня. Я не могу быть вашей женой.

Пауза.

Саввич. Аврора... Аврора! Этого не может быть. Что вы делаете? Мы были рождены друг для друга.

Аврора. Нет, Фердинанд, это грустная ошибка. Мы не рождены друг для друга.

Саввич. Скажите мне только одно: что-нибудь случилось?

Аврора. Ничего не случилось. Просто я разглядела себя и вижу, что я не ваш человек. Поверьте мне, Фердинанд, вы ошиблись, считая нас гармонической парой.

Саввич. Я верю в то, что вы одумаетесь, Аврора. Институт Гармонии не ошибается, и я вам это докажу! *(Уходит.)*

Аврора. Вот до чего верит в гармонию! *(Зовет.)* Рейн!

Рейн входит.

Извините меня, пожалуйста; вот мой разговор и кончен. Налейте мне, пожалуйста, вина. Пойдемте в зал.

Рейн и Аврора уходят.

Милославский *(входит задом).* Нет, мерси. Гран мерси. *(Покашливает.)* Не в голосе я сегодня. Право, не в голосе. Покорнейше, покорнейше благодарю.

Анна *(вбегает).* Если вы прочтете, я вас поцелую.

Милославский. Принимаю ваши условия. *(Подставляет лицо.)*

Анна. Когда прочтете. А про спирт вы наврали — он страшно пьяный.

Милославский. Я извиняюсь...

Радаманов *(входит.)* Я вас очень прошу — сделайте мне одолжение, прочтите что-нибудь моим гостям.

Милославский. Да ведь, Павел Сергеевич... я ведь только стихи читаю. А репертуара, как говорится, у меня нету.

Радаманов. Стихи? Вот и превосходно. Я, при-

знаться вам, в стихах ничего не смыслю, но уверен, что они всем доставят большое наслаждение.

Анна. Пожалуйте к аппарату. Мы вас передадим во все залы.

Милославский. Застенчив я, вот горе...

Анна. Не похоже.

Милославского освещают.

(В аппарат.) Внимание! Сейчас артист двадцатого века Юрий Милославский прочтет стихи.

Аплодисмент в аппарате.

Чьи стихи вы будете читать?

Милославский. Чьи, вы говорите? Собственного сочинения.

Аплодисмент в аппарате.
В это время входит Гость, очень мрачен. Смотрит на пол.

Богат... и славен... Кочубей... Мда... Его поля... необозримы!

Анна. Дальше!

Милославский. Конец.

Некоторое недоуменное молчание, потом аплодисмент.

Радаманов. Браво, браво... спасибо вам.

Милославский. Хорошие стишки?

Радаманов. Да какие-то коротенькие уж очень. Впрочем, я отношу это к достоинству стиха. У нас почему-то длиннее пишут.

Милославский. Ну, простите, что не угодил.

Радаманов. Что вы, что вы... Повторяю вам, я ничего не понимаю в поэзии. Вы вызвали восторг, послушайте, как вам аплодируют.

Крики в аппарате: «Милославского! Юрия!»

Анна. Идемте кланяться.

Милославский. К чему это?.. Застенчив я...

Анна. Идемте, идемте.

Анна и Милославский уходят, и тотчас доносится бурная овация.

Радаманов *(Гостю)*. Что с вами, дорогой мой? Вам нездоровится?

Гость. Нет, так, пустяки.

Радаманов. Выпейте шампанского. *(Уходит.)*

Гость *(выпив в одиночестве три бокала, некоторое время ползает по полу, ищет что-то)*. Стихи какие-то дурацкие... Не поймешь, кто этот Кочубей... Противно пишет... *(Уходит.)*

Вбегает Услужливый гость, зажигает свет в аппарате.

Услужливый гость. Филармония? Будьте добры, найдите сейчас же пластинку под названием «Аллилуйя» и дайте ее нам, в бальный зал Радаманова. Артист Милославский ничего другого не танцует... Молитва? Одна минута... *(Убегает, возвращается.)* Нет, не молитва, а танец. Конец двадцатых годов двадцатого века.

В аппарате слышно начало «Аллилуйи».

Аврора. Никого нет. Очень хорошо. Я устала от толпы.

Рейн. Проводить вас в ваши комнаты?

Аврора. Нет, мне хочется быть с вами.

Рейн. Что вы сказали вашему жениху?

Аврора. Это вас не касается.

(Убегает и через некоторое время возвращается.) Это! *(Убегает.)*

Рейн и Аврора входят.

Рейн. Что вы сказали вашему жениху?

Аврора внезапно обнимает и целует Рейна.
В то же время в дверях появляется Бунша.

Рейн. Как вы всегда входите, Святослав Владимирович!

Бунша скрывается.

Услужливый гость *(вбегает, говорит в аппарат).* Громче! Гораздо громче! *(Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.)* Говорит, с колоколами! Дайте колокола! *(Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.)* И пушечную стрельбу! *(Убегает.)*

Слышны громовые звуки «Аллилуйи» с пальбой и колоколами.

Услужливый гость *(возвращается).* Так держать. *(Убегает.)*

Рейн. Что он, с ума сошел? *(Убегает с Авророй.)*

Темно

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же терраса. Раннее утро. Рейн в своей прозодежде у механизма. Встревожен, что-то вспоминает.
Появляется тихонько Аврора и молча смотрит, как он работает.

Рейн. Нет, не могу вспомнить и не вспомню никогда...

Аврора. Рейн!

Рейн оборачивается.

Не мучь себя, отдохни.

Рейн. Аврора!

Целуются.

Аврора. Сознавайся, ты опять не спал всю ночь?

Рейн. Ну, не спал.

Аврора. Не смей работать по ночам. Ты переутомишься, потеряешь память и ничего не добьешься. Мне самой уже — я просыпалась сегодня три раза — все время снятся цифры, цифры, цифры...

Рейн. Тсс... Мне показалось, что кто-то ходит...

Аврора. Кто же может прийти без сигнала? *(Пауза.)* Ты знаешь, я одержима мыслью, что мы с тобой

улетим. И как только я подумаю об этом, у меня кружится голова... Я хочу опасностей, полетов! Рейн, ты понимаешь ли, какой ты человек!

В аппарате свет.

Отец. Его сигнал. Летим куда-нибудь! Тебе надо отдохнуть.

Рейн. Я должен переодеться.

Аврора. Вздор! Летим!

Уходят оба.

Радаманов входит, останавливается около механизма Рейна, долго смотрит на него, потом садится за стол, звонит.

Анна *(входит)*. Добрый день, Павел Сергеевич!

Радаманов. Ну-с.

Анна. Нету, Павел Сергеевич.

Радаманов. То есть как нет? Это уже из области чудес.

Анна. Павел Сергеевич, бюро потерь искало.

Радаманов. Бюро здесь решительно ни при чем. И часы, и портсигар были у меня в кармане.

Анна. Поверьте, Павел Сергеевич, что мне так неприятно...

Радаманов. Ну, если неприятно, то черт с ними! И не ищите, пожалуйста, больше!

Анна идет.

Да, кстати, как поживает этот Юрий Милославский?

Анна. Я не знаю, Павел Сергеевич. А почему вы вспомнили его?

Радаманов. Вот и я не знаю. Но почему-то только вспомню про часы, так сейчас же вспоминаются его стихи про этого, как его... Кочубея... Что это, хорошие стихи, да?

Анна. Они, конечно, древние стихи, но хорошие. И он великолепно читает, Павел Сергеевич!

Радаманов. Ну, тем лучше. Ладно.

Анна уходит.

Радаманов погружается в работу. На столе вспыхивает сигнал, но Радаманов не замечает его. Саввич входит, молча останавливается и смотрит на Радаманова.

(Некоторое время еще читает, не замечая его, машинально берется за карман.) Богат и славен... *(Видит Саввича.)* А-а!

Саввич. Я вам звонил. Вход к вам свободен.

Радаманов. Я не заметил. Прошу садиться. *(Пауза.)* Вы что-то плохо выглядите. *(Пауза.)* Вы что же, помолчать ко мне пришли?

Саввич. Нет, Радаманов, говорить.

Радаманов. О-хо-хо... Согласитесь, дорогой Фердинанд, что я не виноват в том, что я ее отец... и... будем считать вопрос исчерпанным. Давайте кофейку выпьем.

Саввич. Бойтесь этих трех, которые прилетели сюда!

Радаманов. Что это вы меня с утра пугаете?

Саввич. Бойтесь этих трех!

Радаманов. Что вы хотите, мой дорогой? Скажите пояснее.

Саввич. Я хочу, чтобы они улетели отсюда в преисподнюю!

Радаманов. Все единогласно утверждают, что преисподней не существует, Фердинанд. И, кроме того, все это очень непросто и даже, милый мой, наоборот...

Саввич. То есть чтоб они остались здесь?

Радаманов. Именно так.

Саввич. Ах, понял. Я понимаю значение этого прибора. Ваш комиссариат может заботиться о том, чтобы сохранить его изобретение для нашего века, а Институт Гармонии должен позаботиться о том, чтобы эти трое — чужие нам — не нарушили жизни в Блаженстве! И об этом позабочусь я! А они ее нарушат, это я вам предсказываю! Я уберегу от них наших людей, и прежде всего уберегу ту, которую считаю лучшим украшением Блаженства, — Аврору! Вы мало ее цените! Прощайте! *(Уходит.)*

Радаманов. О-хо-хо... Да, дела... *(Звонит.)*

Анна входит.

Анна, закройте все сигналы, чтобы ко мне никто не входил.

Анна. Да. *(Уходит.)*

Через некоторое время появляется Бунша и молча садится на то место, где сидел Саввич.

Радаманов *(подняв голову)*. Вот тебе раз! Дорогой мой, что же вы не дали сигнал, прежде чем подняться?

Бунша. Очень удобный аппарат, но сколько я ни дергал...

Радаманов. Да зачем же его дергать? Просто-напросто он закрыт.

Бунша. Ага.

Радаманов. Итак, чем я вам могу быть полезен?

Бунша *(подает бумагу)*. Я к вам с жалобой, товарищ Радаманов.

Радаманов. Прежде всего, Святослав Владимирович, не надо бумаг. У нас они не приняты, как я вам уже говорил пять раз. Мы их всячески избегаем. Скажите на словах. Это проще, скорее, удобнее. Итак, на что жалуетесь?

Бунша. Жалуюсь на Институт Гармонии.

Радаманов. Чем он вас огорчил?

Бунша. Я хочу жениться.

Радаманов. На ком?

Бунша. На ком угодно.

Радаманов. Впервые слышу такой ответ. А...

Бунша. А Институт Гармонии обязан мне невесту подыскать.

Радаманов. Помилосердствуйте, драгоценный мой! Институт не сваха. Институт изучает род человеческий, заботится о чистоте его, стремится создать идеальный подбор людей, но вмешивается он в брачные отношения лишь в крайних случаях, когда они могут угрожать каким-нибудь вредом нашему обществу.

Бунша. А общество ваше бесклассовое?

Радаманов. Вы угадали сразу — бесклассовое.

Бунша. Во всем мире?

Радаманов. Решительно во всем. *(Пауза.)* Вам что-то не нравится в моих словах?

Бунша. Не нравится. Слышится в ваших словах, товарищ Радаманов, какой-то уклон.

Радаманов. Объясните мне, я не понимаю, что значит уклон?

Бунша. Я вам как-нибудь в выходной день объясню про уклон, Павел Сергеевич, так вы очень задумаетесь и будете осторожны в ваших теориях.

Радаманов. Я буду вам признателен, но вернемся к вашему вопросу. Невесту вы должны подыскать себе сами, а уж если Институт Гармонии поставит вам какие-нибудь препятствия, как человеку новому, то тут и потолкуем.

Бунша. Павел Сергеевич, в наш переходный период я знал, как объясняться с дамами. А в бесклассовом обществе...

Радаманов. Совершенно так же, как и в классовом.

Бунша. А вы бы как ей сказали?..

Радаманов. Я, голубчик, ни за какие деньги ничего бы ей не сказал, ибо, давно овдовев, не чувствую склонности к семейной жизни. Но если б такая блажь мне пришла в голову, то сказал бы что-нибудь вроде того: я полюбил вас с первого взгляда... по-видимому, и я вам нравлюсь... Простите, больше беседовать не могу, меня ждут на заседании. Знаете что, поговорите с Анной или Авророй, они лучше меня... Всего доброго. *(Уходит.)*

Бунша. Не бюрократ. Свой парень. Таких надо беречь да беречь. *(Садится за стол Радаманова, звонит.)*

Анна *(входит)*. Да, Павел Сер... Это вы звонили?

Бунша. Я.

Анна. Оригинально. Вам что-нибудь угодно мне сказать?

Бунша. Да. Я полюбил вас с первого взгляда.

Анна. Мне очень лестно, я очень тронута, но, к сожалению, мое сердце занято. *(Кладет бумагу на стол.)*

Бунша. Не надо никаких бумаг, как я уже много раз говорил. Скажите на словах. Это скорее, удобнее и проще. Вы отказываете мне?

Анна. Отказываю.

Бунша. Вы свободны.

Анна. В жизни не видела ничего подобного.

Бунша. Не будем терять времени. Вы свободны.

Анна уходит.

Бунша. Первый блин комом.

Аврора *(входит)*. Отец! Ах, это вы? А отца нет?

Бунша. Нет. Присядьте, мадемуазель Радаманова. Увидев вас, я полюбил вас с первого взгляда. Есть основание полагать, что и я вам нравлюсь. *(Целует Аврору в щеку.)*

Аврора *(хлопнув его по щеке)*. Дурак! *(Уходит.)*

Бунша. Вы зарываетесь, Аврора Павловна! Но ничего! Мы ударим по рукам зарвавшегося члена общества!

Входит Саввич.

Вот кстати.

Саввич. Павла Сергеевича нет?

Бунша. Нет. На пару слов.

Саввич. Да.

Бунша. Я полюбил вас с первого взгляда.

Саввич. Это что значит?

Бунша. Это вот что значит. *(Вынимает из кармана записочку и таинственно читает.)* «Директору Института Гармонии. Первого мая сего года в половине первого ночи Аврора Радаманова целовалась с физиком Рейном. С тем же физиком она целовалась третьего мая у колонны. Сего числа в восемь часов утра означенная Аврора целовалась с тем же физиком у аппарата, причем произнесла нижеследующие слова: мы с тобой улетим...»

Саввич. Довольно! Я не нуждаюсь в ваших сообщениях! *(Выхватывает у Бунши бумажку, рвет ее, затем быстро уходит.)*

Бунша. Вот будет знать Аврора Павловна, как по щекам хлестать секретарей домкомов!

Милославский *(за сценой)*. Болван здесь?

Бунша. Меня разыскивает.

Милославский *(входит)*. А-а, ты здесь. Скучно мне, Святослав. Хочешь, я тебе часы подарю? Но при одном условии: строжайший секрет, ни при ком не вынимать, никому не показывать.

Бунша. А как же я время буду узнавать?

Милославский. Они не для этого. Просто на память, как сувенир. Ты какие предпочитаешь, открытые или глухие?

Бунша. Такое изобилие часов наводит меня на страшные размышления.

Милославский. Ты поделись с кем-нибудь этими размышлениями. Вот попробуй. Так глухие, что ли?

Бунша. Глухие.

Милославский. Получай.

Бунша. Большое спасибо. Но, извиняюсь, здесь буква «Х», а мои инициалы «С. В. Б.»

Милославский. Без капризов. У меня не магазин. Прячь.

Рейн *(входит)*. Вы почему здесь? Вас же повезли Индию осматривать.

Милославский. Ничего интересного там нет.

Рейн. Да вы в ней и пяти минут не пробыли.

Милославский. Мы и одной минуты в ней не пробыли.

Рейн. Так какого же черта вы говорите, что неинтересно?

Милославский. В аэроплане рассказывали.

Бунша. Полное однообразие.

Рейн. Вы-то бы уж помолчали, Святослав Владимирович! Большим разнообразием вы пользовались в вашем домкоме. Ну, хорошо, мне некогда. *(Направляет-*

ся к своему механизму.) Слушайте, вы собираетесь у меня над душой стоять? Я так работать не могу. Отправляйтесь в какое-нибудь другое место, если вам не нравится Индия.

Милославский. Академик! Женя! Что же это с вашей машиной? Вы будете любезны доставить нас на то место, откуда вы нас взяли.

Рейн. Я не шофер.

Милославский. Э-э-х!

Рейн. Вы — жертвы случая. Произошла катастрофа. Я же не виноват, что вы оказались у Михельсона в комнате. Да, впрочем, почему катастрофа? Миллионы людей мечтают о том, чтобы их перенесли в такую жизнь. Неужели вам здесь не нравится?

Милославский. Миллиону нравится, а мне не нравится. Нету мне применения здесь!

Рейн. Да что вы рассказываете? Почему не читаете ваших стихов? За вами ходят, вам смотрят в рот! Но никто от вас ничего не слышал, кроме этого осточертевшего Кочубея.

Милославский. Э-э-х! *(Выпивает спирту из крана, потом разбивает стакан.)*

Рейн. Что это за хамство!

Милославский. Драгоценный академик! Шевельните мозгами! Почините вашу машинку, и летим отсюда назад! Трамваи сейчас в Москве ходят! Народ суетится! Весело! В Большом театре сейчас утренник. В буфете давка! Там сейчас антракт! Мне там надо быть! Тоскую я! *(Становится на колени.)*

Бунша *(тоже становится на колени).* Евгений Николаевич! Меня милиция сейчас разыскивает на всех парусах. Ведь я без разрешения отлучился. Я — эмигрант! Увезите меня обратно!

Рейн. Да ну вас к черту! Прекратите вы этот цирк! Поймите, что тут беда случилась. Ключ выскочил из машины! С шифром ключ. А я без него не могу пустить машину.

Милославский. Что? Ключ, говорите? Это золотой ключик?

Рейн. Именно, золотой ключик.

Милославский. Что же ты молчал две недели?! *(Обнимает Рейна.)* Ура! Ура! Ура!

Рейн. Отвяжитесь вы от меня! На нем двадцать цифр, я их вспомнить не могу!

Милославский. Да чего же их вспоминать, когда у вас ключ в кармане в прозодежде!

Рейн. Там его нет. *(Шарит в карманах, вынимает ключ.)* Что такое? Ничего не понимаю. Это волшебство!

Бунша. Цепь моих подозрений скоро замкнется.

Рейн. Аврора! Аврора!

Аврора *(входит)*. Что? Что такое?

Рейн *(показывает)*. Ключ!

Аврора. У меня подкосились ноги... Где он был?

Рейн. Не понимаю... В кармане...

Аврора. В кармане! В кармане!

Милославский. Летим немедленно!

Рейн. Виноват, мне нужны сутки, чтобы отрегулировать машину. А если вы будете метаться у меня перед глазами, то и больше. Пожалуйста, уходите оба.

Милославский. Уходим, уходим. Только уж вы, пожалуйста, работайте, а не отвлекайтесь в сторону.

Рейн. Попрошу вас не делать мне указаний.

Аврора *(Милославскому)*. И никому ни слова о том, что найден ключ.

Милославский. Будьте покойны, ни-ни-ни... *(Бунше.)* Следуй за мной, и чтоб молчать у меня! *(Уходит с Буншей.)*

Рейн. Ключ! Аврора, ключ! *(Обнимает ее.)*

Милославский *(выглянув)*. Я же просил вас, Женечка, не отвлекаться... Пардон, мадемуазель. Ушел, ушел, ушел... Проверил только и ушел.

Темно.

Та же терраса. Рейн и Аврора у механизма. Рейн регулирует его, и время от времени начинает мерцать кольцо.

Рейн. Слышишь?

Аврора. Гудит.

В аппарате вспыхивает сигнал. Рейн тушит кольцо, прячет ключ в карман.

Тсс... Отец. *(Уходит.)*

Радаманов *(входит)*. Здравствуйте, Рейн. Извините, что я прерву вашу работу, но у меня дело исключительной важности.

Рейн. Я к вашим услугам.

Радаманов. Я только что с заседания, которое было посвящено вам.

Рейн. Слушаю.

Радаманов. И вот что мне поручили передать вам. Мы постановили считать, что ваше изобретение — сверхгосударственной важности. А вас, автора этого изобретения, решено поставить в исключительные условия. Все ваши потребности и все ваши желания будут удовлетворяться полностью, независимо от того, чего бы вы ни пожелали. К этому нечего добавлять, кроме того, что я поздравляю вас.

Рейн. Я прошу вас передать Совету Народных Комиссаров мою величайшую признательность, а также благодарность за то гостеприимство, с которым приняли меня и моих случайных спутников.

Радаманов. Я все это передам. И это все, что вы хотели сказать?

Рейн. Да, все... я польщен...

Радаманов. Признаюсь вам, я ожидал большего. На вашем месте я бы ответил так. Я благодарю государство и прошу принять мое изобретение в дар.

Рейн. Как? Вы хотите, чтобы я отдал свою машину?

Радаманов. Прошу вас помыслить. Могло бы быть иначе?

Рейн. А! Я начинаю понимать. Скажите, если я восстановлю свою машину...

Радаманов. В чем, кстати говоря, я не сомневаюсь.

Рейн. Мне дадут возможность совершать на ней мои полеты самостоятельно?

Радаманов. С нами, с нами, о гениальный инженер Рейн!

Рейн. Народный Комиссар Изобретений! Мне все ясно. Прошу вас, вот мой механизм, возьмите его, но предупреждаю вас, что я лягу на диван и шагу не сделаю к нему, пока возле него будет хотя бы один контролер.

Радаманов. Не поверю, не поверю. Если вы это сделаете, вы умрете в самый короткий срок.

Рейн. Вы что же, перестанете меня кормить?

Радаманов. Поистине вы сын иного века. Такого, как вы, не кормить? Ешьте сколько угодно. Но настанет момент, когда еда не пойдет вам в рот, и вы зачахнете. Человек, совершивший то, что совершили вы, не может лечь на диван.

Рейн. Эта машина принадлежит мне.

Радаманов. Какая ветхая, но интересная древность говорит вашими устами! Она принадлежала бы вам, Рейн, если б вы были единственным человеком на земле. Но сейчас она принадлежит всем.

Рейн. Позвольте! Я человек иной эпохи. Я прошу отпустить меня, я ваш случайный гость.

Радаманов. Дорогой мой. Я безумцем назвал бы того, кто бы это сделал! И никакая эпоха не отпустила бы вас и не отпустит, поверьте мне!

Рейн. Я не понимаю, зачем вам понадобилась эта машина?

Радаманов. Вы не понимаете? Не верится мне. Вы не производите впечатления неразвитого человека. Первый же поворот винта закончился тем, что сейчас там, в той Москве, мечется этот... как его... Василий Грозный... он в девятнадцатом веке жил?

Рейн. Он жил в шестнадцатом, и его звали Иван.

Радаманов. Прошу прощения, я плоховато знаю историю. Это специальность Авроры. Итак, там вы оставили после себя кутерьму. Затем вы кинетесь, быть может, в двадцать шестой век... И кто, кроме Саввича, который уверен, что в двадцать шестом будет непременно лучше, чем у нас в двадцать третьем, по-

ручится, что именно вы там встретите? Кто знает, кого вы притащите к нам из этой загадочной дали на ваших же плечах? Но это не все. Вы представляете себе, какую пользу мы принесем, когда проникнем в иные времена? Ваша машина бьет на четыреста лет, вы говорите?

Рейн. Примерно да.

Радаманов. Стало быть, она бьет по бесконечности. И, быть может, еще при нашей с вами жизни мы увидим замерзающую землю и потухающее над ней солнце! Это изобретение принадлежит всем! Они все живут сейчас, а я им служу! О Рейн!

Рейн. Я понял. Я пленник. Вы не отпустите меня. Но мне интересно, как вы осуществите контроль надо мной. Ведь не милиционера же вы приставите ко мне?

Радаманов. Единственный милиционер, которого вы можете увидеть у нас, стоит под стеклом в музее Голубой Вертикали, и стоит уже с лишком сто лет. Кстати, ваш приятель Милославский вчера, говорят, сильно выпивши, посетил музей и проливал слезы умиления возле этого шкафа. Ну, у всякого свой вкус... Нет, дорогой мой, ваш мозг слишком развит, чтобы вас учить с азов! Мы просим вас сдать нам изобретение добровольно. Откажитесь от своего века, станьте нашим гражданином. А государство приглашает вас с нами совершить все полеты, которые мы совершим. Руку, Рейн!

Рейн. Я сдаю машину, вы убедили меня.

Радаманов *(жмет руку Рейну, открывает шкаф)*. Один ключ от шкафа будет храниться у меня, другой постановлено вручить Саввичу. Он выбран вторым контролером. С завтрашнего дня я дам вам специалистов по восстановлению памяти, и в три дня вы найдете ваш шифр, я вам ручаюсь.

Рейн. Подождите закрывать, Радаманов. Специалисты мне не нужны. Ключ с шифром нашелся, вот он. Я завтра могу пустить механизм в ход.

Радаманов. Уважаю вас, Рейн. Руку. *(Берет ключ.)*

Аврора *(вбегает)*. Сию минуту отдай ключ мне! Ты что наделал! Я так и знала, что тебе нужна нянька!

Радаманов. Ты с ума сошла? Ты подслушивала нас?

Аврора. Все до последнего слова. Расстаться с моим мечтанием увидеть все, что мы должны были увидеть!.. Ну, так имей, отец, в виду, что Рейн не полетит без меня! Правда, Рейн?

Рейн. Правда.

Аврора. Это мой муж, отец! Имей в виду это! Мы любим друг друга!

Радаманов *(Рейну)*. Вы стали ее мужем? Я на вашем месте сильно бы задумался перед тем, как сделать это. Впрочем, это ваше частное дело. *(Авроре.)* Попрошу тебя, перестань кричать.

Рейн. Павел Сергеевич...

Аврора. Нет, я не перестану!

Рейн. Павел Сергеевич, вы мне сказали, что мои желания будут исполняться?

Радаманов. Да, я это сказал. А раз я сказал, я могу это повторить.

Рейн. Так вот, я желаю, чтобы Аврора летела со мной.

Аврора. Вот это по-мужски!

Радаманов. И она полетит с вами.

Аврора *(Рейну)*. Требуй, чтоб первый полет был в твою жизнь! Я хочу видеть твою комнату! И потом подайте мне Ивана Грозного.

Радаманов. Она полетит с вами. Но раньше, чем с нею летать, я бы на вашем месте справился, каков у нее характер.

Аврора. Сию минуту замолчи.

Радаманов. Нет, ты замолчи, я еще не кончил. *(Вынимает футляр.)* Мы просим вас принять этот хронометр. На нем надпись: «Инженеру Рейну — Совет Народных Комиссаров Мира». *(Открывает футляр.)* Позвольте! Куда же он девался? Я показывал его только

Милославскому, и он еще хлопал в ладоши от восторга! Нет, это слишком!

На столе вспыхивает сигнал, открывается люк, и появляется Саввич.

Саввич. Я прибыл, как условлено.

Радаманов. Да. Вот механизм. А вот ключ. Он нашелся. Прошу вас, закрывайте.

Саввич. Значит, машина пойдет в ход?

Радаманов. Да.

Закрывают шкаф.

Аврора *(Саввичу)*. Фердинанд, Рейн — мой муж, и имейте в виду, что я совершу полеты с ним.

Саввич. Нет, Аврора. Это будет еще не скоро. Слушайте постановление Института. На основании исследования мозга этих трех лиц, которые прилетели из двадцатого века, Институт постановил изолировать их на год для лечения, потому что, Радаманов, они опасны для нашего общества. И имейте в виду, что все пропажи последнего времени объяснены. Вещи похищены этой компанией. Эти люди неполноценны. Аврора и Рейн, мы разлучаем вас.

Аврора. Ах, вот как! Отец, полюбуйся на директора Института Гармонии! Посмотри-ка на него! Он в бешенстве, потому что потерял меня!

Саввич. Аврора, не оскорбляйте меня. Я исполнил свой долг. Он не может жить в Блаженстве!

Рейн *(Саввичу)*. Что вы сказали насчет пропаж?! *(Схватывает со стола пресс-папье.)*

Радаманов. Рейн! Положите пресс-папье! Я приказываю вам! *(Саввичу.)* Мне надоел ваш Институт Гармонии! И я вам убедительно докажу, что он мне надоел.

Рейн. Радаманов! Я жалею, что отдал ключ!

Саввич. Прощайте. *(Опускается в люк.)*

Радаманов. Рейн, ждите меня и успокойтесь. Я беру это на себя. *(Уходит.)*

Аврора *(бежит за ним)*. Отец! Скажи им, что... *(Исчезает.)*

Рейн *(один)*. Ах, вот как... вот как...

Входят Милославский и Бунша.

Милославский. Ну, что, профессор, готова машина?

Рейн. Сию минуту подать сюда хронометр!

Милославский. Хронометр? Это который с надписью? Так вот он, на столе лежит. Вон он...

Бунша. Вот теперь мои подозрения перешли в уверенность.

Рейн. Оба вон! И если встретите Саввича, скажите ему, чтобы он остерегся попасться мне на дороге!

Темно.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тот же день. Та же площадка.

Анна. Милый Жорж, я так страдаю за вас! Может быть, я чем-нибудь могу облегчить ваши переживания?

Милославский. Можете. Стукните кирпичом вашего вредного Саввича по голове.

Анна. Какие образные у вас выражения, Жорж.

Милославский. Это не образные выражения. Настоящих образных вы еще не слышали. Эх, выругаться б сейчас, может быть, легче бы стало.

Анна. Так ругайтесь, Жорж!

Милославский. Вы думаете? Ах, ты!.. Нет, не буду. Неудобно как-то здесь. Приличная обстановка...

Анна. Жорж, я не верю в то, что вы преступник.

Милославский. Кто же этому поверит?

Анна. О, как вы мне нравитесь, Жорж!

Милославский. Я всем женщинам нравлюсь.

Анна. Какая жестокость!

Милославский. Анеточка, вы бы лучше пошли бы, послушали, что они там говорят на заседании.

Анна. На что ты меня толкаешь?

Милославский. Ну, как хочешь... Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде...

Анна. Твои стихи?

Милославский. Мои.

Анна. Я иду. *(Уходит.)*

Бунша входит.

Милославский. Подслушал?

Бунша. Не удалось. Я на колонну влез, но меня заметили.

Милославский. Осел какой!

Бунша. Я и сам в отчаянии.

Пауза.

Граббе. Можно войти?

Милославский. А-а, доктор! Милости просим. Что скажете, доктор, хорошенького?

Граббе. Да, к сожалению, хорошенького мало. Институт поручил мне, во-первых, ознакомить вас с нашими исследованиями, а во-вторых, принять вас на лечение. (*Вручает Милославскому и Бунше по конверту.*)

Милославский. Мерси. *(Читает.)* Одолжите ваше пенсне на минуточку, я здесь одно слово не разберу.

Граббе. Пожалуйста.

Милославский. Это... что означает... клептомания?

Граббе. Болезненное влечение к воровству.

Милославский. Ага. Благодарю вас. Мерси.

Бунша. И я попрошу пенсне одолжить. Это что такое — деменция?

Граббе. Слабоумие.

Бунша возвращает пенсне.

Милославский. Мерси от имени обоих. Это какой же гад делал исследование?

Граббе. Извините, это мировая знаменитость профессор Мэрфи в Лондоне.

Милославский *(по аппарату)*. Лондон. Мерси. Профессора Мэрфи. Мерси.

В аппарате голос: «Вам нужен переводчик?»

Нет, не нужен. Профессор Мэрфи? Вы не профессор Мэрфи, а паразит. *(Закрывает сигнал.)*

Граббе. Что вы делаете?

Милославский. Молчать! Три раза мне палец снимали и отпечатывали: в Москве, в Ленинграде и в Ростове-на-Дону, и все начальники уголовного розыска единодушно сказали, что человек с таким пальцем не может украсть. И вдруг является какой-то фельдшер, коновал...

Граббе. Одумайтесь. Бунша, повлияйте на вашего приятеля...

Бунша. Молчать!

Граббе *(по аппарату)*. Саввич!

Саввич появляется.

Я отказываюсь их лечить. Передайте их какому-нибудь другому врачу. *(Уходит.)*

Саввич *(Милославскому)*. Вы оскорбили профессора Граббе? Ну, смотрите, вам придется раскаяться в этом!

Милославский. Я оскорбил? Это он меня оскорбил! А равно также лучшего моего друга, Святослава Владимировича Буншу-Корецкого, бывшего князя и секретаря! Это что за слово такое — клептомания? Я вас спрашиваю, что это за слово такое — клептомания?

Саввич. Попрошу вас не кричать!

Милославский. Я шепотом говорю! Это что такое — клептомания?

Саввич. Ах, вы не знаете? Клептомания — это вот что. Это когда в Блаженстве вдруг начинают пропадать одна за другой золотые вещи... Вот что такое клеп-

томания! Скажите, пожалуйста, вам не попадался ли мой портсигар?

Милославский. Маленький, золотой, наискосок буква «С»?

Саввич. Вот, вот именно!

Милославский. Не попадался.

Саввич. Куда же он девался?

Милославский. Запирать надо, молодой человек, портсигары. А то вы их расшвыриваете по столам, людей в грех вводите. А им потом из-за вас страдать приходится! Гляньте на этот палец! Может ли человек с этим пальцем что-нибудь украсть? Вы понимаете, что такое наука — дактилоскопия? Ах, не дочитали? Вы только клептоманию выучили. Когда мой палец рассматривали в МУРе, из всех отделов сбежались смотреть! Не может этот палец коснуться ничего чужого! На тебе твой портсигар, подавись им! На! *(Швыряет портсигар Саввичу.)*

Саввич. Хорошую компанию привез в Блаженство инженер Рейн! И в то время, когда этот человек попадается с чужой вещью, Радаманов по доброте своей пытается вас защитить! Нет, этого не будет! Вы сами ухудшили свое положение! *(Уходит.)*

Бунша. Я думал, что он успокоится от твоей речи, а он еще больше раздражился.

Вбегают Рейн и Аврора.

Евгений Николаевич! Меня кровно оскорбили.

Рейн. Попрошу вас замолчать. Мне некогда слушать вашу ерунду. Выйдите на минутку отсюда, я должен посоветоваться с Авророй.

Бунша. Такие оскорбления смываются только кровью.

Рейн. Уходите оба!

Бунша и Милославский уходят.

Ну, Аврора, говори, у нас мало времени.

Аврора. Надо бежать!

Рейн. Как? Обмануть Радаманова? Я дал ему слово!

Аврора. Бежим! Я не позволю, чтобы они распоряжались тобой! Я ненавижу Саввича!

Рейн. Да! Ну, думай, Аврора, я даю тебе несколько секунд всего! Тебе придется покинуть Блаженство, и, вероятно, навсегда! Ты больше не вернешься сюда!

Аврора. Мне надоели эти колонны, мне надоел Саввич, мне надоело Блаженство! Я никогда не испытывала опасности, я не знаю, что у нее за вкус! Летим!

Рейн. Куда?

Аврора. К тебе!

Рейн. Милославский!

Милославский и Бунша появляются.

Милославский. Я!

Рейн. Чтоб сейчас здесь были ключи от шкафа! Один в кармане у Радаманова, другой — у Саввича!

Милославский. Женя! С этим пальцем человек украсть не...

Рейн. Ах, человек не может! Ну, оставайся в лечебнице!

Милославский. ...украсть на заседании не может, потому что его туда не пустят. Но он может открыть любой шкаф.

Рейн. Болван! Этот шкаф закрыт тройным шифром!

Милославский. Кухонным замком такие шкафы и не закрывают. Вы, Женечка, сами болван. Бунша, на стрему! Впустишь кого-нибудь — убью! *(Рейну.)* Благоволите перочинный ножичек. *(Берет нож у Рейна и вскрывает первый замок.)*

Аврора *(Рейну)*. Ты видел?

Милославский. Бунша, спишь на часах?! Голову оторву! *(Открывает шкаф настежь.)*

Анна *(вбегает).* Они постановили... Что ты делаешь?!

Милославский. Это отпадает, что они постановили!

Анна. Ты безумен! Это государственный секретный шкаф! Значит, они говорили правду! Ты преступник!

Милославский. Анюта, ша!

Рейн вынимает из шкафа механизм и настраивает его.

Анна. Аврора, останови их! Образумь их!

Аврора. Я бегу вместе с ними.

Милославский. Анюточка, едем со мной!

Анна. Нет, нет! Я боюсь! Это страшное преступление!

Милославский. Ну, как знаешь. На суде держись смело! Вали все на одного меня! И что б судья ни спросил, говори только одну формулу — была пьяна, ничего не помню! Тебе скидку дадут!

Анна. Я не могу этого видеть! *(Убегает.)*

Милославский *(вслед).* Если будет мальчик — назови его Жоржем! В честь меня! Бунша! Складайся!

Рейн. Не смейте брать ничего из шкафа!

Милославский. Ну, нет! Один летательный аппаратик я прихвачу!

В этот момент начались тревожные сигналы. Вдали послышались голоса. И падает стальная стена, которая отрезает путь с площадки.

Рейн. Что это?

Аврора. Скорей! Это тревога! Шкаф дал сигнал! Скорей!

Вспыхивает кольцо вокруг механизма, и послышался взрыв музыки.

Милославский. Большой театр! К последнему действию поспеем!

Бунша *(схватив часы Михельсона, бросается к механизму).* Я — лицо официальное, я первый!

Милославский. Черт с тобой!

Рейн. По одному. *(Включает механизм.)*

Поднимается вихрь, свет на мгновение гаснет, и Бунша исчезает.

Милославский. Анюта! Вспоминай меня! *(Исчезает.)*

Люк раскрывается, и поднимается Саввич.

Саввич. Ах, вот что! Тревога! Тревога! Они взломали шкаф! Они бегут! Радаманов! *(Бросается, пытаясь помешать, схватывает Аврору за руку.)*

Рейн *(выхватывает из шкафа автоматический пистолет, стреляет в воздух).*

Саввич выпускает Аврору.

Саввич! Я уже предупредил вас, чтобы вы не попадались мне на дороге! Одно движение — и я вас застрелю!

Саввич. Это гнусное насилие! Я безоружен! Аврора!

Аврора. Я вас ненавижу!

Открывается другой люк, и появляется Радаманов.

Саввич. Радаманов! Берегитесь! Здесь убийца! Он вас застрелит'

Радаманов. Я не боюсь.

Саввич. Я не могу задержать его, он вооружен!

Радаманов. Стало быть, и не нужно его задерживать. *(Рейну, указав на кассу.)* Как же так, инженер Рейн?

Рейн *(указав на Саввича).* Вот кого поблагодарите. *(Вынимает хронометр.)* Вот хронометр. Милославский отдал мне его! Возвращаю вам его, Павел Сергеевич. Я не имею на него права. Прощайте! Мы никогда не увидимся!

Радаманов. Кто знает, кто знает, инженер Рейн!

Рейн. Прощайте!

Аврора. Отец! Прощай!

Радаманов. До свиданья! Супруги Рейн! Когда

вам наскучат ваши полеты, возвращайтесь к нам! *(Нажимает кнопку.)*

Стальная стена уходит вверх, открывая колоннаду и воздух Блаженства.

Рейн бросает пистолет, включает механизм. Взрыв музыки. Рейн схватывает с собой механизм и исчезает вместе с Авророй. Сцена в темноте.

Саввич. Радаманов! Что мне делать? Они улетели!

Радаманов. Это ваша вина! И вы ответите за это, Саввич!

Саввич. Аврора! Вернись!

Темно.

Комната Рейна. Тот же день и час, когда наши герои вылетали в Блаженство. На сцене расстроенный Михельсон и милиция. Пишут протокол.

Милиция. На кого же имеете подозрение, гражданин?

Михельсон. На всех. Весь дом — воры, мошенники и контрреволюционеры.

Милиция. Вот так дом!

Михельсон. Берите всех! Прямо по списку! А флигель во дворе — так тот тоже населен преступниками сверху донизу.

Милиция. Без паники, гражданин. *(Смотрит список.)* Кто у вас тут проживает, стало быть? Бунша-Корецкий?

Михельсон. Вор!

Милиция. Инженер Рейн?

Михельсон. Вор!

Милиция. Гражданка Подрезкова?

Михельсон. Воровка!

Милиция. Гражданин Михельсон?

Михельсон. Это я, пострадавший. Берите всех, кроме меня.

Милиция. Без паники.

Внезапно вихрь, свет гаснет и вспыхивает. Является Бунша с часами Михельсона в руках.

Михельсон. Вот он! Хватайте его, товарищи! Мои часы!

Бунша. Товарищи! Добровольно вернувшийся к исполнению своих обязанностей секретарь Бунша-Корецкий прибыл. Прошу занести в протокол — добровольно. Я спас ваши часы, уважаемый гражданин Михельсон.

Милиция *(Бунше)*. Вы откуда взялись? Вы задержаны, гражданин.

Бунша. С наслаждением передаю себя в руки родной милиции и делаю важное заявление: на чердаке...

Свет гаснет. Гром и музыка, и является Милославский.

Михельсон. Товарищи, мое пальто!

Милославский *(внезапно вскакивает на подоконник, распахивает окно, срывает с себя пальто Михельсона)*. Получите ваше пальто, гражданин Михельсон, и отнесите его на барахолку! Надел я его временно! Также получите и ваши карманные часы и папиросницу! Вы не видели, какие папиросницы и пóльта бывают! Украсть же я ничего не могу! Гляньте на этот палец! Бунша, прощай! Пиши в Ростов!

Михельсон. Держите его!

Бунша. Жоржик! Отдайся в руки милиции вместе со мной и чистосердечно раскайся!

Милославский. Гран мерси! Оревуар! *(Разворачивает летательный аппарат. Улетает.)*

Бунша. Улетел! Товарищи! На чердаке...

Милиция. Ваше слово впоследствии!

Музыка, свет гаснет, являются Рейн и Аврора.

Михельсон. Вот тоже из их шайки!

Рейн. Гражданин Михельсон! Вы — болван! Аврора, успокойся, ничего не бойся!

Аврора. Кто эти люди в шлемах?

Рейн. Это милиция. *(Милиции.)* Я — инженер Рейн. Я изобрел механизм времени и только что был в

будущем. Эта женщина — моя жена. Прошу вас быть поосторожнее с ней, чтобы ее не испугать.

Михельсон. Меня обокрали, и их же еще не пугать!

Милиция. С вашим делом, гражданин, повремените. Это из этого аппарата царь появился?

Бунша. Из этого, из этого. Это я звонил! Он на чердаке сейчас сидит, я же говорил!

Милиция. Товарищ Мостовой! Товарищ Жудилов!

Движение. Открывается дверь на чердак, потом все отшатываются. В состоянии тихого помешательства идет Иоанн. Увидев всех, крестится.

Иоанн. О, беда претягчайшая!.. Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец...

Пауза.

Михельсон. Товарищи, берите его! Нечего на него глядеть!

Иоанн *(мутно поглядев на Михельсона)*. Собака! Смертный прыщ!

Михельсон. Ах, я же еще и прыщ!

Аврора *(Рейну)*. Боже, как интересно! Что же с ним сделают? Отправь его обратно. Он сошел с ума!

Рейн. Да.

Включает механизм. В этот же момент грянул набат. Возникла сводчатая палата Иоанна. По ней мечется Стрелецкий голова.

Голова. Стрельцы! Гей, сотник! Гой да! Где царь?!

Рейн *(Иоанну)*. В палату!

Иоанн. Господи! Господи! *(Бросается в палату.)*

Рейн выключает механизм, и в то же мгновение исчезают палата, Иоанн и Голова.

Милиция *(Рейну)*. Вы арестованы, гражданин. Следуйте за нами.

Рейн. С удовольствием. Аврора, не бойся ничего.

Бунша. Не бойтесь, Аврора Павловна, милиция у нас добрая.

Михельсон. Позвольте, товарищи, а дело о моей краже?

Милиция. Ваша кража временно отпадает, гражданин. Тут поважнее кражи.

Уводят Рейна, Аврору и Буншу.

Михельсон *(один, после некоторого отупения).* Часы, папиросница тут, пальто... Все тут... *(Пауза.)* Вот, товарищи, что у нас произошло в Банном переулке. А ведь расскажи я на службе или знакомым, ведь не поверят, нипочем не поверят!

Темно.

Конец

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Киносценарий

Эп. 1.

На туманных очертаниях зимнего вечернего Санкт-Петербурга голос автора:

— Очень сомнительно, господа, чтобы избранный нами герой вам понравился. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, а если у него какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда!

Увы! Все это автору известно. И все же он не может взять в герои добродетельного человека. Потому что пора дать отдых добродетельному человеку, потому что обратили в рабочую лошадь добродетельного человека, и нет автора, который бы не ездил на нем, понукая всем, чем попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что на нем и тени нет добродетели, а остались только ребра да кожа вместо тела.

— Нет, пора, пора наконец припрячь подлеца! Итак, припряжем подлеца!..

Эп. 2.

На последних словах автора возникает горбатый пешеходный мостик через Мойку. На мостик, борясь с пургой и ветром, вбегает небольшой человек в тощей шинелишке. Подбежав к фонарю, человек остановился, посмотрел на часы и, запахнувшись поглубже в шинель, прислонился в ожидании к фонарному столбу.

— Коллежский советник, — рекомендует автор, — Павел Иванович Чичиков. Два раза наживался, два

раза проживался. Был под уголовным судом, но ловко увернулся и сейчас в ожидании лучшего вынужден заниматься званием поверенного...

Вдруг Чичиков встрепенулся. На мостике показался дородный господин, укутанный в меховую шинель. Чичиков бросился ему навстречу. Господин испуганно остановился.

— Чичиков! — недовольно воскликнул он. — Опять вы!

— Господин секретарь... — униженно раскланиваясь, проговорил Чичиков и, ухватив господина за рукав, стал что-то шептать ему. Вырвав руку, секретарь отстранил Чичикова и двинулся было вперед.

— Ради бога! — вскрикнул Чичиков и, снова прильнув к нему, умоляюще стал о чем-то просить...

Налетевший ветер заволок их снежной завесой.

Эп. 3.

А когда завеса рассеялась, мы увидели их, входящих в ярко освещенную залу богатой ресторации, где играла музыка и за столиками сидели немногочисленные посетители. Быстро пройдя в сопровождении полового через залу, Чичиков и секретарь скрылись за матово-стеклянной дверью отдельного кабинета, обратив при этом на себя особое внимание какой-то «странной личности в темных очках», сидевшей в одиночестве с газетой...

Эп. 4.

Стол. Остатки ужина. Оплывшие свечи в канделябре. Фрукты. Шампанское. Доносится музыка. За столом сильно подвыпивший секретарь и трезв и обольстителен Чичиков.

— Из поручений Чичикову досталось, — говорит автор, — похлопотать о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян одного разорившегося имения...

Иронически прищурившись, секретарь просматривает бумаги, а Чичиков наливает в бокалы шампанское.

— Ну-с, и что же вы от меня хотите? — отрываясь от бумаг, спрашивает секретарь.

— Тут, Ксенофонт Акимыч, вот какое дело, — на-

клоняясь ближе, тихонько объясняет Чичиков, — половина крестьян этого имения уже вымерла, так чтобы не было каких-либо...

Не дослушав его, секретарь бросил на стол бумаги и, откинувшись на спинку стула, захохотал, отрицательно качая при этом головой.

Осмотревшись, Чичиков вынул из бокового кармана заготовленную пачку денег и молча положил ее перед секретарем. Незаметно прикрыв пачку салфеткой, секретарь перестал смеяться и, устремив на Чичикова прищуренный глаз, спросил:

— А по ревизской сказке эти, ваши умершие, числятся?

— Числятся-с...

— Ну, так чего же вы, голубчик, оробели? — рассмеялся секретарь и, взяв одним движением руки бумаги и деньги, неожиданно встал. — Один умер, другой родится, а все в дело годится, — подмигнув, весело добавил он и снисходительно похлопал Чичикова по плечу.

— Жду вас завтра, — прощаясь с ним за руку, сказал секретарь и вышел.

Оставшись один, Чичиков растерянно смотрит ему вслед. Лицо его постепенно меняется и, вдруг ударив себя по лбу, он вскрикивает: — Ах, я Аким простота, Аким простота! Ведь ежели по ревизской сказке числятся, как живые... Стало быть живые!

Подойдя к столу, он залпом выпивает налитый бокал и застывает, пораженный необычайной мыслью. — Да накупи я всех этих, которые вымерли, положим, тысячу... Да, положим, заложи их в опекунский совет по двести рублей на душу... — считает, шевеля губами. — Двести тысяч! — хрипло выдавил он. — Двести тысяч капиталу! Боже мой! — хватается за голову, валится на диван, смеется... Внезапно на лице его страх. — Хлопотливо, конечно... — опасливо оглядываясь, тихо произносит он. — Страшно... Но кто же зевает теперь. Все приобретают, все благоденствуют! Поче-

му я должен пропасть червем? А что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец скотина, не оставил нам никакого состояния!.. Двести тысяч! Двести тысяч! — дрожа от волнения, повторяет Чичиков. — А время удобное, недавно была эпидемия. Народу вымерло, слава богу, немало...

Крестится. Решительно поднимается. Берет со стола колокольчик и с силой звонит.

Эп. 5.

Звон колокольчика подхватили валдайские бубенцы, и по весенней столбовой дороге, разбрызгивая дождевые лужи, промчалась быстрая тройка с закрытой холостяцкой бричкой.

По гребню холма, среди крылатых мельниц, пролетела тройка, мимо серой, пустынной деревушки пронеслась она и вдруг, замедлив бег, остановилась на горе, около кладбища, спугнув зычным ямщицким «тпрррууу» стаю ворон с высоких берез.

Из брички тотчас же выскочил небольшой человек в дорожной шинели и картузе; оглянувшись по сторонам, он ловко прошмыгнул через кладбищенскую изгородь... и появился на бугорке среди могил и крестов. Это Чичиков. Осмотрев кладбище, он деловито начал считать белые кресты на свежих могилах... Внезапно послышался отдаленный колокольный перезвон. Чичиков вздрогнул, перескочил на одну из самых высоких могил и, вытянувшись, увидел...

Невдалеке, под горой, город. Блестят кресты церквей, белеют здания, виднеется пожарная каланча.

Эп. 6.

Переваливаясь по ухабам, пугая свиней и гусей, бричка Чичикова въехала в город, причем въезд ее не произвел в городе никакого шума и не был сопровожден ничем особенным. Только два подвыпивших мужика, стоящие около кабака, сделали свои замечания, относящиеся более к экипажу, чем к сидевшему в нем Чичикову.

— Вишь ты, — сказал один другому, — какое колесо!

Что ты думаешь, кум, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?

— Доедет... — отвечал другой.

— А в Казань-то, я думаю, не доедет?

— В Казань не доедет...

А бричка между тем подъехала к облупленному зданию с полусмытой вывеской «Гостиница» и, сделав порядочный скачок на ухабе, скрылась в воротах...

Эп. 7.

— ...Приехав в город, герой наш развил необыкновенную деятельность насчет визитов... — говорит голос автора. — Первым был он с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову был ни толст, ни тонок собой, имел на шее «Анну», впрочем, был большой добряк и даже сам иногда вышивал на тюле...[1]

...От губернатора он заехал к вице-губернатору, и, хотя тот имел чин статского советника, Чичиков «по ошибке» дважды сказал ему «ваше превосходительство»...

...Затем он побывал у прокурора, человека весьма серьезного и молчаливого...

...У председателя палаты, весьма любезного и рассудительного человека...

...У почтмейстера, большого остряка и философа...

...У полицмейстера, мужчины мрачного вида, который, между прочим, пригласил нашего героя пожаловать к нему в тот же день на вечеринку...

Эп. 8.

Гостиная в доме полицмейстера. Гости. Говор. Бренчат клавикорды. В открытую дверь из гостиной видна часть комнаты, где, судя по восклицаниям: «Черви! Пикенция! Крести! Пичук!», играют в карты.

Гости, их человек 15—17, группами и парами расположились по бокам гостиной, в центре же, около клавикорд, вернее, вокруг играющей на клавикордах

---

[1] Каждому из этих персонажей необходимо лаконичное изобразительное решение.

пышной, молодящейся дамы, сгруппировалась сравнительно молодая часть гостей. Явно рисуясь, дама играет мелодию цыганского романса, сбоку, увиваясь около нее, переворачивает ноты грузинский князь Чипхайхиладзе.

В углу на диване председатель палаты — Иван Григорьевич и Чичиков.

— Простите... кто это? — кивнув в сторону дамы, спросил Чичиков.

— Анна Григорьевна... — ухмыльнувшись, ответил председатель. — Дама приятная во всех отношениях...

Дама, очевидно почувствовав на себе их взгляд, повернулась и, с силой нажав на клавикорды, устремила в свою очередь насмешливо-кокетливый взгляд в сторону Чичикова. Смутившись, Чичиков отвернулся и увидел «странную личность в темных очках». «Личность» одиноко сидела около большого зеркала.

Нагнувшись к уху председателя, Чичиков спросил:

— А это кто?

Мельком взглянув на «личность», председатель вполголоса шепнул:

— Шпион... Недавно приехал...

Чичиков, вздрогнув, метнул и сторону «личности» настороженный взгляд... Но, заметив выходящих из карточной Манилова и Собакевича, снова наклонился с вопросом к председательскому уху.

— Помещики Манилов и Собакевич, — ответил тот.

— Так, так, так, — произнес Чичиков, внимательно приглядываясь к тому и другому.

— И сколько же у каждого душ? — спросил он вполголоса.

Председатель, прищурившись, соображает, потом что-то шепчет Чичикову в ухо.

— Так, так... — оживляется Чичиков и, повернувшись к председателю ближе, спрашивает:

— А скажите, Иван Григорьевич, не было ли у них в имениях оспы или повальной горячки?

Председатель в удивлении отшатывается... В это

время в группе около клавикордов, куда подошли Манилов и Собакевич, раздался веселый, восторженный смех Манилова. Очевидно, князь Чипхайхиладзе рассказал что-то смешное. Председатель подводит к ним Чичикова и представляет его. Склонив голову набок и обольстительно улыбаясь, Чичиков легко шаркает, кланяется. Собакевич, пожимая его руку, наступает ему на ногу... Сморщившись от боли, Чичиков подскакивает. — Прошу прощения... — сконфуженный, басит Собакевич. Общий смех... Картина...

Эп. 9.

Карточная комната. Редкие восклицания. Свечи. Дым. Игра идет на двух столах. За одним Беребендровский, Перхуновский, тщедушный инспектор врачебной управы и весьма пожилая, почтенная дама. За другим — почтмейстер, полицмейстер, прокурор и Ноздрев. Все играющие в приличных фраках, только Ноздрев в каком-то архалуке, да к тому же одна бакенбарда у него меньше другой. Партнеры Ноздрева держат карты у груди так, чтобы он не смог подсмотреть.

— Пошел тамбовский мужик, — сказал полицмейстер, бросив на стол карту.

— А я его по усам, — вскричал Ноздрев, хлестнув картой. Играющие не спускают глаз с рук Ноздрева.

— Пошла старая попадья, — задумчиво произнес прокурор, кладя на стол даму. Почтмейстер и полицмейстер бросают по маленькой.

— А я ее по усам, — сказал Ноздрев, кроя валетом даму и забирая взятку себе.

— Эге-ге-ге! Позволь! Позволь! — вскричали играющие, хватая взятку Ноздрева.

— Валетом даму?..

Спор. Восклицания...

В дверях появляется председатель с Чичиковым. Спор оборвался. Играющие обернулись. Чичиков приветливо всем кланяется. Вдруг Ноздрев, вырвав руку со взяткой, вскакивает и, широко раскрыв объятия, громко кричит:

— Ба! Ба! Какими судьбами?! — Чичиков в изумлении остановился.

— А мы все утро говорили о тебе... — направляясь к нему, продолжает Ноздрев. — Смотри, говорю, если мы не встретим...

Тихо председателю:

— Как его фамилия?

— Чичиков, — ответил председатель.

— Смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова! — Ноздрев бесцеремонно ударяет растерянного Чичикова по плечу. Чиновники хихикают.

— Ну, поцелуй меня, душа моя! — говорит Ноздрев и, обняв Чичикова, крепко его целует...

Эп. 10.

— ...Уже более недели Павел Иванович, — говорит автор, — жил в городе, разъезжая по вечерникам и обедам, проводя, как говорится, очень приятно время... Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича...

На этих словах мы видим голые ноги Чичикова в большом тазу с водой, затем всю его фигуру. Высокий, худощавый детина с крупным носом и губами (крепостной Петрушка) тщательно обтирает мокрой губкой полное тело своего барина.

— Ты, Петрушка, — говорит ему Чичиков, — смотри здесь за комнатой и чемоданом. Да сходи, брат, что ли, в баню, а то от тебя черт знает чем несет...

— Ладно... — хмуро басит Петрушка, продолжая свое дело.

Эп. 11.

Другой крепостной нашего героя, кучер Селифан, коренастый мужичок небольшого роста, стоял в ожидании барина у крыльца и, попыхивая самодельной трубкой, оправлял до блеска начищенную сбрую на запряженной в бричку тройке.

Но вот на лестнице показался Чичиков. На плечи его была накинута шинель на больших медведях, и в руках он держал ларец-шкатулку красного дерева. Поддержи-

ваемый Петрушкой то с одной то с другой стороны, он спустился с лестницы и стал усаживаться в бричку.

Заткнув трубку за пояс, Селифан вскочил на козлы. Захлопнув дверцу брички, Петрушка, издав какой-то зычный звук, махнул Селифану рукой, и бричка с грохотом выехала из ворот на улицу...

Эп. 12.

На высоком юру барский дом самой обычной архитектуры. Около него на пригорке между березами красуется беседка с плоским куполом, голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления». Возле беседки на скамейке сидит, попыхивая трубкой, Манилов и мечтательно смотрит в небо...

Сзади на цыпочках к нему подкрадывается Манилова.

— Душенька! — нежно окликает она его.

— Ах!.. — полувскрикнул Манилов и, обернувшись, сладко потянулся к жене. Манилова целует его... и, пряча за спиною руку, нежненько просит:

— Разинь, душенька, ротик...

Манилов, зажмурив глаза, широко открывает рот. Манилова, жеманничая, кладет ему в рот конфетку. Манилов жует, счастливо смеется и снова принимается целовать супругу.

Из-за беседки появляется мужик в заплатанных штанах и шапкой в руке. Дико смотрит на нежную сцену.

Манилова, заметив мужика, выдирается из объятий.

Мужик поклонился и, почесывая пятерней в затылке, сказал:

— Позволь, барин, отлучиться, подать заработать...

Манилов, зевнув, махнул рукой.

— Ступай, голубчик.

Мужик медленно поплелся, а Манилой опять обнял Манилову, прижался к ней, вздохнул и, указав рукою на пруд, покрытый зеленой тиной, мечтательно заговорил:

— А хорошо бы, душенька, через этот пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки , и чтобы в них сидели купцы.

Манилов тычет рукой по воздуху, показывая, как купцы сидят рядами...

— И... и продавали бы разные мелкие товары... А?

Манилова восхищенно хлопает в ладоши, смеется и обнимает мужа. Поцелуй...

Из-за беседки появляется приказчик (пухлый человек со свиными глазками). Некоторое время молча наблюдает Маниловых, потом кашляет.

Манилова оборачивается.

— Ах!..

Манилов, отряхиваясь:

— Что тебе, любезный?..

Вдали послышался знакомый звон бубенцов чичиковской тройки.

— Хорошо бы, барин... — откашлявшись, начинает приказчик.

Колокольчики зазвенели ближе и ясней.

Маниловы ахнули, обернулись, взбежали повыше... смотрят вдаль...

— К нам! К нам! — восторженно закричал Манилов и от радости заплясал какой-то нелепый танец, затем сорвался и побежал; Манилова, взвизгнув, ринулась за ним...

Эп. 13.

Гостиная. Стол. Диван. Щегольская мебель, но одно кресло обтянуто рогожкой, другое без ножки...

В дверях, раскланиваясь, приседая и пропихивая друг друга, Чичиков и Манилов.

— Извольте вы...

— Нет уж, вы...

— Нет вы...

— Да отчего же?

— Ну, уж оттого.

Наконец, боком втискиваются в гостиную сразу оба, после чего Манилов немедленно оборачивается к жене, стоящей у зеркала.

— Душенька! Павел Иванович!

Чичиков легко подскочил к Маниловой и не без удовольствия прильнул к ее руке.

— Вы очень обрадовали нас своим приездом... — несколько картавя, проговорила Манилова.

— Да, да, Павел Иванович... — подхватил Манилов. Он подталкивает под Чичикова кресло, но кресло, наклонившись, падает, и Манилов, как ужаленный, схватывает Чичикова за талию.

— Нет, нет, не сдадитесь. Оно еще не готово. Вот сюда, пожалуйста.

Пятит его в кресло, покрытое рогожей...

Манилова вскрикивает:

— Ах нет, и это не готово!

Отдергивает Манилов Чичикова. Тогда тот, легким поворотом, освободившись от «опеки», опускается на стул.

— Позвольте я посижу на стуле.

— Ах, позвольте вам этого не позволить!.. — восторженно вскрикивает Манилов и, стащив смущенного Чичикова со стула, заботливо усаживает его при помощи жены в большое мягкое кресло. — Вот здесь вам будет удобнее, — успокоившись, наконец, сказал Манилов и уселся на диван напротив.

— Ну, как вам показался наш город? — подсаживаясь к мужу, спросила Манилова.

— Очень хороший город, прекрасный город, — улыбаясь, ответил ей Чичиков, приложив при этом руку к сердцу.

— А как вы нашли нашего губернатора? — кокетливо продолжала Манилова.

— О, препочтеннейший человек, — восторженно отзывается Чичиков. — И какой искусник. Как хорошо он вышивает различные узоры...

— А вице-губернатор, не правда ли, какой... — закатив глаза, спросил Манилов.

— Очень, очень достойный человек...

— А полицмейстер? Не правда ли? — вскричала Манилова.

— Через-вычайно приятный, чрезвычайно!..

Манилов тянется к Чичикову.

— Ах, Павел Иванович! Вашим посещением вы такое доставили нам наслаждение, такое наслаждение...

Чичиков приподнимается:

— Помилуйте... что я, ничтожный человек...

— О, Павел Иванович! — вскричал Манилов. — Я бы с радостью отдал половину моего состояния, чтобы иметь часть тех прекрасных достоинств, которые вы...

— Нет, нет,— перебивает его Чичиков. — Это я бы почел за величайшее счастье...

— Ах, Павел Иванович! — зажмурив от восторга глаза, вскрикивает Манилов и заключает Чичикова в объятия...

Манилова, засмеявшись счастливым смехом, убегает...

Чичиков в то время, пока Манилов висит у него на шее, вынимает часы, украдкой смотрит время, становится серьезным, легонько освобождается из объятий и говорит:

— Мне бы хотелось, почтеннейший друг, поговорить с вами об одном очень нужном деле.

— В таком случае позвольте мне попросить вас в мой кабинет, — сказал Манилов и повел Чичикова... в соседнюю с гостиной комнату.

Эп. 14.

— Вот мой уголок!

— Приятная комнатка, — заметил Чичиков, окинувши ее глазами.

Комнатка была точно не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской, несколько стульев, одно кресло, стол, на котором лежала одна книжка и несколько листов бумаги, но больше всего здесь было табаку. Он был в разных видах: в картузах, в табашнице и, наконец, насыпан был просто кучей на стуле.

— Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, — пригласил Манилов.

Чичиков сел.

— Позвольте вас попотчевать трубочкой.

— Я не курю... — ласково ответил Чичиков как бы с видом сожаления.

— Отчего же? — тоже ласково и с видом сожаления спросил Манилов.

— Не сделал привычки, боюсь: говорят, трубка губит.

— Позвольте вам заметить, что это предубеждение,— раскуривая трубку, сказал Манилов. — Курить табак гораздо здоровее, чем нюхать...

— Возможно, возможно... — как бы согласился Чичиков, — но позвольте, любезный друг, прежде одну просьбу... — проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего он оглянулся назад.

Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся и даже, встав, закрыл поплотнее двери, вернулся обратно и, уставившись на Чичикова, с величайшим вниманием приготовился слушать.

— Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку? — спросил его Чичиков.

— Да уж давно... — с недоумением ответил Манилов.

— А много ли с того времени умерло у вас крестьян?

— Очень... очень многие умирали, — не спуская с Чичикова глаз, ответил Манилов. — А для каких причин вам это нужно? — сладко спросил он.

Чичиков беспокойно оглянулся на дверь, Манилов тоже оглянулся и еще ближе наклонился к Чичикову.

— Я бы хотел купить... мертвых...

Манилов отшатывается, дико смотрит на Чичикова.

— Как-с? Извините... Мне послышалось престранное слово...

Чичиков смотрит в упор на Манилова и спокойно повторяет:

— Я полагаю приобрести мертвых крестьян...

Манилов тут же выронил чубук с трубкой на пол и, оцепенев от ужаса, уставился с разинутым ртом на Чи-

чикова. Некоторое время оба они сидели неподвижно, вперив друг в друга глаза, как те портреты, что вешались в старину один против другого, по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку и поглядел снизу Чичикову в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки, не пошутил ли он.

— Но, мне кажется, вы затрудняетесь? — заметил ему Чичиков.

— Я?.. Нет, я не то... — с трудом проговорил Манилов. — Но я... извините, не могу постичь... Может быть, здесь... в этом выраженном вами... скрыто другое... Может, вы изволили выразиться так для красоты слога?

— Нет, — перебил его Чичиков, — я разумею приобрести именно мертвых.

Манилов совершенно растерялся и вместо какого-нибудь вопроса принялся молча посасывать свои чубук, причем так сильно, что тот начал хрипеть, как фагот.

— Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения? — спросил его Чичиков.

— О, помилуйте, ничуть!.. Но позвольте спросить, — испуганно взглянув на гостя, с трудом проговорил он, — не будет ли эта, так сказать негоция... супротивна гражданским законам и дальнейшим видам России... — Здесь Манилов, сделавши движение головой, очень значительно посмотрел на Чичикова, показав в чертах своего лица и в сжатых губах такое глубокое выражение, какое может быть только у слишком умного министра в минуту самого головоломного дела.

— Нет, не будет, — твердо сказал Чичиков.

— Так вы полагаете?

— Я полагаю, что все будет хорошо.

— А если хорошо, то и я не против, — успокоившись, сказал Манилов.

— Тогда нам остается условиться только в цене...

— Как в цене? — опять испуганно воскликнул Манилов. — Неужели вы полагаете, что я за умершие души стану брать деньги... Нет уж, если вам пришло та-

кое фантастическое желание, то я передаю их вам совершенно безынтересно...

Этими словами он такое удовольствие доставил Чичикову, что тот чуть не подпрыгнул от радости.

— Ах, мой друг? — сердечно воскликнул он, протягивая Манилову руку. — Если бы вы знали, какую услугу сейчас вы оказали человеку без роду и племени. Да и действительно, чего только я не потерпел! Каких гонений и преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной и сироте горемыке!..

При этих словах Чичиков отер платком набежавшие слезы. Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча в глаза, в которых видны были слезы...

Эп. 15.

И вот герой наш в весьма довольном расположении духа уже катил в своей бричке по столбовой дороге. Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по его лицу, были, видно, приятны ему и вызывали довольную усмешку.

Кучер Селифан, изрядно подвыпивший у дворовых людей Манилова, делал в это время замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны. (Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжная каурой масти трудились от всего сердца.)

— Хитри, хитри! Вот я тебя перехитрю! — говорил Селифан и, перегнувшись, хлестнул чубарого кнутом. — Ты знай свое дело, панталонник немецкий! Вон гнедой, он справно сполняет свой долг, и я ему с охотой дам лишнюю меру, потому он почтенный конь... Ну, ну! Что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят. Куда, куда морду воротишь, Бонапарт проклятый! — прикрикнул Селифан и опять стегнул чубарого. — Ты живи по правде, коли хочешь, чтоб тебе

оказывали почтение. Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. А ежели хороший человек, с ним и выпить и закусить одно удовольствие. Хорошему человеку везде почтение. Вот барина нашего всякий уважает, потому что он справно сполняет службу государскую, потому что он есть сколеский советник, а ты варвар...

Если бы Чичиков прислушался к рассуждениям Селифана, он бы много узнал подробностей, относившихся лично к нему, но, покачиваясь в бричке, он сладко дремал, и только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть в окошечко.

Все небо было обложено тучами, и пыльная почтовая дорога уже опрыскивалась каплями дождя.

Другой громовый удар раздался громче и ближе, и дождь вдруг хлынул как из ведра. Это заставило Чичикова задернуть кожаные занавески на окошечках и крикнуть Селифану, чтобы он ехал поскорей.

Подобрав вожжи и повернув почему-то направо, на перекрестную дорогу, Селифан прикрикнул:

— Эй вы, почтенные! — и пустился вскачь, мало размышляя о том, куда ведет взятая дорога.

Эп. 16.

Темнело. Дождь, казалось, зарядил надолго. Дорога замесилась грязью, и лошади уже усталой рысцой тащили бричку.

— Селифан! — высунувшись из брички, крикнул Чичиков.

— Что, барин?

— Погляди, не видно ли деревни?

— Нет, барин, не видно, — ответил насквозь промокший Селифан. — Но, но, любезные!

Вдруг бричка почему-то стала качаться из стороны в сторону.

— Ты по какой дороге едешь, мошенник? — высунувшись опять, крикнул Чичиков.

— Не знаю, барин! — ответил голос Селифана. — Темно. Кнута не видно.

В это время бричка резко наклонилась набок.

— Держи, держи, опрокинешь! — закричал Чичиков.

— Как можно опрокинуть... — ответил из темноты Селифан. — Опрокинуть я никак не могу...

Но бричка все же совсем наклонилась, и Чичиков, выпав из нее, шлепнулся прямо в лужу.

Остановив изнуренных лошадей, Селифан слез с козел и стал перед барином, который, чертыхаясь, барахтался в грязи.

— Ишь ты, все же перекинулась... — после некоторого размышления заметил Селифан.

— Ты пьян, мерзавец, как сапожник! — отряхиваясь, ругался Чичиков.

— Что вы, барин, как можно, чтоб я был пьян, — оправдывался Селифан. — С приятелем поговорили милость, ну, и закусили...

— А что я тебе последний раз говорил, когда ты напился? — подойдя к Селифану, с угрозой спросил Чичиков. — Забыл? А? Забыл?

— Как можно забыть, ваше благородие. Я свое дело знаю. С хорошим человеком закуска не обидное дело...

— Вот высеку я тебя! — оборвал его Чичиков, — так будешь знать, как с хорошим человеком закусывать...

— Это как вашей милости завгодно, — ответил на все согласный Селифан и, подойдя к бричке, уперся о нее плечом, стараясь выправить. — Коли высечь, так и высечь, я не прочь. Почему не посечь, коли за дело, на то воля господская... — Рассуждая так, Селифан выровнял бричку и, прислушиваясь к собачьему лаю, доносившемуся из темноты, сказал:

— Собаки лают. Кажись, деревня близко. Садитесь, барин.

Промокший, грязный Чичиков молча полез вовнутрь, а Селифан на козлы.

— Но, почтенные! — послышался его голос, и бричка, тронувшись, исчезла за завесой дождя...

Эп. 17.

Проснулся Чичиков от странного шипения и чрезмерно громкого боя стенных часов. Часы пробили де-

вять. Солнце сквозь окно блистало прямо нашему герою в глаза; окинувши взглядом невзрачную комнатку, в которой он проспал ночь, Чичиков заметил, как в дверь выглянуло чье-то женское лицо и в ту же секунду скрылось. Спрыгнув с постели, Чичиков начал одеваться и так громко при этом чихнул, что стоящий в это время у открытого окна индийский петух вдруг быстро заболтал ему что-то на своем языке, вероятно, «желаю здравствовать», на что Чичиков, обернувшись, сказал: — Дурак! — Подошел к окну и стал рассматривать бывшие перед ним виды.

Окно глядело едва ли не в курятник, весь дворик которого был наполнен птицами. Индейкам и курам не было здесь числа. Справа от курятника был расположен огород, где промежду грядок виднелись яблони и другие фруктовые деревья, накрытые сетями для защиты от сорок и воробьев. Для той же причины на длинных шестах водружено было несколько чучел с растопыренными руками. На одном из них был одет чепец самой хозяйки...

Эп. 18.

...которая в точно таком же сидела сейчас за самоваром и наливала сидящему перед ней Чичикову чай. Хозяйка была женщина пожилых лет, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые всегда плачутся на неурожай, на убытки, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов.

— А у вас, матушка, хорошая деревенька, — заметил Чичиков, принимая чашку с чаем. — Сколько в ней душ?

— Душ в ней, отец мой, без малого восемьдесят, — склонив голову набок, ответила хозяйка, — да беда, времена плохие, прошлый год неурожай был...

— Однако, — перебил ее Чичиков, — мужики на вид у вас дюжие, избенки крепкие. Но позвольте узнать фамилию вашу. Я так рассеялся. Приехал в ночное время, в дождь...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя, Настасья Петровна. У меня тетка родная Настасья Петровна.

— А ваше имя как? Ведь вы, чай, заседатель.

— Нет, матушка, — ответил Чичиков, усмехнувшись, — «чай, не заседатель», а так, ездим по своим делишкам.

— А, так вы покупщик! Как жаль, что я так дешево продала купцам мед, ты бы, мой отец, наверно, купил его подороже.

— Нет, мед я не купил бы.

— Что ж? Разве пеньку?

— И пеньку не купил бы. Скажите, матушка, у вас умирали крестьяне?

— Ох, батюшка, осьмнадцать человек! — сказала старуха вздохнувши. — И умер такой все славный народ, все работники.

— Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

— Кого, батюшка?

— А вот этих, всех, что умерли.

— Да как же уступить их?

— А просто так. Или продайте. Я вам за них деньги дам.

— Это как же, право... — произнесла старуха, выпучив на него глаза. — Я что-то в толк не возьму. Нешто ты хочешь откапывать их...

— А это уж мое дело.

— Да ведь они же мертвые.

— А кто же говорит, что живые. Ведь они в убыток вам, вы за них подать платите, а я вас избавлю от платежа, да еще заплачу вам рубликов пятнадцать. Ну, как, а?

— Право, не знаю... Я ведь мертвых еще никогда не продавала.

— Еще бы! — усмехнулся Чичиков. — Это бы скорей походило на диво! Да неужто вы думаете, что в них есть какой-нибудь прок?

— Нет, этого-то я не думаю, меня только затрудняет, что они мертвые.

— А платите вы за них, как за живых...

— Ох, мой отец, и не говори!.. — подхватила помещица. — Еще третью неделю внесла больше полутораста.

— Вот видите, а теперь я буду платить за них, а не вы. И даже крепость свершу на свои деньги, понимаете?

Старуха задумалась. Она видела, что дело как будто выгодное, да только слишком небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы как-нибудь не надул ее этот покупщик; приехал бог знает откуда, да еще в ночное время...

— Так что ж, матушка, по рукам, что ли? — теряя терпение, спросил Чичиков.

— А может, ты, отец мой, обманываешь меня, может, они того... больше стоят?..

— Эх, какая вы! — вскричал Чичиков. — Да что же они стоят. Ведь это прах. Просто прах! А я вам даю деньги, пятнадцать рублей. Ведь это деньги. Вы их не сыщите на улице. Вот признайтесь, почем продали мед?

— По двенадцать рублей за пуд.

— Так это же мед! Вы заботливо собирали его, может быть год, ездили, морили пчел, кормили их зимой в погребе и получили за труд, за старание двенадцать рублей. А тут вы ни за что, даром, берете пятнадцать.

После таких убеждений Чичиков почти уже не сомневался, что старуха, наконец, поддастся.

— Право, — отвечала помещица, — мое такое неопытное вдовье дело! Лучше уж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.

— Страм, матушка! Страм! — вконец выйдя из себя, вскричал Чичиков. — Ну что вы говорите! Кто же станет покупать их! На что они им?

— А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... — возразила старуха и, не кончив речи,

открыла рот и уставилась на Чичикова почти со страхом, желая знать, что он скажет.

— Мертвые в хозяйстве! — рассмеялся вдруг Чичиков. — Эх, куда хватили! Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде?

— С нами крестная сила! — крестясь, испуганно проговорила старуха. — Какие страсти говоришь.

— А впрочем, ведь кости и могилы у вас останутся, перевод только на бумаге. Ну, так как же? А?

Старуха вновь задумалась.

— О чем же вы думаете, Настасья Петровна?

— Может, я вам лучше пеньку продам...

— Да на что мне ваша пенька? — опять возмутился Чичиков. — Я вас совсем о другом, а вы мне про пеньку. Так как же, Настасья Петровна? А?..

— Право, не приберу, товар такой... Совсем небывалый...

— О черт! — вскричал Чичиков и хватил в сердцах стулом об пол.

— Ох, не припоминай его, батюшка, не припоминай! — вскрикнула, вся побледнев, помещица и, вскочив, быстро закрестилась. — Еще вчера всю ночь мне он снился, окаянный. Такой гадкий привиделся, с рогами...

— Дивлюсь, как они вам десятками не снятся! Ведь вы словно какая-нибудь дворняжка, что лежит на сене и сама не ест и другим не даст. А я хотел было закупить у вас и продукты разные, потому что я и казенные подряды веду. — Здесь Чичиков прилгнул, хоть и вскользь, но неожиданно — удачно. Казенные подряды сильно подействовали на старуху.

— Да ты не сердись так горячо, отец мой. Ну, изволь, я готова отдать тебе их за пятнадцать ассигнаций. Только ты уж насчет подрядов-то, коли случится, муки ржаной, или круп каких, или скотины битой, не обидь меня.

— Как можно, матушка, — облегченно вздохнув, сказал Чичиков, стирая со лба пот платком. — Только

вам надо подписать доверенное письмо на свершение крепости. Я его сейчас составлю, а вы подпишете.

Выйдя в комнатку, где он провел ночь, Чичиков тотчас же вернулся обратно со своей шкатулкой. Поставив на стол и со звоном открыв ее особым ключом, он присел к столу и, очинив перо, начал писать.

— Хорош у тебя ящичек, отец мой, — подходя к нему, сказала помещица. — Чай, в Москве купил?

— В Москве, — ответил Чичиков, продолжая писать.

— Только уж, пожалуйста, не забудьте насчет подрядов, — присаживаясь, попросила хозяйка.

— Не забуду, не забуду.

— А свиного сала не покупаете? У меня на святках свиное сало будет.

— Купим, купим, все купим, — не отрываясь от письма, пробормотал Чичиков.

— Может быть, понадобятся птичьи перья, — продолжала помещица. — У меня к Филиппову посту и птичьи перья будут...

— И перья купим, и сало, и пеньку, все купим! — закончив письмо, весело проговорил Чичиков. — Вот, подпишитесь, матушка, — сказал, подавая помещице перо и подвигая бумагу...

Эп. 19.

И опять под звон бубенцов катила бричка по дороге. В бричке с открытым верхом сидел и мурлыкал что-то про себя довольный Чичиков.

Селифан на сей раз был суров, он только похлестывал лошадей кнутом, не обращая к ним никакой поучительной речи. Из угрюмых уст его лишь были слышны одни однообразно-неприятные восклицания. — Ну, ну, ворона, зевай! — и больше ничего...

Неожиданно из-за поворота, навстречу тройке Селифана, вылетела коляска с шестериком коней. В коляске губернаторская дочь и старая компаньонка. Экипаж налетел на чичиковскую бричку. Лошади перепутались. Губернаторская дочка испуганно взвизгнула.

— Ах ты, мошенник, ты что, пьян, что ли! — закричал Селифану губернаторский кучер.

— А ты что расскакался! — приосанясь, ответил ему Селифан.

— Да ведь я тебе кричал, ворона!

Ругаясь, они начали осаживать назад лошадей, чтобы распутаться... Но не тут-то было. Лошади несколько попятились, но потом опять сшиблись, переступив постромки.

Со страхом в лице смотрят на все это дамы. Привстав в бричке, как завороженный, Чичиков смотрит на губернаторскую дочку (шестнадцатилетнюю девушку с золотистыми волосами, ловко и мило приглаженными на небольшой головке).

Губернаторский кучер и Селифан слезли с козел и, продолжая переругиваться, начинают распутывать упряжь и коней.

— Осаживай, осаживай своих, нижегородская ворона! — кричал чужой кучер.

— А я что делаю, шаромыжник!.. — отвечал Селифан.

Между тем Чичиков, сойдя с брички, вежливо поклонился дамам, те благосклонно ответили ему. Осмелев, он двинулся было к коляске, явно намереваясь заговорить и познакомиться с этим юным и прекрасным созданием...

Но упряжь была уже распутана, кучер ударил по лошадям, и коляска, подхваченная шестеркой, полетела...

Чичиков двинулся вслед за коляской. Вышел на пригорок и, как зачарованный, уставился вдаль... Вдали, вздымая за собой пыль, со звоном, что музыка, летела, удалялась коляска.

— Славная бабешка... — задумчиво произнес Чичиков, открывая табакерку и нюхая табак. — Любопытно бы знать, чьих она. Ведь если, положим, этой девушке да придать тысчонок двести приданого, из нее бы мог выйти очень и очень лакомый кусочек...

Эп. 20.

Окно. У окна большая, неуклюжая клетка, в ней темный дрозд с белыми крапинками. Слышится знакомый звон бубенцов. В окне рядом с дроздом одновременно показались два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдавская тыква. Выглянув и переглянувшись, оба лица и ту же минуту исчезли... «Тпрррууу», — раздулся громкий голос Селифана, и из окна стало видно, как перед крыльцом остановилась бричка и из нее с помощью подбежавшего лакея выскочил Павел Иванович Чичиков, которого на крыльце встретил сам хозяин.

Эп. 21.

Гостиная. Грубая, необыкновенных размеров мебель. На стенах портреты в больших рамках.

— Прошу... — громко произнес, распахивая двери, отрывистый голос, в тот же момент раздался нечеловеческий крик от боли... и в гостиную, держась рукой за ногу, вскочил Чичиков.

— Я, кажется, вас побеспокоил... — смущенно извиняясь, появляется следом за ним Собакевич...

— Ничего... Ничего... — прошипел Чичиков, потирая ногу...

Из противоположных дверей, степенно держа голову, как пальма, вошла весьма высокая дама, в чепце с лентами.

— Это моя Федулия Ивановна, — сказал Собакевич. — Душенька, рекомендую: Павел Иванович Чичиков.

Чичиков, хромая, подлетел к ручке Федулии, которую она почти впихнула ему в губы, затем, сделав движение головой, подобно актрисам, играющим королев, Федулия сказала:

— Прошу... — и уселась на диван. Чичиков и Собакевич сели в кресла. Наступило молчание. Стучит дрозд. Чичиков делает попытку улыбнуться Федулии Ивановне, но она недвижна и величественна. Тогда Чичиков смотрит на Собакевича.

— Маврокордато... — отрывисто вдруг изрекает тот, кивая на портрет какого-то странного военного, в красных панталонах, с толстыми ляжками и с неслыханными усами.

Чичиков уставился на портрет.

— Колокотрони... — продолжал Собакевич на точно таком же портрете другого военного.

— Канари...

— Миаули... греческие полководцы... — пояснил он.

Ознакомив Чичикова с портретами полководцев, Собакевич опять замолчал.

— А мы в прошедший четверг, — с улыбкой начинает Чичиков, — об вас вспоминали у Ивана Григорьевича...

Молчание.

— Прекрасный он человек... — продолжал Чичиков.

— Кто такой? — спросил Собакевич.

— Председатель...

— Это вам показалось. Он дурак, какого свет не производил...

Чичиков изумленно открывает рот, потом приходит в себя и, хихикнув, говорит:

— Возможно. Всякий человек не без слабостей... Но зато губернатор...

— Разбойник... — перебил его Собакевич.

Чичиков опять смущенно хихикнул.

— Однако у него такое ласковое лицо...

— Разбойничье лицо... — снова перебил Собакевич. — Дайте ему нож да выпустите на большую дорогу, зарежет. Он, да еще вице-губернатор — это Гога и Магога.

— Впрочем, что до меня... — немного подумав, начал Чичиков, — то мне, признаюсь, больше всех нравится полицмейстер...

— Мошенник! — хладнокровно сказал Собакевич. — Продаст, обманет, да еще пообедает с вами. Все мошенники, — спокойно продолжал он. — Весь город такой. Один там есть порядочный человек — прокурор, да и тот свинья.

Чичиков подавлен, вынимает платок, вытирает пот.

— Что же, душенька, пойдем обедать, — изрекла, наконец, Федулия, поднимаясь с дивана.

— Прошу... — вставая, сказал Собакевич.

Эп. 22.

Столовая. Четыре прибора. Дымятся щи. Громадное блюдо няни[1]. За столом Федулия, Собакевич, Чичиков и неизвестное существо женского пола — не то родственница, не то приживалка.

Собакевич (жуя):

— Этакой няни в городе вы не будете есть. Там вам черт знает что подадут.

Чичиков (робко):

— У губернатора, однако ж, стол не дурен.

Собакевич:

— Котами кормят.

Чичиков (уронив ложку):

— Как котами?

Собакевич (жуя):

— Купит его каналья повар кота, обдерет и подаст вместо зайца.

Федулия:

— Фу... какую ты неприятность говоришь...

Собакевич:

— А что ж, душа моя, я не виноват, что у них так делается. Все, что наша Акулька в помойную лохань бросает, они это в суп, да в суп... У меня не так... — отваливая себе с блюда новый кусок няни, продолжал Собакевич, — у меня, когда свинина, всю свинью тащи на стол, баранина, всего барана подавай... Я не какой-нибудь Плюшкин. 800 душ имеет, а обедает хуже моего пастуха.

— А кто это такой? — поинтересовался Чичиков.

— Мошенник, — ответил Собакевич, — скряга. Всех людей голодом переморил.

---

[1] Няней называется бараний желудок, начиненный гречневой кашей, мозгами и ножками...

— Взаправду с голоду умирают?.. — с участием спросил Чичиков. — И что же, в большом количестве?

— Как мухи дохнут...

— Неужто, как мухи... И далеко он живет?

— В пяти верстах.

— В пяти верстах! — взволнованно воскликнул Чичиков. — Это, если выехать из ваших ворот, будет налево или направо?

— А я вам даже не советую и дороги значь к этой собаке, — сказал Собакевич. — Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему.

— Нет, что вы... — скромно улыбнувшись, отвечал Чичиков, — я спросил только потому, что интересуюсь познанием всякого рода мест...

Эп. 23.

Гостиная. Собакевич, развалясь, сидит на диване, сбоку около него, на кресле, Чичиков. Оба без фраков, перед ними на блюдечках различное варенье...

Чичиков, только что, очевидно, кончивший говорить, вынул платок, громко высморкался, посмотрел на неподвижно сидевшего Собакевича и, наклонившись к нему, произнес:

— Итак?..

— Вам нужно мертвых душ? — просто, без тени удивления, спросил Собакевич.

— Э... Да... несуществующих... — смягчил выражение Чичиков.

— Извольте, я готов продать.

— И какая же цена?

— По сто рублей за штуку.

— По сто?! — вскричал Чичиков и, разинув рот, поглядел Собакевичу в самые глаза.

— А ваша цена? — не меняя позы, спросил Собакевич.

— Моя цена? — поднимаясь с места, криво усмехнулся Чичиков. — Моя цена... Ну... по восьми гривен за душу.

— Эк, куда хватили, — оживляясь, произнес Собакевич. — Ведь я продаю не лапти.

— Однако ж это и не люди! — возмущенно сказал Чичиков. — Извольте, по полтора рубля.

— Да чего вы скупитесь, — вставая, сказал Собакевич. — Другой мошенник обманет вас и продаст дрянь, а не души. — С этими словами он подошел к конторке, достал пачку каких-то бумаг. — У меня мужики, что ядреный орех! — И, заглянув в бумаги, заявил: — Вот, например, каретник Михеич, сам сделает, сам обобьет и сам лаком покроет...

— Но позвольте... — начал было Чичиков.

— Пробка Степан, плотник, — не слушая, продолжал Собакевич. — Ведь что за силища была! А Милушкин, кирпичник... А Максим Телятников, сапожник, что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо! А Еремей...

— Но позвольте! — перебил его, наконец, изумленный Чичиков. — Ведь это весь народ мертвый!

— Мертвый... — как бы одумавшись, произнес Собакевич. — Да, мертвый... — согласился он и тут же хмуро добавил: — А что толку с тех, что живут? Что это за люди? Мухи!

Чичиков рассмеялся.

— Но все же они существуют.

— Существуют... Эх, сказал бы я! — махнул рукой Собакевич и, кинув на конторку бумаги, направился к Чичикову. — Ну, извольте, ради вас, по полсотни за душу...

— Да ведь предмет-то, Михаил Семенович, — улыбнулся, пожимая плечами, Чичиков, — просто: фу-фу. Кому он нужен...

— Да вот вы же покупаете, — не без намека заметил Собакевич, — стало быть, нужен...

Чичиков на мгновение растерялся и, закусив губу, хладнокровно ответил:

— Я покупаю по наклонности собственных мыслей...

— Это ваше дело, — уловив его замешательство,

спокойно сказал Собакевич. — Мне не нужно знать, зачем вам эти души. Давайте по тридцати и забирайте их, бог с вами.

— Нет, я вижу, вы не хотите продавать, — потеряв терпение, вскипел Чичиков и стал надевать фрак. — Два рубля — последняя моя цена, и прощайте! — категорически заявил он и двинулся к дверям.

— Позвольте! Позвольте! — кинувшись за ним, вскричал Собакевич и, задержав его у дверей, жалобно закачал головой.

— Эх, душа-то у вас... Ну, нечего с вами делать. Извольте. — Пожимая Чичикову руку, он опять наступил ему на ногу. Изогнулся, зашипел Чичиков. Смущенно разводит перед ним руками Собакевич...

Эп. 24.

Под унылый звон церковного колокола...

...Безлюдная равнина с тяжелыми облаками... Бедное, без единого деревца крестьянское кладбище... и длинный, ветхий деревянный мост на фоне деревни и белеющей сельской церкви. По мосту плетутся крестьянские дроги с большим длинным гробом. За гробом молча шагают старенький священник в темном заплатанном подряснике, худая, рослая баба и двое маленьких ребятишек, одетые в лохмотья. Навстречу похоронам по мосту едет чичиковская тройка. Остановились дроги с гробом, пропуская тройку. Крестится, проезжая мимо, Селифан, привстав в бричке, крестится его барин...

Проехала, разминулась тройка с гробом и, сделав два-три поворота — мимо полуразвалившихся крестьянских изб, мимо скирд и кладей заросшего крапивой необмолоченного хлеба, — въехала в покосившиеся ворота барской усадьбы и остановилась в большом безлюдном дворе. Обветшалые, покрытые плесенью амбары, погреба, разные повозки, телеги и сани заполняли двор. Все говорило, что здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, а ныне глядело все пасмурно и пустынно.

Удивленно приподнявшись в бричке, Чичиков только у одного из амбаров заметил какую-то фигуру, возившуюся около огромного замка со связкой ключей, «Наверное, ключница», — подумал Чичиков, платье на ней было неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак, который носят дворовые бабы. Фигура со своей стороны пристально глядела в сторону Чичикова, ей, казалось, в диковину появление во дворе чужого человека.

— Послушай, матушка! — крикнул Чичиков, выходя из брички. — Что барин....

— Нету дома! — прервала его сиплым голосом ключница. — А что вам нужно? — прибавила она, немного спустя.

— Есть дело!

— Идите и комнаты! — крикнула ключница и повернулась к нему спиной.

Эп. 25.

Поднявшись на полуразвалившееся крыльцо дряхлого господского дома, Чичиков вступил в темные широкие сени, из сеней он попал и комнату, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из широкой щели находившейся здесь двери. Отворивши дверь, Чичиков очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял сломанный стул, рядом с ним висели часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял шкаф со старинным серебром и китайским фарфором. На бюро лежало много всякой мелкой всячины. На стенах, весьма тесно и бестолково, висело несколько картин: длинная пожелтевшая гравюра какого-то сражения и рядом два почерневших портрета, писанные маслом; один — юной красивой девушки, другой — лихого гвардейского офицера. С середины потолка свисала люстра в рваном холстяном мешке. В углу комнаты была навалена куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах.

Пока Чичиков все это странное убранство рассматривал, отворилась боковая дверь и вошла та самая ключница, которую он встретил на дворе. Но тут он увидел, что это был скорее ключник, потому что весь подбородок его от довольно редкого бритья походил на скребницу из железной проволоки, какою чистят лошадей.

— Что ж барин? У себя, что ли? — спросил Чичиков.

— Здесь хозяин, — сказал ключник.

— Где же он?

— Да что вы, батюшка, слепы, что ли? — сердито ответил ключник, стаскивая с головы колпак. — Я ведь хозяин-то!

Чичиков, пораженный, отступил, шинель сползла с его плеч... Перед ним стоял Плюшкин, лицо его не представляло ничего особенного, только один подбородок выступал далеко вперед да маленькие глазки из-под высоко выросших бровей бегали, как мыши... Шея его была повязана чем-то таким, что нельзя было разобрать, чулок ли это или набрюшник, только никак не галстук...

— «...А ведь было время, — возникает голос автора на лице Плюшкина, — когда он был только бережливым хозяином! Был женат и семьянин. Все текло живо и размеренным ходом: двигались мельницы, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни: везде и во все входил зоркий взгляд хозяина. Сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум. Опытом и познанием света была проникнута речь его, и гостю, что заезжал к нему сытно пообедать, было приятно слушать его...»

Все это время Плюшкин стоял перед Чичиковым, не говоря ни слова, этот все еще не мог придумать, как ему начать разговор. Наконец, через силу улыбнувшись, он проговорил:

— Наслышавшись о вашем редком управлении имением, счел долгом познакомиться и принести свое почтение...

На что Плюшкин что-то непонятное пробормотал и уже более внятно добавил:

— Прошу покорнейше садиться...

Оглянувшись, Чичиков осторожно присел на краешек какого-то стула.

— Я давненько не вижу у себя гостей, — продолжал скрипучим голосом Плюшкин, — да и, признаться, мало вижу в них толку. Кухня у меня такая прескверная, труба совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь. Да и сена хоть бы клок в хозяйстве! Землишка моя маленькая, мужик ленив, все норовит как бы в кабак... Того и гляди — пойдешь на старости по миру...

— Мне, однако ж, сказывали, — скромно заметил Чичиков, — что у вас более тысячи душ...

— А вы, батюшка, наплевали бы тому в глаза, кто это сказывал, — рассердился вдруг Плюшкин, — проклятая горячка выморила у меня мужиков.

— Скажите!.. — не то радостно, не то сочувственно произнес Чичиков. И много выморила?..

— Да, душ сто двадцать... — плаксиво ответил Плюшкин.

— Целых сто двадцать! — воскликнул Чичиков. — Не может быть!

— Стар я, батюшка, врать-то, — обиделся Плюшкин, — седьмой десяток пошел...

— Соболезную... — сделав скорбное лицо и приложив руку к сердцу, поклонился Чичиков, — душевно соболезную...

— Да ведь соболезнование в карманы не положишь, — раздраженно сказал Плюшкин. — Вот живет тут около меня капитан, черт знает откуда взялся такой, говорит родственник, а как начнет соболезновать, такой вой подымет...

Внезапно в окно раздался стук. Чичиков и Плюшкин вздрагивают. «Это он, он!» — прячась от страха за Чичикова, закричал Плюшкин. В окне действительно возникла багровая, усатая физиономия в военной фуражке.

— Дядюшка! — отдав честь, умиленно прохрипела физиономия.

— Нету, нету дома!.. — изменив голос, крикнул из-за спины Чичикова Плюшкин, и физиономия скрывается...

— Дядюшка! Дядюшка! — слышится его жалобный голос, и вдруг в дверях нараспашку возникает пьяная фигура капитана.

— Дядюшка! — плаксиво завопил он. — Дайте хоть что-нибудь поесть...

— Ах ты господи! Вот еще наказанье! — вскричал Плюшкин и, подбежав к капитану, ловко вытолкнул его за дверь, а дверь захлопнул на крючок...

— Дядюшка! — плача, вопит за дверями капитан. — Дя-дю-шка-а!

— Вот видели... — тяжело дыша, жалуется Плюшкин Чичикову, — я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. У меня и самому есть нечего...

— Вижу... — искренне сочувствуя, произносит Чичиков. — Вижу, как почтенный, добрый старик терпит бедствия по причине собственного добродушия.

— Ей-богу, правда, — перекрестившись, перебил его Плюшкин. — Все от добродушия.

— Вижу, вижу, почтеннейший, — ласково поддержал его Чичиков, — поэтому, соболезнуя, я даже согласен платить подати за всех ваших умерших крестьян...

Такое предложение ошеломило Плюшкина. Вытаращив глаза, он долго смотрел на Чичикова и, наконец, спросил:

— Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

— Нет, — ответил Чичиков довольно лукаво, — служил по статской.

— Да ведь вам же это в убыток...

— Для вашего удовольствия — готов и на убыток!

— Ах, батюшка! Ах, благодетель! — обрадовавшись, вскричал Плюшкин. — Вот утешили! Да благословит вас бог!

Но вдруг радость его пропала, лицо вновь приняло заботливое и даже подозрительное выражение.

— Вы как же... за всякий год беретесь платить? — спросил он. — Или мне деньги будете выдавать?

— А мы вот как сделаем, — с приятностью ответил Чичиков, — мы свершим на них купчую крепость, как бы они живые... и вы мне их продадите.

— Купчую... — задумался Плюшкин. — Это ведь издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной отделаешься, а теперь подводу круп пошли да красненькую бумажку прибавь...

— Извольте! — перебил его Чичиков. — Из уважения к вам я готов принять все эти издержки на себя.

— Ах, господи! Ах, благодетель вы мой! — радостно затрепетал опять Плюшкин. — Пошли господь вашим деткам... Прощка! Эй! Прошка! — внезапно закричал он.

В комнате появился мальчик лет тринадцати, в огромных сапогах и грязной, оборванной одежонке.

— Вот, посмотрите, батюшка, какая рожа, — сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на Прошку. — Глуп, как дерево, а положи что-либо — вмиг украдет. Поставь самовар, дурак, — подходя к мальчику ближе, сказал он. — Да вот возьми ключ, отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую, там на полке есть сухарь из кулича, что привозила Александра Степановна, пусть подадут его к чаю...

Прошка двинулся к дверям.

— Постой, дурачина! — сердито остановил его Плюшкин. — Куда же ты?.. Бес у тебя в ногах, что ли? Сухарь-то сверху, чай, испортился, так пусть Мавра поскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесет в курятник. Ну, иди, дурачина.

Прошка уходит.

— Понапрасну беспокоились, почтеннейший, — улыбнувшись, заметил Чичиков. — Я уже и ел, и пил.

— Уже пили и ели! — обрадованно удивился Плюшкин. — Да, конечно, человека хорошего общества хоть

где узнаешь, он и не ест, а сыт. Я тоже, признаться, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар немилосердная. Прошка! Прошка! — открыв двери, закричал он в сени. — Не нужно самовара! И сухаря не нужно! Пусть Мавра его не трогает. А ведь вам, верно, реестрик всех этих тунеядцев нужен, — обращаясь к Чичикову, спросил Плюшкин.

— Непременно-с.

Надев очки, Плюшкин стал рыться в бумагах, поднимая при этом пыль, от которой Чичиков чихнул.

— Я как знал, всех их списал на бумажку, чтобы при первой ревизии вычеркнуть... Вот, кажись, она? — протягивая Чичикову продолговатую, исписанную кругом бумажку, сказал Плюшкин.

— Она. Точно-с, — с удовольствием взглянув на многочисленный список, подтвердил Чичиков и спрятал бумажку в карман.

— Вам бы надо, любезнейший, приехать в город для свершения купчей, — заметил он при этом Плюшкину.

— В город! Как же это? — забеспокоился Плюшкин. — А дома кого оставишь? У меня народ или вор, или мошенник, обдерут, что и кафтан не на чем будет повесить.

— Так не имеете ли кого-нибудь знакомого?

— Да кого же знакомого? — задумался Плюшкин. — Все мои знакомые перемерли... Ах, батюшки! Имею! — вскрикнул он. — Знаком сам председатель! Уж не написать ли ему?

— Ну конечно, к нему.

— Такой знакомый! Однокорытники! По заборам лазили! В школе приятелями были!

По деревянному лицу Плющкина скользнул вдруг какой-то теплый луч, на мгновение выразилось какое-то бледное отражение чувства... Затем лицо его снова стало таким же и еще пошлее... Он стал торопливо заглядывать на стол, под стол, шарить и искать чего-то, наконец, нетерпеливо закричал:

— Мавра! Мавра!

На зов явилась худая, плохо одетая женщина.

— Куда ты дела, разбойница, бумагу?

— Не видывала я, барин, ее, ей-богу, не видывала.

— Врешь! По глазам вижу, что подтибрила!

— Да на что ж бы я подтибрила. Ведь я грамоте-то не знаю.

— Пономаренку снесла. Он маракает, так ему и снесла.

— Э-ва! Не видел пономаренок вашего лоскутка.

— Вот погоди-ка: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками.

— Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четверки.

— Припекут, припекут тебя черти! Вот тебе, скажут, мошенница, за то, что барина обманывала!

— А я скажу: не за что. Ей-богу, не за что, не брала я... Да вон она лежит. Всегда напраслиной попрекаете!

Оглянувшись, Плюшкин увидел точно четверку бумаги и, пожевав губами, произнес:

— Ну что ж ты расходилась так: экая занозистая. Поди-ка, принеси огоньку, запечатать письмо. Да свечу не зажигай, а принеси лучинку.

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресло и взявши в руки перо, стал ворочать на все стороны четверку, придумывая, нельзя ли отделить от нее еще осьмушку, убедившись наконец, что никак нельзя, всунул перо в чернильницу с какой-то заплесневевшей жидкостью и стал писать...

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, которому бы понадобились беглые души?.. — прервав письмо, спросил Плюшкин.

— А у вас есть и беглые? — быстро спросил Чичиков, очнувшись.

— В том-то и дело, что есть.

— И сколько их будет?

— Да десятков до семи наберется.

— Нет?..

— Ей-богу, так! Ведь у меня, что год, то бегут. На-

род-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня и самому есть нечего... А уж я бы за них что ни дай бы взял.

— Что ж, я готов их взять, коли так, — небрежно сказал Чичиков.

— А сколько бы вы дали? — спросил Плюшкин, руки его задрожали, как ртуть.

— По двадцати пяти копеек за душу.

— А как вы покупаете, за чистые?

— Да, сейчас же деньги.

— Батюшка! Благодетель вы мой, ради нищеты моей дали бы уж по сорок копеек.

— Почтеннейший! — воскликнул Чичиков, приложив руки к сердцу. — Не только по сорока копеек, по пятьсот рублей заплатил бы, но... состояния нет. По пяти копеек, извольте, готов прибавить.

— Ну хоть по две копеечки еще пристегните.

— По две копеечки пристегну, извольте. Сколько их у вас?

— Всего наберется семьдесят восемь...

— Семьдесят восемь, семьдесят восемь по тридцати за душу, это будет... — быстро подсчитал Чичиков, — это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!

И, достав бумажник, он стал отсчитывать деньги...

Эп. 26.

«— ...Неожиданно приобретя у Плюшкина около двухсот душ, — говорит автор, — герой наш в приятном расположении возвращался в город, но по дороге решил подкрепиться и завернул в придорожный трактир. Здесь должно заметить, что многие господа большой руки пожертвовали бы половину своих имений, чтобы иметь такой желудок и такой аппетит, какой изволил иметь наш Павел Иванович Чичиков...»

На этих словах: трактир. Он стоит на пригорке, почти у самой столбовой дороги. По виду своему это что-то вроде русской деревенской избы, несколько в большем размере. У трактира, около длинной коновязи,

полураспряженная чичиковская тройка. Чубарый, гнедой и каурая пристяжная с удовольствием едят в деревянной кормушке овес; кучер Селифан, устроившись в бричке, закусывает луком, солью и черным хлебом, а хозяин их сидит за столом в трактире и с завидным аппетитом, о котором именно в этот момент будет говорить автор, доедает поросенка с хреном и сметаной. Стук колес подъехавшего экипажа отвлек его от поросенка, и, выглянув окно, он увидел подъехавший к трактиру старый тарантас, запряженный какой-то длинношерстной четверней с порванными хомутами и веревочной упряжкой.

Из тарантаса первым выскочил (знакомый уже нам) Ноздрев в архалуке, за ним вылез высокий белокурый господин в венгерке с трубкой...

— Водка сеть? — войдя в трактир, громко спросил Ноздрев.

— Есть, барин. Как не быть, — ответила старуха-хозяйка.

— Какая у тебя?

— Анисовая.

— Ну, давай рюмку анисовой.

— И мне рюмочку, — вежливо попросил белокурый спутник.

Вдруг Ноздрев заметил сидящего у стола Чичикова.

— Ба! Ба! Ба! — вскричал он и, расставив широко руки, двинулся к нему.

— Какими судьбами? Куда ездил? — бесцеремонно обнимая Чичикова, спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— А я, брат, с ярмарки? Поздравь! Продулся в прах! Вон на обывательских приехал. Такая дрянь, что насилу дотащился! А это зять мой, Мижуев, — обернувшись, показал Ноздрев на белокурого... Чичиков вежливо поклонился, на что Мижуев ответил тем же.

— Мы с ним все утро говорили о тебе, — не останавливаясь, продолжал между тем Ноздрев. — Смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова... Эх, брат,

если бы ты знал, как я продулся. Ведь на мне нет ни часов, ни цепочки, все спустил...

Взглянув, Чичиков точно увидел, что на нем не было ни цепочки, ни часов.

— Но зато как покутили! Ох и кутили! — воскликнул Ноздрев. — Веришь ли, что я один в продолжении обеда семнадцать бутылок клико-шампанского выпил.

— Ну, семнадцать ты не выпил, — заметил ему Мижуев.

— А я говорю, что выпил!

— Ты что хочешь можешь говорить, но ты и десяти не выпьешь.

— Хочешь об заклад, что выпью!

— К чему же об заклад?

— Ну, поставь свое новое ружье.

— Не хочу.

— Да ты поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу...

— Да был бы ты без ружья, как без шапки... — захохотал Ноздрев.

В этот момент хозяйка поднесла на подносике две рюмки анисовой. Выпив их залпом одну за другой, Ноздрев крякнул и спросил Чичикова:

— Ты куда ездил?

— Да тут, к человеку одному.

— Едем ко мне.

— Не могу, дела в городе.

— Врешь! Пари держу, врешь! Едем! — настаивал Ноздрев. — Тут всего верст пять, духом домчимся!

— Ну что ж, изволь... — немного подумав, согласился Чичиков. — Но, чур, не задерживать, — добавил он.

— Эх, Чичиков! — обнимая его, радостно вскричал Ноздрев. — Люблю тебя, скотовод ты этакий, свинтус!.. Ну, поцелуй меня!..

Эп. 27.

Столовая. У Ноздрева. Вечер, но еще светло. В столовой хаос. Полупустынно. Одна стена выбеле-

на, другие грязные, пол забрызган известью и краской. В стороне у раскрытого окна высокие деревянные козлы, около козел ведра с краской, кисти. Столовую соединяет с гостиной широкая арка, за аркой на стенах видны сабли, ружья, кинжалы.

У одной стены столовой стоит дешевая уличная шарманка, горка, шкап, у другой — большой диван, около дивана круглый стол с остатками еды и большим количеством бутылок. Под столом и около стола ползают и бегают щенки всевозможных пород. Действие начинается тем, что Ноздрев (он в одном халате с раскрытой грудью, на которой видна черная борода) наливает бокалы и поет двусмысленный куплет какого-то водевиля... Чичиков, мурлыча, ему подпевает... Налив вино, Ноздрев поднимает бокал, чокается и залпом выпивает. Чичиков свой незаметно выплескивает и ставит на стол.

— Вот какая у меня к тебе просьба, — начинает он. — У тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизий?

— Ну, есть, а что?

Чичиков небрежно:

— Переведи их на мое имя.

Ноздрев, с величайшим любопытством:

— А на что они тебе?

— Да просто так, фантазия...

— Пока не скажешь, не переведу.

— Ну хорошо, — сказал Чичиков и, подойдя к Ноздреву, объяснил: — Мне это нужно для приобретения весу в обществе...

— Врешь... Врешь... — захохотал Ноздрев.

Чичиков и сам заметил, что придумал не очень ловко.

— Ну, так я скажу тебе по секрету, — поправившись, тихо начал он, — задумал жениться...

— Врешь! Врешь! — перебил его Ноздрев.

— Однако ж это обидно! — рассердился Чичиков. — Почему я непременно лгу?

— Да ведь ты большой мошенник, — спокойно сказал Ноздрев. — Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил.

— Ну, брат, всему есть граница... — обидевшись, произнес Чичиков и отошел к окну.

Внизу, во дворе, Селифан запрягал тройку в бричку.

— Ну, не хочешь подарить, так продай, — обернувшись к Ноздреву, примиряюще сказал Чичиков.

— Чтобы доказать тебе, что я не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего, — великодушно заявил Ноздрев, протягивая Чичикову руку. Тот обрадованно пожимает ее.

— Купи у меня жеребца, — продолжал Ноздрев, — а души я тебе дам в придачу.

— Помилуй, на что мне жеребец?.. — удивился Чичиков.

— Ну, купи каурую кобылу, — предлагает Ноздрев. — За кобылу и жеребца я возьму с тебя только две тысячи.

— И кобыла мне не нужна...

— Ну, так купи собак, я тебе продам вот эту пару. — Ноздрев хватает с полу двух щенят и подносит их к Чичикову. — Вот! Брудастые, с усами, шерсть вверх, лапа в комке!

— Да зачем мне собаки! — воскликнул, отступая, Чичиков.

— Тогда купи шарманку, — войдя в азарт, не унимался Ноздрев. — Чудная шарманка! — вскричал он и, отбросив щенят, подскочил к шарманке и завертел ручку. Шарманка зашипела, заиграла, щенки вдруг заскулили, а откуда-то послышался многоголосый собачий вой...

— Я тебе шарманку и мертвых душ, — покрывая музыку и вой, кричал Ноздрев, накручивая ручку, — ты мне твою бричку и триста рублей!..

— Тьфу! какой ты неугомонный! — досадливо махнул рукой Чичиков и, явно расстроенный, уселся в

угол дивана. А Ноздрев, прекратив играть, взял с шарманки колоду карт и, ловко вразрез тасуя ее, продолжал:

— Ну, метнем банчик... Ставлю на карту всех умерших! — вдохновенно объявляет он и, подсев к Чичикову, начинает примерно метать на диван.

— Вон она! Экое счастье! Так и колотит, так и колотит!

Чичиков, отвернувшись, даже не смотрит.

— Не хочешь играть?

— Не хочу.

— Отчего же?

— Не хочу, и полно!

— Экий ты, право, двуличный человек... — обидевшись, сказал Ноздрев и встал. — Дрянь ты... Ракалия! Фетюк!

— За что же ты ругаешься... — несколько испугавшись, спросил Чичиков. — Разве я виноват, что не играю в карты. Продай мне души, и все тут...

— Продавать я не хочу... это будет не по-приятельски, — ответил ему Ноздрев. — Э, слушай! — воскликнул он, осененный новой идеей. — Может, в шашки сыграем? Выиграешь — все души твои. А?

Чичиков внимательно посмотрел на него и, что-то обдумав, улыбнувшись, сказал:

— Ну, изволь, в шашки я сыграю...

— Душа моя! — радостно вскрикнул Ноздрев и, поцеловав Чичикова, бросился в гостиную и через мгновенье возвратился с шашечным столиком и трубкой.

— Души идут в ста рублях, — усаживаясь за столик, заявил он.

— Довольно, если пойдут в пятьдесят... — сухо ответил Чичиков, вынимая бумажник.

— Ну что за куш пятьдесят... — презрительно сказал Ноздрев, — лучше я тебе в эту сумму включу щенка... — нагнувшись, он схватил с полу щенка и посадил его рядом с шашечной доской.

— Ну, изволь, — согласился Чичиков.

— А сколько ты мне дашь вперед? — спросил Ноздрев, закуривая трубку.

— Это с какой же стати?

— Ну, пусть будут мои два хода вначале.

— Не хочу, я сам плохо играю.

— Знаем мы вас, как вы плохо играете, — сказал Ноздрев, делая первый ход.

— Давненько я не брал в руки шашек... — произнес Чичиков, двигая шашку.

— Знаем мы вас, как вы плохо играете... — говорит Ноздрев, двигая снова.

— Давненько я не брал... — отвечает Чичиков, делая ход.

— Знаем мы вас... — говорит Ноздрев и, набрав из трубки в рот дыму, пускает его Чичикову в лицо. Чичиков кашляет, на мгновенье отворачивается, а Ноздрев быстро продвигает вперед сразу две шашки.

— Давненько я не брал, — откашлявшись, продолжает Чичиков. — Э-э! Это, брат, что? — удивленно показал он на шашки. — А ну-ка, осади ее назад!

— Кого?

— Да шашку-то.

— Какую? — непонимающе спросил Ноздрев.

— Нет, брат, с тобой нет никакой возможности играть, — сердито сказал Чичиков и, встав, подошел к вешалке и начал надевать шинель.

— Ты не имеешь права отказываться, — сурово произнес Ноздрев. — Игра начата!

— Ты не так играешь, как подобает приличному человеку, — сказал Чичиков и, подойдя к окну, громко крикнул: — Селифан! Подавай!

— Нет, ты должен закончить партию... — медленно поднимаясь, говорит Ноздрев.

— Этого ты меня не заставишь делать, — хладнокровно сказал Чичиков и двинулся к дверям.

— Значит, не хочешь играть? — преграждая ему путь, с угрозой спросил Ноздрев.

— Не хочу.

— Подлец! — крикнул Ноздрев, размахнувшись рукой... и очень могло бы статься, что одна из полных щек нашего героя покрылась бы бесчестием... Но Чичиков схватил Ноздрева за обе задорные руки и задержал их.

— Порфирий! Павлушка! — в бешенстве заорал Ноздрев, с силой вырывая руки.

В дверях появляются два здоровенных мужика.

— Бейте его! — указывая на Чичикова, приказал им Ноздрев.

Порфирий и Павлушка, нехотя засучивая рукава, двинулись на Чичикова. Чичиков, отступая, схватил для зашиты стул.

— Бейте его! — исступленно закричал Ноздрев.

Порфирий, шагнув, рванул из рук Чичикова стул. Стул рассыпался. Павлушка было замахнулся для удара... Но Чичиков, ловко нырнув, увернулся и, пролетев мимо Ноздрева, скрылся в гостиной... — Вперед, ребята! — завопил Ноздрев.

Павлушка и Порфирий рванулись за Чичиковым. А Ноздрев, схватив со стены охотничий рог, трубит в него... В столовую врываются три борзых...

— Вперед! Ату? Пиль! — кричит им Ноздрев и вместе с ними бросается в гостиную...

Какой-то момент в столовой пусто... А где-то по комнатам, то приближаясь, то удаляясь, идет погоня... слышатся крики, лай собак, звук рога... полное впечатление псовой охоты... Наконец, в столовую врывается истерзанный, затравленный Чичиков, следом за ним борзые; спасаясь от них, Чичиков с ходу взлетает на стол, со стола на шкаф и на козлы...

С криком «ура!» влетают в столовую во главе с Ноздревым Порфирий и Павлушка.

— Ребята, на приступ! — орет им Ноздрев, размахивая рогом, как саблей, и лезет на козлы, «ребята» за ним.

Чичиков, отражая «приступ», тычет Ноздрева в мор-

ду малярной кистью... и прямо с козел бросается в окно...

Эп. 28.

— Гони! — прыгая в бричку, кричит он Селифану. Селифан стегнул, лошади рванули...

— Держи! Держи! — орет Ноздрев, выбегая с борзыми и «ребятами» на крыльцо, но тройка проносится мимо и мгновенно исчезает за воротами усадьбы...

Эп. 29.

Было уже темно, когда чичиковская бричка въехала в ворота гостиницы и остановилась во дворе, у самого крыльца. Чичиков был встречен Петрушкой, который в одной руке держал фонарь, а другой помогал барину вылезать из брички...

Эп. 30.

Войдя в номер и скинув изорванную шинель, Чичиков недовольно покрутил носом:

— Опять воняет... Ты бы хоть окна отпирал, олух! — строго заметил он Петрушке.

— Да я отпирал... а они... — зевая, пробормотал заспанный Петрушка.

— Врешь!.. — прикрикнул на него Чичиков. — Открой немедля, да тащи горячей воды и таз!

Открыв одно из окон и подхватив изорванную шинель, Петрушка вышел, а Чичиков, продолжая раздеваться, сердито ворчал, вспоминая Ноздрева:

— Экую баню задал!.. Смотри какой!.. Вот попадись к такому и пропадешь, как волдырь на воде...

Эп. 31.

Вымывшись и поужинав, Чичиков успокоился и даже пришел в приятное расположение духа. Накинув поверх ночной шотландской рубашки халат, он сидел на постели, освещенный свечами. Перед ним на столике стояла заветная шкатулка...

— Четыреста душ... Четыреста душ... — просматривая записи купленных крестьян, взволнованно бормотал Чичиков.

— Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! —

воскликнул он, пробегая глазами имена и фамилии. — И что вы, сердечные, проделывали на своем веку? Как жили? Как перебивались? Вот ты, длинный, во всю строчку: Петр Савельевич Неуважай-Корыто? Мастер ли ты был, или просто мужик? И какою смертью тебя прибрало?..

Пробка Степан, плотник, трезвости примерной, — продолжал рассуждать Чичиков. — Чай, все губернии исходил ты с топором за поясом, а съедал за день на грош хлеба да на два сушеной рыбы... Где и как тебя господь прибрал?

Максим Телятников — сапожник. Хо-хо, сапожник, — тихонько рассмеялся Чичиков, — пьян, как сапожник, говорит пословица... Знаю, знаю тебя, голубчик... А вот как ты окончил дни свои, не знаю... Это что за мужик? Елизавета Воробей, — удивленно прочел Чичиков. — Фу ты, пропасть, баба! Она-то как сюда затесалась? Подлец Собакевич надул! — огорченно сказал Чичиков и вычеркнул бабу из списка...

Григорий Доезжай-Недоедешь, — прочел он дальше. — А ты, Григорий, что был за человек? Извозом ли промышлял? Иль, заведши тройку и рогожную кибитку, навеки отрекся от дома и пошел тащиться с купцами по ярмаркам... На дороге ли ты отдал богу душу, или уходили тебя какие-нибудь бродяги... Или, может, сам ты думал, думал, да ни с того ни с сего заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь... Эх, русский народец, русский народец! — грустно вздохнув, произнес Чичиков. — Не любишь ты умирать своей смертью...

...А вы что, мои голубчики! — продолжал Чичиков, рассматривая бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина. — Вы хоть и живые, а что в вас толку! Где-то носят вас теперь ваши быстрые ноги? По тюрьмам сидите или пристали к другим господам и пашете землю? Никита Волокита, сын его Антон Волокита — эти, и по прозвищу видно, что хорошие бегуны;

Иван Попов, дворовый человек, должно, грамотей: ножа, чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом...

Эп. 31 (прод.).

...И вот поймал тебя, бесприютного, капитан-исправник (возникает капитан-исправник, а вместе с ним полицейский участок, где ведется допрос Попова и свидетелей. За всех них говорит голос Чичикова)... И стоишь ты перед ним на очной ставке.

— Чей ты? — спрашивает капитан-исправник, ввернув тебе при этом крепкое слово.

— Такого-то и такого-то помещика, — отвечаешь ты

— Зачем ты здесь?

— Отпущен на оброк.

— А где твой паспорт?

— У хозяина, мещанина Пименова.

— Позвать Пименова. Ты Пименов?

— Я Пименов, — говорит хозяин.

— Давал он тебе свой паспорт?

— Нет, не давал он мне никакого паспорта.

— Что-то ты врешь? — говорит исправник, прибавляя крепкое словцо.

— Так точно, не давал я ему, а отдал звонарю Антону Прохорову.

— Позвать звонаря. Ты звонарь?

— Я звонарь.

— Давал он тебе паспорт?

— Не получал я от него никакого паспорта.

— Что же ты опять врешь! — кричит исправник, добавив крепкое словцо. — Где твой паспорт?

— Он у меня был, да, видно, я его обронил...

— А солдатскую шинель, — спрашивает исправник, загвоздив в придачу еще раз крепкое слово... — зачем стащил? Да из церкви железную кружку с медяками.

— Никак нет, — бойко отвечаешь ты, — к воровскому делу не причастен.

— А почему шинель у тебя нашли?

— Может, подкинул кто-нибудь...

— Ах ты бестия, бестия! А ну, набейте ему на ноги колодки да сведите его в тюрьму!..

— Извольте! Я с удовольствием, — весело говоришь ты и, вынув из кармана табакерку, дружески потчуешь двух каких-то инвалидов, набивающих на тебя колодки...

Эп. 31 (прод.).

...А потом препровождают тебя из тюрьмы Царевококшайска в тюрьму Весьегонска...

...А из тюрьмы Весьегонска в тюрьму еще какого-нибудь города... ...И гоняют тебя, непутевого, вместе с такими же, как ты, беглыми, из конца в конец по всей Руси...

Эп. 31 (окон.).

— Эхе-хе! Уже двенадцать! — позевывая, сказал Чичиков, взглянув на часы. — Что же я так закопался, — усмехнулся он и стал укладывать в шкатулку записочки. — Еще бы пусть дело какое, а то ни с того ни с сего загородил околесицу... Экий я дурак в самом деле.

Закрыв шкатулку, Чичиков потянулся, сладко зевнул и, задув свечи, накрылся одеялом и заснул крепким сном...

Эп. 32.

И престранный сон приснился Чичикову. Будто бы он вместе с Петрушкой появился на кладбище с покосившимися крестами и, встав на одну из могил, что повыше, оглядел будто бы кладбище и приказал Петрушке «произвести поголовную перекличку»...

Петрушка важно развернул бумагу, что была у него под мышкой, и начал громко выкликать:

— Петр Савельев Неуважай-Корыто! — крест на одной могиле зашатался, и из могилы, радостно отряхиваясь, появился здоровенный мужик с бородой...

— Каретник Михеев! — кричит Петрушка. Из другой могилы, приподнимая над собой березовый крест, появился невзрачный рыжеватый Михеев.

— Пробка Степан! Максим Телятников! Григорий

Доезжай-Недоедешь! Абакум Фиров! Еремей Коря кин! — продолжает выкликать Петрушка...

И из разных могил один за одним вылезают усатые, бородатые мужики, одетые в одинаково серые, покойницкие, холщовые рубахи и штаны. Отряхнувшись от земли, мужики кланяются в пояс стоящему на возвышении своему новому барину, приятельски здороваются друг с другом, некоторые закуривают...

— Елисавет Воробей! — заканчивая перекличку, выкликает Петрушка. Из последней, самой тощей могилы вылезает полнотелая баба... Среди мужиков-покойников смех, восклицания:

— Фу ты пропасть! Баба! — поражается Чичиков. — Откуда она? — грозно спрашивает Петрушку.

— Написано: Елисавет Воробей, — оправдывается Петрушка, показывая список.

— Подлец Собакевич! Вычеркнуть! — приказывает Чичиков.

Петрушка вычеркивает... И баба, всхлипнув, под хохот мужиков проваливается обратно.

— Смирно! — кричит Петрушка, наводя порядок.

Покойники присмирели, вытянулись...

— Здорово, братцы. — весело здоровается с ними Чичиков.

— Здравия желаем, ваше...ди...тель...ство!.. — дружно, по-солдатски отвечают они.

— В Херсонскую губернию!.. Шагом!.. Марш! — командует Чичиков.

Эп. 33.

И вот мужики-покойники, с могильными крестами на плечах, с разухабистой солдатской песней «Во кузнице» строем шагают за погребальной колесницей, запряженной чичиковской тройкой. В траурном цилиндре на козлах важно сидит Селифан, а под балдахином, со шкатулкой в руках, блаженно улыбающийся Чичиков...

Эп. 34.

С таким же выражением лица мы видим его спящим... Утро. На постели лучи солнца. Разухабистая

песня мужиков-покойников почему-то все еще продолжается... Вдруг Чичиков проснулся... сел на кровати и, ничего со сна не соображая, стал испуганно прислушиваться к доносившейся песне. Затем он вскочил с кровати и подбежал к окну...

Внизу по улице, мимо гостиницы, идут с песней «Во кузнице» солдаты...

— Фу, какая чушь приснилась... — недовольно поморщился Чичиков в, сердито захлопнув окно, крикнул:

— Петрушка!.. Одеваться!

На крик в дверях показался Петрушка с сапогами, бельем и фраком...

Эп. 35.

Во фраке брусничного цвета с искрой, со связкой бумаг в руках Чичиков появился в одной из общих комнат Гражданской Палаты, где за столами скрипели перьями пожилые и юные жрецы Фемиды. Подойдя к столу какого-то старика, Чичиков с поклоном спросил:

— Позвольте узнать, здесь дела по крепостям?

Старик медленно, как Вий, приподнял веки и произнес с расстановкой...

— Здесь нет дел по крепостям...

— А где же?

— У Ивана Антоновича...

— А где же Иван Антонович?

Старик ткнул пальцем в другой угол комнаты. И Чичиков, пройдя мимо столов, подошел к Ивану Антоновичу.

— Позвольте узнать, — вежливо, с поклоном спросил он, — здесь крепостной стол?

Иван Антонович как будто ничего не слышал, углубился совершенно в бумаги. Возраст он имел далеко за сорок, волос густой, черный; вся середина лица его выступала вперед и пошла в нос, словом, это было то лицо, которое называют кувшинным рылом.

— Позвольте узнать, — невозмутимо повторил свой вопрос Чичиков. — Здесь крепостная экспедиция?

— Здесь... — промычал Иван Антонович и, повернув обратно свое рыло, углубился в бумаги.

— У меня вот какое дело... — учтиво начал объяснять Чичиков. — Купил я у здешних помещиков крестьян на вывод... купчая имеется, необходимо бы свершить...

— А продавцы налицо? — перебило его кувшинное рыло.

— Некоторые здесь, а от других доверенность...

— А просьбу принесли?

— Принес и просьбу. Мне бы хотелось... закончить все дело сегодня...

— Сегодня нельзя.

— Видите ли... — улыбнувшись, продолжал Чичиков. — Ваш председатель Иван Григорьевич мне большой друг, так что...

— Да ведь Иван Григорьевич не один, есть и другие... — перебило его кувшинное рыло.

Чичиков понял «закавыку» и сказал: — Другие тоже не будут в обиде... — тут же незаметно положил перед Иван Антоновичем какую-то бумажку. Прикрыв бумажку книгой, кувшинное рыло повернулось к Чичикову и уже более ласковым голосом сказало:

— Идите к Ивану Григорьевичу, пусть он дает приказ, а уж за нами дело не станет...

Эп. 36.

— ...Значит, приобрели, Павел Иванович? — спрашивает Чичикова председатель Палаты.

— Приобрел, Иван Григорьевич, приобрел-с... — смущенно улыбнувшись, ответил Чичиков.

— Ну, благое дело... Благое дело!

Разговор происходит в комнате присутствия, где дирижируемые кувшинным рылом вереница свидетелей — прокурор, инспектор врачебной управы, сын протопопа и сам бородатый протопоп — подписывают, подходя к столу по очереди, бумагу... В стороне, в креслах, сидят: председатель, Чичиков, Манилов и Собакевич. Недалеко от них стоит, прислуши-

ваясь к их беседе, «странная личность в темных очках»...

— Но позвольте, Павел Иванович, — продолжая разговор, спрашивает председатель. — Как же вы покупаете крестьян без земли? Разве на вывод?

— На вывод...

— В какие же места?

— В места... э-э... в Херсонскую губернию...

— О, там отличные земли!

— Да, преотличные...

— У вас что же — река, пруд?

— Река... Впрочем, и пруд есть... тоже... — сказав это, Чичиков как бы ненароком взглянул на Собакевича, и, хотя лицо того не шевельнулось, ему показалось, будто на нем было написано: «Ой, врешь...» Зато Манилов сидел восторженный и от удовольствия одобрительно потряхивал головой. Что же касается «странной личности», то она почему-то при словах Чичикова «В Херсонскую губернию»... загадочно улыбнулась, хотя, возможно, это лишь показалось, потому что «странная личность»... Нет, подождем! Подождем пока распространяться об этой личности...

Эп. 37.

...Вечер. Номер Чичикова. Горят свечи. Доносятся звуки трактирной машины, играющей что-то веселое. Чичиков перед зеркалом в самом довольном расположении духа, тщательно одевается, вырабатывая попутно на своем лице разные выражения: то степенное, то важное, то почтительное, то почтительное с некоторой улыбкой, то совсем без улыбки...

На всем этом голос автора:

«...Покупки Чичикова сделались в городе предметом самых различных разговоров. Пронеслись слухи, что он не более не менее, как миллионщик!.. Слово это, как известно, магически действует и на подлецов, и на людей хороших. Но особенно сильно оно действует на дам... Многие дамы города прониклись к Чичикову необычайной симпатией и стали говорить в гостиных, что

он, конечно, не первый красавец, но именно таков каким следует быть мужчине...»

На последних словах автора в комнату, прервав туалет барина, вошел Петрушка. Глупо улыбаясь, он подал ему какое-то письмо и, странно захихикав, тут же вышел. Распечатав письмо, Чичиков с недоумением прочел вслух:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах.
Воркуя томно, расскажут,
Что я умерла в слезах...

— Кудряво написано... — с интересом рассматривая письмо, произнес он. Любопытно бы, однако, узнать, кто такая писавшая...

Задумался было Чичиков, но и комнате опять появился Петрушка.

— Там... жандарм... — заикаясь, проговорил он.

— Какой жандарм? — испуганно вскричал Чичиков.

— Такой... с усами...

И в номер, брякая шпорами, действительно вошел усатый жандарм в полном вооружении, как будто в лице целое войско.

— Пакет от его высокопревосходительства вашему благородию! — взяв под козырек, отрапортовал жандарм.

Вручив побелевшему от страха Чичикову пакет с сургучной печатью, жандарм раскрыл перед ним разносную книгу.

— Прошу расписаться, ваше бродие...

Взяв перо и обмакнув его в чернила, Чичиков аккуратно расписался, сунув при этом жандарму мелкую ассигнацию...

— Покорнейше благодарим, ваше бродие... — рявкнул жандарм и, круто повернувшись, исчез...

Сломав печать и раскрыв дрожащими руками пакет, Чичиков облегченно вздохнул и даже рассмеялся, увидев витиевато написанный пригласительный билет на

бал, «имеющий быть у его превосходительства губернатора»...

Эп. 38.

...и сразу грянул бальный оркестр. Вывертывая антраша, бешено галопируют по губернаторскому залу залихватские пары: почтмейстерша и капитан, дама с пером и исправник, дама без пера и чиновник, девица, француз Куку, князь Чипхайхиладзе, Перхуновский, Беребендровский... Все поднялось... Все понеслось... Гремит оркестр... Во всю пропалую летит галопад...

И вдруг, прорезав галопад, раздался крик... другой...

— Павел Иванович! Павел Иванович!

Оборвалась музыка. Застыли пары... Все и вся обернулись к дверям... В широком пролете дверей появился блестящий, улыбающий Павел Иванович...

Появление его произвело необыкновенное действие... Губернатор, который стоял возле дам и держал в руке болонку, увидя его, уронил болонку... Визг болонки и губернаторский крик...

— Ах... Павел Иванович... — был как бы сигналом к тому, что все, что было и не было, с восторженными криками:

— Павел Иванович! Ах! Боже мой, Павел Иванович! Почтеннейший Павел Иванович. Любезнейший Павел Иванович!

— Душа моя, Павел Иванович! —

бросилось, ринулось к нему... Оркестр грянул туш... Чичикова разом схватили в несколько объятий и чуть ли не по воздуху стали передавать друг другу...

Из объятий губернатора он попал в объятия председателя, от председателя он попал к полицмейстеру, полицмейстер его сдал инспектору, инспектор прокурору, прокурор откупщику, откупщик «странной личности». Испуганно вырвавшись от «личности», Чичиков попал к дамам...

Дамы тут же, окружив его блистающей гирляндой, наперебой защебетали по-французски... Чичиков, уто-

пая в дамских нарядах, раскланивается, улыбается, целует ручки, и все это под звуки возникшего плавного менуэта...

Эп. 39.

Небольшая гостиная. Свечи. Бра. Доносится музыка. В гостиной группа наиболее почетных гостей и губернаторша с дочкой. Неожиданно с окриком:

— Матушка! Приехал Павел Иванович! —

в гостиную торопливо вбежал возбужденный губернатор. Гости двинулись в залу, а губернатор, подойдя к дочке, взял ее за руку и повел за собой. Ухватив дочь за другую руку, губернаторша остановила его и, приблизившись, тихо, но четко сказала:

— Немедля веди его сюда...

— Но, матушка... — хотел было возразить губернатор, но полнотелая супруга грозно тряхнула головой, и губернатор, оставив дочку, повернулся и исчез...

Эп. 40.

В зале, около одной из колонн, букет дам Среди букета сияющий Чичиков. Одна из дам (знакомая нам Анна Григорьевна), проходя мимо Чичикова и прикрываясь веером, тихо говорит ему:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах...

Чичиков радостно вздрагивает и, выскользнув из круга, устремляется за Анной Григорьевной...

Оставшись одни, дамы тотчас же закрылись веерами и, сомкнувшись в кружок, стали язвительно шептаться и хихикать...

— А где же наш любезный Павел Иванович? — подскочив к ним, спросил вспотевший губернатор. Но дамы на его вопрос почему-то дружно рассмеялись...

Эп. 41.

На террасе, среди цветов и зелени, стоят, освещенные луной, Чичиков и Анна Григорьевна.

— Верите ли вы в тайное сочувствие душ? — играя веером, кокетливо спрашивает она Чичикова.

— Душ!.. — испуганно отстраняясь, спросил он — Каких душ?

Придвинувшись к нему ближе, Анна Григорьевна притиснула его к кустам и вдруг тихонько запела.

— Так вот вы как, Павел Иванович! — прорезал вдруг пение насмешливый голос. Чичиков обернулся, перед ним стояла сама губернаторша.

— О, помилуйте! — воскликнул Чичиков и, подскочив к губернаторше, ловко поцеловал у нее руку.

— Вы еще не знаете моей дочери? — не без гордости спросила губернаторша, метнув при этом в сторону Анны Григорьевны насмешливый презрительный взгляд. Чичиков с сожалением разводит руками...

Эп. 42.

— Вот вам моя дочь... — входя в гостиную, продолжает губернаторша, подводя Чичикова к дочери, — только что выпущена из института. Познакомься, душенька, — обращается она к дочке, — это Павел Иванович!.. — Дочка встает... и Чичиков узнает в ней ту самую блондинку, которую он встретил на дороге... на мгновение он немеет... потом, овладев собой, говорит:

— Я имел уже счастье нечаянным образом познакомиться... — склоняясь, он целует ручку дочки и присаживается с ней рядом.

В этот момент в дверях гостиной, волоча за собой прокурора, появился пьяный Ноздрев. Чичиков беспокойно привстал... А Ноздрев, заметив его, радостно растопырил руки и закричал:

— Ба! Ба! Ба! Херсонский помещик! Херсонский помещик! — Чичиков двинулся было в сторону, но Ноздрев, заливаясь смехом, уже подошел к нему, облапил и поцеловал:

— Ну что, много наторговал мертвых? — не выпуская его, громко спросил Ноздрев.

Чичиков дернулся, изменился в лице.

— Вы знаете, ваше превосходительство! — горланил Ноздрев, обращаясь к губернатору. — Ведь он торгует мертвыми!..

Губернатор ошалело привстал, губернаторша тоже Сзади них откуда-то появилась «странная личность»...

— Приезжаю сюда, — продолжает Ноздрев, — мне говорят, что он купил на три миллиона крестьян, на вывод... Как на вывод? — обращаясь к Чичикову, вскричал он. — Да ведь ты у меня торговал мертвых!

Чичиков растерянно улыбается... Губернатор и прокурор переглядываются... Дочка и мамаша в ужасе... из зала на голос Ноздрева показались гости...

— Послушай, Чичиков, — не останавливаясь, продолжал Ноздрев. — Ну скажи, зачем ты покупал мертвых?

Чичиков молчит. Среди гостей волнение и шепот.

— Экий ты, право, двуличный человек... — обижается Ноздрев. — Ведь у тебя нет лучшего друга, чем я! Ведь ты мне дороже отца родного! Ваше превосходительство, прокурор... — обращается он к тому и другому, — позвольте мне поцеловать его...

Чичиков пятится, угрожающе сжимая кулаки...

— Да уж ты не противься, — подходя к нему и пытаясь обнять его, говорит Ноздрев. — Одну безешку позволь запечатлеть в твою белоснежную щечку.

Чичиков в бешенстве толкает Ноздрева. Тот отлетает прямо на губернаторшу с дочкой и падает вместе с ними на пол... Гости ахают. Чичиков бросается вон... Ноздрев вскакивает, хватает стул и с криком:

— Держи его! Держи... — бросается за Чичиковым. Гости шарахаются. Дамы визжат. Оркестр грянул галоп. По залу проносится Чичиков. За ним, распугивая гостей, со стулом мчится Ноздрев. Чичиков с разбегу юркает в дверь... Ноздрев, не добежав, поскользнулся и грохнулся на пол...

Эп. 43.

Улица. Ночь. Ветер. По улице, оглядываясь, как затравленный зверь, проносится в расстегнутой шинели Чичиков... Вбегает в ворота гостиницы... взлетает по лестнице...

Эп. 44.

...и, появившись в номере, захлопывает дверь, набрасывает крючок и настороженно замирает. Затем подходит к окну и, тяжело дыша, прислушивается... Издалека ветер доносит обрывки галопада.

— Черт бы побрал всех, кто выдумал эти балы... — злобно говорит он, сбрасывая шинель и шляпу. — И чему сдуру обрадовались... В губернии неурожай... голод, так они за балы... Невидаль, что иная навертит на себя тысячи и пойдет вертеть хвостом... а ведь все на счет оброков или на счет совести нашего брата... — остервенело шипит Чичиков, срывая с себя воротничок, галстук и фрак.

— Балы, балы... Веселость! — зло продолжает он. — А ведь просто дрянь!.. Взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, как черт, и ногою дряг, дряг, дряг, точно блохи его кусают. А все из обезьянства, все из обезьянства! Эх... вы!... — угрожая кому-то кулаком, исступленно выкрикнул Чичиков и ослабело опустился на стул.

— Но Ноздрев... Ноздрев... — сжимая голову, простонал он. — Ах, подлец!

Внезапно закашлявшись, Чичиков испуганно смолк... хватается за горло, трогает шею, разевает рот... Сразу мрачнеет, делается испуган и озабочен...

Эп. 45.

В это время на одной из отдаленных и пустынных улиц города дребезжал весьма странный экипаж, появление которого может еще более увеличить то неприятное положение, в какое попал наш герой.

Дело в том, что в этом экипаже, похожем скорее на толстощекий арбуз, поставленный на колеса, среди бесчисленных ситцевых кисетов, валиков, подушек, напичканных калачами, кренделями и кокурками, сидела рядом с дворовой девкой знакомая нам помещица, коллежская секретарша Настасья Петровна Коробочка.

Шум и визг железных скобок и ржавых винтов колымаги разбудил на другом конце улицы будочника, кото-

рый, подняв алебарду, закричал спросонья что стало мочи: «Кто идет?» Но увидев, что никто не шел, а вдали проехала лишь колымага... поймал у себя на воротнике зверя и, подойдя к фонарю, казнил его на ногте. После чего, отставивши алебарду, он опять заснул по уставам своего рыцарства...

Эп. 46.

Поутру, едва лишь на приходской церкви Николы-на-недотыках ударил к заутрени колокол, из дверей оранжевого деревянного дома с мезонином выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке, Вскочила с необыкновенной поспешностью в стоявшую у подъезда коляску, которую лакей тут же захлопнул дверцами, и, ухватившись за ремни сзади коляски, закричал кучеру: «Пошел!»

Дама, назовем ее в отличие от других «просто приятной», везла только что услышанную новость и чувствовала непреодолимое желание скорее сообщить ее...

Эп. 47.

Подъехав к одноэтажному дому с белыми барельефчиками, коляска остановилась. Выскочив из коляски, дама, торопливо пробежав узенький палисадник с решеткой...

Эп. 48.

...появилась в передней своей приятельницы. — Вы слыхали, милочка, прелестник-то наш каков? — звонко с ней поцеловавшись, спросила приятная дама.

— А что, что, говорите скорее!.. — воскликнула дама-хозяйка, вводя гостью в голубую гостиную.

— Нет, это роман, совершенный роман! — опускаясь в кресло, начала приятная дама. Вообразите, милочка. Вдруг, в глухую полночь является он, вооруженный с ног до головы, вроде Ринальдо Ринальдини, к помещице Коробочке и требует продать все души, которые умерли...

— Ах, боже мой, какие страсти, — взволнованно произнесла хозяйка.

— Перепуганная насмерть Коробочка, — продолжает приятная дама, — говорит ему, я не могу их продать,

они мертвые. А это, — кричит размахивая пистолью, — мое дело знать, мертвые они или живые!.. и такого ужасного скандальозу наделал. Вся деревня сбежалась... ребенки плачут... все кричат; ну, просто оррер, оррер, оррер!..

Эп. 49.

А Чичиков, осунувшийся, больной, сидит полураздетый в кровати и, разинув рот, со стоном рассматривает в зеркало свое горло.

Эп. 50.

В голубой же гостиной уже появилась третья дама — Софья Ивановна.

— Нет, нет! — категорически заявляет она. — Здесь не мертвые души! Здесь что-то другое...

— Ну, а что, что вы полагаете?

— Как вы думаете, Софья Ивановна?

— Я, признаюсь, потрясена. Совершенно потрясена! — закатив глаза, интригующе воскликнула Софья Ивановна.

— Но, однако ж, говорите...

— Не томите ради бога!.. — наперебой вскричали дамы.

— Мертвые души... — медленно начала Софья Ивановна.

— Ну, что, что? — вся в волнении, подхватила хозяйка.

— Мертвые души... выдуманы для прикрытия, а все дело в том, мои милые, что он хочет увезти губернаторскую дочку!..

Это было так неожиданно и необыкновенно, что приятная дама и дама-хозяйка, услышав это, так и окаменели на месте... Затем, вскрикнув в одни голос:

— Ах, боже мой!

— Ах, как интересно! — вскочили и бросились к дверям...

Эп. 51.

...и, выбежав из дома и обмениваясь на ходу какими-то восклицаниями, возбужденные до крайности, дамы

чуть ли не бегом добрались до своих экипажей, вскочив каждая в свою коляску, они мгновенно разъехались в разные стороны...

«...Решив так остроумно вопрос с мертвыми душами, — говорит голос автора, — дамы полетели по городу разносить эту новость... И буквально через час все пришло в брожение... Как вихрь, взметнулся дремавший доселе город. Везде и всюду заговорили про мертвые души, про Чичикова и губернаторскую дочку...»

Эп. 52.

На словах автора мы видим Чичикова. Он в халате, накинутом поверх белья. Шея его (очевидно распухшая) повязана клетчатым платком, из-под которого выглядывает подушечка из ромашки. Издавая какие-то хрипло-булькающие звуки, склоняясь над тазом, Чичиков полощет горячим молоком с фигой больное горло...

— Петрушка! — окончив полоскание, хрипло сипит он. Но на зов никто не откликается...

Эп. 53.

...ибо Петрушка, дрожа от страха, стоял в это время в какой-то казенной комнате с решеткой перед длинным усатым ротмистром жандармерии. В стороне у стола «странная личность» что-то записывает...

— ...В Костроме мы были... городе Нижнем были... Ярославле... — Стирая рукавом слезы и кровь из разбитой губы, рассказывает, заикаясь, Петрушка.

— А не покупал ли твой барин там мертвых?.. — спрашивает ротмистр.

— Не ведаю, ваше благородие... — испуганно лепечет Петрушка. — Истинный Христос-бог, не ведаю! — крестясь, закричал он и повалился и колени.

Ротмистр взглянул на «личность», тот сделал рукой знак «убрать». Распахнув ударом ноги дверь, ротмистр крикнул:

— Убрать!..

Вбежали два рослых жандарма и, подхватив, уволокли Петрушку за дверь, втолкнув вместо него Селифана.

— А ну-ка скажи, любезный, — спрашивает ротмистр Селифана. — Кто твой барин?

— Сколеский советник, ваше благородие, — вытянувшись, ответил Селифан.

— А чем он занимается, где служит?

— У его величества батюшки государя императора, ваше благородие!..

«Личность» удивленно вытягивается.

Эп. 54.

— ...А не арестовать ли нам господина Чичикова, как подозрительного человека! — воинственно говорит полицмейстер.

— А если он нас арестует, как подозрительных людей? — ехидно спрашивает инспектор врачебной управы сидящих и гостиной (у вице-губернатора) — председателя палаты, прокурора и самого вице-губернатора.

— Может, он, господа, — опасливо оглядываясь, продолжает инспектор, — и есть подосланный к нам из Петербурга чиновник для произведения тайного следствия по делу тех, умерших...

Все испуганно приподнимаются.

— ...Помните... которых мы с вами...

Прокурор бросается к инспектору и закрывает ему рот.

— Тсс!..

— Тсс!

Все с ужасом смотрят друг на друга.

Вдруг распахивается дверь, вбегает бледный, перепуганный почтмейстер.

— Вы знаете, господа, — с трудом переводя дыхание, заявляет он, — говорят, что Чичиков — делатель фальшивых ассигнаций...

Эп. 55.

— ...Что за притча, мертвые души? — жалобно спрашивает сам себя губернатор. Он стоит в кабинете на фоне портрета Николая I и непонимающе разводит руками.

— И зачем, для чего покупать их? К какому делу их можно приткнуть...

В двери, втаскивая за руку плачущую дочь, влетает гневная губернаторша.

— Ты слышал? — трагично вопрошает она, перстом указывая на дочь.

— Но, матушка, зачем же ему покупать мертвых?..

— Дурак! — оборвала его губернаторша.

— Не мертвых... А нашу дочь... наше дитя он хочет увезти!.. — и горько зарыдав, губернаторша прижала к себе плачущую дочь...

— Его благородие коллежский советник Чичиков, — входя в кабинет, докладывает пожилой лакей.

— Не принимать! — закричал губернатор, затопав ногами... — Вон, вон его!

Эп. 56.

— Не приказано... — говорит тот же лакей стоящему в передней у лестницы Чичикову.

— Как не приказано? — удивляется Чичиков. — Да ты, видно, не признал меня. Ты всмотрись хорошенько, — говорит он, приподнимая с лица повязку.

— Да вас-то и не велено... — посмотрев на вспухшую шею, сказал лакей, — других можно...

— Вот тебе на! Но отчего же?

— Таков уж приказ...

Эп. 57.

— Петрушка! — через силу хрипит Чичиков, влетая в дверь своего номера.

Появляется мрачный, с подбитым глазом Петрушка.

— Ты где шляешься, сукин сын?

— В участок водили... про вас спрашивали...

— Что?! — как ужаленный, подскочил Чичиков. — Кто спрашивал? Ты что мелешь... пьян, что ли?

— Пьян... — обиженно пробурчал Петрушка. — Вот глаз подбили и два зуба вышибли... Пьян...

Растерянный Чичиков какое-то мгновение стоит точно окаменелый. Затем, скинув шинель, он бросается собирать вещи.

— Тащи чемодан! — отрывисто прохрипел он. — Да крикни Селифану, чтобы немедля запрягал...

Петрушка исчез, через секунду вернулся с чемоданом, следом за ним вошел Селифан, тоже порядком потрепанный в жандармерии.

— Никак нельзя, барин... — остановившись у двери и почесав затылок, робко заявил он.

— Что нельзя?

— Да запрягать-то.

— Почему?

— Да колесо малость того... его вишь... перетягивать надо...

— Подлец ты! — прохрипел Чичиков и, подскочив к Селифану, схватил его за грудки.

— Убить! Зарезать меня хочешь! Две недели сидели... ты хоть бы заикнулся, а теперь как ехать, так ты...

Чичиков ожесточенно ударяет Селифана.

— Пойди, найми кузнецов, — тяжело дыша, продолжал он, — да чтоб в два часа все было сделано! Слышишь!

— Слышу... — пятясь к дверям, пробормотал Селифан.

— А коли нет, так я тебя... — угрожая, двинулся к нему Чичиков, — в рог согну! — узлом завяжу!.. Ну, пошел, ступай!

И, потупив голову, Селифан вышел.

Эп. 58.

«...Чтобы окончательно выяснить, кто такой господин Чичиков и как с ним поступить... — говорит автор, — чиновники, собравшись у полицмейстера, пригласили Ноздрева, так как, по слухам, он был в тесных отношениях с Чичиковым и без сомнения знал кое-что из обстоятельств его жизни...»

Кабинет полицмейстера. Двери заперты. Окна закрыты. Горят свечи. На столе закуска и бутылки. За столом Ноздрев.

Полицмейстер, вице-губернатор, председатель, почтмейстер, прокурор и инспектор врачебной управы сидят

вокруг Ноздрева. Все до крайности встревожены и очень похудевшие.

— Верно ли, господин Ноздрев, — спрашивает председатель, — что Чичиков скупал мертвых?

— Верно, — выпивая и закусывая, отвечает Ноздрев. — Да я сам ему продал. И не вижу причин, почему бы не продать.

Чиновники переглядываются.

— А верно ли, — опять спрашивает председатель, — что он хотел увезти губернаторскую дочку?

— Верно, — говорит Ноздрев. — И я сам ему помогал. Договорился с попом из Турмачевки. Поп взял за венчание сто рублей.

— Но... Зачем же для этого покупать мертвых? — недоумевает председатель.

— А... чтобы подарить их губернаторской дочке. За ее здоровье! — подняв бокал, говорит Ноздрев и залпом выпивает.

Чиновники невероятно смущены и подавлены... Пауза...

— А не делатель ли он фальшивых ассигнаций? — привстав с места, спрашивает полицмейстер.

— Делатель, — спокойно подтверждает Ноздрев. — И очень, подлец, ловкий...

Прокурор в ужасе поднимается и, подойдя к Ноздреву, тихо спрашивает:

— По городу ходят слухи... что будто Чичиков... На-поле-он?

Ноздрев одним духом выпивает рюмку водки и, в упор уставившись на прокурора, страшным шепотом произносит:

— На-поле-он!

Прокурор отшатнулся, со стуком опрокинул стул... Чиновники в смятении вскочили, попятились...

Ноздрев тоже встал, пальцем поманил их к себе и, наклонившись к ним, вполголоса продолжал:

— Англичане выпустили его с острова святой Елены... Вот он и пробирается в Россию... — на словах

«пробирается» Ноздрев, сверля рукой воздух, таинственно подошел к арке, закрытой портьерой, и, погрозив чиновникам пальцем, скрылся... Чиновники в недоумении переглядываются... и вдруг все в ужасе отшатываются...

Откинув портьеру, в том квадрате арки стоял Наполеон-Ноздрев. Он в треугольной шляпе полицмейстера и мантилии полицмейстерши, которая драпируется на нем, как плащ. Руки его скрещены на груди, клок волос выпущен из-под треуголки.

Чиновники в страхе прячутся за стулья, кресло, стол.

— Вив лемперер! Ура! — заорал Ноздрев и, пошатнувшись, упал на диван и замолк.

Выйдя осторожно из-за прикрытия, чиновники подошли к нему.

— Пьян... — констатировал вслух полицмейстер.

— А знаете, господа, кто этот Чичиков? — хлопнув себя по лбу, внезапно вскричал почтмейстер.

— Кто? Кто? — разом обернувшись, спросили чиновники.

— Это, господа, никто иной, как капитан Копейкин!..

Вдруг грохот в дверь. Все вздрагивают... смотрят на дверь. Грохот сильней... Полицмейстер с испугом открывает дверь, в ней появляется жандармский ротмистр, за ним «странная личность» в темных очках.

— Господа! — выступая вперед, заявляет «личность». — В город только что прибыл генерал-губернатор князь Хованский. Его сиятельство незамедлительно просит вас всех пожаловать к нему!.. — четко и громко объявив это, «личность» и капитан исчезают.

Полицмейстер, испуганно вскрикнув «Ах!», бросается вслед за «личностью», за ним ринулись председатель и вице-губернатор. Прокурор было тоже рванулся, но хватается за сердце, меняется в лице и падает на пол...

Инспектор и почтмейстер остолбенело смотрят на прокурора, потом начинают метаться.

— Ах, батюшки! — кричит инспектор, бросаясь в дверь. — Доктора Доктора!

— Воды! Воды! — кричит почтмейстер, выбегая вслед за ним.

Ноздрев поднимается с дивана, оглядывается, видит лежащего на полу прокурора, берет свечу, наклоняется к нему...

Вбегает дрожащий инспектор, у которого в руках графин и стакан с водой. Ноздрев властным жестом берет у инспектора стакан, выпивает воду и, указывая пальцем на прокурора, громко говорит:

— Умер...

Эп. 59.

Вечер. Двор гостиницы. Фонарь. У крыльца снаряженная бричка, около брички Петрушка и Селифан укладывают последние вещи.

Эп. 60.

Номер. Пусто. На полу валяются обрывки бумаг, на табуретке в подсвечнике догорает свеча... Чичиков в шинели и картузе стоит посреди номера и тревожно прислушивается, затем осторожно подходит к окну, выглядывает, берет под мышку шкатулку и, крадучись, идет к дверям... вдруг останавливается.

В дверях стоит дама в черной мантилии и вуали, в руках у нее саквояж.

— Нет, я должна была к тебе прийти! — трагически восклицает дама и, рванувшись к ошеломленному Чичикову, обнимает его. — Что свет? Толпа людей, которые не чувствуют! — целуя его, страстно шепчет дама. — Что жизнь? Долина горестей...

— Но позвольте! — с трудом вырвавшись из объятий, перебивает ее Чичиков.

— Кто вы? Что вам угодно?

— Я та, что вам писала... — откинув вуаль, говорит дама.

Чичиков отпрянул. Перед ним стояла Анна Григорьевна.

— ...и та, которую вы отвергли на балу... — грустно улыбнувшись, добавляет она.

— Простите, но я... — чуть смущенно, но вместе с тем сухо произносит Чичиков. — Мне, видите ли, надо немедля ехать... бежать... — вырывается вдруг у него.

— Да, да, бежать! Бежать! — подхватывает Анна Григорьевна. — В пустыню! В горы! На край света! — вдохновенно продолжает она, снова обнимая Чичикова. — О, как я мечтала навсегда покинуть этот город!....

— Оставьте меня!.. — грубо отстраняя ее, кричит Чичиков. И для осторожности несколько отступает.

— Это у вас от безделья, сударыня... — зло говорит он. — Шили бы вы рубахи... вязали чулки, да рожали...

— Ах, вот как?! — гневно перебивает его Анна Григорьевна. И, закрывшись вуалью, поворачивается и гордо направляется к дверям...

...Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах.
Воркуя, томно расскажут,
Как я умерла в слезах!..

Остановившись у дверей, трагически, с надрывом произносит она и, как видение, исчезает...

— Дура... Черт бы ее побрал... — облегченно вздохнув, выругался Чичиков... и замер... услышав шум подъехавших к гостинице экипажей. Подскочив к окну, он выглянул и, схватив шкатулку, стремительно кинулся к дверям...

Но из дверей, навстречу ему, появляются: жандармский ротмистр, «странная личность», за ними два жандарма.

— По приказу его сиятельства генерал-губернатора, — четко говорит ротмистр, — вы арестованы...

Чичиков в ужасе застывает...

Эп. 61.

— ...В острог! В Сибирь! С мерзавцами и разбойниками! — кричит генерал-губернатор... на стоящего перед ним в его кабинете Чичикова.

— Виноват, ваше сиятельство! — падая на колени, вскричал Чичиков. — Я мерзавец! Я негодяй! Но бог свидетель, я всегда исполнял долг гражданина! Я всегда любил и уважал начальство! — задыхаясь от страха, он подползает к ногам генерала.

— Подите прочь!.. — кричит генерал, отпихивая его носком сапога.

— Смилуйтесь! Пощадите, ваше сиятельство... — хватаясь за сапог и целуя его, плача, выкрикивает Чичиков.

— Прочь! Взять его!

— Сжальтесь! Пощадите! Старуха мать! Жена! Дети! — орет, лобзая сапоги, Чичиков. Жандармы оттаскивают его, волокут по полу к дверям. Чичиков отбивается, визжит, плачет...

— В острог! В Сибирь! На каторгу! — орет взбешенный генерал-губернатор.

Эп. 62.

Особая комната главной канцелярии. Шкафы. У одного из шкафов стоит какой-то пожилой, важный чиновник и «странная личность». В руках чиновника толстая книга «Купчих крепостей». У «странной личности» опечатанная чичиковская шкатулка.

Книгу и шкатулку вкладывают в шкаф, а шкаф закрывают на ключ и запечатывают сургучной печатью...

— Шка-ту-лка! — доносится издалека чичиковский вопль...

Эп. 63.

— Шкатулка!.. — кричит Чичиков, бешено колотя кулаками железную дверь мрачной, полуподвальной камеры острога.

— Моя шкатулка... — стонет он, бессильно прислонясь к стене. — Ведь там все!.. Имущество... Деньги... Бумаги... Все разнесут... Все украдут...

Где-то далеко возникает похоронный звон.

— О боже... — тяжело дыша, продолжает Чичиков. — Какая судьба! Какая судьба... Потом и кровью добывал я копейку, чтобы в довольстве остаток дней

прожить... Покривил, не спорю, покривил... Но ведь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, что тысячи с казны берут, что грабят небогатых и последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего! За что же мне такие несчастье?.. Почему же другие благоденствуют! Всякий раз, как только я начинаю достигать плодов... и уже, кажется, рукой их... Вдруг буря! Вихрь! Подводный камень... И сокрушение в щепки всего корабля! За что же такие удары... — с болью стонет он. — Где справедливость небес?! Ведь я три раза сызнова начинал! Снова терял... И опять начинал! За что же такие удары? О господи! За что?! — в отчаянии Чичиков разрывает на себе одежду и, громко зарыдав, падает на солому...

Похоронный звон ближе. Запел, нарастая, хор певчих:

— Святой боже, святой крепкий.
Святой бессмертный, помилуй нас...

Недвижно, словно мертвый, лежит на соломе Чичиков. Поет, разрастается похоронный хор, наполняя собой камеру... Медленно приподнимаясь, Чичиков испуганно вслушивается... Затем вдруг вскакивает, бросается к окну и, прильнув к решетке, смотрит.

— А-а, прокурора хоронят! — зло усмехаясь, кричит он. — Жил, жил и умер. И вот напечатают теперь в газетах, — издевательски продолжает Чичиков, — что скончался почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг... Эх вы! Мошенники! — потрясая кулаком, кричит он. — Весь город мошенники. Один был порядочный человек, да и тот свинья!..

Злобно захохотав, Чичиков плюнул в окно и, отойдя, с тяжелым стоном опустился на скамейку...

Затихает похоронный хор, удаляясь все дальше и дальше...

Вдруг Чичиков насторожился, приподнял голову. За дверью послышались шаги, лязг ключей, запоров, наконец, дверь с визгом отворяется и в камере появляется

«странная личность», за ней силуэтом виднеется жандармский ротмистр.

«Личность» подошла к Чичикову и, вежливо поклонившись, отрекомендовалась:

— Самосвитов.

Встречались.

Знаю все...

Но... не отчаивайтесь... —

загадочно улыбнувшись, «личность» приблизилась к Чичикову и тихо добавила, — тридцать тысяч.

Чичиков вздрогнул, отшатнулся.

— Тут уж всем: и нашим, и генерал-губернаторским, и... — жестом дополнила «личность».

— И мне... мне» удастся освободиться?.. — взволнованно спросил Чичиков.

«Личность» молча кивнула головой.

— Но позвольте... — дрожащим от волнения голосом спрашивает Чичиков, — как же я могу... Мои бумаги, деньги... Шкатулка...

— Не беспокойтесь... — перебивает его «личность». — Ночью получите все.

— А лошади?.. А бричка?..

— Все будет готово. Ждите, — спокойно сказала «личность» и, еще раз улыбнувшись, двинулась к дверям...

Эп. 64.

Ночь. Особая комната главной канцелярии генерал-губернатора. Шкафы. В дверь быстро одна за одной входят две фигуры в темных плащах. Войдя, они открывают плащом небольшой фонарь, тускло освещая себя и комнату, — это «странная личность» и жандармский ротмистр. Подойдя к одному из шкафов, «личность» срывает печать, открывает его и вынимает шкатулку.

Ротмистр тем временем сгребает к шкафам какие-то бумаги и, достав из фонаря огарок свечи, поджигает их. Вспыхнули, загорелись бумаги, повалил дым... юркнув, скрылись за дверью фигуры...

Эп. 65.

Рассвет. Тревожные удары набата. Из-за угла выскакивает закутанный в шинель Чичиков, за ним со шкатулкой в руках Петрушка.

Испуганно озираясь, они бегут под нарастающий гул набата по переулку... подлазят под какие-то покосившиеся ворота... перескакивают через изгородь... прыгая с могилы на могилу, проносятся через кладбище и, шатаясь от изнеможения, подбегают к стоящей на дороге тройке.

Вскочив в бричку, Чичиков, с трудом переводя дыхание, смотрит на виднеющийся внизу город.

В центре города огромное зарево пожара. Багровый дым... доносится гул тревожного набата...

— Пошшшел! Гони! — падая в бричку, крикнул Чичиков...

И тройка рванулась, понеслась, помчалась...

— Э! э-эх, любезные! — кричит Селифан, нахлестывая и чубарого, и гнедого, и каурую пристяжную...

Мчится тройка... то взлетая на пригорок... то срываясь вниз... то снова взлетая... Словно по воздуху, почти не трогая копытами земли — летят, несутся кони...

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, ИЛИ РЕВИЗОР (ПО ГОГОЛЮ)

Сценарий

НДП[1]. *Уездный город, находящийся не то чтобы далеко от Пензы, но и не совсем близко к Саратову, где-то у неведомой черты границы этих двух славных губерний, весной в 1831 году медленно пробуждался от сна к своим делам безрадостным, пробуждался скорее по привычке.*

Испокон веков, по ним хоть часы проверяй, проходило, зевая, купечество к своим лабазам и торговым рядам. Опасливо осматривали замки неестественной величины, и, когда их отпирали, замки издавали давно утерянную мелодию «Коль славен наш господь...» на все лады...

НДП. И так начиналось каждое утро.

Первыми сколько-нибудь замечательными людьми в уездном городе оказываются помещики Петры Ивановичи Бобчинский и Добчинский. Оба низенькие, коротенькие, очень любопытные, оба с небольшими брюшками. Дома их до уморительности одинаковы, очевидно, построенные одним мастером, стоят рядышком на живописной улице. Домики, как две капли воды, похожи на своих хозяев, и кажется, вот они сейчас замахают ставнями и начнут наперебой друг перед другом хвастать городскими новостями. Петры Ивановичи вышли каждый на свое крылечко, увидели друг друга, обрадовались, вежливо раскланялись и оба враз сказали:

— Здравствуйте, Петр Иванович...

---

[1] НДП — надпись. В соавторстве с режиссером М. С. Каростиным. — *Ред.*

И прежде чем отправиться в город по новости, как ходят по грибы, Петры Ивановичи сразу же и заспорили. Добчинскому очень хотелось идти в левую сторону города, но именно в эту же сторону намеревался побежать и Бобчинский, который сразу начал наскакивать на своего приятеля и засыпать его убедительными словами:

— Нет, нет, нет, Петр Иванович, сегодня левая сторона города моя, а правая ваша, и новостей сегодня в правой стороне города, ей-ей, больше, чем в левой, вы уж, пожалуйста, не спорьте, Петр Иванович...

И приятели разбежались — Добчинский направо и Бобчинский налево.

Когда их проворные, маленькие фигурки скрылись из виду, прямо через улицу, как бы для контраста, торопилась огромная фигура судьи, в ногах которого путались два лающих пса, сдерживаемых массивными цепями.

Смотритель богоугодных заведений Земляника, фигурой поменьше судьи и меньше опутанный дикорастущими волосами, заслышав собачий лай, высунулся в окно своего дома и равнодушно извещал свою жену о том, что:

— Опять судья Ляпкин-Тяпкин со своими кобелями идет к юбкам жены помещика Добчинского...

Добчинский, спрятавшись за выступ стены, следил за своим смертельным ворогом, и, когда судья юркнул в калитку, Петр Иванович, терзаемый ревнивым чувством, побежал к своему дому, наткнулся на псов, привязанных судьей у калитки. Собаки, завидев Петра Ивановича, начали лаять и бросаться на него с такой силой, что сорвись железное кольцо — и от Петра Ивановича не останется и звания.

Добчинский боялся судейских собак, как огня палящего. Он поворотил от родной кровли и грустный пошел «по новости».

День Бобчинского тоже начался с неудач. Бойкость его пропала. Он остановился у пожарной каланчи, ог-

лядывая беспросветно скучную улицу, точно вымершую. И, когда мимо него проходил единственный живой человек — почтальон, Бобчинский скорее по привычке, без всякой страсти заглянул в сумку почтаря, но в следующую минуту цель уже была найдена.

Любопытство озарило лицо Петра Ивановича изнутри. Он увязался за почтарем, ловко заглянул сбоку, потом забежал с другой стороны и увидел письмо, адресованное городничему — Сквозник-Дмухановскому.

Хитренный служитель почты на уговоры не сдавался, и только когда у него в ладони звякнули медные деньги, переданные Петром Ивановичем, — эта маленькая лепта, первая взятка в фильме, — почтарь отдал письмо, и Петра Ивановича подхватило по улицам, словно у него образовались крылья.

НДП. Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек, черты лица грубые и жесткие, как у всякого, начавшего тяжелую службу с нижнего чина, сидел еще не одетый, заспанный, видно, только что встал и, несмотря на это, сильно расстроенный.

В руках у него большая книга в кожаном переплете, с огромными серебряными застежками. Это может быть «Свод законов Российской империи» или Библия, но при ближайшем рассмотрении она оборачивается сонником — толкователем снов.

Антон Антонович пробегал страницу за страницей, наконец, нашел то, что было нужно, и начал про себя.

НДП. Паче страшно видеть во сне крыс, к явной неприятности по должности.

Городничий жуликовато прищурился, как бы говоря: «Хотел бы я знать, какая такая неприятность может угрожать мне, Сквозник-Дмухановскому».

Бобчинский влетел в покой сильного мира сего и сразу преобразился. Серьезность, насколько она была присуща Петру Ивановичу, отобразилась на его лице,

когда он вручал городничему письмо с печатями. Городничий медленно распечатал письмо.

Любопытство — этот один из человеческих пороков, коим Петр Иванович Бобчинский страдал в излишестве, сразу забрало его. Глаза Петра Ивановича заблестели, как у игрока, увидевшего большую ставку.

Городничий читал письмо про себя.

НДП. Любезный друг, кум и благодетель, спешу уведомить тебя, что приехал чиновник из Петербурга с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд.

Бобчинский, как по раскрытой книге, читал на лице городничего, что: «Есть очень важные новости».

НДП. ...Я советую тебе взять предосторожность и удержаться на время от прибыточной стрижки, ибо он может приехать во всякий час, если уж только не приехал и не живет где-нибудь инкогнито (слово «инкогнито» подчеркнуто два раза).

Антон Антонович глазам своим не верил. Вытер лоб и углубился в чтение вторично.

И вот, по мере того как он читал во второй раз, на письме зародилась движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся и увеличивающаяся, она наконец обозначилась тройкой лошадей, а вон и тарантас уже виден, и седоки сидят в тарантасе. Точка и впрямь обернулась тройкой и еще пуще понеслась по белому полю письма между строчек, словно по накатанной дороге. Бубенцы ее усиливались, бег ускорялся, она, подгоняемая гиканьем лихого молодца кучера, с песней, со свистом проносилась мимо запятых, точек и вдруг с размаху поворотила и, все увеличиваясь в своей стремительности, прогромыхала вниз, по последним строчкам чмыховского письма, вырвалась на расейскую дорогу, коими исхлестана наша с страна, и понеслась...

НДП. Ревизор есть чиновник, облеченный всей полнотой царской власти. Он может раздуть муху в слона. Но он также легко способен слона обернуть мухой.

На тройке с жандармом едет личность, одетая в партикулярное платье, но, судя по тому, с каким мастерством личность тычет кулаком в шею кучеру, и по присутствию сбоку жандарма, можно без ошибки сказать, что этот инкогнито — большой чиновник или военный чин.

Кучер хлестал лошадей, тройка пласталась, оставляя за собой длиннейший шлейф пыли.

Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский растерялся:

— Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Черные, неестественной величины! Пришли, понюхали — и пошли прочь.

Вот когда Бобчинскому фортуна повернулась приветливым ликом. Он со взбрыкиванием выскочил с крыльца городничего и так проворно побежал, что будочник, стоявший на часах у дома городничего, даже сплюнул, там ему не понравилось проворство Петра Ивановича.

И вслед за Бобчинским мимо опешившего будочника примчался, грохоча сапогами, полицейский Держиморда.

Бобчинский на наших глазах обежал два дома и, не заставши никого, побежал дальше.

А Держиморда вертелся у дома помещика Добчинского, стараясь шпажонкой отбиться от судейских псов.

Всклокоченная голова судьи выглянула в окно, полицейский подбежал, что-то шепнул и скрылся.

Застегивая верхнее платье, судья открыл калитку и, влекомый своими псами, побежал к городничему.

А на углу, там, где продаются пирожки, бежавший Бобчинский столкнулся с Добчинским.

За дальностью расстояния не слышно, что говорит Бобчинский, но, судя по его жестам, которые рождались, вскидывались, друг друга перегоняли, можно были догадаться, ради чего на этом свете живет Петр Иванович Бобчинский, а судя по огорченному лицу

Петра Ивановича Добчинского, можно было понять, как он, Добчинский, завидует ему, Бобчинскому.

Мимо них пробежал запыхавшийся полицейский Держиморда, глазом наметил бабу, торгующую пирожками. Баба сидела, держа между ног ведро, покрытое промасленным одеялом, без которого пирожки могут остынуть, и зазывала покупателей.

Держиморда добежал до торговки, с маху сунул свою жадную лапу под одеяло, отчего баба взвизгнула, ухватила охальную руку полицейского, точно ее собирались обесчестить.

Но строгость голодных глаз Держиморды отрезвила торговку, и щедрая рука полицейского вынула из-под одеяла пирожков сколько могла, а могла она, надо признаться, много.

НДП. Перепуганные известием о ревизоре, чиновники сбежались к городничему.

Городничий стоял, словно соляной столб, у себя в гостиной, а вокруг него шло коловращение чиновников.

— Инкогнито проклятое, — вскипел городничий, и коловращение разом остановилось. В эту минуту городничий ненавидел их всех. В каждом видел своего личного врага и находил удовольствие в том, чтобы попугать чиновников, что придавало ему самому больше храбрости.

— Вдруг заглянет.. — стращал городничий чиновников.

— А... Вы здесь, голубчики.... — городничий сам входил в раж, представляя собой кару господню. Он уже верил, что он-то и есть тот самый ревизор из Петербурга.

— А кто здесь судья?..

А Артемий Филиппович Земляника услужливо и не без удовольствия предавал своего ближнего и сообщал:

— Ляпкин-Тяпкин...

Городничий входил в раж:

— А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Судья не на шутку струхнул, но громовой голос городничего продолжал:

— А кто попечитель богоугодных заведений?..

Теперь уже судья, в пику попечителю, сообщал его фамилию:

— Артемий Филиппыч Земляника.

— А подать сюда Землянику... — настаивал новоявленный ревизор.

— Вот что худо. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Это уж так самим богом устроено.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин насторожился.

— Что же вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками...

Городничий посмотрел на судью, ему не хотелось спорить.

— Ну, щенками или чем другим, все взятки.

Но с этого момента в гостиной городничего намечался явный скандал.

Уже теперь судья разошелся:

— Ну, нет, Антон Антоныч, а вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий старался потушить спор, но сам распалялся:

— Зато вы в бога не веруете, а я, по крайней мере, в вере тверд. О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Все эти рассуждения городничего льстили судье.

— Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий запальчиво ответил ему:

— Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было.

И насколько в гостиной городничего, в связи с приездом ревизора, атмосфера была напряженной, на-

столько в трактире местной гостиницы чувствовалось благорастворение.

Старенькая попорченная шарманка играла тихую, приятную мелодию, под звуки которой Петры Ивановичи завтракали, иногда перемежая рыбные блюда приятельскими поцелуями, которые между ними были в совершенном обычае.

Музыка неожиданно прервалась, и в трактире появился молодой человек недурной наружности, в цилиндре, одетый от лучшего петербургского портного и с тростью в руке.

Молодой человек, мучимый какой-то страстью, ходил по трактиру, лицо его менялось каждую секунду.

Он с мутными глазами налетел на Петров Ивановичей, вскинул на нос позолоченную лорнетку, заглянул им в тарелки, где лежала рыба, проглотил слюну и вышел из трактира.

Петры Ивановичи смотрели на него как зачарованные. Они с него глаз не спускали. Бобчинский нагнулся к Добчинскому, что-то ему шепнул, тот мигнул, и к ним подошел трактирщик Влас, который сообщил:

— Чиновник, едущий из Петербурга, по фамилии Иван Александрович Хлестаков, другую неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить.

По мере того как Влас говорил, Петры Ивановичи оба начали вставать со своих стульев, что-то осенило их обоих, они бросились на Власа и начали целовать его в обе щеки в благодарность за то, что существует его гостиница на этом белом свете.

Музыка в трактире снова заиграла, и под веселые мотивы Петр Иванович Бобчинский на радостях выкидывал замысловатые «антраша» и вместе с Добчинским выскочил на улицу.

И насколько радостное возбуждение царило в трактире, настолько в гостиной городничего было все сдержанно и как бы в предчувствии бури.

Городничий, взявши почтмейстера под ручку, отвел в сторону.

— Купечество да гражданство меня смущают, а я вот, ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса.

А по улице неслись Бобчинский и Добчинский, горя желанием поведать всему свету последнюю новость о ревизоре. Они с переменным успехом старались обогнать друг друга: то впереди мчался Бобчинский, то Добчинский, собрав последние силы, обходил своего приятеля.

В гостиной городничий просил почтмейстера:

— Послушайте, Иван Кузьмич. Нельзя ли всякое письмо, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать?

Почтмейстер вынул пачку распечатанных чужих писем.

— Знаю, знаю... Этому не учите. Я делаю это не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете.

Шум, подобный надвигающейся буре, долетел до гостиной городничего. Двери точно ветром распахнуло.

Ворвались два коротких человека и так перебивали друг друга, что ничего нельзя было понять. Сыпалась тарабарщина из непонятных слов и возгласов.

Окрик городничего отрезвил: Петры Ивановичи начали рассказ.

А Иван Александрович Хлестаков, тот, о котором рассказывали Петры Ивановичи, шел по улице уездного города, терзаемый голодом.

До его слуха долетел уже знакомый нам голос торговки:

— А вот горячие пирожки...

Хлестаков как зачарованный шел на призыв бабы, и даже тросточка застыла в каком-то напряженном положении.

Иван Александрович нерешительно задержался возле торговки и с видом знатного путешественника обозре-

вал окрестности. Трость Хлестакова, его гордость, являла собой дополнение к неотразимому виду «петербургского льва». Короткая блестящая палочка, отнюдь не предназначенная для опоры, в руках Хлестакова превращалась в волшебный жезл.

Иван Александрович стоял у самого ведра, спиной к торговке, и через плечо заглядывал.

Тросточка за спиной Хлестакова пришла в виртуозное вращение. Баба глазела на быстро мелькающий конец трости, и вдруг глаза ее наполнились чрезвычайным удивлением.

Волшебная трость Ивана Александровича, откинув край промасленного одеяла, быстро исчезла в ведре и сейчас же показалась обратно, унизанная двумя дымящимися пирожками.

Глаза торговки выпучились, как будто хотели выстрелить. Раздался бабий визг.

Иван Александрович почувствовал, как его что-то рвануло назад, но он сделал последнее усилие и, вырвав трость, помчался по улице, а в спину ему неслось:

— Прощелыга ты, а не барин...

— А вот он-то и есть этот чиновник, о котором изволили получить нотицию, — настаивал Бобчинский в гостиной городничего и громко, так, чтобы его слышали все, выкрикнул самое страшное слово.

— Ин-ког-ни-то.

А Добчинский добавил:

— Ревизор.

Городничий в страхе отмахивался от них.

А Бобчинский продолжал упорно настаивать, наскакивая на городничего:

— Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: все осмотрел...

Вот когда городничий услышал слово «наблюдательный», здесь он смутился.

— Где же он там живет?

Добчинский, стараясь обогнать своего приятеля, успел сообщить:

— В пятом номере под лестницей.

— А давно он здесь?

Приятели разом:

— Две недели.

Городничий обмер и про себя вспомнил все художества за эти две недели.

— В эти две недели высечена унтер-офицерская вдова. Арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак.

Бобчинский, возбужденный и развязный, ходил по комнате. Он сейчас в апогее своего величия. Он как будто вырос, и даже трудно постороннему человеку определить, кто сейчас на социальной лестнице из всех присутствующих мог бы сравниться с ним. Разве только Петр Иванович Добчинский, но и здесь Бобчинский опередил его.

Подойдя к окну, Бобчинский сначала застыл, потом всеми частями своего короткого тела выразительно протанцевал танец призыва, и все чиновники, забывая табель о рангах, бросились к окну, налетая друг на друга. В окно они увидели:

...на противоположной стороне стоял молодой человек, одетый петербургским франтом. Это был Иван Александрович Хлестаков.

Он на минуту задержался в своем голодном шествии по улицам уездного города около дома городничего: покрутил головкой, понюхал воздух и медленно направился дальше. Ему даже невдомек, что произошло в доме, на который он изволил только мельком взглянуть.

Чиновники страшно переполошились. Городничий наспех одевался и в сопровождении пяти полицейских выбежал из дома.

Сообразив, куда мог пойти Хлестаков, городничий со свитой двинулся за ним. Рядом шли дрожки, в которые уже успели сесть Петры Ивановичи, и все это шло осторожно по следам Хлестакова.

И когда Иван Александрович только еще подумал повернуть в сторону моста, городничий подмигнул

кому-то из свиты, каланча, покрытая полицейской шапкой, качнулась, подошла к Антону Антоновичу и получила приказание:

— Беги скорей и встань на мосту для благоустройства.

Игнорируя заборы и всяческие препятствия, полицейский-каланча шагал прямо через них, кратчайшим путем пробираясь к цели.

Когда Хлестаков подходил к мосту, совершенно неожиданно перед его глазами как бы из-под земли выросло нечто, чего не заметить нельзя.

Иван Александрович растерялся, но каланча-полицейский приложил руку к шапке, что означало отдавание чести, и улыбнулся преданной, располагающей улыбкой. Иван Александрович в свою очередь пытался выжать на своем лице ответную улыбку. Прошел мимо полицейского и, стараясь не оглядываться, быстро повернул за угол.

И когда Хлестаков, перепуганный полицейским, быстро побежал по улице, из-за угла выглянул озабоченный городничий, подозвал трех полицейских и зашипел:

— Разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенные вехи, чтобы были похоже на планировку.

Полицейские скрылись.

В богоугодном заведении под наблюдением Земляники шел, что называется, «дым коромыслом».

Больных в грязных колпаках и рваных халатах загнали в один угол, вмиг из дымной кузницы сделали подобие больницы и ждали прихода ревизора.

А на фоне неба стали вырастать строительные соломенные вешки, стучали заступы, трещало дерево. И вдруг длинный, большой забор начал шататься и падать, чуть не похоронив под собой Ивана Александровича Хлестакова, который вовремя успел отскочить в сторону.

А за забором обнаружилась куча мусора на сорок телег, на вершине которой, точно памятник, стоял ка-

ланча-полицейский, отдавая честь и располагающе улыбаясь.

Городничий, увидев безобразие, схватился за голову:

— Что за скверный город, только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда нанесут всякой дряни.

Улицу, на которой стоит трактир, трудно узнать, ее метут, и через поднятую завесу пыли видно силуэтом, как проносятся пожарные трубы, бегают угорелые полицейские. Иван Александрович еле добежал до своей гостиницы и скрылся в ней.

Номер пятый под лестницей, где остановился Хлестаков, самый маленький номер в гостинице. Это один из тех номеров, кои похожи скорее на вытрезвительную камеру в полицейском участке, чем на пристанище для молодого чиновника из Петербурга.

Скудный свет падал в номер через маленькое отверстие, похожее на тюремное окно.

Прямо в сапогах и верхнем одеянии на кровати лежал Осип, слуга Хлестакова, находившийся в той стадии голода, когда не то чтобы ему грозила смерть от истощения, но и нельзя сказать уверенно, чтобы она ему совсем не угрожала.

— Черт побери, есть как хочется.

Осип лежал с открытыми глазами.

— Вот не доедем, да и только, домой.

Осип с обидой двинул подушку кулаком и повернулся лицом к стене.

— Профинтил дорожкой денежки, голубчик...

А в это время перепуганный тем, что за ним ходят полицейские, Хлестаков на цыпочках, тихонько проскользнул к себе в номер, осторожно закрыл дверь, съежился и ждал, не раздадутся ли шаги полицейских.

— Теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится... — продолжал Осип.

Иван Александрович Хлестаков прислушался к тому, что говорил Осип, который уже стонал:

— Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи...

Хлестаков посмотрел на Осипа, лежащего на его кровати, на огромные сапоги, которые первые почувствовали на себе пристальный взгляд Хлестакова, както заерзали на постели, и только после этого Осип повернулся от стены.

Глаза барина и слуги скрестились, как шпаги, и Осип не торопясь начал сползать с постели.

— Опять валялся на кровати?

Осип, поднимаясь с постели, вдруг упрямо стал отрицать факт лежания на постели.

— Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кроватей, что ли?

Иван Александрович возмутился. Его принимали за дурака.

— Врешь. Валялся, видишь, вся всклокоченная.

Осип шел напролом, против совершеннейшей очевидности:

— Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги, я и постою.

Хлестаков, сраженный уверенным тоном Осипа, даже сам, собственно, не знал, может быть, Осип действительно не лежал на постели.

Послышался громкий и решительный голос Хлестакова:

— Эй, Осип, ступай туда...

Осип отрицательно мотнул головой и в знак того, что он действительно никуда не пойдет, сел на стул.

— Хозяин сказал, что больше не даст обедать. Еще, говорит, и к городничему пойду.

Вот тут Иван Александрович не на шутку испугался.

— Мы-де этаких шаромыжников и подлецов видали. Я, говорит, шутить не буду, на съезжую и в тюрьму.

А на дворе съезжей стояла шеренга полицейских. Антон Антонович командующим ходил по фронту и репетировал готовность своего учреждения.

— Приезжий чиновник спрашивает — службой довольны?

Полицейские все разом рявкнули так, что прохожие бабы шарахнулись в сторону:

— Всем довольны, ваше благородие.

А городничий продолжал:

— А если спросит, отчего не выстроена церковь, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма?

Полицейские хором, как заученный урок, рявкнули:

— Строилась, да сгорела, ваше высокоблагородие.

Городничий был доволен ответом.

— А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет, что она и не начиналась.

Городничий сел ни дрожки с Добчинским и помчался по улице.

Номерной слуга, за которым шел Осип, подлетел к хозяину гостиницы Власу и начал нашептывать ему на ухо, что-то время от времени кивая в сторону стоящего Осипа, сейчас искусно прикинувшегося «казанской сиротой» и таким тихоней, что и воды не замутит.

Влас, глядя на Осипа, мрачнел, откатился от стойки и в сопровождении слуги начал спускаться в преисподнюю — кухню гостиницы, самое страшное место.

Повар, сущий Вельзевул, огромный, лоснящийся, стоял среди пара, дыма и огненных языков, даже хозяин гостиницы Влас, и тот побаивался его и обращался с ним вежливо.

— Тарас Иваныч, сочини бесплатный обед для пятого нумера, что третью неделю живет и денег не платит.

Повар сразу оживился, засучил рукава и начал фантазировать.

НДП. Куриный суп: берутся два стакана мутной воды.

Повар зачерпнул из лохани, где моют грязную посуду, мутную воду.

НДП. Четыре свежих куриных пера.

Поваренок, подручный, выбежал на двор, ловко поймал живую курицу и приволок ее к шефу. Повар выдернул из хвоста четыре пера и сунул их в кастрюлю.

В мутную воду, где плавали куриные перья, щедрая рука повара сыпала неограниченно перца и соли.

В номер пятый забежал Осип и, довольный, кричал:

— Несут обед!

Хлестаков прыгал от радости, как мальчик. Вошел слуга. Накрыл на стол. А хозяин гостиницы Влас, повар и поваренок на цыпочках подошли к открытой двери пятого номера и заглядывали.

Ивану Александровичу наливали куриный суп. Он быстро и жадно начал глотать первую ложку, затем вторую, проглотив третью, остановился — недоумение, испуг попеременно отражались на лице Хлестакова.

Иван Александрович кричал слуге:

— Что же это за суп? Я не хочу этого супа! Дайте мне другого!

И когда слуга хотел взять суп, Хлестаков грудью начал его защищать:

— Ну, ну, ну, оставь, дурак.

И снова принялся ля суп:

— Боже мой, какой суп! Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа.

Хлестаков передал миску Осипу, и сам начал резать жаркое.

Повар и Влас помирали от смеха за дверью.

В трактир вошел, оглядываясь, городничий, за ним Добчинский.

НДП. Весть о приезде городничего вмиг облетела гостиницу.

К номеру пятому под лестницей осторожно подошли городничий и Добчинский. Остановились, не решаясь войти.

Хлестаков в номере притихнул и не дышал. Там было тихо.

Антон Антонович по старой полицейской привычке, этой второй натуре, прежде чем войти, решил сначала обозреть поле будущей деятельности.

Городничий припал к замочной скважине и первое, что он увидел, — это огромную крысу, обманутую ти-

шиной и вылезшую на свет божий из своей норы. Крыса увидела совершенно трясущегося Хлестакова, мотнула своим длинным хвостом и исчезла под полом.

Антон Антонович отпрянул от скважины, он даже побледнел и, незаметно крестясь, шептал:

— Сон в руку.

Иван Александрович ждал каждую минуту появления городничего.

Ручка входной двери завертелась. Хлестаков съежился.

Входит городничий. С улицы, да еще и со страху, городничий ничего и никого не видел.

Он кашлянул.

Хлестаков отмалчивался.

Городничий с протянутыми руками двинулся вперед, неожиданно наткнулся на Хлестакова. Оба вскрикивают, смотрят друг на друга, выпучив глаза.

Городничий вытягивается перед Хлестаковым:

— Желаю здравствовать!

Хлестаков от испуга начал икать. Кланяется городничему. Городничий обошел номер, взглянул куда можно с деловым видом.

— Обязанность моя, как городничего здешнего города, заботиться о том, чтобы приезжающим и всем благородным людям никаких препятствий...

Антон Антонович сбился от такой длинной тирады, что-то хотел продолжать, но не решился, окончательно спутался и, вытянувшись, ждал своей участи.

Иван Александрович, сначала заикаясь, а к концу речи громко, начал говорить:

— Я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни...

Около номера пятого столпились все обитатели гостиницы. Ждали редкого развлечения. Все щелки были захвачены. Любопытные, не могущие дотянуться до окна, подсаживали друг друга, чтобы хоть только на одно мгновение увидеть, что делается в номере.

Хлестаков старался всяко оправдаться перед городничим. Он вспомнил суп.

— Суп. Он черт знает что плеснул туда. С чего же я... вот новости...

На последней фразе голос Ивана Александровича окреп, прозвучала нотка уверенности, и в лице появилась строгость.

В свою очередь, Антон Антонович окончательно оробел. Он не знал, с какого боку подойти к этому плюгавенькому, маленькому человечку.

— Извините, я, право, не виноват, позвольте мне предложить переехать со мной на другую квартиру. — Антон Антонович замер от своего решительного хода.

Иван Александрович не на шутку испугался и начал пятиться от городничего, шепча:

— То есть...

Иван Александрович уперся в стенку, дальше отступать некуда. Он прокричал следующее слово:

— В тюрьму...

По истошному крику Хлестакова нельзя было понять, он спрашивает городничего или сам ему угрожает тюрьмой. И, как это бывает при сильном испуге, Хлестаков начал кричать:

— Да какое вы имеете право... Да вот и... я служу в Петербурге...

Городничий не ждал такого оборота. При последних словах Хлестакова колени Антона Антоновича подогнулись и задрожали.

Вот этот-то самый испуг Антона Антоновича и увидел Осип, внимательно следивший за всем происходящим, и начал Хлестакову подавать всевозможные знаки, внушая ему, чтобы он наседал на городничего еще пуще, не сдавался и что, дескать, все будет очень хорошо.

В коридоре зрители с затаенным дыханием следили за разворачивающимися событиями.

А Хлестаков, подбадриваемый знаками Осипа, храбрился:

— Да вот вы хоть тут со своей командой, не пойду... я прямо к министру... — взвизгнул он для большей убе-

дительности. А Осип продолжал знаки одобрения — дескать, вали, наседай, закручивай и дальше.

Вся атмосфера в номере была в пользу Ивана Александровича, и он действительно разошелся. Он начал стучать кулаками по столу.

— Что вы, что вы...

И сам испугался своей храбрости, замер и смотрел испуганными глазами на Осипа.

Городничий трясся всем телом. Он выдавал себя, выбалтывая все и сам шел в руки Хлестакову:

— Помилуйте, не погубите, жена, дети малые... если и были взятки, то самую малость...

Зрители в коридоре злорадствовали:

— Наконец-то нашлась управа и на нашего Антошку...

Хозяин же гостиницы Влас растерялся. Он ничего не мог понять. Он видел, что в номере происходит что-то несообразное его понятиям о Хлестакове.

Городничий униженно оправдывался:

— Что же до унтер-офицерской вдовы, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета.

Хлестаков, стремительно перебивая городничего:

— Унтер-офицерская вдова совсем другое дело. А меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко...

И, подойдя к городничему вплотную, Хлестаков встал в позу трагического актера, каких он часто видел в Петербурге, и с пафосом, с придыханием изъяснился городничему:

— Я заплачу, я потому и сижу здесь, что у меня нет...

И красноречивым жестом показал, что у него нет денег.

Городничий, как только Хлестаков заговорил о деньгах, пришел в себя.

НДП. О, тонкая штука! Эк куда метнул! Какого туману напустил!

И второпях городничий оторвал мешавшую пуговицу, вытащил деньги и поднес их прямо в бумажнике.

Хлестаков, боясь, что городничий может раздумать, быстро сунул деньги в боковой карман, и с деньгами в кармане Хлестаков сразу стал неузнаваемым. Уверенность в себе, свои силы и приподнятость состояния — вот что было сейчас на лице Ивана Александровича Хлестакова.

Зрители в коридоре ахнули. Опять городничий, Антошка, взял верх.

А Влас угорелой кошкой мотнулся на кухню и грозно орал на повара:

— Тараска, катай министерский обед для ревизора из пятого нумера!

И началось. В громадной кастрюле исчезали бараны, гуси, куры, кусками летело масло, яйца.

Вырастали крепости из теста, на которых затейливо лепились шапки крема.

Анна Андреевна — жена городничего — и Марья Антоновна — дочь его, — разодетые в лучшие парадные туалеты, высунулись в окно и махали платками бегущему к ним Добчинскому, который, добежав до окна, не смог произнести ни одного слова.

Раздраженная Анна Андреевна готова была выпрыгнуть из окна.

— Ну что? Ну, рассказывайте! Ну, да кто он такой? Генерал?

Добчинский, наконец, собрался с силами, мотал головой:

— Нет, не генерал, а не уступит генералу.

Издали показалась бричка с городничим и Хлестаковым.

Мария Антоновна скрылась и через минуту появилась у окна с подзорной трубой.

Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарниза и брала на караул.

Чиновники и писцы со страхом и любопытством поглядывали в окна. У торговых рядов купцы гнули свои спины.

Бричка приближалась к дому городничего. Анна Андреевна вырвала у дочери подзорную трубу, вскинула ее к глазу и безуспешно старалась поймать в увеличительное стеклышко петербургскую штучку.

Бричка, не останавливаясь, поехала дальше. Марья Антоновна чуть не плакала оттого, что не успела рассмотреть ревизора невооруженным глазом.

На пути следования брички показалось здание, окруженное со всех сторон высоким тыном.

...Увидев его, Иван Александрович перестал улыбаться и про себя твердил:

НДП. Пронеси, господи...

Но бричка окончательно свернула в сторону мрачного здания с железными решетками на окнах, и не успел Хлестаков опомниться, как окованные железом ворота раскрылись, затем за его спиной снова закрылись, прошумели железные задвижки, жалобно прогрохотали цепи.

НДП. Тюрьма.

Иван Александрович Хлестаков со страхом вступал во вверенную Антону Антоновичу тюрьму, где сразу все не понравилось Ивану Александровичу: и воздух подозрительный, и подозрительная свита, и в довершение всего неожиданно перед Хлестковым выросли два молодца тюремщика и, преграждая путь, кланялись хлебом-солью, серебряной чаркой, наполненном до краев, и всевозможными закусками.

Хлестаков оторопел, но все кругом кланялось и заискивающе улыбалось.

Не успел Иван Александрович прикоснуться к чарке, а из ближайшей камеры, как из могилы, раздалось протяжное:

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

И эхом прокатилось по длинному коридору, как зазубренный урок, повторившийся всюду...

— Всем довольны, ваше высокоблагородие.

Иван Александрович элегантно раскланивался с невидимыми доброжелателями и, осушив чарку, жадно стал уничтожать закуску.

НДП. Уездное училище.

Коридор, по которому шел Иван Александрович, ничем не отличался от тюремного, и только на месте служителей тюрьмы в свите Ивана Александровича появились чиновники в парадных мундирах. Снова, как в тюрьме, выросли два человека с хлебом-солью, чаркой и закуской.

Чиновники просительно кланялись и улыбались.

Хлестаков уже освоился со своим положением, робость исчезла, и появилась начальственная осанка. Не успел он взяться за чарку, как из ближайшего класса рявкнули молодые глотки:

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие.

А из других классов неслось:

— Всем довольны...

НДП. Богоугодное заведение.

И тот же коридор, и та же свита, только чарку подносили люди в белых больничных халатах.

Иван Александрович принимал чарку так, как Наполеон принимал ключи от побежденных им городов.

А голоса, истерзанные болезнями и всякими недугами, вопили из разных палат:

— Здравия желаем...

— Всем довольны...

НДП. Молва о Хлестакове мигом разнеслась во все концы глухого уезда и достигла ревизора из Петербурга, едущего инкогнито.

Ревизор-инкогнито, одетый в партикулярное платье, сидел в бричке, словно пораженный громом. А за его спиной заливались удалявшиеся бубенцы, они уносили молву о Хлестакове дальше. Ревизор-инкогнито очнулся, соскочил с брички, заметался по дороге. Гаркнул на жандарма. Жандарм, сопровождавший его, бросился к футляру, достал оттуда фуражку с большой кокардой.

Ревизор надел ее, сразу преобразился в грозное расейское начальство, прыгнул в бричку, съездил кулаком по шее ямщика, лошади рванулись, и тройка понеслась.

После бутылки толстобрюшки и губернской мадеры Иван Александрович Хлестаков, сопровождаемый чиновниками, нетвердой походкой входил в гостиную Сквозник-Дмухановского.

— Завтрак был очень хорош. Я люблю поесть. Ведь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия.

В это время торжественно распахнулись двери, и во всем своем великолепии предстали Анна Андреевна и Марья Антоновна, умышленно остановившись в дверях, как и раме, в которой все замысловатости туалета и сами они выглядят значительно эффектнее.

Иван Александрович, увидя дам, сразу преобразился и эдаким петушком, быстренько на цыпочках подлетел к ним и застыл в умилении. Городничий за спиной Хлестакова коротко рекомендовал:

— Жена и дочь.

И в противовес грубоватому голосу городничего, голос Ивана Александровича был самым приятным. Под сильным хмельком он отвесил Анне Андреевне такой поклон, что даже благородный какой-нибудь испанский гидальго просто позавидовал бы такому изяществу и тонкости обращения.

— Как я счастлив, сударыня...

Анна Андреевна как-то сразу поддалась чувству изящного со стороны ревизора.

— Нам еще более приятно видеть такую особу...

— Помилуйте, сударыня...

Анна Андреевна, как королева, оперлась на протянутую руку Хлестакова, и Иван Александрович галантно проводил ее к дивану мимо стоящей шеренги чиновников.

Сердце Анны Андреевны наполнилось восторгом, и, не желая оставаться в долгу перед столичным гостем, она приглашала ревизора сесть.

Но разве просто сказанные слова могут что-нибудь разъяснить? И первое слово Анна Андреевна сказала протяжно, певуче:

— Про-шу... — А дальше голос Анны Андреевны как-то сам обозначился, и уже слова:

— ...покорнейше садиться, — Анна Андреевна неожиданно как будто пропела.

Хлестаков был во вдохновении. Он метнул взгляд на чиновников и как бы говорил: «Видали — влюблена, от одного моего взгляда влюблена».

И все услыхали ответную приятную руладу:

— Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Ивану Александровичу хотелось поразить всех окружающих и особенно Анну Андреевну. И вот здесь-то его тросточка и сыграла самую важную роль. Увидев в отдалении вазу с фруктами, Хлестаков, не вставая, нацелился, пронзил яблоко и прямо на трости, самым элегантным движением передал яблоко Анне Андреевне — нет, не яблоко, а сердце, пронзенное стрелой.

Анна Андреевна метнула в чиновников взгляд, который чуть ли не говорил: «Видали, пентюхи, сморчки деревенские, один мой взгляд — и ревизор у моих ног».

Осип, слуга Хлестакова, выпив не одну кружку хмельного, сидел в людской в доме городничего и так же, как Иван Александрович, был окружен любопытными. Грудастые девки глядели ему в рот и ждали от него столичных сказок. Осип чувствовал на себе внимание.

В людскую вбежал слуга городничего Мишка и при всех передал Осипу жалованный Антоном Антоновичем стакан водки, на дне которого лежал «рупь» серебром. Водку Осип выпил и, наслаждаясь звоном серебряной монеты, разглагольствовал:

— Конечно, если пойдет на правду, так житье в Петербурге лучше всего, деньги бы только были. А жизнь тонкая и политичная: театры, собаки тебе танцуют...

А наверху, в гостиной городничего Иван Александрович тоже говорил о Петербурге. Ему он нравился больше, чем Осипу. Он воспламенялся и с жаром говорил:

— Эх, Петербург! Что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю.

Иван Александрович осмотрел внимательным взором стоящих в шеренгу чиновников, желая проверить, может быть, они точно думают, что он только и делает, что переписывает.

Но чиновники стояли в должном почтении и навытяжку, и тут Иван Александрович каждому из них на ушко, в виде презента, передавал о своем положении в Петербурге.

На ухо городничему он шептал:

— Начальник отделения со мной на дружеской ноге.

А все чиновники старались уловить, что изволили сказать ревизор на ухо городничему. А Иван Александрович уже на ухо Землянике шептал:

— И сторож летит еще на лестнице со щеткой. Позвольте, Иван Александрович, говорит, я вам сапоги почищу.

И уже всем и скорее Анне Андреевне и Марье Антоновне говорил:

— И только выйду...

И широким движением руки Иван Александрович нарисовал лестницу, подобной которой нельзя отыскать в природе. Лестница развернулась, словно скатерть самобранная. Тридцать тысяч ливрейных лакеев с булавами стояли на ней по бокам. Высшая столичная знать стремилась вверх по лестнице, и вдруг все замерло, все склонилось долу, и только слышалось на все лады:

— Иван Александрович... Иван Александрович идет... идет Иван Александрович...

Играя тросточкой и поблескивая звездами на груди, по лестнице восходил Иван Александрович, не замечая окружающих.

Мишка, слуга городничего, с замиранием сердца подслушивал у гостиной городничего.

А в людской Осип, желая поднять свои авторитет и придать себе важности в глазах слушающих, иронизировал по поводу барина:

— Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь е-ли-стра-тиш-ка...

Но Осип спохватился и решил держать язык за зубами. В людскую вбежал Мишка-слуга, глаза его горели. Он все слышал, что расписывал Хлестаков, и с наслаждением передавал на всю людскую.

— Говорит, его за главнокомандующего приняли. Дом, говорит, у него собственный в Петербурге, самый лучший и всем известный.

И Иван Александрович нашел своих слушателей. Почтение, с каким внимали чиновники, толкало его на дальнейшее сочинительство. Анна Андреевна спрашивала о самом для нее важном:

— Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

— Я всякий день на балах, там у меня уж и вист составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я.

А в людской у Осипа вино развязало язык. Он продолжал разглагольствовать и как бы отвечал на реплику Хлетакова.

— Эх, если бы узнал его старый барин, он не посмотрел бы, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня четыре бы почесывался.

В людскую вбежал Мишка и передавал, о чем наверху гость хвастал:

— Один, говорит, арбуз стоит семьдесят рублей.

Осип дико заржал от этой нелепости, а Мишка кричал:

— Суп, говорит, прямо из Парижа приезжает.

Осип перестал смеяться...

— Епартаментами, говорит, всеми один управляет.

Вот здесь Осип насторожился и укоризненно покачал головой, дескать — ай-ай-ай, вот как заврался малый.

Иван Александрович всех поражал. Чиновники уже встали со своих стульев. Стояли навытяжку.

Луку Лукича била лихорадка, именуемая боязнью высокого начальства.

Хлестаков же, закусив удила, нес:

— Меня сам государственный совет боится! Меня завтра же произведут сейчас же в фельдмаршалы.

Иван Александрович неожиданно поскользнулся и со всего размаха шлепнулся об пол так, что чиновники ахнули, как брызги, разлетелись, потом бросились и стали поднимать Хлестакова. Городничий трясся всем телом, силился выговорить:

— А... Ва... Ва... Ва...

Хлестаков пытается найти равновесие, хватаясь за ушибленные места, смотрит на городничего и мотает головой. Городничий не может миновать рифа:

— На... Ва... Ва...

Наконец, вышло:

— Ваше... ство... Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть, вот и комната.

Хлестаков, поддерживаемый городничим, направляется к двери, за ним Анна Андреевна и Марья Антоновна.

У дверей, ведущих в опочивальню, Хлестаков сделал всем прощальный поклон, и дверь за ним шумно захлопнулась.

Городничий облегченно вздохнул.

— Славу богу, все кончилось благополучно.

Но тут-то и обнаружилось, что не все кончилось и не все благополучно.

Ужас обуял городничего, когда он увидел тщетную попытку Анны Андреевны оторваться от двери, за которой скрылся Хлестаков.

Подол ее платья, накрепко зажатый дверью, не отпускал ее. Иван Александрович заметил прищемленный дамский хвост из кружев и шелка. Глаза его вмиг загорелись, и страстишка толкала на дальнейшие поступки.

Если бы он увидел целую юбку или всю Анну Андреевну, он, может быть, и не рискнул бы на такое отважное действие. Но маленькая деталь женского туалета затмила его настолько, что он запустил свою руку в кружевную пену юбок и начал настойчиво тянуть Анну Андреевну на себя.

Со всех сторон за происходящим следили чиновники-гости с замирающими сердцами, как выпутается из столь затруднительного положения Антон Антонович.

Городничий сразу сообразил, куда метнул вельможа.

Но вместо того чтобы спасать жену, Антон Антонович вспомнил об отцовской обязанности, бросился к дочери, повернул ее спиной ко всему происходящему, подтолкнул к какой-то двери, торопливо перекрестил и наглухо закрыл ее.

Подглядывавшие чиновники хихикали. Антон Антонович бросился к жене, но было поздно. Хлестаков, как паук, засасывал Анну Андреевну, и городничий успел увидеть только руку своей жены, которая судорожно трепыхалась в воздухе, что могло означать в одном случае моление о помощи, а в другом случае совсем наоборот.

Задвижка в опочивальне Хлестакова прошумела, и все стихло. Гости, недвусмысленно улыбаясь, стали расходиться.

Первое, что родилось в сознании Антона Антоновича, это протест. Он двинулся к двери. Ухватился за ручку. А где-то в передней Бобчинский шушукался с Добчинским:

— В жизни не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер от страху, как вы думаете, Петр Иванович, кто он таков в рассуждении чина?

Добчинский тоже шепотом отвечал:

— Я думаю, чуть ли не генерал...

Бобчинский тихо, но по привычке спорить с Добчинским, открыл свои мысли:

— А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! А когда генерал, то уж разве сам генералиссимус.

Городничий все еще стоял у двери, она по-прежнему висела на петлях, и никаких следов бури не было видно.

Антон Антонович отказался от первоначального намерения ворваться в опочивальню к вельможе и восста-

новить поруганную честь мужа. Он отошел от двери, и по мере удаления от места бесчестия к нему вернулась уверенность и даже надежда на будущие блага...

Отчего грудь его выпрямилась и честолюбивейшая мечта становилась явью, на груди появились звезды, кресты, медали и, наконец, — о, счастливейшая мечта — кавалерия через плечо.

Анна Андреевна вела себя в опочивальне Ивана Александровича совершенно двояким способом. С одной стороны, кокетство требовало от нее учинять всякие препятствия мужским действиям, а влечение сердца толкало ее к нему поближе.

И когда влечение сердца Анны Андреевны взяло верх над всеми иными соображениями, Хлестаков не на шутку испугался страсти, обозначившейся на лице Анны Андреевны. Взволновавшись от куска кружев, он перепугался ее. Самое тщедушное тело трусливо искало защиты, и, зарывшись под гору подушек, Иван Александрович захрапел так громко, что сразу можно было догадаться — сон для него сейчас единственное средство защиты в столь неудачном амурном деле.

Городничий замер, прислушиваясь к храпу ревизора, и все в доме начали двигаться на цыпочках, а что могло не двигаться, застыло на месте. В образовавшейся тишине шум маятника вдруг вырос настолько, что стал один спорить с переливистым храпом Ивана Александровича, но рука городничего протянулась, поймала болтающийся медный диск, с силой рванула его, и время остановилось.

Но, как нарочно, гремя сапогами, с улицы влетели два полицейских и рявкнули так, что мертвые могли бы пробудиться. Городничий заткнул ревущие глотки и вывел полицейских на крыльцо.

А над домом городничего уже собирались тучи — черным вороньем кружились купцы в длинных сюртуках, держа под мышкой сахарные головы и прочие подношения. Антон Антонович приказывал полицейским:

— Никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбой, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу,— взашей.

НДП. В благоустроенном государстве взятки даются без свидетелей, между четырех глаз.

Судья первым представлялся ревизору. Его правая рука, судорожно зажавшая деньги для Ивана Александровича, жила самостоятельной жизнью и ничего общего с туловом Ляпкина-Тяпкина не имела.

Хлестаков вел себя престранным образом. Он начал кружиться вокруг Аммоса Федоровича по спирали, глядя на его руку, а судья, стоявший навытяжку, уже слышал мелкую барабанную дробь, которая все усиливалась и становилась настойчивей.

Судья старался быть лицом к Хлестакову.

И чем ближе подходил Иван Александрович по спирали к судье, тем явственней слышалась мелкая дробь не одного, а нескольких барабанов. К ужасу Ляпкина-Тяпкина, Хлестаков опустился на корточки и внимательно смотрел на руку.

В ушах судьи стоял гул от барабанной дроби, и неожиданно все смолкло.

— Что это у вас в руке? — услышал Аммос Федорович. Разом затрещали десятки невидимых барабанов. Брякнули невидимые кандальные цепи. Правая рука Аммоса Федоровича разжалась, и ассигнации, легко подхваченные ворвавшимся в окно ветром, закружились по комнате, разлетаясь в разные стороны.

Иван Александрович бросился ловить их. Ляпкин-Тяпкин стоял, лишенный какого-либо соображения, обливаясь потом.

Иван Александрович собрал деньги.

— Знаете что?..

И не знал, что сказать дальше. Замешательство длилось недолго. Счастливая мысль пришла:

— Дайте мне их взаймы. Я, знаете, в дороге издержался, то да се...

В гортани зародилось урчание, сходное с выражением удовольствия. Даже послышались нечленораздельные возгласы радости.

Аммос Федорович окончательно очнулся от столбняка, неожиданно быстро вынул исписанный лист бумаги и таинственно передал его Хлестакову.

НДП. Для пользы отечества донесение. У попечителя богоугодных заведений Земляники больные мрут как мухи, деньги, полагающиеся на них, он прикарманивает. Земляника — совершенная свинья в ермолке.

Иван Александрович читал донесение, и кто-то невидимый тихо и вкрадчиво покорял сообщениями:

— Судья, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами. В присутственных местах держит собак...

Иван Александрович опустил донесение.

На месте судьи стоял попечитель богоугодных заведений Земляника, совершенная противоположность судье: проницательность, осведомленность и любовь к начальству — вот что было написано на лице Артемия Филипповича. Он продолжал свой устный донос:

— И поведенья судья самого предосудительного — здесь есть один помещик Добчинский, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уже и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Земляника вынул исписанную бумагу и протянул ее Ивану Александровичу:

— Не прикажете ли, я все это изложил на бумаге.

Хлестаков взял бумагу, а Артемий Филиппович начал пятиться назад, к двери и проворно скрылся за ней.

Хлестаков встрепенулся и закричал.

— Эй, вы, как вас?

В дверь просунулась сначала только одна голова Земляники. Иван Александрович поманил пальцем, и Земляника не слышно приблизился. Стараясь обворо-

жить Землянику приятным голосом и манерами, Хлестаков начал: «Со мной престранный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы, рублей четыреста?»

Артемий Филиппович неохотно достал деньги и передал их Хлестакову.

НДП. В благоустроенном государстве взятки даются между четырех глаз.

На месте Земляники стоял смотритель училищ, Лука Лукич, трепещущий от страха, что и подметил Иван Александрович Хлестаков.

Ему страсть как захотелось попугать чиновника. Хлестаков начал пристально смотреть на Луку Лукича. В глазах Хлестакова появился фосфорический блеск. Иван Александрович как бы сверлил своим взглядом смотрителя училищ, и, когда взгляд Хлестакова остановился на трясущихся коленях Луки Лукича, последний не выдержал и сам не заметил, как опустился на колени.

Хлестаков встал, подошел и показал стоящему на коленях смотрителю выдержку из донесения.

НДП. Смотритель училищ внушает юношеству неблагонамеренные правила, он хуже, чем якобинец...

Лука Лукич молитвенно скрестил руки, со слезами на глазах готов был оправдываться...

Хлестаков наслаждался данной ему властью.

— Со мной престранный случай. В дороге...

И не успел еще Хлестаков закончить стереотипную фразу, как Лука Лукич радостно закричал:

— Есть, есть, есть...

И лихорадочно начал шарить по карманам и доставать деньги. А за дверью Бобчинский и Добчинский, приготовляясь к встрече с Хлестаковым, собирали наличные деньги, которых оказалось 65 рублей ассигнациями.

НДП. В благоустроенном государстве...

На дороге стоят встретившиеся тройки.

— Городничий дал ему две тысячи... — расписывал

уездный сплетник петербургскому чиновнику последнюю новость о Хлестакове.

— Судья дал три тысячи. А сколько можно содрать с купечества... — мечтал уездный сплетник.

Настоящий ревизор обмер.

НДП. ...взятки даются между четырех глаз...

На стене висит огромный портрет Николая Палкина с протянутой рукой, как бы для принятия взятки, а за письменным столом вельможа, чрезвычайно похожий на портрет российского императора, тоже с протянутой рукой, в которой царский указ, скрепленный сургучными печатями, дающий право на ревизию губерний. Будущий ревизор, низко склонившись перед вельможей, достал пачку новеньких ассигнаций и передал:

— Ровно пять тысяч, хоть и не трудитесь считать. Еще как нарочно самыми новенькими бумажками.

Вельможа, принимая деньги:

— Это хорошо, ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

И будущий ревизор получил царский указ на руки.

Терзаемый воспоминаниями, настоящий ревизор рычал в припадке бешенства, сидя в бричке на пустынной дороге:

— Ка-на-лья...

Он схватил пистолет и, тыча им в шею кучера, завопил:

— Догнать мошенника...

Тройка словно оторвалась от земли и птицей понеслась вперед. А ревизору казалось, что пейзаж сбоку совсем не движется. Он грозил кучеру пистолетом, а кучер, в свою очередь, хлестал лошадей.

Тройка подлетела к обрыву и остановилась. На глазах ревизора паром отчалил от берега и медленно плыл по течению. Ревизор истошно орал:

— Во-ро-тить...

Но паром неуклонно уходил все дальше и дальше...

Ревизор не выдержал и палил из пистолета в воздух.

У дома городничего купечество кружилось поодиноч-

ке, и неожиданно, точно по сигналу, сбилось в одну кучу, что-то обсудили и всем табуном ринулись к парадному городничего, сшиблись с полицейскими. Держиморда дал волю своим кулакам, награждая купцов оплеухами.

В общей суматохе молодой купец, будущий архиплут, сообразил, быстро опустился на четвереньки, прополз между ног Держиморды, вскочил и скрылся в доме городничего. Купцы сразу успокоились и чинно стали ждать. Будущий архиплут мигом обернулся из-за спины полицейских, давая знать, что ревизору нужно «дать», показывая на пальцах 800 рублей.

Купцы опять сбились в кучу и, завязав ассигнации в платок, метнули его через полицейских. Архиплут поймал и скрылся. Но за дверьми остановился, вынул из общественных денег три сотенных и спрятал их за голенище.

Городничий увидел, как купец шмыгнул к ревизору, он заметался по комнате, перехватил бегущую Марью Антоновну, подвел ее к двери и решительно втолкнул в комнату Хлестакова.

— Ах! — воскликнула Марья Антоновна, увидев, как Хлестаков считает купеческие деньги.

Иван Александрович быстро спрятал ассигнации и, незаметно выпроводив купца, начал подступать к Марье Антоновне.

Слесарша Пошлепкина ползла на четвереньках вдоль фасадной стороны дома городничего, прижимаясь к фундаменту, чтобы не заметили полицейские Свистунов и Держиморда, которые в это время ничего, кроме купцов, не видели.

Купцы первые заметили неестественное положение слесарши, и на их тупых лицах выступил интерес.

Полицейские подозрительно переглянулись между собой, дескать, держи ухо востро, опять купцы что-то хитрят, а купцы обрадовались случайному развлечению — затряслись козлиные бороды, и один из купцов крикнул на Пошлепкину:

— Ату ее!

Пошлепкина серой кошкой взвилась, чудом уцепилась за наличник окна и, увидев Хлестакова с Марьей Антоновной, завопила истошным голосом:

— На городничего челом бью! Слесарша я. Пошлепкина. Мужу моему мошенники приказали лоб забрить в солдаты, а очередь на нас не припадала.

Пораженный Иван Александрович отскочил от Марьи Антоновны.

Свистунов и Держиморда сторожевыми псами бросились к окну, и началась борьба. Пошлепкина брыкалась ногами, близко не подпуская Свистунова и Держиморду, купцы подзадоривали полицейских, а те словчились, поймали развевающийся подол слесарши, дернули что есть мочи и вместе с оторвавшейся юбкой покатились по земле. Пошлепкина кричала Хлестакову:

— Следовало взять сына портного в солдаты, да родители богатый подарок дали ему, тогда он, мошенник, присыкнулся к купчихе Пантелеевой, а та подослала супруге полотна три штуки, так он ко мне: на что, говорит, тебе муж? Он уж тебе не годится...

И вдруг фигура слесарши Пошлепкиной исчезла. Полицейским удалось ухватить ее за ноги и стащить.

Хлестаков подбежал к окну, за ним подлетела Марья Антоновна, они увидели, как полицейские волокли слесаршу за ноги, а слесарша, упираясь руками в землю, орала:

— Да я-то знаю, годится он мне или не годится, это моё дело, мошенник ты такой!

Полицейские ускорили шаг, Пошлепкина метнулась щукой и впилась зубами в зад Свистунова.

У Свистунова занялся дух. Он выпустил слесаршину ногу, схватился за пораженное место и с воплем бросился в сторону.

Купецкие животы колыхались в утробном смехе.

Иван Александрович, хихикая, вдруг заметил соблазнительное плечико Марьи Антоновны и, не долго думая, впился в него, та, как ужаленная, взвизгнула от боли и отскочила.

Хлестаков перепугался и начал уверять Марью Антоновну:

— Из любви, право, из любви.

Он грохнулся на колени и старался подползти к Марье Антоновне.

Анна Андреевна ворвалась в комнату.

— Поди прочь отсюда! Слышишь, прочь, прочь?

Марья Антоновна, всхлипывая, сделала еще раз глазки Хлестакову и исчезла.

Хлестаков внимательно смотрел на возбужденную Анну Андреевну и вдруг упал перед ней на колени:

— С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна с сожалением показала на массивное обручальное кольцо, а Иван Александрович настойчиво твердил:

— Это ничего, для любви нет различия. Руки вашей, руки прошу...

Марья Антоновна впорхнула в комнату и, увидев стоящего на коленях Хлестакова, вскрикнула.

Хлестаков схватил за руку Марью Антоновну, поставил ее на колени рядом с собой:

— Анна Андреевна, благословите постоянную любовь.

Анна Андреевна в сильнейшем изумлении вскрикнула:

— Так вы в нее...

На самой лучшей тройке к дому городничего подкатил Осип. Он торопливо подошел к двери и остановился. До него доносилось что-то необыкновенное. Городничий кричал:

— Да благословит вас бог, а я не виноват!

Перепуганный Осип быстро вошел в комнату и увидел, как Хлестаков целовался с Марьей Антоновной. Осип нарочито громко сообщил:

— Лошади готовы.

Хлестаков глупо недоумевал, о каких лошадях идет речь.

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна бросились к окну, чтобы проверить.

Осип подозвал Хлестакова и шепотом говорил:

— Погуляли два денька, ну и довольно. Неровен час, какой-нибудь другой наедет.

Хлестаков тоже шепотом:

— Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра...

Осип требовал:

— Да чего завтра, ведь вас, право, за кого-то другого приняли, а лошади тут какие славные.

Хлестаков вздохнул, обернулся к городничему:

— Да, еду.

Городничий растерялся:

— А как же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы.

Хлестаков вывертывался:

— А это... на одну минуту. Только на один день к дяде, богатому старику, и завтра же назад.

Настоящий ревизор летел на тройке во весь опор, бричку подбрасывало на шатких мостках. Ревизор стоял в бричке и подгонял ямщика, ямщик — лошадей...

У парадного крыльца городничего стоял тарантас, запряженный тройкой добрых коней.

Осип торопился, укладывая нехитрый багаж, опасливо оглядываясь по сторонам, не задержат ли. Тренькали нетерпеливые бубенцы.

Настоящий ревизор летел во весь опор по Екатерининской дороге.

Хлестаков, провожаемый всем семейством городничего, вышел на крыльцо.

Неизвестно откуда, точно из-под земли, вынырнули Бобчинский и Добчинский. Им хотелось до страсти узнать, что произошло.

Хлестаков на глазах у всех привлек в свои объятия Марью Антоновну:

— Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Иван Александрович с удовольствием целовал раскрасневшуюся Марью Антоновну.

Бобчинский и Добчинский впитывали все, что видели. Городничий умиленно ворковал:

— Прощайте, ваше превосходительство.

Хлестаков оторвался от Марьи Антоновны и, взглянув на аппетитную Анну Андреевну, бросился к ней:

— Прощайте, маменька.

Иван Александрович сел в тарантас, и тройка тронулась.

Городничий махал платком. Женщины посылали воздушные поцелуи. И только Добчинский и Бобчинский, ухватившись за крылья тарантаса, бежали по дороге, не желая расставаться с вельможей.

Бобчинский еле поспевал за тарантасом, на бегу успел ввернуть просьбу Ивану Александровичу:

— Прошу покорнейше... сказать всем там сенаторам и адмиралам... что вот живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский...

Ямщик подобрал вожжи, тройка рванула и понесла, обдавая пылью оторвавшихся от тарантаса Петров Ивановичей.

Бубенцы, захлебываясь, уносились вдаль, и уже не видно самой тройки, а только звуковой след от Хлестакова долго еще был слышен.

Петры Ивановичи подбежали к семейству Антона Антоновича.

Они видели, как вельможа целовался с Марьей Антоновной, можно сказать, без их участия совершились огромные события.

Антон Антонович не мог прийти в себя от всего случившегося.

— Фу ты, канальство, с каким дьяволом породнились!

Петры Ивановичи восторженно всплеснули руками и вмиг исчезли разносить последнюю новость...

— Как ты думаешь, Анна Андреевна: можем мы теперь влезть в генералы?

Анна Андреевна подтверждала:

— Конечно, можем.

— Ведь почему хочется быть генералом? — мечтал Антон Антонович. — Потому что, случится, поедешь

куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!»

И, как далекое эхо, еле слышно доносилось:

— Ло-ша-дей для его превосходительства Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского...

Антон Антонович входил в раж и представлял себе картину:

— И там на станциях никому не дадут лошадей. Все дожидаются, все эти титулярные, капитаны, городничие...

Антон Антонович заливался и помирал со смеху.

— Какие мы теперь с тобою птицы сделались! Высокого полета, черт побери!

Купчина в длиннополом черном сюртуке торопливо перебежал дорогу.

Городничий, увидев его, вмиг вспомнил все обиды, причиненные купцами, и вся сила и энергия его души обрушились теперь на них:

— Постой! Теперь я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там?

Из разных мест к городничему метнулись пять полицейских со шляпой и шпагой Антона Антоновича.

Петры Ивановичи носились по торговым рядам и баламутили купцов известиями о том, что ревизор женится на дочери городничего, и неслись дальше.

Торговые ряды зашумели, словно потревоженный улей. «Архиплуты, протобестии, надувалы мирские», подгоняемые страхом, сбились вокруг купца Абдулина, теперь над купцами нависли тучи.

В полной парадной форме, при всех регалиях, со свитой из пяти полицейских Антон Антонович шел по улицам уездного города, и шествие замыкали пустые дрожки.

Антон Антонович, руководимый желанием мести, алкал встречи с купцами. С губ его срывались обрывки угрожающих звуков, что-то отдаленно напоминающее «Гром победы, раздавайся», переходящее в марш городничего. Купцы собрались в лавке Абдулина и прислушивались к надвигающемуся маршу, и вдруг раздалось:

— Здорово, соколики!

Купцы сразу склонились и в пол бубнили:

— Здравия желаем!

Городничий оглядывал склоненные фигуры и обманно ласковым голосом говорил:

— Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш?..

Но сам не выдержал лицемерия и гаркнул на всю лавку:

— Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы мирские! Жаловаться?

С последней угрозой купцы, как один человек, рухнули на землю, над ними возвышался голос, мечущий громы:

— Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?

Купцы припадали к земле и вопили:

— Виноваты, Антон Антонович!

Городничий гремел, словно раскаты грома:

— Жаловаться?

И, увидев купца, у которого борода стелилась по земле, Антон Антонович подошел, топнул ногой, наступив сапогом ему на бороду:

— А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода.

Купцы взмолились, они, перебивая друг друга, орали:

— Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться, не погуби только!

Городничий, глядя на распростертые на земле сюртуки, наслаждался предельным унижением купцов:

— Теперь: не погуби! Ух, я бы вас...

Антон Антонович размахнулся, но сдержался.

— Я не памятозлобен; только теперь ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина... Чтобы поздравление было...

Последние слова городничего послужили как бы сиг-

налом. Купцы вскочили. Абдулин первый схватил штуку сукна в 60 аршин, вышел и бросил ее в бричку, после чего подарки посыпались со всех сторон. Тюки разных размеров нагромождались в тарантасе городничего один на другой, так что самому Антону Антоновичу пришлось встать, и на его глазах купеческие приказчики вдруг бросились к лошадям, вмиг распрягли их, и случилось то, чего никак не мог ожидать Антон Антонович. Приказчики сами впряглись в тарантас и повезли Антона Антоновича по городу.

Городничий торжествовал, проезжая мимо церкви, он остановил купцов и истошно кричал:

— Валяй во все колокола, кричи во весь народ, черт возьми, уж когда торжество, так торжество!..

На дворе съезжей полицейские готовили к всенародной порке жалобщиков и челобитчиков, которые осмелились подавать просьбы на городничего.

К порке готовили слесаршу Пошлепкину, которая продолжала жаловаться.

— Да мне-то каково без мужа, мошенник ты этакий! Я слабая женщина, подлецы вы такие!.. — кричала Пошлепкина.

И под веселый перезвон церковных колоколов началась полицейская экзекуция.

НДП. И дан был бал.

Цвет уездного города, от которого три года скачи, ни до какого государства не доедешь, присутствовал на балу у городничего. Музыканты старались произвести как можно больше всевозможного шума, под звуки которого уездные танцоры и франты выделывали невероятные вензеля. Ничто не сидело на месте, все двигалось в стремительном танце, и даже сам Антон Антонович в припадке необузданной радости, помолодевший, оттопывал своими огромными ботфортами так, что половицы под ним трещали.

Все были заняты танцем настолько, что не обратили внимания на взволнованного почтмейстера, влетевшего в зал.

— Господа!.. — вопил почтмейстер, но пары со смехом проносились мимо.

Почтмейстер завопил на весь зал, потрясая каким-то письмом. Танец приостановился.

Почтмейстер погрозил капельмейстеру. Оркестр умолк.

— Господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, не ревизор.

На почтмейстера посмотрели, как на сумасшедшего. Кто-то махнул дирижеру, и танец раздался с еще большей силой, чем прежде. Какую-то секунду опешивший почтмейстер стоял с поднятой рукой, в которой было зажато письмо, и вдруг подпрыгнул, завопил каким-то истошным голосом:

— Господа, у меня письмо!

Все остановилось, вдруг, как по мановению:

— Какое письмо?

Городничий подходил, не спуская с почтмейстера глаз:

— Какое письмо?

Почтмейстер у всех на глазах развернул бумагу.

НДП. Письмо Хлестакова милостивому государю И. В. Тряпичкину, в Санкт-Петербург.

«Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. По моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. Во-первых, городничий — глуп, как сивый мерин...»

И по мере того как зритель читает письмо Хлестакова, на бумаге между строчек зарождается движущаяся точка, сначала совсем маленькая, еле приметная, а потом все увеличивающаяся и увеличивающаяся, точка вдруг обернулась лихой тройкой и еще пуще понеслась по белому полю письма между строчек, словно по накатанной дороге. Тройка проносилась мимо слов: «городничий — глуп, как сивый мерин...»

И в первый раз городничий Сквозник-Дмухановский действительно испугался. Его большое тело съежилось. Он даже зажмурил глаза, как бы готовясь получить следующий удар.

Послышался шепот:

— Зарезал... убил... совсем убил...

И когда городничий открыл глаза, пред его взором вместо человеческих лиц вырисовывались какие-то звериные морды. На месте, где стоял Земляника, теперь какая-то фигура в том же фраке, но со свиной головой и в феске. Вместо лица судьи была какая-то страшная песья голова, которая вдруг, раскрыв пасть и обнажив клыки, заговорила человеческим голосом:

— Как же это, в самом деле, мы так оплошали, господа?

Городничий, ударив себя по лбу, вопил:

— Нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду, трех губернаторов обманул! Вот смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий!

В залу, запыхавшись, прибежал жандарм, который ехал с ревизором из Петербурга, и громким прерывающимся голосом оповестил:

— Приехавший из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно вылетает из дамских уст, вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

Немая сцена.

Первым от столбняка очнулся городничий. Он сразу все сообразил. К нему вернулась его деятельность. Ему захотелось выпутаться из этого ложного положения. Осмотрев чиновников, Антон Антонович делово начал:

— Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам известие — к нам приехал ревизор.

Земляника шепотом подавал совет:

— Ехать парадом в гостиницу.

Ляпкин-Тяпкин предлагал свой выход:

— Вперед пустить голову, духовенство, купечество, вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Антон Антонович окончательно пришел в себя. Он никому не мог доверить нового ревизора.

— Нет, нет, позвольте уж мне самому.

При последних словах городничий вынул деньги, и все чиновники полезли в карманы и отдавали все на общее дело.

Когда у городничего в руках оказался порядочный куш, он перекрестился и исчез.

У двери пятого номера гостиницы, где остановился новый ревизор, появился городничий, осторожно постучав, скрылся за дверью, и сразу же из-за двери послышался сильнейший начальственный разнос.

Потом все смолкло.

Из номера выскользнул Антон Антонович, облегченно вздохнул, перекрестился и сказал:

— Взял.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Комедия в трех действиях

Действуют:

Зинаида Михайловна — киноактриса.
Ульяна Андреевна — жена управдома Бунши.
Царица.
Тимофеев — изобретатель.
Милославский Жорж.
Бунша-Корецкий — управдом.
Шпак Антон Семенович.
Иоанн Грозный.
Якин — кинорежиссер.
Дьяк.
Шведский посол.
Патриарх.
Опричники.
Стольники.
Гусляры.
Милиция.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприемник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет. Волосы у Тимофеева всклоченные, глаза от бессонницы красные. Он озабочен.

Тимофеев нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук.

Тимофеев. Опять звук той же высоты...

Освещение меняется.

Свет пропадает в пятой лампе... Почему нет света? Ни-

чего не понимаю. Проверим. *(Вычисляет.)* А два, а три... угол между направлениями положительных осей... Я ничего не понимаю. Косинус, косинус... Верно!

Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: «Слушайте продолжение «Псковитянки!» И вслед за тем в радиорупоре грянули колокола и заиграла хриплая музыка.

Мне надоел Иоанн с колоколами! И, кроме того, я отвинтил бы голову тому, кто ставит такой приемник. Ведь я же говорил ему, чтобы он снял, что я поправлю! У меня нету времени! *(Выбегает в переднюю и выключает радио, и рупор, крякнув, умолкает. Возвращается к себе в комнату.)* На чем я остановился?.. Косинус... Да нет, управдом! *(Открывает окно, высовывается, кричит.)* Ульяна Андреевна! Где ваш драгоценный супруг? Не слышу! Ульяна Андреевна, ведь я же просил, чтобы он убрал рупор! Не слышу. Чтобы он убрал рупор! Скажите ему, чтобы он потерпел, я ему поставлю приемник! Австралию он будет принимать! Скажите, что он меня замучил со своим Иоанном Грозным! И потом, ведь он же хрипит! Да рупор хрипит! У меня нет времени! У меня колокола в голове играют. Не слышу! Ну, ладно. *(Закрывает окно.)* На чем я остановился?.. Косинус... У меня висок болит... Где же Зина? Чаю бы выпить сейчас. *(Подходит к окну.)* Какой странный человек... в черных перчатках... Чего ему надо? *(Садится.)* Нет, еще раз попробую. *(Жмет кнопки в аппарате, отчего получается дальний певучий звук и свет в лампах меняется.)* Косинус и колокола... *(Пишет на бумажке.)* Косинус и колокола... и колокола... то есть косинус... *(Зевает.)* Звенит, хрипит... вот музыкальный управдом... *(Поникает и засыпает тут же у аппарата.)*

Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается во тьму, и слышен только дальний певучий звук. Освещается передняя. В передней появляется Зинаида Михайловна.

Зинаида *(в передней, прислушивается к певучему звуку)*. Дома. Я начинаю серьезно бояться, что он сойдет с ума с этим аппаратом. Бедняга!.. А тут его еще ждет такой удар... Три раза я разводилась... ну да, три, Зузина я не считаю... Но никогда еще я не испытывала такого волнения. Воображаю, что будет сейчас! Только бы не скандал! Они так утомляют, эти скандалы... *(Пудрится.)* Ну, вперед! Лучше сразу развязать гордиев узел... *(Стучит в дверь.)* Кока, открой!

Тимофеев *(в темноте)*. А, черт возьми!.. Кто там еще?

Зинаида. Это я, Кока.

Комната Тимофеева освещается. Тимофеев открывает дверь. Вместо радиоприемника — странный, невиданный аппарат.

Кока, ты так и не ложился? Кока, твой аппарат тебя погубит. Ведь нельзя же так! И ты меня прости, Кока, мои знакомые утверждают, что увидеть прошлое и будущее невозможно. Это просто безумная идея, Кокочка. Утопия.

Тимофеев. Я не уверен, Зиночка, что твои знакомые хорошо разбираются в этих вопросах. Для этого нужно быть специалистом.

Зинаида. Прости, Кока, среди них есть изумительные специалисты.

Тимофеев. Пойми, что где-то есть маленькая ошибка, малюсенькая! Я чувствую ее, ощущаю, она вот тут где-то... вот она бродит! И я ее поймаю.

Зинаида. Нет, он святой!

Пауза. Тимофеев занят вычислениями.

Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого. Кока... Нет, не могу... Я подозреваю, что это с соседнего столика... Ты понимаешь меня?

Тимофеев. Нет... Какой столик?

Зинаида. Ах, боже мой, ты совсем отупел с этой машиной!

Тимофеев. Ну, перчатки... Что перчатки?

Зинаида. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!..

Тимофеев мутно смотрит на Зинаиду.

Только не возражай мне... и не нужно сцен. Почему люди должны расстаться непременно с драмой? Ведь согласись, Кока, что это необязательно. Это настоящее чувство, а все остальное в моей жизни было заблуждением... Ты спрашиваешь, кто он? И, конечно, думаешь, что это Молчановский? Нет, приготовься: он кинорежиссер, очень талантлив... Не будем больше играть в прятки, это Якин.

Тимофеев. Так...

Пауза.

Зинаида. Однако, это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он — так! Даже как-то невежливо!

Тимофеев. Он... этого... как его.. блондин, высокий?

Зинаида. Ну, уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин Молчановский, запомни это! А Якин — он очень талантлив!

Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры выбирать место для съемки, а когда мы вернемся, ему должны дать квартиру в новом доме, если, конечно, он не врет...

Тимофеев *(мутно)*. Наверно, врет.

Зинаида. Как это глупо, из ревности оскорблять человека! Не может же он каждую минуту врать.

Пауза.

Я долго размышляла во время последних бессонных ночей и пришла к заключению, что мы не подходим друг к другу. Я вся в кино... в искусстве, а ты с этим аппаратом... Однако я все-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить сцену. Ну, что же... *(Идет за ширму и выносит чемодан.)* Я уже уложилась, чтобы не терзать тебя. Дай мне, пожалуйста, денег на дорогу, я тебе верну с Кавказа.

Тимофеев. Вот сто сорок... сто пятьдесят три рубля... больше нет.

Зинаида. А ты посмотри в кармане пиджака.

Тимофеев *(посмотрев)*. В пиджаке нет.

Зинаида. Ну, поцелуй меня. Прощай, Кока. Все-таки как-то грустно... Ведь мы прожили с тобой целых одиннадцать месяцев!.. Поражаюсь, решительно поражаюсь!

Тимофеев целует Зинаиду.

Но ты пока не выписывай меня все-таки. Мало ли что может случиться. Впрочем, ты такой подлости никогда не сделаешь. *(Выходит в переднюю, закрывает за собой парадную дверь.)*

Тимофеев *(тупо смотрит ей вслед)*. Один... Как же я так женился? На ком? Зачем? Что это за женщина? *(У аппарата.)* Один... А впрочем, я ее не осуждаю. Действительно, как можно жить со мной? Ну что же, один так один! Никто не мешает зато... Пятнадцать... шестнадцать...

Певучий звук.
В передней звонок. Потом назойливый звонок.

Ну как можно работать в таких условиях!.. *(Выходит в переднюю, открывает парадную дверь.)*

Входит Ульяна Андреевна.

Ульяна. Здравствуйте, товарищ Тимофеев. Иван Васильевич к вам не заходил?

Тимофеев. Нет.

Ульяна. Передайте Зинаиде Михайловне, что Марья Степановна говорила: Анне Ивановне маникюрша заграничную материю предлагает, так если Зинаида...

Тимофеев. Я ничего не могу передать Зинаиде Михайловне, потому что она уехала.

Ульяна. Куда уехала?

Тимофеев. С любовником на Кавказ, а потом они будут жить в новом доме, если он не врет, конечно...

Ульяна. Как с любовником?! Вот так так! И вы спокойно об этом говорите! Оригинальный вы человек!

Тимофеев. Ульяна Андреевна, вы мне мешаете.

Ульяна. Ах, простите! Однако у вас характер, товарищ Тимофеев! Будь я на месте Зинаиды Михайловны, я бы тоже уехала.

Тимофеев. Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился.

Ульяна. Вы не смеете под носом у дамы дверь захлопывать, грубиян! *(Уходит.)*

Тимофеев *(возвращаясь в свою комнату).* Чертова кукла!

Нажимает кнопки в аппарате, и комната его исчезает в полной темноте. Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский, дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек в черных перчатках. Прислушивается у двери Тимофеева.

Милославский. Весь мир на службе, а этот дома. Патефон починяет. *(У дверей Шпака читает надпись.)* Шпак Антон Семенович. Ну что же, зайдем к Шпаку... Какой замок комичный. Мне что-то давно такой не попадался. Ах нет, у вдовы на Мясницкой такой был. Его надо брать шестым номером. *(Вынимает отмычки.)* Наверно, сидит в учреждении и думает: ах, какой чудный замок я повесил на свою дверь! Но на самом деле замок служит только для одной цели: показать, что хозяина дома нет... *(Открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собой дверь так, что замок остается на месте.)* Э, какая прекрас-

ная обстановка!.. Это я удачно зашел... Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство! И какой аккуратный, даже свой служебный номер записал. А раз записал, первым долгом нужно ему позвонить, чтобы не было никаких недоразумений. *(По телефону.)* Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете?.. Говорит одна артистка... Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете? Я вам еще позвоню, я очень настойчивая... Нет, блондинка. Контральто. Ну, пока. *(Кладет трубку.)* Страшно удивился. Ну-с, начнем... *(Взламывает шкаф, вынимает костюм.)* Шевиот... О!.. *(Снимает свой, завязывает в газету, надевает костюм Шпака.)* Как на меня шит... *(Взламывает письменный стол, берет часы с цепочкой, кладет в карман портсигар.)* За три года, что я не был в Москве, как они все вещами пообзавелись! Приятно работать. Прекрасный патефон... И шляпа... Мой номер. Приятный день!.. Фу, устал! *(Взламывает буфет, достает водку, закуску, выпивает.)* На чем это он водку настаивает? Прелестная водка!.. Нет, это не полынь... А уютно у него в комнате... Он и почитать любит... *(Берет книгу, читает.)* «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой... Ковшами золотыми столов блистает ряд, разгульные за ними опричники сидят...» Славное стихотворение! Красивое стихотворение!.. «Да здравствуют тиуны, опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи...» Мне нравится это стихотворение. *(По телефону.)* Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один... Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Это я опять... Скажите, на чем вы водку настаиваете?.. Моя фамилия таинственная... Из Большого театра... А какой вам сюрприз сегодня выйдет!.. «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой

Москвой...» *(Кладет трубку.)* Страшно удивляется. *(Выпивает.)* «Ковшами золотыми столов блистает ряд...»

Комната Шпака погружается в тьму, а в комнату Тимофеева набирается свет.
Аппарат теперь чаще дает певучие звуки, и время от времени вокруг аппарата меняется освещение.

Тимофеев. Светится. Светится! Это иное дело...

Парадная дверь открывается, и входит Бунша. Первым долгом обращает свое внимание на радиоаппарат.

Бунша. Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио. *(Тычет вилкой в штепсель, но аппарат молчит.)* Антракт. *(Стучит в дверь Тимофеева.)*

Тимофеев. А, кто там, войдите... чтоб вам провалиться!..

Бунша входит.

Этого не хватало!..

Бунша. Это я, Николай Иванович.

Тимофеев. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой... Я занят, Иван Васильевич, простите.

Бунша. Это домовая книга. У меня нет внуков. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно.

Тимофеев. Ей-богу, я ничего не понимаю! Вам лечиться надо, князь!

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и таким образом очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

Тимофеев. Ну, если вы сын кучера, тем лучше. Но у меня нет денег, Иван Пантелеевич.

Бунша. Нет, вы меня называйте согласно документам — Иваном Васильевичем.

Тимофеев. Хорошо, хорошо.

Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру.

Тимофеев. Я вам говорю, нет сейчас денег... Меня жена бросила, а вы меня истязаете.

Бунша. Позвольте, что же вы мне не заявили?

Тимофеев. А вам-то что за дело.

Бунша. Такое дело, что я должен ее немедленно выписать.

Тимофеев. Она просила не выписывать.

Бунша. Все равно, я должен отметить в книге это событие. *(Отмечает в книге.)* Я присяду.

Тимофеев. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Бунша. Нет, вы объясните. Я передовой человек. Вчера была лекция для управдомов, и я колоссальную пользу получил. Почти все понял. Про стратосферу. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают.

Тимофеев. Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите!

Бунша. Наш дом вообще очень странный. Шпак все время красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы неизвестную машину сделали.

Тимофеев. Вот мученье, честное слово!

Бунша. Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. Ее зарегистрировать надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, что весь наш дом рухнет. А это знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Тимофеев. Какая же сволочь эту ерунду говорила?

Бунша. Я извиняюсь, это моя жена Ульяна Андреевна говорила.

Тимофеев. Виноват! Почему эти дамы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете и, главное, врете!

Бунша. После этих кровных оскорблений я покидаю квартиру и направляюсь в милицию. Я — лицо, занимающее ответственный пост управдома, и обязан наблюдать.

Тимофеев. Стойте!.. Извините меня, я погорячился. Ну хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над проникновением во время... Да, впрочем, как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... и вообще... словом, поймите, что это не только не взорвется, но принесет стране неслыханную пользу... Ну, как бы вам попроще... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...

Бунша. Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции. У меня, как у управдома, чувство тревоги от таких опытов во вверенном мне доме. Стоит таинственная машина, запертая на ключ...

Тимофеев. Что?! Ключ? Иван Васильевич, спасибо! Спасибо! Вы гениальны! Ключ! Ах, я рассеянный болван! Я работал при запертом механизме... Стойте! Смотрите! Смотрите, что сейчас произойдет... Попробуем на близком расстоянии... маленький угол... *(Поворачивает ключ, нажимает кнопку.)* Смотрите, мы пойдем сейчас через пространство во время... назад... *(Нажимает кнопку.)*

Звон. Тьма. Потом свет.
Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках.

(Исступленно.) Вы видели?

Милославский. А, чтоб тебя черт... Что это такое?

Бунша. Николай Иванович, куда стенка девалась?!

Тимофеев. Удача! Удача! Я вне себя! Вот оно! Вот оно!..

Бунша. Неизвестный гражданин в комнате Шпака!

Милославский. Я извиняюсь, в чем дело? Что случилось? *(Забирает патефон, свой узел и выходит в комнату Тимофеева.)* Тут сейчас стенка была!

Бунша. Николай Иванович, вы будете отвечать за стенку по закону. Вот вы какую машину сделали! Полквартиры исчезло!

Тимофеев. Да ну вас к черту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!.. *(Жмет кнопку аппарата.)*

Тьма. Свет. Стенка становится на место, закрывает комнату Шпака.

Милославский. Видел чудеса техники, но такого никогда!

Тимофеев. О боже, у меня кружится голова!.. Нашел, нашел! О человечество, что ждет тебя!..

Бунша *(Милославскому)*. Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

Милославский. Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

Бунша. А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

Милославский. Как вы говорите? Замок? Ах да... он за «Известиями» пошел на угол, купить, а меня... это... запер...

Тимофеев. Да ну вас к черту! Что за пошлые вопросы! *(Милославскому.)* Понимаете, я пронзил время! Я добился своего!..

Милославский. Скажите, это, стало быть, любую стенку можно так убрать? Вашему изобретению цены нет, гражданин! Поздравляю вас! *(Бунше.)* А что вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узоров нету и цветы не растут.

Бунша. Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака!

Милославский. Что вы говорите? Костюм? А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? Мы с ним друзья и всегда в одном магазине покупаем материю. Удовлетворяет вас это?

Бунша. И шляпа такая же.

Милославский. И шляпа.

Бунша. А ваша фамилия как?

Милославский. Я артист государственных больших и камерных театров. А на что вам моя фамилия? Она слишком известная, чтобы я вам ее называл.

Бунша. И цепочка такая же, как у Шпака.

Милославский. Э, какой вы назойливый!.. Шляпа, цепочка... это противно!.. Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...

Тимофеев. Оставьте вы, в самом деле, гражданина в покое. *(Милославскому.)* Может быть, вы хотите вернуться в комнату Шпака? Я открою вам стенку.

Милославский. Ни в коем случае. Я на него обижен. В самом деле, пошел за газетой и пропал. Может быть, он два часа будет ходить. Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Тимофеев *(жмет ему руку)*. Я очень рад! Вы были первый, кто увидел... Вы, так сказать, первый свидетель.

Милославский. Никогда еще свидетелем не приходилось быть! Очень, очень приятно!.. *(Бунше.)* Вот смотрит! Вы на мне дыру протрете!

Тимофеев. Это наш управдом.

Милославский. Ах, тогда понятно!.. Шляпа, цепочка... ах, какая противная должность! Сколько я от них неприятностей имел, если бы вы знали, гражданин ученый.

Тимофеев. Не обращайте на него внимания.

Милославский. И то правда.

Тимофеев. Вы понимаете, гражданин артист...

Милославский. Как же не понять? Скажите, и

в магазине можно так же стенку приподнять? Ах, какой увлекательный опыт!

Бунша. Вы с патефоном пришли к Шпаку?

Милославский. Он меня доконает! Это что же такое, а?

Тимофеев *(Бунше)*. Вы перестанете приставать или нет? *(Милославскому.)* Поймите, дело не в стенке, это только первое движение! Дело в том, что, минуя все эти стенки, я могу проникнуть во время! Вы понимаете, я могу двинуться на двести, триста лет назад или вперед! Да что на триста!.. Нет, такого изобретения не знал мир!.. Я волнуюсь!.. Меня бросила жена сегодня, но понимаете... Ах!..

Милославский. Гражданин профессор, не расстраивайтесь, за вас выйдет любая! Вы плюньте, что она вас бросила!

Бунша. Я уж ее выписал.

Милославский *(Бунше)*. Тьфу на вас!.. Без отдыха пирует Иван Васильич Грозный... Ах, какое изобретение! *(Стучит по стенке.)* Поднял — вошел, вышел — закрыл! Ах ты, боже мой!..

Тимофеев. У меня дрожат руки... я не могу терпеть... Хотите, проникнем в прошлое?.. Хотите, увидим древнюю Москву?.. Неужели вам не страшно? Вы не волнуетесь?

Бунша. Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие опыты в жакте делать!

Милославский. Если ты еще раз вмешаешься в опыт гражданина академика, я тебя! Что это за наказание? *(Тимофееву.)* Валяйте!

Тимофеев жмет кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного.

Иоанн, с посохом, в царском одеянии, сидит в кресле, а перед Иоанном, примостившись у стола, пишет Дьяк. На плечах у Иоанна наброшена поверх одеяния опричнинская ряса.

Слышится далекое церковное пение, колокольный мягкий звон.

Иоанн *(диктует)*. ...И руководителю...

Дьяк *(пишет)*. ...И руководителю...

Иоанн. К пренебесному селению преподобному игумну Козьме...

Дьяк. ...Козьме...

Иоанн. ...Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...

Дьяк. ...Всея Руси...

Иоанн. ...Челом бьет.

Тимофеев. О боже! Смотрите! Да ведь это Иоанн!..

Милославский. Елки-палки!..

Иоанн и Дьяк поворачивают головы, услышав голоса. Дьяк вскрикивает и убегает из палаты. Иоанн вскакивает, крестится.

Иоанн. Сгинь! Пропади! Увы мне, грешному!.. Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!.. Сгинь! *(Ища выхода, в исступлении бросается в комнату Тимофеева, крестит стены, мечется, бежит в переднюю, скрывается.)*

Тимофеев. Это Иоанн Грозный! Куда вы?.. Стойте!.. Боже мой, его увидят!.. Держите его! *(Убегает вслед за Иоанном.)*

Бунша бросается к телефону.

Милославский. Ты куда звонить собрался?!

Бунша. В милицию!

Милославский. Положь трубку, я тебе руки обобью! Не может жить без милиции ни одной секунды!

В палату врывается Опричник.

Опричник. Где демоны? Гойда! Бей их! *(Бунше.)* Где царь?

Бунша. Не знаю!.. Караул!..

Милославский. Закрой машину! Машину закрой!

Опричник *(крестясь)*. Ой, демоны!.. *(Бросает бердыш, исчезает из палаты.)*

Милославский. Закрывай! Ключ поверни! Ключ! Вот так машинка!..

Бунша жмет кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновение — звон. Занавеска на окне вздувается, понесло бумаги, Буншу потащило в палату, он роняет очки.

Бунша. Спасите!.. Куда меня тащит?!..

Милославский. Куда же ты двинул, черт, машину?!

Понесло Милославского.

Тьма. Свет. Нет палаты. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши, ни Милославского. Остался только патефон, и сверток, и очки. Появляется Тимофеев.

Тимофеев. Он на чердаке заперся! Помогите мне его оттуда извлечь!.. Боже, где же они? А? *(Бросается к аппарату.)* Они двинули стрелку в обратную сторону! Их унесло?.. Что же это будет?.. Бунша! Бунша! Иван Васильевич!

Дальний крик Иоанна.

Этот на чердаке орет!.. Но ключ? Где же ключ?.. Боже, они ключ вытащили! Что делать, позвольте!.. Что делать-то, а?.. Нету ключа... Ну да, вынули ключ... Иван Васильевич! Зачем же вы ключ-то вынули?! Впрочем, кричать бесполезно. Они ключ захватили с собою. Вернуть того в комнату? *(Убегает.)*

Пауза.
Открывается парадная дверь, и входит Шпак.

Шпак. Какая-то тревога у меня с тех пор, как эта блондинка из Большого театра позвонила... Не мог досидеть на службе... *(Трогает замок на своей двери.)* Батюшки!..

Комната Шпака освещается.

(Входит, бросается к письменному столу.) Батюшки! *(Бросается к шкафу.)* Батюшки! *(По телефону.)* Милицию!! Милиция?! В Банном переулке десять — грандиозная кража, товарищ!.. Кого обокрали? Конечно, меня! Шпак! Шпак моя фамилия! Блондинка обокрала!

В радио заиграла музыка.

Товарищ начальник... Это радио играет! Пальто и костюмы!.. Что же вы сердитесь? Слушаете? Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам! Батюшки мои, батюшки!.. *(Рыдая, бросается из комнаты и скрывается за парадной дверью.)*

В радио гремит музыка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Тимофеева. В ней — Иоанн и Тимофеев. Оба в волнении.

Иоанн. О боже мой, господи, вседержитель!

Тимофеев. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

Иоанн. Ох, тяжко мне! Молви еще раз, ты не демон?

Тимофеев. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон.

Иоанн. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человечьим хотением, но божиим соизволением царь есмь!

Тимофеев. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

Иоанн. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы, увы!..

Тимофеев. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Действительно, происшествие удручающее. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь они ключ унесли с собой! Я не могу вас отправить обратно сейчас... И вы понимаете, что они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

Иоанн. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Тимофеев. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двоих людей! Это немыслимо! Это чудовищно!

Пауза.

Вы водку пьете?

Иоанн. О горе мне!.. Анисовую.

Тимофеев. Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубнячку, вы подкрепитесь и придете в себя. Я тоже. *(Вынимает водку, закуску.)* Пейте.

Иоанн. Отведай ты из моего кубка.

Тимофеев. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить? Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

Иоанн. Ну, здрав буди. *(Пьет.)*

Тимофеев. Покорно благодарю. *(Пьет.)*

Иоанн. Как твое имя, кудесник?

Тимофеев. Меня зовут Тимофеев.

Иоанн. Князь?

Тимофеев. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера.

Иоанн. Ах, сволочь!

Тимофеев. Нет, как подумаю, что они там, с ума схожу!.. Пейте. Закусите ветчинкой.

Иоанн. День-то постный...

Тимофеев. Ну, кильками.

Иоанн. Ключница водку делала?

Тимофеев. Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...

Иоанн. Так это, стало быть, ты такую машину сделал?.. Ох-хо-хо!.. У меня тоже один был такой... крылья сделал...

Тимофеев. Нуте-с?..

Иоанн. Я его посадил на бочку с порохом, пущай полетает!..

Тимофеев. Ну зачем же вы так круто?

Иоанн. Ты, стало быть, тут живешь? Хоромы-то тесные.

Тимофеев. Да уж, хоромы неважные.

Иоанн. А боярыня твоя где? В церкви, что ли?

Тимофеев. Не думаю. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ сегодня убежала.

Иоанн. Врешь!

Тимофеев. Ей-богу!

Иоанн. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Тимофеев. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

Иоанн. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Тимофеев. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал.

Иоанн. Чего? Денег? *(Вынимает из кармана золотую монету.)*

Тимофеев. Золото? Спасены! Я сейчас в ювелирный магазин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

Иоанн. Я с тобой пойду.

Тимофеев. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно! Вы останетесь здесь и ничем не выдавайте себя. Я даже вас запру, и если кто будет стучать, не открывайте. Да никто прийти не может. Спасибо Якину, что жену увез... Словом, ждите меня, сидите тихо.

Иоанн. О господи!..

Тимофеев. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит. Иоанн один, рассматривает вещи в комнате. На улице послышался шум автомобиля. Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку.

Иоанн *(тихо напевает)*. Сделал я великие прегрешения... пособи мне, господи... пособите, чудотворцы московские...

В дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается.

Ульяна *(за дверью)*. Товарищ Тимофеев, простите, что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что, Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться! Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек!

Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает.

Иоанн. Что крест животворящий делает! *(Пьет водку.)*

Пауза.

Потом в двери поворачивается ключ. Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму. Дверь открывается, и входит Зинаида. Бросает чемоданчик. Расстроена.

Зинаида. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?.. *(Смотрит на стол.)* Ну, конечно, запил с горя!.. Да, запил... И патефон... откуда же патефон? Хороший патефон... Кока, тебя нет? Ничего не понимаю!.. Здесь оргия какая-то была... Он, наверно, за водкой пошел... С кем он пил? *(Разворачивает сверток.)* Штаны! Ничего не понимаю! *(Заводит патефон, вздыхает.)*

Иоанн за ширмой припадает к щелке.

И вот опять здесь... обманутая самым наглым образом...

Через некоторое время на парадном звонок. Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь. Входит Якин, молодой человек в берете и штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка.

Якин. Зина, это я.

Зинаида. Как? Это вы?! Вон! *(Уходит в комнату Тимофеева.)*

Якин *(у дверей)*. Зинаида Михайловна, вы одни? Откройте, прошу вас!

Зинаида. Я негодяям принципиально не открываю.

Якин. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас же все объясню. Зина, выслушайте меня.

Зинаида открывает дверь.

(Входя, в комнату Тимофеева.) Зиночка, что случилось? Почему вы убежали? Я не понимаю...

З и н а и д а. Карп Савельевич, вы негодяй!

Я к и н. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь кинофабрикой!

З и н а и д а. Недоразумение!.. Он объяснит!.. Я бросаю мужа, этот святой человек теперь пьянствует как черт знает что, я покидаю чудную жилплощадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки... гениального изобретателя!.. Еду к этому подлецу, и...

Я к и н. Зина, какие слова!..

З и н а и д а. Вы еще не знаете настоящих слов! И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную даму...

Я к и н. Зина!..

З и н а и д а. Которую он нежно держит за руку!..

Я к и н. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

З и н а и д а. Хватать за локти? Нет, хватать за локти, вы ответьте! *(Дает Якину пощечину.)*

Я к и н. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?!

З и н а и д а. Вон!

Я к и н. Зинаида, поймите, ведь это же эпизод! Она же курносая!

З и н а и д а. Как? Она будет сниматься?

Я к и н. Маленькая роль... Крохотный, малюсенький эпизодик! Я же не могу снимать картину без курносой! И потом, позвольте, вы меня ударили! Режиссера?!

З и н а и д а. Снимайте курносых, безносых, каких хотите!.. С меня довольно! Я ухожу к Косому, в постановку «Бориса Годунова»!

Я к и н. Косой — халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

З и н а и д а. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими «Золотыми яблоками» в Гаграх.

Я к и н. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного! Картину законсервируют ко всем чертям, и тогда вы вспомните меня, Зинаида!

З и н а и д а. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Я к и н. Где вы репетировали?

З и н а и д а. Здесь же, у себя на квартире... И когда мы проходили то место, где Бориса объявляют царем, Косой, уж на что твердый человек, заплакал, как ребенок!..

Я к и н. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет Бориса, царя? Кто?

И о а н н *(выходя из-за ширмы)*. Какого Бориса-царя? Бориску?!

Зинаида и Якин застывают.

А подойди-ка сюда, милый!

З и н а и д а. Господи, что это такое?!

Я к и н. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!

З и н а и д а. Кто это такой?!

И о а н н. Бориса на царство?.. Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобрейшее!.. Сам хотел царствовати и всем владети!.. Повинен смерти!

Я к и н. Браво!

З и н а и д а. Боже мой... Якин, объясните мне... Якин, спрячьте меня!..

И о а н н. Ну, ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! *(Якину.)* Почто ты боярыню обидел, смерд?

Я к и н. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

И о а н н. Ах ты бродяга! Смертный прыщ!

Якин. Браво!! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?!

Иоанн бьет Якина жезлом.

Позвольте!! Что вы, спятили?.. Довольно!..

Иоанн. На колени, червь! *(Хватает Якина за бороду.)*

Якин. Это переходит границы! Это хулиганство!

Зинаида. Очевидно, я сошла с ума... Кто вы такой? Кто вы такой?

Иоанн. Князь Тимофеев, ко мне! Поймали обидчика, сукина сына Якина!

Якин. На помощь!.. Граждане!.. Кто-нибудь...

Зинаида. Помогите! Кто он такой?! Разбойник! В квартире разбойник!

В передней появляется Шпак, прислушивается к крикам.

Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это Коке удался опыт! *(Иоанну.)* Умоляю, отпустите его!

Иоанн *(выхватывает из-под кафтана нож, кричит Якину).* Молись, щучий сын!

Шпак заглядывает в дверь.

Живота или смерти, проси у боярыни?

Якин *(хрипит).* Живота...

Иоанн. Подымайся, гад!

Якин. Что же это такое, я вас спрашиваю? *(Шпаку.)* Гражданин, спасите от разбойника!

Шпак. Репетируете, Зинаида Михайловна?

Зинаида. Репе... репетируем...

Якин. Какая же это репе... Гражданин!

Иоанн. Что?.. Целуй руку! Учили тебя, подлеца!

Якин. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... *(Целует руку Иоанну.)*

Зинаида *(Иоанну).* Умоляю вас, сядьте!

Иоанн садится.

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь ти-

пичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! *(Заливается слезами.)*

Якин пытается скрыться.

Иоанн. Куды?

Якин. Я здесь, я здесь...

Зинаида *(Шпаку)*. Погодите, я ничего не понимаю. Как обокрали?

Шпак. Начисто, Зинаида Михайловна! Я извиняюсь, граждане, никто не встречал на лестнице блондинку из Большого театра с узлами? Она и обработала... Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна!

Иоанн. Убиваешься, добрый человек?

Шпак. Гражданин артист, как же не убиваться?..

Иоанн. Чего взяли-то у тебя?

Шпак. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, коверкотовое пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все погибло!.. *(Плачет.)*

Иоанн. Ты чьих будешь?

Шпак. Я извиняюсь, чего это — чьих, я не понимаю?

Иоанн. Чей холоп, говорю?

Зинаида. О боже, что сейчас будет!..

Шпак. Довольно странно!..

Иоанн *(вынув монету)*. Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..

Зинаида. Не надо, что вы делаете?!

Шпак. Извиняюсь, что это вы все — холоп да холоп! Какой я вам холоп? Что это за слово такое?

Зинаида. Он пошутил!

Шпак. За такие шутки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

Иоанн. Ты что же, лукавый смерд, от царского подарка отказываешься?

Зинаида. Это он из роли, из роли...

Шпак. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне

не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покражу в моей квартире... *(Уходит.)*

Зинаида. Выслушайте меня. Карп, только умоляю вас, спокойно. Это — настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Якин. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!..

Зинаида. Нет, это Кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, не то будущее... Это он вызвал из прошлого царя.

Якин. Бред!

Зинаида. Я сама близка к помешательству...

Якин *(всмотревшись в Иоанна)*. Товарищи, что это такое?.. *(Зинаиде.)* Что? Что?! Вы правду говорите?!

Зинаида. Клянусь!

Якин. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

Иоанн. Кто умер?

Якин. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!.. Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать!

Иоанн. Подойди! Подойди и отвечай! Доколе же ты...

Якин. Аз есмь... умоляю, не хватайтесь за ножик!.. Я сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!.. За что он взъелся на меня? Где ваш муж? Пусть уберет его!

Иоанн. Ты боярыню соблазнил?

Якин. Я... я... Житие мое...

Иоанн. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши тя долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!..

Якин. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! *(Иоанну.)* Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

Иоанн. Покайся, любострастный прыщ!

Зинаида. Только не убивайте его!

Якин. Каюсь!..

Иоанн. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни...

Якин. С удовольствием. Вы меня не поняли!!! Не поняли!..

Иоанн. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь!

Якин. Языками не владею, ваше величество!.. Во сне это или наяву?..

Иоанн. Какая это курносая сидела у тебя?

Якин. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

Иоанн. Любишь боярыню?

Якин. Люблю безумно!..

Иоанн. Как же ее не любить? Боярыня красотою лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союзна, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Якин. Ничего не надо!.. Ничего!

Иоанн. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Якин. Прошу вашей руки, Зина!

Зинаида. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Якин. Клянусь кинофабрикой!

Иоанн. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Якин. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!

Иоанн. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведаю... то я тебя... я...

Якин. Клянусь Сергием...

Иоанн. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебе вотчиной в Костроме.

Якин *(Зинаиде)*. Еще минута здесь, и меня свезут в сумасшедший дом!.. Едем скорее отсюда?.. Куда-нибудь!.. Везите меня!..

Зинаида. Дорогой царь, нам на поезд пора.

Иоанн. Скатертью дорога!

Зинаида *(Иоанну).* Простите, что я вас беспокою... я не понимаю, как Кока не догадался... Вам нельзя в таком виде оставаться здесь... вас могут увидеть...

Иоанн. О господи, вседержитель!.. Ведь я-то забыл, где я... Я забыл!..

Зинаида *(берет костюм Милославского).* Вы не сердитесь. Я советую вам переодеться. Не понимаю, откуда это тряпье? Карп, помогите ему.

Якин. Разрешите, я помогу вам. Пожалуйте за ширму.

Иоанн. Ох, бесовская одежда!.. Ох, искушение!..

Иоанн и Якин уходят за ширму.

Зинаида. Я пока записку напишу Николаю Ивановичу. *(Пишет.)*

Якин *(за ширмой).* А у вас подтяжечек нету?

Иоанн *(за ширмой).* Не лезь!

Якин. Слушаю-с...

Зинаида *(читает.)* «Кока! Я возвращалась, но опять уезжаю. Он едва не зарезал Якина, тот сделал предложение. Не выписывай... Зина».

Иоанн выходит из-за ширмы в костюме Милославского. Удручен.

Вот это другое дело! Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает...

Якин. Вот очки валяются...

Зинаида. Очень советую, наденьте очки. *(Надевает на Иоанна очки.)* Вылитый!

Иоанн *(глянув в зеркало).* Тьфу ты!..

Зинаида. Ну, позвольте вас поблагодарить... Вы очень темпераментный человек!

Иоанн. Мне здесь оставаться? Ох ты, господи!.. Как это гусли-то очарованные играют?

Якин. Это, изволите ли видеть, патефон...

Иоанн. Тебя не спрашивают.

Якин. Молчу... слушаюсь...

Зинаида. Очень просто, иголочку сюда, и подкрутить.

Патефон играет.

Вот видите... Вы сидите и играйте. А Кока придет, он вас выручит.

Якин. Что же это такое?.. У меня путаются мысли... Патефон... Кока... Иоанн Грозный...

Зинаида. Да перестаньте вы нервничать! Ну, Иоанн, ну, Грозный!.. Ну что тут особенного?.. Ну, до свиданья!

Якин. Честь имею кланяться!

Иоанн. Ехать-то далеко?

Зинаида. О да!

Иоанн *(Якину)*. Жалую тебе рясу с царского плеча.

Якин. Зачем же?

Зинаида. Ах, не противоречьте ему?

Якин. Да, да... *(Облачается в рясу.)*

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

Зинаида *(в передней)*. А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня!

Якин. Бред!! Бред!! Бред!! Клянусь Сергием Радонежским!.. *(Сбрасывает рясу и уходит с Зинаидой.)*

Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку. Через некоторое время звонит телефон. Иоанн подходит, долго рассматривает трубку, потом снимает. На лице его ужас.

Иоанн *(в трубку)*. Ты где сидишь-то? *(Заглядывает под стол, крестится.)*

Ульяна *(в передней)*. Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели? *(Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.)* Здрасте пожалуйста! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в магазине за селедками, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!.. Да ты что это, одурел? Шпака ограбили. Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь? Батюшки, во что же это ты одет?

Иоанн, отвернувшись, заводит патефон.

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел? Батюшки, да у него на штанах дыра сзади!.. Ты что, дрался, что ли, с кем? Ты что лицо-то отворачиваешь? Нет, ты синячищи-то покажи!

Иоанн поворачивается.

Голубчики милые!.. На кого же ты похож? Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

Иоанн. Ты бы ушла отсюда. А?

Ульяна. Как это — ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!.. В зеркало-то погляди!

Иоанн. Оставь меня, старушка, я в печали...

Ульяна. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на пять лет тебя моложе!

Иоанн. Ну это ты врешь... Погадай мне, старая, погадай насчет шведов.

Ульяна. Да что же это такое?

Шпак появляется в передней, затем входит в комнату.

Шпак. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы управдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

Ульяна. Нет, вы полюбуйтесь на голубчика!.. Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Шпак. Ай да управдом! Человека до ниточки обобрали, а он горный дубняк пьет!.. Меня артистка обворовала!..

Иоанн. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Шпак. Какие это такие слова — надоел? Нам такого управдома не нужно!..

Ульяна. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

Иоанн. Э, да ты ведьма! *(Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)*

Ульяна. Хулиган!

Иоанн *(вооружается посохом)*. Ох, поучу я тебя сейчас!

Ульяна. Помогите!.. Муж интеллигентную женщину бьет!.. *(Убегает через парадный ход.)*

Шпак потрясен.

Шпак. Иван Васильевич, вы успокойтесь... ну, выпил нервный мужчина... я вполне понимаю. Однако я не знал, что вы такой! Я думал, что вы тихий... и, признаться, у нее под башмаком... а вы — орел!..

Иоанн. Ведьма!..

Шпак. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней построже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

Иоанн. Тебе чего надо?

Шпак. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша. Прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... *(Подает бумагу.)*

Иоанн. Как челобитную царю подаешь? *(Рвет бумагу.)*

Шпак. Иван Васильевич... вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте...

Иоанн. Ты мне надоел! Что у тебя украли, говори!

Шпак. Два пате... то есть один патефон...

Иоанн. Ну, забирай патефон. Подавись. Надоел.

Шпак. Позвольте, как же... ведь это чужой... совершенно как мой... А впрочем, пожалуйте!.. А остальное-то как же? Ведь надо же подписать...

Иоанн. Да я же тебе гривну давал? Ты не брал? Сущеглупый!..

Шпак. Вот так пьян! Какую такую гривну? Никаких вы мне денег не давали. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

Иоанн. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле, бесы вселились?.. *(Вынимает нож.)*

Шпак. Помогите!.. Управдом жильца режет!..

Тимофеев вбегает в переднюю, потом в комнату.

Тимофеев. Что это происходит? Где он? Кто вас персодел? Как вы его впустили?.. Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!..

Шпак. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!.. Караул!.. Я в милицию!..

Тимофеев (*Иоанну*). Остановитесь, или мы погибнем оба!

Иоанн прячет нож.

Шпак (*бросаясь в переднюю*). Я немедленно в милицию!..

Иоанн. Князь!.. Ты его батогами с лестницы!..

Тимофеев (*бросается вслед за Шпаком в переднюю*). Умоляю вас, подождите!.. Это не Бунша!..

Шпак. Как не Бунша?

Тимофеев. Это Иоанн Грозный... настоящий царь... погодите, погодите... я нормален... умоляю, не бегите в милицию!.. Это мой опыт, моя машина времени!.. Я вызвал его... Я открываю вам тайну, вы порядочный человек... Не срывайте мой опыт. Скандал все погубит. Я сейчас уберу его... только примерю ключ, вот ключ... Обещайте молчать? Дайте честное слово!

Шпак. Позвольте, так это царь?

Тимофеев. Царь...

Шпак. Что делается!..

Тимофеев. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку...

Шпак. Честное благородное слово.

Тимофеев. Ну, спасибо, спасибо. (*Убегает в свою комнату. Иоанну.*) Зачем же вы открыли двери? Я вас просил не открывать!

Шпак припадает к замочной скважине.

Иоанн. Пошто ты ему по роже не дал?

Тимофеев. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради бога!.. Тише, тише!.. Вот ключ. Сейчас примерим. (*Пытается вложить ключ.*) Руки

дрожат... А черт, немного велик... Ну, да ладно, сейчас подпилим... *(Нажимает кнопки в аппарате.)*

Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака. Шпак закрывает за собой дверь.

Шпак. Монета-то, стало быть, настоящая была!.. Эх-эх-эх!.. *(Говорит по телефону шепотом.)* Милицию. Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище... Инженер Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я непьющий... С посохом... Что делается! Даю честное слово! Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам добегу!..

Тьма.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Бунша и Милославский влетают в палату.

Милославский. Вот черт вас возьми с этими опытами! Вот это так так!

Бунша *(кидаясь на стену)*. Товарищ Тимофеев! Товарищ Тимофеев! Как управдом я требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

Милославский. Перестань орать! Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Бунша. Не может быть! Я протестую!

Зловещий шум и набат.

Милославский *(запирает дверь на ключ, выглядывает в окно, отчего шум усиливается. Отскакивает)*. Вот попали так попали!

Бунша. Это нам мерещится, этого ничего нету,

Николай Иванович, вы ответите за ваш антисоветский опыт!

Милославский. Вы дурак! Ой, как они кричат!

Бунша. Они не могут кричать, это обман зрения и слуха, вроде спиритизма. Они умерли давным-давно. Призываю к спокойствию! Они покойники.

В окно влетает стрела.

Милославский. Видали, как покойники стреляют?!

Бунша. То есть... позвольте... вы полагаете, что они могут учинить над нами насилие?

Милославский. Нет, я этого не полагаю. Я полагаю, что они нас убьют к лешему. Что бы это сделать, братцы, а? Братцы!..

Бунша. Неужели это правда? Николай Иванович, вызывайте милицию? Без номера! Погибнуть во цвете лет!.. Ульяна Андреевна в ужасе!.. Я не сказал ей, куда пошел... Кровь стынет в жилах!..

Грохот в дверь, голос: «Отворяй, собака!»

Кому это он?

Милославский. Вам.

Бунша *(в щелку двери)*. Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас не существует! Это опыт инженера Тимофеева!

Грохот.

От имени жильцов дома прошу, спасите меня.

Милославский открывает дверь в соседнее помещение.

Милославский. Одежа! Царская одежа! Ура, пофартило!

Голос: «Отворяй! На дым пустим палату!»

(Надевая кафтан.) Надевай скорей царский капот, а то пропадем!

Бунша. Этот опыт переходит границы!

Милославский. Надевай, убью!..

Бунша надевает царское облачение.

Ура! Похож! Ей-богу, похож! Ой, мало похож! Профиль портит!.. Надевай шапку... Будешь царем...

Бунша. Ни за что!

Милославский. Ты что же, хочешь, чтобы и меня из-за тебя ухлопали? Садись за стол, бери скипетр... Дай зубы подвяжу, а то не очень похож... Ой, халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...

Бунша. Попрошу не касаться лица!

Милославский. Молчи! Садись, занимайся государственным делом. На чем они остановились? Царь и великий князь... повторяй... всея Руси...

Бунша. Царь и великий князь всея Руси...

Дверь раскрывается, вбегают опричники, и с ними Дьяк. Остолбеневают.

Милославский *(Бунше)*. Так вы говорите... царь и великий князь? Написал. Запятая... Где это наш секретарь запропастился?

Пауза.

В чем дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чем дело? Какой паразит осмелился сломать двери в царское помещение? Разве их для того вешали, чтобы вы их ломали? *(Бунше.)* Продолжайте, ваше величество... челом бьет... точка с запятой... *(Опричникам.)* Я жду ответа на поставленный мною вопрос.

Опричники *(в смятении)*. Царь тут... царь тут...

Дьяк. Тут царь...

Милославский. А где же ему быть? Вот что, голубчики, положь оружие!.. Не люблю этого.

Опричники бросают бердыши.

Дьяк *(Бунше)*. Не вели казнить, великий государь надежа... демоны тебя схватили, мы и кинулись... хвать, ан демонов-то и нету!

Милославский. Были демоны, этого не отрицаю, но они ликвидировались. Прошу эту глупую тревогу приостановить. *(Дьяку.)* Ты кто такой?

Дьяк. Федька... дьяк посольского приказу... с царем пишем...

Милославский. Подойди сюда. А остальных прошу очистить царскую жилплощадь. Короче говоря, все вон! Видите, вы царя напугали! Вон! *(Бунше, шепотом.)* Рявкни на них, а то они не слушают.

Бунша. Вон!!

Опричники бросаются в ноги, потом выбегают вон. Дьяк бросается несколько раз в ноги.

Милославский. Ну, довольно кувыркаться. Кинулся раз, кинулся два, хватит.

Дьяк. Не гляди на меня, аки волк на ягня... Прогневили мы тебя, надежа-государь!..

Милославский. Я думаю, но мы тебя прощаем.

Дьяк. Что же это у тебя, государь, зубки-то подвязаны? Али хворь приключилась?

Милославский *(Бунше, тихо)*. Ты не молчи, как пень, однако! Я не могу один работать!

Бунша. Зубы болят, у меня флюс.

Милославский. Периостит у него, не приставай к царю.

Дьяк. Слушаю. *(Бросается в ноги.)*

Милославский. Федя, ты брось кланяться... Этак ты до вечера будешь падать... Будем знакомы. А ты что на меня глаза вытаращил?

Дьяк. Не гневайся, боярин, не признаю я тебя... Али ты князь?

Милославский. Я, пожалуй, князь, да. А что тут удивительного?

Дьяк. Да откуда ты взялся в палате-то царской? Ведь тебя не было? *(Бунше.)* Батюшка-царь, кто же это такой? Не томи!..

Бунша. Это приятель Антона Семеновича Шпака.

Милославский *(тихо)*. Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадаются... *(Вслух.)* Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Дьяк *(впадая в ужас)*. Чур меня! Сгинь!..

Милославский. Что такое? Опять не слава богу? В чем дело?

Дьяк. Да ведь казнили тебя намедни...

Милославский. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Бунша *(тихо)*. Ой, начинается!..

Дьяк. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня перед спальней, по приказу царя.

Милославский. Ай, спасибо! *(Бунше.)* Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыплемся. *(Тихо.)* Что же ты молчишь, сволочь? *(Вслух.)* А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Дьяк. Ванька-разбойник.

Милославский. Ага. А я, наоборот, Жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался. И обратно — царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Дьяк. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

Милославский. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом, как раз когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Дьяк. Исполать тебе, князь!

Милославский. И все в порядочке!

За сценой шум.

Чего это они опять разорались? Сбегай, Федюша, узнай.

Дьяк выбегает.

Бунша. Боже мой, где я? Что я? Кто я? Николай Иванович!!

Милославский. Без истерики!

Дьяк возвращается.

Дьяк. Опричники царя спасенного видеть желают. Радуются.

Милославский. Э, нет. Это отпадает. Некогда. Некогда. Радоваться потом будем. *(Бунше.)* Услать их надо немедленно куда-нибудь. Молчит, проклятый! *(Вслух.)* А что, Фединька, войны никакой сейчас нету?

Дьяк. Как же это нету, кормилец? Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!..

Милославский. Что ты говоришь? Как же это вы так допустили, а?

Дьяк бросается в ноги.

Встань, Федор, я тебя не виню. Ну, вот чего... садись, пиши царский указ. Пиши. Послать опричников выбить крымского хана с Изюмского шляха. Точку поставь.

Дьяк. Точка. *(Бунше.)* Подпиши, великий государь.

Бунша *(шепотом)*. Я не имею права по должности управдома такие бумаги подписывать.

Милославский. Пиши. Ты что написал, голова дубовая? Управдом? И печать жакта приложил?.. Вот осел! Пиши: Иван Грозный. *(Дьяку.)* На.

Дьяк. Вот словечко-то не разберу...

Милославский. Какое словечко? Ну, ге... ре... Грозный.

Дьяк. Грозный?

Милославский. Что ты, Федька, цепляешься к каждому слову! Что, он не грозен, по-твоему? Не

грозен? Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натопай ножками! Что же это он тебя не слушает?

Бунша. Да как вы смеете?! Да вы!.. Да я вас!..

Дьяк *(валясь в ноги)*. Узнал таперича! Узнал тебя, батюшка-царь...

Милославский. Ну, то-то. Да ты скажи им, чтобы они обратно не торопились. Какое бы им еще поручение дать? Поют потехи брани... дела былых времен... И взятие Казани... ты им скажи, чтобы они на обратном пути заодно Казань взяли... чтобы два раза не ездить...

Дьяк. Как же это, батюшка... чтоб тебя не прогневить... Ведь Казань-то наша... ведь мы ее давным-давно взяли...

Милославский. А... Это вы поспешили... Ну, да раз взяли, так уж и быть. Не обратно же ее отдавать... Ну, ступай, и чтобы их духу здесь не было через пять минут.

Дьяк выбегает.

Ну, пошли дела кой-как. Что дальше будет, впрочем, неизвестно. Что же он не крутит свою машинку назад?

Бунша. Я должен открыть вам ужасную тайну. Я с собой ключ в панике захватил. Вот он.

Милославский. Чтоб ты сдох, проклятый! Все из-за тебя, дурака! Что же мы теперь будем делать? Ну, ладно, тише, дьяк идет.

Дьяк *(входит)*. Поехали, великий государь.

Милославский. Не удивились? Ну и прекрасно. Дальше чего на очереди?

Дьяк. Посол шведский тут.

Милославский. Давай его сюда.

Дьяк впускает Шведского посла. Тот, взглянув на Буншу, вздрагивает, потом начинает делать поклоны.

Посол. Пресветлейши... вельможнейши... государ... *(Кланяется.)*

Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейх зандте мих, зейнен трейен динер, цу инен, царь и фелики князе Иван Василович Усарусса, дамит ди фраге фон Кемска волост, ди ди румфоллвюрдиге шведише арме эроберы хат, фрейвиллиг ин орднунг бринген...

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо бы переводчика, Фединька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его анадысь в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! *(Бунше.)* Отвечай ему что-нибудь... а то ты видишь, человек надрывается.

Бунша. Я на иностранных языках только революционные слова знаю, а все остальное забыл.

Милославский. Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне! *(Послу.)* Продолжайте, я с вами совершенно согласен.

Посол. Ди фраге фон Кемска волост... Шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигс рейхе зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... Кемска волост...

Милославский. Правильно. Совершенно правильно. *(Дьяку.)* Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идейка... смысл... Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!..

Милославский. Так что же ты молчал? Кемскую волость?

Посол. О, я... о, я...

Милославский. Да об чем разговор? Да пущай забирают на здоровье!.. Господи, я думал, что!..

Дьяк. Да как же так, кормилец?!

Милославский. Да кому это надо? *(Послу.)* Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут.

Дьяк. О господи Исусе!

Посол *(обрадован, кланяется).* Канн их мих фрейцелен унд ин мейн фатерланд цурюккерен?

Дьяк. Он спрашивает, можно ли ему домой ехать?

Милославский. А, конечно! Пускай сегодня же и едет. *(Послу.)* Оревуар.

Посол *(кланяясь).* Вас бефельт цар и фелики кнезе Иван Василович ден гроссен кениг дес Шведенс хинтербринген?

Дьяк. Он спрашивает: чего королю передать?

Милославский. Мой пламенный привет.

Бунша. Я не согласен королю пламенные приветы передавать. Меня общественность загрызет.

Милославский. Молчи, бузотер. *(Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон.)* Ауфвидерзеен. Королю кланяйтесь и скажите, чтобы пока никого не присылал. Не надо. Нихтс.

Посол, кланяясь, уходит с Дьяком.

Приятный человек. Валюты у него, наверно, в кармане, воображаю!..

Бунша. Я изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили. О боже мой! Что теперь делает несчастная Ульяна Андреевна? Она, наверно, в милиции. Она плачет и стонет, а я царствую против воли... Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?

Дьяк входит и ищет что-то на полу.

Милославский. Ты чего, отец, ползаешь?

Дьяк. Не вели казнить, государь... Посол королевский лик с груди потерял... на нем алмазы граненые...

Милославский. Нельзя быть таким рассеянным.

Дьяк. Вошел сюда — был, а вышел — нету...

Милославский. Так всегда и бывает. В театрах это постоянно в буфете. Смотреть надо за вещами, когда в комнату входишь. Да отчего ты так на меня таращишься? Уж не думаешь ли ты, что я взял?

Дьяк. Что ты, что ты?!

Милославский *(Бунше)*. Ты не брал?

Бунша. Может быть, за трон завалился? *(Ищет.)*

Милославский. Ну, нету! Под столом еще посмотри. Нету и нету.

Дьяк. Ума не приложу... вот горе! *(Уходит.)*

Бунша. Происшествия все ужаснее и ужаснее. Что бы я отдал сейчас, чтобы лично явиться и заявить о том, что я нашелся. Какое ликование поднялось бы!

Дьяк *(входит)*. Патриарх тебя видеть желает, государь. Радуется.

Бунша. Чем дальше, тем хуже!

Милославский. Скажи ему, что мы просим его сюда в срочном порядке.

Бунша. Что вы делаете? В присутствии служителя культа я не могу находиться в комнате, я погиб.

Колокольный звон. Входит Патриарх.

Патриарх. Здравствуй, государь, нынешний год и впредь идущие лета! Вострубим, братие, в златокованые трубы! Царь и великий князь яви нам зрак и образ красен! Царь, в руцах демонов побывавший, возвращается к нам. Подай же тебе, господи, самсонову силу, александрову храбрость, соломонову мудрость и кротость давидову! Да тя славят все страны и всякое дыхание человече и ныне и присно и во веки веков!

Милославский *(аплодируя)*. Браво! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова — аминь!

Хор запел многолетие. Милославский отдает честь, поет что-то веселое и современное.

(Бунше.) Видишь, как тебя приветствуют! А ты хныкал!.. *(Патриарху.)* Воистину воскресе, батюшка! *(Об-*

нимает Патриарха, причем у того с груди пропадает панагия.) Еще раз благодарю вас, батюшка, от царского имени и от своего также благодарю, а затем вернитесь в собор, к вашим угодникам. Вы совершенно и абсолютно свободны, в хоре надобности тоже нет. А в случае чего-нибудь экстренного мы вас кликнем. *(Провожает Патриарха до дверей, отдавая ему честь.)*

Патриарх уходит с Дьяком.
Дьяк тотчас вбегает в смятении обратно.

Чего еще случилось?

Дьяк. Ох, поношение! У патриарха панагию с груди...

Милославский. Неужто сперли?

Дьяк. Сперли!

Милославский. Ну уж, это мистика какая-то! Что же это у вас делается, ась?

Дьяк. Панагия — золота на четыре угла, яхонт лазоревый, два изумруда...

Милославский. Это безобразие?

Дьяк. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

Милославский. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко. Ты ступай к патриарху и как-нибудь так поласковее с ним... утешь его... Что он, очень расстроился?

Дьяк. Столбом стоит.

Милославский. Ну, оно понятно. Большие потрясения от этого бывают. Уж кому-кому, а мне приходилось видеть в театрах...

Дьяк выбегает.

Бунша. Меня начинают терзать смутные подозрения. У Шпака — костюм, у посла — медальон, у патриарха — панагия...

Милославский. Ты на что намекаешь? Не

знаю, как другие, а я лично ничего взять не могу. У меня руки так устроены... ненормально. Мне в пяти городах снимки с пальцев делали... ученые... и все начальники единогласно утверждают, что с такими пальцами человек присвоить чужого не может. Я даже в перчатках стал ходить, так мне это надоело.

Дьяк *(входит)*. Татарский князь Едигей к государю.

Милославский. Э, нет! Этак я из сил выбьюсь. Объявляю перерыв на обед.

Дьяк. Царь трапезовать желает.

Тотчас стольники вносят кушанья, за стольниками появляются гусляры.

Бунша. Это сон какой-то!..

Милославский *(Дьяку)*. Это что?

Дьяк. Почки заячьи верченые да головы щучьи с чесноком... икра, кормилец. Водка анисовая, приказная, кардамонная, какая желаешь.

Милославский. Красота!.. Царь, по стопочке с горячей закуской!.. *(Пьет.)* Ко мне, мои тиуны, опричники мои!..

Бунша пьет.

Дьяк. Услали же, батюшка-князь, опричников!

Милославский. И хорошо сделали, что услали, ну их в болото! Без отвращения вспомнить не могу. Манера у них сейчас рубить, крошить! Секиры эти... Бандиты они, Федя. Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты! Вотр сантэ!

Бунша. Вероятно, под влиянием спиртного напитка нервы мои несколько успокоились.

Милославский. Ну, вот. А ты, Федя, что ты там жмешься возле почек? Ты выпей, Федюня, не стесняйся. У нас попросту. Ты мне очень понравился. Я бы без тебя, признаться, как без рук был. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Будем дружить с тобой, я тебя выучу в театр ходить... Да, ваше величество, надо будет театр построить.

Бунша. Я уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов.

Милославский. Не велите казнить, ваше величество, но, по-моему, театр важнее. Воображаю, какая сейчас драка на Изюмском шляхе идет! Как ты думаешь, Федя? Что, у вас яхонты в магазины принимают?

Дьяк. Царица к тебе, великий государь, видеть желает.

Бунша. Вот тебе раз! Этого я как-то не предвидел. Боюсь, чтобы не вышло недоразумения с Ульяной Андреевной. Она, между нами говоря, отрицательно к этому относится. А впрочем, ну ее к черту, что я ее, боюсь, что ли?

Милославский. И правда.

Бунша снимает повязку.

Повязку это ты зря снял. Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Бунша. Чего? Попрошу вас?! С кем говоришь?

Милославский. Молодец! Ты бы раньше так разговаривал!

Появляется Царица, и Бунша надевает пенсне.

Царица *(в изумлении)*. Пресветлый государь, княже мой и господин! Дозволь рабыне твоей, греемой милостью твоею...

Бунша. Очень рад. *(Целует руку царицы.)* Очень рад познакомиться. Позвольте вам представить: дьяк... и гражданин Милославский. Прошу вас к нашему столику.

Милославский. Ты что плетешь? Сними, гад, пенсне.

Бунша. Но-но-но! Человек! Почки один раз царице! Простите, ваше имя-отчество не Юлия Владимировна?

Царица. Марфа Васильевна я...

Бунша. Чудесно, чудесно!

Милославский. Вот разошелся! Э-ге-ге? Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!

Бунша. Рюмку кардамонной, Марфа Васильевна.

Царица *(хихикая)*. Что вы, что вы...

Бунша. Сейчас мы говорили на интереснейшую тему. Вопрос об учреждении жактов.

Царица. И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь, аки пчела!

Бунша. Еще рюмку, под щучью голову.

Царица. Ой, что это вы...

Бунша *(Дьяку)*. Вы что на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся!

Дьяк валится в ноги.

Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. *(Царице.)* Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал. Что? Молчать! *(Дьяку.)* Скажите, пожалуйста, что у вас, нет отдельного кабинета?

Милославский. Милые! Да он нарезался! Да ведь как быстро, как ловко! Надо спасать положение. *(Гуслярам.)* Да что вы, граждане, молчите? Гряньте нам что-нибудь.

Гусляры заиграли и запели.

Гусляры *(поют)*. А не сильная туча затучилася... А не сильные громы грянули... Куда едет собака крымский царь...

Бунша. Какая это собака? Не позволю про царя такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака! *(Дьяку.)* Ты каких это музыкантов привел? Распустились здесь без меня!

Дьяк валится в ноги.

Милославский. Что, Федюша, у вас нарзану нету?

Бунша. Пускай они румбу играют!

Гусляры. Ты, батюшка, только скажи, как это... а мы переймем... мы это сейчас...

Бунша напевает современный танец. Гусляры играют его.

Бунша *(Царице)*. Позвольте вас просить на один тур, Юлия Васильевна.

Царица. Ой, срамота? Что это ты, батюшка-царь...

Бунша. Ничего, ничего. *(Танцует с Царицей.)*

Дьяк рвет на себе волосы.

Милославский. Ничего, Федя, не расстраивайся! Ну, перехватил царь, ну, что такого... с кем не бывало! Давай с тобой! *(Танцует с Дьяком.)*

Набат и шум. Гусляры замолчали.

Это мне не нравится, что еще такое?

Дьяк выбегает, потом возвращается.

Дьяк. Беда, беда! Опричники взбунтовались, сюда едут! Кричат, что царь ненастоящий. Самозванец, говорят!

Царица. Ох-ти мне, молодой! С ненастоящим плясала... Ох, чернеческий чин наложат!.. Ой, погибель моя!.. *(Убегает.)*

Милославский. Как, опричники? Они же на Изюмский шлях поехали!

Дьяк. Не доехали, батюшка. Смутили их. От заставы повернули.

Милославский. Какой же гад распространил этот гнусный слух?

Дьяк. Патриарх, батюшка, патриарх.

Милославский. Дорогой самодержец, мы пропали!

Бунша. Я требую продолжения танца! Как пропали? Граждане, что делать?

Гусляры исчезают вместе с Дьяком.

Николай Иваныч, спасите!

Шум ближе. Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется комната Тимофеева.

Тимофеев. Скорее, Иван Васильевич!

Иоанн *(застегивая царское облачение)*. Слава тебе господи!

Тимофеев. Вот они, живы!

Милославский. Живы, живы! *(Бунше.)* Вали, вали, вали! *(Вбегает с Буншей к Тимофееву.)*

Иоанн *(при виде Бунши)*. Ой, сгинь, пропади!

Милославский. Временно, временно, отец, не волнуйся!

Иоанн вбегает в палату.

Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что все в порядке!

Иоанн. Шведам — Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?!

В палату вбегают Опричник и Дьяк.

Шведам — Кемь? А ты, лукавый дьяк, куда смотрел?

Дьяк валится в ноги. Иоанн в ярости валит Дьяка на аппарат. Дьяк тотчас вскакивает, бросается в палату. Тьма. Свет. Палаты нет.

Тимофеев. Аппарат мой! Аппарат! Раздавили! Что вы наделали? Зачем вы его разозлили??.. Погибло мое изобретение!

В передней появляются милиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте!

Тимофеев. Ах ты, подлец!

Милиция. Эге!.. *(Бунше.)* Вы — царь? Ваше удостоверение личности, гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товари-

щи! Мы с маскарада, из парка культуры и отдыха мы. *(Снимает боярское облачение.)*

Бунша снимает царское облачение. На груди Милославского — медальон и панагия.

Бунша. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Шпак. Держите его! Мой костюм!

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Шпак. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется Ульяна Андреевна.

Ульяна. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождался, пьяница!

Бунша. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазняли, дьяк свидетель!

Ульяна. Какой дьяк? Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он — управдом!

Тимофеев. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван управдом и ключ утащил с собой! Старый рамоли, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция *(Милославскому)*. Ваше удостоверение?

Милославский. Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж.

Милиция *(радостно)*. А! Так вы в Москве, стало быть?

Милославский. Не скрою. Прибыл раньше времени.

Милиция. Ну-с, пожалуйте все в отделение.

Бунша. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

Милославский. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте, это мне патриарх подарил.

Милиция выводит всех из квартиры. В ту же минуту гаснет свет в комнате Тимофеева. Радостный голос в рупоре в передней: «Слушайте продолжение «Псковитянки». И тотчас грянули колокола и заиграла хриплая музыка. Комната Тимофеева освещается, Тимофеев спит в той самой позе, как заснул в первом акте.

Тимофеев. Скорей, скорей, Иван Васильевич... Фу, черт, да я заснул! Боже, какая ерунда приснилась... Аппарат-то цел? Цел. Батюшки, меня жена бросила... Да нет, это во сне. Слава богу, во сне. А вдруг... Косинус... черт, надоел мне с колоколами...

Передняя освещается. Входит Зинаида.

Зинаида. Коля, это я.

Тимофеев. Зиночка, ты!

Зинаида. Ты так и не ложился? Колька, ты с ума сойдешь, я тебе говорю. Я тебе сейчас дам чаю, и ложись... Нельзя так работать.

Тимофеев. Зина, я хотел тебя спросить... видишь ли, я признаю свою вину... я действительно так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время... Косинус... ты понимаешь меня?

Зинаида. Ничего не понимаю.

Тимофеев. Ты где сейчас была?

Зинаида. На репетиции.

Тимофеев. Скажи мне, только правду. Ты любишь Якина?

Зинаида. Какого Якина?

Тимофеев. Не притворяйся. Очень талантлив... ему действительно дадут квартиру? Ну, словом, он ваш кинорежиссер.

Зинаида. Никакого Якина-режиссера нету у нас.

Тимофеев. Правда?

Зинаида. Правда.

Тимофеев. А Молчановского нету?

Зинаида. И Молчановского нету.

Тимофеев. Ура! Это я пошутил.

Зинаида. Я тебе говорю, ты с ума сойдешь!

Стук в дверь.

Да, да!

Вбегает Шпак.

Тимофеев. Антон Семенович, мне сейчас приснилось, что вас обокрали.

Шпак *(заливаясь слезами)*. Что приснилось? Меня действительно обокрали!

Тимофеев. Как?

Шпак. Начисто. Пока был на службе. Патефон, портсигар, костюм! Батюшки! И телефонный аппарат срезали!.. Зинаида Михайловна, позвольте позвонить. Батюшки! *(Бросается к телефону.)* Милицию! Где наш управдом?

Зинаида *(распахнув окно, кричит)*. Ульяна Андреевна! Где Иван Васильевич? Шпака обокрали!

В радиорупоре сильнее грянула музыка.

Занавес

Конец

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ (ПУШКИН)

Пьеса в четырех действиях

И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...

«Евгений Онегин»

Действуют:

Пушкина.
Гончарова.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Горничная девушка.
Битков.
Никита.
Дантес.
Шишкин.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Жуковский.
Геккерен.
Дубельт.
Бенкендорф.
Раевев.
Пономарев.
Строганов.
Данзас.
Даль.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Тургенев.
Воронцов.

Филат.
Агафон.
Первый преображенец.
Второй преображенец.
Негр.
Камер-юнкер.
Василий Максимович.
Слуга.
Квартальный.
Жандармские офицеры.
Жандармы.
Полиция.
Группа студентов.
Толпа.

Действие происходит в конце января и в начале февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепьяно и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной.

Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепьяно, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает на фортепьяно и напевает.
За окном слышна вьюга.

Гончарова *(напевает)*. «...И печальна и темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...»

Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи... крутит, вертит! И в глаза, и в уши!.. *(Пауза.)* Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воет в трубе, истинный бог, как дитя. Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просят принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могу.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?

Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила!.. Проси сюда.

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя... ах, разорение... *(Уходит.)*

Пауза.

Шишкин *(входя)*. Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке, Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погода-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. Veuillez-vous s'asseoir, monsieur[1].

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель. Благодарствуйте. *(Садится.)* Погодка-то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

---

[1] Прошу вас, садитесь *(фр.)*.

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача. Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчуга и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надобно. А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали. Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро. Может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощения, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну помилуйте, как же так без вещей остаться! Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну что же, извольте. *(Идет вслед за Гончаровой.)* Квартира славная какая. Что платите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато. *(Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.)*

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепьяно, рассматривает ноты, поколебавшись, входит в кабинет. Читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Входит Гончарова, за ней Шишкин с узелком в руках.

Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... Они знают... (У двери.) Оревуар, мадемуазель.

Гончарова. Au revoir, monsieur.

Шишкин уходит.

Битков *(закрывает часы, кладет инструменты в сумку)*. Готово, барышня, живут. А в кабинете... Я уж завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощения просим. *(Уходит.)*

Гончарова — у камина. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна! *(Пауза.)* Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мной?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыгину за бюро платить надобно. А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы

его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают: «Ты надоел мне, и без тебя голова вихрем идет». Как не надоесть, за тридцать лет!

Гончарова. Ну, Наталье Николаевне скажи.

Никита. Не буду говорить Наталье Николаевне, не поедет она. *(Пауза.)* А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор и удобство.

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита *(глухо, в глубине кабинета).* Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. *(Входит в гостиную.)* Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова *(входя).* Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(Стукнув в дверь кабинета.) On entre? *(Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.)* Alexandre, êtes-vous indisposé?[1] Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? *(Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках.)* Раздевай барина. *(Отходит к камину, ждет.)*

---

[1] Можно войти?.. Александр, вам нездоровится? *(фр.)*

Никита — некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за собой дверь.

(Входит в кабинет. Слова ее слышны глухо.) Все благополучно... Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу.

Никита *(подавая письмо).* Письмо Алек...

Гончарова *(грозит Никите, берет письмо).* А, от портнихи? Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну чего ты стал, ступай *(Тихо.)* Тебе сказано не подавать писем.

Никита уходит.

(Возвращается в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Бог с вами, Александр, говорю же — от портнихи. Право, я пошлю за лекарем. Дайте, я вас перекрещу... Что?.. Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет. Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой.

(Читает письмо. Прячет.) Кто эти негодяи? Опять. Боже правый! *(Пауза.)* В деревню надо ехать. Он прав.

Послышался стук. Глухо — голос Никиты. Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепьяно, близоруко щурится.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить.

Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло снегом.

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь?

Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Ah, mon Dieu! Азя, это смешно! Ну что худого в том, что beau-frére[1] меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной.

(Читает, шепчет.) Он видел?

Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать.

Пушкина. Ах, старый дуралей! *(Бросает письмо в камин.)* Несносные люди! Кто это делает?

Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда.

Гончарова. Таша, поедем в деревню.

Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... Презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет... Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Гончарова. Тебе нельзя видеться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутаны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Натурально, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. *(Уходит.)*

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, запорошен снегом, держит в руках женские перчатки.

---

[1] Бог мой!.. Муж сестры *(фр.)*.

Пушкина *(шепчет)*. Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес *(говорит с сильным акцентом)*. Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. *(Кладет перчатки на фортепьяно, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)*

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми. *(Подбегает к двери кабинета, прислушивается.)* На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. Chaque instant de la vie est un pas vers la mort[1]. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит. Он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя — он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах, что будет со мной!

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклинайте меня.

Пушкина. Уйдите!

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело. Надлежит слушать. Там... Да? Иные страны. Скажите мне только одно слово — и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и пре-

---

[1] Каждое мгновение жизни — это шаг к смерти *(фр.)*.

ступны, вы и безумны! Ваши поступки не делают вам чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим.

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна... ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой в зимнем саду подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит,

(Прислушивается). Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что не скажет. *(Подбегает к окну, смотрит в него.)* О горькая отрава! *(Потом — к двери кабинета, прикладывает ухо.)* Спит. *(Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)*

Тьма. Потом из тьмы — зимний день. Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В столовой накрыт завтрак. Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта — Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич!

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы (двое, сыновья Салтыкова) улыбаются.

Салтыкова. Enchantée de vous voir[1]. Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым, скромным человеком в вицмундире, подходит к руке Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна. *(Подходит к руке Салтыковой.)* А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов *(Долгорукову)*. Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов *(Кукольнику)*. Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики — яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник *(тихо, Бенедиктову)*. Ну, брат, насмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова. Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается. Преображенцы улыбаются.

---

[1] Очень рада вас видеть *(фр.)*.

Салтыков *(сам себе)*. Да-с, не угодно ли? Secundus pars! Secundus![1] *(Смеется сатанинским смехом и выходит.)*

Бенедиктов бледнеет.

Салтыкова. Mon mari...[2]

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться. Знаем, знаем. На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова *(Бенедиктову)*. Мой муж — страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемонии.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом. Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! *(Стучит по фолианту.)* Secundus pars. Secundus! Преднамеренная опечатка! Corpus juris romani! Elzevir![3] *(Преображенцам.)* Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. *(Ставит книгу на камин. Салтыковой.)* Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

---

[1] Второй часть. Второй *(лат.)* Салтыков подчеркивает типографскую опечатку. Правильно «secunda pars» — вторая часть, так как «pars» женского рода. *(Исторический случай — у Салтыкова действительно была эта книга с указанной опечаткой.)*

[2] Мой муж... *(фр.)*.

[3] Свод римских законов! Эльзевир! *(лат.)* Эльзевир—голландская типография XVI—XVII веков.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Салтыкова. Прошу к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков *(глядя на руку Кукольника)*. А вас можно поздравить.

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенек!

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее. Филат! Что там на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова. Серж, ну что ты говоришь!

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе.

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры... Только что видел... проехал по Невскому... le grand bourgeois[1] ...в саночках, кучер Антип...

---

[1] Первый буржуа *(фр.)*.

Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора, Сергей Васильевич?

Салтыков. Да, его.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет. Антип — кучер у императора.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же, что и с лошадью?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. *(Бенедиктову.)* Итак, изволите заниматься поэзией?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь!

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. *(Салтыковой.)* Ты напрасно так спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать.

Салтыкова. Перестань, умоляю тебя.

Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал, только это было давным-давно.

Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю: что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни!

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть не отодрали однажды. Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал — десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. *(Бенедиктову.)* Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф зет. Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич. *(Бенедиктову.)* Прочитай «Напоминание». Преображенцы, вы любите поэзию, просите его.

Преображенцы улыбаются.

Салтыкова. Ах да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных рассказов о том, как кого-то отодрали...

Бенедиктов. Право, я... плохо помню наизусть...

Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.

Бенедиктов.

Нина, помнишь ли мгновенье,
Как певец усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой...
В шумной зале...

Ах, право, я забыл... Как... как...

Как вносил я в вихрь круженья
Пред завистливой толпой
Стан твой, полный обольщенья,
На ладони огневой.
И рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой
Дивной талии твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Океаном мне являлась
Негой зыблемая грудь, —
И на этом океане
В пене млечной белизны
Через дымку, как в тумане,
Рисовались две волны ..

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают.

Ты внимала мне приветно,
А шалун главы твоей
Русый локон незаметно
По щеке скользил моей,
Нина, помнишь те мгновенья,
Или времени поток
В море хладного забвенья
Все заветное увлек?

Кукольник. Браво, браво! Каков! Преображенцы, аплодируйте.

Все аплодируют.

Салтыкова. Блистательное произведение!

Богомазов. Прелестная поэма!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат *(Салтыковой).* К вам графиня Александра Кирилловна Воронцова.

Салтыкова. Проси в гостиную. *(Вставая.)* Простите, господа, я покину вас. Ежели угодно курить, прошу. *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыков с гостями переходит в библиотеку. Филат подает шампанское и трубки.

Кукольник. Здоровье первого поэта отечества?

Богомазов. Фора! Фора!

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич!

Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты шкаф зет полка тринадцатая переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф. *(Бенедиктову.)* Первые у меня в этом шкафу. *(Агафону.)* Не вздумай уронить на пол.

Агафон. Слушаю, Сергей Васильевич. *(Уходит.)*

Бенедиктов подавлен.

Долгоруков. Я совершенно разделяю ваше мнение, господин Кукольник, но мне, представьте, приходилось слышать утверждение, что первым является Пушкин.

Кукольник. Светские химеры!

Агафон появляется с томиком, влезает на стремянку у шкафа.

Салтыков. Вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там!

Агафон остается на стремянке.

Кукольник. Он давно уже ничего не пишет.

Долгоруков. Прошу прощения, как же так—не пишет? Вот недавно мне дали списочек с его последнего стихотворения. К сожалению, не полное.

Богомазов, Бенедиктов, Кукольник рассматривают листок. Преображенцы выпивают.

Кукольник. Боже мой, боже мой, и это пишет русский! Преображенцы, не подходите к этому листу.

Богомазов. Ай-яй-яй! *(Долгорукову.)* Дозвольте мне списать. Люблю, грешник, тайную литературу.

Долгоруков. Пожалуйста.

Богомазов *(усаживаясь к столу)*. Только, князь, никому! Тсс... *(Пишет.)*

Кукольник. Ежели сия поэзия пользуется признанием современников, то послушайся, Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Уйди в тот мир, где до сих пор звучат терцины божественного Алигьери! Протяни руку великому Франческо! Его канцоны вдохновят тебя! Пиши по-итальянски, Владимир.

Салтыкова *(выходя из гостиной)*. Все спорите, господа! *(Скрывается, пройдя столовую.)*

Богомазов. Браво, браво, Нестор Васильевич!

Бенедиктов. Из чего ты так кипятишься, Нестор?

Кукольник. Потому что душа моя не принимает несправедливости! У Пушкина было дарованье, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он растратил, разменял его! Он угасил свой малый светильник! Он стал бесплоден, как смоковница! И ничего не сочинит, кроме сих позорных строк. Единственно, что он сохранил,— это самонадеянность! И какой надменный тон! Какая резкость в суждениях! Мне жаль его!

Богомазов. Браво, браво! Трибун!

Кукольник. Я пью здоровье первого поэта отечества — Бенедиктова.

Воронцова *(на пороге библиотеки)*. Все, что вы говорили, неправда. *(Пауза.)* Ах, как жаль, что лишь немногим дано понимать превосходство перед собой необыкновенных людей... Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение! Но, увы, у него много завистников и врагов! И вы простите меня, но мне кажется, я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека. И, право, Бенедиктов — очень плохой поэт. Он пуст и неестественен...

Кукольник. Позвольте, графиня!

Долгоруков хихикает от счастья, завалившись за спину Богомазова.

Салтыкова *(возвращается в библиотеку)*. Ах, Александра Кирилловна. Позвольте вам представить литератора Нестора Васильевича Кукольника и Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Долгоруков от счастья давится. Преображенцы тихо отступают в столовую и исчезают из нее.

Воронцова. Ах, боже мой... Простите меня великодушно, я увлеклась... Простите... Милая Александра Сергеевна, я убегаю. *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыков идет за Воронцовой. Бенедиктов с искаженным лицом выходит в столовую. Кукольник — за ним.

Бенедиктов. Зачем ты повез меня на этот завтрак? Я сидел тихо дома... И все ты, и вечно ты...

Кукольник. Неужели ты можешь серьезно относиться к бредням светской женщины?

Салтыков. Агафон! Снимай обоих — и Пушкина и Бенедиктова — в ту комнату, в тринадцатый шкаф!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь. Дворец Воронцовой. Зимний сад. Фонтан. В зелени огни. Меж сетками порхают встревоженные птицы. В глубине колоннада, за ней пустынная гостиная. Издалека доносится стон оркестра, шорох толпы. У колоннады, неподвижен, негр в тюрбане. В самой чаще, укрывшись от взоров света, сидит на диванчике Долгоруков, в бальном наряде. Перед Долгоруковым шампанское. Долгоруков подслушивает разговоры в зимнем саду. Недалеко от колоннады сидит Пушкина, а рядом с ней — Николай I.

Николай I. Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!

Пушкина. Но отчего же?

Николай I. Сия искусственная природа напоминает мне подлинную, и тихое журчание ключей, и тень дубрав... Если бы можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и уйти в уединение лесов, в мирные долины! Лишь там, наедине с землей, может отдохнуть измученное сердце...

Пушкина. Вы утомлены.

Николай I. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжкое бремя я обречен нести!

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай I. Вы искренни? О да, о да. Разве могут такие ясные глаза лгать? Ваши слова я ценю, вы одна нашли их для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина. Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас...

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите! Это дружеский совет, поверьте мне!

Пушкина. Ваше участие — для меня большая честь!

Николай I. О, верьте мне, я говорю с открытым сердцем, с чистой душой. Я часто думаю о вас.

Пушкина. Стою ли я этой чести?

Николай I. Сегодня я проезжал мимо вашего дома, но шторы у вас были закрыты.

Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I. Я понимаю вас. Я не знаю почему, но каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновенье мелькнет в окне лицо...

Пушкина. Не говорите так....

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня.

Из гостиной выходит камер-юнкер, подходит к Николаю I.

Камер-юнкер. Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она отбывает с великой княжной Марией через десять минут.

Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается.

Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И, кроме того, когда я разговариваю, меня нельзя перебивать. Болван! Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского.

Камер-юнкер выходит. Николай I некоторое время один. Смотрит вдаль тяжелым взором. Жуковский, при звезде и ленте, входит, кланяясь.

Жуковский. Вашему императорскому величеству угодно было меня видеть?

Николай I. Василий Андреевич, я плохо вижу отсюда, кто этот черный стоит у колонны?

Жуковский всматривается. Подавлен.

Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично.

Жуковский вздыхает.

В чем он? Он, по-видимому, не понимает всей бессмысленности своего поведения. Может быть, он собирался вместе с другими либералистами в Convention Nationale[1] и по ошибке попал на бал? Или он полагает, что окажет мне слишком великую честь, ежели наденет мундир, присвоенный ему? Так ты скажи ему, что я силой никого на службе не держу. Ты что молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать: ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уж не знаю, общество ли на него повлияло или он на общество. Достаточно вспомнить стихи, которыми он радовал наших «друзей четырнадцатого декабря».

Жуковский. Ваше величество, это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, он стал вашим восторженным почитателем...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, я знаю твою доброту. Ты веришь этому, а я нет.

Жуковский. Ваше величество, будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...

Николай I. Ну нет, Василий Андреевич, такими стихами славы отечества не составишь. Недавно попотчевал. История Пугачева. Не угодно ли... Злодей истории не имеет. У него вообще странное пристрастие к Пугачеву. Новеллу писал, со орлом сравнил! Да что уж

[1] Конвент *(фр.)*.

тут говорить! Я ему не верю. У него сердца нет. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. *(Выходит в колоннаду.)*

Негр снимается с места, идет вслед за Николаем I. Жуковский подходит к колоннаде, смотрит вдаль, кому-то исподтишка грозит кулаком. Уходит.

Воронцова и Воронцов выходят навстречу Николаю I, кланяются.

Воронцова. Sire!..[1]

Воронцов. Votre Majesté Impériale!..[2]

Уходят. В зимний сад не со стороны колоннады, а сбоку пробирается в мундире и в орденах Богомазов, устремляется в чащу.

Долгоруков. Осторожнее, место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Долгоруков. Вы тоже. Ну что же, присаживайтесь. Что-что, а шампанское хорошее.

Богомазов. Бал-то каков? Семирамида, а? Любите, князь, балы?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!

Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите.

Долгоруков. Я вам не Петенька.

Богомазов. Ну что там — не Петенька. Вы, князенька, недавно пеленки пачкали, а я государю своему действительный статский советник.

Долгоруков. Я вынужден, ваше превосходительство, просить вас не выражаться столь тривиально.

Богомазов. На балу цвет аристократии, князь!

Долгоруков. На этом балу аристократов счетом пять человек, а несомненный из них только один я.

Богомазов. Одначе! Это как же? Любопытен был бы я знать.

---

[1] Государь... *(фр.)*

[2] Ваше императорское величество!.. *(фр.)*.

Долгоруков. А так, что я от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного.

Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы видеть, что вы от святого происходите. *(Указывает вдаль.)* Это кто, по-вашему, прошел, не аристократ?

Долгоруков. Уж на что лучше. У любовницы министра купил чин гофмейстера. При всей своей подлой наружности соорудил себе фортуну.

Богомазов. Хорошо, Петенька! А это? Ведь это княгиня Анна Васильевна?

Долгоруков. Она, она. Животрепещущая старуха! Ей, ведьме, на погост пора, она по балам скачет.

Богомазов. Ай да язык! С ней это Иван Кириллович?

Долгоруков. Нет, брат его, Григорий, известная скотина.

Богомазов. Смотрите, князь, услышит вас кто-нибудь — нехорошо будет.

Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу! Дворня! Холопия! Уж не знаю, кто из них гаже.

Богомазов. Ну конечно, где же им до святого мученика Петеньки!

Долгоруков. Вы не извольте остриться. *(Пьет.)* Сам был.

Богомазов. Его величество?

Долгоруков. Он.

Богомазов. С кем разговаривал?

Долгоруков. С арабской женой. Что было! Поздно изволили пожаловать.

Богомазов. А что?

Долгоруков. Руку гладил. Будет наш поэт скоро украшен опять.

Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина.

Долгоруков. Презираю. Смешно! Рогоносец. Здесь tete-a-tete[1], а он стоит у колонны в каком-то ка-

---

[1] Свидание наедине *(фр.)*.

нальском фрачишке, волосы склоченные, а глаза горят, как у волка. Дорого ему этот фрак обойдется!

Богомазов. Слушок ходил такой, князь Петр, что будто он на вас эпиграмму написал?

Долгоруков. Плюю на бездарные вирши! Тсс, тише.

В сад входит Геккерен, через некоторое время — Пушкина.

Геккерен. Я следил за вами и понял, почему вас называют северной Психеей. Как вы цветете!

Пушкина. Ах, барон, барон...

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?

Пушкина. О нет, я очень рада.

Пауза.

Геккерен. Он сейчас придет.

Пушкина. Я не понимаю! О ком вы говорите?

Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно. Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота! Верните мне сына. Посмотрите, что вы сделали с ним. Он любит вас.

Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.

Геккерен. Нет, нет, не уходите, он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами.

В сад входит Дантес. Геккерен отходит в сторону

Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти Вы беседовали с императором наедине?

Пушкина. Ради бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке. Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.

Пушкина. Я приду, приду. В среду в три часа. Отойдите от меня, ради всего святого.

Из колоннады выходит Гончарова.

Гончарова. Мы собираемся уезжать. Александр тебя ищет.

Пушкина. Да, да. Au revoir, monsieur le baron[1].

Геккерен. Au revoir, madame. Au revoir, mademoiselle.

Дантес. Au revoir, mademoiselle. Au revoir, madame.

Музыка загремела победоносно. Пушкина и Гончарова уходят.

Геккерен. Запомни все жертвы, которые я принес тебе. *(Уходит вместе с Дантесом.)*

В гостиной мелькнула Воронцова, к ней подходят, прощаясь, гости. Музыка внезапно обрывается, и сразу наступает тишина.

Долгоруков. Люблю балы, люблю.

Богомазов. Что говорить!

В сад оттуда, откуда выходил Богомазов, входит Воронцова. Она очень устала, садится на диванчик.

Долгоруков. Хорош посланник! Видали, какие дела делаются! Будет Пушкин рогат, как в короне! Сзади царские рога, а спереди Дантесовы! Ай да любящий приемный отец!

Богомазов. А и люто вы ненавидите его, князь! Ну мне, никому, клянусь, друг до гроба, — кто послал ему анонимный пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь роют два месяца, не могут понять кто. Лихо сделано! Ну, князь, прямо — кто?

Долгоруков. Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!

Богомазов. Будет, будет! Ну, до свидания, князь, а то огни начнут тушить.

Долгоруков. До свидания.

---

[1] До свидания, барон *(фр.)*.

Богомазов. Только, Петя, на прощание, говорю дружески: ой, придержите язык. *(Скрывается.)*

Долгоруков допивает шампанское, выходит из чаши.

Воронцова. Князь?

Долгоруков. Графиня...

Воронцова. Почему вы одни? Вы не скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, возможно ли скучать в вашем доме? Упоительный бал!

Воронцова. А мне взгрустнулось как-то.

Долгоруков. Графиня, вы огорчаете меня. Но это нервическое, уверяю вас.

Воронцова. Нет, грусть безысходна. Сколько подлости в мире! Вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать этого. Падение нравов — таков век, графиня! Но к чему эти печальные мысли?

Воронцова. Pendard![1] Висельник! Негодяй!

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей.

Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись... Вы радовались тому, что какой-то подлец посылает затравленному пасквиль... Вы сами сделали это! И если бы я не боялась нанести ему еще один удар, я бы выдала вас ему! Вас надо убить, как собаку! Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего дома! Вон! *(Скрывается.)*

Начинает убывать свет.

Долгоруков *(один)*. Подслушала. Ох, дикая кошка! Тоже, наверно, любовница его. Кто-то слышал за колонной. Да, слышал. А все он! Все из-за него! Ну ладно, вы вспомните меня! Вы вспомните меня все, клянусь вам! *(Хромая, идет к колоннаде.)*

---

[1] Негодяй! *(фр.)*.

Тьма. Потом из тьмы — свечи с зелеными экранами. Ночь. Казенный кабинет. За столом сидит Леонтий Васильевич Дубельт. Дверь приоткрывается, показывается жандармский ротмистр Ракеев.

Ракеев. Ваше превосходительство. Битков к вам.

Дубельт. Да.

Ракеев скрывается, и входит Битков.

Битков. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Дубельт. А наше вам почтенье. Как твое здоровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навестил?

Битков. Находясь в неустанных заботах, поелику...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено? Секретное наблюдение, какое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самую его квартиру.

Дубельт. Ишь, ловкач! По шее тебе не накостыляли?

Битков. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, — столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая — гостиная. В гостиной на фортепьяно лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепьяно? Какие же сочинения?

Битков. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. По левую руку от камина — Сова, ночная птица, Кавалерист-девица, История славного вора Ваньки-Каина... и о запое, и о лечении оного в наставление каждому... в университетской типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру.

Дубельт. Оставим книги. Далее.

Битков. Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку. «Приезжай ко мне немедленно, иначе будет беда». Подпись — Вильям Джук.

Дубельт звонит. Ракеев входит.

Дубельт. Василия Максимовича ко мне.

Ракеев выходит. Входит Василий Максимович, чиновник в статском.

Вильям Джук.

Василий Максимович. Уж все перерыли, ваше превосходительство, такого нету в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы к завтрему был.

Василий Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса, англичанин в Питере провалился.

Ракеев *(входит)*. Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич Богомазов по этому же делу.

Дубельт. Да.

Ракеев выходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Прошу прощения, ваше превосходительство. Отделение Джука ищет? Это Жуковский, он шуточно подписываться любит.

Дубельт *(махнув рукой Василию Максимовичу)*. Хорошо. *(Богомазову.)* Извольте подождать там, Иван Варфоломеевич, я вас сейчас приму.

Василий Максимович и Богомазов выходят.

Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника цесаревича воспитатель. Василий Андреевич Жуковский, действительный статский советник! Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство!..

Дубельт. Отделение взбудоражил. Тебе морду надо бить, Битков! Дальше.

Битков. Сегодня же к вечеру на столе появилось письмо, адресованное иностранцу.

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. В голландское посольство, господину барону Геккерену, Невский проспект.

Дубельт. Битков! *(Протягивает руку.)* Письмо, письмо мне сюда! Подай на полчаса.

Битков. Ваше превосходительство, как же так— письмо? Сами посудите — на мгновенье заскочишь в кабинет, руки трясутся. Да ведь он придет — письма хватится. Ведь это риск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. Точно узнай, когда будет доставлено письмо, кем, и кем будет в посольстве принято, и кем будет доставлен ответ. Ступай.

Битков. Слушаю. Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать.

Дубельт. Жалованье? За этого Джука с тебя еще получить следует. Ступай к Василию Максимовичу, скажи, что я приказал выписать тридцать рублей.

Битков. Что же тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...

Дубельт. «Иуда искариотский иде ко архиереям, они же обещаша сребреники дати...» И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйте хоть тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай и попроси ко мне Ивана Варфоломеевича Богомазова.

Битков уходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага?

Дубельт. Гадать грех. Это копия письма к Геккерену.

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Нет, это вы колдун. Как же это вы так искусно?

Богомазов. Черновичок лежал в корзине, к сожалению, неполное.

Дубельт. Благодарю вас. Отправлено?

Богомазов. Завтра камердинер повезет.

Дубельт. Еще что, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет le grand bourgeois... *(Вынимает бумагу.)* И тогда же Петя Долгоруков дал списать...

Дубельт. Хромоногий?

Богомазов. Он самый.

Дубельт. Так. Еще, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Воронцовский бал. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петьку внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нет! Холопами всех так и чешет. Вторую ногу ему переломить мало. Говорит, что от святого мученика происходит.

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Чрезвычайные услуги оказываете, Иван Варфоломеевич. Я буду иметь удовольствие о вас графу доложить.

Богомазов. Леонтий Васильевич, душевно тронут. Исполняю свой долг.

Дубельт. Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Да рубликов двести не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста выпишу для ровного счета, тридцать червонцев. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу.

Богомазов кланяется, уходит.

(Читает бумаги, принесенные Богомазовым.) «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя». *(Слышит что-то, глядит в окно, поправляет эполеты.)*

Дверь открывается, появляется жандарм Пономарев, вслед за ним в дверь входит Николай I, в кирасирской каске и шинели, а за Николаем — Бенкендорф.

Здравия желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше императорское величество, все обстоит в добром порядке.

Николай I. Проезжал с графом, вижу, у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель.

Пономарев принимает шинели Николая I и Бенкендорфа, уходит.

Николай I *(садясь)*. Садись, граф. Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт *(стоя)*. Слушаю, ваше величество.

Николай I. Над чем работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. А ты докладывай, я не буду мешать. *(Берет какую-то книгу, рассматривает.)*

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили приказать поставить к картине караул? К сожалению, в отрывках. *(Читает.)*

Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых —
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие — казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?..

Здесь пропуск.

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род адамов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не ведено сюда простой народ?

Бенкендорф. Как это озаглавлено?

Дубельт. Мирская власть.

Николай I. Этот человек способен на все, исключая добра. Ни благоговения к божеству, ни любви к отечеству... Ах, Жуковский! Все заступается... И как поворачивается у него язык!.. Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина. Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, у студента Андрея Ситникова при обыске найдено краткое стихотворение в копии, также подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное.

Николай I *(перелистывая книгу.)* Прочитай.

Дубельт *(читает).*

В России нет закона.
А — столб, и на столбе — корона.

Николай I. Это он?

Дубельт. В копии подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова персона.

Николай I. Ты прав. *(Дубельту.)* Расследуйте.

Бенкендорф. Есть что-нибудь срочное?

Дубельт. Как же, ваше сиятельство: не позднее послезавтрашнего дня я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Александром Сергеевичем Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем Геккереном-Дантес. Имею копию черновика оскорбительного письма Пушкина к барону Геккерену-отцу.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт *(читает).* «...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына. И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили...» Пропуск. «...Не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания...» Пропуск. «...Ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай. Имею честь быть...»

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бретёр, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт *(глянув на бумагу).* Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Николай I. Посланник... Прости, Александр

Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение!

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек. Ничем и никогда не смоет перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански. Поступить с дуэлянтами по закону. (*Встает.*) Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. Засиделся я, пора спать. *(Уходит в сопровождении Бенкендорфа.)*

Через некоторое время Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.

Дубельт. Золотое сердце.

Пауза.

Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?

Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем, чтобы взяли их с пистолетами и под суд. Примите во внимание — место могут изменить.

Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Дантес каков стрелок?

Дубельт. Туз — десять шагов.

Пауза.

Бенкендорф. Императора жаль.

Дубельт. Еще бы!

Пауза.

Бенкендорф (*вставая*). Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...

Дубельт. Слушаю, ваше сиятельство.

Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. *(Уходит.)*

Дубельт (один). «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...» «Не туда»!.. Тебе хорошо говорить... «Буря мглою небо кроет...» Не туда? (Звонит.)

Дверь приоткрывается.

Ротмистра Ракеева ко мне.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена. Ковры, картины, коллекции оружия. Геккерен сидит и слушает музыкальную шкатулку. Входит Дантес.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился. Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'étais très fatigué ces jours-ci[1]. У меня сплин. Вот уже третий день метель. Мне представляется, что, ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандришь. А это дурно!

Дантес. Снег, снег, снег... Что за тоска. Так и кажется, что на улицах появятся волки.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde, qui me donne, comme Petersbourg, le sentiment d'être à la maison[2]. Kor-

---

[1] В последнее время я чувствовал себя очень усталым *(фр.)*.

[2] Нет такого места на свете, как Петербург, где до такой степени я чувствую себя дома *(фр.)*.

да мне становится скучно, я запираюсь от людей, любуюсь, и скука убегает. Послушай, какая прелесть! Я сегодня купил.

Шкатулка играет.

Дантес. Не понимаю твоего пристрастия к этому хламу.

Геккерен. О нет, это не хлам. Я люблю вещи, как женщина тряпки. Да что с тобой?

Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем!

Дантес. Смешно говорить об этом. Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

Геккерен. Вот я и говорю: твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в доме появилась женщина, я стал беспокоен, у меня такое чувство, как будто меня выгнали из моего угла. Я потерял тебя, в дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne croyez pas de grâce que j'aie oublié cela...[1] Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен, ты растоптал покой.

Дантес. Это несносно. Посмотри, все смешалось и исчезло.

Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой давно бы отвернулся от тебя.

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О боже! Этого даже я не ожидал. Ты подумал о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того, что ты меня лишил покоя, но ты хочешь и вовсе разбить жизнь. Он бросит здесь беременную жену и похитит ее сестру! Чудовищно! Что же ты

---

[1] О, не думайте, что я забыл об этом... *(фр.)*.

сделаешь со мной? Вся карьера, все кончено! Все погибнет! Да нет, я не верю. Какая холодная жестокость! Какое себялюбие! Да, наконец, какое безумие!

Стук.

Да, да.

Слуга *(подает письмо)*. Вашему превосходительству. *(Уходит.)*

Геккерен. Одну минуту, ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

Геккерен читает письмо, роняет его.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

Дантес *(читает)*. Так... Так.

Пауза.

Геккерен. Как смеет! Он забыл, с кем имеет дело! Я уничтожу его!.. Мне?!

Пауза.

Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мной?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность.

Геккерен. Это бешеный зверь! Жорж, ты отдал меня в руки бретёра.

Дантес. О, не спеши. *(Отходит к окну.)* Все занесло, все погребено... Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я не понимаю, почему он вообразил, что он литератор. У него плохой стиль, я всегда это утверждал.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался на нас один раз. У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами. Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй! Ты никого не любишь, ты ищешь наслаждения! Не противоречь! Что мне делать

теперь? Вызывать его? Но как я гляну в лицо королю? Да даже ежели бы каким-нибудь чудом мне удалось убить его... Что делать?

Стук. Слуга вводит Строганова. Тот слепой. Слуга уходит.

Строганов. Mille excuses[1]... Простите, дорогой барон, что опаздываю к обеду, но послушайте, что делается... Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, вы мой желанный гость.

Строганов *(нащупав руку Дантеса)*. Это молодой барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен. Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это письмо.

Геккерен. О нет, ты не можешь вмешиваться, письмо адресовано мне. А граф — мой друг. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да. Наши враги распустили злокозненный слух, и это причина мерзкой выходки. Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне.

Строганов. Племянница моя обещала быть красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, оправдались ли эти надежды.

Геккерен. Я заранее прошу простить меня за то, что вы услышите сейчас. *(Читает.)* «...Вы отечески сводничали вашему сыну... подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...» Он чистое имя матери забрасывает грязью в злобе!.. Я не

[1] Тысяча извинений *(фр.)*.

знаю, кто этому безумцу нашептал, что я якобы подстрекал Жоржа! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью. Он осыпает его площадной бранью, он угрожает! Нет, я не могу читать больше.

Строганов. Не веришь, что это пишет русский дворянин. Ах, какой век! Какая разнузданность! Дорогой барон, он бросает перчатку не только вам. Ежели он пишет так представителю коронованной главы, он вызывает общество. Он карбонарий. Да, барон, это плохо. Это опасное письмо.

Геккерен. Что же я, полномочный королевский представитель, должен вызвать его? Граф, я теряюсь. Помогите советом. Мне вызывать?

Строганов. О нет.

Геккерен. Он бросается, как ядовитый зверь! Барон Дантес не подал ему повода!

Строганов. После этого письма, барон, уже не имеет значения, подавал ли барон Дантес ему повод или не подавал. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантеса могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. *(Геккерену.)* Вы должны написать ему, что его вызывает барон Дантес. А о себе прибавьте только одно — что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. Благодарю вас бесконечно, граф, мы слишком злоупотребили вашим вниманием. Но умоляю, оцените всю тяжесть оскорбления, которое нанесли. Пойдемте, граф, стол готов. *(Уводит Строганова.)*

Дантес один. Вдруг сбрасывает шкатулку на пол. Та отвечает ему стоном. Берет пистолет, стреляет в картину не целясь. Вбегает Геккерен.

Геккерен. Что ты делаешь?! Ах, сердце!

Дантес молча поворачивается и уходит.
Темно.

Из тьмы — багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост. Тишина и безлюдье. Через некоторое время на мост поднимается Геккерен. Встревожен. Что-то ищет взором вдали, собирается двинуться дальше. В этот момент донесся негромкий пистолетный выстрел. Геккерен останавливается, берется за перила. Пауза. Потом опять негромко щелкнуло вдали. Геккерен поникает.

Пауза.

На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана окровавленным платком.

Геккерен. Небо! О небо! Благодарю тебя! *(Крестится.)* Обопрись о меня. Платок, нá платок!

Дантес. Нет. *(Берется за перила, отплевывается кровью.)*

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился. Но ему не повезло...

На мост поднимается Данзас.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О да, о да.

Данзас. Кучер! Ты, в карете! Объезжай низом, там есть дорога! Что ты глаза вытаращил, дурак! Низом подъезжай к поляне! *(Убегает с мостика.)*

Геккерен *(тихо)*. А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

Темно.

Из тьмы — зимний день к концу. В квартире Пушкина у кабинетного камина в кресле — Никита, в очках, с тетрадью.

Никита *(читает)*. «На свете счастья нет...» Да, нету у нас счастья... «Но есть покой и воля...» Вот уж чего нету, так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой... «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Куда побег? Что это он замыслил?..

Входит Битков.

«Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Не разберу.

Битков. «В обитель дальнюю трудов и чистых нег». Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починял. Читали гостям эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко...

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом, надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Тебе-то чего беспокоиться? К обеду он тебя, что ли, звал? Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что ж ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. *(Уходит в глубь кабинета.)*

Колокольчик. Из столовой в гостиную входит Жуковский.

Никита. Ваше превосходительство, пожалуйте.

Жуковский. Как это — поехал кататься? Его нету дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. А детишки с нянькой к княгине пошли...

Жуковский. Да что же это такое, я тебя спрашиваю?

Входит Гончарова.

Гончарова. Бесценный друг! Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь... Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma santé est gatée parles attaques de nerfs...[1] И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помилуйте! Вчера как оглашенный скачет на извозчике, с извозчика кричит, что зайти ко мне не может, просит зайти к себе сегодня. Я откладываю дела, еду сюда, а он, изволите ли видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну простите его, я вас прошу, тут какая-то путаница. Право, вас следует расцеловать за хлопоты об Александре.

Жуковский. Ах, не надобно мне никаких поцелуев... Простите, забылся... Отрекаюсь на веки веков! Из чего я хлопочу, позвольте спросить! Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Кажется, умом он от природы не обижен, а ежели он теперь поглупел, так его драть надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с! Извольте-с. Третьего дни на бале государь... И что скажешь? Я сгорел от стыда... Извольте видеть, стоит у колонны во фраке и в черных портках... извините, Александра Николаевна. Никита!

Никита входит.

Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундир!

Никита. Они велели, не любят они мундир.

---

[1] Мое здоровье разрушено нервными припадками... *(фр.)*.

Жуковский. Мало ли чего он не любит. А может, он тебе халат велит подать? Это твое дело, Никита. Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... *(Уходит.)*

Жуковский. Скандал. Не любит государь фраков, государь фраков не выносит. Да он и права не имеет! Ему мундир по должности присвоен! Это недостойно, неприлично! Да что фрак! Он опять об отставке начал разговаривать. Нашел время! Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где история, которую он посулил? А тут опять про какие-то стихи его заговорили! Помните, что было?.. А у него доброжелателей множество! Поверьте, натрубят в уши!

Гончарова. Ужасно то, что вы говорите, Василий Андреевич! Но он так взволнован, так болен в последнее время... Так иногда глаза закроешь, и кажется, что летим в пропасть... Все запуталось...

Жуковский. Распутаться надобно, это блажь. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя искушать! Смотрите, Александра Николаевна, Наталье Николаевне скажите: оттолкнет от себя государя — потом не поправишь!

Гончарова. Чем отблагодарим вас, Василий Андреевич?

Жуковский. Да что благодарности!.. Я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь!.. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Ах, нет, нет... Как же так?.. Останьтесь, подождите, он сейчас придет, он сейчас придет...

Жуковский. И видеть его не намерен, да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится...

Жуковский. Ах, полно, Александра Николаевна. En cette dernière chose je ne compte guère[1]. *(Идет к*

---

[1] Ну, на это уж я не рассчитываю *(фр.)*.

дверям, видит на фортепьяно стопку книг.) Я этого еще не видел. Новый Онегин? А, хорошо!

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. А, хорошо. Очень хорошо.

Гончарова. Я уже гадала сегодня по этой книге.

Жуковский. Как это по книге гадают? Погадайте мне.

Гончарова. Назовите какую-нибудь страницу.

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну пятнадцатая.

Битков показывается у камина в кабинете.

Гончарова *(читает)*. «Познал я глас иных желаний...»

Жуковский. Мне? Верно...

Гончарова. «Познал я новую печаль...»

Жуковский. Верно, верно.

Гончарова. «Для первых нет мне упований...»

Битков *(шепотом)*. «А старой мне печали жаль...» *(Скрывается в кабинете.)*

Жуковский. А?

Гончарова. «А старой мне печали жаль».

Жуковский. Ах, ах... Как черпает мысль внутри себя! И ведь как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат, крылат! О полуденная кровь!.. Неблагодарный глупец. Сечь его! Драть!

Сумерки окутывают квартиру.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский *(читает)*. «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...»

Пушкина остановилась в дверях.

Нет, что-то не то... «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Еще приятнее в молчаньи ему готовить честный гроб...» Нет, не попали, Александра Николаевна. А, простите, Наталья Николаевна! Шумим, шумим, стихи читаем...

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть. Читайте на здоровье, я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших...

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

Пушкина. Кроме ваших, Василий Андреевич. Votre dernière ballade m'a fait un plaisir infini[1]...

Жуковский. Не слушаю, не слушаю!

В кабинете пробили часы.

Ах, батюшки! Мне к цесаревичу!.. Au revoir, chère madame, je m'apercois, que je suis trop bavard[2]...

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарствуйте, никак не могу. Au revoir, mademoiselle. Извольте же сказать ему! Прошу не провожать меня. *(Уходит.)*

Сумерки.

Гончарова. Таша, Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятности на бале из-за фрака.

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобой?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды для всей семьи.

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать.

---

[1] Ваша последняя баллада доставила мне бесконечное наслаждение... *(фр.)*

[2] До свидания... я замечаю, что слишком болтлив... *(фр.)*.

Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надобно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи... Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... и оставьте меня.

Гончарова. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу. Ты не любишь его.

Пушкина. Большей любви я дать не могу.

Гончарова. Увы, я знаю твои мысли. И мне больно за семью.

Пушкина. Ну и знай *(Пауза.)* Знай, что и сегодня я должна была с ним увидеться, а он не пришел. И мне скучно.

Гончарова. Вот на какой путь ты становишься!

Пушкина. Да что тебя волнует? Разве он одинок? Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю на это вот так... *(Подносит пальцы к глазам.)*

Гончарова. Ты с ума сошла! Не смей мне так говорить, не смей, не смей! Мне жаль его, его все бросили!..

Пушкина. Погляди мне в глаза...

Никита *(в дверях)*. Полковник Данзас просит вас принять его.

Пушкина. Откажи, не могу принять.

Данзас *(входит в шинели)*. Приношу мои извинения. Вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича. Он ранен. *(Никите.)* Ну что стоишь? Помогай вносить его! Только осторожно, не тряхните его.

Никита. Владычица небесная! Александра Николаевна, беда!

Данзас. Не кричи. Не тряхните его.

Никита убегает.

Велите дать огня.

Пушкина сидит неподвижно.

Гончарова. Огня! Огня!

Битков с зажженным канделябром появляется в дверях кабинета.

Данзас. Беги, помогай его вносить.

Битков убегает с канделябром. Из внутренних дверей появилась горничная девушка со свечой.
В кабинет из передней пробежал Битков с канделябром и скрылся в глубине, а вслед за ним группа людей в сумерках пронесла кого-то в глубь кабинета. Данзас тотчас закрыл дверь в кабинет.

Пушкина. Пушкин, что с тобой?

Данзас. Нет, нет, не входите, прошу вас. Он не велел входить, пока его не перевяжут. И не кричите. Вы его встревожите. *(Гончаровой.)* Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина *(упав на колени перед Данзасом)*. Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише, тише. Ведите ее.

Гончарова и горничная девушка увлекают Пушкину во внутренние комнаты. Битков выбегает из кабинета и закрывает за собой дверь.

(Вынимает деньги.) Лети на Миллионную, не торгуйся с извозчиком, к доктору Арендту, знаешь? И вези его сюда сию минуту. Ежели его нету, где хочешь достань доктора, какого ни встретишь, вези сюда.

Битков. Слушаю. Понял, ваше высокоблагородие.

На улице за окнами послышалась военная музыка.

(Бросается к окну.) Ах ты, господи! Гвардия идет. Не пропустят. Я черным ходом, проходным двором. *(Убегает.)*

Гончарова появляется.

Гончарова. Дантес? Говорите правду, что с ним?

Данзас Он ранен смертельно.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешены. Какой-то ящик, солома. Стоит диванчик. На диванчике, не раздевшись, спит Данзас. Все двери закрыты. С улицы доносится по временам глухой гул толпы. Из кабинета тихонько появляется Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на фортепьяно, подходит к окну, всматривается.

Жуковский. Ай-яй-яй...

Данзас. А? *(Садится.)* Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это натурально, сон в руку.

Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя.

Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. Уж будем отвечать по закону. *(Щупает эполеты.)* Прощайте. Эх, линейные батальоны, кавказские горы.

Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается. Толпы растут и растут. Кто бы мог ожидать.

Данзас. Я уж насмотрелся.

Из дверей во внутренние комнаты выходит Пушкина, с ней — горничная девушка.

Горничная девушка. Барыня, извольте идти к себе. Барыня, пожалуйте.

Пушкина *(девушке)*. Уйди.

Горничная девушка отходит.

(У дверей кабинета.) Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли!

Жуковский *(преградив Пушкиной дорогу)*. Наталья Николаевна, опомнитесь.

Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна... Он будет жить. Но надобно дать еще опию, чтобы прекратить страдания... И тотчас, тотчас вся семья на Полотняный завод... Почему они не кончают укладку... «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...» Приятно... приятно... в молчании... Забыла, все забыла... Пушкин, вели, чтоб меня впустили к тебе.

Жуковский. Наталья Николаевна.

Данзас *(в дверь столовой).* Владимир Иванович... Доктор Даль...

Даль входит.

Помогите нам.

Даль. Наталья Николаевна, вам здесь нечего делать... *(Берет склянку с фортепьяно, капает в рюмку лекарство.)* Пожалуйте, выпейте.

Пушкина отталкивает рюмку.

Так делать не годится. Вам станет легче.

Пушкина. Они не слушают меня. Я хочу говорить с вами.

Даль. Говорите.

Пушкина. Он страдает?

Даль. Нет, он более не страдает.

Пушкина. Не смейте меня пугать. Это низко... Вы доктор. Извольте помогать. Но вы не доктор, вы сказочник, вы пишете сказки... А мне не надобны сказки. Спасайте человека. *(Данзасу.)* А вы сами повезли его...

Даль. Уйдемте отсюда, я помогу вам.

Горничная девушка берет под руку Пушкину.

Пушкина. «Приятно дерзкой эпиграммой...» Все забыла... Александрине я не верю.

Даль и горничная девушка уводят Пушкину.

Данзас. Что она мне говорит?

Жуковский. Константин Карлович, как можно обращать внимание! Женщина, скорбная главой... Ведь ее заклюют теперь, заклюют...

Данзас. Но он не уехал бы от меня. Поверьте, я вызвал бы его. Но он не велел. И как вызовешь, когда завтра меня запрут.

Жуковский. Что вы говорите! Умножить горе хотите! Все кончено, Константин Карлович.

Из-за закрытых дверей очень глухо донесся тихий складный хор Данзас уходит через дверь в столовую и закрывает ее за собой. Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к окну.

Гончарова. А он этого не видит.

Жуковский. Нет, он видит, Александра Николаевна.

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к ней больше. Оденусь сейчас и выйду на улицу. Мне тяжело, я не могу здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу, это темный голос, Александра Николаевна. Разве можно ее бросить? Ее надо жалеть, ее люди загрызут теперь.

Гончарова. Да что вы меня мучаете?

Жуковский. Я вам не велю, идите, идите туда.

Гончарова уходит.

(Прислушивается к хору.) Что ты наделал... Да, земля и пепел... *(Садится, вынимает записную книжечку, берет перо с фортепьяно, записывает что-то.)* ...Не сиял острый ум... *(Сочиняет, бормочет.)* В этот миг предстояло как будто виденье... и спросить мне хотелось, что видишь...

Тихо входит Дубельт.

Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич.

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Вы собираетесь запечатать кабинет?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно на меня возложить опечатание и разбор бумаг... Я не понимаю. Я должен разбирать бумаги один... Помилуйте, зачем же другая печать?

Дубельт. А разве вам неприятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов станет рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц. Помилуйте, ведь меня могут назвать доносчиком. Вы посягаете на единственно ценное, что имею, — на доброе имя мое. Я доложу государю императору.

Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать вопреки повелению государя императора? Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич... Неужели вы думаете, что правительство может принять такую меру с целью вредить кому-нибудь? Не для вреда это предпринимается, Василий Андреевич. Не будем терять времени.

Жуковский. Повинуюсь.

Дубельт с канделябром входит в кабинет, потом возвращается, предлагает сургуч Жуковскому. Жуковский прикладывает печать. С улицы донесся звон стекла и шум.

Дубельт *(тихо)*. Эй.

Портьера внутренних дверей отодвигается, и появляется Битков.

Ты кто таков, любезный?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.

Битков. Слушаю. *(Скрывается.)*

Дубельт начинает запечатывать дверь.

Жуковский. Кто мог ожидать, чтобы смерть его вызвала такие толпы... Всенародная печаль... Я полагаю, тысяч десять перебывало сегодня здесь.

Дубельт. По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебывало сорок семь тысяч человек.

Пауза.

Битков *(входит)*. Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина, а тут доктор выходил — какой-то швырнул кирпичом, фонарь разбили.

Дубельт. Ага.

Битков скрывается.

Ах, чернь, чернь...

Хор за дверями вдруг послышался громче.

(У дверей во внутренние комнаты.) Пожалуйте, господа.

Внутренние двери открываются, в гостиную входят один за другим в шинелях, с головными уборами в руках десять жандармских офицеров.

К выносу, господа, прошу. Ротмистр Ракеев, потрудитесь руководить выносом. А вас, полковник, прошу остаться здесь. Примите меры, чтобы всякая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно и незамедлительно.

Офицеры вслед за Ракеевым начинают выходить в столовую, кроме одного, который возвращается во внутренние комнаты.

А вы, Василий Андреевич, останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении...

Жуковский. Нет, я хочу нести его. *(Уходит.)*

Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбанты, идет к дверям столовой.

Темно.

Ночь на Мойке. Скупой и тревожный свет фонарей. Окна квартиры Пушкина за занавесами налиты светом. Подворотня. У подворотни тише, а кругом гудит и волнуется толпа. Полиция сдерживает толпу. Внезапно появляется группа студентов, пытается пробиться к подворотне.

Квартальный. Нельзя, господа студенты, назад! Доступа нет.

Возгласы в группе студентов: «Что такое? Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?»

Назад! Иваненко, сдерживай их! Не приказано. Не приказано пускать студентов.

Внезапно из группы студентов выделяется один и поднимается на фонарь.

Студент *(взмахнув шляпой)*. Сограждане, слушайте! *(Достает листок, заглядывает в него.)* «Не вынесла душа поэта позора мелочных обид...

Гул в толпе стихает. Полиция от удивления застыла.

Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и убит».

В группе студентов крикнули: «Шапки долой!»

Квартальный. Господин! Что это вы делаете?

Студент. «Убит. К чему теперь рыданья, похвал и слез ненужный хор... И жалкий лепет...»

Засвистел полицейский.

Квартальный. Снимайте его с фонаря!

В толпе смятение. Женский голос в толпе: «Убили!»

Студент. «Не вы ль сперва так долго гнали...»

Свист. Полиция бросается к фонарю. Толпа загудела. В толпе крикнули: «Беги!»

Караульный. Чего глядите? Бери его!

Студент. «Угас, как светоч, дивный гений...» *(Слова студента тонут в гуле толпы.)* «...Его убийца хладнокровно навел удар... Спасенья нет». *(Скрывается.)*

Крик: «Держи его!» Полицейские бросаются вслед за студентом. Окна квартиры Пушкина начинают гаснуть. В то же время на другой фонарь поднимается офицер в армейской форме.

Офицер. Сограждане! То, что мы слышали сейчас, правда. Пушкин умышленно и обдуманно убит. И этим омерзительным убийством оскорблен весь народ...

Квартальный. Замолчать!

Офицер. Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками...

Полиция засвистела пронзительно во всех концах. В подворотне появляется Ракеев.

Ракеев. Эге-ге. Арестовать!

Появились жандармы. Офицер исчезает. В тот же момент послышался топот лошадей. Крик в толпе: «Затопчут!» Толпа шарахнулась, заревела.

Тесните толпу!

Пространство перед подворотней очистилось. Окна квартиры Пушкина угасли, а подворотня начала наливаться светом. Стихло. И тут же из подворотни потекло тихое, печальное пение, показались первые жандармские офицеры, показались первые свечи.

Темно.

Пение постепенно переходит в свист вьюги. Ночь. Глухая почтовая станция. Свеча. Огонь в печке. Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть в метели. За окошком мелькнул свет фонарей, послышались глухие голоса. Первым входит станционный смотритель с фонарем и пропускает вперед себя Ракеева и Александра Тургенева. Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Тургенев бросается к огню, греет руки.

Смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого.

Ракеев. А это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай? Налейте мне, ради бога, стакан.

Ракеев. И мне стакан, только поскорее. Через час дашь лошадей, под возок тройку и под... это... пару.

Тургенев, обжигаясь, пьет чай.

Смотритель. Тройку-то ведь, ваше...

Ракеев. Через час дашь тройку. *(Берет стакан, пьет.)*

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... Часы-то есть у тебя? Через час нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. О да, да, я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше и дай знать жандарму.

Смотритель. Понял, понял, слушаю!

Ракеев *(смотрительше)*. А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там любопытного нету.

Смотритель. Нечего, нечего... Слушаю. Пожалуйте на чистую половину.

Смотрительша открывает дверь, входит в другую комнату, зажигает там свечку, возвращается. Ракеев идет в другую комнату, Тургенев — за ним.

Тургенев. Боже мой!

Дверь за Тургеневым и Ракеевым закрывается.

Смотрительша. Кого, кого это они?

Смотритель. Ежели ты на улицу выглянешь, я тебя вожжой. Беду с тобой наживешь. Вот оказия навязалась! И нужно же было им по этому тракту... Выглянешь — я тебе... Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела...

Станционный смотритель уходит. Смотрительша тотчас припадает к окошку. Наружная дверь открывается, в нее осторожно заглядывает Пономарев, потом входит.

Пономарев. Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на пятак, кости замерзли.

Смотрительша наливает стакан водки, подает огурцы.

(Выпивает, закусывает, трет руки.) Давай второй.

Смотрительша *(наливая)*. Да что же вы так? Вы бы сели и обогрелись.

Пономарев. Обогреешься тут.

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя. Все равно как Ева... *(Пьет, дает смотрительше деньги и уходит.)*

Смотрительша набрасывает платок и уж собирается выйти наружу, как в дверях показывается Битков. Он в шубенке, уши у него под шапкой повязаны платком.

Битков. Заснули? *(Охает, подходит к огню.)*

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, чего ты спрашиваешь? *(Садится, разматывая платок.)* Ты смотрительша? То-то я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Анна Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф!

Смотрительша подает штоф, хлеб, огурцы.

(Жадно пьет, снимает шубенку.) Что же это такое, а? Пресвятая богородица... Пятьдесят пять верст... Вот связала.

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. *(Пьет.)* Ведь это рыбий мех, да нешто это мыслимо?

Смотрительша. Ну никому, ну никому, язык отсохни, никому не скажу! Кого везете?

Битков. Не твое дело, а государственное.

Смотрительша. И что же это вы нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете!

Битков. Об нас горевать не будут, а ему теперь не холодно. *(На цыпочках подходит к внутренней двери и прислушивается.)* Захрапели, это зря. Ведь сейчас же будить!

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но-но-но... у меня выпытывать. Это, тетка, не твое дело, это наше занятие. *(Пауза.)* В Святые Горы. Как его закопают, ну, тут и мою душу наконец на покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а

меня в отпуск. Ах, сколько я стихов перечил, будь они неладны.

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите?

Битков *(выпивает, пьянеет).* Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому покоя... ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему Степану Ильичу... Я ведь за ним всюду... Но не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие...

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну-ну-ну... Ну что с бабой разговаривать? Ох, дура!

Смотрительша. Да что вы ругаетесь?

Битков. Да как же тебя не ругать... А впрочем, может быть, ты и не дура... Только я на него зла не питал, вот крест. Человек как человек. Одна беда — эти стихи... А я за ним всюду, даже и на извозчиках гонял. Он на извозчика, а я на другого — прыг! Он и не подозревает. Потеха!

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер. Теперь-то вы чего же за ним?

Битков. Во избежание. Помер... Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст... Вот тебе и помер... Я и то опасаюсь: зароем мы его, а будет ли толк... Опять, может, спокойствия не настанет...

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень. *(Пауза.)* Что это меня мозжит?.. Налей-ка мне еще... Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился. Пулю-то он ему в живот засадил...

Смотрительша. Ай-яй-яй...

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не кричать, жена чтобы не услыхала. А потом стих. *(Пауза.)* Только, истинный бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я. Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял,— один чтобы. Умные. Зна-

ют, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на Речку, а там уж его дожидаются. *(Пауза.)* Меня не было. *(Пауза.)* А в ихний дом мне теперь не ходить больше. Квартира там теперь пустая, чисто.

Смотрительша. А этот господин-то с вами?

Битков. Александр Иванович, господин Тургенев, сопровождающий. Никого не пустили. Ему одному велено. Господин Тургенев.

Смотрительша. А старичок-то?

Битков. Камердинер его.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Уж мы с ним бились, бились, бросили. Караулит, не отходит. Я ему вынесу. *(Встает.)* Ой, буря... Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...» Слышишь, верно, как дитя. Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков *(швыряет на стол деньги широким жестом).* «То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко...»

Входит станционный смотритель. Подбегает к внутренним дверям, стучит.

Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать, ехать...

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев.

Ракеев. Ехать.

Конец

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пьеса в четырех действиях

Действуют:

Пушкина.
Гончарова.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Горничная девушка.
Битков.
Никита.
Дантес.
Шишкин.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Жуковский.
Геккерен.
Дубельт.
Бенкендорф.
Раксев.
Пономарев.
Строганов.
Данзас.
Даль.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Тургенев.
Воронцов.
Филат.
Агафон.
Преображенец 1.
Преображенец 2.
Негр.
Камер-юнкер.

Василий Максимович.
Слуга.
Квартальный.
Жандармские офицеры.
Жандармы.
Полиция.
Группа студентов.
Толпа.

Действие происходит в конце января и в начале февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной.

Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепиано, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов.

Часы под руками Биткова то бьют, то играют.

Гончарова тихо наигрывает на фортепиано и напевает.

За окном слышна вьюга

Гончарова *(напевает)*. ...И печальна, и темна... что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...

Битков. Какая чудная песня. Сегодня я чинил тоже у Праченного мосту, на мосту иду, господи!.. крутит! вертит! И в глаза, и в уши!..

Пауза.

Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воет в трубе, истинный Бог, как дитя... Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просит принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могут.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?.

Гончарова. Ах ты. Боже мой, вспомнила... Проси сюда.

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя... ах, разорение. *(Уходит.)*

Пауза.

Шишкин *(входя)*. Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погодка-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. Vcuillez-vous s'assecoir, monsieur...[1]

Шишкин. Парле рюс, мадемаузель[2]. Благодарствуйте (Садится.) Погодка то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача! Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Присаживайтесь сударь... *(фр.)*.

[2] Parlez russe, mademoiselle. — Говорите по-русски, сударыня. *(фр.)*

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчугу и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надобно входить. Ведь туловище-то прокормить надо? А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать, Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали. Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро, может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощения, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну помилуйте, как же нам без вещей остаться? Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну, что же, извольте. *(Идет вслед за Гончаровой.)* Квартирка славная какая! Что плотите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато! *(Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.)*

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепиано, рассматривает ноты. Поколебавшись, входит в кабинет, читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Выходит Гончарова, за ней Шишкин — с узелком.

Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... да они знают. Оревуар, мадемуазель.

Гончарова. Au revoir, monsieur...[1]

Шишкин уходит.

Битков *(закрывает часы, кладет инструменты в сумку)*. Готово, барышня, живут. А в кабинете... я уж завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Гончарова у камина. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну, что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Пауза.

Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мною?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно... Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыгину за бюро платить надобно? А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот

[1] До свидания, сударь.. *(фр.)*.

вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают, ты надоел мне, и без тебя голова вихрем идет. Как не надоесть за тридцать лет!

Пауза.

Гончарова. Ну, Наталье Николаевне скажи.

Никита. Не буду я говорить Наталье Николаевне, не поедет она.

Пауза.

А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор, и удобство...

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит.

Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик.

В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней — Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита *(глухо, в глубине кабинета)*. Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. *(Выходит в гостиную.)* Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова *(выходит)*. Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(У двери кабинета.) On entre? *(Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.)* Alexandre, êtes-vous indisposé?[4] Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? *(Выхо-*

[4] Можно войти? <...> Александр, вам нездоровится? *(фр.)*

дит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках.) Раздевай барина. *(Отходит к камину, ждет.)*

Никита некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за собою дверь.

(Входит в кабинет. Слова ее слышны там глухо.) Все благополучно. Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу.

Никита *(подавая письмо).* Письмо Алек...

Гончарова *(грозит Никите, берет письмо).* А, от портнихи... Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну, чего ты стал, ступай. *(Тихо.)* Тебе сказано, не подавать писем?

Никита выходит.

(Возвращается в кабинет.) Бог с вами, Александр, говорю же, от портнихи. Право, я пошлю за лекарем. Дайте, я вас перекрещу. Что? Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет.
Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой. Читает письмо. Прячет.

Кто эти негодяи? Опять, Боже праведный! *(Пауза.)* В деревню надобно ехать, он прав.

Послышался стук. Глухо — голос Никиты.
Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепиано. Близоруко щурится.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить.

Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло снегом.

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну, что ты так смотришь?

Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Ah, mon Dieu![1] Азя, это смешно. Ну что худого в том, что beau frère[2] меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной. Пушкина читает, шепчет.

Он не видел?

Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать.

Пушкина. Ах, старый дуралей! (*Бросает письмо в камин.*) Несносные люди! Кто это делает?

Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну, хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда.

Гончарова. Таша, поедем в деревню.

Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет. Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Гончарова. Тебе нельзя видеться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутаны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Натурально, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

---

[1] Ах, Боже мой! *(фр.)*.

[2] Свояк *(фр.)*.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. *(Уходит.)*

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, с палашом, запорошен снегом, держит в руках женские перчатки.

Пушкина *(шепотом)*. Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес *(говорит с сильным акцентом)*. Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. *(Кладет перчатки на фортепиано, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)*

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми. *(Подбегает к двери кабинета, прислушивается.)* На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. Chaque instant de la vie est un pas vers la mort[1]. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит. Он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя — он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах, что будет со мною?

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклинайте меня.

Пушкина. Уйдите!

---

[1] Каждое мгновение жизни — это шаг к смерти *(фр.)*.

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело. Надлежит слушать. Там... да. Иные страны. Скажите мне только одно слово — и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и преступны, вы и безумны! Ваши поступки не делают вам чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим.

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна... ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой в зимнем саду подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит.

(Прислушивается). Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что не скажет. *(Подбегает к окну, смотрит в него.)* О горькая отрава! *(Подходит к двери кабинета, прикладывает ухо.)* Спит. *(Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)*

Тьма.

Потом из тьмы — зимний день.

Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В столовой накрыт завтрак.

Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта — Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич...

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы, двое — сыновья Салтыкова, — улыбаются.

Салтыкова. Enchantée de vous voir...[1] Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым *(скромным человеком в вицмундире)* подходит к руке Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна. *(Подходит к руке Салтыковой.)* А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов *(Долгорукову)*. Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов *(Кукольнику)*. Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики — яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

---

[1] Очень рада вас видеть *(фр.)*.

Кукольник *(тихо, Бенедиктову).* Ну, брат, насмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова. Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается.

Преображенцы улыбаются.

Салтыков *(сам себе).* Да-с, не угодно ли? Секундус парс! Секундус! [1] *(Смеется сатанинским смехом и выходит.)*

Бенедиктов бледнеет

Салтыкова. Mon mari...[2]

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться. Знаем, знаем... На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова *(Бенедиктову).* Мой муж — страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемоний.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом.

Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! *(Стучит по фолианту.)* Секундус парс! Секундус! Преднамеренная опечатка! Корпус юрис романи[3]. Эльзевир. *(Преображенцам.)* Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

---

[1] Secundus pars! Secundus! Второй часть! Второй! *(лат.)* Салтыков говорит о типографской опечатке. Правильно «secunda pars» — вторая часть, так как «pars» женского рода. *(Достоверный факт — у графа Салтыкова действительно была книга с указанной опечаткой.)*

[2] Мой муж... *(фр.).*

[3] Corpus juris romani — Свод римского права *(лат.)*

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. *(Ставит книгу на камин. Салтыковой.)* Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Закусывают.

Салтыкова. Прошу к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков *(глядя на руку Кукольника)*. А, вас можно поздравить?

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенек.

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее... Филат! Что там на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова. Серж, ну что ты говоришь?

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе.

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры... Только что видел... проезжал по Невскому... le grand bourgeois[1], в саночках, кучер Антип.

Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора, Сергей Васильевич?

Салтыков. Да, его.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет. Антип кучер у императора.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же, что и с лошадью?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. *(Бенедиктову.)* Итак, изволите заниматься поэзией?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь!

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. *(Салтыковой.)* Ты напрасно так спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать.

Салтыкова. Перестань, умоляю тебя.

Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал, только это было давным-давно.

Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю: что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут.

---

[1] Первый буржуа *(фр.)*.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни!

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть не отодрали однажды. Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. *(Бенедиктову.)* Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф зет. Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич. *(Бенедиктову.)* Прочитай «Напоминание». Преображенцы, вы любите поэзию, просите его.

Преображенцы улыбаются.

Салтыкова. Ах да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных рассказов о том, как кого-то отодрали.

Бенедиктов. Право, я... я плохо помню наизусть...

Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.

Бенедиктов.

Нина, помнишь ли мгновенье,
Как певец усердный твой
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой...
В шумной зале...

Ах, право, я забыл... как... как...

Как вносил я в вихрь круженья
Пред завистливой толпой
Стан твой, полный обольщенья,
На ладони огневой.
И рука моя лениво
Отделялась от огней
Бесконечно прихотливой
Дивной талии твоей;
И когда ты утомлялась
И садилась отдохнуть,
Океаном мне являлась
Негой зыблемая грудь, —
И на этом океане
В пене млечной белизны
Через дымку, как в тумане,
Рисовались две волны...

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают.

Ты внимала мне приветно,
А шалун главь твоей,
Русый локон незаметно
По щеке скользил моей.
Нина помнишь те мгновенья,
Или времени поток
В море хладного забвенья
Все заветное увлек?

Кукольник. Браво, браво! Каков! Преображенцы, аплодируйте.

Аплодируют.

Салтыкова. Блистательное произведение!

Богомазов. Прелестная поэма!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат *(Салтыковой)*. К вам графиня Александра Кирилловна Воронцова.

Салтыкова. Проси в гостиную. *(Вставая.)* Простите, господа, я покину вас. Ежели угодно курить, прошу. *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыков с гостями переходит в библиотеку. Филат подает шампанское и трубки.

Кукольник. Здоровье первого поэта отечества?

Богомазов. Фора! Фора!

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич!

Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты шкаф зет полка тринадцатая переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф. *(Бенедиктову)* Первые у меня в этом шкафу. *(Агафону)* Не взду май уронить на пол.

Агафон. Слушаю, Сергей Васильевич. *(Уходит.)*

Бенедиктов подавлен.

Долгоруков. Я совершенно разделяю ваше мне

ние, господин Кукольник, но мне, представьте, приходилось слышать утверждение, что первым является Пушкин.

Кукольник. Светские химеры!

Агафон появляется с томиком, влезает на стремянку у шкафа.

Салтыков. Вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там!

Агафон остается на стремянке.

Кукольник. Он давно уже ничего не пишет.

Долгоруков. Прошу прощения, как же так не пишет? Вот недавно мне дали списочек с его последнего стихотворения. К сожалению, не полное.

Богомазов, Бенедиктов, Кукольник рассматривают листок. Преображенцы выпивают.

Кукольник. Боже мой, боже мой, и это пишет русский! Преображенцы, не подходите к этому листку.

Богомазов. Ай-яй-яй! *(Долгорукову.)* Дозвольте мне списать. Люблю, грешник, тайную литературу.

Долгоруков. Пожалуйста.

Богомазов *(усаживаясь к столу)*. Только, князь, никому, тссс... *(Пишет.)*

Кукольник. Ежели сия поэзия пользуется признанием современников, то послушайся, Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Уйди в тот мир, где до сих пор звучат терцины божественного Аллигиери! Протяни руку великому Франческо! Его канцоны вдохновят тебя! Пиши по-итальянски, Владимир!

Салтыков. Агафон! В итальянском шкафу у нас есть место?

Агафон. Есть, Сергей Васильевич.

Салтыкова *(выходя из гостиной)*. Все спорите, господа! *(Скрывается, пройдя столовую.)*

Богомазов. Браво, браво, Нестор Васильевич!

Бенедиктов. Из чего ты так кипятишься, Нестор?

Кукольник. Потому что душа моя не принимает несправедливости! У Пушкина было дарованье, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он растратил, разменял его! Он угасил свой малый светильник... он стал бесплоден, как смоковница... И ничего не сочинит, кроме сих позорных строк! Единственное, что он сохранил, это самонадеянность! И какой надменный тон, какая резкость в суждениях! Мне жаль его.

Богомазов. Браво, браво, трибун!

Кукольник. Я пью здоровье первого поэта отечества Бенедиктова.

Воронцова *(на пороге библиотеки)*. Все, что вы говорили, неправда.

Пауза.

Ах, как жаль, что лишь немногим дано понимать превосходство перед собой необыкновенных людей... Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение!.. Но, увы, у него много завистников и врагов! И вы простите меня, но мне кажется, я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека. И, право, Бенедиктов очень плохой поэт. Он пуст и неестественен...

Кукольник. Позвольте, графиня!

Долгоруков хихикает от счастья, завалившись за спину Богомазова. Салтыкова возвращается в библиотеку.

Салтыкова. Ах, Александра Кирилловна. Позвольте вам представить литераторов Нестора Васильевича Кукольника и Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Долгоруков от счастья давится.
Преображенцы тихо отступают в столовую и исчезают из нее.

Воронцова. Ах, Боже мой... Простите меня великодушно, я увлеклась... простите, милая Александра

Сергеевна, я убегаю, я убегаю... *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыкова идет за ней.
Бенедиктов с искаженным лицом выходит в столовую. Кукольник идет за ним.

Бенедиктов. Зачем ты повез меня на этот завтрак? Я сидел тихо дома... а все ты, и вечно ты...

Кукольник. Неужели ты можешь серьезно относиться к бредням светской женщины?

Салтыков *(в библиотеке)*. Агафон! Снимай обоих, и Пушкина и Бенедиктова, в ту комнату, в шкаф зет...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь. Дворец Воронцовой. Зимний сад. Фонтан. В зелени огни. Меж сетками порхают встревоженные птицы. В глубине колоннада, за ней пустынная гостиная. Издалека доносится стон оркестра, шорох толпы. У колоннады, неподвижен, негр в тюрбане.
В самой чаще, укрывшись от взоров света, сидит на диванчике Долгоруков, в бальном наряде. Перед Долгоруковым шампанское. Долгоруков подслушивает разговоры в зимнем саду.
Недалеко от колоннады сидит Пушкина, а рядом с ней — Николай I.

Николай I. Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!

Пушкина. Но отчего же?

Николай I. Сия искусственная природа напоминает мне подлинную, и тихое журчание ключей, и тень дубрав... Если бы можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и уйти в уединение лесов, в мирные долины! Лишь там, наедине с землей, может отдохнуть измученное сердце...

Пушкина. Вы утомлены.

Николай I. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжкое бремя я обречен нести...

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай I. Вы искренни? О да, о да. Разве могут такие ясные глаза лгать? Ваши слова я ценю, вы одна нашли их для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина. Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас...

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите! Это дружеский совет, поверьте мне!

Пушкина. Ваше участие для меня большая честь.

Николай I. О, верьте мне, я говорю с открытым сердцем, с чистой душой. Я часто думаю о вас.

Пушкина. Стою ли я этой чести?

Николай I. Сегодня я проезжал мимо вашего дома, но шторы у вас были закрыты.

Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I. Я понимаю вас. Я не знаю, почему, но каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновенье мелькнет в окне лицо...

Пушкина. Не говорите так....

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня.

Из гостиной выходит камер-юнкер, подходит к Николаю I.

Камер-юнкер. Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она отбывает с великой княжной Марией через десять минут.

Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается.

Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И, кроме того, когда я разговариваю, меня нельзя

перебивать. Болван! Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского.

Камер-юнкер выходит.

Николай I некоторое время один. Смотрит вдаль тяжелым взором.

Жуковский, при звезде и ленте, входит, кланяясь.

Жуковский. Вашему императорскому величеству угодно было меня видеть?

Николай I. Василий Андреевич, скажи я плохо вижу отсюда, — кто это черный стоит у колонны?

Жуковский всматривается. Подавлен.

Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично?

Жуковский вздыхает.

В чем он? Он, по-видимому, не понимает всей бессмысленности своего поведения. Может быть, он собирался вместе с другими либералистами в Convention Nationale[1] и по ошибке попал на бал? Или он полагает, что окажет мне слишком великую честь, ежели наденет мундир, присвоенный ему? Так ты скажи ему, что я силой никого на службе не держу. Ты что молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать — ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уж не знаю, общество ли на него повлияло или он — на общество. Достаточно вспомнить стихи, которыми он радовал наших друзей четырнадцатого декабря.

---

[1] в Национальный конвент *(фр.)*.

Жуковский. Ваше величество, это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, он стал вашим восторженным почитателем...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, я знаю твою доброту. Ты веришь этому, а я нет.

Жуковский. Ваше величество, будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...

Николай I. Ну, нет, Василий Андреевич, такими стихами славы отечества не составишь. Недавно попотчевал... «История Пугачева». Не угодно ли? Злодей истории не имеет. У него вообще странное пристрастие к Пугачеву. Новеллу писал, со орлом сравнил! Да что уж тут говорить! Я ему не верю. У него сердца нет. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. *(Выходит в колоннаду.)*

Негр снимается с места, идет вслед за Николаем I.
Жуковский подходит к колоннаде, смотрит вдаль, кому-то исподтишка грозит кулаком.
Воронцова и Воронцов выходят навстречу Николаю I, кланяются.

Воронцова. Sire!..[1]

Воронцов. Votre Majesté Impériale!..[2]

Уходят.
В зимний сад, не со стороны колоннады, а сбоку, пробирается в мундире и в орденах Богомазов, устремляется в чашу.

Долгоруков. Осторожнее, место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Долгоруков. Вы тоже. Ну что же, присаживайтесь. Что-что, а шампанское хорошее.

---

[1] Государь... *(фр.)*.

[2] Ваше императорское величество!.. *(фр.)*.

Богомазов. Бал-то каков? Семирамида, а? Любите, князь, балы?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!

Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите!

Долгоруков. Я вам не Петенька.

Богомазов. Ну, что там не Петенька. Вы, князенька, недавно пеленки пачкали, а я государю своему действительный статский советник.

Долгоруков. Я вынужден, ваше превосходительство, просить вас не выражаться столь тривиально.

Богомазов. На балу цвет аристократии, князь!

Долгоруков. На этом балу аристократов счетом пять человек, а несомненный из них только один я.

Богомазов. Одначе! Это как же? Любопытен был бы я знать.

Долгоруков. А так, что я от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного!

Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы видеть, что вы от святого происходите. *(Указывает вдаль.)* Это кто, по-вашему, прошел, не аристократ?

Долгоруков. Уж на что лучше. У любовницы министра купил чин гофмейстера. При всей своей подлой наружности соорудил себе фортуну!

Богомазов. Хорошо, Петенька, а это? Ведь это княгиня Анна Васильевна?

Долгоруков. Она, она. Животрепещущая старуха! Ей, ведьме, на погост пора, она по балам скачет!

Богомазов. Ай да язык! С ней это Иван Кириллович?

Долгоруков. Нет, брат его, Григорий, известная скотина.

Богомазов. Смотрите, князь, услышит вас кто-нибудь, нехорошо будет.

Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу! Дикость монгольская, подлость византийская, только что штаны европейские... Дворня! Холопия! Уж не знаю, кто из них гаже!

Богомазов. Ну конечно, где же им до святого мученика Петеньки!

Долгоруков. Вы не извольте остриться.

Пьют.

Сам был.

Богомазов. Его величество?

Долгоруков. Он.

Богомазов. С кем разговаривал?

Долгоруков. С арабской женой. Что было!.. Поздно изволили пожаловать.

Богомазов. А что?

Долгоруков. Руку гладил. Будет наш поэт скоро украшен опять.

Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина.

Долгоруков. Презираю. Смешно! Рогоносец. Здесь тет-а-тет [1], а он стоит у колонны в каком-то канальском фрачишке, волосы всклокоченные, а глаза горят, как у волка... Дорого ему этот фрак обойдется!

Богомазов. Слушок ходил такой, князь Петр, что будто он на вас эпиграмму написал?

Долгоруков. Плюю на бездарные вирши. Тссс, тише.

В сад входит Геккерен, через некоторое время — Пушкина.

Геккерен. Я следил за вами и понял, почему вас называют северной Психеей. Как вы цветете!

Пушкина. Ах, барон, барон...

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?

Пушкина. О нет, я очень рада.

Пауза.

Геккерен. Он сейчас придет.

Пушкина. Я не понимаю, о ком вы говорите?

---

[1] tete-a-tete. — Свидание наедине *(фр.)*.

Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно? Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота! Верните мне сына. Посмотрите, что вы сделали с ним. Он любит вас.

Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.

Геккерен. Нет, нет, не уходите, он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами.

В сад входит Дантес. Геккерен отходит в сторону.

Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти. Вы беседовали с императором наедине?

Пушкина. Ради бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке. Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.

Пушкина. Я приду, приду... в среду, в три часа... Отойдите от меня, ради всего святого.

Из колоннады выходит Гончарова.

Гончарова. Мы собираемся уезжать. Александр тебя ищет.

Пушкина. Да, да. Au revoir, monsieur le baron[1].

Геккерен. Au revoir, madame. Au revoir, mademoiselle[2].

Дантес. Au revoir, mademoiselle. Au revoir, madame.

Музыка загремела победоносно.
Пушкина и Гончарова уходят.

Геккерен. Запомни все жертвы, которые я принес тебе.

Уходит вместе с Дантесом.
В гостиной мелькнула Воронцова, к ней подходят, прощаясь, гости.
Музыка внезапно обрывается, и сразу наступает тишина.

---

[1] До свидания, господин барон *(фр.)*.

[2] До свидания, мадам. До свидания, мадемуазель. *(фр.)*.

Долгоруков. Люблю балы, люблю.

Богомазов. Что говорить!

В сад оттуда, откуда выходил Богомазов, входит Воронцова. Она очень утомлена, садится на диванчик. Долгоруков и Богомазов ее не видят.

Долгоруков. Хорош посланник! Видали, какие дела делаются! Будет Пушкин рогат, как в короне. Сзади царские рога, а спереди Дантесовы! Ай да любящий приемный отец!

Богомазов. Ай люто вы ненавидите его, князь! Ну, мне, никому, клянусь, друг, до гроба, — кто послал ему анонимный пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь роют два месяца, не могут понять кто. Лихо сделано! Ну, князь, прямо, кто?

Долгоруков. Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!

Богомазов. Будет, будет... Ну, до свидания, князь, а то огни начнут тушить.

Долгоруков. До свидания.

Богомазов. Только, Петя, на прощанье, говорю дружески: ой, придержите язык. *(Скрывается.)*

Долгоруков допивает шампанское, выходит из чащи.

Воронцова. Князь...

Долгоруков. Графиня...

Воронцова. Почему вы одни? Вы скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, возможно ли скучать в вашем доме? Упоительный бал!

Воронцова. А мне взгрустнулось как-то.

Долгоруков. Вы огорчаете меня, графиня. Но это нервическое, уверяю вас.

Воронцова. Нет, грусть безысходна... Сколько подлости в мире! Вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать это-

го. Падение нравов, таков век, графиня! Но к чему эти печальные мысли?

Воронцова. Pendard!..[1] Висельник! Негодяй!

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей!

Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись... Вы радовались тому, что какой-то подлец посылает затравленному... пасквиль... Вы сами сделали это! И если бы я не боялась нанести ему еще один удар, я бы выдала вас ему! Вас надо убить, как собаку! Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего дома! Вон! *(Скрывается.)*

Начинает убывать свет.

Долгоруков *(один)*. Подслушала. Ох, дикая кошка! Тоже, наверно, любовница его. Кто-то слышал за колонной... Да, слышал. А все он! Все из-за него! Ну ладно, вы вспомните меня! Вы вспомните меня все, клянусь вам! *(Хромая, идет к колоннаде.)*

Тьма.

Потом из тьмы — свечи с зелеными экранами. Ночь. Казенный кабинет. За столом сидит Леонтий Васильевич Дубельт. Дверь приоткрывается, показывается жандармский ротмистр Ракеев.

Ракеев. Ваше превосходительство, Битков к вам.

Дубельт. Да.

Ракеев скрывается. Входит Битков.

Битков. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Дубельт. А, наше вам почтенье. Как твое здоровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навестил?

---

[1] Негодяй! *(фр.)*.

Битков. Находясь в неустанных заботах, поелику...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено? Секретное наблюдение, какое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самое его квартиру.

Дубельт. Ишь, ловкач! По шее тебе не накостыляли?

Битков. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита, ваше превосходительство.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая — гостиная. В гостиной на фортепиано лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепиано? Какие же сочинения?

Битков. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя.

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. По левую руку от камина — «Сава, ночная птица», «Кавалерист-девица», «История славного вора Ваньки-Каина»... и о запое, и о лечении оного в наставление каждому, в университетской типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру, ваше превосходительство.

Дубельт. Оставим книги. Далее.

Битков. Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку. «Приезжай ко мне немедленно, иначе будет беда». Подпись — Вильям Джук.

Дубельт звонит. Входит Раксев.

Дубельт. Василия Максимовича ко мне.

Раксев выходит. Входит Василий Максимович, чиновник в статском.

Вильям Джук.

Василий Максимович. Уж все перерыли, ваше превосходительство, такого нету в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы к завтрему был.

Василий Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса, англичанин в Питере провалился.

Ракеев *(входит)*. Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич Богомазов по этому же делу.

Дубельт. Да.

Ракеев выходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Прошу прощения, ваше превосходительство. Отделение Джука ищет? Это — Жуковский, он шуточно подписываться любит.

Дубельт *(махнув рукой Василию Максимовичу)*. Хорошо. *(Богомазову.)* Извольте подождать там, Иван Варфоломеевич, я вас сейчас приму.

Василий Максимович и Богомазов выходят.

Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника цесаревича воспитатель, Василий Андреевич Жу-

ковский, действительный статский советник! Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство!

Дубельт. Отделение взбудоражил. Тебе морду наов! Дальше.

Битков. Сегодня же к вечеру на столе появилось письмо, адресованное иностранцу.

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. В голландское посольство, господину барону Геккерену, Невский проспект.

Дубельт. Битков! *(Протягивает руку.)* Письмо, письмо мне сюда! Подай на полчаса.

Битков. Ваше превосходительство, как же так письмо? Сами посудите, на мгновенье заскочишь в кабинет, руки трясутся. Да ведь он придет, письма хватится. Ведь это риск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. Точно узнай, когда будет доставлено письмо, кем, и кем будет в посольстве принято, и кем будет доставлен ответ. Ступай.

Битков. Слушаю. Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать.

Дубельт. Жалованье? За этого Джука с тебя еще получить следует. Ступай к Василию Максимовичу, скажи, что я приказал выписать тридцать рублей.

Битков. Что же тридцать рублей, ваше превосходительство? У меня детишки...

Дубельт. Иуда искариотский иде ко архиереям, они же обещаша сребреники дати... И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйте хоть тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай и попроси ко мне Ивана Варфоломеевича Богомазова.

Битков уходит. Входит Богомазов.

Богомазов. Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага?

Дубельт. Гадать грех. Это копия письма к Геккерену.

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Нет, это вы колдун. Как же это вы так искусно?

Богомазов. Черновичок лежал в корзине, к сожалению, неполное.

Дубельт. Благодарю вас. Отправлено?

Богомазов. Завтра камердинер повезет.

Дубельт. Еще что, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет le grand bourgeois... *(Вынимает бумагу.)* И тогда же Петя Долгоруков дал списать...

Дубельт. Bancal? [20]

Богомазов. Он самый.

Дубельт. Так. Еще, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Воронцовский бал. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петьку внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нету! Холопами всех так и чешет. Вторую ногу ему переломить мало... Говорит, что от святого мученика происходит.

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Чрезвычайные услуги оказываете, Иван Варфоломеевич. Я буду иметь удовольствие о вас графу доложить.

---

[20] Хромой. *(фр.).*

Богомазов. Леонтий Васильевич, душевно тронут. Исполняю свой долг.

Дубельт. Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Да рубликов двести не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста выпишу для ровного счета, тридцать червонцев. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу.

Богомазов кланяется, уходит.
Дубельт один, читает бумаги, принесенные Богомазовым.

Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя. *(Слышит что-то, глядит в окно, поправляет эполеты.)*

Дверь открывается, появляется жандарм Пономарев. Вслед за ним в дверь входит Николай I в кирасирской каске и шинели, а за Николаем — Бенкендорф.

Николай I. Здравствуй.

Дубельт. Здравия желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше императорское величество, все обстоит в добром порядке.

Николай I. Проезжал с графом, вижу, у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель!

Пономарев принимает шинели Николая I и Бенкендорфа, выходит.

Николай I *(садясь)*. Садись, граф. Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Слушаю, ваше величество.

Николай I. Над чем работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. А ты докладывай, я не буду мешать. *(Берет какую-то книгу, рассматривает.)*

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили

приказать поставить к картине караул?.. К сожалению, в отрывках. *(Читает.)*

Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставлено на место жен святых —
В ружье и киверс два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие — казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?..

Здесь пропуск.

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род аламов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не ведено сюда простой народ?

Бенкендорф. Как это озаглавлено?

Дубельт. «Мирская власть».

Николай I. Этот человек способен на все, исключая добра. Ни благоговения к божеству, ни любви к отечеству. Ах, Жуковский! Все заступается... И как поворачивается у него язык!.. Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина... Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, у студента Андрея Ситникова при обыске найдено краткое стихотворение в копии, также подписано: «А. Пушкин».

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное.

Николай I *(перелистывая книгу.)* Прочитай.

Дубельт *(читает).*

В России нет закона.
А — столб, а на столбе — корона.

Николай I. Это он?

Дубельт. В копии подписано: «А. Пушкин».

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова персона.

Николай I. Ты прав. *(Дубельту.)* Расследуйте.

Бенкендорф. Есть что-нибудь срочное?

Дубельт. Как же, ваше сиятельство: не позднее послезавтрашнего дня я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Александром Сергеевичем Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем Геккереном-Дантес. Имею копию черновика оскорбительного письма Пушкина к барону Геккерену-отцу.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт *(читает)*. ...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына... И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили... пропуск... не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания... пропуск... ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай. Имею честь быть...

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бретер, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт *(глянув на бумагу)*. Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Николай I. Посланник!.. Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение.

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек. Ничем и никогда не смоет перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански... Поступить с дуэлянтами по закону. *(Встает.)* Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. Засиделся я, пора спать. *(Уходит в сопровождении Бенкендорфа.)*

Через некоторое время Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.

Дубельт. Золотое сердце.

Пауза.

Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?

Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем, чтобы взяли их с пистолетами и под суд. Примите во внимание, место могут изменить.

Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Дантес каков стрелок?

Дубельт. Туз — десять шагов.

Пауза.

Бенкендорф. Императора жаль.

Дубельт. Еще бы!

Пауза.

Бенкендорф *(вставая)*. Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...

Дубельт. Слушаю, ваше сиятельство.

Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. *(Выходит.)*

Дубельт *(один)*. Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... Не туда!.. Тебе хорошо говорить... Буря мглою небо кроет.. Не туда... *(Звонит.)*

Дверь приоткрывается.

Ротмистра Ракеева ко мне.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена. Ковры, картины, коллекция оружия. Геккерен сидит и слушает музыкальную шкатулку. Входит Дантес.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился. Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'étais très fatigué ces-jours-ci [1]. У меня сплин. Вот уже третий день метель. Мне представляется, что ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандришь. А это дурно!

Дантес. Снег, снег, снег... Что за тоска. Так и кажется, что на улицах появятся волки.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde, qui me donne comme Petersbourg, le sentiment d'être à la maison [2]. Когда мне становится скучно, я запираюсь от людей, я любуюсь, и скука убегает. Послушай, какая прелесть! Я сегодня купил.

Шкатулка играет.

Дантес. Не понимаю твоего пристрастия к этому хламу.

Геккерен. О, нет, это не хлам. Я люблю вещи, как женщина — тряпки. Да что с тобой?

Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем!

Дантес. Смешно говорить об этом. Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

---

[1] В последнее время я чувствовал себя очень усталым *(фр.)*.

[2] На всем свете нет другого места, кроме Петербурга, где бы я чувствовал себя как дома *(фр.)*.

Геккерен. Вот я и говорю: твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в доме появилась женщина, я стал беспокоен, у меня такое чувство, как будто меня выгнали из моего угла. Я потерял тебя, в дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne croyez pas de grace que j'aie oublié cela...[1] Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен, ты растоптал покой.

Дантес. Это несносно. Посмотри, все смешалось и исчезло.

Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой давно бы отвернулся от тебя.

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О боже! Этого даже я не ожидал. Ты подумал о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того, что ты меня лишил покоя, но ты хочешь и вовсе разбить жизнь. Он бросит здесь беременную жену и похитит ее сестру! Чудовищно! Что же ты сделаешь со мной? Вся карьера, все кончено! Все погибнет! Да нет, я не верю. Какая холодная жестокость, какое себялюбие! Да, наконец, какое безумие!

Стук.

Да, да.

Слуга *(подает письмо).* Вашему превосходительству. *(Выходит.)*

Геккерен. Одну минуту, ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

Геккерен читает письмо, роняет его.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

---

[1] Ради Бога, не думайте, что я забыл об этом... *(фр.).*

Дантес *(читает)*. Так... Так.

Пауза.

Геккерен. Как смеет? Мне? Он забыл, с кем имеет дело! Я уничтожу его! Мне?!

Пауза.

Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мною?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность?

Геккерен. Это бешеный зверь! Жорж, ты отдал меня в руки бретера.

Дантес. О, не спеши. *(Отходит к окну.)* Все занесло, все погребено... Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я не понимаю, почему он вообразил, что он литератор? У него плохой стиль, я всегда это утверждал.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался на нас один раз. У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами. Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй! Ты никого не любишь, ты ищещь наслаждения! Не противоречь! Что мне делать теперь? Вызывать его? Но как я гляну в лицо королю? Да даже ежели бы каким-нибудь чудом мне удалось убить его... Что делать?

Стук. Слуга вводит Строганова. Тот слепой. Слуга выходит.

Строганов. Mille excuses...[1] Простите, дорогой барон, что опаздываю к обеду, но послушайте, что делается... Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, вы мой желанный гость.

Строганов *(нащупав руку Дантеса)*. Это молодой

[1] Тысяча извинений *(фр.)*.

барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен. Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это письмо.

Геккерен. О нет, ты не можешь вмешиваться, письмо адресовано мне. А граф — мой друг. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да. Наши враги распустили злокозненный слух, и это причина мерзкой выходки. Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне.

Строганов. Племянница моя обещала быть красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, оправдались ли эти надежды.

Геккерен. Я заранее прошу простить меня за то, что вы услышите сейчас. *(Читает.)* «...Вы отечески сводничали вашему сыну... подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...» Он чистое имя матери забрасывает грязью в злобе! Я не знаю, кто этому безумцу нашептал, что я якобы подстрекал Жоржа! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью... Он осыпает его площадной бранью, он угрожает! Нет, я не могу читать больше.

Строганов. Не веришь, что это пишет русский дворянин. Ах, какой век! Какая разнузданность! Дорогой барон, он бросает перчатку не только вам. Ежели он пишет так представителю коронованной главы, он вызывает общество. Он карбонарий. Да, барон, это плохо. Это опасное письмо.

Геккерен. Что же, я, полномочный королевский представитель, должен вызвать его? Граф, я теряюсь. Помогите советом. Мне вызывать?..

Строганов. О нет.

Геккерен. Он бросается, как ядовитый зверь! Барон Дантес не подал ему повода!

Строганов. После этого письма, барон, уже не имеет значения, подавал ли барон Дантес ему повод или не подавал. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантеса могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. *(Геккерену.)* Вы должны написать ему, что его вызывает барон Дантес. А о себе прибавьте только одно — что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. Благодарю вас бесконечно, граф, мы слишком злоупотребили вашим вниманием. Но умоляю, оцените всю тяжесть оскорбления, которое нанесли. Пойдемте, граф, стол готов. *(Уводит Строганова.)*

Дантес один. Вдруг сбрасывает шкатулку на пол. Та отвечает ему стоном. Берет пистолет, стреляет в картину, не целясь. Геккерен вбегает.

Геккерен. Что ты делаешь?! Ах, сердце!

Дантес молча поворачивается и уходит.
Темно.

Из тьмы — багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост. Тишина и безлюдье.

Через некоторое время на мост поднимается Геккерен. Встревожен. Что-то ищет взором вдали, собирается двинуться дальше. В этот момент донесся негромкий пистолетный выстрел. Геккерен останавливается, берется за перила.
Пауза.

Потом опять негромко щелкнуло вдали. Геккерен поникает.
Пауза.

На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана окровавленным платком.

Геккерен. Небо! О, небо! Благодарю тебя! *(Крестится.)* Обопрись о меня. Платок, на платок...

Дантес. Нет. *(Берется за перила, отплевывается кровью.)*

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился. Но ему не повезло...

На мост поднимается Данзас.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О да, о да.

Данзас. Кучер! Ты, в карете! Объезжай низом, там есть дорога! Что ты глаза вытаращил, дурак! Низом подъезжай к поляне! *(Убегает с моста.)*

Геккерен *(тихо)*. А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

Темно.
Из тьмы — зимний день к концу.
В квартире Пушкина у кабинетного камина в кресле, Никита, в очках, с тетрадью.

Никита *(читает)*. На свете счастья нет... Да, нету у нас счастья... Но есть покой и воля... Вот уж чего нету, так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой! Давно, усталый раб, замыслил я побег... Куда побег? Что это он замыслил? Давно, усталый раб, замыслил я побег... Не разберу.

Битков *(входит)*. В обитель дальнюю трудов и чистых нег. Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починял. Читали гостям эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко...

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом, надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Тебе-то чего беспокоиться? К обеду он тебя, что ли, звал?

Битков. Я полагаю, камердинер все должен знать.

Никита. Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что ж ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. *(Уходит в глубь кабинета.)*

Колокольчик. Из столовой в гостиную входит Жуковский.

Никита. Ваше превосходительство, пожалуйте.

Жуковский. Как это — поехал кататься? Его нету дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. А детишки с нянькой к княгине пошли...

Жуковский. Да что же это такое, я тебя спрашиваю?

Гончарова *(входит)*. Бесценный друг! Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь... Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma santé est gâtée par les attaques de nerfs [1]. И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помилуйте! Вчера как оглашен-

---

[1] Мое здоровье разрушено нервными приступами. *(фр.)*.

ный скачет на извозчике, с извозчика кричит, что зайти ко мне не может, просит зайти к себе сегодня. Я откладываю дела, еду сюда, а он, изволите ли видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну простите его, я вас прошу, тут какая-то путаница. Право, вас следует расцеловать за хлопоты об Александре.

Жуковский. Ах, не надобно мне никаких поцелуев... Простите, забылся... Отрекаюсь на веки веков! Из чего я хлопочу, позвольте спросить! Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Кажется, умом он от природы не обижен, а ежели он теперь поглупел, так его драть надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с! Извольте-с: Третьего дни на бале государь... и что скажешь, ну что скажешь? Я сгорел со стыда! Извольте видеть, стоит у колонны во фраке и в черных портках!.. Извините, Александра Николаевна... Никита!

Никита входит.

Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундир!

Никита. Они велели, не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит? А может, он тебе халат велит подать? Это твое дело, Никита. Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... *(Уходит.)*

Жуковский. Скандал! Не любит государь фраков, государь фраков не выносит. Да он и права не имеет! Ему мундир по должности присвоен! Это непристойно, неприлично!.. Да что фрак, он опять об отставке начал разговаривать! Нашел время... Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где история, кото-

рую он посулил?.. А тут опять про какие-то стихи его заговорили! Помните, что было?.. А у него доброжелателей множество, поверьте, натрубят в уши!

Гончарова. Ужасно то, что вы говорите, Василий Андреевич! Но он так взволнован, так болен в последнее время... так иногда глаза закроешь, и кажется, что летим в пропасть... все запуталось.

Жуковский. Распутаться надобно, это блажь. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя искушать. Смотрите, Александра Николаевна, Наталье Николаевне скажите... Оттолкнет от себя государя, потом не поправишь!

Гончарова. Чем отблагодарим вас, Василий Андреевич?

Жуковский. Да что благодарности!.. Я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь!.. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Ах, нет, нет. Как же так? Останьтесь, подождите, он сейчас придет, он сейчас приедет...

Жуковский. И видеть его не намерен, да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится...

Жуковский. Ах, полно, Александра Николаевна. En cette dernière chose je ne compte guère [1]. *(Идет к дверям, видит на фортепиано стопку книг.)* Я этого еще не видел, новый «Онегин»? А, хорошо!

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. А, хорошо, очень хорошо.

Гончарова. Я уже гадала сегодня по этой книге.

Жуковский. Как это по книге гадают? Погадайте мне.

Гончарова. Назовите какую-нибудь страницу.

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну, пятнадцатая.

---

[1] На это уж я не рассчитываю *(фр.)*.

Битков показывается у камина в кабинете.

Гончарова *(читает)*. Познал я глас иных желаний...

Жуковский. Мне? Верно...

Гончарова. Познал я новую печаль...

Жуковский. Верно, верно.

Гончарова. Для первых нет мне упований...

Битков *(шепотом)*. А старой мне печали жаль... *(Скрывается в кабинете.)*

Жуковский. А?

Гончарова. А старой мне печали жаль.

Жуковский. Ах, ах... Как черпает мысль внутри себя! И ведь как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат, крылат! О полуденная кровь... Неблагодарный глупец! Сечь его, драть!

Сумерки окутывают квартиру.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский *(читает)*. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага...

Пушкина остановилась в дверях.

Нет, что-то не то... Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Еще приятнее в молчаньи ему готовить честный гроб... Нет, не попали, Александра Николаевна. А, простите, Наталья Николаевна! Шумим, шумим, стихи читаем...

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть. Читайте на здоровье, я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших...

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

Пушкина. Кроме ваших, Василий Андреевич. Votre dernière ballade m'a fait un plaisir infini...[1]

Жуковский. Не слушаю, не слушаю?

В кабинете пробили часы.

Ах, батюшки! Мне к цесаревичу!.. Au revoir, chère madame, je m'apercois, que je suis trop bavard...[2]

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарствуйте, никак не могу. Au revoir, mademoiselle. Извольте же сказать ему! *(Уходя.)* Прошу не провожать меня.

Сумерки.

Гончарова. Таша, Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятности на бале из-за фрака.

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобою?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды для всей семьи?

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надобно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи... Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... и оставьте меня!

Гончарова. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу... ты не любишь его.

Пушкина. Большей любви я дать не могу.

Гончарова. Увы, я знаю твои мысли. И мне больно за семью.

Пушкина. Ну и знай.

---

[1] Ваша последняя баллада доставила мне бесконечное наслаждение... *(фр.)*.

[2] До свидания, сударыня, я заметил, что заболтался... *(фр.)*.

Пауза.

Знай, что и сегодня я должна была с ним увидеться, а он не пришел. И мне скучно.

Гончарова. Вот на какой путь ты становишься!

Пушкина. Да что тебя волнует? Разве он одинок? Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю на это вот так... *(Подносит пальцы к глазам.)*

Гончарова. Ты с ума сошла! Не смей так говорить, не смей, не смей! Мне жаль его, его все бросили!..

Пушкина. Погляди мне в глаза...

Никита *(в дверях)*. Полковник Данзас просит вас принять.

Пушкина. Откажи, не могу принять.

Данзас *(входит в шинели)*. Приношу мои извинения. Вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича, он ранен. (Никите.) Ну, что стоишь? Помогай вносить его, только осторожнее, смотрите.

Никита. Владычица небесная! Александра Николаевна, беда!

Данзас. Не кричи. Не тряхните его.

Никита убегает.

Велите дать огня.

Пушкина сидит неподвижно.

Гончарова. Огня! Огня!

Битков с зажженным канделябром появляется в дверях кабинета.

Данзас. Беги, помогай его вносить.

Битков убегает с канделябром. Из внутренних дверей появилась горничная девушка со свечой. В кабинет из передней пробежал Битков с канделябром и скрылся в глубине, а вслед за ним группа людей в сумерках пронесла кого-то в глубь кабинета. Данзас тотчас закрыл дверь в кабинет.

Пушкина. Пушкин! Что с тобой?

Данзас. Нет, нет, не входите, прошу вас. Он не велел входить, пока его не перевяжут. И не кричите. Вы его встревожите. *(Гончаровой.)* Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина *(упав на колени перед Данзасом).* Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише, тише. Ведите ее.

Гончарова и горничная девушка увлекают Пушкину во внутренние комнаты.
Битков выбегает из кабинета и закрывает за собой дверь.
Данзас вынимает деньги.

Лети в Миллионную, не торгуйся с извозчиком, к доктору Арендту, знаешь? И вези его сюда сию минуту. Ежели его нету, где хочешь достань доктора, какого ни встретишь, вези сюда.

Битков. Слушаю. Понял, ваше высокоблагородие.

На улице за окнами послышалась военная музыка.
Битков бросается к окну.

Ах ты, господи! Гвардия идет... Не пропустят. Я черным ходом, проходным двором... *(Убегает.)*

Гончарова появляется.

Гончарова. Дантес?.. Говорите правду, что с ним?

Данзас. Он ранен смертельно.

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешены. Какой-то ящик, солома. Стоит диванчик. На диванчике, не раздевшись, спит Данзас. Все двери закрыты.
С улицы доносится по временам глухой гул толпы.
Из кабинета тихонько появляется Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на фортепиано, подходит к окну, всматривается.

Жуковский. Ай-яй-яй...

Данзас. А? *(Садится.)* Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это натурально, сон в руку.

Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя.

Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. Уж будем отвечать по закону. *(Щупает эполеты.)* Прощайте. Эх, линейные батальоны, кавказские горы.

Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается. Толпы растут и растут. Кто бы мог ожидать?

Данзас. Я уж насмотрелся.

Из дверей во внутренние комнаты выходит Пушкина, с нею — горничная девушка.

Горничная девушка. Барыня, извольте идти к себе... барыня, пожалуйте...

Пушкина *(девушке)*. Уйди.

Горничная девушка отходит.
Пушкина подходит к дверям кабинета.

Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли!

Жуковский *(преградив Пушкиной дорогу)*. Наталья Николаевна, опомнитесь!

Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна... Он будет жить... Но надобно дать еще опию, чтобы прекратить страдания... и тотчас, тотчас вся семья на Полотняный завод... почему они не кончают укладку?.. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Приятно... приятно... в молчаньи... забыла, все забыла... Пушкин, вели, чтоб меня впустили к тебе!

Жуковский. Наталья Николаевна!..

Данзас *(в дверь столовой)*. Владимир Иванович!.. Доктор Даль!

Даль выходит.

Помогите нам.

Даль. Наталья Николаевна, вам здесь нечего делать... *(Берет склянку с фортепиано, капает в рюмку лекарство.)* Пожалуйте, выпейте.

Пушкина отталкивает рюмку.

Так делать не годится. Вам станет легче.

Пушкина. Они не слушают меня. Я хочу говорить с вами.

Даль. Говорите.

Пушкина. Он страдает?

Даль. Нет, он более не страдает.

Пушкина. Не смейте меня пугать! Это низко!.. Вы доктор? Извольте помогать!.. но вы не доктор, вы сказочник, вы пишете сказки... а мне не надобны сказки... Спасайте человека! *(Данзасу.)* А вы!.. сами повезли его!..

Даль. Уйдемте отсюда, я помогу вам.

Горничная девушка берет под руку Пушкину.

Пушкина. Приятно дерзкой эпиграммой... все забыла... Александрине я не верю.

Даль и горничная девушка уводят Пушкину.
Пауза.

Данзас. Что она мне говорит?

Жуковский. Константин Карлович, как можно обращать внимание?.. Женщина, скорбная главой... Ведь ее заклюют теперь, заклюют...

Данзас. Но он не уехал бы от меня! Поверьте, я вызвал бы его. Но не велел!.. И как вызовешь, когда завтра меня запрут.

Жуковский. Что вы говорите? Умножить горе хотите? Все кончено, Константин Карлович.

Из-за закрытых дверей очень глухо донесся тихий складный хор. Данзас уходит через дверь в столовую и закрывает ее за собой.
Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к окну.

Гончарова. А он этого не видит.

Жуковский. Нет, он видит, Александра Николаевна.

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к

ней больше. Оденусь сейчас и выйду на улицу. Мне тяжело... я не могу здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу, это темный голос, Александра Николаевна. Разве можно ее бросить? Ее надобно жалеть, ее люди загрызут теперь.

Гончарова. Да что вы меня мучаете?

Жуковский. Я вам не велю, идите, идите туда.

Гончарова уходит.

Что ты наделал?.. *(Прислушивается к хору.)* Да, земля и пепел... (*Садится, вынимает записную книжечку, берет перо с фортепиано, записывает что-то.)* ...Не сиял острый ум... *(Сочиняет, бормочет.)* ...В этот миг предстояло как будто виденье... и спросить мне хотелось, что видишь?..

Дубельт входит.

Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич.

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Вы собираетесь запечатать кабинет?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно на меня возложить опечатание и разбор бумаг... Я не понимаю. Я должен разбирать бумаги один... Помилуйте, зачем же другая печать?

Дубельт. А разве вам неприятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов станет рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц! Помилуйте, ведь меня могут назвать доносчиком!

Вы посягаете на единственно ценное, что имею, на доброе имя мое... Я доложу государю императору.

Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать вопреки повелению государя императора? Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич!.. Неужели вы думаете, что правительство может принять такую меру с целью вредить кому-нибудь? Не для вреда это предпринимается, Василий Андреевич. Не будемте терять времени.

Жуковский. Повинуюсь.

Дубельт с канделябром входит в кабинет, потом возвращается, предлагает сургуч Жуковскому.
Жуковский прикладывает печать.
С улицы донесся звон стекла и шум.

Дубельт *(тихо)*. Эй.

Портьера внутренних дверей отодвигается, и появляется Битков.

Ты кто таков, любезный?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.

Битков. Слушаю. *(Скрывается.)*

Дубельт начинает запечатывать дверь.

Жуковский. Кто мог ожидать, чтобы смерть его вызвала такие толпы... всенародная печаль... Я полагаю, тысяч десять перебывало сегодня здесь.

Дубельт. По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебывало сорок семь тысяч человек.

Пауза.

Битков *(входит)*. Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина, а тут доктор выходил, — какой-то швырнул кирпичом, фонарь разбил.

Дубельт. Ага.

Битков скрывается.

Ах, чернь, чернь...

Хор за дверями вдруг послышался громче.
Дубельт подходит к дверям во внутренние комнаты.

Пожалуйте, господа.

Внутренние двери открываются, в гостиную входят один за другим в шинелях, с головными уборами в руках десять жандармских офицеров.

К выносу, господа, прошу. Ротмистр Ракеев, потрудитесь руководить выносом. А вас, полковник, прошу остаться здесь. Примите меры, чтобы всякая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно и незамедлительно.

Офицеры вслед за Ракеевым начинают выходить в столовую, кроме одного, который возвращается во внутренние комнаты.

А вы, Василий Андреевич? Останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении...

Жуковский. Нет, я хочу нести его. *(Уходит.)*

Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбанты, идет к дверям столовой.
Темно.

Ночь на Мойке. Скупой и тревожный свет фонарей. Окна квартиры Пушкина за занавесами налиты светом.

Подворотня. У подворотни тише, а кругом гудит и волнуется толпа. Полиция сдерживает толпу.
Внезапно появляется группа студентов, пытается пробиться к подворотне.

Квартальный. Нельзя, господа студенты! Назад! Доступа нету!

Возгласы в группе студентов: «Что такое? Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?»

Назад! Иваненко, сдерживай их! Не приказано! Не приказано пускать студентов!

Внезапно из группы студентов выделяется один и поднимается на фонарь.

Студент. Сограждане, слушайте! *(Достает листок, заглядывает в него.)* Не вынесла душа поэта позора мелочных обид!..

Гул в толпе стихает.
Полиция от удивления застыла.

Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и убит!

В группе студентов крикнули: «Шапки долой!»

Квартальный. Господин! Что это вы делаете?

Студент. Убит! К чему теперь рыданья, похвал и слез ненужный хор... и жалкий лепет...

Полицейский засвистел.

Квартальный. Снимайте его с фонаря!

В толпе смятение. Женский голос в толпе: «Убили!..»

Студент. Не вы ль сперва так долго гнали...

Свист.
Полиция бросается к фонарю.
Толпа загудела. В толпе крикнули: «Беги!»

Караульный. Чего глядите? Бери его!

Студент. Угас, как светоч, дивный гений...

Слова студента тонут в гуле толпы.

Его убийца хладнокровно навел удар... Спасенья нет!.. *(Скрывается.)*

Квартальный. Держи его!

Полиция бросается вслед за студентом.
Окна квартиры Пушкина начинают гаснуть.
В то же время на другой фонарь поднимается офицер в армейской форме.

Офицер. Сограждане! То, что мы слышали сейчас, правда! Пушкин умышленно и обдуманно убит! И этим омерзительным убийством оскорблен весь народ!

Квартальный. Замолчать!

Офицер. Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками!..

Полиция засвистела пронзительно во всех концах.
В подворотне появляется Ракеев.

Ракеев. Э-ге-ге... Арестовать!

Появились жандармы. Офицер исчезает. В тот же момент послышался топот лошадей.
Крик в толпе: «Затопчут!..»
Толпа шарахнулась, взревела.

Тесните толпу!

Пространство перед подворотней очистилось. Окна квартиры Пушкина угасли, а подворотня начала наливаться светом.
Стихло. И тут же из подворотни потекло тихое, печальное пение, показались первые жандармские офицеры, показались первые свечи.
Темно. Пение постепенно переходит в свист вьюги.

Ночь. Глухая почтовая станция. Свеча. Огонь в печке. Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть в метели. За окошком мелькнул свет фонарей, послышались глухие голоса. Первым входит станционный смотритель с фонарем и пропускает вперед себя Раксева и Александра Тургенева.

Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Тургенев бросается к огню, греет руки.

Смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого.

Ракеев. А это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай? Налейте мне, ради бога, стакан.

Ракеев. И мне стакан, только поскорее. Через час дашь лошадей, под возок тройку и под... это... пару.

Тургенев, обжигаясь, пьет чай.

Смотритель. Тройку-то ведь, ваше...

Ракеев. Через час дашь тройку. *(Берет стакан, пьет.)*

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... часы-то есть у тебя? Через час нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. О да, да, я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше и дай знать жандарму.

Смотритель. Понял, понял, слушаю.

Ракеев *(смотрительше)*. А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там любопытного нету.

Смотритель. Ничего, ничего... Слушаю. Пожалуйте на чистую половину.

Смотрительша открывает дверь, входит в другую комнату, зажигает там свечку, возвращается. Ракеев идет в другую комнату, Тургенев — за ним.

Тургенев. О, боже мой!

Дверь за ними закрывается.

Смотрительша. Кого, кого это они?

Смотритель. Ежели ты на улицу выглянешь, я тебя вожжой! Беду с тобой наживешь! Вот оказия навязалась! И нужно же было им по этому тракту... Выглянешь — я тебе... Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела!

Станционный смотритель выходит. Смотрительша тотчас припадает к окошку. Наружная дверь открывается, в нее осторожно заглядывает Пономарев, потом входит.

Пономарев. Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на пятак, кости замерзли.

Смотрительша наливает стакан водки, подает огурцы. Пономарев выпивает, закусывает, трет руки.

Давай второй.

Смотрительша *(наливая)*. Да что же вы так? Вы бы сели и обогрелись.

Пономарев. Обогреешься тут.

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох, вы, бабье племя. Все равно как Ева... *(Пьет, дает смотрительше деньги и уходит.)*

Смотрительша набрасывает платок и уж собирается выйти наружу, как в дверях показывается Битков. Он в шубенке, уши у него под шапкой подвязаны платком.

Битков. Заснули? *(Охает, подходит к огню.)*

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, чего ты спрашиваешь? *(Садится, разматывает платок.)* Ты — смотрительша. То-то я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Анна Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф!

Смотрительша подает штоф, хлеб, огурцы. Битков жадно пьет, снимает шубенку.

Что же это такое, а? Пресвятая богородица... Пятьдесят пять верст... Вот связала!

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. *(Пьет.)* Ведь это рыбий мех, да нешто это мыслимо?..

Смотрительша. Ну никому! Ну никому, язык отсохни, никому не скажу! Кого везете?

Битков. Не твое дело, а государственное.

Смотрительша. И что же это, вы нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете!

Битков. Об нас горевать не будут, а ему теперь не холодно. *(На цыпочках подходит к внутренней двери и прислушивается.)* Захрапели, это зря. Ведь сейчас же будить!

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но-но-но! У меня выпытывать! Это, тетка, не твое дело, это наше занятие.

Пауза.

В Святые Горы. Как его закопают, ну, тут и мою душу, наконец, на покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а меня в отпуск. Ах, сколько я стихов переучил, будь они неладны...

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите.

Битков *(выпивает, пьянеет)*. Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому покоя, ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему, Степану Ильичу... я ведь за ним всюду... но не было фортуны ему... как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие...

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну, ну, ну... Ну что с бабой разговаривать! Ох, дура!

Смотрительша. Да что вы ругаетесь?

Битков. Да как же тебя не ругать? А впрочем, может быть, ты и не дура... Только я на него зла не питал, вот крест. Человек как человек. Одна беда, эти стихи... А я за ним всюду, даже и на извозчиках гонял. Он на извозчика, а я на другого — прыг! Он и не подозревает, потеха!

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер, теперь-то вы чего же за ним?

Битков. Во избежание!.. Помер! Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст!.. Вот тебе и помер!.. Я и то опасаюсь, зароем мы его, а

будет ли толк? Опять, может, спокойствия не настанет?..

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень.

Пауза.

Что это меня мозжит?.. Налей-ка мне еще. Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился! Пулю-то он ему в живот засадил.

Смотрительша. Ай-яй-яй...

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не крикнуть, жена чтобы не услыхала. А потом стих.

Пауза.

Только, истинный бог, я тут ни при чем! Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я... Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял. Один чтобы!.. Умные! Знают, что сам придет, куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на речку, а там уж его дожидаются.

Пауза.

Меня не было!

Пауза.

А в ихний дом мне теперь не ходить больше. Квартира там теперь пустая, чисто...

Смотрительша. А этот господин-то с вами?..

Битков. Александр Иванович, господин Тургенев, сопровождающий. Никого не пустили, ему одному велено. Господин Тургенев...

Смотрительша. А старичок-то?

Битков. Камердинер.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Уж мы с ним бились, бились, бросили. Караулит, не отходит. Я ему вынесу.

(Встает.) Ой, буря!.. Самые лучшие стихи написал: буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя... Слышишь, верно, как дитя?.. Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков *(швыряет на стол деньги широким жестом).* То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, то, как путник запоздалый, к нам в окошко...

Входит станционный смотритель. Подбегает к внутренним дверям, стучит.

Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать, ехать...

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев.

Ракеев. Ехать!

Занавес

Конец

9 сентября 1935 года

ЧЕРНОЕ МОРЕ

(Либретто оперы в семи картинах)

Действующие лица:

Болотова Ольга Андреевна, певица.
Маша, прислуга у Болотовых.
Марич Андрей Васильевич, член подпольного ревкома и предводитель зеленых.
Зейнаб, из отряда зеленых.
Маслов, полковник, начальник контрразведки в Севастополе.
Пантюша, из контрразведки.
Болотов Алексей Петрович, художник.
Михайлов, командующий красным фронтом.
Командарм.
Командир конной армии.
Комдив.
Генерал Агафьев Анатолий Сидорович.
Конферансье.
Хозяин ресторана.
Господин в пенсне.
Генеральские дамы.
Адъютанты генерала Агафьева.
Цыганский хор.
Человек в кепке.
Сольский. }
Астров. } белые офицеры.
Немилов. }
Брегге, командир полка у белых.
Белый главком.
Марк, вестовой главкома.
Адъютант главкома.

Цепи красных, офицерская рота, публика в ресторане, цыганский хор.

АКТ I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вечер в квартире Болотовых в Симферополе. Слышен ветер. Болотова сидит за роялем.

Болотова. Песнь моя летит с мольбою... песнь моя... Нет, скучно. Я больна. И не могу понять, не знаю, что тревожит сердце, и почему меня томит предчувствие. Озноб, я не могу согреться. А там, снаружи, ветер, ветер...

Стукнула дверь. Появляется Маша.

Что с вами. Маша?

Маша. Ой, лихо, ой, беда! Сейчас иду и вижу, на нашей улице на фонарях висят покойники. Народ бежит, кто крестится, кто охает. Поймали коммунистов и повесили.

Болотова *(у окна)*. Какая гнусная жестокость! Безумие! Ужель они не понимают, какие чувства возбуждают, что себе готовят? Злодейство даром не пройдет. Я не могу смотреть. Уйдите, Маша, я больна.

Маша уходит. Болотова ложится на диван, закутывается.

Мне страшно стало, я одна. Где муж?

Тихий стук в окно.

Алеша, ты?.. Кто вы такой?! А что вам надо? Ну, хорошо.

Открывает дверь в передней. Входит Марич.

Марич. Не бойтесь. Извините, что к вам врываюсь. Позвольте мне немного отдохнуть. Со мной несчастье. Я поскользнулся, упал и руку повредил... Позвольте посидеть у вас минуту, пока я с силой соберусь.

Болотова. Хорошо. Садитесь. Но ведь рука у вас в крови!

Марич. Царапина. Упал.

Болотова. Я помогу вам.

Марич. Нет, не надо, я завязал платком. Нет, не глядите с подозреньем. Я не бандит, не причиню вам зла.

Болотова. Ну, хорошо, я верю вам.

Пауза.

Марич *(указывая на окно)*. Видали?

Болотова. Видала.

Пауза. Марич тревожно озирается.

Вы странны мне, вы странны.

Марич. Нет, нет, я объясню. Я вижу, вы не с теми, кто сделал это... Нет! Итак, я коммунист... За мною гонятся... Мне нужно скрыться... Со мною важные бумаги. Позвольте мне у вас их сжечь, мне некуда девать их. Бежать я должен.

Болотова. Жгите. *(Открывает печку)*. Нет, подождите. А кто мне поручится, что вы...

Марич. Не провокатор я, не бойтесь. Посмотрите — рука моя прострелена. Теперь вы верите?

Болотова. О, боже! Я помогу вам.

Марич. Платок, и больше ничего.

Бумаги в печке вспыхивают. Болотова перевязывает руку Маричу.

Спасибо, спасибо. У вас есть черный ход?

Болотова. Туда нельзя. Сюда. Окно выходит в сад. Но, может быть, вас лучше спрятать?

Марич. О, нет, это погубит вас. Прощайте. Прощайте. И знайте, что скоро им конец.

Болотова. Останьтесь.

Марич. Нет. Играйте на рояле и помните, здесь не было меня.

Скрывается через окно.

Болотова *(возвращается к роялю)*. Песнь моя...

Стук. Пробегает Маша.

Маша. Кто там?

Пантюша *(за дверью)*. Откройте, стрелять будем.

Маша. Ольга Андреевна, контрразведка!

Болотова. Открой.

Маша открывает дверь. Первым появляется Пантюша, за ним мелькнули еще две-три фигуры. Последним входит Маслов.

Маслов. Добрый вечер, мадам. Простите, мы должны вас потревожить. Долг службы...

Болотова. Что вам угодно?

Маслов. С кем имею честь?

Болотова. Я певица.

Маслов. Чем занимается ваш муж?

Болотова. Он художник, его нет дома. Но что угодно вам?

Пантюша *(наклоняется к полу, молча указывает Маслову на пятно)*.

Маслов. Ага! Скажите нам, мадам, кто был сейчас у вас?

Болотова. Я... одна...

Маслов *(Маше)*. Кто был сейчас у вас?

Маша. Ей-богу, никого.

Маслов. Ведите ее в кухню. *(Машу уводят.)* Ну, если вы так скрытны, я сам скажу, кто был у вас. Андрей Васильич Марич, член ревкома и предводитель банды зеленой там, в горах. Поймите, мы идем по следу.

Пантюша. За красным зверем!

Маслов. За красным зверем!

Болотова. Политика — не наше дело, мы люди мирные.

Маслов. О, нет, мадам, я вам не верю. У мирных жителей откуда кровь здесь на полу? Ох, вы рискуете, мадам! От контрразведки не уйдет никто! *(Сопровождающим.)* Искать!

Болотова. Здесь никого нет!

Маслов. Куда ты скроешься, преступник? В подвал? Найдем в подвале! Чердак, мадам, доступен нам! Уйдет в другой он город, а там уж ждут его. В селениях, в горах, в каменоломнях, нигде от контрразведки не спастись? Пусть он нырнет на дно морское...

Пантюша. Мы выловим его и там!

Маслов. Полковник Маслов перед вами! Полковник Маслов! Что, слыхали? Бледнеете? Недаром!

Пантюша. Бумаги в печке жгли!

Маслов. Понятно все. Не зря сюда он бросился. Это подпольная квартира.

Болотова. Неправда! Я ни в чем не виновата! Клянусь, клянусь!

Маслов. Плачет, смеется, в любви клянется... Но кто поверит...

Пантюша.
Маслов. } Тот ошибется!

Пантюша. Бежал через окно. Следы на подоконнике.

Маслов *(Пантюше)*. Ротмистр с людьми пойдет за ним! Взять живым! В голову не стрелять! Ну-с, прошу, товарищ коммунистка!

Болотова. Куда вы тащите меня?

Маслов. Туда, туда, поближе к морю. Там, я надеюсь, вы будете со мною откровеннее.

Болотова. Насилие! Насилие! Будьте вы прокляты! Я буду счастлива, когда они придут и всех вас передушат!

Пантюша. Ага!

Маслов. Ага! Ну, вот певица и запела правдивым голоском! А там, на берегу Пантикапии, вы нам споете и много чудных арий. Бери ее! Ты здесь останешься. Когда вернется муж, возьмешь его. Я уезжаю в Севастополь.

Маша *(за сценой)*. Ой, лихо!

Маслов и Болотова, увлекаемая сопровождающими, уходят.

Пантюша. «Останься здесь»!.. Ишь, севастопольский герой!.. К чертям собачьим это дело, не стану я возиться с ними! В квартале красные шалят, меня подстрелят, как собаку... *(Маше.)* Пойди-ка ты сюда!

Маша *(входит.)* Ратуйте, ратуйте, кто в бога верует!

Пантюша. Не хнычь, дуреха! Смотри в глаза мне! Рассказывай, где их секретные бумаги?

Маша. Не знаю ничего!

Пантюша. Ну, ладно, сам найду. *(Открывает письменный стол, вынимает деньги, прячет.)* Когда придет хозяин, скажи, что у него был обыск и чтоб немедленно явился в контрразведку! Перед тобой Пантюша! Перед тобой Пантюша! Что, бледнеешь?

Маша. Ратуйте!

Пантюша. Не хнычь! Прощай! *(Скрывается.)*

Маша *(одна)*. Ой, боже мой! Ой, боже мой, что ж это будет?

Стук в дверь. Маша открывает Болотову.

Болотов *(оглядываясь)*. Негодяи! Негодяи!

Маша. Ой, Алексей Петрович! Алексей Петрович, поглядите!

Болотов. Что здесь такое?

Маша. Барыню забрали!

Болотов. Как забрали? Кто забрал? Больную женщину? За что?

Маша. Контрразведка!

Болотов. За что? Зачем? С ума сошла ты!

Маша. Пантюша был! Ой, страшный! Ой, горе! Барыню забрали!

Болотов. Да как же смеют?! Какой Пантюша? Что ты бредишь! Куда же повели ее?

Маша. В Севастополь повезли!

Болотов. Как в Севастополь? Быть не может! Ты ничего не путаешь?

Маша. Увезли, увезли.

Болотов. *(у стола)*. Где ж деньги?

Маша. Был обыск, обыск. Все забрали!

Болотов. *(вынимает бумажник, считает деньги)*. Маша, ты остаешься здесь. Я еду выручать ее, я еду в Севастополь. Они не смеют! Она ни в чем не виновата! Ты понимаешь, она ни в чем не виновата! Прощай! *(Скрывается.)*

Маша. Ой, боже мой! Ой, боже мой! Ой, боже мой!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Изба. Вечер. Керосиновая лампа. Огонь в печке. Полевые телефоны. Михайлов спит на лавке.

Михайлов (*во сне*). Не смейте бить! Не подходите! (*Просыпается.*) Где я? Ах, это сон! Проспал? (*Смотрит на часы.*) Нет, восемь. Ах, если б можно было опять на лавку повалиться и заснуть... хоть час, хоть полчаса! Уж сколько дней не сплю по-человечески. Мне кажется, что я не спал всю жизнь. Болит нога и ноет, и грызет. Боль никогда меня не отпускает. Мне хочется лежать. Что снилось мне? Что всколыхнуло душу? Да, централ. Централ. Приснилося, что бьют прикладами. И загорелась боль. А что ж потом? Ах, память, память, ты не гаснешь! Я видел живо сибирскую тоскливую пустыню, конвой, мороз, тяжелые удары в спину. Не отпускала боль в ногах, обремененных кандалами. О, кандалы мои, Сибирь, когда я вас забуду? Я знаю — никогда! Уйти! Уйти и отдохнуть! Пришел мой час болеть. Как обнимает слабость! Нет, шалят больные нервы! Вставать! Вставать! Вставать! (*Встает, хромая. Зажигает свечу над картой.*) А, вот он, здесь! И всякий раз, как я твое увижу логово, моя усталость исчезает, я вновь живу, я вновь дышу! Товарищ, что они приехали? Зовите, я проснулся.

Входят: Командарм, Командир конной армии и Комдив.

Здравствуйте, товарищи! Ну, какова же обстановка?

Командарм. На Перекопе армия стоит у Турецкого вала, и он нас задержал. На западе мы овладели полуостровом Чонгарским, стоим у взорванных мостов.

Михайлов. (*Комдиву*). У вала стоит дивизия ваша?

Комдив. Да, моя.

Михайлов. В каком же состоянии бойцы?

Комдив. Признаться откровенно, обносились. Стоим мы, в чем пришли. Бойцы мои разуты, у многих нет шинелей.

Михайлов. Что же, ропщут?

Комдив. Нет, жалоб мало. Ведь взять нам негде.

Михайлов.. Да, нам негде взять. Да, горе, да, беда, но негде взять. Скажите мне, что будет, если вал начнем немедля штурмовать?

Командарм. На узком пространстве, на местности ровной, без прикрытий, огня разжечь нельзя, напиться даже негде. И опояшется Турецкий вал огнем, начнут косить красноармейцев.

Комдив. Великие жертвы!..

Михайлов.. Великие жертвы!

Командарм. Обозы не подтянем, снабженья не наладим. Начнут голодные красноармейцы замерзать.

Михайлов. Довольно! Я понял обстановку. Штурм невозможен. Последний враг, последний враг, ты здесь, в своей берлоге. Но штурмовать нору нельзя. Полки республики стоят от края и до края, к преддверьям Индии пришли, и нет нигде врага пред нами, очищена земля. Штурм невозможен. *(Пауза.)* Так совершим же невозможное. Так совершим же невозможное. Сметем последнего врага! Приказываю по Крымским перешейкам ворваться завтра ночью в Крым!

Командарм.
Комдив. } Завтра ночью!
Командир конной армии.

Михайлов.Завтра ночью! Вы слышите, как воет ветер?

Командарм.
Комдив. } Ветер! Ветер!
Командир конной армии. Ветер!

Михайлов. Союзник наш! На Сиваше угнало воду?

Командир конной армии. Ушла вода с Гнилого моря!

Комдив.
Командарм. } Ушла вода!

Михайлов. Приказываю вам вести полки через Сиваш по броду, занять Литовский полуостров и выйти белым в тыл. И вместе с тем на Перекопе ударьте в лоб, ударьте в лоб!

Командарм *(по телефону)*. Штаб? Полки пускайте в брод по дну Гнилого моря! Немедленно!

Комдив *(по телефону)*. Штаб? Мы начинаем штурм!

Михайлов.. А конница пойдет за вами следом?

Командир конной армии. А, наконец-то! А, наконец-то! Пришел наш час! Пойдем в Сиваш! Пойдем на дно Гнилого моря! Скорей пойдем! И конь ни один не увязнет, не брякнет мундштук! Бесшумно пройдет наша лава, поймаст барона в мешок!

Михайлов. О, жертвы! Вы правы, жертвы! Но кто подсчитает те жертвы, если он из Крыма вырвется и снова Таврию зажжет пожарами, зальет селенья кровью!

Командир конной армии. Теперь иль никогда! И, стало быть, теперь! Ему не жить! Настал конец!

Михайлов. Уйдет? Уйдет?

Командир конной армии. Уйдет не дальше моря, и в море мы его утопим!

Михайлов.
Командарм.
Комдив.
Командир конной армии. } Утопим в Черном море!

За сценой вдали послышалась песня красноармейская.

Михайлов. Пошли полки?

Командарм.
Комдив. } Пошли полки!

Темно.

Конец I акта

АКТ II

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. Ярко освещенный ресторан «Гоморра» в Севастополе. В публике — штатские с дамами и тыловые военные. На эстраде цыганский хор и конферансье. Гремят гитары.

Цыгане *(заканчивая песню).* Ту са, ту са, ту са, мека мамчачо, я люблю вас горячо!

В публике энтузиазм, аплодисменты. Цыганки раскланиваются. Внезапно двери широко распахиваются и появляется генерал Агафьев в сопровождении двух адъютантов и трех дам. Генерал Агафьев совершенно пьян и, чувствуя это, держится преувеличенно трезво и вежливо. Появление генерала вызывает радостное смятение в публике.

Публика. Кто это? Он? Он! Он! Генерал Агафьев!

Конферансье. Господа! Предлагаю приветствовать его превосходительство генерала Агафьева!

Публика. Ура!

Зазвенели гитары.

Цыгане. Бриллиантовою россыпью сверкает мой бокал! Вот входит легкой поступью наш милый генерал! Мы любим генерала, он нашу жизнь спасет... Нам сердце подсказало, что он к нам вновь придет!.. И грянул хор напев любимый, и хлынуло вино рекой! К нам приехал наш родимый Анатолий Сидорович дорогой!.. Толя, Толя, Толя!..

Генеральские дамы. Толя, Толя, Толя!..

Цыгане и публика. Толя, Толя, пей до дна! Мы нальем еще вина!

Хозяин ресторана *(с бокалом шампанского на подносе).* Ваше превосходительство, не откажите сделать честь...

Генерал Агафьев. Признаться, господа... я уже... а впрочем, благодарю. *(Приветливо раскланивается и пьет с отвращением.)*

Генеральские дамы. Толя, Толя, Толя!..

Публика. Защитникам Крыма ура!..

Хозяин ресторана *(официанту)*. Шесть шашлыков по-карски!

Господин в пенсне. Ваше превосходительство! Публика жаждет услышать ваше веское слово о положении на фронте под Перекопом.

Генерал Агафьев. Признаться, господа... я уже... а впрочем, я готов. Я — готов!

Цыгане и конферансье скрываются за занавесом.

На севере у моря воздвигнут мощный град. Стоит врагам, на гóре железный Арарат. Тяжелые орудья на грозном берегу, там пулеметы гнездами на каждом на шагу! Твердыни Перекопа наш восхищают взгляд — там в шесть рядов окопы, в них марковцы сидят! Дрожат пред ними красные, кто сунется — пропал! На марковцах ужасные нашиты черепа! Там мощная ракета взлетает, как звезда! Прожектор налит светом! А бронепоезда!.. Да там в земле фугасы! Весь вал там заряжен! Какие ж лоботрясы полезут на рожон? *(Указывает на портрет белого главкома.)* Вот он, главком любимый, мы все пойдем за ним! Нскопо... полебимо стоит наш бодрый Крым!

Публика. Ура! Ура! Ура! Защитникам любимым! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Появляется Болотов в пальто и подходит к генералу Агафьеву.

Болотов. Извините, генерал, что прерываю веселый пир ваш. Моя фамилия Болотов, художник я. Два дня тому назад в Симферополе контрразведка мою жену схватила. Жена моя ни в чем не виновата. И я прошу вас немедленно ее освободить.

Генерал Агафьев. Но позвольте... имеются на это служебные часы!..

Болотов. О, нет! Довольно издевались надо мною! Два дня я обиваю здесь пороги! Вас не найдешь нигде! И я прошу о человеке, о женщине больной, она ни в чем не виновата!

Адъютант. Какая дерзость!

Публика. Он большевик!

Болотов. Не большевик я! Замолчите!

Генерал Агафьев. Да что ж это такое? Мне нету отдыху, мне нет покоя, мне негде душу отвести! Пришел сюда, чтоб отдохнуть... и вот сперва один надоедало поит меня гнуснейшим суслом... потом является какой-то зверь из бездны и дерзости мне говорит. А я ведь тоже человек и у меня неврастения... *(Плачет.)*

Публика. Арестовать его! Он агитатор! Он оскорбляет генерала!

Болотов. Молчать!

Внезапно появляется военный с перекошенным лицом, подбегает к генералу Агафьеву и шепчет ему что-то на ухо. Генеральские дамы и адъютанты меняются в лице.

Генерал Агафьев. Быть не может! Ты лжешь!.. Мне плохо!.. *(Падает.)*

Генеральские дамы *(тихо)*. О, боже! Перекоп!..

Публика. Господи боже мой! Он умер!

Конферансье *(выходит, раздвигая занавес)*. Следующим номером нашей... *(Умолкает.)*

Стекла в окне разлетаются от удара камнем. В окне возникает веселое лицо человека в кепке.

Человек в кепке. Буржуи! Буржуи! Бегите на пароходы! Красные Перекоп взяли! *(Свистит, скрывается.)*

Публика. Не может быть!.. Что?.. Перекоп?.. О, ужас! Катастрофа!

Генеральские дамы. Жорж, куда вы?

Адъютант. В штаб! *(Убегает.)*

Болотов. Так вам и надо, негодяи!

Публика бросается к выходу в смятении.

Хозяин ресторана. Позвольте получить!!

Публика. В море! В море! О, боже, будут ли места на пароходах?! Красные завтра будут здесь!

Болотов *(один над трупом генерала Агафьева)*. Куда идти теперь? Кого просить? Как выручить ее? *(Обращаясь к генералу.)* Мерзавец!

Темно.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночь. Редкий снег. Поле. Неглубоко окопавшись, лежит офицерская рота с винтовками. На рукавах шинелей, на голубом фоне, нашиты черепа и кости.

Сольский. Я ничего не понимаю! Почему стрельба затихла?

Астров. Неизвестно.

Офицеры. Неизвестно.

Сольский. Мне кажется, что части слева отошли.

Астров. Они и справа отошли.

Сольский. Так что ж выходит? Мы одни здесь? Вот ночь проклятая! А тут еще туман спустился! Не видно в двух шагах. Выходит, дело плоховато... Уж не забыли ль нас?

Астров. А нервы-то у вас шалят, как будто бы у нежной институтки!

Сольский. Паскудный казус!

Офицеры. Паскудный казус!

Из тумана появляется Брегге.

Брегге. Кто хнычет здесь?

Астров. Никак нет.

Сольский. Мы обстановку разбирали, нам обстановка неясна.

Брегге. Нельзя ль избрать другую тему? Поручик Сольский! Я прошу запомнить, что обстановку разбирать — не ваше дело? На то командование есть! Вы, сколько помнится, не командир дивизии? А доморощенного нервного стратега легко в два счета расстрелять! К чертям на ужин! Оратор в офицерской роте нам не нужен! Стыдитесь! Вы — марковец! Смотреть, и слушать, и лежать, курить в кулак! Не нервничайте, марковцы! *(Проходит вдоль цепи в туман.)*

Немилов. Оно и правда!

Сольский. Эх, Крым ты, мой Крым, Крым — двугорлая бутылка!

Офицеры. Он те двинет по затылку, по затылку! Жур мой, жур мой, журавель, журавушка молодой!

Из тумана появляется Брегге, и тотчас же в тумане встает цепь красных. Впереди ее обозначается Комдив.

Сольский. О, боже! Вот мое предчувствие. Нас предали, нас обошли! Нас бросили на гибель! *(Срывает погоны.)*

Брегге. Погоны рвать? Давно ты на примете у меня! *(Стреляет в Сольского из револьвера. Тот падает.)* Рота! Вставай! Вставай! и разомкнись! В цепь!

Офицерская рота встает.

По красной банде! Пальба!.. Ротой!..

Офицерская рота поднимает винтовки.

Отставить! За мной, за мной! И без команды не стрелять! Готовьтесь к смерти, комиссары!

Офицерская рота и цепи красных медленно начинают сходиться.

Комдив. Остановитесь! Остановися, белый! И не стреляй и не коли! Не подымай пред смертью шума. На что надеешься? Вас обошли. Смотри!

В тылу офицерской роты встает другая цепь красных.

Со мной дивизия! А у дивизии на плечах, как лава, конница идет. Куда тебе деваться? Там за тобою никого уж нет, там пусто! И генералы ваши уж бежали, они уже на пароходах. Вы здесь одни, последние. Ты совершил свой путь, пришел твой час расплаты! Освободи дорогу, белый! Даешь нам Черное море!

Цепь красных. Даешь нам Черное море!

Брегге. Он прав. Он прав. *(Грозит куда-то кулаком.)* О, сволочь тыловая! Марковцы, за мной! *(Стреляет себе в висок.)*

За ним стреляются Немилов и Астров.

Офицерская рота *(бросает винтовки, подымает руки)*. Сдаемся! Сдаемся! Сдаемся!

Комдив. Бойцы, смотрите, марковцы сдались!

Цепь красных. Марковцы сдались!

Комдив. Свободен путь! Вперед! Крым наш! Вперед! Там море, море!

Цепь красных. Даешь нам море, море!

Красные валом бросились. Послышалась гармоника, обрывки песни. Вал красных смял офицерскую роту, она исчезла. Красные побежали. Снег пошел гуще. Пауза. Потом из снега и тумана запели гармоники, послышалась песня, показалась кавалерийская часть. Впереди ее едет верхом командир конной армии. В отдалении, сгорбившись, едет Михайлов.

Занавес.

Конец II акта

АКТ III

КАРТИНА ПЯТАЯ

Дворец в Севастополе. Вечер. Камин.

Белый главком *(один, у камина)*. Итак, все кончено. Войне конец, пришел конец бесславный. О, мученье! И надо мне уйти с земли, напрасно орошенной кровью. И нет иной земли... Туда, на море, а потом в безвестный путь... О, предки славные мои, не раз в боях прошедшие Европу, вы видели страдания мои... Уйти навек! *(Пауза.)* Но нет, предчувствие говорит, что я еще вернусь, нет, я еще приду! Наполнится море пушечным грохотом, это вернутся мои корабли. И небо загудит, в нем полетят мои аэропланы, и берег покроется щетиной стальной. Придет, придет день долгожданного счастья! В столице шпалерами станут войска, услышу я звон колокольный, услышу я тяжкий салют. Склонятся ко мне боевые знамена, гром пушек покроет рев батальонов... *(Пауза.)* Нет, не вернусь, нет, не приду! В безвестных далях, в скитаньях, быть может, закончу свой путь... С неутоленной жаждой в сердце... О, мука!

Марк *(входит)*. Простите великодушно, ваше высокопревосходительство... обратите внимание на мою злосчастную судьбу... Куда деваться вестовому? Неужто

в Грецию? Ведь я не знаю ни древнего их языка, ни греческих обычаев! А здесь мне оставаться невозможно. Служил я верой, правдой!..

Белый главком. Какая Греция? Прекрати свой бред! Пошел ты вон!

Марк. Слушаю. Там одинокий проситель сидит.

Белый главком. Впусти его. *(Марк уходит.)*

Болотов. *(входит).* Простите меня, наше сиятельство. Моя жена, Ольга Болотова, взята контрразведкой в Симферополе. Увезена сюда и погибает. Она ни в чем не виновата! Спасите! Защитите! Ни на кого надежды больше нет!

Белый главком. Сознайтесь, она коммунистка?

Болотов.. Клянусь вам, нет.

Белый главком. Скажите правду.

Болотов. Клянусь, что не лгу!

Белый главком. Вот вам записка, передайте моему адъютанту Шатрову, он с вами пойдет в контрразведку и выяснит дело.

Болотов. Благодарю вас, благодарю вас.

Адъютант *(входит).* Конвой подошел, ваше сиятельство. Пора вам ехать на корабль.

Белый главком. Пора? Пора. *(Уходит с адъютантом.)*

Болотов *(один).* А где же он, этот Шатров? Где мне искать его! Куда идти? И кто здесь есть?

Марк *(входит).* Эх, господин! Кого вы ищете?

Болотов. Где адъютант Шатров?

Марк. Чего искать? Его давно уж нет. Он убежал. Переоделся, форму бросил. Чего ему сидеть здесь во дворце?

Болотов. Куда бежал?

Марк. А кто ж теперь узнает? Думать надо, на пароход. А может, вон из города. А может, он и не Шатров. Здесь всякое бывало. Теперь вот в Грецию... Возьмите сами...

Болотов. Какая Греция? Какой-то скверный бред! Кто здесь есть?

Марк. Здесь никого нет.

Болотов. Так, значит, ваш главком, он обманул меня? Он обманул меня? Проклятый!

Марк. Зачем обманывать? Да адъютанта нету.

Болотов. Теперь она погибнет! Она погибнет! Я понимаю, ее убьют! Теперь клочку бумаги грош цена!

Марк. Нет, не грош. Зачем швырять бумагу? А кто она?

Болотов. Жена моя, пойми, жена! Ее схватила контрразведка...

Марк. Мы знаем их. Что говорить! А вы ее теперь уж сами выручайте.

Болотов. Бессилен я. Я сознаюсь в моем бессилье. Что сделать я могу?

Марк. Шатров бежал и форму бросил. Оденьтесь офицером, бумага есть у вас, хорошая бумага. Вы поезжайте сами в контрразведку. Но только виду не подайте, что знаете ее. Обманете начальника, он выдаст вам супругу. Конечно, ежели ее еще не расстреляли.

Болотов. Расстреляли! Ольгу?! О, если это так, убью кого-нибудь, или себя убью!

Марк. Зачем же так? Вы время не теряйте!

Болотов. Какое время? Пустой дворец! Они бежали! Схватили человека!..

Марк. Эх, господин, отчаяние — грех!

Болотов.. Оставь меня!

Марк. Как вам угодно.

Болотов. Постойте! Дайте форму. Где мне одеться? Я заплачу вам, дам последнее!

Марк. Зачем последнее? Идите в адъютантскую, сюда. Да аксельбанты не забудьте.

Болотов.. Бред! Бред! *(Скрывается в адъютантской.)*

Марк *(один)*. Он даст на чай, и хорошо даст. Да с чаевыми в Греции не проживешь ведь. Ах, чтоб тебе!..

Болотов. *(за сценой)*. Помоги мне!

Марк. Иду, иду. Теперь у каждого свое. Ах, чтоб тебе!..

Темно.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Помещение контрразведки. Ночь.

Маслов *(один, проверяя карманы)*. Валюта здесь и документы здесь. Ну, что же, все готово, и ехать можно с чистой совестью. К чему возиться с этим делом? Через три дня я буду далеко. Пусть красные сожрут всю эту гнусную страну. Я послужил, я честно долг исполнил. Но нет! С неодолимой силой я стремлюсь распутать этот клубок, последний, я надеюсь. Но почему? Какой азарт влечет меня? Ах, вот что. Я принципиален. Полковник Маслов я. Полковник Маслов я. Я все узнаю. А все узнав — я расстреляю. Без этого я не уйду. И кроме того, деньги. Я чувствую, что касса у нее, партийная, там деньги есть, и деньги эти не превратить в валюту было бы грешно. Впустите Болотову.

Болотова *(она больная, не узнает людей)*.

Маслов. Ах, боже, боже, вы совсем больны! И я жалею вас, но что поделаешь, долг службы. Садитесь на диван, сюда, и говорите, но только истину. Святое слово — истина. Мне нужно знать ее. Скажите слово истины, я отпущу вас. Поймите, что вас ждет свобода.

С улицы послышался цокот копыт и вальс, который играют медные инструменты.

Болотова. Вальс? Вы слышите, как вальс играют?

Маслов. Да, вальс. Там конница идет.

Болотова. Вальс... Ах, где же, где же слышала я старинный вальс... Но голова болит, я не могу припомнить... Я все готова вам открыть... но я забыла все слова... вы что-нибудь мне подскажите...

Маслов. Да, да. Скажите только адреса и где их деньги?

Болотова. Ах, вспомнила! В галерее блестели медные трубы, меня обвевает тот вальс... кто-то сказал мне, что я прекрасна... кто целовал мои губы?

Маслов. Очнитесь, вы бредите. Проклятый тиф! Он погубит все.

Болотова. Вспомнила, вспомнила...

Маслов. Да, говорите.

Болотова. Я за рекою слышу гармонию... белые лилии лежат на воде...

Маслов. Где деньги? Где деньги? Я отпущу вас.

Болотова. Солнце горит меж деревьями, в роще... как бы мне эту лилию сорвать...

Маслов. Деньги, где деньги?

Болотова. Мне стало страшно... отпустите... дайте мне пить!

Маслов. Нет, ни капли! Довольно притворства! Вы — комедиантка!

Болотова. Чей это голос грозит мне? Спасите!

Маслов *(звонит. Входит солдат).* Дайте мне Марича на очную ставку!

Вталкивают связанного Марича.

Ну, что? Узнали вы друг друга?

Болотова. Нет, я его не знаю...

Марич. Палач!

Маслов. Молчать! Ты ее не знаешь, негодяй?

Марич. Да, ее я знаю. Но к организации она непричастна. Я видел ее только раз, когда гнались за мной. Отпустите ее, она в бреду, не узнает людей.

Болотова. Я знаю, помню, он был ранен...

Марич. Отпустите ее.

Маслов. Нет, негодяй! Ты не в бреду, и если ты не назовешь имен, ее пытать я стану.

Входит Болотов в адъютантской форме.

Кто вы такой? Как вы сюда проникли?

Болотов. Я — адъютант Главкома Шатров, вот бумага. Благоволите сообщить, зачем здесь держат Болотову? Ольгу? Вот она.

Маслов. Вы знаете ее?

Болотов. Нет. Но знаю дело.

Маслов. Не понимаю, почему Главком заинтересовался этим делом. Но ежели ему угодно, я допрошу при вас обоих.

Болотова. Вот пришел самый страшный человек... это его голос терзал меня в то время, как мы здесь с вами пели вальс...

Болотов. Что с ней?

Маслов. Она немного нездорова, грипп, простуда...

Марич. Он лжет! Она болеет тифом! Он ее пытал.

Болотов стреляет в Маслова, тот падает.

Голос за дверью. Что такое?

Марич. Здесь допрос!

Болотов. Здесь допрос!

Болотова. На помощь! Здесь убили человека! Злодей! Злодей!

Голос за дверью. Что такое?

Марич. Скорей закройте дверь. Здесь допрос!

Болотов. *(закрывает дверь).* Здесь допрос. Впервые в жизни я убил. Ольга! Взгляни, ведь это я!

Марич. Он смерти ждал давно. Кто вы такой?

Болотов.. Я муж ее.

Марич. Развяжите мне руки.

Болотов.. Ольга, ты не узнаешь меня?

Болотова. Я тебя не знаю, ты — убийца. Боюсь тебя.

Болотов. Что нам делать?

Марич. Не медлите, нас схватят. *(Болотовой.)* Не кричите. Меня вы не боитесь?

Болотова. Нет.

Марич. За мной! За мной! Скорей! Скорее! *(Набрасывает на себя плащ Маслова, его фуражку.)* Если нам удастся вырваться из города, я выведу вас в горы.

Болотов.. Ольга, за нами!

Болотова. Нет, не пойду.

Марич. Берите ее силой, и если остановят нас, скажите, что вы ведете арестантку на расстрел. За мной, сюда!

Болотов. В горы?

Марич. В горы!

Болотова. Нет, не пойду!

Марич зажимает Болотовой рот и вместе с Болотовым увлекает ее вон.

Голос за дверью. Откройте!

В дверь стучат, дверь взламывают.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Лес высоко в горах. Море вдали. Шалаш. Костер. Болотова лежит на шинелях в шалаше. У костра сидит Зейнаб.

Зейнаб. Когда человек хворает, он горит, как свеча, как свеча. Но я ничем ему помочь не могу. Чем помогу я бедной женщине?

Болотова *(приходя в себя)*. Кто здесь?

Зейнаб. А, ты меня видишь? Теперь ты меня слышишь? О, радость всем и твоему мужу!

Болотова. Кто вы такая? Где я? Что со мной?

Зейнаб. Привет тебе! С приездом в горы!

Болотова. Кто ты?

Зейнаб. Я — Зейнаб. Мы жили под горами, но белые пришли, сожгли деревню, убили брата и отца, а я ушла сюда, повыше в горы, где живут лесные люди.

Болотова. Но как же я сюда попала?

Зейнаб. Тебя принесли из города, ты была больна. И я уж думала, что ты умрешь в горах. Лекарства нет, и чаю нет, пей воду. *(Дает Болотовой напиться.)* Но вот прошло три дня, и ты очнулась. Привет тебе, с приездом в горы!

Болотова. Где мой муж?

Зейнаб. Ушел с отрядом на разведку.

Болотова. Голова кружится... Мне кажется, что вижу сон... Я много снов, ужасных снов видала, Зейнаб, последние дни... Я видела злодея, при мне его

убили. Ах, память, память!.. И вальс играли, и я с кем-то пела вальс... Иль это было наяву?

Зейнаб. Нет, это снилось. Ты была больна.

Болотова. Нет, вальс слыхала я, и очень ясно, его играли за рекой. И лилии я видела. И вдруг средь лилий кровь, и он упал.

Зейнаб. Мне жаль тебя.

Болотова. Теперь мне снится море.

Зейнаб. Нет, море настоящее, живое.

В лесу крик: Эй! Ответный крик: Эй!

Твой муж. Твой муж идет. *(В даль.)* Сюда иди скорей, она очнулась!

Появляется Болотов, он в лохмотьях, с винтовкой.

Болотова. Алексей, Алексей, ко мне!

Болотов. Она очнулась! Теперь ты не умрешь, я в это верю!

Болотова. Вот память возвращается ко мне... Теперь я помню, ночью, в контрразведке... Ты его убил?

Болотов.. Убил.

С моря — пушечный выстрел. Эхо побежало в горы.

Болотова. Что это? Ужель нас здесь найдут? Белые придут, они нас схватят!

Болотов. Нет, не придут они сюда. Ну, что ж, а если и придут, терять нам нечего, нам больше нет возврата, мы будем защищаться. Мы встретим их огнем и сбросим с кручи их. А если нет, то мы погибнем, но мы погибнем вместе. Не бойся!

Болотова. С тобой я не боюсь.

Пушечный выстрел повторился. На скале появляется Зейнаб, смотрит на море. Военный корабль появляется на море, начинает уходить от берега.

Зейнаб. Они уходят! Они уходят! Будьте прокляты навеки! Будьте прокляты навеки! Пусть море разойдется!

Болотов. Белые уходят! Смотри, смотри, еще корабль!

В горах повыше послышался крик — Эй! Ему ответили другие голоса.

Болотова. Уходят!

Болотов. Стреляй! Стреляй!

На скале появляется Марич, за ним выбегают несколько человек.

Марич. Дайте им залп на прощанье!

С гор грохнул залп.

Болотов. Конец!

Марич. Конец! Конец лесной звериной жизни. Барон уходит на дно моря!

Болотова. Конец, конец моим страданьям!

Зейнаб. Я проклинаю вас!

Болотов. Конец! Прощайте, горы! Прощайте, горы!

18 ноября 1936 г.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Либретто оперы в 5 актах (9 картинах)

Действующие лица

Илья Пахомов, сын посадский.
Патриах Гермоген.
Гонсевский, начальник польского войска в Москве.
Федька Андронов, боярин.
Минин, один из старост в Нижнем-Новгороде.
Мария, приемная дочь Минина.
Пожарский, начальник ополчения.
Ходкевич, гетман литовский.
Зборовский, польский ротмистр.
Биркин, стряпчий.
Шереметьев, воевода.
Казак-запорожец Петрусь.
Трубецкой, начальник казацкого войска.
Одарка, казачка.
Авраамий Палицын, монах.
Моксеев, гонец.
Донской казак.
Первый ратный.
Второй ратный.
Русский народ, старосты нижегородские и воеводы, казаки, литовцы, поляки, немцы-драбанты[1], татары, мордва.

Действие происходит в 1611—1612 годах.

[1] Телохранители *(устар.)*.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Темница в Кремле. Лампада. В окошке за решеткою луна. Гермоген прикован к стене. Слышится дальний католический хор, поющий по-латыни. Бьют далеко башенные часы.

Гермоген. Полночь... Но сон от глаз уходит. Я не ропщу и жду, когда придет сон вечный, и радуюсь, что он настанет вскоре, что не услышу я, как чужеземцы поют заутреню в Кремле. Я не увижу, как погибнет вовсе наш предел российский и настанет царствующему граду конечная теснота. Сон бесконечный, приди, приди и погаси и слух и зрение усталого раба!

Шорох. Плита в полу поднимается, и выходит Илья Пахомов.

Пахомов. Владыко, тише!

Гермоген. Кто ты?

Пахомов. Нижегородец, сын посадский, Илья Пахомов. Я знаю ход в Кремле подземный, полякам неизвестен он.

Гермоген. Зачем проник сюда, безумный?

Пахомов. Пришла к нам смертная погибель! Остался наш народ с одной душой и телом, терпеть не в силах больше он. В селеньях люди умирают. Отчизна кровью залита. Нам тяжко вражеское иго. Отец, взгляни, мы погибаем! Меня к тебе за грамотой прислали, а ты в цепях, в цепях, несчастный! Горе нам!

Гермоген. Мне цепи не дают писать, но мыслить не мешают. Мой сын, пока ты жив, пока еще на воле, спеши в Троице-Сергиевский монастырь. Скажи, что Гермоген смиренный велел писать народу так: идет последняя беда!

Пахомов. Идет последняя беда!

Гермоген. Царь польский Жигимонт Отчизну нашу отдал на поток и пламя и посадил к нам сына Владислава. И если не поднимется народ, погибнем под ярмом, погибнем!

Пахомов. Исполню все!

Гермоген. Спеши отсюда, на страже немцы. Берегись!

Пахомов. Прощай, прощай, прощай! *(Скрывается.)*

Гермоген. Не оскудела храбрыми российская земля и век не оскудеет.

Глухой выстрел.

Боже!

Загремели засовы. Вбегает Немец-Драбант. Плита поднимается. Из-под нее выскакивают двое драбантов, втаскивают Пахомова со связанными руками.

Драбант. Готт фердамм мих![1]

Входит Гонсевский.

Гонсевский. А, поймали птицу!

Вбегает Федька Андронов.

Вот, погляди, боярин, как патриарх изменников приваживает по ночам.

Андронов. Расстрига он, не патриарх! Изменник королю, заводчик смуты!

Гермоген. Презренный червь.

Андронов *(выхватив нож)*. Ах, ты!

Гонсевский. Нет, погоди, боярин, ты горяч. *(Пахомову.)* Кто ты таков, холоп?

Пахомов. Ты так меня не называй, я вольный человек. А вот другой перед тобою, наш боярин, Андронов Федька, он холоп!

Андронов. Пытать его!

Гонсевский. Нет, погоди. *(Драбантам.)* Обыщите, нет ли послания на груди.

Пахомова обыскивают.

Зачем проник в темницу?

Пахомов. Хотел я поглядеть, как старика вы держите в цепях.

---

[1] Будь я проклят!

Гонсевский. Ну, добро! Я вижу, что ты боек, хлопец! Мне надоело их пытать и вешать. Эй, приковать его!

Пахомова приковывают.

Сиди же здесь во тьме, гляди на старика до самой смерти. Удвоить караул! Пойдем, боярин. Прощай, чернец безумный! *(Уходит с Андроновым и драбантами.)*

Гермоген. Молись, молись, мой храбрый сын! Ты молод, сердце жалость точит.

Пахомов. Нет, не могу молиться. О чем просить мне бога? Лишь о скорой смерти!

Гермоген. Безумец!

Пахомов. Луна, луна, за что меня сгубила? Уж я достиг стены, но выдал лунный луч, меня заметили, схватили... Ах, неудачлив я, туда мне и дорога! Но мне невесту жаль. Гонцы найдутся без меня, дадут ей знать, как я, несчастный, пропал из-за луны. Она узнает и заплачет, а я ни плакать, ни молиться не могу! Мне подвиг совершить не удалось!.. Тоска меня терзает!

Гермоген. Будь прокляты мучители навеки! Тебе венец, мой сын, венец!

Пахомов. Тоска, тоска меня терзает... Тоска!

Темно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Осенний рассвет. Двор дома Минина в Нижнем-Новгороде на обрыве над Волгой.

Минин *(один)*. Рассвет! Я третью ночь не сплю, встречая рассвет осенний и печальный, и тщетно жду гонцов с вестями из Москвы. Их нет, и ночи тишину не нарушает топот их коней.

Рассвет и тишина! Ужели Богом забыт наш край? Не слышно бурлаков с их слезной песней, не видно лодок на реке. И нету дыма в селеньях дальних, умерщвленных великим гневом божьим, гладом, мором и зябелью

на всякий плод земной! Молчит родная Волга, но здесь в тиши я слышу стоны нищих, я слышу плач загубленных сирот, великий слышу плач народный, и распаляется огнем душа, и дальний глас зовет меня на подвиг! О, всевеликий Боже, дай мне силы, вооружи губительным мечом, вложи в уста мне огненное слово, чтоб потрясти сердца людей и повести на подвиг освобождения земли!

Дай орлий лет и сердце твердо и укажи мне правый путь! Возьми, возьми меня избранником своим! Я подыму с земли сей храбрых, с собой в бой их поведу и изгоню врагов с земли!

Но если нам придется пасть, не выбив всеядный меч из рук чужих, дай пасть в бою!

Падем, падем, и ветер прах развеет, и кости выбелит бойцов, и ржавые доспехи затянет всемогущая земля. И там, где бой кипел, взойдет зеленая трава. И в землю мы уйдем, как вышли из земли.

Да, мы уйдем, земля затянет прах, но над курганом боевым взлетит и наша память. Помянут в песнях нас над водною широкой гладью и на песчаных волжских берегах, и над полями и лесами великого родного царства песнь не умолкнет никогда!

Нет, прочь печальные мысли, прочь, малодушие! Меня мой вещий глас не обманет, родное царство с боем встанет, и мне достанется и честь и слава быть избранником его! Мы победим, мы победим!

Что это? Топот? Нет, нет... Повсюду тишина. Пойду и я в тиши хотя б в часы рассвета сомкнуть глаза.

Вдали слышен конский топот. Появляется Моксев, стучит. Выходит Мария.

Мария. Кто тут? Моксев, ты?..

Моксев. Буди отца! Буди, скажи, что вести есть!

Мария. А где ж Илья? Мокеев, не томи, скажи, зачем один вернулся ты? Ильюша где же? Ты молчишь? Ох, сердце чуяло беду! Ох, не молчи, зачем меня ты мучишь?

Мокеев. Горькая участь, девка, твоя! Попался полякам в лапы Илья!

Мария. Ах!.. Чуяло сердце злую беду! Чуяло сердце!.. Бедный мой сокол, Ильюша!.. Зачем ты, несчастный, невесту покинул? Покинул, взвился в поднебесье и сгинул! И не услышишь ты плач и стенанье мое!

Минин *(входит)*. Кто тут? Чего ты рекой разливаешься? Ты, что ль, Мокеев? Один? Ну, говори!

Мария. Батюшка милый! Не видать нам Ильюши, не видать никогда!

Минин. Жалко тебя мне, жалко, Мария. Только слезами его не вернешь. Ты не одна! По многим из храбрых плачут у нас (*Мокееву*). Говори, как было дело?

Мокеев. До Москвы добрались мы с Ильею вдвоем. Владыко в темнице, все плачут по нем. Тою же ночью мы были в Кремле, есть там подкопы глубоко в земле. Ильюшка пополз и скрылся в норе, я ж на часах стал во дворе. Вдруг слышу выстрел в подкопе и крик... Ильюша выбежал в этот же миг! Хотели мы скрыться, бежать под стеной, только весь двор заливает луной. Грянул поблизости тут самопал. Вижу, Илья не бежит, захромал! «Беги! — он кричит, — а меня не спасти!.. К Троице некому весть отнести... Зачем пропадать нам без пользы вдвоем?.. А Марии скажи, что Илья бьет челом!»

Мария. Не пришлось мне дождаться с любимым венца!

Минин. Народ не забудет подвиг гонца!

Мокеев. Слышал я утром, народ толковал, Гонсевский Ильюшу на цепь приковал! Тут я, немедля, вскочил на коня, был я у Троицы через три дня. Минин! Сбирай поскорее народ! Всех нас на подвиг Сергий зовет! Исполнил с Ильей я честно наказ. Вот тебе грамота! Вот и весь сказ!

Минин. Дай грамоту сюда, она дороже злата! Гонец, ты послужи еще! Я дам тебе коня, и ты без отдыха скачи сейчас, скачи сейчас к Пожарскому в деревню и привези его сюда к полудню завтра... Скажи, что ждем его на дело государства!

Мокеев. Он изувеченный лежит! Как подыму его я?

Мария. Нет, он приедет! Умоли его!

Минин. Шепни, чтобы не мешкал! Скажи, что грамота пришла, пришел наш час! Скажи, зову его на подвиг — царство спасать!

Мокеев. Ну, так и быть! Дай хлеба и вели седлать мне. Но уговор — коня зарежу, не буду я в ответе!

Минин. Зарежь, я слова не скажу! Эй, кто тут есть? Седлать гонцу коня!

Мокеев. К полудню завтра с князем буду у вас!

Минин.
Мария. } В добрый час!

Темно.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Осенний день. Лобное место и собор в Нижнем. Оружейная палата. Набат. Встревоженный народ бежит со всех сторон к Лобному месту. У Лобного места — группа воевод, старост и стряпчих нижегородских. У собора — слепцы и нищие.

Слепцы. Многие русские бояре нечестивцу отдались, нечестивцу отдались и от веры отреклись.

Воеводы. Вот кашу-то заварил! Как-то расхлебаешь?

Народ. Зачем народ сзывают?

Слепцы. Видение, видение было. Распалися тучи грозные, и из-за туч вдруг воспылал ослепительный луч. В блеске явился нам праведный муж...

Биркин. Замолчите, убогие! Не было вам никакого видения, не было!

Воеводы. Не было вам никакого видения!

Слепцы. Было видение! Сергий явился спящих будить!

Народ. Было видение!

Биркин. Не было Головы, старосты, дети боярские, остерегитесь! Проклятый говядарь, Козьма Сухорукий, смущает народ. Знаем, что он умыслил. Чаять нам от него большея смуты, большея гибели! Вот он, окаянный!

Минин *(появляется на Лобном месте)*. Здравствуйте, граждане нижегородские!

Народ. Здравствуй, наш староста! Здравствуй, Кузьма Захарыч!

Минин. Вчера на заре прискакал к нам гонец. Он грамоту привез из Сергиева монастыря. И будто острый нож вонзили мне, когда ее я прочитал.

Женщины в народе. О, господи, спаси нас!

Минин. Пришел родной земле конец, последняя и горькая погибель. Топчут польские кони царство от края до края. Люди, как звери, падаль едят, и дети наши умирают.

Женщины в народе. О, горе нам, горе!

Народ. Кто нам защита? Кто нам прибежище?

Минин. Никто не защитит нас! И скоро, скоро всех нас с детьми и женами задавят под ярмом!

Народ. Проклятые! Проклятые!

Минин. Избыть беду самим измыслить надо. Испил я чашу поругания и больше пить ее не в силах. Зову с собою храбрых идти освобождать Москву! Побьют нас — ляжем, но не дома, а честной смертью в поле брани. Ведь все равно нам помирать!

Народ. Зачем помирать? Литву иль ляхов мы прогнать сумеем. Вот если б воевод раздоры, судей неправедных поборы да прихоть боярскую испепелить!

Женщины в народе. Хотим с тобой страдать! Хотим с тобой на подвиг!

Мужчины в народе. Возьми с собой и нас и будь нам старшим человеком!

Женщины в народе. Возьми с собой и нас: мужей и братьев раны исцелять!

Мария *(на Лобном месте)*. Отец, возьми меня с собой! Гонец мне злую весть привез, что мой жених, Илья Пахомов, в Кремле поляками взят в плен. Теперь в темнице он подземной на цепь прикован. И солнца свет померк, и отчий дом мне опостылел, и клятву я дала, что я найду его живым иль мертвым?

Воеводы. Кто поведет голодных рать? В военном

деле кто искусен? В измене кто не объявлялся? Креста врагу не целовал?

Пожарский выходит на Лобное место. Он в темном одеянии, опирается на посох. На лице у него, уродуя его, большой шрам. Рука на перевязи.

Пожарский. Простите. Простите, люди нижегородские, что я, искалеченный, предстаю перед вами. Не осудите.

Народ, пораженный видом Пожарского, молчит.

Мария. Здравствуй, князь Дмитрий Михайлович!

Народ *(тихо)*. Здравствуй, князь Пожарский!

Пожарский *(Минину)*. Зачем меня ты потревожил? Зачем призвал к народу?

Минин. Скажи народу, князь, где ранили тебя.

Пожарский. С поляками дралися мы в Москве, хотели Кремль у них отнять. Поляки с немцами великой тучей нагрянули на нас, зажгли Москву. В дыму пожарищ, под звон набата, с жолнерами сцепились мы щит ко щиту. Не дать гореть Москве, не дать! Но кровию своей пожара мы не потушили. Нас было мало. Я помню рев огня, я помню трубный вой... Потом я память потерял, меня из боя унесли. Что было дальше, я не знаю и не хочу я знать. Зачем меня тревожил?

Минин. Поведи нас!

Мария. Поведи народ!

Народ. Пойдем с тобой на смерть!

Воеводы. Где денег взять на жалованье ратным?

Минин (*высыпает из мешка деньги*). Здесь все, что нажил в жизни. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь! А коль не сыщем денег, жен и детей заложим в кабалу, чтоб ратным скудости не знать!

Народ. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь!

Мария. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь!

В народе. Дадим им третью деньгу! *(Бросают кошели на Лобное место.)*

Мария. Возьмите жемчуг мой и крест!

На Лобном месте полетели градом деньги. Пожарский снимает с себя крест.

Пожарский. Так быть по-вашему! Так быть по-вашему! Откройте, воеводы, народу Оружейную палату!

Биркин. Ишь, что умыслили! Открыть кабацкой голи Оружейную палату! Не пущать их к дверям! Сидите в Нижнем, покуда целы!

Жены воевод и воеводы. Побьют вас люди польские, возьмут в полон! Сидите в Нижнем!

Минин. Ой, Биркин, не искушай меня, поберегись! Змея ты подколодная, народу враг! Смотри, я обличу тебя пред православными! Кто тушинскому вору крест целовал? Кто Сузмунду клялся? А кто народ до нитки грабил? Кто в кабале его томил? Ой, Биркин, берегись!

В народе. Правду молвил староста, не доброхот он нам, злодей он, кровопийца! Да что нам на него глядеть? Берите, братцы, Биркина!

Смятение.

Биркин. Да что вы, православные? Какой я вам не доброхот? Побойтесь бога. *(Еле выбравшись, убегает.)*

Народ. Давайте копья нам!

Народ бросается к Оружейной палате.

Воеводы. За ключами пошлем, ключей нетути.

Пожарский. Ключи нам не нужны, откроем и без них! Народ! Бери оружие в палате!

Мужчины в народе. На слом, ребятушки! Пора! На слом!

Воеводы шарахнулись. Народ бросился к палате, бревнами, как таранами, взломал двери. Над толпой засверкали копья.

Минин. Князь! Грамоты напишем, пошлем гон-

цов по всей земле, чтоб города другие стали бы в едином сходе с нами! Освободим Отечество или погибнем!

Мария. Найду его живым и цепи разобью!

Народ. Полякам смерть!

Пожарский. Чтобы никто в бою не дрогнул!

Слепцы. Тучи распалися, и из-за туч вдруг воспылал ослепительный луч...

Пожарский. Никто чтоб смерти не боялся!

Слепцы. В блеске является праведный муж...

Пожарский. А будет так, тогда врагу настанет последний...

Слепцы. Грозен и светел!..

Все. Судный час!

Конец первого акта

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Летняя ночь. Стан гетмана литовского Ходкевича. Шатер Ходкевича с его знаменем залит светом. Шатер охраняют немцы, копьеносцы и алебардщики. Пылают костры. Бочки с вином. Литовцы, поляки и немцы пируют. Гремит музыка, цимбалы, бубны, трубы. Танцоры пляшут мазурку, летят через костры, стреляют из пистолетов в воздух.

Литовцы. Привел к нам на помощь славный Замойский непобедимое польское войско!

Поляки. Любим, как братьев, литовских вояк, Польшу прославивших в грозных боях!

Литовцы.
Поляки. } Смело пойдем мы на штурм вражьих башен, с немцами нам даже дьявол не страшен!

Литовцы.
Поляки.
Немцы. } Рыцари наши лавром повиты! Да живет вечно Речь Посполита!

Ходкевич выходит из шатра.

Все. Слава великому гетману!

Ходкевич. Нет, кубок первый во славу господаря!

Все. Слава Сигизмунду! Слава Сигизмунду!

Ходкевич. Второй — во здравье Владислава, всей Московии царя!

Все. Виват! Виват! Виват!

Ходкевич. Налейте пред боем последние кубки. И крикнем — виват! — чтобы дрогнула твердь! Пылкий выпьет за алые губки, мечтатель — за славу, а мудрый — за смерть!

Все. Смерть врагам! Смерть врагам!

Ходкевич. Бледнеют звезды, близок рассвет. Седлайте, панове, времени нет! Седлайте, поскачем смело вперед!

Все. Великий король объявил нам поход!

Загремели трубы. Все покидают сцену

Ходкевич. Со мной хоругвь гусарскую оставить. Зборовского ко мне!

Зборовский *(входит)*. Имею честь, ясновельможий гетман!

Ходкевич. Садитесь, ротмистр. Мне не спится. Старость проклятая! Пейте вино. Признайтесь по чести, ведь скучный поход?

Зборовский. Признаюсь, мне скучно в лапотном царстве. На некормленых меринах, по голодным равнинам гарцуют жолнеры то назад, то вперед... Скучный поход!

Ходкевич. Скучный поход! В юности я воевал на Западе, в войске испанском, с герцогом Альба, вечная память ему! За веру и славу мы бились в странах прекрасных, каких ты не видел во сне! Города перед нами в луне засыпали, а просыпались в огне! Вечная память! На врага копьеносцы неслись ураганом, враги уже знали наш клич боевой! И кровь я стирал с своего ятагана!.. Юности слава, а старым — покой!

Зборовский. Я вам завидую, гетман великий! Что может быть краше чем слава? В бою, на бивуаке в бессонные ночи о чем я мечтаю? О ней! Она предо

мною, как искра, танцует, взвивается в небо, зовет! Следишь неустанно и с жадностью ловишь глазами волшебный полет. Но, взвившись, бесследно она исчезает, ее поглощает вдруг мрак... Очнешься на бурке, и вновь ты в Московии, и вновь пред тобой бивуак! Вам, гетман великий, досталися лавры в далекой иной стороне, а здесь, под московским посадом иль лаврой, я славу увижу во сне. Ну, что ж! Разверну свою конную лаву, я с нею погибну в бою... Да, только за славу, военную славу я пью и хвалу ей пою!

Ходкевич. О, кровь молодая! Слушай, Зборовский! Грозные вести: силой несметной, как темная туча, русская рать идет на Москву. Поднял их Минин, ведет их Пожарский, раненый князь. С ними не справиться мне. Наши в осаде погибнут в Кремле.

Зборовский. Страшные вести. Что же нам делать?

Ходкевич. Если б погибли их предводители, смятение охватило бы их ряды... Надо проникнуть тайно в их стан... Мне нужен бесстрашный, неуловимый... Ты меня понял?

Зборовский. Убийство!.. Убийство!.. Вот что скрывается в этих словах! Ты посылаешь меня на убийство!..

Ходкевич. Убийство — нелепое, детское слово. На карту поставлена честь короля. Впрочем, я вижу твое колебание. Если боишься...

Зборовский. Раскается каждый, кто мне скажет, что я труслив! Но что-то мне душу щемит, что-то неясно... Дай мне помыслить!

Ходкевич. Не о чем мыслить! В шатре ожидает одежда казацкая, там приготовлен лихой аргамак. Дорога известна, сейчас они в ста верстах. Король узнает о том, кто армию спас. Слава безмерная, слава великая! Ротмистр, ты станешь навек знаменит!

Зборовский. Гетман, ты прав! Лишь слепец безрассудный отринет фортуну свою! Я совершу этот подвиг лихой, капризную славу поймаю! Где одеянье? Жди меня, гетман! *(Убегает в шатер.)*

За рекой появилось дальнее зарево. Зборовский возвращается в одежде запорожца.

Ходкевич. Неузнаваем! Верю в удачу! Желаю удачи! Скачи в Ярославль!..

Зборовский. Ты обещал мне славу, запомни это, гетман великий! *(Скрывается.)*

Темно.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Конец лета. Заглохший сад, в нем разрушенная часовня. Ночь. Луна.

Мария *(одна)*. Вновь над землею полоненной безмолвно поднялась луна. Тоскливый час, о, час бессонный!.. Лишь только светом бледным луна зальет печальные сады, отходит сон от глаз, мечтанья душу мне смущают. Я знать хочу, кто этот путник молодой, что проходил вчера и взор мне бросил нежный. Как он красив, на нем не наше одеянье. Как ты красив, казак! Мысль грешная опять его увидеть преследует меня. Я отогнать ее хочу — и отогнать не в силах! Да, снова легкие шаги!.. Он! Это он! Кто тут?

Зборовский. Не бойся, девица, меня.

Мария. Ты напугал меня. Скажи мне, кто ты?

Зборовский. Не бойся, я зла не причиню тебе.

Мария. Скажи мне, кто ты?

Зборовский. Я запорожец, стан наш рядом, недалеко. Позволь мне яблоко сорвать, я голоден.

Мария. Ну, что ж, сорви, теперь они ничьи. Разорены сады. Разорены селенья наши.

Зборовский. Второй уж раз сегодня я прохожу украдкой здесь и вижу, ты грустишь одна. И мне вдруг стало грустно и вспомнилась родная Украина.

Мария. А хорошо у вас на Украине?

Зборовский. Края бесценные мои! Нет в мире сладостней природы! Там в реках голубые воды, там звезды водят хороводы, в дубравах свищут соловьи!

Мария. Страна чудес!

Зборовский. Страна родная!

Мария. Несчастный край наш разорен, зачем пришел на пир кровавый?

Зборовский. Я не рожден для мирной жизни. Узнав о гибели Отчизны, пришел, чтоб увенчаться славой!

Мария. Хвала тебе!

Зборовский. Какой ценой купил мечтание о ней! Я зажил жизнию иною, бесстрашно жертвовал собой и не считал в походе дней. Я встретил здесь тебя случайно, тебе одной доверю тайну. Рассудок мой ты помутила, ты сердце сразу покорила, я не вернуся больше в бой. Покинь, покинь страну печали, бежим со мной!

Мария. Ты обезумел! Что с тобой? В тот час, когда пришла беда, будь проклят тот, кто строй покинет!

Зборовский. Теперь пусть все на свете сгинет! Такой, как ты, не видел никогда!

Мария. Оставь меня, грешно тебе! Своею песнью соловьиной ты истерзал меня. Люблю другого я, он узник, цепь его в крови. Какие б ни были страданья, я не нарушу обещанья, не изменю своей любви! Уйди! И не смущай меня! А я останусь здесь в покинутых садах томиться и смотреть, как над землею полоненной плывет безмолвная луна...

Зборовский. Несчастлив я. Прости меня.

Мария. Вернись к себе живой. Меня забудь, прощай.

Зборовский. Постой, не уходи, скажи мне имя на прощанье.

Мария. Я дочь Минина.

Зборовский. Удача! Слушай, Мария, второй уж день ищу я здесь Пожарского и твоего отца. Меня прислали к ним. Владею важной тайной я. В Кремле московском знаю ход подземный, через него поляков можно взять.

Мария. Какое счастье, что встретила тебя! Пожарского стоянка здесь. Отец и он придут за мной.

Зборовский. Я тотчас возвращусь, переведу

коня сюда поближе. Пусть подождут меня. Они не пожалеют.

Мария. Я провожу тебя. *(Уходит со Зборовским.)*

Выходит Минин. Некоторое время он один, затем появляется Пожарский.

Минин. Здравствуй, князь. Я жду тебя.

Пожарский. Что поздно ночью, Козьма Захарович? Аль что случилось?

Минин. Да, князь. Прибежали гонцы. Гетман Ходкевич из-под Можайска тронулся прямо к Москве. Здесь медлить боле мы не можем, нам надо стан снимать и под Москву спешить.

Пожарский. Нет! Что бы ни было, а тотчас выйти мы не можем. Поспешностью Москвы мы не спасем, а только ополчение загубим.

Минин. Тебя ли слышу, князь?

Пожарский. Да, выслушай меня. Я знаю, что я говорю. Пусть подойдут те ополченья, что подойти должны от украинных городов. Что делать мне без них с моею малой ратью, с голодной ратью и босой? Те города, что не видали от поляков притесненья, святому делу не усердны, обещанных нам денег не дают. А в ополченье стон стоит от ссор и неурядиц, и всякий бьет о жалованье мне челом. Чем мне кормить детей боярских, стольников и всех людей служилых. Как праздно-любцев-воевод унять? Нет, тронуться сейчас нельзя. Подмоги дайте мне, подмоги!

Минин. Не верится мне, князь, что слышу я тебя. Не ты, не ты, другой передо мной! Ужели малодушие тебя смутило? Ты дело начал доброе, и вот о нем ты не радеешь. Многомолебные писания от старцев в презренье хочешь положить! Покуда будем ждать подмоги, Ходкевич подойдет к Москве и будет труд великий всуе и ополченья сбор напрасен! Молю тебя, не медли, князь!

Пожарский. Так я укоры заслужил! Ну, что ж, нерадив я, неискусен, зачем же на меня вы бремя это наложили? Держались бы другого, и разумом и духом сильнейшего меня!

Минин. Опомнись, князь, теперь не время и гнев, и ссору воздвигать. Не медли, князь!

Пожарский. Нет, плох совет твой, Минин-Сухорукий, и я не послушаю тебя.

Мария входит.

Минин. Что ты, Мария, не вовремя пришла?

Мария. Прости мне, батюшка, я с вестью. Казак из стана запорожцев прискакал и ищет князя, чтоб сказать, как в Кремль проникнуть тайным ходом.

Минин. Казак? Откуда же он тайну знает? Ну, если знает, что же, добро!

Мария. Он скачет, это он!

Минин. Ну, что ж, поговори с ним, князь. Я подожду тебя. *(Уходит в тень.)*

Зборовский появляется.

Мария. Вот, запорожец, тот, кого ты ищешь. Перед тобою князь Пожарский.

Пожарский. Ты знаешь тайну, запорожец?

Зборовский. Да, князь, и сейчас ты ее узнаешь! *(Выхватывает нож, бросается к Пожарскому.)*

Раздастся выстрел. Зборовский падает. Минин выходит, в руках у него пистолет.

Минин. Ох, девки, девки!.. Дома ли, в походе, вы одинаковы!.. Зачем стоянку указала?

Мария. Не гневайся, он обманул меня!.. О, боже!

Минин. Носи, князь, панцирь. *(Наклоняется к Зборовскому.)* О, нет, ты не казак! Твой час пришел, не лги, откройся.

Зборовский. Я — Конрад Зборовский, ротмистр я хоругви польской и званием своим горжусь... Ах, что-то жжет под сердцем...

Минин. Кто ходит тайно, нож припрятав на груди, тот будь готов, тот будь готов!.. Ты нож свой больше не подымешь!

Послышалась труба.

Князь, поспешим, мы опоздаем. *(Уходит. За сценой.)* Эй, собираться! А коня возьмите!

Пожарский. О, нет, меня влечет неудержимо взглянуть ему в лицо! Я видел смерть в бою, но коварства я не ожидал. Не думал я, что, как змея, ползет убийца. Теперь он жалок мне.

Мария. Князь, отойди, мне страшно, я дрожу! *(Зборовскому.)* Покайся в этот час, покайся! Ты отходишь!..

Зборовский. О, нет! Не каюсь я ни в чем! И смерти не боюсь... лавром повиты... лавром... Гетман! Мне душно!.. Гетман, где моя слава?.. *(Затихает.)*

Пожарский. Вот смертная тень легла на лицо. Он был красив и молод... Зачем, зачем он поспешил и не дождался боя?

Минин *(входит)*. Ну, что же, князь, бог спас тебя. Да будет он тебе защитой, коль вновь другой убийца нож над тобою занесет. Но горе будет всей земле, коль под ножом падешь в своем безумном промедленье. Погибнешь ты, а без тебя не выиграть нам боя под Москвой!

Пожарский. Эй, кто тут! Снимайте стан! Труби поход! Мы на рассвете выйдем!

Мария снимает с себя черный платок, набрасывает его на Зборовского и убегает вслед за Пожарским.
Темно.

Конец второго акта

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Площадь в Костроме. Двор воеводы. Колокольня. Двое ратных.

Первый ратный. Стой! Кто идет?

Второй ратный. Сам постой! Кто идет?

Первый ратный. Что ты? Аль ошалел? Здравствуй, кум!

Второй ратный. Будь здоров! Аль и вас нарядили в заставу?

Первый ратный. Нарядили и нас, вот и ходим. Какие вести, брат?

Второй ратный. Шут их знает! Толкует народ, что из Нижнего к нам ополченье идет, под Москву собираются, с ляхами биться.

Первый ратный. Ишь ты, брешут безлепицу!

Второй ратный. Не безлепица, нет! Пробегали гонцы, говорили, идут. Воеводе-то нашему за беду это стало. Вот и дал он наказ засекать им пути, не пущать в Кострому. А народ-то гонцы те смутили! Вот и велено нам, чтоб хватать всех чужих, а схвативши, их в погреб!

Первый ратный. Будет пря в Костроме?! Не пришлось бы с своими рубиться? Ладно, там поглядим. А покуда... *(Шаги.)* Стой! Кто идет?

Второй ратный. Стой! Кто идет?

Мокеев. Я, бойкий человек, странничек...

Второй ратный. Не похож...

Мокеев. Никого не обижу я, так уж и вы меня не обижайте!..

Первый ратный. Куда идешь-то?

Мокеев. Иду, иду по всей земле светлорусской, во чистые поля, во дремучие леса, в горы крутые, высокие... Иду, иду, распеваю стихи херувимские...

Второй ратный. Проходи отсюда к лешему!

Мокеев. А это, что ж, колокольня у вас?

Первый ратный. А ты сам, что ль, не видишь? Ослеп? Колокольня!

Моксев проходит, потом вбегает на колокольню, бьет в колокол.

Первый ратный. }
Второй ратный. } Батюшки! Ах, ты, щучий сын! Слезай!

Народ начинает сбегаться ко двору воеводы. Выбежали ратные.

Народ. Колокол бьет, заливается! Набат? Набат? Молебен служить будут... Может, наши поляков осилили?

Мокеев. Православные! Меня слушайте! Идут сюда ратники, удалые молодцы, ополчение святорусское. А ведет его воевода удалый, князь Дмитрий по прозванию Пожарский... Оставляйте дома ваши, становитесь с нами во единый ряд... Сражаться идем за родную землю!

Первый ратный. } Слезай окаянный странни-
Второй ратный. } чек. Стрелять будем!

Народ. Не трожь странника! Правду странничек молвил нам! Станем мы с ополчением промышлять за один!

Шереметьев *(входит со стражею).* Что случилось?

Первый ратный. } Вот он, странничек,
Второй ратный. } народ поднял!

Шереметьев. Ах, тетери вы треклятые! Вор, смутьян он, а не странничек! Снимай его, бери его!

Народ. Не тронь странника!

Мокеев. Я и сам сойду! *(Спускается с колокольни.)* Бьет челом тебе, воевода, князь Пожарский! Идет он за мной следом с силой великою. Подымай народ на Москву идти! *(Подает грамоту Шереметьеву.)*

Народ. Читай грамоту!

Шереметьев. Вот тебе грамота! *(Рвет грамоту.)* Изменник князь твой дерзостный!

Народ. Не изменник он! Рады с князем мы у великого дела стоять, за царство страдать наше до смерти!

Шереметьев. Ох вы, темные, ох вы, глупые! Вы забыли, что ль, что народ наш весь от мала до велика клялся царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси! Кричите ему многая лета, а воров тех дорожных не слушайте!

Ратные. Многая лета! Многая лета! Многая лета!

Мокеев. Врешь! Не хочет народ на Москве царя Владислава некрещеного!

Народ. Не хотим! От польских людей вера наша поругана, наши села стоят разоренные! Узнали мы прелесть вражью!

Шереметьев. Подослали мне тать! Будешь по-

мнить ты, как народ мутить! *(Выхватывает пистолет, стреляет в Мокеева.)*

Моксев. Отвстишь ты, воевода, за меня, гонца... *(Падает, затихает.)*

Женщины в народе. Ай!.. Убил!.. *(Разбегаются.)*

Народ. Ты пошто гонца порешил, злодей?

Вдруг далеко звякнул колокол. Народ затихает. За сценой слышен, приближаясь, хор.

Хор. Ой, вы, гой еси, люди добрые,
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте ваших жен, дочерей,
Пойдем-ка мы сражаться
За матушку, за родну землю,
За славный город Москву!
Уж заполонили-то Москву поляки злы,
Разобьем мы их, перевешаем,
Самого-то короля их в полон возьмем!

Вдали пушечный выстрел. Опять колокол.

В народе. Идут, идут... Идет ополчение, рать несметная! Идет с пушками!

Шереметьев. Запирайтеся в городе! Будем мы отбиваться от них боем огненным!

Ратные. Как же биться нам со своими-то?

Послышался выстрел, вбегает группа ратных.

Вбежавшие ратные. Обманул ты нас, воевода! То не шайка идет, идет сила несчитанная!

Шереметьев. Запирайте ворота, подпирайте их бревнами! *(Скрывается со стражей.)*

Вбегают первые из ополчения, за ними въезжает на коне Минин. Сходит с коня.

Минин. Граждане костромские! Что ж делаете вы? Все люди из дальних и ближних мест, все с нами стали воедино, чтобы нам чужеземцев прогнать! А вы все чужеземцам рабски кланяетесь!.. Кто гонца убил?

Народ. Воевода наш... Он, злодей, ляхам кланяется!

Минин. Не в бою сложил голову, от руки пал изменника. Поднимите его, отнесите его, воздадим ему почести!

Ратные уносят Моксева.

Воевода где?

Народ. На дворе со стражей заперся!

Минин. Эй, берите двор приступом! Не бывать ему более воеводою!

Народ. Не бывать! Не бывать ему воеводою!

Ополченцы вслед за Мининым бросаются на воеводин двор. Оттуда грянул выстрел. В это время послышался за сценой хор.

Хор. То не тучею солнце затмевается,
То знамена над войском развеваются!..

Послышались набаты (тяжелые барабаны).

То не громы гремят, растекаются.
То набаты гудят, заливаются...

Показался первый отряд— русский.

То не соколы черноперые,
Едут головы с шестоперами!

Народ. То не соколы черноперые, едут головы с шестоперами. С ними воины доброконные! Они в тяжкой броне, они хлещут коней! Други ратные!

Русский строй. Эх, народ костромской, чего мешкаешь? Надевайте броню, становитесь в наш полк выручать наше царство великое!

В народе. Аль мы хуже других? Станем с ними в их полк выручать наше царство московское!

За строем русских появляется строй татар.

Хор татар. Как у князя служат многие
Люди всякие, люди разные!..
С князем мы пойдем караванами,
И со стрелами и с колчанами!..

За строем татар идет строй мордовский.

Мордовский хор. Славен Дмитрий князь,
наш батюшка!
Он идет сквозь леса
с войском-силою!
А у нас-то мечи все
заветные,
Рукояти у них самоцветные!..

За мордовским строем опять русский строй, и с ним едет Пожарский.

Народ. То не соколы ввысь взвиваются, то вся Русь встает, поднимается!

Минин появляется, с ним ополченцы — тащат связанного Шереметьева.

Минин. Вон ведет полки выручать Москву светел-радощен князь! Пойте славу ему, славу довеку!

Все. Едет витязь наш, удалой едет князь! Все от старого и до малого ему славу поем, славу довеку!

Пожарский. Здравствуйте, граждане костромские славные!

Конец третьего акта

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Светлый осенний день. Стан донских и запорожских казаков под самой Москвой. Стоит Гуляй-город. В стороне — шатер Трубецкого. Среди казаков — атаман Петрусь. Он гол до пояса, в шелковых шароварах, опоясан барсовой шкурой. Петрусь играет в карты с казаками.

Петрусь. Моя! Моя! Моя!

Пушечный выстрел.

Казаки. Забивает всех Петрусь!

Петрусь. Давай деньгу и не трусь!

Вбегает донской казак.

Донской казак. Гетман погнал русских с переправы!

Петрусь. Отобьются!

Казаки. Отобьются!

Петрусь. Моя! Моя! Моя!

Донской казак. Казаки! А мы-то как же?

Петрусь. Каждый ходит своим шляхом!

Казаки. А мы не будем биться с ляхом!

Петрусь. Кончено! Ну, теперь гуляй душа! Эй, шинкарка, давай бочку!

Вкатывают телегу, на ней бочка. У бочки шинкарки Одарка и Олеся.

Я — Петрусь!

Одарка. А я — Одарка!

Петрусь. Хороша у нас шинкарка! Наливай, Петрусь богат! *(Швыряет перстень Одарке.)*

Одарка. Становитесь, хлопцы, в ряд!

Казаки пьют.

Что ж казаки заскучали? Подавай сюда цимбалы! Воевода наш чудной, славен он на целый свет! Он пошел на ляхов войной, да на речке потерял он след! Хлопец вражий след нашел, слез с коня, в шинок зашел. Чарку хлопец в рученьки берет, за шинкарочку он лихо пьет. Просит он коня напоить, вечерком прийти погостить. Ах, приди, приди, мой казак, в хате я теперь одна. Сбегаю сама я в наш кабак, принесу зелена вина!

Первой пошла плясать Олеся, за нею пустились казаки. Появляется Мария. Пляска оборвалась.

Петрусь. Уж не виденье ли это? Нет, живая девка!

Одарка. У казаков своих мало!.. Ты, красавица, не трусь. Заходи до нас в кружало. Он солодкий, пан Петрусь.

Мария. Храбрые казаки! Поляки нас одолевают. Что ж делаете вы?

Петрусь. Не пойдут голодные казаки драться.

Мария. Кольца сверкают на пальцах твоих!

Петрусь. Выиграл кольца я у своих.

Пушечный выстрел.

Мария. Изменники! Будьте вы прокляты!

Одарка. Что ж это вы терпите, казаки?

Петрусь. Не тронь ее, она девка смелая! Уйди отсюда, пока жива!

Одарка и Олеся убегают. Входит поспешно Пожарский.

Пожарский. Где воевода ваш?

Из шатра выходит Трубецкой.

Что делаешь ты с нами, князь? Где твоя совесть? Одолевает гетман нас! А ты стоишь!.. Ты помоги нам!

Трубецкой. Не властен. Вы учинили казакам обиду. Мы ждали вас, а вы отдельным стали станом. Вы земским жалованье заплатили, казаков обошли!

Казаки. Обидели! Обидели!

Пожарский. Забудь обиду в страшный час! Стань первым, подчинюсь тебе. Ударь на гетмана, ударь! Не справиться нам без казаков!

Трубецкой. Не властен.

Минин *(входит)*. Довольно. Довольно. *(Пожарскому.)* Дмитрий Михайлович! Дай мне последние три сотни конных, я сам ударю гетману в крыло. Не справимся — умрем. Умрем, но унижаться больше мы не станем! *(Казакам.)* Играйте в зернь! Пейте! Пропьете честь. Отечество и жизнь. *(Уходит.)*

Пожарский *(Трубецкому)*. Да ляжет это на тебя, князь Дмитрий Тимофеевич! *(Уходит.)*

Мария *(Петрусю)*. Бесстрашный атаман! Пойди, пойди к своим на помощь!

Петрусь. Ты опять?

Мария. Ведь жалко! Там наши пленники томятся!

Там у меня жених в темнице... Дождетесь, что самих поляки заберут, на цепь посадят!

Петрусь. Уйди!

Мария. Я не уйду, я буду вечно вашей совести укором!

Появляется Авраамий Палицын с громаднейшими узлами.

Авраамий. Здорово, казаки!

Казаки. Здорово, монах!

Авраамий. Пришел казакам славу петь я, аз, многогрешный! Кто встал за веру первым? Казак! Зато гремит казачья слава во всех концах и городах! И вот за подвиги досталась казаку только нагота!

Трубецкой выходит из шатра.

Нет денег заплатить казакам! Казаков нечем накормить! И порешили мы, пущай заплатит вам сторицей Сергий! *(Развязывает свои узлы.)* Возьмите их, казаки, поделите...

Петрусь. Что ты сказал? *(Выхватывает саблю.)* Ворами аль разбойниками объявить нас хочешь?! Нас земские обидели, а этот вдвое обижает!

Казаки. Убить его! Завязывай узлы, монах!

Авраамий *(упав на колени)*. Простите их великодушно! Казаки, поглядите! Идет последний судный час!

Мария. Погибнете и вы!

Петрусь *(Трубецкому)*. От ваших ссор всем гибель учинится! Зачем казаков вы смутили? Вели седлать, не то уйду один я с куренем!

Трубецкой. Снимайте табор! Бей тревогу!

Казаки бросились со сцены.

Мария. Слава тебе, атаман!

Авраамий *(завязывая узлы)*. Сергий!.. Сергий!..

Мария. Меня, меня с собой возьмите!

Петрусь. Такой упорной девки я не видел. Убьют тебя!

Мария. Пускай убьют! *(Убегает с Петрусем.)*

Гуляй-город вдруг двинулся и пошел. Послышался топот.

Казаки. В Крым-городе сидит Струсь. Не журись, идет Петрусь! И гремит, и звенит. Струсь из пушек палит. Не жги пороху, Струсь, твоих пушек не боюсь! Мы на быстрых конях, берегись, хитрый лях, с тебя голову казаки за единый снимут взмах! *(Слышен оглушительный свист.)*

Конец четвертого акта

АКТ ПЯТЫЙ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Та же темница, что и в первой картине. Место Гермогена пусто. Пахомов, прикованный, лежит на земле.

Пахомов. Я жив еще, но силы угасают. Мне не видать земли родной свободной и счастливой. И скоро, скоро жизнь меня покинет. Я погибну в темнице сырой, вдалеке от невесты, Марии родной! Не видать больше светлого дня, погибаю я, цепью звеня. Но душа не болит, я спокоен и горд. За меня отомстит мой великий народ!

Вбегает Федька Андронов.

А ты зачем пришел? Взглянуть, как узники от голоду в темнице погибают? Я думал, что натешилась твоя душа, когда вы Гермогена уморили. Но, видно, тебе мало... Ну, что ж, приди еще... настанет мой черед и очень скоро... Желаю умереть, как умирал старик. Ни слова жалобы чтоб вы не услыхали. Приди, приди, но только ты не жди потехи. Мучитель!

Андронов. Прости меня, Илья, за все, что было! Забудь, прости! Я ключ принес открыть твои оковы, принес кусочек хлеба. Видит бог, тебя мы не морили. В осаде сами голодали, падаль ели. Прости, Илья!

Пахомов. Да что с тобою сталось? Тебя, боярин, не узнать!

Андронов. Кремль ополченье осадило, сдаются им поляки!

Послышался далекий взрыв.

Убьют меня, Илья, убьют, не пожалеют!.. За что, Илья? Ведь присягал я Владиславу, и свято я держал присягу! За что, владычица, за что?

Пахомов. Открой мне цепи, дай напиться, окаянный!

Послышался шум.

Андронов. О, господи, идут! Я при тебе побуду... *(Бросает ключ, скрывается в угол.)*

Мария *(вбегает)*. Кто здесь живой есть? Отзовитесь!

Пахомов. Здесь человек живой... ко мне... сюда...

Мария. Илья! Илья! О, не смотри так страшно! Неужто ты не узнаешь людей? Нашла, нашла тебя! Сбылось мое мечтанье, сбылось!

Пахомов. Мария, ты ли? Нет, не верю? Сколько раз я был обманут сновиденьем, я видел призраки во тьме...

Мария. Взгляни, взгляни, узнай меня!

Пахомов. Глаза мои от света слепнут.

Мария. Я выхожу тебя, забудешь ты свои мученья!

Пахомов. Беги, беги, ведь этот ход сгубил меня! Беги отсюда!

Шум. Вбегает Петрусь, с ним несколько казаков.

Петрусь. Нашла?

Мария. Откройте ему цепи!

Пахомов. Мне все равно не жить.

Мария. Ты не умрешь! Ты не умрешь! В моих руках ты!

Петрусь. Зачем же помирать теперь? Дыши.

Казаки открывают цепи Пахомову.

Кто это прячется в тени?

Андронов. Я не поляк, я не поляк! Андронов, свой я, братцы!

Казаки. Андронов Федька? Вот он! Вот он!

Андронов. Я цепи открывал ему! Я хлеб ему принес!

Петрусь. Вяжите Федьку! *(Выходит.)*

Связанного Андронова казаки увлекают вон.

Мария. Ты не умрешь, в моих руках ты, мой милый!

Пахомов. Здесь по ночам меня манили сновиденья... я не могу поверить счастью своему! Ты вновь со мной, со мной!

Мария. Вернулась я к тебе, и больше мы не разлучимся никогда!

Пахомов. Моя подруга!

Мария.
Пахомов. } С тобой, с тобой навек!

Мария. Прошли навек печали, любовь горит еще сильней, и грозовые дали не омрачат счастливых дней!

Пахомов. Прошли навек печали...

Мария. Любовь горит еще сильней...

Пахомов.
Мария. } И грозовые дали не омрачат счастливых дней!

Темно.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Спасские ворота в Кремле. Народ. В Спасских воротах показываются кони. Выезжает Трубецкой, за ним казаки. Затем выезжают Пожарский и Минин, за ними — ополчение.

Народ. Солнце пылает на шлеме его, радость сияет во взоре его. Слава Пожарскому, слава! Живи и здравствуй много, много лет! Слава Пожарскому, слава! Живи и здравствуй много, много лет! Слава Пожарскому, слава!

Минин. Свободен отчий дом, он перед нами, и снова мы в Отечестве своем!

Народ. Спасителям народа слава!

Минин. О, нет, о, нет, не нам!

Пожарский. Не нам!

Минин.
Пожарский. } Народу слава!
Трубецкой.

Все. Вражьи знамена пред нами упали. Славу спасителям пойте своим! Отечество наше мы отстояли, всегда отстоим! Слава героям, родину спасшим, слава! Слава героям, родину спасшим, слава!

Конец

Приложение

БЛАЖЕНСТВО

Комедия в трех актах

(Набросок)

Елисейские Поля. Елизиум. Золотой век. Аврора. Диана. Венера. Луна.

Вор. Идет.

Жених. Здравствуйте.

Вор. Бонжур. *(Пауза.)* Что скажете, отец? *(Пауза.)* Может, что новенькое есть?

Жених. У меня сегодня пропал мой портсигар.

Вор. Запирать надо вещи. *(Смотрит в окно.)* Аэроплан полетел. Наверно, и Индию. Летают, летают целый день. *(Раздраженно.)* А то вот не запирают вещей, людей в грех вводите. А их потом по МУРам таскают.

Жених. Ничего не понимаю.

Вор. Где вам понять! Нет, он не в Индию, он из Индии. Да, скучновато.

Жених. Дрянной пассаж. Я не агент, ты не вор. Халтурный человечишко.

26 мая 1933 года

БЛАЖЕНСТВО

(Пьеса в четырех актах)

(1-я редакция)

АКТ ПЕРВЫЙ [1]

Мария Павловна. Запишись в партию, халтурщик!

Евгений. Оставь меня.

Мария Павловна. Нет, не оставлю!

Евгений. Да, я знаю, ты не оставишь меня. Ты мой крест.

Мария Павловна. Куда же я пойду? Бессердечный человек!

Евгений. Я не гоню тебя. Я прошу, чтоб ты сейчас меня оставила, не мешала бы мне работать.

Мария Павловна. Мне интересно, когда же на этом потолке высыпят звезды, про которые ты мне рассказывал.

Евгений. Я не для тебя собирался усеивать звездами потолок.

Мария Павловна. Ты — сумасшедший!

Евгений. Ты — женщина нормальная. Но еще раз прошу, оставь меня.

Мария Павловна. Нет! Мне хочется сказать тебе всю правду.

Евгений. Я вижу, что мне все равно сегодня не работать. Я слушаю.

Мария Павловна. Когда я выходила за тебя замуж, я думала, что ты живой человек. Но я жестоко ошиблась. В течение нескольких лет ты разбил все мои

[1] Список действующих лиц отсутствует.

надежды. Кругом создавалась жизнь. И я думала, что ты войдешь в нее.

Евгений. Вот эта жизнь?

Мария Павловна. Ах, не издевайся. Ты — мелкий человек.

Евгений. Я не понимаю, и конце концов, разве я держу тебя? Кто, собственно, мешает тебе вступить в эту живую жизнь? Вступи в партию. Ходи с портфелем. Поезжай на Беломорско-Балтийский канал. И прочее.

Мария Павловна. Наглец! Из-за тебя я обнищала. Идиотская машина, ненависть к окружающим, ни гроша денег, растеряны знакомства... над всем издевается... Куда я пойду? Ты должен был пойти!

Евгений. Если бы у меня был револьвер, ей-богу, я б тебя застрелил.

Мария Павловна. А я жалею, что ты не арестован. Если бы тебя послали на север и не кормили бы, ты быстро переродился бы.

Евгений. А ты пойди, донеси. Дура!

Мария Павловна. Нищий духом! Наглец!

Евгений. Нет, не могу больше. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Мария Павловна *(идя за ним)*. Нет, ты выслушаешь меня.

Из соседней комнаты доносятся их возбужденные голоса. Дверь в переднюю открывается, и тихо входит Жоржик.

Жорж *(прислушиваясь)*. В чем дело? Дома... Все люди, как люди, на службе. А эти трепачи дома сидят. Нет возможности работать с таким народом. *(Прислушивается.)* Семейная сцена. Тяжелый быт. *(У двери Михельсона.)* Гражданин Михельсон. Тут. Какой замок оригинальный. Наверно, сидит на службе и думает: «Какой я замок хороший навесил на двери». Но этот замок барахловый, граждане. *(взламывает замок в комнату Михельсона, входит, закрывает за собой дверь.)*

Мария Павловна выходит в шляпе, пальто. Лицо ее в слезах.

Евгений *(идя за ней)*. Маня, подожди. Не падай духом.

Мария Павловна. Так жить больше нельзя.

Евгений. Еще немного терпения. Быть может только несколько дней.

Мария Павловна. Нет, нет. Оставь, оставь. *(Берет сумку и уходит.)*

Евгений. Ну, дальше будь, что будет. Во всяком случае, я сейчас один. *(Садится к аппарату. Начинает работать.)*

Темно.
Освещается комната Михельсона.

Жоржик *(входит, осматривается)*. В чем дело? Прекрасная комната. Холостые люди всегда прилично живут. Ну, первым долгом, надо ему позвонить. А то чего доброго, вернется домой, увидит постороннее лицо, расстроится. Наркомснаб. Мерси. Добавочный 10-05. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Михельсон? Бонжур. Угадайте... Из Большого театра. Угадайте... А вы долго еще на службе будете? Ну, я вам потом позвоню. Я очень настойчивая. *(Вешает трубку.)* И сколько он замков накупил. Курьезные замки какие. *(Взламывает письменный стол, вынимает часы, портсигар. Потом принимается за буфет.)* Часы эти надо в комиссионный магазин сдать, а то здесь они портят комнату. Устал. *(Садится, достает закуску, выпивает.)* Хорошо, что он на лимонных корках настаивает. Я люблю на лимонных корках... Михельсон почитать любит.

Богат и славен Кочубей,
Его поля необозримы...

Красивые стихи. Я люблю водку на лимонных корках... Наркомснаб. Мерси. Добавочный 10—05. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Михельсон? Ах, как я обожаю водку на лимонных корках. Ус-

пеете наработаться. Я настойчивая. А какой вам сюрприз сегодня выходит! Фамилия моя таинственная. *(Вешает трубку.)* Богат и славен Кочубей...

Темно.

Евгений. Опять тот же звук. Ах, холодеет сердце.

Звонок три раза.

Проклятые, чтоб вы провалились!

Открывает дверь, и входит Бунша. На голове у него дамская шляпа.

Меня дома нет.

Бунша улыбается.

Евгений. Нет, по-серьезному, Святослав Владимирович, я занят. Что это у вас на голове?

Бунша. Головной убор.

Евгений. Да вы посмотрите.

Бунша *(снимает шляпу)*. Это я шляпку Лидии Васильевны надел. То-то я смотрю, что на меня все оборачиваются.

Евгений. Вы, Святослав Владимирович, рассеянный человек. Вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бегаете по двору с книжкой.

Бунша. Если я не буду бегать, то произойдет ужас.

Бондерор[1]. Советская власть рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить.

Бондерор. У меня нет денег, Святослав Владимирович. Вы меня сегодня просто не отрывайте от работы.

Бунша. За квартиру нельзя не платить. У нас думают, что можно не платить. А на самом деле — нельзя. Я по двору прохожу и ужасаюсь — все окна раскрыты и все на подоконниках лежат и рассказывают разные вещи, которые рассказывать нельзя.

Бондерор. Вам, князь, лечиться надо.

---

[1] Бондерор — то есть Евгений. Далее — Рейн.

Бунша. Я уже доказал, Евгений Васильевич, что я не князь. Вы меня князем не называйте, а то ужас произойдет.

Бондерор. Вы — князь.

Бунша. Нет, я не князь.

Бондерор. Не понимаю этого упорства, вы — князь.

Бунша. А я говорю, что не князь. У меня документы есть. *(Вынимает бумаги)* У меня есть документ, что моя мать изменяла в тысяча восемьсот семидесятом году моему отцу с нашим кучером Пантелеем, и я есть плод судебной ошибки, из-за каковой мне не дают включиться в новую жизнь.

Бондерор. Ну, ладно, вы — сын кучера. Но у меня нет денег.

Бунша *(раскрывая книгу)*. Четыре месяца вы не платите за квартиру, и Ликушкин[1] велел подать на вас завтра в суд. Исходя из этого положения, вас выселят, Евгений Васильевич.

Бондерор. Что вы терзаете меня?

Бунша. Заклинаю вас уплатить за квартиру.

Бондерор. Мало нищеты, мало того что на шее висит нелюбимый человек, — нет, за мною по пятам ходит развалина, не то сын кучера, не то князь, с засаленной книгой под мышкой и истязает меня.

Бунша. Это вы про меня?

Бондерор. Про вас. Ваш Луковкин — палач. Вы не дадите мне докончить работу. Так дайте мне по крайней мере спокойно умереть возле моей машины.

Бунша. Я присяду.

Бондерор. Разговаривать с вами бесполезно. Разве я могу вам объяснить значение этого аппарата? Разве можно какому-нибудь сукиному сыну Дудкину объяснить?..

Бунша. Нет, вы объясните. Я очень люблю. Недавно была лекция для секретарей домкомов, и я боль-

---

[1] Далее — Луковкин.

шую пользу получил. Читали про венерические болезни. Профессор. Вообще, теперешняя жизнь очень и очень интересная и полезная.

Бондерор. Вы сумасшедший.

Бунша. Наш дом вообще очень оригинальный Вот Дудкин, например, очень зажиточный человек, красное дерево покупает, но туго платит за квартиру А вы сделали машину. Кстати, заклинаю вас, Евгений Васильевич, вы насчет своей машины заявите в милицию. Нужно, чтоб начальство знало вашу машину. А то я начинаю сомневаться.

Бондерор. Если вы кому-нибудь заикнетесь про эту машину, берегитесь, я вас убью.

Бунша. Вы изобретение строите, значит, надо зарегистрировать.

Бондерор. Кретин! Нельзя зарегистрировать то, чего нет. Нельзя прийти в канцелярию к тупице и объяснить ему, что время есть плотная субстанция, что будущего нет, а что есть только настоящее.

Бунша. Вот вам и надо лекцию прочитать. А то Авдотья Гавриловна из четырнадцатой квартиры говорила, что вы такой аэроплан строите, что на нем можно из-под советской власти улететь.

Бондерор. Верно. Вообразите, верно! Я не могу постичь, каким способом эта дура Авдотья Гавриловна узнала!

Бунша. Извините, она совсем не дура. Это моя племянница.

Бондерор. Ах, неважно. Ну, словом, ну, словом, она говорит совершенно правильно. И поверьте мне, что, если только мне удастся добиться этой чертовой тайны, я действительно улечу.

Бунша. Я вынужден сейчас же по долгу службы эти слова записать и о них заявить в отделение. И я погибну из-за вас, и весь дом.

Бондерор. Какая каналья посмела вмешаться в мою работу?.. Каким образом эти чертовы ведьмы Ав-

дотьи Гавриловны знают? Это вы, старый зуда, шляетесь по всем квартирам, подсматриваете и пишете потом доносы!

Бунша. Это обидно.

Бондерор. Ну, словом, уходите, Святослав Владимирович, я работаю... у меня...

Внезапно на лестнице грохот шагов, потом стук в дверь.

Бондерор. Ах, чтоб вы подохли! *(Открывает.)*

Женская голова *(в дверях)*. Скажите Марье Павловне, что по второму талону кильки дают! *(Скрывается.)*

Бунша. Мне Луковкин велел не приходить без денег от вас. А то, говорит, он выселит вас в двадцать четыре часа.

Бондерор движет рычагами.

Бунша. Нельзя такую машину и доме держать, не прочитавши лекцию.

Звуки. Речь Бондерора. Явление Иоанна Грозного.

Фигура. ...чудотворца...[1]

Иоанн. ...пиши... иже о Христе Божественного полка наставнику и вожу...

Фигура *(пишет)*. ...и вожу...

---

[1] Сцена с Иоанном вписана вместо частично вычеркнутой:

[Николай I *(выходит)*.

Бунша. Не надо нам царей. *(У телефона.)* В доме номер сто пятьдесят один в жакте девятьсот появился император. Считаю долгом потребовать милицию, потому что я за это отвечаю. Секретарь Бунша-Окаян-Корецкий. Нет, не князь я, не князь, сын кучера. Корецкий. Слушаю.]

Бондерор *(вырывая трубку)*. Сию минуту!.. Кретин!..

Бунша. Караул!! Меня контрреволюционер душит!

Николай I. Что это за шут гороховый? Что это за наряд?

Бондерор. Это пиджак.

Николай I. Пиджак?

Бунша. Вот какую машину вы сделали, Евгений Васильевич.

Иоанн. ...и руководителю к пренебесному селению преподобному игумену Козме... иже о Христе с братиею царь и великий... князь Иван Васильевич всея Руси...

Фигура. ...всея Руси...

Иоанн. ...челом бьет.

Рейн. Боже мой!

Иоанн и Фигура оборачиваются и видят Рейна и Кирву[1]. Фигура смотрит, потом ныряет под стол.

Иоанн *(крестясь)*. Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! *(В ужасе бросается в комнату Рейна.)*

Рейн. Стой!

Кирва. Вот так машину вы сделали для советской власти, Александр Иванович![2]

Рейн. Задержите его! Он выйдет в коридор! Его увидят!

Иоанн скрывается, Рейн бросается за ним. Фигура с визгом скрывается.

Кирва. *(перекрестившись, бросается к телефону)*. Двенадцатое отделение. Говорит секретарь домкома Кирва. Садовая, десять.

В этот момент в царской палате раскрывается дверь и вбегает взволнованный опричник с бердышом, но, увидев Кирву, роняет бердыш, крестится и скрывается.

У нас в квартире тринадцать физик Рейн сделал машину, из которой появился царь!.. Не я физик, физик — Рейн!.. Уповаю на помощь милиции!.. Я трезвый! Я трезвый! Присылайте. *(Вешает трубку.)*

Иоанн вбегает в исступлении от страха, крестя следующего за ним Рейна.

---

[1] Здесь Кирвой назван Бунша.

[2] Александром Ивановичем назван Евгений Иванович Рейн. Здесь же в строке зачеркнуто: «Александрович».

Рейн *(бросается к машине, движет рычажком).*

Тьма. Иоанн и царские хоромы пропадают. Свет.

Видали?!

Кирва. Как же!

Рейн. Постойте! Вы звонили сейчас по телефону куда-нибудь?

Кирва. Честное слово, нет!

Рейн. Старая сволочь, ты звонил сейчас по телефону?

Кирва. Я извиняюсь...

Рейн *(схватывая за глотку Кирву).* Ты звонил сейчас в милицию? Я слышал твой паскудный голос.

Кирва. Караул!

В этот момент из того места, где были царские палаты, выходит нагруженный вещами Понырева[1], с часами под мышкой Юрочка[2]. Чувствуя, что он куда-то не туда попал, крайне изумляется.

На тебе, еще один!

Пауза.

Юрочка. Я извиняюсь... Э... это, стало быть, я дверью ошибся... Я извиняюсь, как пройти на Александровский вокзал?

Пауза.

Э? Прямо? Мерси. *(Хочет идти.)*

Рейн. Нет, постойте.

Юрочка. Виноват, мне некогда.

Рейн. Постойте, говорю вам, вам нельзя выходить туда.

Юрочка *(тихо).* Влетел! Вот незадача! Я извиняюсь, в чем дело? Часы? Так это мои часы.

Рейн. Выслушайте меня и постарайтесь понять. Вы — человек не нашей эпохи... Тьфу, надо бы ему

---

[1] Здесь Понырсвым назван Михельсон.

[2] Юрочка — Юрий (Жорж) Милославский.

объяснить как-нибудь... Словом, я вас не выпущу отсюда. *(Кирве.)* Я сейчас сплавлю его обратно. Только мне хочется установить эпоху. *(Юрочке.)* Кто вы такой?

Юрочка. Солист императорских театров. А часы эти я купил в комиссионном магазине, в чем дело?

Рейн. Куда вы стремитесь? Зачем вам на Александровский вокзал?

Юрочка *(подумав)*. Я за границу еду.

Кирва. Понырсвские часы.

Юрочка. Какие такие понырсвские? Что это у одного Понырева ходики в Москве? Пропустите меня на Александровский вокзал, я извиняюсь.

Рейн. Вы друг друга не понимаете. Кирва, оставьте это. *(Юре.)* Как ваша фамилия, прежде всего?

Юра *(подумав)*. Подрезков. А паспорт свой я на даче забыл. Все?

Рейн. Вы всегда носите цилиндр?

Юра. Всегда.

Рейн. Какой царь царствует сейчас в России?

Юрочка. К сумасшедшему попал.

Рейн. При каком царе вы родились?

Юрочка. При Петре Великом, тьфу ты, дела...

Рейн. Сейчас он уйдет. *(Движет рычажок.)* Что такое? Да не порывайтесь вы никуда. Я сейчас вам объясню, в чем дело. Вы погибнете, если выйдете сразу. Поймите, что вы вышли из другой эпохи. Вы вышли сейчас из машины. В ней что-то заело. Я не могу сейчас же вас отправить обратно. Поймите, что вы вышли в двадцатый век. Судя по вашему костюму, вы недавней эпохи. Очевидно, я чуть-чуть не довел рычажок до нуля. Понимаете вы хоть что-нибудь из того, что я говорю?

Юра. Понимаю.

Рейн. Разве вас не поражает это? Обстановка этой комнаты?

Юра. Поражает.

Рейн. Ну, вот видите. Моя фамилия — Рейн. Я инженер, вы не волнуйтесь. Я исправлю прибор, мне удастся установить его на ваше время. Вы уйдете

совершенно спокойно в вашу эпоху. Присядьте, вам никто не собирается причинять никакого зла.

Юра. Мерси.

Рейн. Мне нравится ваше спокойствие. Оно облегчает дело [1].

АКТ ВТОРОЙ

Май

Терраса на высоте в Блаженных Землях. Тропические растения.

Радаманов [2]. Люблю закат в Блаженных Землях. Но сегодня мешает мне им наслаждаться лишь чувство смутного беспокойства. Повинно ли в этом мое одиночество или никогда не покидающие меня мысли об Авроре? Ах, дочь моя! *(Зажигает экран телефона на столе.)*

В экране показывается дежурный телеграфист.

Товарищ, с вами говорит Радаманов. Приветствую вас..

Телеграфист. Приветствую вас, товарищ Радаманов.

Радаманов.. Не томите, товарищ...

Телеграфист. Трудно принять при их бешеной скорости сигналы. Но по моему расчету через несколько минут они будут на земле.

Радаманов *(волнуясь)*. Благодарю вас, благодарю вас. Товарищ, не можете ли вы протелеграфировать в ракету Авроре Радамановой, чтобы она не задерживалась на аэродроме, а прямо бы летела в Блаженные Земли. Я жду ее.

Телеграфист. Я рад бы был вам угодить, товарищ Радаманов, но уже поздно. Они подлетают к аэродрому. Хотя, впрочем... *(Движет рычагами в аппара-*

---

[1] Акт не завершен.

[2] В рукописи фамилия «Радаманов» в некоторых случаях пишется как «Родоманов».

те, говорит в телефон.) Ракета, ракета Авроры Радамановой... Вы слушаете? Пусть летит сейчас же в Блаженные Земли. Они прилетели.

Радаманов. Благодарю вас, благодарю вас. *(Гасит экран с телеграфистом. Звонит.)*

Входит курьерша.

Товарищ Анна, сейчас прилетит Аврора.

Анна. Поздравляю вас.

Радаманов. Дружочек, у вас есть свежие цветы? Поставьте ей на стол. Она любит подснежники.

Анна. С удовольствием. Есть подснежники. Сейчас принесу их. *(Уходит.)*

Радаманов *(один, волнуясь, переставляет предметы, потом берется за рычажки радиоаппарата. Оттуда тихо начинает слышаться «Полет валькирий»).* Что это за вещь? Как жаль, что я не музыкален, как она. Во всяком случае, это ее любимая вещь. Ну что ж, тем лучше, очень хорошо, очень хорошо.

Анна входит, вносит подснежники.

Благодарю вас, дружочек.

Анна. Я рада вам служить, товарищ Радаманов. Аврора, я надеюсь, здорова? Что телеграфировали вам?

Радаманов. По-видимому, все благополучно. Впрочем, сейчас узнаем. А к приему гостей вы готовитесь, не правда ли?

Анна. О да, товарищ Радаманов, все будет сделано.

Радаманов.. Ну, отлично, отлично.

Анна уходит.

Слышится гул подлетающей машины. Радаманов взволнованно выбегает к краю террасы. Вбегает Аврора.

Аврора! *(Простирает к ней руки.)*

Аврора *(сбрасывая летный шлем, очки).* Отец!

Целуются.

Прилетела, черт меня возьми!

Радаманов. Ах, Аврора, Аврора! Месяц я не видал тебя, и первое слово, которое услыхал от тебя, — черт.

Аврора. Здоров?

Радаманов.. Что ж спрашивать обо мне. Ты здорова ли? Не случилось ли чего-нибудь в пути?

Аврора. Господи, я была бы счастлива, если бы что-нибудь случилось! Но до тошноты комфортабельно!

Радаманов. Хочешь есть?

Аврора. Думать не могу об еде. Мы только и делали, что ели.

Пауза.

Мне скучно.

Радаманов. Аврора, ты, право, повергаешь меня в ужас. Я думал, что на Луне твоя тоска пройдет. Тебе нужно лечиться.

Аврора. Ах, какой вздор! Мне не от чего лечиться. Ведь я же не подписывала контракт на то, что мне всегда будет весело.

Радаманов. Скука — болезненное явление. Человеку не может быть скучно.

Аврора. Это теория Саввича.

Радаманов.. Он кланялся тебе.

Аврора. От этих поклонов мне еще скучнее.

Радаманов.. Ничего не понимаю. Ведь ты же выходишь за него.

Аврора. Бабушка надвое сказала.

Радаманов. Какая бабушка?

Аврора. Это была такая поговорка.

Радаманов. Не знал. Но не (надо) о бабушке. Поговорим о Саввиче. Нельзя же так поступать с человеком. И на этом самом месте ты говорила, что влюблена в него.

Аврора. Мне показалось на этом месте. И теперь я не могу разобраться и сама, чем он меня прельстил?

Не то понравились мне его воротнички, не то пиджак, не то брови. А теперь я всматриваюсь и вижу, что совершенно нелепые брови. Белобрысые, в разные стороны, воротнички...

Радаманов. Честное слово, я сойду с ума! Неровность характера.

Телефон.

Я к вашим услугам. Да. Да. Саввич спрашивает, можешь ли ты его принять.

Аврора. Приму.

Радаманов. Да, она просит вас. Пожалуйста, разговаривай ты с ним сама. Меня ты окончательно запутала с этими бровями и евгеникой. *(Саввичу.)* Здравствуйте, милый Саввич. Разговаривайте с ней, у меня есть дело. *(Уходит.)*

Саввич. Здравствуйте, милая Аврора.

Аврора. Директору Института евгеники мое почтение.

Саввич. Вы, как и прежде, оригинальны. Я не помешал ли вам? Лишь только я узнал, что вы вернулись, мне захотелось приветствовать вас, не дожидаясь бала.

Аврора. Большое спасибо. Вы очень милы. Садитесь.

Саввич. Благодарю вас.

Пауза.

Простите, что привлекает ваше внимание на моем лице?

Аврора. Ваши брови. Вы подбрили их?

Саввич. Признаюсь вам, да.

Аврора. Это очень интересно. Повернитесь, так, к свету. Нет, так хуже, пожалуй.

Саввич. Но вы же мне сами говорили...

Аврора. По-видимому, я ошиблась.

Пауза.

Вы сегодня немного напоминаете мне Чацкого.

Саввич. Простите, кто это Чацкий?

Аврора. Это герой одной старинной пьесы, написанной лет четыреста назад.

Саввич. Простите, как называется?

Аврора. «Горе от ума».

Саввич. Виноват, а автор?

Аврора. Грибоедов.

Саввич. Благодарю вас. Простите. *(По телефону.)* Саввич говорит. Не откажите в любезности мне прислать к вечеру сочинение Грибоедова «Горе от ума».

Аврора. Напрасно, я бы вам дала, у меня оно есть. Да не стоит читать, очень скучно.

Саввич. Мне хочется познакомиться с этим Чацким.

Пауза.

Как на Луне?

Аврора. Холодно.

Саввич. Милая Аврора. Я нарочно пришел до бала с тем, чтобы узнать о вашем решении. Сегодня ведь первое мая.

Аврора. Да, а что?

Саввич. Вы сказали, что первого мая вы дадите мне окончательный ответ.

Аврора. Ах, моя голова! Какая я рассеянная! Да, первого мая... Знаете что... Отложим еще этот разговор, скажем, до десятого мая. Над нами не каплет...

Саввич. Виноват?

Аврора. Поговорка, поговорка. Не обращайте внимания.

Саввич. Не скрою от вас, что у меня грустное чувство вследствие того, что вы откладываете... К чему это? Ведь наш союз неизбежен. Но я не буду вам мешать перед балом... Позвольте вам сказать на прощание, что я вас люблю.

Аврора. До вечера...

Саввич уходит.

Радаманов *(входя)*. Ну, что?

Аврора. Понимаешь, взял подбрил брови, а?

Радаманов. Аврора, при чем здесь брови? О чем ты говоришь? Я тебя спрашиваю, дала ли ты ему ответ?

Аврора. С другой стороны, не в бровях сила.

Шум. Звон.

Рейн. О, Боже!

Бунша. О, Боже!

Юрочка. Куда ж это нас занесло?

Рейн. Сейчас мы это узнаем. *(У календаря.)* Нет, нет, мне снится это! Четыре двойки.

Юрочка *(внезапно начинает бить Буншу)*. Вот тебе машина, вот тебе!

Бунша. Полюбуйтесь, граждане, что он делает!

Радаманов.. Товарищи, нужно предупреждать о съемке. Это мое помещение. Моя фамилия — Радаманов.

Аврора. Ну оставь их, папа, ну оставь. Хоть какое-нибудь развлечение.

Рейн. Оставьте этого старого болвана! Что вы делаете!

Радаманов. Товарищи, я категорически протестую. Нельзя же врываться в помещение...

Аврора. Папа, это не съемка. Я догадалась: это карнавал. Это шутка первомайская. Отвечай им в тон, а то ты попадешь в смешное положение.

Радаманов. Разве что так...

Рейн. Будьте снисходительны к нам. Где мы?

Радаманов. В Блаженстве.

Рейн. Блаженство... Блаженство... Ради всего святого — воды...

Аврора. Вот...

Рейн. Не понимаю... Блаженство?

Радаманов. В Блаженных Землях...

Милославский. Где Кропоткинские ворота?

Радаманов. Не понимаю вас, какие ворота.

Милославский. Кропоткина не понимаете? Вот это здорово!

Бунша. Какой район милиции? Кочки знаете?

Милославский. Бутырки знаете?

Радаманов. Не понимаю вас. И Кочки и Бутырки — не понимаю. *(Авроре.)* Воля твоя, но... может быть, это и очень весело, но мне почему-то не кажется остроумным. Впрочем, если это весело, я ничего не имею против. Пусть люди веселятся в день первомайскою карнавала.

Аврора. Что означает это зеркало в руках и занавеска?

Радаманов. По-видимому, на нем дамская шляпа. Это, возможно, тоже очень смешно. Впрочем, не знаю, не знаю...

Рейн. Выслушайте меня и постарайтесь понять. Мы не переодеты и не загримированы. Объясните, не обманывает ли меня зрение: это — год? Какой это год?

Радаманов. Две тысячи двести двадцать второй.

Рейн. О, Боже! Поймите... Да, да, несомненно так. Вон, летающие светляки — это машины. Так это место называется...

Радаманов. Блаженные Земли.

Рейн. Но это в Москве?

Радаманов. Да, это Москва Великая.

Бунша. Я все районы московские знаю.

Рейн. Молчите, кретин! *(Радаманову.)* Поймите, гражданин, что мы люди двадцатого века. Я изобрел аппарат для проникновения во время, и, благодаря ошибке этого старого идиота и этого несчастного, которого я не знаю, — мы попали в другой век. Прошу вас — верьте мне. Я близок к помешательству. Ах, Боже, вы не верите! *(Авроре.)* Так вы, вы постарайтесь понять! *(Бледнея.)* Я не могу больше говорить, помогите мне...

Милославский. Ах ты, профессор собачий, что ж ты наделал!

Бунша. Я на него заявление подаю.

Радаманов. Аврора, я же не актер, в конце концов... Но если тебя это развлекает... *(Бунше.)* Простите, я занят... *(Уходит.)*

Милославский. Очнись! Барышня, он помер!

Аврора. Ему действительно дурно! Анна! Анна! *(Бунше.)* Слушайте, это правда? *(По телефону.)* Профессор, немедленно к нам! У нас несчастье.

Экран. Граббе.

(Бунше.) Это правда?

Бунша. За такую машину...

Милославский. Морду бьют! Что же вы, Ньютоны проклятые, делаете? *(Бросается на Буншу.)*

Анна. Что такое?

Аврора. Оттащи его, оттащи! Что он с...

Граббе появляется.

Граббе, гляньте.

Граббе. Кто это такие? *(Приводит в чувство Рейна.)*

Рейн. Вы врач?

Граббе. Да.

Рейн. Объясните им, что это правда. Мы люди иного времени.

Бунша. Честное слово.

Рейн. Посмотрите на это зеркало, посмотрите мне в глаза. Мы попали к вам в аппарате времени из двадцатого века.

Граббе. Не постигаю.

Аврора. Это правда! Это правда!

Рейн. Правда. *(Граббе.)* Дайте мне чего-нибудь, чтобы я не сошел с ума. И эти тоже... А то они не понимают.

Аврора. Папа! Это правда! Скорей сюда!

Радаманов вбегает без пиджака.

Шум и звон. Разлетаются стекла, и вбегает окровавленная Мария Павловна.

Мария Павловна *(Рейну)*. Вот что ты сделал? Ты всех погубишь! Помогите!

Радаманов. Это кто еще?

Рейн. Это моя жена.

Радаманов. Если это мистификация, то она переходит границы...

Аврора. Отец, ты ослеп, что ли? Это действительно люди двадцатого века.

Радаманов. Не может быть!

Появляется Саввич во фраке, застывает в дверях.

Аврора *(Рейну)*. Мой дорогой, успокойтесь. Я все поняла. И Кочки, и Бутырки.

Бунша. Благуши знаете? Банный переулок? Компрене ву?[1] Нижняя Болвановка, Барабанный тупик? Компрене ву, Москва?

Аврора. Все понимаю! *(Граббе.)* Помогите поднять ее.

За сценой внезапно взрыв музыки.

Рейн *(подходя к парапету)*. Карнавал?

Аврора. Карнавал. *(Саввичу.)* Что вы смотрите? Это люди двадцатого века.

Темно.
Ночь в огнях. Музыка.

Радаманов *(в аппарат)*. Это он. Это он. Вот он. Смотрите. Смотрите. Гениальный инженер Евгений Рейн, человек двадцатого века, пронизавший время. *(Рейну.)* Говорите. Идет Голубая Вертикаль.

Рейн. Я — Рейн, приветствую жителей Голубой Вертикали.

Радаманов. Устали?

Рейн. О, нисколько.

Радаманов. Смотрите. Вот он. Это он. Евгений Рейн, гениальный изыскатель, пронзивший время и

[1] Comprenez vous? — Вы понимаете? *(фр.)*.

гостящий в настоящее время у нас с тремя спутниками. Дальние Зори. Говорите.

Рейн. Вот я. Приветствую жителей Дальних Зорь. В день первомайского праздника да здравствуют жители всего мира! Да здравствует Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Радаманов!

Радаманов. О спутниках скажите.

Рейн. Мои спутники — люди двадцатого века, вместе со мной имевшие счастье явиться к вам, приветствуют вас. Вот они! Где ж Бунша и Милославский, черт их возьми!

Радаманов. Тише! В аппарат слышно.

Аврора. Им надоело кланяться. Они внизу.

Радаманов. Спутники Рейна ликуют вместе с другими жителями Блаженства...

Рейн. Я не понимаю...

Аврора. Они в ресторане.

Аппарат угасает.

Радаманов. Я нас утомил? Но это неизбежно. Посмотрите, что делается в мире.

Рейн. Дорогой Радаманов, я готов не спать еще трое суток, если, конечно, счет времени еще идет у вас на сутки. Если кто и гениален, то это именно ваш Граббе.

Саввич. Этим лекарством не следует злоупотреблять.

Рейн. Я не боюсь.

Аврора. Вы храбрый человек.

Рейн. Мне хочется видеть, как танцуют внизу.

Аврора. Я провожу вас. *(Уводит Рейна.)*

Саввич уходит мрачен.

Радаманов. Марья Павловна!

Марья. Ах, вы здесь?

Дуэт Мария — Радаманов.

Радаманов. Но вас это не потрясает, не изумляет? Не нарушает психического равновесия?

Мария. Нисколько не нарушает равновесия. И всю жизнь я хочу прожить здесь. Я очень мною страдала. Там, в той жизни. Ах, Боже! А если это сон?

Радаманов. Мария Павловна. Успокойтесь.

Мария. Ваши ясные глаза успокаивают меня. Меня поражает выражение лиц здешних людей. В них безмятежность.

Радаманов.. Разве у тогдашних людей были иные лица?

Мария. Ах, что вы спрашиваете? Они отличаются от ваших так .резко... Ужасные глаза. Представьте, в каждых глазах или недоверие, или страх, или лукавство, или злобу и никогда смех.

Радаманов. Этого я вообразить не могу.

Мария. Где же вам, счастливым...

Радаманов. Хотя теперь, после ваших слов, я всматриваюсь и вижу, что ваши глаза тревожны. Вы очень красивы, Мария Павловна. Когда пройдет ваше потрясение, вы станете счастливой. У вас все есть для этого.

Бунша. Но все-таки я нахожу это странным. Социализм совсем не для того, чтобы веселиться. А они танцуют и говорят такие вещи, что ого-го.

Жорж. Ты бы помолчал минуту. А то гудишь ты в ухо и не даешь сообразить ничего. В чем дело? Выпей чего-нибудь.

Бунша. Я уже все сообразил и могу поделиться с вами своими соображениями. И одного я не понимаю — откуда такие часы, в точности такие, как часы Михельсона.

Милославский. Отстань.

Бунша. Помилуйте, я не могу отстать. У меня есть подозрения.

Милославский. Вот малахольный дурак! Ну,

хорошо. Вижу, что будешь ты из меня пить кровь, пока я тебя не отбрею. Что Михельсон? Где Михельсон?

Бунша. Михельсон в своей квартире.

Милославский. Мерси. Где квартира? Ты покажи мне, где квартира Михельсона? Понимаешь ли, что Михельсон улетел в иной мир. Ликвидировался.

Бунша. Этого быть не может. Да, вот и подпись нацарапана — Михельсон.

Милославский. Вот таких, как ты, и бьют всегда. Я выцарапал — Михельсон.

Бунша. Зачем же чужую фамилию царапать?

Милославский. Вот наказание-то. Ну, гляди. Стираю и выцарапываю — Милославский.

Бунша. Все равно я подозреваю.

Милославский. В чем твои подозрения?

Бунша. Драться вы не смеете. Я подозреваю, что вы их украли у Михельсона.

Милославский. Господи, Господи! Какой скучный, какой совершенно неинтересный человек! О чем ты говоришь? Солист государственных театров возьмет Михельсоновы ходики, барахло! Я обеспеченный человек. Зачем мне эти часы? Вот часы. *(Вынимает золотые часы из кармана.)*

Бунша. У товарища Радаманова точно такие часы Вот буква «Р».

Милославский. Ну, вот видишь!

Бунша. Что это вы мне все «ты» говорите? Я с вами брудершафта не пил.

Милославский. Ну, выпьем. Господи! В чем дело? *(Звонит.)*

Анна. Что вам угодно?

Милославский. Мадам, нельзя ли водочки нам?

Анна. Вы не пьете шампанского?

Милославский. Признаться... не пьем.

Анна. Сию минуту. Вот кран. По нему течет чистый спирт...

Милославский. Мерси. Это настоящая техника.

Анна. Но простите... Неужели вы пьете чистый спирт?

Милославский. Как же его не пить! Князь, закусывай паштетом.

Анна. В первый раз вижу. Неужели он не жжется?

Милославский. А вы попробуйте.

Анна. Ой!

Милославский.
Бунша. } Закусывайте! Закусывайте!

Бунша. Приятная дама. Позвольте, товарищ, навести справочку. В каком профсоюзе вы состоите?

Анна. Простите, не понимаю.

Бунша. Чего не понимаете? Вы куда взносы делаете?

Анна. Не понимаю.

Милославский. Не суйся ты со своим невежеством. Ты бы еще про милицию спросил. В каком отделении вы прописывались, мол? Ничего у них нету. Спросишь и только обидишь!

Бунша. И спрошу. Сам не суйся.

Милославский. Ну и осрамишь всех.

Анна. У меня закружилась голова!

Милославский. Закусывайте. Позвольте спросить, вы где воспитание получили?

Анна. Воспитание? Ах... ну да, я окончила университет.

Милославский. Мерси. За ваше здоровье.

Анна. Нет, нет. Я шампанского... Право, я пьяна.

Бунша. А действительно, я про милицию хотел спросить. Вот, скажем, где нас пропишут?

Анна. Вы не сердитесь, пожалуйста, что я улыбаюсь, но признаюсь вам, я половины не понимаю из того, что вы говорите. Это так странно. Так таинственно и интересно! Кто это — милиция?

Милославский. [Снимешь ты с меня голову.] Я краснею за тебя. Не слушайте его!

Анна. Вы замечательные люди! Скажите, вы были помощниками великого Рейна?

Милославский. Не столько помощниками, сколько, так сказать, друзья. Я, например, случайно проезжал в трамвае...

Анна. Вы инженер?

Милославский. Наоборот. Я солист государственных театров...

Анна. Я страшно люблю артистов. Понимаю! И он, ваш друг, предложил вам совершить это потрясающее путешествие в будущее? Я, к сожалению, слишком невежественна, чтобы понять принцип его чудовищного изобретения...

Милославский. В этом сразу не разберешься.

Анна. Я невежественна! Ничего не понимаю.

Бунша. Я присоединяюсь к вам. Все может быть, но без милиции — извините!..

Милославский. Вы невежественны? Ах, что вы говорите! Разрешите поцеловать руку.

Анна. Пожалуйста! *(Бунше.)* А вы? Вы где работали в той вашей прежней жизни?

Бунша *(вынув документы).* Секретарь жакта номер тысяча один в Банном переулке.

Анна. Как интересно! А что это означает? Что вы делали?

Бунша. Прописка, мадемуазель. Раз. Во-вторых, карточки.

Анна. Кружится голова!..

Милославский. Разрешите, я вас за талию.

Анна. У вас странный для нашего времени, но я вполне понимаю, что рыцарский подход к женщине... Я понимаю. Но мне это не неприятно... Быть может, это несколько остро... Да, так карточки?..

Милославский. Какие духи у вас!

Бунша. Утром встанешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я сажусь за карточки... Запишешь всех...

Милославский. Ну, пошел лопотать. Неужели у тебя нет никакого понятия?..

Бунша. Ты, пожалуйста, не зажимай мне рот. Мадемуазель интересно знать.

Милославский. Интересно? Ладно. Я скорее тебя изложу все. Утром встанет и начнет карточки писать. Пока всех не запишет. Потом на руки раздает. Месяц пройдет, опять пишет. Опять раздает. Потом опять отберет. Потом запишет.

Анна. Вы шутите? Но ведь так с ума можно сойти!

Милославский. Он и сошел!

Огни.

Ах, это что же такое?

Анна. Это лунная колония прилетела в ракетах. Садится на стратодром в Голубой Вертикали. Идемте смотреть. Вам это интересно.

Бунша. Чрезвычайно. Я люблю стратосферу. Вот только меня беспокоит... Прописаться бы, а потом уж можно спокойно все наблюдать.

Радаманов. Прилетели?

Анна. Только что.

Радаманов *(у аппарата)*. Приветствую вас, творцы лунной жизни. Влейтесь в наш праздник. *(Аппарат гаснет.)* Милая Анна! Я в суматохе куда-то засунул свои часы... Такая досада. Я привык, что они в кармане...

Милославский. Я не видел. Наверное, за диван куда-нибудь закатились.

Бунша. Странно...

Радаманов. Меня ждут в среднем бальном зале... Голубчик Анна, поищите!..

Бунша. Товарищ Радаманов, я хотел вам документы свои сдать.

Радаманов. Какие документы?

Бунша. Для прописки...

Радаманов. Простите, голубчик, потом... *(Уходит.)*

Бунша. Толку ни у кого не добьешься.

Милославский. Выпей, прекрати панику...

Бунша. И опять совпадение: у вас часы с буквой «Р», а у него пропали...

Милославский. Я с тобой перестану разговаривать...

Граббе. А, очень рад, что вас нашел... Я боюсь, что вы утомлены. Да, я не имел удовольствия быть вам представленным. Доктор Граббе.

Милославский. Очень, очень приятно.

Бунша. Секретарь Корецкий.

Граббе. Поверьте, что истинным счастьем для меня является то, что я могу быть вам полезным... Пока никого нет, разрешите я выслушаю ваше сердце?

Милославский. Мерси.

Граббе. О, все в полном порядке. Бокал шампанского вам не повредит. А вы?

Бунша. У меня, товарищ доктор, поясница болит. Мне наш районный врач бюллетень даже выдавал.

Граббе. С завтрашнего дня мы вами займемся. Интересно знать, как была поставлена медицина в древности... Вашу руку... Где же мои часы?.. Неужели выронил? Сюда шел, были. Уж не оставил ли я их в зале?

Милославский. О, тогда пиши пропало!

Граббе. Виноват?

Милославский. Пиши пропало, говорю.

Граббе. Виноват, не понимаю. То есть вы думаете, что они пропадут?

Милославский. Я в этом уверен! Уведут часики.

Граббе. Помилуйте, кому же они нужны? Это подарок моих пациентов. Я вот только боюсь, чтобы их кто-нибудь не раздавил. Не уронил ли я их на пол?

Милославский. Зачем золотые часы давить? Им сейчас покойно.

Граббе. Во всяком случае, я счастлив, что познакомился с вами и вашим великим командором. Мы не раз еще будем видеться.

Милославский. Мерси, мерси.

Бунша *(по уходе Граббе).* Часы Михельсона — раз, товарища Радаманова — два, данный случай... Подозрения мои растут.

Милославский. Уйди сию минуту!

Бунша уходит. Милославский, выпив у буфета, удаляется. Входит Рейн под руку с Авророй.

Рейн. Итак, страшные войны... Да, за то, чтобы человечество могло жить такою жизнью, право, стоит заплатить хотя бы и дорого. Вы знаете ли, там еще, в той жизни, когда мне говорили о бесклассовом обществе, я не верил, что жизнь человечества может принять такие формы. Как-то знаете, как бы выразиться... не помещается в голове мысль о том...

Аврора. Нет, вообразите другое. Я, например, не могу понять, как жизнь может иметь другой облик! Вообще, это головокружительно!

Рейн. Нет, черт возьми. У меня и у моих спутников воистину крепкие головы!

Аврора. В вашу голову я верю.

Рейн. Все доступно, все возможно! Действительное блаженство! По сути вещей, мне, собственно, даже и нельзя было бы разговаривать с вами, как с человеком равным.

Аврора. Почему?

Рейн. Я полагаю, что вы стоите выше меня, вы — совершенны.

Аврора. Позвольте мне задать вам один вопрос. Ежели он покажется вам нескромным, об одном прошу — не сердитесь и не отвечайте.

Рейн. Задайте любой.

Аврора. Вы почему не смотрите на огни вместе с вашей женой?

Рейн. Вы умный человек.

Аврора. Это ответ?

Рейн. Ответ.

Аврора. В таком случае, вы тоже умный человек.

Рейн. Позвольте мне вам задать вопрос.

Аврора. Нет. Вы получите ответ без вопроса.

Рейн. Но это невозможно.

Аврора. Нет.

Бьет полночь. В дверях Саввич.

Полночь. *(Рейну)* Мы аккуратны. Уж вы с этим помиритесь.

Рейн. Я заметил это.

Аврора. Вас не нужно знакомить? Вы знакомы?

Саввич. Да, я имел удовольствие.

Аврора. Это... мой жених, Саввич.

Рейн *(тихо)*. Ах, ответ.

Аврора. Уж очень вы торопливы. Так уж и ответ! Мне нужно поговорить. *(Саввичу.)* Не правда ли?

Саввич. Если вы позволите.

Рейн *(встает)*. Я иду смотреть на огни.

Аврора. Не уходите далеко. У меня будет короткий разговор.

Рейн. Слушаю. *(Уходит.)*

Пауза.

Аврора. Что вы хлопаете себя по карманам?

Саввич. Вообразите, я потерял свой портсигар.

Аврора. Отцу не удивляюсь — он очень рассеянный, но вы — так...

Саввич. Да, это на меня не похоже. Но я волнуюсь.

Аврора. Вы за ответом, не правда ли?

Саввич. Да.

Аврора. Я вам отказываю. Прошу меня простить и не сердиться на меня.

Саввич. Аврора! Аврора! Этого не может быть.

Аврора. Не понимаю вас.

Саввич. Не может быть! Тут ошибка, Аврора! Подумайте! Этот брак не может не состояться. Мы

рождены друг для друга. Это было бы оскорблением всех законов.

Аврора. Разве я не свободна в своем выборе?

Саввич. Нет! Нет! Это минутная вспышка, Аврора. В вас поднялась какая-то мутная волна. Я умоляю вас... Посмотрите на эти звезды!

Аврора. Вы неправильно читаете гороскоп. Мне жаль, что я причинила вам страдания. Но остается одно — забыть обо мне.

Саввич *(начинает уходить)*. Не верю этому, не верю. Причина могла быть только одна — если бы вы полюбили другого! Но этого быть не может!

Аврора. Это может быть. Я полюбила другого.

Саввич. Не знаю, чем я заслужил эту жестокую шутку? Не может быть!

Аврора. Саввич! Вы с ума сошли!

Саввич. Скажите мне его имя?

Пауза.

(Уходит.)

Аврора. Рейн!

Рейн входит.

Извините меня. Вот разговор и кончен.

Рейн. Ради Бога, ради Бога.

Аврора. Я сейчас отказала своему жениху.

Рейн. Почему?

Аврора. Не ваше дело.

Толпа гостей.

Радаманов. Нет, мы просим вас. Я открываю аппарат.

Милославский. Не в голосе я сегодня. Хотя вот один стишок.

Радаманов. Он читает.

Милославский. Да... Богат и славен Кочубей... Черт его...

Рейн. Что, он забыл, что ли? При чем здесь Кочубей? *(Подсказывает.)* Его поля необозримы...

Милославский. ...Его поля необозримы... Дальше забыл, хоть убей.

Громовой аплодисмент в аппарате и кругом.

В чем дело?

Репортер. Чьи это стихи?

Милославский. Льва Толстого.

Репортер. Как отчество его?

Милославский. Кочубея? В чем дело? Петрович. Выпьем.

Радаманов. Благодарю вас, спасибо. Вы доставили всем громадное удовольствие.

Милославский *(пожимает всем руки)*. Мерси. Мерси.

Радаманов. А ваш товарищ — не артист?

Милославский. Заснул он, черт его возьми.

Радаманов. Бедняга! Он утомился. Ну, пожалуйте в зал. Начинаются танцы.

Музыка.

Милославский. Виноват, я извиняюсь. *(Хлопает в ладоши.)* Не то.

Поиски «Аллилуйи».
Оркестр играет «Аллилуйю».

Не то!

Радаманов. Не может быть. Как же не то?

Милославский. Громче! Гораздо громче. Да я им сам объясню.

Все уходят.

Аврора. Он забыл слова?

Рейн. Он пьян.

Аврора. Какой-то Кочубей. Смешная фамилия.

Но кто меня возмущает больше всех, кто самый недальновидный, самый наивный человек...

Рейн. Саввич?

Аврора. Нет. Вы. *(Целует его).*

За сценой вдруг оглушительные, неописуемые звуки «Аллилуйи».

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

Радаманов. Голубчик Саввич! Ведь вы меня истязаете! Согласитесь сами, при чем же я здесь? Ведь не могу же я повлиять на нее!

Саввич. Я согласился бы скорее отрубить себе руку, чем пытаться оказать на Аврору какое-нибудь давление.

Радаманов. В таком случае о чем же мы говорим?

Саввич. Радаманов!

Пауза.

Радаманов!

Радаманов. Ну, Радаманов... Что Радаманов?

Саввич. Я пришел к вам, чтобы говорить чрезвычайно серьезно.

Радаманов. Слушаю.

Саввич. И говорить об Астрее.[1]

Радаманов. Да ведь только что говорили!

Саввич. Погодите. Вы знаете меня очень хорошо. Похож ли я на человека, который способен вследствие овладевшей им страсти, подобно какому-то дикарю, гнаться, как за дичью...

Радаманов. Совершенно не похожи.

Саввич. Я люблю ее пламенно.

Радаманов. Мне известно это.

---

[1] Здесь Аврора названа Астреей.

Саввич. Но мало одной любви для того, чтобы соединиться с любимым существом. Что мне дороже всего в мире?

Радаманов. Астрея?

Саввич. Нет, гармония И Астрея в великую гармонию входит как часть в прекрасное целое, поймите, Радаманов, что отнять у меня веру в гармонию — значит лишить меня жизни.

Радаманов. Директор Института гармонии не может иначе рассуждать. Уважаю вас за это. Продолжайте.

Саввич. Когда я заметил, что чувство овладело мною, что я сделал первым долгом? Я произвел все анализы. Я исследовал свой мозг, моя нервная система обследована досконально. То же было проделано и с Авророй. И передо мною отчетливо обозначилась идеальная пара. Заметьте, она любила меня. Сколько будет два плюс два?

Радаманов. Это известно.

Саввич. Ну, а если вы к двум прибавляете два и вдруг получаете три с четвертью?

Радаманов. Тот, кто складывал, ошибся спросонок.

Саввич. Вам угодно пошутить? Так вот о чем я вам заявляю, Радаманов! Я вас люблю.

Радаманов. Благодарю вас.

Саввич. Я люблю мое человечество, люблю мой век. О, век гармонии! Горжусь тем, что я один из тех, кто прокладывает путь человечеству к совершенному будущему.

Радаманов. Как? То, что есть, вы считаете недостаточно совершенным? О, Саввич! Вам трудно угодить!

Саввич. Не смейтесь. Век несовершенный, настанет же совершенный. Но в нашем веке вы самый лучший. Вот за это я вас и люблю. Так вот что я вам скажу: если вы прибавляете к двум два и не получаете

четырех, а меньше, то значит, что одна из двоек неполноценна. Вот одна из двоек перед вами. Я документально докажу вам, что в ней полных два, а вторая двойка не полная.

Радаманов. Час от часу не легче! Что же это? Выходит, что неполноценна Аврора?

Саввич. Да, это ужасно, но это так. Я давно уже заметил это и, признаюсь, скрыл это. Моей мечтой было жениться на ней и некоторую порчу ее замечательного механизма исправить, чтобы вернуть великому веку женщину с задатками выдающегося ученого, украшение нашей жизни!

Радаманов. Вы меня испугали. Какая же болезнь у нее?

Саввич. Атавизм. Кровь предков, оказывается, кричит в ней. Так вот, Радаманов, она отказалась от меня. Пусть будет так, но я никогда не откажусь от нее...

Радаманов. Позвольте...

Саввич. Погодите, я договорю. Моя мечта разбита, не знаю навсегда ли, но ее я, и, заметьте, бескорыстно, спасу! Ей угрожает опасность!

Радаманов. Какая?

Саввич. Вот эта четверка, которая ввалилась в Блаженную Землю как метеор! Если хотите знать, это самый скверный случай. И хуже всего появление Рейна.

Радаманов. Что вы говорите, Саввич? Рейн — блестящее явление.

Саввич. О, это мы еще проверим!

Радаманов. Да, милый человек, люди с того времени, как стоит земля, не знали такого открытия!

Саввич. Проверим, проверим! И если это действительно необыкновенное изобретение заслуживает внимания, мы обратим его на пользу живущим. Но сам Рейн и эти его спутники возбуждают во мне антипатию неодолимую и будят тревогу! Они заразительны, Рада-

манов! Они пришли из тех времен, которые вызывают в здоровом человеке ужас и ничего более. Они лишние здесь! И вот тут уже я говорю с вами не просто как человек, а как тот, кому доверили Институт гармонии, я не допущу их разрушить Блаженную Землю.

Радаманов. Позвольте! Зачем и как им разрушать Блаженную Землю?

Саввич. Я не бросаю слов на ветер. Они пришли! Они анархичны! Они неорганизованны, они больны и они заразительны. На их мутные зовы последуют отзвуки, они увлекут за собой, и вы увидите, что вы их не ассимилируете! Они вызовут брожение. Словом, Аврору я Рейну не отдам!

Радаманов. Позвольте!.. Он в браке!

Саввич. Браки! Вы почитайте про их браки! Это хаос! Болезни, вырождение...

Радаманов. Да может быть, он вовсе и не собирается?..

Пауза.

Саввич. Радаманов! Я знаю, о чем я говорю. Это было бы так же дико, как если бы вы вздумали жениться на этой Марии Павловне или как ее там называли в варварском прошлом!..

Радаманов. Я прошу вас, Саввич, не трогать Марию Павловну, она не имеет отношения к этому делу. И она, кроме всего прочего, ничуть не заслуживает порицания.

Саввич. Да вы гляньте на ее лицо!

Радаманов. Саввич! Прекратите этот разговор!

Саввич. У нее асимметричное лицо! Вся эта компания немыслима здесь.

Радаманов. Саввич!

Саввич. Пусть летят туда, откуда они прилетели!

Радаманов. Большой вопрос — улетят ли они!

Саввич. Виноват! Ведь он же конструирует.

Радаманов. Ничего не выйдет.

Саввич. Как?

Радаманов. Он не может установить рычаг. Этот актер сломал рычаг, улетая, а шифр остался у Рейна в квартире.

Саввич. Это ужасно! Стало быть, этот Рейн и эта, как ее, Мария Павловна станут нашими вечными гостями.

Радаманов. Да что это как вам далась Мария Павловна! Попрошу вас оставить ее!

Саввич. Простите. Я позволил себе говорить о ней только потому, что я знаю, что вы никогда не будете к ней иметь никаких отношений.

Радаманов. Простите меня, я занят.

Саввич. Я удаляюсь. Вот рекомендую вам. Удостоверьтесь, какой литературой развлекали себя эти, ну, словом, жители двадцатого века! Чацкий — болван!

Радаманов. Что это такое?

Саввич. «Горе от ума».

Радаманов. А это насчет чего?

Саввич. А это галиматья!

Радаманов. Ну что ж вы, голубчик? У меня же времени нет, чтобы путное что-нибудь прочитать, а вы мне галиматью предлагаете!

Саввич. До свидания! *(Уходит.)*

Радаманов *(к портьере)*. Убедительно прошу вас, простите меня и не обращайте внимания на его слова. Он ворвался ко мне, и я думал, что он уйдет через минуту.

Мария *(у зеркала)*. Асимметричное лицо? Ну что ж, проживу и с таким лицом! Ревнивый дурак!

Радаманов. Я, право, не виноват.

Мария. Решительно ни в чем!

Радаманов. Кто это ревнивый дурак?

Мария. Саввич.

Радаманов. Как? Вы думаете, что Саввич говорил это из ревности?

Мария. Я в этом уверена, хотя, впрочем, нет,

беру свои слова обратно. Я забыла, что у меня иные понятия.

Радаманов. Во всяком случае, забудемте все, что бы он ни говорил.

Мария. Охотно. Ну, Павел Сергеевич, мне пора. До свиданья.

Радаманов. О, нет, Мария Павловна, как же так? Ведь мы же не поговорили.

Мария. Ну, давайте поговорим.

Пауза.

Я только сейчас сообразила, как высоко мы над землей. Ведь, наверно, если броситься вниз, то что будет?

Радаманов. Вы умрете, не долетев до нижней галереи.

Пауза.

Так говорят врачи. Я сам не падал.

Пауза.

Моя Аврора все время читает древнюю литературу и время от времени мне дает книги. Я в этом, конечно, ничего не понимаю, но чувствую какую-то странную прелесть... Башня... кто-то на башне распевал. Это в ваше время?

Мария. Так трудно сказать. Я не знаю, о чем вы говорите. Нет, в мое время на башне никто не распевал.

Радаманов. Я, знаете, человек очень занятой, кроме того вы знаете, у меня около года тому назад умерла жена. Впрочем, простите, я говорю совершенно бессвязно.

Пауза.

Мария. А зачем вы заставили меня спрятаться за портьерой?

Радаманов. Я не хотел вас отпустить...

Мария. Ага.

Пауза.

У вас что-то плохо идут слова с языка, Павел Сергеевич. Поэтому я скажу. Я пришла по вашему зову, чтобы поблагодарить вас за то внимание, с которым вы отнеслись ко мне. Вы — необыкновенно приятный человек, Павел Сергеевич. И кроме того, я хотела вас попросить, чтобы вы указали мне, что мне делать в этой новой жизни.

Радаманов. Я готов вам всячески служить, но дело в том, что Рейн лучше меня может помочь вам в этом. Право, ваш удел завиден, вы — жена гениального человека.

Мария. Это верно. Я с ним поговорю. До свидания, Павел Сергеевич. *(У машины.)* Скажите, Павел Сергеевич, а это может быть, что ему не удастся установить опять рычаг?

Радаманов. Увы! Может быть.

Мария. Ага. Ну, до свидания.

Радаманов. То, что я позвал вас, а также то, что я вас спрятал за портьерой, надо полагать, преступно и уж во всяком случае мне не к лицу. Дело в том, что вы мне очень нравитесь. Что вы на это скажете, Мария Павловна?

Мария. Я скажу, что это интереснее, чем про башню, как кто-то распевал.

Радаманов. Я позвал вас с тем, чтобы сказать вам, что я всячески удержу себя от этого чувства и ничем не нарушу покой, главным образом, конечно, свой.

Мария. Ну, прощайте, Павел Сергеевич. Больше вы меня не увидите.

Радаманов. Позвольте, что это значит?

Мария. А я вам помогу сберечь ваш покой.

Радаманов. Позвольте, я не понимаю...

Мария. Отстаньте от меня!

Бунша. Я извиняюсь...

Радаманов. Голубчик, ну что же вы не позвонили мне, прежде чем подняться?

Бунша. Здравствуйте, мадам Рейн. Очень удобный аппарат, но сколько я ни дергал...

Радаманов. Ну что ж дергать? Он просто закрыт. Я закрыл его, чтобы никто не приходил.

Бунша. Ага.

Радаманов. Вы же должны были быть в Индии?

Бунша. Не долетели мы.

Радаманов. Ничего не понимаю?

Мария. Ну, прощайте, Павел Сергеевич.

Радаманов. Подождите, Мария Павловна.

Мария. Нет, нет, прощайте.

Радаманов.. Так что вы говорите? Индия... Ах ты, Боже мой!..

Бунша. Не долетели мы, товарищ Радаманов. И все из-за Милославского. Уже показалась, а он говорит: а ну ее к чертовой матери! — и повернули.

Радаманов. Ну, и что же? Ну?

Бунша. Я к вам с жалобой, товарищ Радаманов. *(Вынимает бумагу.)*

Радаманов. Я все никак не могу привыкнуть, почему вы меня зовете товарищ Радаманов... Ну, впрочем, все равно. Какая жалоба? Ну что вас беспокоит?

Бунша. Институт гармонии.

Радаманов. Но я читал уже в газете, что поясница ваша уже прошла...

Бунша. Ну что ж поясница, Павел Сергеевич, что поясница! На меня совсем внимания не обращают!

Радаманов. А чего бы вы хотели?

Бунша. Видите ли, там в Банном переулке такая дама осталась, что прямо можно сказать — карга.

Радаманов. Это кто же?

Бунша. Супруга моя.

Радаманов. Так.

Бунша. Так вот я бы хотел жениться.

Радаманов. Понял. Саввич вам не дает разрешения на женитьбу? На ком вы хотите жениться?

Бунша. На ком угодно.

Радаманов. Впервые слышу такой ответ и совершенно поражен!

Бунша. Институт гармонии обязан обо мне заботиться.

Радаманов. То есть?

Бунша. Обязан мне невесту подыскать.

Радаманов. Душа моя, Бунша-Корецкий! Институт это не свадебное бюро! Поймите... Слово «бюро» вам было известно?

Бунша. По обмену комнат...

Радаманов. Что? Ну, ладно. Институт регулирует брачные отношения, заботясь о чистоте рода, но делает это чрезвычайно тонко. Он и не стремится стать конторой по выдаче разрешений на свадьбы. Да сколько мне помнится, случаев запрещения почти не бывало...

Бунша. Вот вы поподробнее мне, Павел Сергеевич, изложите, а то ни от кого не добьешься...

Радаманов. Нет. Нет. Простите, голубчик, я безумно занят... В другой раз... Вы не заметили, куда она направилась?..

Бунша. Кто?

Радаманов. Мария Павловна...

Бунша. Трудно установить.

Радаманов. Институт не сваха, невест не подыскивает. Так что вы уж сами потрудитесь разыскать женщину, которая вам по сердцу... И... понятно?

Бунша. Мне понятны всякие теории, потому что я слушал всевозможные публичные лекции. Но теорию необходимо увязывать с практикой. В бесклассовом же обществе...

Радаманов. Ах, черт возьми!.. Извините... Я знаю, что нам трудно понимать друг друга... Но это моя вина... Я рассеян, ибо я спешу...

Бунша. Вот бумага, в которой все изложено по интересующему меня вопросу...

Радаманов. Не надо, не надо, голубь мой Бунша, писать никаких бумаг. Я же говорил вам об этом. У вас было принято, а у нас нет. Мы избегаем... *(По аппарату.)* Связь. Радаманов. Справку. Срочно. Где сейчас госпожа Рейн. Просить пожаловать ко мне. *(Бунше.)* Яростно избегаем бумаг. Да-с.

Бунша. Зря звонили, Павел Сергеевич. Невозможно найти. Вот если бы вы пожаловали к нам, я любую даму вам могу найти в кратчайший срок. Надо было в милицию позвонить. Она могла быть у меня в домовой конторе, или и кооперативе, или у парикмахера. У нас так всегда и находили. Но если у человека аппарат за плечами, он сорвался и полетел, и никакая милиция его не разыщет. [На каждом шагу аппараты.] А вдруг ей фантазия в Голландию улететь?

Радаманов. В Голландию? В Голландию? Неужели я так глупо поговорил? Простите, отлучусь. Я занят.

Бунша. Но вы хоть скажите, что говорить-то даме. У себя на пороге бесклассового общества я знал, что говорить, но в этой ситуации — теряю темпы.

Радаманов. Вы человек любознательный... *(На ходу.)* Знакомьтесь...

Бунша. Что говорить-то ей?..

Радаманов *(улетая)*. Я полюбил вас с первого взгляда!..

Бунша. Я полюбил вас... На этом далеко не уедешь. Женщины про любовь не любят слушать. Если б вот сказать: переезжайте ко мне с первого взгляда, у меня отдельная комната. Но когда у каждого по пять-шесть комнат?! Анна Васильевна!

Анна. Добрый день. А вы что здесь делаете в одиночестве?

Бунша. Мечтаю.

Анна. Не буду вам мешать.

Бунша. Нет, остановитесь. Я вас полюбил с первою взгляда.

Пауза.

Анна. Продолжайте.

Бунша. В общем, все.

Анна. Благодарю вас.

Пауза.

Бунша. Я делаю вам предложение. Простая, казалось бы, вещь, и можно бы понять с первого слова.

Анна. А? Благодарю вас, вы меня очень тронули, но, к сожалению, мое сердце занято.

Бунша. Это неинтересно. Попрошу вас короче. Вы отказываете мне?

Анна. Отказываю.

Бунша. Вы свободны.

Анна. В жизни не видела более оригинального человека, чем вы.

Бунша. Не будем терять времени. Вы свободны.

Анна. Павел Сергеевич не был здесь?

Бунша. Улетел.

Анна. Вы не знаете, куда?

Бунша. Я же не Бюро связи?

Анна. Простите. *(Уходит.)*

Бунша выпивает спирту из крана.

Аврора. А отец улетел?

Бунша. Улетел, мадемуазель Радаманова. Виноват. Будьте добры присесть. Увидев вас, я полюбил вас с первого взгляда. Есть основания полагать, что и я вам нравлюсь. Не будем терять времени. *(Обнимает Аврору и целует ее в щеку)*

Аврора *(ударив его по уху)*. С чего вы взяли, старый слюнтяй, что вы мне нравитесь? Какой нахал!

Бунша. Вы зарываетесь, Аврора. Так в бесклассовом обществе не поступают.

Аврора. Дурак какой! *(Уходит.)*

Бунша *(у перил)*. Ничего, ничего, Аврора Павловна. Ударим по рукам зарвавшегося члена общества.

Саввич *(входит, говорит по аппарату)*. Где Радаманов?

В аппарате: «Неизвестно».

Бунша. Кому неизвестно, а мне известно. За Марьей Павловной поехал.

Саввич. За Марьей Павловной?

Бунша. Факт.

Саввич. Зачем?

Бунша. Об этом будет у нас отдельный разговор. А пока что у меня к вам есть дело.

Саввич. По Институту гармонии?

Бунша. Именно по Институту гармонии.

Саввич. Слушаю вас.

Бунша. Эх, молодой человек! Я полюбил вас с первого взгляда.

Саввич. Что такое? Повторите, что вы сказали?

Бунша. Я не допущу над собой насилия. Неодолимая симпатия.

Саввич. Я так и подозревал. Вы к тому же еще и...

Бунша. Без паники, прошу вас. Это было только предисловие.

Саввич. Мне не нравится такие предисловия!

Бунша. Полюбив вас с первого взгляда, я решил оказать вам услугу.

Саввич. Ни в чьих услугах я не нуждаюсь.

Бунша. Ах, не нуждаетесь? Ну, вы свободны.

Саввич *(на ходу)*. Мы вами займемся.

Бунша. Дерзить в бесклассовом обществе не очень разрешается. Займитесь, займитесь! А он в это время Авророй займется.

Саввич. Что вы хотели мне сказать?

Бунша. Ничего. Извините, что побеспокоил, что

вошел без доклада. Видно, что бюрократизм еще не изжит окончательно. А пора бы!

Саввич. Простите, я погорячился.

Бунша. Ничего, ничего. До свидания.

Саввич. Что вы начали говорить об Авроре? Прошу вас.

Пауза.

Быть может, я тоже могу быть вам чем-нибудь полезен?

Бунша. Это взятка называется, молодой человек. За это, знаете... У нас за такие предложения в домкоме ого-го-го как грели!

Саввич. Я повторяю вам, я был взволнован, я не прав.

Бунша. Принимаю ваши извинения. *(Вынимает бумажку из кармана.)* Тринадцатого мая сего года в половине первого ночи Аврора целовалась с физиком Рейном. С тем же физиком она целовалась пятнадцатого мая. Семнадцатого мая на закате солнца у этой машины она целовалась опять-таки с этим же физиком, причем произнесла следующие слова: «Ты ворвался в эту жизнь», а дальнейшие слова не разобраны, потому что они меня увидели. Восемнадцатого мая тот же Рейн держал руку на ее талии... Девятнадцатого...

Саввич. Довольно! *(Разрывает бумагу в клочки.)*

Бунша. Оправдательный документ рвать нельзя. Хорошо что я копийку снял на машинке.

Саввич. Довольно! *(Уходит.)*

Бунша. Будете знать, как по щекам хлестать, Аврора Павловна!

Голос Милославского по аппарату: «Болван здесь?»

Бунша. Меня разыскивает.

Милославский *(входит)*. Куда ты скрылся? Я думал, где ты треплешься? А ты уж, оказывается, дома.

Бунша. У меня дел по горло было здесь.

Милославский. Отчего у тебя глаз подбит?

Бунша. Я с аэроплана упал, честное слово.

Милославский *(по аппарату)*. Что на завтрак сегодня? Угу. Пришлите. Садись, отец.

Бунша. Мерси.

Стол.

Милославский. Такой бы стол на Арбате в «Праге» накрыть. Никакой Кочубей так не ел. Сейчас бы цыган сюда и трамвай... Эх...

Бунша. Про трамвай я не понимаю.

Милославский. Трамваев мне не хватает... Я люблю трамваи. Весело, шумно... Хочешь я тебе часы подарю?

Бунша. Удобно ли это будет?

Милославский. Очень удобно, но только строжайший секрет. Никому не показывать. Ни при ком не вынимать.

Бунша. А как же я время буду узнавать?

Милославский. Они совершенно не для времени, а на память как сувенир. Ты какие больше любишь, открытые или глухие?

Бунша. Такое изобилие часов меня наводит на всякие размышления.

Милославский. Вот поделись с кем-нибудь этими размышлениями, я тебе мгновенно голову и оторву. Глухие?

Бунша. Глухие.

Милославский. Получай.

Бунша. Большое спасибо, но видите ли, здесь буква «ха», а мои инициалы «С. В. Б.».

Милославский. Без капризов. У меня не магазин.

Бунша. Где вы их все-таки приобрели?

Милославский. В частных руках.

Рейн. Как ни придешь, вы за едой. Вас же повезли Индию осматривать?

Милославский. Ничего решительно интересного там нет.

Рейн. Да вы там пять минут были, что ли?

Милославский. Мы и одной минуты там не были.

Рейн. Так какого же черта вы говорите, что неинтересно!

Милославский. В аэроплане рассказали.

Бунша. Полное однообразие.

Рейн. Вы-то бы уж помолчали, Святослав Владимирович! Большое разнообразие вы видели в вашем домкоме.

Бунша. И даже очень.

Милославский. Словом, милый человек и академик, говорите, что с вашей машиной? Будьте любезны доставить нас туда, откуда взяли.

Рейн. Я вам не извозчик.

Милославский. Что значит не извозчик? Я разве просил вас меня сюда переселять?

Рейн. Дорогой мой! То, что произошло с нами, именуется катастрофой. Вы случайная жертва эксперимента. А впрочем, почему жертва? Тысячи людей были бы благодарны, если бы их перенесли в эту жизнь! Неужели вам здесь не нравится?

Бунша.
Милославский. } Не нравится!

Рейн. Сожалею и приму все меры к тому, чтобы вернуть вас в прежнее состояние. Но не скрою от вас, что это чрезвычайно трудно.

Бунша. Подаю на вас заявление! Из-за вас я отлучился из Союза без разрешения и стал белым эмигрантом. Не желаю быть невозвращенцем!

Рейн. Святослав Владимирович! Вы кретин.

Бунша. Ругайтесь, ругайтесь...

Рейн *(Милославскому)*. А вы? Скажите же, наконец, кто вы такой и из какой эпохи?

Милославский. В чем дело? Эпоха, эпоха!

Рейн. В каком году вы родились?

Милославский. Тысяча девятисотого года рождения.

Рейн. Позвольте! Одного года со мною? Но как же, я не понимаю, вы оказались в моей комнате. Я думал, что вы...

Бунша. У меня есть на этот счет соображения...

Милославский. Солист государственных театров, и вопрос исчерпан.

Рейн. Скажите, солист, как вы вышли из машины?

Милославский. Был пьян и не помню.

Рейн. Ничего не понимаю. Где вы работали? В каком театре вы работали?

Милославский. В Большом и в Малом. На премьерах.

Рейн. Господи! У вас широчайшее поле для работы здесь. Но все утверждают, что вы упрямитесь. И никто не слышал от вас ни одной строчки, кроме этого Кочубея. Что за дикое упрямство! У вас широчайшее поле для работы. Вам Аврора предлагала прочесть доклад о состоянии театра в ваше время. Почему вы отказались?

Милославский. Я стеснялся.

Рейн. Черт знает какую чушь вы говорите!

Милославский. Драгоценный академик! Починяйте вашу машину, и летим отсюда вон! Хочешь, я на колени стану? *(Становится.)*

Бунша *(становится на колени)*. И от своего имени умоляю. Увезите нас.

Рейн. Бросьте вы эту петрушку. Ну, слушайте. Случилась беда. Одной части не хватает. Платиновой пластинки, на которой нарезаны цифры. А их пятьдесят. Без нее я не могу установить машину ни на какой полет. Мария Павловна, когда ухватилась рукой за механизм, выронила ее, очевидно.

Милославский. Ключик золотой?

Рейн. Вот именно.

Милославский. Ура!

Рейн. Не надрывайтесь зря. На нем выложено было шестизначное число, а я его не помню. И вспомнить его немыслимо.

Милославский. Чего ж ты молчал? А? *(Подбегает к шкафу, трогает костюм Рейна.)* Искать надо! Он в костюме.

Рейн. Все обыскано, успокойтесь, дорогой артист. Он потерян.

Милославский. Не может он быть потерян. Где-нибудь он да находится!

Рейн *(обыскав костюм)*. Тьфу, черт. Только меня заразил своей истерикой.

Милославский. Не у меня ли? *(Ищет.)* Нет, нету.

Рейн. А каким же образом он может...

Милославский. Святослав, ищи в своем.

Бунша. Довольно странно...

Милославский. Ищи!

Бунша *(вынимает ключ)*. Ключ!

Милославский. Вот, пожалуйста!..

Рейн. Что такое?! Послушайте, Святослав Владимирович, что это значит?

Бунша. Я не понимаю, что это значит.

Милославский. Как ты смел, старая калоша, дотрагиваться до такой тонкой и оригинальной машины? А?

Бунша. Выше моих сил понять, что это значит...

Милославский. Нет, ты ответь, как ты осмелился тронуть государственное изобретение гения? Женечка, хотите, я ему по шее дам?

Бунша. Не понимаю этого подозрительного происшествия. Честное слово... И более всего не понимаю, каким же образом ключ попал в новый костюм!..

Милославский. Довольно! Ты действовал в состоянии рассеянности.

Бунша. Если только я действовал, то в состоянии рассеянности...

Рейн. Довольно! Неважно!

Милославский. Эх! Вкладывай ключик, летим сегодня!

Рейн. «Вкладывай ключик»! Погодите, дорогие мои. Это не так просто. Надо отлить пластинки с этим же шифром.

Милославский. Это минутное дело...

Бунша. Я понимаю, ежели бы в старом жилете, но как же он перепрыгнул в новый?..

Милославский. Да ну тебя, в самом деле!

Рейн. И вот что, если вы хотите действительно, чтобы я перевез вас обратно, ни одной живой душе вы не скажете ни слова о том, что нашелся ключик.

Милославский. Товарищ Рейн! *(Бунше.)* Ты усвоил, что тебе сказано? Ну, смотри у меня.

Рейн. Ко мне идут. Вот что. Вы идите, погуляйте.

Входит Аврора.

Аврора. А, какая милая компания!

Милославский. Мое почтение, Аврора Радаманова.

Аврора *(Бунше)*. А вы что ж не здороваетесь? А? Неудобно, а?

Бунша. Здравствуйте, я стараюсь разобраться в одном вопросе... Да я ничего не говорю!

Милославский. Ох, наделает он бед!..

Рейн. Поручаю вам его...

Милославский. Будьте благонадежны, он не пикнет!.. *(Авроре.)* Чрезвычайно приятно было бы посидеть с вами, но, к сожалению, некоторые дела. *(Бунше.)* Идем, все равно ты ни до чего не додумаешься! *(Рейну.)* Только уж вы, пожалуйста, работайте, а не отвлекайтесь в сторону.

Рейн. Это что за указания такие?

Милославский. Ничего, ничего, ничего...

(Авроре.) До приятного свидания! *(Бунше.)* Ну!.. *(Уходит с Буншей.)*

Рейн. Аврора! *(Обнимает ее.)*

Милославский *(выглянув)*. Я же просил вас, Женюша, работайте, не отвлекайтесь. Пардон, мадемуазель! Ушел, ушел. Проверил и ушел! *(Скрывается.)*

Аврора. Изумительная пара! Одни? Ты знаешь, третий день я не могу остаться наедине с тобой...

Рейн. У тебя монгольские глаза!

Аврора. Ты дурак! *(Целуются.)*

Дуэт Рейна и Авроры.
Звонок.

Да. *(Рейну.)* Отец. *(По аппарату.)* Хорошо, я уйду. Ты можешь с ним поговорить. *(Уходит.)*

Радаманов. Извините, Рейн, что я прервал вашу беседу с Авророй. Но дело мое крайней важности.

Рейн. Я слушаю вас.

Радаманов. Вот в чем дело. Я только что с заседания Совета Народных Комиссаров.

Рейн. Слушаю.

Радаманов. Заседание это было целиком посвящено вам.

Рейн. Слушаю.

Радаманов. Вот что мы постановили. Признать за вашим изобретением не государственное значение, а сверхгосударственное. Вас самих постановлено считать человеком гениальных способностей и в силу этого поставить вас в условия исключительные. В такие условия мы ставим лиц, польза которых для блага человечества не укладывается ни в какие нормы. Другими словами говоря, ваши потребности будут удовлетворены полностью и желания ваши будут исполняться полностью. Вот все, что я хотел вам сообщить. При этом еще добавлю, что я поздравляю вас.

Рейн. Прошу вас передать Совету мою признательность.

Радаманов. Мне хотелось бы знать, Рейн, что вы сообщите мне.

Рейн. Я польщен и прошу передать...

Пауза.

Радаманов. И это все?

Рейн. Право, не знаю, что еще сказать...

Радаманов. Рейн! Я никак не ожидал этого от вас. Ну что ж, мне придется вам помочь. Вы должны были ответить мне так: «Я благодарю государство и прошу немедленно принять мое изобретение и работу над ним под контроль».

Рейн. Как? Меня будут контролировать?

Радаманов. Голубчик, прошу вас помыслить, могло ли это быть иначе?

Рейн. Я начинаю понимать. Скажите: если я восстановлю машину...

Радаманов. Я не сомневаюсь в этом...

Рейн. ...я буду иметь право совершать на ней полеты самостоятельно?

Радаманов. Ни в каком случае, мой дорогой и очень ценимый нами человек.

Рейн. Нарком Радаманов, все ясно мне. Прошу вас, вот моя машина. Сам же я лягу на диван и шагу не сделаю к ней, пока возле нее будет хоть один контролер.

Радаманов. Не сердитесь на меня. Вы рассуждаете как дитя. Мыслимо ли, чтобы человек, совершивший то, что совершили вы, лег на диван. Ну, вы ляжете и... умрете, как я понимаю. Так, что ли?

Рейн. Вы не будете меня кормить?

Радаманов. Вы обижаете нас. Нашего дорогого гостя мы не будем кормить!.. Ах, что вы говорите, Рейн.

Рейн. Машина принадлежит мне.

Радаманов. Ах, дорогой! Поистине вы человек иного века! Она принадлежала бы вам, если бы вы

были единственным человеком на земле. А сейчас она принадлежит всем.

Рейн. Я человек иной эпохи и прошу отпустить меня.

Радаманов.. Дорогой мой, безумцем я назвал бы того, кто отпустил бы вас.

Рейн. Что это значит?

Радаманов. Я с увлечением читал в газете о том, как к вам появился этот, ну, как его... царь Иван Грозный... Он в девятнадцатом веке жил?

Рейн. В шестнадцатом.

Радаманов. Прошу прощения. Я плоховато знаю историю. Да это и неважно. Иван ли, Сидор, Грозный ли... Голубь мой, мы не хотим сюрпризов... Вы улетите... Кто знает, кто прилетит к нам?

Рейн. Довольно. Я понял. Вы не отпустите меня.

Радаманов. Ах, голубь мой. Зачем же такие жестокие слова! Мы просим, мы молим вас остаться с нами, не покидать нас. Вы не пожалеете, смею уверить вас. О, Рейн. Пройдет краткий срок, и ваша психология изменится резчайше. О, как жаль, что вы не родились в наш век. Забудьте свою эпоху!

Рейн. Я пленник!

Радаманов. Вы терзаете меня, Рейн. Я даю вам честное слово наркома. Мне верят все, что мы дадим вам возможность совершить те путешествия, которые вам будут интересны. Я обещаю вам это. Но вы совершите их вместе с нами. Человечество поставит вам памятник! О, Рейн! Вы только подумайте, какую чудовищную пользу вы принесете людям. Мы обследуем иные века и возьмем из них все, что нужно. Я не могу сравниться с вами, мой драгоценный! Я посредственность, но я кое-что знаю и пылаю при одной мысли о проникновении во время. Как велик радиус действия машины? Я надеюсь, что она не может бить по бесконечности? Надеюсь, потому что мой мозг не вместил бы этого, я сошел бы с ума!

Рейн. Конечно, не бесконечен. Я полагаю, примерно лет четыреста.

Радаманов. А от нашей, значит, тоже на четыреста... А от той, куда мы прилетим, еще на четыреста... О, Рейн! Мы, возможно, еще при нашей жизни увидим замерзающую землю и над ней тусклый догорающий шар солнца... О, Рейн!

Рейн. Я понял. Мне интересно, как же вы все-таки осуществите контроль надо мной? Чтобы вы ни говорили, а ведь вам придется прибегнуть к насилию. Я ведь варвар... Милиционера вы, что ли, приставите ко мне?

Радаманов. Обидел, обидел. Единственный экземпляр милиционера в Москве находится в пятом проспекте Голубой Вертикали, во втором этаже, шестой шкаф... да, да, Аврора затащила меня... он восковой, душечка моя золотая, и платье его пропитано нафталином... Душистый мой ананас... не обижайтесь, так маленькой меня называла Аврора... вы возбуждаете во мне нежность!..

Рейн. Ананас интересуется вопросом о том, как вы осуществите контроль?

Радаманов. Единственным способом, какой мы применили бы ко всякому, в том числе и ко мне. Вы, пушистый коврик, по выражению той же Авроры, вы обнимете меня, вынете механизм, сдадите его мне, я запру его в кассу, а завтра с утра мы вам дадим подручных инженеров. Они будут глядеть вам в глаза, Рейн! О такой славе, как ваша, никто не мечтал на земле... Впрочем, плохо знаю историю... Затем что... затем... все магазины будут торговать вашими бюстами... Что нужно вам еще, о сын нашего, нашего века!

Рейн вынимает механизм, подает Радаманову. Тот прячет его в несгораемую кассу.

Радаманов. Поздравляю вас, инженер Рейн... Так, стало быть, не будет объятий?..

Рейн. Потом.

Радаманов. Потом так потом. Ах, вот память... Оперу я слышал... Тоже вашу, старинную. Как там поется... Погостите... нет, гость... нет... дорогой гость... ну, словом, забыл...

Рейн. Ключ найден. Вот он. Спрячьте и его. Завтра останется только одно: отлить обратный шифр на диске...

Радаманов. О, теперь уже объятия обязательны! О, Рейн! Вы понимаете, как ужасно было бы, если бы вы утаили ключ? Положительно вы поспешили родиться, вам следовало дождаться нашего века!

Аврора *(выйдя внезапно)*. Ты сдал ключ!

Радаманов. Аврора, странно...

Аврора. Я женщина все-таки, папочка!

Радаманов. Я боюсь, что Саввич прав. В тебе действительно сидит какой-то атавизм! Нельзя же подслушивать! Это было принято в том веке...

Мария *(выходит)*. Вот поэтому я и подслушала. Мне простительно. Но, Радаманов, коврик пушистый, вы исправите меня!

Радаманов. Мария! Ах, Мария!

Мария. О, как вы говорили, Радаманов! Ты великий человек. Настоящий ананас.

Радаманов. Сидите смирно, если уж вы пришли. Я не кончил. *(Рейну.)* Итак: Совет Народных Комиссаров просит вас принять его дар. *(Вынимает футляр.)* Здесь хронометр, на нем алмазная крышка и надпись «Светочу людей Рейну»... *(Открывает футляр.)* Позвольте... Он пуст. Я ничего не понимаю! Но это ужасно! Где же я мог выронить его?.. При Милославском я уложил его. Он еще хлопал в ладоши, восхищаясь. Но ничего. Завтра же он будет найден. Вот и все по этому делу, Рейн. Но есть другое дело.

Мария. Об этом скажу я. Аврора, я все знаю.

Аврора. Я и не скрываюсь, Мария. Но и я все знаю.

Мария. Идите же к нему. *(Рейну.)* Я отпускаю тебя, и ты меня отпусти.

Рейн. Мария, я всегда ценил твое сердце. Наша жизнь не сложилась. Желаю, чтобы ты была счастлива.

Аврора. Она будет счастлива, если об этом позаботится отец.

Радаманов. Слушайте, Рейн. Я женюсь на Марии. Ну, протянемте друг другу руки...

Аврора. Ах, блаженство, блаженство, ты оправдало себя и тут... Ты не отец, ты сват и кум, ты Фигаро — севильский цирюльник и пушистый ковер. О, как все это добродетельно и какой благополучный конец.

Звонок.

Радаманов. Войдите.

Саввич. Простите, Радаманов, что я мешаю. Но я прибыл по государственному делу. Вы заперли кассу?

Радаманов. Да. Прошу проверить и запереть вторым ключом. Ну вот и все. Поздравьте нас, Саввич. Я женюсь на женщине, прилетевшей из двадцатого века, а Аврора выходит за Рейна.

Саввич. Мне очень неприятно, Радаманов, разбить вашу радость. Вот постановление Института гармонии. Исследование Рейна и жены его Марии показало, что в Блаженстве они жить не могут и браки, о которых вы говорили, ни в коем случае состояться не могут. Институт накладывает запрещение. Рейна и Марию придется поселить в другом районе земли и перевоспитывать. Прощайте.

Мария. Что же это такое?!. *(Заламывает руки.)*

Радаманов. Вы в уме, Саввич?

Саввич. Радаманов, подумайте, что вы говорите! Я сообщу об этом в Институт гармонии.

Радаманов. Ваш институт мне надоел!

Саввич. Что?..

Рейн *(Авроре)*. Конец, однако, не так благополучен?.. А?

Аврора. Ты зачем сдал ключ?!

Радаманов. Сообщите об этом...

Аврора. ...Черту Ивановичу!

Саввич. Аврора! Вы погибнете! *(Зарыдав, уходит.)*

Мария убегает, за ней бросается Радаманов.

Аврора. Стойте, Мария.

Рейн *(один)*. Так вот как?

Появляются Милославский и Бунша.

Милославский. Ну что, (Женечка)[13], свинтили?

Рейн. Сию минуту подай сюда хронометр!

Милославский. Не понимаю, гражданин!

Рейн. Сию минуту чтоб был хронометр!

Милославский. Ах, хронометр! Это который с алмазом? Ах, да, да. Видел... так его же Радаманов на столе... вот он!

Бунша. Теперь мои подозрения переходят в уверенн...

Рейн. Оба вон! И если встретите Саввича, скажите, чтоб он остерегся попасться мне на дороге!

Занавес

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Анна. Боже мой я так страдаю за вас!

Милославский. Тут страдать не поможет.

Анна. Жоржик, что ж вы так грубо отвечаете мне?

Милославский. Извиняюсь.

Анна. Скажите, может быть, я чем-нибудь могу облегчить ваши тяжелые переживания?

Милославский. Можете. Возьмите хороший кирпич да вашего Саввича по зубам! Вот гад действительно!

Анна. Какие образные выражения у вас, Жоржик!

---

[13] В тексте была описка: «Жоржик».

Милославский. Это не образные выражения. Вы образных еще не слышали. А вторым кирпичом — нашего знаменитого академика.

Анна. Это вы про Рейна. За что?

Милославский. Первое — за то, что ключ отдал, раз. А второе, за то, что вместо того чтобы делом заниматься, в бабу врезался.

Анна. Вре...

Милославский. Ну, влюбился.

Анна. Жорж, мне жаль вас. Хотите я вас поцелую?

Милославский. Паллиатив.

Анна. Нельзя же пребывать в таком безутешном состоянии. Жоржик, вы мне нравитесь.

Милославский. Я всем женщинам нравлюсь.

Анна. Какая жестокость! Я себя презираю за то, что я призналась вам.

Милославский. Аннеточка, вы лучше пошли бы попробовали послушать, что они там назаседали.

Анна. Боже мой как можно подслушивать?

Милославский. Должно, когда такая пакость случилась.

Анна. Я не в состоянии.

Милославский. Ну, прощайте, Аннет. И в моей душе зародилось чувство к вам, но вы его вытоптали вашим равнодушием.

Анна. Жорж, подумайте, на что вы меня толкаете!

Милославский. Я уже подумал.

Анна. О, Боже, Боже! *(Уходит.)*

Через некоторое время входит Бунша.

Милославский. Подслушал?

Бунша. Не представляется возможности. Я на колонну влез, а меня заметили.

Милославский. Вот дурак, прости Господи? Ну ничего нельзя поручить! Чего ж тебя понесло на колонну! Хорошо ты выглядишь на колонне?! Ах ты, Господи! Ну, что ж они тебе сказали, когда увидели?

Бунша. Чрезвычайно удивились. Но я выпутался очень остроумно из положения. Притворился, что смотрю на процессию и что со мной обморок. Пришлось слезть.

Милославский. Больше ничего не говори. Не могу слышать тебя больше.

Бунша. Я и сам в отчаянии.

Пауза.

Граббе. Разрешите войти?

Милославский. Милости просим, входите. Что скажете, доктор, хорошенького? Не хотите ли закусить?

Граббе. Нет, покорнейше благодарю. Признаюсь вам, я так расстроен, что мне не до еды.

Милославский. Поделитесь с нами, мы, может быть, чем поможем.

Граббе. Я к вам с неприятнейшей миссией.

Бунша. На нас все несчастья сыпятся.

Милославский. Я слушаю вас, доктор, вы не робейте.

Граббе. Я командирован к вам директором института.

Милославский. Ах, Саввичем! Ну да. А что, доктор, у вас бывает сыпной тиф когда-нибудь?

Граббе. Что вы! Уж двести лет мы не знаем этой болезни.

Милославский. Жаль, жаль!

Граббе. Что вы говорите?

Милославский. Так, замечтался. Итак, чего подлец от нас хочет?

Граббе. Это вы про Саввича?

Милославский. Другого подлеца во вселенной нету.

Граббе. Вот так-так! Я поражен. *(Вынул два конверта.)* Видите ли, получены окончательные результаты исследований вашего и господина Бунши.

Милославский. Ага! Что-нибудь любопытное, наверное? Ну, конечно, все в порядке?

Граббе. К сожалению, нет. Откровенно скажу, язык не поворачивается. Мы приборы специально проверили, потому что такого исследования не было...

Милославский. Приборы, наверно, барахловые?

Граббе. Виноват! Об одном из вас сказано, что идиот, а о другом — что вор.

Милославский. Я — идиот? Повторите, что вы сказали?

Граббе. Я так и знал. Вы не волнуйтесь, вы не идиот. Идиот — он.

Милославский. Ну, скажем. А я?

Граббе. А вы — вор.

Милославский. Какой же мерзавец, какой невежда делал исследование?

Граббе. Простите, это я делал.

Милославский. Молчать!

Граббе. Со мной никто в жизни так не разговаривал!

Милославский. Молчать! Мне — солисту государственных театров — такие слова! Да мне три раза палец снимали и отпечатывали, в Москве, в Ростове-на-Дону и в Саратове, и единодушно все начальники уголовного розыска говорят, что человек с таким пальцем не может украсть, хоть бы и хотел! А уж они, наверно, больше докторов понимают в уголовном розыске! И вдруг является какой-то коновал...

Граббе. Одумайтесь! С вами истерика! Господин Бунша! Повлияйте вы на вашего...

Бунша. Молчать!

Граббе. Что же это такое? Успокойтесь. Это излечимо. Поймите, профессор Мэрфи утвердил диагноз.

Милославский. Где он? Подать мне сюда профессора Мэрфи!

Граббе. Помилуйте, он в Лондоне.

Милославский *(по телефону)* Лондон. Профессора Мэрфи.

В аппарате: «Вам нужен переводчик?»

Не нужен! Я с ним без переводчика поговорю. Профессор Мэрфи? Вы не профессор, а вы... *(Граббе.)* Как сволочь по-английски?

Граббе. Я ни за что не скажу.

Милославский. Бунша, дай сюда мне словарь!

Бунша. Откуда же он у меня?

Милославский. Молчать! Ну, ладно! *(Вешает трубку. Делает грозный жест, указывая на дверь.)*

Бунша. Пошел вон!

Граббе. Что это такое? Примите капель. Вас постановлено лечить.

Милославский. Вон!

Граббе уходит.

Бунша. Правильно, Жоржик. Надо одергивать зарвавшихся субъектов!

Милославский. Молчи! Надо дать ходу отсюда!

Анна. Из-за вас, Жорж, я пошла на неэтичный поступок.

Милославский. Очень хорошо. Ну?

Анна. Жорж, приготовьтесь. Они постановили вот что.

Постановление.

Милославский. Елки-палки!

Анна. Жоржик? Неужели это правда?

Милославский. Видели палец?

Анна. Не понимаю!

Милославский. Начальники понимают! [В Муре.] В Муре они мне как отцы родные! Вспомню — слезы!

Анна. Тогда протестуйте!

Милославский. Ну их! Не люблю я этих кляуз.

Вбегают Аврора и Рейн.

Это что ж такое будет, Женечка?

Бунша. Мы в панике. Я сам начинаю теряться.

Милославский. Вот заехали и гости! Зачем ты отдал ключ?

Рейн. Некогда! Слушайте! Скройтесь оба к себе и ждите, пока я вас не позову. Мне нужно посоветоваться с Авророй.

Милославский. Бунша, идем!

Бунша *(тихо, Милославскому)*. Я знаю, они сейчас целоваться начнут.

Милославский. Выкатывайся сию секунду.

Анна. Жорж, я с вами. Я не хочу вас оставить в такую минуту.

(Уходят.)

Рейн. Ну, что делать? Я знал бы, что мне делать, но...

Аврора. Нужно бежать! И я с тобой.

Рейн. Подумай, тебе придется покинуть этот мир.

Аврора. Он мне надоел.

Рейн *(бросается к кассе)*. Нет! Не вскроешь.

Аврора. Что же в самом деле предпринять? Как? Боже мой!.. Я украду ключи! Но как? Как?

Рейн. Стой! Эй, Милославский!

Милославский, Бунша и Анна.

Анна! Станьте здесь, сторожите!

Анна. Что вы хотите делать?

Рейн. Молчите! *(Милославскому)* Наше спасение — в ключах от кассы.

Милославский. Вы видели этот палец? На что вы намекаете? Вы знаете, что такое дактилоскопия?

Рейн. Брось валять дурака!

Милославский. И кончено! У кого ключи? Аннета, стой внимательно! Бунша, голову провалю! Смотреть!

Рейн. У Саввича и Радаманова.

Аврора. Отец носит в боковом кармане.

Милославский. А от какого предмета ключи?

Рейн. От этой кассы.

Милославский. Это серьезная касса. *(Засучивает рукава.)*

Рейн. Дурак, она заперта шифром!

Милославский. Женечка! Мы все учились понемногу. Такую кассу и нельзя запирать простым замком. Довольно обидно это даже говорить. Помню, в Ленинграде в Госбанке, ну, конечно, то была не такая касса.

Анна. Боже мой, что вы делаете!

Милославский. Аннетка, не пикни! Зарежу! Зекс! *(Взламывает.)*

Рейн бросается к кассе, вынимает механизм, ввинчивает его в машину.

Милославский. Бунша, складайся!

Рейн. Не смейте, черти, брать ничего.

Бунша надевает дамскую шляпу.

Анна. Вы пропали! Саввич!

Милославский. Аннетка, стань к кассе спиной! Шевельнешься!

Анна. Как ты обращаешься со мной?

Милославский. Стой! *(Рейну.)* Ввинчивай! Да не промахнись! А то опять залетим куда-нибудь, да так, что не выберешься! Я займу его разговором.

Все ушли, один Милославский на сцене.

Саввич *(входит)*. Здравствуйте.

Милославский. Доброго здоровьичка!

Саввич. Радаманов еще не вернулся?

Милославский. Нет.

Пауза.

Саввич. В числе других вещей, которые подозрительно исчезли в последнее время, мой портсигар.

Милославский. Запирать надо было. А то бросаете вещи зря; естественно, что они пропадают. Аэроплан куда-то пролетел... в Индию, наверно... Летают куда-то, летают...

Саввич. У нас раньше ничего не пропадало. Я хотел спросить вас, не видели ли вы его?

Милославский. Маленький, золотой и буква «С» наискосок? Нет, не видел.

Саввич. Ну, ладно. Все разберется впоследствии.

Милославский. А вы надолго сюда пришли?

Саввич. То есть?

Милославский. То есть скоро ли вы уйдете отсюда? У меня здесь, месье Саввич, интимное дело есть.

Саввич. Простите, сейчас здесь будет заседание государственной важности, и это важнее ваших интимных дел. Я жду Радаманова.

Рейн *(уходя)*. Ах так? *(Милославскому.)* Выйди на минуточку. Я с ним поговорю. Скажите, Саввич, вы твердо уверены, что вам удастся меня разлучить с Авророй и послать надолго в колонии?

Саввич. Мне это печально, но я в этом убежден.

Рейн. Вы лжете, Саввич, в этом нет никакой печали для вас. Наоборот, вы счастливы тем, что вы, отвергнутый любовник, сошлете меня.

Входит Аврора.

Но это вам не удастся. Она уйдет со мной. Не правда ли, Аврора?

Аврора. Правда. Я твоя.

Саввич. Я не понимаю, что со мной. Я боюсь, что вы заразите и меня. Вы опасны.

Аврора. Саввич! Ты делаешь глупость. Я уйду с ним.

Саввич. Аврора! Пощади нас, не покидай!

Рейн. Ага! Вот это понятный язык! Саввич, уходите отсюда, у нас тайное дело. Мы спешим.

Саввич. Нет.

Рейн *(подходит к машине, включает ее, и оттуда сразу взрыв музыки и свист).* Милославский, Бунша, сюда!

Появляются Бунша, Милославский и Анна.

Саввич. Ах, вот что! Остановите машину!

Рейн. Назад! Или я вас убью!

Саввич. Нет! Аврора! Я тебя не выпущу! *(Бросается к аппарату, кричит: «Тревога», Рейну.)* Негодяй!

Рейн. Милославский!

Милославский ударяет ножом Саввича, тот падает.

Что ж ты наделал?

Анна. Убийство!

Милославский. Аннетка, ходу!

Анна. Нет! Нет! Ты страшен!

Милославский. Ну, судись одна! Выгораживай меня! Скажи — в запальчивости! В запальчивости! Тебе скинут три года! И заявляй сама чистосердечно! Скидка будет! *(Бросается к машине.)*

Бунша опережает его.

Куда ты? С передней площадки!

Бунша. Я вне очереди!

Вихрь подхватывает Буншу и уносит его. Следом за ним бросается Милославский и исчезает.

Аврора. Боже, он в крови! Помочь ему?

Рейн. Аврора! Некогда! В машину! Или ты боишься?

Аврора. Не боюсь! Прощайте, мраморные колонны! *(Исчезает.)*

Радаманов и Марина [1].

Радаманов. Что вы наделали? Рейн?

---

[1] Здесь Мариной названа Мария Павловна.

Рейн. Радаманов! Аврора уже улетела! Скажите, что я украл механизм. Марина, ты останешься?

Марина *(Радаманову)*. Выпусти, выпусти его! Выпусти, если ты не хочешь, чтобы было хуже! Мы будем с тобой всегда вместе!

Радаманов. Да, теперь будем вместе. *(Рейну.)* Вы втянули меня в преступление!

Рейн. Что делать? Прощай! *(Схватывает механизм.)*

Раздастся последний удар. Рейн исчезает.

Радаманов. Марина! Он плывет в крови! Марина! Я выпустил их! Марина!

Марина. Успокойся, мой дорогой, так лучше.

Послышались звуки тревоги, побежали люди. Вбегает Граббе.

Радаманов. Граббе! Зовите людей! Меня под суд! Они убили Саввича и убежали. Я упустил их. Это моя вина.

Марина. И моя.

Граббе. На помощь!

Свет гаснет. Исчезает Блаженство. Комната Рейна. У разбитой машины милиция и Михельсон. Взрыв музыки. Из машины выскакивает Бунша с михельсоновскими часами в руках.

Михельсон. Вот он! Вот он, ворюга! Держите его, товарищи! Вот они, ходики! С собственноручною надписью... Товарищи, не верьте, сцарапано! Не Милославского, мои ходики!

Бунша. Добровольно вернувшийся в СССР секретарь Бунша-Корецкий прибыл. Прошу отметить в протоколе: добровольно! На всех имею заявление.

Милиция. Сидоров, бери его!

Милославский *(является)*. А!

Михельсон. Второй!

Милиция. Понырев[15], бери!

---

[15] Здесь Понырев — один из милиционеров.

Милославский. Ну, нет, я извиняюсь, это надо доказать. *(Бросается к окну, разворачивает аппарат и улетает.)* Вы, как хотите, а я в Ростов!

Милиция. Понырев, звони по телефону.

Являются Рейн и Аврора.

Аврора. Боже, как интересно! Ты здесь жил?

Михельсон. Жил, жил. Берите ее, пока не улетела!

Рейн. Осторожнее! Это моя жена! Она не имеет никакого отношения ни к какому делу.

Милиция. Супруга ваша? Разберем. Вы арестованы. Клочков, бери.

Михельсон. Вяжите их, вяжите!

Рейн. Болван! Аврора, не волнуйся. У нас, видишь ли, бывают иногда недоразумения в этой жизни. Все разъяснится. Поймите, что я изобретатель этой машины!

Милиция. Поймем, поймем. Ваша фамилия?

Рейн. Рейн.

Милиция. Прошу следовать.

Михельсон. Да этот-то улетел. Может, самый главный?

Милиция. Дальше Ростова не улетит. *(Рейну.)* Прошу.

Занавес

Конец

28 марта 1934 года
Москва

БЛАЖЕНСТВО

Пьеса в четырех действиях

(2-я редакция)
(Фрагменты)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Рейн. Не понимаю этого упорства. Вы — князь.

Бунша. А я говорю, нет. *(Вынимает бумаги.)* Вот документы, удостоверяющие, что моя мать, Ираида Михайловна, во время Парижской коммуны состояла в сожительстве с нашим кучером Пантелеем. А я родился ровно через девять месяцев и похож на Пантелея.

Рейн. Ну, если так, ладно, вы — сын кучера. Но у меня нет денег.

Милославский. Я извиняюсь, какие Михельсоновы часы? Что это, у одного Михельсона ходики в Москве?

Рейн. Постойте. Вам нельзя выходить, поймите.

Милославский. Не имеете права задерживать.

Рейн. Да я вас не задержу. Не бойтесь. Наоборот, я сейчас вас отправлю обратно. Вы недавней эпохи, судя по костюму. Вас поражает обстановка моей комнаты?

Милославский. Поражает.

Рейн. Одну минутку. Скажите только, как ваша фамилия.

Милославский. А зачем вам моя фамилия?

Рейн. Вы волнуетесь, это вполне понятно. Вы кто такой?

Милославский. Солист государственных театров.

Рейн. Ага. А в каком году вы родились? Мне это нужно.

Милославский. Забыл.

Рейн. Ну, ладно. Идите обратно, туда.

Милославский. Виноват, здесь стенка.

Рейн. Хорошо, стойте. *(Движет механизм.)* Вот так оказия! Заело. *(Пауза.)* Присядьте на одну минуту. Гм. Дело вот в чем. Я изобрел машину для проникновения в другие времена, так скажем... И вот, изволите ли видеть, вы только не пугайтесь, дело в том, что время есть фикция...

Милославский. Скажите! А мне это в голову не приходило!

Та часть Москвы Великой, которая носит название Блаженство. Громадная терраса очень высоко над землей. Колоннада. Тропические растения и сложная, но мало заметная и удобная аппаратура. Это — приемная в квартире народного комиссара Радаманова. Радаманов читает у стола.

Радаманов. Что за странное беспокойство у меня сегодня. *(Пауза.)*

На столе вспыхивает свет.

Да...

В аппарате мягко говорит голос: «Прилетела».

Анна *(входя)*. Она прилетела.

Радаманов. Спасибо. Мне позвонили. Анна, дайте мне, пожалуйста, ваши подснежники, я хочу подарить ей.

Анна. Пожалуйста. *(Уходит.)*

Пауза. Через некоторое время появляется Аврора.

Аврора. Отец!

Радаманов. Здравствуй, Аврора, здравствуй. Вот тебе цветы.

Аврора. Как ты мил.

Радаманов. Ну, садись, садись, рассказывай.

Аврора. Да нечего рассказывать, черт возьми!

Радаманов. Аврора, душенька, ты только что прилетела, и первое слово, которое я от тебя слышу, — черт. На тебе еще цветочков, только не ругайся.

Аврора. Ну, не буду, не буду. Дай я тебя поцелую.

Радаманов. Ты хоть скажи, что из себя представляет Луна?

Аврора. Она из себя ничего не представляет. Луна как Луна.

Радаманов. В пути ничего не случилось?

Аврора. Ну что может случиться при такой технике? В ракете удобно, как в спальном вагоне...

Радаманов. Все?

Аврора. Все.

Радаманов. Не много от тебя узнаешь! Ну, говори правду, скучно?

Аврора. Скучно мне.

Радаманов. Аврора, как я страдаю из-за тебя. Ты повергаешь меня в ужас. Я думал, что на луне твоя тоска пройдет. Так же жить нельзя. Скука — это болезненное явление. Тогда нужно лечиться.

Аврора. Это — теория Саввича.

Радаманов. Кстати, он кланялся тебе.

Аврора. Ах, ну его к матери!

Радаманов. Что? К какой матери?

Аврора. Папа, я и сама не знаю, к какой матери. В одной из древних книжек я видела это выражение.

Радаманов. Удивительное выражение! Какое-то странное выражение! Ну, не надо о матери. Поговорим о Саввиче. Нельзя ж так поступать с человеком. Ведь он уверен, что ты выходишь за него. На этом самом месте ты говорила, что он тебе очень нравится.

Аврора. Что-то мне померещилось на этом месте. Теперь я и сама не могу разобраться, чем он меня прельстил: не то поразила меня его теория гармонии,

не то брови. А теперь всматриваюсь, и гармония мне кажется сомнительной и брови вовсе не нравятся.

Радаманов. Честное слово, я с ума сойду! До чего неровный характер! Нельзя же так поступать с человеком.

На столе — свет.

Да, я к вашим услугам. Ах, Фердинанд!

Голос: «Может ли Аврора меня принять сейчас?»

Саввич спрашивает, можешь ли ты его принять?

Аврора. Да, могу.

Радаманов. Да, она очень рада.

Свет гаснет.

Ну, пожалуйста, беседуй сама с ним, а меня уволь. Ты окончательно запутала меня с этими бровями и гармонией.

Саввич (входит). Добрый вечер.

Радаманов. Ну, голубчик, разговаривайте с ней, а у меня есть дело. *(Уходит.)*

Саввич. Приветствую вас, милая Аврора.

Аврора. Здравствуйте, Фердинанд! Вы знаете, какой я сон видела в ракете, что будто бы вас разбойники зарезали!

Саввич. Виноват...

Пауза.

Простите, что привлекает ваше внимание на моем лице?

Аврора. Ваши брови. Они стали уже.

Саввич. Признаюсь вам, что я подбрил их.

Аврора. Ах, это интересно. Повернитесь к свету, пожалуйста. Нет, так хуже, пожалуй.

Саввич. Но вы мне сами говорили...

Аврора. А, шут его знает, может, я ошиблась! Вы сегодня немного напоминаете Чацкого.

Саввич. Простите, кто это Чацкий?

Аврора. Это герой одной старинной пьесы, написанной лет четыреста назад.

Саввич. Как называется, простите?

Аврора. «Горе от ума».

Саввич *(записав)*. Непременно прочту.

Аврора. Не стоит. Вам не понравится. Это скучная чепуха.

Саввич. Нет, мне хочется познакомиться с этим Чацким.

Пауза.

Милая Аврора, необыкновенные чувства волнуют меня сегодня. Я люблю первомайские дни, и сегодня, лишь только я проснулся, радость охватила меня Все веселило меня сегодня, а когда я поднялся сюда к вам, в Блаженство, она совершенно затопила меня. Посмотрите, как сверкают колонны, как прозрачен воздух! Человечество счастливо. Я гордился тем, что я один из людей... Аврора, что же вы молчите? Ведь наступает Первое мая. Что же вы молчите, Аврора?

Аврора. Все будет хорошо?

Саввич. О, ручаюсь вам! Сейчас хорошо, с каждым днем будет все лучше! Ну, что же вы мне скажете?

Аврора. Ах, да! Ведь наступает Первое мая. Милый Фердинанд, я попрошу вас, отложим этот разговор до полуночи. Я хочу еще подумать.

Саввич. Дорогая Аврора, о чем же думать? Не мучьте меня больше. Но впрочем, как хотите, как хотите, я согласен ждать.

Аврора. Скажите, Фердинанд, у вас не было сегодня ощущения беспокойства?

Саввич. О, никакого!

Аврора. А действительно, какой то сладостный ветер задувает на площадке! А вообразите, Саввич что ракета, в которой я летела, сорвалась бы сегодня и вдруг — бамс! И от меня осталась бы только одна пыль... И вот вы приходите объясняться мне в любви,

и объясняться некому! И вот космическую пыль заключат в урну, и вам уже не с кем говорить...

Саввич. Аврора, замолчите! Что за ужасная мысль! Ракета не может сорваться.

Аврора. Я знаю. Мне что-то все снятся древние сны.

Саввич. Не понимаю, какие?

Аврора. Вот, например, сегодня мне приснилось, что будто бы разбойники напали на меня, а вы бросились меня защищать и вас закололи.

Саввич. Разбойники? Аврора, у вас расстроены нервы. Аврора, я давно это замечаю, но никому не говорю. Лишь только я стану вашим мужем, я вылечу вас.

Аврора. Мне скучно, бес!

Глухой пушечный удар.

Саввич. Сигнал к началу празднеств. Я не буду вас задерживать. Итак, до вечера?

Аврора. До вечера.

Саввич уходит.

Отец!

Радаманов *(выходя)*. Ну, что?

Аврора. Слушай, отец, у тебя нет предчувствия, что что-то должно случиться?

Радаманов. Никакого предчувствия у меня нет. Ты скажи, ты ответила ему?

Аврора. Ты понимаешь, он взял подбрил брови и от этого стал в два раза хуже.

Радаманов. Аврора, при чем здесь брови? Что ты делаешь с человеком? Ответ ты ему дала?

Аврора. А с другой стороны, действительно, не в бровях сила. Иногда бывают самые ерундовские брови, а человек интересный. Хотя, должна заметить, что я что-то давненько не видела интересных людей.

Радаманов. Ну, поздравляю Саввича, если он на тебе женится. Вот уж воистину...

За сценой с грохотим разбиваются стекла. Затем по площадке пролетает вихрь, и затем появляется Милославский с часами и занавеской в руках, Бунша в шляпке и Рейн с механизмом.

(Вслед за текстом второй редакции, в той же тетради, находится тот же вариант второй картины первого действия:)

Саввич. Что привлекает ваше внимание на моем лице?

Аврора. Ваши брови. Вы подкрасили их?

Саввич. Признаюсь вам, да.

Аврора. Ах, это интересно. Повернитесь вот так — к свету. Благодарю вас. Нет, так, пожалуй, хуже.

Саввич. Но вы сами говорили...

Аврора. По-видимому, я ошиблась.

Пауза.

Саввич. Милая Аврора! Я нарочно поднялся к вам, пока еще нет гостей, чтобы узнать о вашем решении. Наступает первое мая...

Аврора. Да.

Саввич. И вы сказали, что сегодня дадите мне окончательный ответ.

Аврора. Ах, да, да! Первое мая... Знаете ли что? Отложим наш разговор хотя бы до полуночи. Я хочу собраться с мыслями. Над нами ведь не каплет...

Саввич. Виноват. Как?

Аврора. Это такая поговорка, не обращайте внимания!

Саввич. Слушаю. Я готов ждать и до полуночи, хотя и думаю, что ничто не может измениться за эти несколько часов. Не скрою, что у меня несколько грустное чувство оттого, что вы откладываете. К чему это, Аврора? Поверьте мне, что наш союз неизбежен и будет счастлив... Также я опечален и тем обстоятельством, что брови мои вам не понравились. Я займусь ими.

Аврора. Нет, нет... Больше не затрудняйте себя!

Саввич. Итак, разрешите откланяться. Когда дадут сигнал к началу праздника, я вновь явлюсь к вам. А пока что пройдусь по верхним галереям. Ах, какой там воздух, какой вид! Позвольте на прощание сказать вам, что я счастлив, что вы вернулись, ибо безумно люблю вас.

Аврора. Спасибо, милый Фердинанд. До вечера.

Саввич уходит. Пауза. Затем входит Радаманов.

Радаманов. Ушел?

Аврора. Ушел. Отец, у тебя нет сладкого предчувствия, что сегодня произойдет что-то, отчего перевернется вся жизнь?

Радаманов. Этого сладкого предчувствия у меня нет. У меня другое предчувствие, зловещее, именно, что ты опять не дашь ему ответ.

Аврора. Ты знаешь, папа, он выкрасил брови!

Радаманов.. Что же это происходит, в конце концов!..

Аврора. А сейчас побежал краску смывать.

Радаманов.. Да при чем здесь брови, Аврора! Что ты делаешь с человеком!

Аврора. Как всякая красивая женщина, папа, я капризна... <...>

Аврора. Ему, кажется, по-настоящему дурно. Анна! Анна! *(Бунше.)* Слушайте, кто вы такие на самом деле?

Бунша. Честное слово, секретарь домкома!

Аврора. Не понимаю!

Анна *(вбежав)*. Что это значит?

Аврора. Черт его знает, что это значит. Не то актеры, не то... Но одному дурно. Звони к Граббе!

Анна. Да что звонить? Кто это? *(Бросается к столу, на нем вспыхивает свет.)* Профессор Граббе! Немедленно к нам! У нас какое-то несчастье!

Голос Граббе: «Сию минуту».

Аврора *(Бунше)*. Это правда, что он говорил?

Бунша. Я в этой машине, гражданка, не виноват. За такие машины...

Милославский. Морды бьют! Что ж вы, Эдиссоны проклятые, наделали! *(Схватывает Буншу за глотку.)*

Анна. Что же это такое происходит?

Пол разверзается, и лифт выбрасывает Граббе.

Аврора. Граббе! Сюда, сюда! На помощь к этому!

Граббе. Кто это такие? *(Приводит в чувство Рейна.)*

Рейн. Вы врач?

Граббе. Да.

Рейн. Мы попали к вам в аппарате времени... из двадцатого века... но мне не верят...

Граббе. Я не постигаю.

Аврора. Я верю! Это правда! Граббе! Это правда!

Граббе. Аврора, это несерьезно, этого не может быть.

Рейн. Ах, и этот не верит! Мне трудно дышать.

Граббе открывает кран, из него, светясь, начинает бить какой-то газ, который Граббе направляет на Рейна.

Граббе. Дышите!

Аврора. Дайте какое-нибудь доказательство, что вы говорите правду.

Бунша. Сию минуту. Вот доказательство. Домовая книга Банного переулка.

Аврора. Не понимаю. Отец! Сюда!

Радаманов. Что еще?

Аврора. Отец, это верно! Это не актеры! Это люди другого времени.

Радаманов. Что ты, с ума сошла? *(Граббе.)* Граббе, объясните мне, вы что-нибудь понимаете? Кто это такие?

Граббе. Нет.

Рейн. Ну, хорошо. Я докажу вам... Как только ко мне вернутся силы. *(Радаманову.)* Кто вы такой?

Радаманов. Я председатель Совнаркома Радаманов.

Рейн *(вставая)*. Ага. Ну, вы убедитесь. *(Подавая ему механизм.)* Прошу спрятать его. Мне он нужен. Дайте хоть оглядеться. *(Идет к парапету, за ним Бунша и Милославский.)* А-аа! Признавайтесь! Кто из вас двух, чертей, тронул машину, пока я искал стамеску?

Бунша. Честное...

Милославский. Гражданин профессор, куда это вы нас завезли?

Рейн. Мы в двадцать третьем веке.

Милославский. Чтоб вам издохнуть!

Вдали взрыв музыки.

[Рейн *(смутно)*. Это праздник?

Аврора. Верю! Верю вам! Это первомайский праздник! Только успокойтесь!

Радаманов. Что за чепуха! Это актеры!

Взрыв музыки. Появляется Саввич во фраке, с цветами. Увидев группу Рейна, застывает.

Аврора. Ну, что вы смотрите, Фердинанд? Не правда ли, интересно? Это люди двадцатого века!]

Темно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Милославский. Очень, очень приятно! Мерси, гран мерси! Вы из каких будете?

Гость. Я мастер канализационной станции.

Бунша. Во фраке?! Вот здорово!

Милославский. Очень приятно! <...>

Милославский. Господи, господи! Я обеспеченный человек, солист театров. На что мне Михельсоново барахло? Вот часы так часы! *(Вынимает часы.)*

Бунша. Гм! Вещь богатая! У товарища Радаманова точно такие же часы и буква «Р» бриллиантовая.

Милославский. Ну, вот видишь, одинаковые попались.

Бунша. А на каком основании вы мне «ты» говорите?

Милославский. От спирту-то? Да что вы! Вы только закусывайте! Князь! Закуси паштетом. Мировой паштет!

Бунша. Я вам уже рассказывал про кучера Пантелея.

Милославский. Рассказывал, но только ты все наврал про свою маму.

Бунша. Позвольте, товарищ, навести у вас справочку. <...>

Анна. Простите, что я улыбаюсь, но я ни одного слова не понимаю из того, что вы говорите. Скажите, кем вы были в той жизни?

Бунша. Секретарь домкома, товарищ.

Анна. А он что делает... этот человек... в этой должности?

Бунша. Карточки, товарищ, главным образом.

Анна. Художник?

Бунша. Извиняюсь, нет. Хлебные карточки.

Анна. Интересная работа? Как вы проводили ваш день?

Входят Рейн и Аврора под руку.

Рейн. Иоанн Грозный остался в Москве. Я его видел так же близко, как вижу вас. Спутанная, нечесаная бороденка, с посохом...

Аврора. И он выбежал в квартиру!

Рейн. Да, я бросился его ловить, поймал и загнал обратно.

Аврора. Вы знаете, я смотрю на вас и не могу отвести глаз.

Аврора. Скажите, а вы женаты?

Рейн. Я был женат.

Аврора. Простите, если задаю вам нескромный вопрос: а она умерла?

Рейн. Она убежала от меня.

Аврора. От вас? К кому?

Рейн. К какому-то Семену Петровичу... я не знаю точно.

Аврора. Вы даже не поинтересовались?

Рейн. Чего ж тут интересоваться!

Аврора. А почему она вас бросила?

Рейн. Я очень обнищал из-за этой своей машины, и нечем было даже платить за квартиру.

Аврора. Как было устроено ваше жилье?

Рейн. Одна большая комната.

Аврора. Как одна?

Рейн. Ну, да, это вам не будет понятно.

Пауза.

Аврора. А она умная была?

Рейн. Кто?

Аврора. Ваша жена.

Рейн. Нет, не очень.

Аврора. Как ее знали?

Рейн. Ольга Алексеевна. А мне можно вам задать вопрос?

Аврора. Не стоит.

Бьет полночь, и входит Саввич.

Аврора. Не сердитесь на меня и забудьте меня. Я не могу быть вашей женой.

Саввич *(молча идет к двери. От двери).* Аврора! Подумайте! Прошу вас. Я не верю вам. Мы были рождены друг для друга.

Аврора. Нет, нет, Фердинанд. Это была грустная ошибка. Мы не рождены друг для друга. И я была бы вам плохой женой.

Саввич. Объясните мне, что случилось?

Аврора. Ничего не случилось. Просто разглядела себя. Вы очень умный, очень порядочный человек, но вы слишком влюблены в гармонию, а я бы все время вам разрушала ее. Нет, нет, забудем друг друга, Саввич. Вы ошиблись, выбрав меня.

Саввич. Институт Гармонии не ошибается, и я это докажу. *(Уходит.)*

Аврора. Вот далась ему эта гармония! (*Зовет.*) Рейн!

Радаманов. Я вас очень прошу, прочтите что-нибудь моим гостям. Они меня совершенно замучили.

Милославский. Да ведь, знаете... у меня репертуар такой... больше классический...

Радаманов. Ну, вот и прекрасно! Мне-то, голубчик, все равно, я в этом плохо разбираюсь. Становитесь к аппарату, мы вас передадим во все залы.

Милославский. Застенчив я...

Анна. Непохоже.

Милославский. Ну, а впрочем, где наша не пропадала!

Анна. Становитесь.

Милославского освещают.

(В аппарат.) Внимание! Артист Милославский будет читать... Какого автора будете читать?

Милославский. Льва Толстого.

Анна. ...древнего автора Льва Толстого.

В это время входит гость, очень мрачен. Смотрит на пол.

Милославский. Богат... и славен... Кочубей! Как, бишь, дальше? Да... Его поля необозримы...

Анна[1]. Будьте добры, найдите сейчас же пластинку «Аллилуйя» Артист Милославский не танцует ничего другого! Начало двадцатого века!

Во II редакции вместо Услужливого гостя действует Анна.

Милославский, подкравшись, целует ее.

Что вы делаете? В аппарат видно.

Милославский. Техника! Вы скажите им, чтоб погромче!

Анна. Погромче!

В аппарате слышно начало «Аллилуйи».

Это? Какая странная музыка!

Милославский. Это. *(Убегает вместе с Анной.)*

Входят Рейн и Аврора.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Рейн. Ну, не спал.

Аврора. Скажи мне, а как тебя называли в прошлой жизни?

Рейн. То есть?

Аврора. Ну, вот эта, которая бежала?

Рейн. Женя.

Аврора. Но я тебя буду звать Рейн. Хорошо?

Рейн. Ах, Аврора, ты знаешь, я не вспомню!

Аврора. Вспомнишь! Только не смей работать по ночам. Мне самой — я просыпалась сегодня несколько раз — все время снились цифры, цифры...

Рейн. Что за дьявол! Мне все кажется, что кто-то ходит...

Аврора. Некому ходить, кто же может прийти без сигнала?

Рейн. Ну, это у вас такие порядки... Нет, мне показалось...

Аврора. Ты знаешь, как только я подумаю, что она зазвучит и мы с тобой полетим, у меня обрывается сердце!

Рейн. Черта с дна полетим! Молчит, как гроб! Как он упал? Он же плотно входил в щель!

Аврора. Перестань, перестань! Не мучь себя, ничем себе не поможешь!

Рейн. Выпью кофе, буду дальше искать.

Аврора. Нет, нет, нет, не делай этого. Брось работать до завтрашнего дня, так нельзя.

В аппарате свет.

Отец! Его сигнал. Летим гулять. Тебе надо отдохнуть.

Рейн. Надо переодеться. Неудобно так.

Аврора. Вздор! Летим и кофе будем пить на море.

Уходят.

Саввич. Я вам звонил. У вас открыт сигнал?

Радаманов. Пожалуйста, пожалуйста, садитесь.

Саввич молча садится.

Вы что, ко мне помолчать пришли?

Саввич. Нет. Я пришел вам сказать.

Радаманов. Душенька! Драгоценный мой Фердинанд! Хотите я вам что-нибудь подарю, только вы мне не говорите того, что хотите сказать.

Саввич. Вы разве знаете, что я хочу вам сказать?

Радаманов. Знаю. Об Авроре. Ну, согласитесь, я ж не виноват, что я ее отец. Ну, будем считать вопрос исчерпанным. Ну, я сочувствую...

Саввич. Вам угодно смеяться!

Радаманов. Какой тут смех! Такая суматоха... у меня часы вот, например, пропали.

Саввич. А у меня портсигар!

Радаманов. Нет, серьезно? Это интересно! Ну, ладно. Так что вы хотели сказать еще?

Саввич. Радаманов! Бойтесь этих трех, которые прилетели сюда!

Саввич. То есть чтоб они остались здесь?

Радаманов. Вот именно.

Саввич. Ах, понял! Но, хорошо, я понимаю значение этого аппарата. Ваш комиссариат может заботиться о том, чтобы сохранить это изобретение, а Институт Гармонии заботится о том, чтобы эти трое не смели нарушить жизнь в Блаженстве, а они ее нарушат! Я уберегу от них Аврору! Прощайте!

Радаманов. Всего доброго. Саввич, вы примите каких-нибудь капель. Вы так волнуетесь. *(Звонит.)*

Анна входит.

Радаманов. Ну, да зачем же его дергать? Просто-напросто он закрыт.

Бунша. Ага.

Радаманов. Позвольте, но ведь вы же должны были быть с вашим приятелем сейчас в Индии?

Бунша. Не долетели мы, товарищ Радаманов.

Радаманов. Не понимаю, как вы могли не долететь.

Бунша. Это все Милославский виноват. Она уже показалась на горизонте, а он говорит: а впрочем, ну ее к псу под хвост, чего я там не видел, в Индии! Ну, и повернули.

Радаманов. Так. Чем же объясняется такое его поведение?

Бунша. Затосковал.

Радаманов. Ага. Так что ж вы от меня хотели бы?

Бунша. Я к вам с жалобой, товарищ Радаманов.

Бунша. Я полюбил вас с первого взгляда.

Саввич. Это что значит?!

Бунша. Не сердитесь. Совсем не то значит, что вы думаете, я вам хочу оказать услугу.

Саввич. Какую услугу?

Бунша. Вы — жених мадемуазель Авроры Радамановой?

Саввич. Простите, вас это не касается.

Бунша. Ах, не касается! Ну, простите, что по-

беспокоил, что вошел, так сказать, без доклада. Видно, бюрократизм еще не у всех изжит. А пора бы, на триста пятом году революции! Вы свободны!

Саввич. Что вы хотели мне сказать? Да, эта девушка была моей...

Бунша. Девушка, вы говорите! Ну, ну... Богат и славен Кочубей!.. Девушка!..

Саввич. Что вы хотите сказать?

Бунша *(вынув записочку, читает)*. Первого мая сего года в половину первого ночи Аврора Радаманова целовалась с физиком Рейном. <...>

Милославский *(за сценой)*. Болван здесь?

Бунша. Меня разыскивает.

Милославский *(входя)*. Куда же ты скрылся? А то я думаю, где ты треплешься?

Бунша. У меня дел по горло было.

Милославский. Отчего это у тебя синяк на скуле?

Бунша. Я из аэроплана вылезал, ударился, честное слово!

Милославский. А я уж обрадовался. Думал, что тебя побили.

Бунша. Чему ж тут радоваться?

Милославский. А тому, что скучно мне! Слушай, кучеров сын, хочешь я тебе часы подарю?

Бунша. Уж я не знаю, брать ли?

Милославский. Одно условие: строжайший секрет. <...>

Милославский. Без капризов. У меня не магазин.

Бунша. А где ты их все-таки приобрел?

Милославский. В частных руках.

Бунша. А как фамилия его?

Милославский. Не спросил.

Рейн *(входит)*. Вас же повезли Индию осматривать?

Милославский. Да чего их вспоминать, когда у вас ключ в кармане.

Рейн. Бросьте эту петрушку. Ни в каком кармане он быть не может. Он вывалился и валяется на полу в моей квартире.

Бунша. Не может он валяться на полу, его милиция подобрала.

Милославский. Какая такая милиция, когда я видел, как вы вчера его вынимали.

Рейн. Да что вы, с ума сошли? (*Беспокойно шарит в карманах, вынимает ключ.*) Что такое? Ничего не понимаю! Да ведь я же пятнадцать раз обшаривал карманы!

Милославский. Вы человек ученый и рассеянный, дорогой Женя!

Рейн. Это волшебство!

Бунша. Цепь моих подозрений скоро замкнется.

Аврора. В кармане! В кармане!

Милославский. Эх! Ключик! Летим немедленно!

Рейн. Молчите. Мне нужны сутки, чтоб отрегулировать.

Милославский. Выдвигайте встречный, отец! В двенадцать часов нельзя? Садитесь сейчас, работайте!

Рейн. Если вы будете толочься у меня под глазами, я ничего не сделаю.

Аврора (*Милославскому*). Слушайте. Никому ни одного слова про то, что найден ключ.

Милославский. Что вы, мадемуазель? Не маленький. Это дело деликатное.

Аврора (*Бунше*). А в особенности вы, старый ловелас и болтун!

Бунша. Я.... извиняюсь...

Милославский. Кончено, мадемуазель, заметано. Я ему голову оторву собственноручно, если он рот раскроет. Уж вы будьте спокойны.

Рейн. А теперь, пожалуйста, уходите оба.

Милославский. Уходим, уходим. Только уж вы, пожалуйста, работайте, а не отвлекайтесь в сторону.

Рейн. Попрошу вас не делать мне никаких указаний.

Милославский. Ничего, ничего, ничего. Только предупредил и ушел. Меня нет. *(Бунше.)* Ну, следуй за мной! И чтоб! *(Уходят.)*

Рейн. Аврора, ключ! Аврора! Только сплавлю, увезу этих двух болванов, которые надоели мне хуже... и...

Аврора. А затем начнем летать! Ты представляешь, что нам предстоит! О, как я счастлива, что судьба меня свела с тобой!

Рейн обнимает Аврору.

Милославский *(выглянув)*. Я же просил вас, Женичка! Не отвлекайтесь! Пардон, мадемуазель. Ушел, ушел, ушел. Только проверил и ушел.

Темно.

Рейн. Я человек иной эпохи. Я дик, возможно, и то, что вы говорите, мне чуждо. Я прошу отпустить меня.

Радаманов. Дорогой мой! Я безумцем бы назвал того, кто это сделал бы.

Радаманов. Да. *(Закрывает кассу и прячем ключ.)*

Аврора. Саввич, поздравьте меня. *(Указывает на Рейна.)* Это мой муж. И я совершу полеты с ним. Я добьюсь этого, имейте в виду.

Саввич. Нет, Аврора, еще не скоро настанет то время, когда вы совершите с ним полет, и мужем вашим он не станет.

Аврора. Ах, вот как! Отец, полюбуйся на директора Института Гармонии! Нет, здесь дело не в гармо-

нии. Он сделал это из-за меня, он сделал это из ревности. Он в бешенстве оттого, что потерял меня. *(Рейну.)* Зачем ты отдал ключ?

Саввич. Вы говорите в безумии. Вы не смеете оскорблять меня. Эти люди не могут жить в Блаженстве до тех пор, пока они не станут достойными его. *(Авроре.)* Я не хочу вас больше слушать. Вы невменяемы. Прощайте. *(Уходит.)*

Рейн. Радаманов! Я жалею, что отдал ключ!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Милославский. А-аа! Доктор! Милости просим. Что скажете, доктор, хорошенького?

Граббе. Я к вам с неприятной миссией. Я от директора института.

Милославский. Ах, от Саввича? А скажите, доктор, что, у вас бывает сыпной тиф когда-нибудь?

Граббе. К счастью, уже двести лет не существует этой болезни.

Милославский. Жаль!

Граббе. Что вы такое говорите? Зачем вам тиф?

Милославский. Чтобы Саввич умер.

Граббе. Я поражаюсь таким странным желаниям. *(Вынимает два конверта.)* Как изволите знать, мы получили результаты исследования вашей психической сферы, вас и вашего товарища.

Бунша. А я заявление не подавал, чтобы меня исследовали.

Граббе. Оно обязательно для всех граждан.

Милославский. Что-нибудь любопытное? Все, конечно, в полном порядке?

Граббе. К величайшему моему ужасу, нет. И результаты исследования так необычны, так удивительны в наше время, что мы дважды повторяли их.

Милославский. Да у вас приборы, наверно, плохонькие.

Граббе. Помилуйте. Так вот, изволите ли видеть, об одном из вас заключение, что он неполноценная личность, а о другом, что он с явно выраженными преступными наклонностями, и в частности страдает клептоманией. *(Вручает конверты.)*

Милославский *(посмотрев бумагу)*. Я — вор? Какой же гад и невежда делал это исследование?

Граббе. Простите, его делал профессор Мэрфи в Лондоне. Это мировая знаменитость.

Милославский *(по аппарату)*. Лондон. Мировую знаменитость профессора Мэрфи.

В аппарате голос: «Вам нужен переводчик?»

Не нужен. Он меня без переводчика поймет. Профессор Мэрфи? Мерси. Вы не мировая знаменитость, а... Как паразит по-английски?

Граббе. Ни за что не скажу.

Милославский. Молчать! *(По аппарату.)* Вы паразит!

(Швыряет трубку.) <...>

Рейн. Попрошу вас молчать! Я должен посоветоваться с Авророй. Аврора, что делать?

Аврора. Бежать!

Милославский. Бежать!

Рейн. Аврора, ты полетишь со мной?

Аврора. Куда хочешь!

Рейн. Подумай, Аврора! Тебе придется покинуть Блаженство, и быть может, навсегда!

Аврора. Мне надоело Блаженство. Не теряй времени!

Рейн. Милославский!

Милославский. Я!

Рейн. Болван! Эта касса закрыта шифром!

Милославский. Ша! *(Бунше.)* Бунша! На стрему! *(Авроре.)* Мадам, разрешите! *(Вынимает золотую булавку, взламывает первый замок.)*

Рейн. В жизни не видел ничего подобного! Шпилькой!

Милославский. Попрошу не говорить под руку! Бунша! Спишь на часах? Голову оторву!

Милославский. Ну, как желаешь! На суде держись смело! <...> Тебе скидку дадут, три года. Прощай!

Анна. Жорж! Раскайся! Останься! Тебя вылечат!

Милославский. Я не верю в медицину.

Внезапно в аппарате взрыв музыки.

Рейн. Поймал! Москва! Это Большой театр!

Милославский *(Бунше.)* Ты куда?

Бунша. [Секретарям вне очереди.] Я первый. *(Вскакивает на площадку аппарата.)*

Вихрь. Меняется свет. Бунша исчезает.

Саввич *(вбегает)*. Ах, вот что! *(Кричит.)* Тревога! Они взломали кассу! Они бегут! Радаманов! Радаманов! *(Бросается к Милославскому, пытаясь помешать.)*

Милославский *(выхватывает финский нож)*. Назад!

Анна. Боже мой! *(Убегает.)*

Радаманов появляется.

Саввич. Посмотрите, за кого вы ходатайствовали!

Милославский. Рыжики ваши у меня, Павел Сергеевич! Прощайте! *(Вскакивает на площадку и исчезает.)*

Рейн. Павел Сергеевич! Простите, но выхода другого нет! Милославский вручил мне хронометр. Я возвращаю вам его.

Аврора. Отец! Прощай! Я больше не вернусь в Блаженство.

Рейн схватывает аппарат и исчезает вместе с Авророй. Свет на площадке начинает гаснуть.

Саввич. Радаманов! Это вы упустили их!

Радаманов. Нет, это произошло по вашей вине!

Саввич. Аврора! Аврора! Вернись!

Темно.

Внезапно музыка. Потом свист, ветер, меняется свет и выскакивает Бунша с часами Михельсона в руках.

Михельсон. Вот они! Мои часы!

Бунша. Товарищи! Добровольно вернувшийся в Союз секретарь домкома Бунша-Корецкий прибыл. Прошу отметить в протоколе: добровольно! Я спас часы! Я спас часы уважаемого гражданина Михельсона!

Милиция. Товарищ Мостовой, возьмите.

Бунша. С наслаждением предаю себя в руки милиции и все расскажу.

Буншу уводят. Милославский появляется с громом и музыкой.

Михельсон. Соучастник! Мое пальто!

Милиция. Товарищ Жудилов, взять!

Милославский *(вскочив внезапно на окно, распахивает его, срывает с себя пальто Михельсона).* Пальтом вашим можете подавиться, гражданин Михельсон! Отнесите его на барахолку! Вы не видели, какие польта бывают! Надел я его временно! Украсть я не могу ничего — по своей природе! Гляньте на палец! Ну-с, не смею задерживать. Я — в Ростов! *(Исчезает.)*

Михельсон. Держите его!

Милиция. Удержишь его!

Появляются Аврора и Рейн. Музыка стихает.

Михельсон. А! Товарищ Рейн! Хорошенькими делами вы занимаетесь! Товарищ начальник! Интуиция мне подсказывает, что он и есть главный заводила всей шайки. Берите его!

Аврора. Так ты здесь жил? Боже, как интересно! Но что хотят с нами сделать эти люди?

Михельсон. Жил, жил! В Бутырках вам надо жить, гражданин механик!

Рейн. Умолкните, болван! *(Милиции.)* Я — инженер Рейн. А это моя жена. Мы только что вернулись из путешествия во время.

Милиция. Это к делу не относится. Вы арестованы, гражданин.

Аврора. Что им надо, Рейн?

Рейн. Не бойся, не бойся, Аврора. Это маленькая неприятность. Все разъяснится через несколько минут.

Сцена между Авророй и милицией.

Милиция *(Михельсону).* Аппарат ваш?

Рейн. Это аппарат мой и это аппарат государственной важности. Прошу это понять.

Милиция. Разберем. Прошу следовать за мной. Это из этого аппарата царь появился?

Рейн. Ах, мерзавец Бунша! Из этого, из этого.

Милиция. Прошу следовать за нами. *(Милиция уводит Аврору и Рейна.)*

Михельсон. Пальто и часы, стало быть, тут. Но остальное-то?.. Вот, товарищи дорогие, что у нас в доме в Банном переулке произошло! А ведь расскажи это кому-нибудь на службе или знакомым — не поверят!

Темно.

Конец

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Наброски из черновой тетради

1

Переводчик. Он спрашивает... не понимает... домой ехать...

Милославский. А, конечно! Чего ж сидеть-то ему здесь зря! Пущай сегодня же едет с глаз долой. Взять ему место в международном... Тьфу! Чего ты к каждому слову цепляешься?

Милославский. Ишь, интурист как быстро разговаривает! Хотя бы на смех одно слово понять... *(Послу.)* Совершенно с вами согласен. Правильно. Ес.[1]

Посол (*говорит*). <...>

Милославский. И с этим согласен.

Боярин. Он говорит, батюшка, как же с... быть. Ведь они его воевали? Они его забрать хотят.

Милославский. Ну и об чем разговор? Да пущай забирают! На здоровье.

Боярин. Как же это? А? Ведь давеча ты, государь...

Милославский. Нет, во главе <...> это отпадает начисто.

2

Бунша. Караул! Милицию!

Тимофеев. Боже. Его могут увидеть. Держите его. Не пускайте его.

[1] Yes. — Да. *(Англ.).*

(Исчезает.)

Бунша — к телефону

Милославский. Ты куда звонить собрался?!

Бунша. В милицию. Дежурному по городу...

Милославский. Положь трубку, я тебе руки обобью. Не может без милиции прожить ни одной секунды!

Тимофеев. Запер его на ключ.

Милославский. Ну-с, позвольте поблагодарить вас за научные факты.

Бунша. А как же вы хотели Шпака ждать? Вы должны быть свидетелем.

Милославский. Свидетелем ни разу в жизни еще не был. Среди свидетелей удивительные сволочи попадаются. Вы ему скажите, что я жду его послезавтра не позже шести вечера. Надо думать, что очередь за газетой. Всего. *(У машины.)* Чудная машина. *(Прикасается к машине, причем из нее исчезает ключ.)*

Звон. Буншу швыряет в соседнюю комнату.

Бунша. Караул! Караул!

Милославский. Ой, елки-палки!

Тимофеев. Что вы наделали? Вы тронули машину?!

Тьма, грохот, Бунша и Милославский исчезают. Свет.

Тимофеев *(у машины)*. Ключ! Ключ! Где ключ? Нету! Боже, нету! Понимаю, украл ключ! И их утащило! Что же теперь делать! Этот на чердаке сидит! Что же теперь я буду делать, я вас спрашиваю! Вернуть в комнату его! *(Убегает.)*

Шпак *(открывает дверь в переднюю. Хмур)*. Страшное предчувствие терзает меня с тех пор, как блондинка позвонила мне. Я не вытерпел и вернулся. *(Трогает замок.)* Батюшки! *(Вбегает.)* Батюшки!

3

Сцена митрополита.

Митрополит. Вострубим, братие, в златокованые трубы, царь и великий князь, яви нам зрак и образ красен! Яко дуб крепится множеством корения, тако град наш твоею державою.

Боярин. Не зри на меня, аки волк на ягненка (ягня).

Митрополит. Яви нам зрак и образ красен, царь отшедший мира сего, в руцех демонов побывавший паки возвращается к нам! Подай тебе Господи Сампсонову силу, Александрову храбрость, Иосифов ум, Соломонову мудрость, кротость Давыдову. Умножи люди во веки на державе твоей, да тя славят вся страна и всяко дыхание человече. Слава Богу ныне и присно и во веки веков...

Милославский. Браво! Аминь. Ничего не в силах прибавить к этому блестящему докладу, кроме одною слова — аминь!

Митрополит изумлен.

Хор *(запел)*. Многая лета! Многая лета!

Милославский отдает честь. Митрополит благословляет Буншу.

Бунша. Я не могу, будучи секретарем домкома.

Милославский. Зарежу...

Митрополит благословляет Буншу.

(Обнимая митрополита.) Еще раз благодарю вас, батюшка, от имени царя и от своего также. *(С груди митрополита исчезает панагия.)* И затем предайтесь вашим делам... Вы свободны...

Митрополит выходит.

Если ты еще раз пискнешь какой-нибудь протест, я

тебя оставлю на произвол судьбы и тебя пришибут как котенка...

Шум, входит боярин.

Чего еще случилось?

Боярин. Не вели казнить.

Милославский. Не велю, не велю, только говори коротко — чего произошло...

Боярин. Ох, поношение... У митрополита панагию...

Милославский. Сперли?!

Боярин. Сперли...

Милославский. Вот что у нас делается! Чтобы была панагия мне сейчас же. Это безобразие!

Боярин исчезает.

Бунша. Я потрясен. Мои подозрения растут... У посла портрет пропал, у Шпака...

Милославский. Что ты хочешь сказать? А? Уж не хочешь ли ты намекнуть, что я присвоил? Дурак! Я если бы и хотел, не могу этого сделать. У меня пальцы так устроены. Снимки с моих пальцев делали в каждом городе и говорят — нет, этот человек украсть не может!..

Боярин. Царица, великий царь, тебя видеть желает... Помолебствовав о твоем здравии и возвращении...

Милославский. Проси, проси сюда.

4 (ФИНАЛ)

Иоанн *(глядя на Буншу)*. Это что еще? Чур меня!

Бунша. Временно! Временно!

Тимофеев *(Иоанну)*. Не задерживайтесь!.. К себе!

Иоанн. Как же ты смел царское облачение на себя возложить!

Милославский. Отец, отец, не волнуйтесь. Все в порядке!

Иоанн вбегает в палату, и в то же мгновение в палату врываются опричники во главе с Головой.

Опричники. Гойда! Вот он! Бей их!

Милославский. Гражданин ученый, закрывайте аппарат!

Голова бросается вперед и бердышом разбивает аппарат. Звон и тьма. Свет.

Потом возникает комната Тимофеева. Стенка на месте.

Милославский. Ну и ну!

Тимофеев. Что значит этот наряд? Сознавайтесь, вы стащили ключ?

Милославский. Коля!

Тимофеев. Я вам не Коля.

Милославский. Дорогой ученый, я ничего стащить не могу. Я уже показывал палец, вот царь свидетель.

Бунша. Я не царь, отрекаюсь от этого звания.

Милославский. Ключ взял по рассеянности, получите.

Тимофеев. Теперь я понимаю, какой вы артист.

Грозные звонки на парадном. Появляются милиция, Ульяна Андреевна и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники!

Милиция. Ну да! Вы — царь? Ваше удостоверение личности?

Бунша. Был, не отрицаю. Но был под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи? Мы с маскараду, с парку культуры мы и отдыху?

Бунша снимает с себя одежду.

Вот. Пожалуйста.

Ульяна Андреевна. Иван Васильевич, ты ли это?

Бунша. Я, дорогая Ульяна Андреевна, я.

Милославский. А я, товарищи уважаемые, солист театров. *(Снимает одежду.)*

Бунша. Вот она, панагия! Вот он, медальон! Товарищи. Он митрополита обокрал и посла шведского.

Шпак. Мой костюм.

Милиция. Что же вы, гражданин, милицию по телефону дразните?

Шпак. Товарищи начальники, в заблуждение ввели! Жулики они! Они же и крадут, они же и царями притворяются!

Милиция. Ага.

Бунша. Каюсь чистосердечно, товарищи, царствовал. Царствовал, но не более получаса.

Ульяна. Не слушайте его, он с ума сошел! Какой он царь! Где ты шлялся?

Тимофеев. Выслушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно, с такими свиньями чтобы вышло что-нибудь путное? Аппарат мой...

Милиция. Вы кончили, гражданин?

Тимофеев. Кончил.

Милиция. Ну-с, пожалуйте все.

Милославский. Ах, ты, чтоб тебе пусто было!

Шпак. Попрошу костюм вернуть.

Милиция. Пожалуйте в отделение, гражданин, там разберем.

Ульяна. Иван Васильевич, что же с тобой сделают?

Бунша. Не бойся, Ульяна Андреевна, милиция добрая. С восторгом предаюсь в ее руки.

Тимофеев *(выходя)*. Проклятый дом!

На сцене только Шпак и милиционер.

Шпак. Сейчас, товарищ, сейчас. Дайте только комнату закрою. Вот, товарищ, какие приключения случаются в нашем паршивом жакте! Расскажи мне кто-нибудь — не поверил бы. Но видел собственными гла-

зами. Записка... *(читает, бормочет)* ...короче, я уезжаю с Якиным в Сочи. Вот, товарищи, еще и сбежала!

Милиция. Там разберутся, пожалуйста.

Шпак. Иду, иду.

Уходят. Тишина.

Радио: «Передаем час танцевальной музыки. Оркестр под управлением Сигизмунда Тачкина исполнит падеспань».

Занавес

Конец

24 сентября 1935 года

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Комедия в трех действиях

2-я редакция

Фрагменты (начало и конец пьесы)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому — радиоприемник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет. Волосы у Тимофеева всклокоченные глаза от бессонницы красные. Он озабочен Тимофеев жмет кнопки. Слышен приятный певучий звук.

Тимофеев. Опять звук той же высоты...

Освещение меняется.

Свет пропадает в пятой лампе... Почему нет света? Ничего не понимаю. Проверим. *(Вычисляет.)* А два, а три... угол между направлениями положительных осей... Я ничего не понимаю. Косинус, косинус... Верно!

Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: «Слушайте продолжение „Псковитянки!» И вслед за тем в радиорупоре грянули колокола и заиграла хриплая музыка.

Мне надоел Иоанн с колоколами! И кроме того, я отвинтил бы голову тому, кто ставит такой приемник. Ведь я же говорил ему, чтобы он снял, что я поправлю! У меня нету времени! *(Вбегает в переднюю и выключает радио, и рупор, крякнув, умолкает. Возвращается в*

комнату.) На чем я остановился?.. Косинус... Да нет, управдом? *(Открывает окно, высовывается, кричит.)* Ульяна Андреевна? Где ваш драгоценный супруг? Не слышу. Ульяна Андреевна! Ведь я же просил, чтобы он убрал рупор? Не слышу. Чтобы он убрал рупор! Скажите ему, чтобы он потерпел, я ему поставлю приемник! Австралию он будет принимать! Скажите, что он меня замучил со своим Иоанном Грозным! И потом ведь он же хрипит? Да рупор хрипит! У меня нету времени! У меня колокола в голове играют. Не слышу! Ну, ладно. *(Закрывает окно.)* На чем я остановился?.. Косинус... У меня висок болит... Где же Зина? Чаю бы выпить сейчас. Нет, еще раз попробую. *(Жмет кнопки в аппарате, отчего получается дальний певучий звук, и свет в лампах меняется.)* Косинус и колокола... *(Пишет на бумажке.)* Косинус и колокола... и колокола... то есть косинус... *(Зевает.)* Звенит, хрипит... вот музыкальный управдом... *(Поникает и засыпает тут же у аппарата.)*

Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается по тьму, и слышен только дальний певучий звук. Освещается передняя. В передней появляется Зинаида Михайловна.

(Финал)

Милиция выводит всех из квартиры. В ту же минуту гаснет свет в комнате Тимофеева. Радостный голос в рупоре в передней: «Слушайте продолжение „Псковитянки“» И тотчас грянули колокола и заиграла хриплая музыка. Комната Тимофеева освещается. Тимофеев, спавший, завалившись за аппарат, просыпается.

Тимофеев. Скорей, скорей, Иван Васильевич... Фу, черт, да я заснул! Боже, какая ерунда приснилась!.. Аппарат-то цел? Цел. Батюшки, меня жена бросила!.. Да нет, это во сне. Слава Богу, во сне. А вдруг... Косинус... черт, надоел мне с колоколами...

Передняя освещается. Входит Зинаида.

Зинаида. Коля, это я.

Тимофеев. Зиночка, ты!

Зинаида. Ты так и не ложился? Колька, ты с ума сойдешь, я тебе говорю. Я тебе сейчас дам чаю, и ложись. Нельзя так работать.

Тимофеев. Зина, я хотел тебя спросить... видишь ли, я признаю свою вину... я, действительно, так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время... косинус... ты понимаешь меня?

Зинаида. Ничего не понимаю.

Тимофеев. Ты где сейчас была?

Зинаида. На репетиции.

Тимофеев. Скажи мне, только правду. Ты любишь Якина?

Зинаида. Какого Якина?

Тимофеев. Не притворяйся. Очень талантлив... ему действительно дадут квартиру?.. Ну, словом, он ваш кинорежиссер.

Зинаида. Никакого Якина режиссера нету у нас.

Тимофеев. Правда?

Зинаида. Правда.

Тимофеев. И Молчановского нету?

Зинаида. И Молчановского нету.

Тимофеев. Ура! Это я пошутил.

Зинаида. Я тебе говорю, ты с ума сойдешь.

Стук в дверь.

Да, да!

Вбегает Шпак.

Тимофеев. Антон Семенович, мне сейчас приснилось, что вас обокрали.

Шпак *(залившись слезами)*. Что приснилось? Меня действительно обокрали!

Тимофеев. Как?

Шпак. Начисто. Пока был на службе. Патефон, портсигар, костюмы! Батюшки! И телефонный аппарат

срезали! Зинаида Михайловна, позвольте позвонить. Батюшки! *(Бросается к телефону.)* Милицию! Где наш управдом?

З и н а и д а *(распахнув окно, кричит).* Ульяна Андреевна! Где Иван Васильевич? Шпака обокрали!

В радиорупоре сильнее грянула музыка.

Конец

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

(наброски из черновои тетради)

ИЗ РАЗДЕЛА «ДУБЕЛЬТ ЛЕОНТИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ»

(1792—1862).
В 1837 г. — 45 лет.
В 1835 г. — получил должность начальника штаба Корпуса жандармов.

Шпион. Ваше превосходительство, заботясь...

Дубельт. В заботах твоих правительство не нуждается...

...Дубельт. Что ты там нахрюкал про Жулковского? Кто такой Жулковский?

У Дубельта волгий взгляд, длинные седые усы, большие серые глаза Страстно любил театр, в особенности — балет

Шпион. Ваше превосходительство, дайте хоть сорок рублей!

Дубельт Сорок рублей — сумма для тебя слишком грандиозная... Тридцать сребреников.

Шпион. Ваше превосходительство, мало...

Дубельт. Любезный, у государя шестьдесят миллионов подданных, и все довольны, никто не жалуется, кроме тебя.

Шпион. Ваше превосходительство! Смею ли я!

Дубельт. Наше вам почтение! Ступай, любезный, на все четыре стороны.

В 1937 г. был начальником Корпуса жандармов.
В 1839 г. был генерал-майором. (Надо полагать, что и в 1837 г.)

«...Ежели я, вступя в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником...»

«...Чтобы в местах судебных давали тяжебным делам прямое и справедливое направление...»

Рытвины и на щеках и на лбу. Черты его имели что-то лисье.

Шпион. Здравия желаю, ваше превосходительство!

[Дубельт]. ...И Иуда Искариотский, един от обою на десяти иде ко Архиереям, да предаст его им . Они же, слышавши, возрадовашася, и обещаша сребреники дати... И было этих сребреников, друг любезный, тридцать! (Марк. Глава XIV).

Лукавый генерал.
Глядя на «Распятие Спасителя» Брюллова, рыдал.
<...>
24. IV. 1826 было образовано II Отделение.
25. VI. 1826 указ об основании жандармской полиции
3. VII. 1826 Особая канцелярия Министерства внутренних дел преобразована в III Отделение.
28. IV. 1827 г. издано «Положение о Корпусе Жандармов»

Дубельт *(шепотом, Жуковскому)*. Высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все почести, что и будет исполнено
<...>

Дубельт. Помимо сего ваше сиятельство в последнее время получили распространение стишки писанные уже лет пятнадцать назад[1].

ИЗ РАЗДЕЛА «НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ»

(Николай I.) Кстати скажите Пушкину, что неприлично ему быть на бале во фраке, когда все в мундирах. Похож на каналью фрачника! Объясните ему всю бессмысленность его поведения. Слава Богу муж, отец семейства.

---

[1] Эта реплика — набросок к сцене с эпиграммой «В России нет закона. // А столб, и на столбе — корона», которая отсутствует в рукописи и появляется в тексте I варианта пьесы.

(Николай I.) *(Наталье).* Я вас искренно люблю, как очень добрую женщину. Но красота ваша опасна, она подвергает вас камеражам[1] в обществе. Будьте сколько можно осторожнее, берегите свою репутацию для мужа, для самой себя.

Наталья. Благодарю вас за добрый совет.

Николай I. Разве вы могли от меня ожидать другого? Скажите, почему у вас всегда опущены шторы?

Прости за тяжесть бремени *(Бенкендорфу).*

Одинако дурные люди... Изменническая рука... Я страшусь... Все в исправности... К щастию... Меня ужас объял...

В 1825 г.

Конная гвардия.

Гвардейский конно-пионерный эскадрон.

Конная артиллерия.

Лейб-**гренадерский** полк.

Вы должны быть известны об происходившем вчера.

Он себя погубит **невозвратно** *(Пушкин).*

Ежели так... Ступайте вон...

Нужна особая твердость ума...

Ничем не смоет с себя пятно...

(Николай I.) Говоря это вам, я следую чувству своего сердца. Я говорю с вами с душою чистой.

Наталья. Я признательна вам за доверие.

Николай I. И дружбу... От кого ждать мне спасибо за ту печальную жизнь, которую я веду?

Я повергаю себя к вашим стопам.

Наталья. Терпите смиренно, как ангел... Вы будете ***вознаграждены*** и утешитесь. Я буду молить о том провидение.

«За тебя скучаю» *(Мих. П-чу 7. XII. 1825 г.)*

«Я догадываюсь истины» *(М. П-чу 10. XII)*

---

[1] Commerage — сплетни, пересуды *(фр.).*

«Все мы жертвы воли Божией»[1].

Николай I. Есть ли на свете существо, стремящееся более, чем я, заслужить ваше одобрение, услышать от вас слова удовлетворения, доброты, дружбы.

...Не сердитесь, если слова мои несвязны! *(Константину 16. 1. 1826 г.)* ...Ваши слова я выслушиваю с чувством истинного счастья.

Николай I. А вы поддержите меня и том грустном ремесле, на которое я обречен. Мы живем в век, когда нельзя ничему удивляться.

Отвратительное дело.

Бог возложил на меня бремя и буду нести его.

Я тобой отменно доволен...

Я прошу серьезно **перестать тон этот**, который неприличен...

Бездельники распущают нелепости... *(Ник(олай) — Мих(аилу) Павловичу 9. V - 16. VII. 26 г.)*

Я надеялся, что он придет в рассудок...

С помощью Божией...

Не мешало бы добрать источников.

Я истинный мученик.

Николай *(Наталии)*. Примите мои слова за исповедь измученного сердца, обратитесь ко мне в критическую минуту.

Распущенный человек... Пусть забудет он то время, когда на балы езжал во фраках... По долгу его звания...

Посланник! **Какую ролю** он играет.

Наружность: у Чулкова «Императоры», стр. 222.

Дуэль: — Дать законное течение.

Идешь по дороге, усеянной цветами...

Картина «Вынос»

Панихида

Из панихиды

---

[1] От последней фразы проведена стрелка к реплике Наталии «Терпите смиренно...».

Ирмос: «Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: „„возведи от тли живот мой, многомилостиве!..”»

Дьякон. Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия Александра и о еже проститися ему всякому прегрешению вольному же и невольному.

Господи, помилуй!

Яко да Господь Бог учинит душу его иде же праведнии успокояются.

Жуковский. Да, земля и пепел.

Возглас священника. Яко твое есть царство...

Хор. Со духе праведных скончавшихся душу раба Твоего, Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче.

Возглас священника. Воскресый из мертвых Христос истинный Бог наш, молитвами пречистыя своея Матери, святых славных и всехвальных апостолов, преподобных и богоносных Отец наших, и всех святых, душу от нас преставльшагося раба своего Александра, в селениях праведных учинит, в недрах Авраама упокоит и с праведными сопричтет, и нас помилует, яко Бог и Человеколюбец. Аминь.

Возглас дьякона.

Хор. Вечная память!

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пьеса (рукопись)

Действующие лица

Наталья Николаевна Пушкина.
Александра Николаевна Гончарова, ее сестра.
Д'Антес.
Никита Козлов.
Данзас Константин Карлович.
Жуковский Василий Андреевич.
Дубельт Леонтий Васильевич.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Девушка.
Клюшкина.
Битков.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Геккерен.
Бенкендорф.
Раевев.
Пономарев.
Строганов.
Воронцов.
Арендт.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Филат.
Агафон.
Преображенец 1.
Преображенец 2.
Негр.
Камер-юнкер.
Звездоносец.

Гость.
Павел Максимович.
Слуга.
Сторож.
Квартальный.
Конный жандарм.
Посол.
Жандармские офицеры.
Жандармы.
Полицейские.
Толпа[1].

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вечер в квартире Пушкиных. Две свечи на фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов.

Александра сидит за фортепиано, а Битков (Дербенеев)[2] с инструментами стоит у часов, чинит их. Часы под руками Биткова то бьют, то играют.

Александра тихо наигрывает на фортепиано и напевает.

Александра.

...как синица тихо за морем жила...
...как девица за водой поутру шла...
...Буря мглою небо крест,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже... в «У Прачешного мосту ». Истинный Бог, как дитя! На мосту... Я иду. Господи! Крутит, крутит! В глаза, в уши!

---

[1] В рукописных тетрадях Булгакова список действующих лиц включает семь персонажей. Остальные персонажи печатаются по списку действующих лиц I варианта пьесы (РО ИРЛИ, ф. 369, № 218, л. 2).

[2] В тексте черновика встречается несколько вариантов имени часового мастера, шпиона III отделения: Меняев, Степан Ильич Битков и Ларион Битков — это одно и то же лицо. В окончательном тексте пьесы — Степан Ильич Битков.

Пауза.

Дозвольте узнать, это чье же [сочинение] будет?

Александра. Александра Сергеевича.

Битков. Скажите! Так, так, так... Истинный Бог, вот в трубе, как дитя!.. Прекрасное сочинение!

Часы бьют.
Послышался колокольчик.
Входит Никита Козлов.

Никита. Александра Николаевна, там [дворянка Сновидова...

Александра. Какая Сновидова?

Никита. Урожденная, говорит, Сновидова, а так она Клюшкина, Петра Алексеевича вдова.]

Александра *(шепотом)*. [Какая Клюшкина?] И зачем так поздно? Скажи, что принять не могут...

Никита *(тоскливо)*. Да ведь Александра Николаевна, как же не принять...

Александра. Ах, mon Dieu... Ах ты, Боже мой! Вспомнила. Да, [Клюшкин.] Ах! Проси сюда...

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя!.. Разорение...

Пауза.
[Входит Клюшкина.

Клюшкина. Клюшкина, Ольга Аполлоновна, рожденная дворянка Сновидова, подполковница. Простите, что потревожила.] Погодка-то? Хозяин собаку на улицу не выгонит... Да что поделаешь! Неволя. С кем имею честь говорить?

Александра. Я сестра Натальи Николаевны.

[Клюшкина.] Ах, очень приятно! Рада нашему знакомству!

Александра. Prenez place, s'il vous plait, [madame][1].

[Клюшкина.] Parlez russe, mademoiselle[2]. Покорнейше благодарю.

---

[1] Садитесь, сударыня, прошу вас... *(фр.)*

[2] Говорите по-русски, мадемаузель. *(фр.)*

(Садится.) Господина камер-юнкера могу видеть?

Александра. К сожалению, Александра Сергеевича нет дома.

[Клюшкина.] А супругу ихнюю?

Александра. И Наталья Николаевна в гостях.

[Клюшкина.] Ах, ведь эдакая незадача! А-яй-яй! Ведь это нам тоже... Ведь что же это, никак не застанешь!

Александра. Вы не извольте беспокоиться, [сударыня,] я могу переговорить с вами но этому делу.

[Клюшкина.] Мне бы самого господина камер-юнкера! Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным под залог... турецких шали, жемчуг, серебра взято...

Александра. Да, я знаю, знаю...

[Клюшкина.] Двенадцать тысяч серебром, как одна копеечка, сударыня!..

Александра. Может быть, вы могли бы потерпеть?

[Клюшкина.] С превеликим бы одолжением терпела, сударыня. И Христос терпел, и нам велел! Но ведь и в наше положение тоже войти нужно! Ведь туловище прокормить надо! [Я вдова.] А у меня ведь сыновья в Черноморском флоте! Приехала предупредить, сударыня, продаю вещи. Персиянин тут один...

Александра. Я вас очень прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

[Клюшкина.] Верьте, не могу. С ноября месяца ждем. Другие продали бы, давно уж продали бы! Персиянина упустить боюсь.

Слышатся тяжелые вздохи, Никита показывается в дверях. Александра машет ему с досадой рукой. Никита скрывается.

Одни извозчики из Коломны сюда чего стоили!

Часы под руками [Меняева] бьют.

Александра *(тихо)*. У меня есть серебро. [Может быть, вам] угодно взглянуть? Мы бы тогда поладили насчет процентов.

[Клюшкина.] Прошу прощения, канитель с этим серебром, а персиянина...

Александра. Помилуйте, как же нам без вещей остаться! Вы взгляните. Прошу вас в мою комнату. *(Встает, [Клюшкина] идет за нею.)*

[Клюшкина.] Квартирка славная какая. Много ли плотите? *(Уходит вслед за Александрой.)*

Лишь только они скрываются, Меняев (Битков) оставляет часы, подбегает к фортепиано, переворачивает и рассматривает ноты, прислушиваясь, не идет ли кто. Затем бросается к двери кабинета со свечой в руках заглядывает туда, но войти не решается. Поколебавшись, уходит в кабинет, через некоторое время виден в кабинете у книжной полки, читает названия на корешках, слышит шаги, возвращается в гостиную, ставит свечу на место.

Выходит [Клюшкина] с узлом и Александра.

[Клюшкина.] Бумагу мы завтра перепишем. Только вы уж попросите Александра Сергеевича, чтобы сами они пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят... [Коломна ..... в собственном доме]. Четвертая рота, дом Циммермана. Оревуар, мадемуазель.

Александра. Au revoir... Хорошо, хорошо. (Звонит.)

[Клюшкина] уходит.

Меняев (*закрывает часы, кладет инструменты в сумку*). Готово, барышня, живут.

Александра. Очень хорошо. Сколько вам следует?

Меняев. Да что же? Два рублика всего.

Александра. Очень хорошо. Сейчас.

Меняев. Вы не извольте беспокоиться, я могу подождать

Александра. Нет, зачем же? Сейчас. *(Выходит, возвращается с деньгами, вручает их Меняеву.)*

Меняев Покорнейше благодарю. А у Александра Сергеевича в кабинете не требуется осмотреть? А то уж заодно завтра зайду.

Александра. [Нет, у Александра Сергеевича идут, спасибо.]

Меняев Слушаю. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Александра садится в кресло у камина, протягивает руки к огню. Через некоторое время появляется в дверях Никита, останавливается.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Александра. Ну?

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Александра. Да что такое? Господи, Никита, говори ты, что ли!

Пауза.

Что с тобой, Никита? Что ты мне душу надрываешь, ходишь за мной?..

Никита. Вот уж и ваше пошло добро!

Александра. Выкупим.

Никита. Из чего выкупим, Александра Николаевна? Подумать страшно, из чего выкупим? Не выкупим мы, Александра Николаевна!

Александра. Что ты каркаешь надо мной?

Никита. Каркаешь. Нешто я ворон. Бог вам судья! Раулю за лафит семьсот целковых! Ведь это подумать страшно! Аптекарю задолжали, каретнику задолжали... Ведь Карадыкину за бюро платить надо? А заемные письма? Батюшки. Да лих бы письма. А то срам сказать, молочнице задолжали. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню! Не будет здесь добра, вспомните мое слово! Сочинения свои взяли бы!... покойно, просторно! Детей бы взяли, там сейчас хорошо, в деревне! Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все, все втрое! А он больной! И говорит, что их тоска душит, а меня хрычом назвали. Ведь они желтые совсем стали! Послушайте, Александра Николаевна, старика, до беды едем в деревню!

Александра. Что ты меня мучишь? Скажи Наталье Николаевне.

Пауза.

Никита. Не буду я говорить Наталье Николаевне. Не поедет она. *(Тихо.)* А без Натальи Николаевны? Поехали бы вы, детишки, он...

Александра. Ты с ума сошел!

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили, потом сочиняли бы!.. Детишкам просторно... У них бессонница...

Александра. Перестань меня мучить, Никита, уйди!

Никита, вздохнув, уходит.

Александра, посидев еще некоторое время у камина, посмотрев на часы, уходит к себе.

Потом слышится дверной колокольчик. Видно, как в кабинете проходит тень Никиты вглубь, а затем вглубь проходит тень человека маленького роста. Где-то в глубине в кабинете вспыхивает свет. Послышался глухо голос Никиты: «Слушаю-сь, хорошо...» Никита показывается в кабинете, по дороге щипцами наскоро ворошит угли в камине в кабинете, выходит в гостиную, подходит к дверям, ведущим в спальню, говорит: «Александра Николаевна!» Показывается Александра.

Никита. Александра Николаевна, они совсем больные приехали... Малины просят...

Александра. Ага, хорошо, хорошо, сейчас. *(Проходит через гостиную в столовую, а Никита возвращается в кабинет и уходит в глубь его.)*

В кабинете послышался еще раза два голос Никиты — глухо — слов не разобрать. Потом Никита проходит в глубине кабинета в дверь в переднюю и закрывает ее за собою. Александра с чашкой в руке входит в гостиную, останавливается у дверей в кабинет.

Александра. On entre? *(Входит в кабинет, скрывается в глубине его. Дальше ее голос слышен глухо в кабинете.)* Alexandre, êtes-vous indisposé?..[1] Лежите, лежите...

Источник света в глубине кабинета перемещается, отчего несколько меняется свет (освещение).

Может быть, послать за доктором? *(Еще несколько фраз глухо. Проходит к дверям — из кабинета в переднюю, кричит тихо.)* Никита!

Никита проходит в кабинет в глубину.

(Говорит по дороге ему.) Раздень барина. *(Сама отходит к камину.)*

---

[1] Можно войти? (...) Александр, вам не здоровится?.. *(фр.)*

Никита уходит и закрывает за собой дверь в переднюю, а Александра проходит в глубь кабинета. Опять глухо доносится ее голос, большинство слов не разобрать.

Все благополучно... нет, нет...

Послышался дверной колокольчик.
Через некоторое время в гостиной появляется Никита с письмом в руках, и тотчас Александра выбегает из кабинета.

Никита. Александру...

Александра *(сделав грозные глаза, грозит пальцем Никите, вырывает у него письмо, говорит громко).* А, от портнихи? Хорошо. Скажи, что я буду завтра. *(Прячет письмо в карман.)*

Никита в недоумении глядит на Александру.

(Громко.) Ну, что же ты стал? Ступай! *(Тихо)* Ты что делаешь? Тебе сказано, не подавать писем!

Никита. Виноват...

Александра *(тихо).* Молчи! *(Громко.)* В два часа заеду. Ступай.

Никита уходит, Александра возвращается в кабинет и говорит.

Это ко мне от портнихи приходили.

Ее голос — из глубины кабинета.

Да что вы, Александр? Бог с вами!.. Говорю же, что от портнихи...

Опять глухо слова.

Право, я пошлю за лекарем. Хорошо, хорошо... Bon, bon...[1] Дайте я вас перекрещу... Я умоляю вас не тревожиться...

Свет в глубине кабинета гаснет.

(Александра возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой, подходит к камину, вскрывает письмо, читает, комкает его, прячет в кар-

---

[1] Хорошо, хорошо... *(фр.)*

ман.) Негодяи! Боже праведный!.. В деревню надо ехать...

Послышался дверной колокольчик, потом голоса, и из дверей, ведущих в столовую, появляется Наталья Николаевна.
Наталья Николаевна развязывает ленты капора снимает его. Лицо Натальи Николаевны горит от мороза. Она так красива, что Александра как-то блекнет.
Наталья бросает капор на диван, близоруко щурится, видит Александру.

Наталья. Ты одна? Не спишь? Пушкин дома?

Александра. Он приехал совсем больной и заснул. Просил его не беспокоить...

Наталья. Ах, бедненький! Не мудрено, такое поветрие!.. Какая буря, Боже!.. Нас засекло снегом!..

Александра. С кем ты приехала?

Наталья. Меня проводил Шарль.

Александра. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Наталья. Ах, ради Бога, без нотаций!

Александра. Таша, что ты делаешь?

Наталья. О, mon Dieu! Как наскучило мне все это! Это смешно! Кому какое дело, что beau-frère[1] меня проводил...

Александра вынимает письмо, подает Наталье.

(Читает, меняется в лице. Шепотом.) Он не видел?

Александра. Бог спас. Никита хотел подать.

Наталья. Ах, старый дурак! *(Бросает письмо в камин, оно вспыхивает)* Мерзавцы! Я догадываюсь, кто сделал это! Мерзавка!

Александра *(указывая в камин)*. Это тебе не поможет. Завтра придет другое. Он все равно узнает.

Наталья. Это не правда!

Александра *(тихо)*. Не лги.

Наталья. Ну, хорошо, правда. Я была с ним у Идалии, но я не знала, что он там будет! Она заманила меня, негодяйка!

Александра. Уедем в деревню. Я тебе советую.

---

[1] Свояк. *(фр.)*

Наталья. Бежать? Ни за что! Из-за того, что какая-то свора гнусных негодяев... презренный Anonyme... бежать! Значит, признаться?.. Между нами ничего нет!.. *(Плачет.)* Я так несчастна!.. Азя, помоги мне!..

Александра. Ну, не плачь, не плачь... Я и сама теряю голову... Ну, перестань...

Наталья вытирает глаза, встает, успокаивается.

Наталья. В конце концов, эти подлецы так замучили нас, что нам представляется все безвыходным! Я так устала!

Александра. Ну, прощай. Но умоляю тебя, будь осторожна.

(Крестит Наталью, уходит к себе.)

Наталья некоторое время у камина, потом переходит к окну, смотрит в него. Фонарь с улицы бросает на нее скупой свет. Через некоторое время в дверях, ведущих из столовой, бесшумно появляется [Дантес].

Он — в шинели и в шлеме. Бобровый воротник запорошен снегом. В руках у Дантеса — перчатки.

Наталья поворачивается, видит Дантеса, отшатывается.

Наталья *(вглядывается в ужасе)*. Как вы осмелились?! Как вы проникли?! Сию же минуту покиньте мой дом! Какая дерзость! Я приказываю вам!

Пауза.

Дантес. Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки. И я вернулся. *(Кладет перчатки на стол, прикладывает руку к шлему и поворачивается.)*

Наталья. Вы сознаете ли опасность, которой подвергли меня? Он за дверями! *(Подбегает к двери кабинета и бесшумно поворачивает ключ и опять закрывает портьеру.)* Он не потерпит. Он убьет меня!

Дантес. Из всех негров, которых я когда-либо знал, этот самый кровожадный. Но не беспокойтесь, он убьет меня, а не вас.

Наталья. Зачем же вы совершаете преступление? Ах, у меня темно в глазах!.. Что будет со мною?.. Ах...

Дантес. Успокойтесь! Ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и отвезут на кладбище. И также будет буря и снег и в мире ничего не изменится.

Наталья. Я заклинаю вас всем, что есть дорогого у вас, — покиньте дом!

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас. Не заклинайте меня.

Наталья. Уйдите!

Дантес. Ах, нет. Вы причина того, что совершаются безумства.

Наталья. Как?..

Дантес. Вы не даете возможности говорить с вами! В санях вы отказались слушать меня... А между тем есть величайшей важности вещь, которую вам надлежит выслушать. Я люблю вас...

Наталья. И это говорите вы?! Месяц тому назад женившись на моей сестре?! Вы преступный человек! Зачем, зачем вы преследуете меня? Зачем вам нужна моя гибель? Вы опозорите меня в глазах света!

Дантес. Есть иные страны... скажите мне только одно слово!.. Завтра у меня будут готовы лошади... Бежим!

Наталья. Вы и преступны, вы и безумны! А сестра? Как вы можете выговорить эти слова?

Дантес. Я женился на ней из-за вас. Я совершил преступление. И совершу еще одно. Бежим!

Наталья. Что говорит этот человек... У меня дети!

Дантес. Забудьте их.

Наталья. Я не согласна.

Дантес. Я постучу в дверь.

Наталья *(удерживая его)*. Не смейте!

Дантес. Придите к Идалии.

Наталья *(крестясь)*. О, ни за что!

Дантес. Я убью себя.

Наталья. Мучитель!

Дантес целует Наталью.
Часы хрипят, бьют полночь.

(Отпрянув.) О, Боже мой, уходите! Уйдите! Вас увидят на набережной!

Дантес. Нам нужно поговорить, придите!

Наталья. Завтра на балу у Воронцовой подойдите ко мне.

Дантес поворачивается, выходит в дверь в столовую.

О, Боже, слуга, слуга!.. *(Прислушивается.)*

Дантес *(возвращаясь)*. Слуга спит. У меня есть второй ключ.

(Уходит.)

Наталья прислушивается. Слышно, как тихо закрывают дверь. Наталья подбегает к окну гостиной, в изнеможении прислоняется, крестится, потом смотрит в окно, потом подбегает к двери кабинета, отдергивает портьеру, открывает ее, прислушивается, потом удовлетворенно закрывает дверь.

Темно.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Столовая в доме Салтыкова, в которой накрыт стол. Рядом со столовой библиотека. В библиотеке: Кукольник, Бенедиктов, князь Долгорукий[1] и два преображенских офицера — сыновья Салтыкова.

При открытии занавеса послышался аплодисмент. Бенедиктов, стоя и глядя вдаль читает свое стихотворение.

Бенедиктов.

...Казни ж, карай меня, о дева,
Дыханьем ангельского гнева!
Твоих проклятий стою я,..
Но — нет у ангела проклятий, —
Так, гневная, сожги меня
В живом огне своих объятий!
Палящий зной мне в очи вдуй
И, обуздав мой страстный трепет,
В уста мои, сквозь жаркий лепет,
Вонзи смертельный поцелуй!

---

[1] В картине второй — «Долгорукий», далее — Долгоруков. Князь Петр Владимирович Долгоруков — историческое лицо.

Бенедиктов, окончив, скромно кланяется. Кукольник первый начинает аплодировать.

Кукольник. Браво! *(Обнимает Бенедиктова и целует его. Преображенцам.)* Преображенцы! Аплодируйте! По вашим лицам я вижу — вы любите и чтите искусство! Аплодируйте первому поэту отечества!

Бенедиктов. Что ты, Нестор Васильевич!..

Дверь в библиотеку открывается, и появляется Боголюбов[1]. Протирает платочком очки, надевает их, аплодирует, кланяется.

Боголюбов. Слышал окончание вашей прелестной пьесы... позвольте списать...

В столовой появляется Салтыкова.
Лакей, стоявший у дверей, обращается к ней со словами.

Лакей. Сергей Васильевич приехали.

Салтыкова *(лакею)*. Проси к столу.

Лакей *(в дверях библиотеки)*. Кушанье на столе.

Кукольник *(Бенедиктову)*. Пойдем. Насмотришься, брат, сейчас. Оригинал!

Вся группа проходит в столовую. Первым подходит к ручке Салтыковой Долгорукий, потом Боголюбов, Кукольник.

Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего поэта отечественного — Владимира Григорьевича Бенедиктова. Истинный светоч! Талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич!

Салтыкова. Enchantée de vous voir...[2] Я очень рада вас видеть... Вот и Сергей Васильевич.

Дверь открывается и появляется Салтыков. Он в цилиндре, в шубе, с тростью в руках и с громадным фолиантом под мышкой. Проходит мимо гостей, не глядя на них, Бенедиктов кланяется, но поклон его попадает в пустое пространство. Кукольник дергает Бенедиктова, подмигивая ему.

---

[1] В тексте черновика претерпело изменения имя второго шпиона III отделения: Боголюбов — Петр Петрович Богомолов — Богомазов. Это одно и то же лицо. В окончательном тексте — Иван Варфоломеевич Богомазов.

[2] Очень рада вас видеть... *(фр.)*

Долгорукий и Боголюбов смотрят в потолок, делая вид, что не замечают графа. Салтыков подходит к лакею, у которого поднос в руках, наливает себе чарочку водки, окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает [грибком], прищуривается и говорит сам себе.

Салтыков. Да-с... Secundus pars...[1] *(Смеется сатанинским смехом и выходит, [задумчиво посвистев].)*

Бенедиктов бледнеет. Салтыкова сконфужена.

Салтыкова *(Бенедиктову)*. Mon mari...[2]

Кукольник. Александра Сергеевна, ни слова!.. Знаем!.. На отечественном языке, Александра Сергеевна, на языке...

Салтыкова *(Бенедиктову)*. Мой муж страшнейший чудак, но я надеюсь, что это не помешает нам...

Пауза, после которой выходит Салтыков; он без цилиндра, шубы и трости, но по-прежнему с фолиантом.
Гости обращают к нему оживленные лица, кланяются.

Салтыков *(приветливо кланяется всем)*. А-а-а... *(Подняв палец.)* Это было мое инкогнито, а вот теперь я пришел.

Боголюбов *(смеется почтительно)*. Знаем, Сергей Васильевич, знаем.

Салтыков *(стуча по фолианту)*. Secundus pars! Умышленная опечатка. Corpus juris![3] Эльзевир![4]

Боголюбов *(подходит с протянутыми руками)*. Дозвольте поглядеть.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Serge![5]

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать! *(Ставит книгу на камин. Обращается к жене.)* Если ты ее только тронешь!

---

[1] Часть второй... *(Лат. искаж.)* Правильно: Secunda pars — часть вторая. В библиотеке С. Салтыкова была книга с этой опечаткой.

[2] Мой муж... *(фр.)*

[3] Свод права! *(Лат.)*

[4] Название знаменитой издательской фирмы.

[5] Серж! *(фр.)*

Салтыкова. И не подумаю! Не надобно мне!..

Салтыков. Прошу! Филат, водки!

Гости подходят, пьют, закусывают.

Салтыкова. Прошу к столу.

Усаживаются.

Салтыков *(глядя на руки Кукольника).* Вас можно поздравить?

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал. *(Показывает перстень.)*

Салтыков. Неважный перстенек.

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее. *(Слуге.)* Филат, что это на камине?

Слуга. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Слуга. Слушаю-с.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою мальчиком император Павел, царствие ему небесное, пожаловал мне звезду, украшенную алмазами, чрезвычайно большими алмазами. А такой перстень я и сам могу себе купить за пятьсот рублей или даже за четыреста.

Гости смущены до крайности.

Салтыкова. Ты все наврал. Нет у тебя никакой звезды.

Салтыков. Ты не знаешь. Я ее прячу от тебя вместе с табакерками.

Салтыкова. [Сережа], ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее. Женщины ничего не понимают в русской истории.

Кукольник *(Салтыкову).* Quand delivrerez vous ce petit prisonnier de guerre Anglais?[1]

Салтыков. Пейте сами.

---

[1] Как вы собираетесь поступить с этим маленьким английским пленником? *(Фр.)*

Долгоруков. Если я не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же что и с лошадью?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Случай с лошадью был при Александре, царство ему тоже небесное

Долгоруков. Ага!

Салтыков тревожно смотрит на камин.

Бенедиктов. А вы любите книги?

Салтыков. Книги меня любят и идут ко мне.

Пауза.

Видел сейчас. *(Постукивает пальцем по перстню Кукольника.)* Проехал...

Кукольник. Государь император?

Салтыков. Он. *(Бенедиктову.)* Изволите поэзией заниматься?

Бенедиктов. Точно так.

Салтыков. Напрасно.

Бенедиктов. То есть как-с?

Салтыков. Опасное занятие. Вот [этот, как его фамилия... ну...] Пушкин... *(Шепотом.)* Его недавно в Третьем отделении отодрали.

Общее молчание.

Салтыкова. С тобой обедать нет никакой возможности. Что ты рассказываешь?

Салтыков. Кушайте, пожалуйста. Филат! *(Жене.)* Тебя тоже могут отодрать.

Бенедиктов. Помилуйте, за что же?

Долгорукий. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал.

Салтыков. Да и я слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю, что такое? Говорят, Пушкина дерут.

Боголюбов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские сказки!

Салтыкова. Что он говорит? Что он говорит.

Салтыков. Какие ж сказки? Меня самого чуть-чуть не отодрали. Я лошадь из пистолета застрелил. Ваши же стихи у меня есть в библиотеке. У меня все есть. Что-нибудь новое написали еще?

Кукольник. Да, прочитай. Прочитай «Моей звездочке».

Бенедиктов. Право, я... *(Встает, читает.)*

Путеводною звездою
Над пучиной бытия
Ты сияешь предо мною,
Дева светлая моя!
О, свети мне, друг небесный,
Сердца звездочка, свети
И ко мне в мой мир безвестный
Тихим ангелом сляти!

Салтыкова. Ах, как хорошо!

Бенедиктов.

Перед чернию земною
Для чего твой блеск открыт?
Я поставлю пред тобою
Вдохновенья верный щит!
Да язвительные люди
Не дохнут чумой страстей
На кристалл прозрачной груди,
На эмаль твоих очей!

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают.

Нет! Сияешь ты беспечно
И не клонишься ко мне.
О, сияй, сияй же вечно
В недоступной вышине!
Нет! Живой источник света
и т.д.
<...>
Вдруг рассыпься и исчезни,
Как прекрасный метеор!

Салтыков. Продолжайте.

Бенедиктов. Все-с.

Кукольник. Браво! Каков?

Салтыкова аплодирует.

Салтыков. А может, и не отдерут.

Кукольник. Отдерут, Сергей Васильевич, того,

кто груб в своих чувствах, а истинного поэта драть не за что.

Салтыкова. Чувствительно как пишете и поэтически...

Кукольник. Клянусь, голову ставлю, первый, Сергей Васильевич, первый!..

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дворец Воронцовых. Зимний сад. Видна часть колоннады — часть залы. Яркое освещение. Лампы в зелени.

Издали слышится музыка оркестра, гул бальной толпы, изредка показываются в глубине, там, где колоннада, проходящие фигуры мужчин в мундирах и дам в бальных платьях.

У входа в зимний сад стоит негр в тюрбане.

Поздний час.

В креслах сидит Наталья, а спиной к публике, перед нею в креслах, в гвардейской парадной форме сидит генерал.

В зелени, укрывшись от всех, в бальном фрачном одеянии, сидит князь Петр Владимирович Долгоруков, [молодой человек с язвительным лицом,] и подслушивает разговор.

Сцена Натальи и Николая.

Камергер выходит из-за колонн, проходит мимо негра, подходит к Николаю.

Камергер. Ваше величество, ея величество приказала мне доложить вашему величеству, что она отбывает через десять минут.

Наталья встает, приседает, уходит.

Николай *(камергеру)*. Вы недавно в вашей должности?

Камергер. Три месяца, ваше величество.

Николай. Когда я разговариваю, меня нельзя прерывать. Вы болван!

Счастливый Долгоруков хихикает в зелени.
Камергер улыбается счастливой улыбкой.

Николай. Доложите ея величеству, что я подойду через десять минут.

Камергер уходит.
Из-за колоннады выходит Жуковский.
Сцена Жуковского и Николая.
В зимний сад с другой стороны прокрадывается Богомолов, натыкается на Долгорукова.

Долгоруков. Осторожней, место занято.

Богомолов. Что это вы, князь, уединились так?

Долгоруков. Да и вы, ваше превосходительство, спешите уединиться. Присаживайтесь.

Богомолов *(усаживается)*. Любите балы, князь?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!

Богомолов. Ваше сиятельство! Цвет аристократии!..

Долгоруков. Какая же это аристократия? Это холопия.

Богомолов. Ваше сиятельство! Да вы мизантроп!

Долгоруков *(указывает на проходящего в звездах)*. Видите, прошел?

Богомолов. Вижу.

Долгоруков. Холуй.

Богомолов. Ваше сиятельство! А этот?

Долгоруков *(всматривается)*. Холуй.

Богомолов *(смеется)*. А этот?

Долгоруков. Вор.

Богомолов. Ах, князь, услышал бы вас кто-нибудь...

Долгоруков. Самое интересное вы пропустили, ваше превосходительство.

Богомолов. А что такое?

Долгоруков. Сам был...

Богомазов. Вы, Петенька, поосторожнее. Его величество?

Долгоруков. Его.

Богомазов. С кем изволил беседовать?

Долгоруков. С арапской женой.

Богомазов. Ах, язык!

Долгоруков. Умора... Он стоит как демон за

колонной и блюдечко с мороженым в руках, а она здесь сидит и слушает, а сам... Скоро будет наш поэт украшен... *(Вскакивает, прикладывает рожки к затылку, кривляется.)*

Показывается Воронцова в зелени, в недоумении слушает, уходит.

Богомазов. Тсс!

В сад входит Геккерен, садится, а через некоторое время показывается Наталия.

Геккерен *(вставая ей навстречу)*. Как я рад видеть вас, прекрасная дама. О, вы цветете. О, северная Психея.

Наталия. Барон!

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, насколько вам надоели комплименты. Такая красота, как ваша, ослепляет, но сколько зла, сколько бед она может причинить .

Наталия. Бед? Я вас не понимаю, барон.

Геккерен *(шепотом)*. Вы сделали несчастным человека...

Наталия. Кого?

Геккерен. Верните мне сына... Мне жаль его...

Наталия. Я не хочу вас слушать. Замолчите.

Геккерен. Бездушная, жестокая женщина... Посмотрите, во что вы его превратили...

Входит Дантес[1].

Воронцова. Ну, князь, как понравился вам вечер?

Долгоруков. Графиня, он поразителен.

Воронцова. А мне взгрустнулось как то.

Долгоруков. Графиня, вы огорчаете меня. Это нервическое, уверяю вас. Прогулка завтра — и к вам вернется ваше чудесное расположение духа, которым вы пленяете свет.

---

[1] Сцена в рукописи опущена. Булгаков написал карандашом: «Любовная сцен Возмущение Пушкина и оценка Богомазова».

Воронцова. Нет, грусть безысходна. Не приходила ли вам в голову, князь, мысль о том, какие нравы окружают нас? Холодеет сердце. Ах, князь, сколько подлости в мире! Неужели вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Графиня! Всякий день! О, как вы правы, графиня. Сердце сжимается при мысли, до чего дошло падение нравов. И тот, кто имеет сердце чувствительное, не огрубевшее, может заплакать.

Воронцова. Висельник!

Долгоруков умолк...

Висельник! Пища палача! Гнусная тварь. Pendard! Шлюха! Un maquerean!

Гость, вышедший из-за колонны со словами: «Madame...», шарахнулся и исчез.

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей!

Воронцова. Я давно уже видела, что какая-то шайка травит его. Но я не могла подозревать, чтобы подобный вам мерзавец мог существовать среди людей! Если бы я не боялась, что его измученное сердце погибнет, если нанести еще один удар... Я не хочу растравлять его рану напоминанием, а то бы я выдала вас ему! Убить, убить как собаку вас надо! Желаю вам погибнуть на эшафоте.

Звездоносный гость *(выходит)*. Madame la comtesse, j'ai l'honneur...

Воронцова *(Долгорукову)*. Adieu.. *(Уходит со Звездоносным гостем.)*

Долгоруков *(один)*. Бешеная кошка. Подслушала! Вот что... Понимаю, любовница! А все ты, все из-за тебя, проклятая обезьяна. Ты, ты на моем пути! Ну, погодите же! *(Грозит кулаком.)*

Лампы гаснут. Долгоруков идет, хромая, к колоннам. Темно.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечер. Кабинет Дубельта. Дубельт за столом.
Дверь приоткрывается, входит жандармский офицер Ракеев.

[Офицер.] Ваше превосходительство! [Меняев] там. *(Выходит.)*

Через некоторое время дверь открывается и входит Меняев.
Пауза
Дубельт пишет, потом поднимает глаза.

Меняев. Здравия желаю, ваше превосходительство!

Дубельт. А, наше вам почтение! Как твое здоровье, любезный?

Меняев. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. И в голову мне не впадало даже за тебя молиться! Но здоров? А что же ночью навестил? Давно не видались?

Меняев. Ваше превосходительство, находясь в неустанных заботах...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Служба твоя — секретное наблюдение, каковое наблюдение ты и должен наилучше выполнять. И говори не столь витиевато, ты не [в университете лекцию читаешь.]

Меняев. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным...

Дубельт. Погоди, любезный. *(Звонит.)*

Сейчас же показывается жандармский офицер Ракеев.

Пушкина дело.

Офицер. Готово, ваше превосходительство. *(Подает Дубельту папку на стол и скрывается.)*

Дубельт. Продолжай, любезнейший.

Меняев. Проник дважды я в самое квартиру камер-юнкера Пушкина.

Дубельт. Ишь, ловкач! По шее тебе не накостыляли?

Меняев. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера его зовут? Фрол, что ли?

Меняев. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита! Далее.

Меняев. Первая комната, ваше превосходительство, столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Меняев. Вторая комната — гостиная. В гостиной на фортепиано лежат сочинения означенного камер-юнкера.

Дубельт. На фортепиано? Какие же сочинения?

Меняев.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя ..
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Дубельт. Экая память у тебя богатая!

Меняев. К упомянутому стихотворению господин Пушкин и музыку сочинил, которую свояченица его на фортепианах разыгрывает [громко].

Дубельт. Ну, почтеннейший, это ты напраслину возводишь. Насчет музыки то есть я говорю.

Меняев. Помилуйте, ваше превосходительство!

Дубельт. Фортепиано тоже в сторону!

Меняев. С превеликой опасностью проник я в кабинет и обнаружил на полу лежащую чрезвычайной важности записку. «Приезжай ко мне немедленно. Вся надежда на тебя». А записку подписал неизвестный человек — [Жулковский.][1]

Дубельт звонит. Офицер входит.

---

[1] Вместо «Жулковский» вписано «Вильям Джук». Имя «Жулковский» впервые появилось в разделе «Дубельт» подготовительных материалов к пьесе, как утверждают исследователи. Это имя восходит к подлинному доносу на Пушкина агента III Отделения М. Я. фон Фоку в феврале 1828 г.

Дубельт. Павла Максимовича ко мне.

Офицер уходит.
Дверь открывается, и входит Павел Максимович, чиновник.

Дубельт. [Жулковский?]

Павел Максимович. Леонтий Васильевич, все перерыли, такого нет в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надо, чтоб был.

Павел Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса такие?

Другая дверь приоткрывается, из нее высовывается Боголюбов.

Боголюбов. Ваше превосходительство, Жуковский это. Шуточно подписался. *(Скрывается.)*

Дубельт *(делает знак. Павел Максимович и жандармский офицер выходят)*. Сукин ты сын! Грамотный!.. Дармоеды! Наследника цесаревича воспитатель! Василий Андреевич Жуковский! Действительный статский советник! Почерк должен знать!

Меняев. Ай, проруха! Ай!.. Виноват, ваше превосходительство!

Дубельт. На ноги канцелярию поставил, два [часа] рыщут! Морду тебе бить, Меняев!

Меняев. Виноват, ваше превосходительство!

Дубельт. Дальше.

Меняев. Дальше-с, в кабинете у камер-юнкера Пушкина в правом верхнем ящике письменного стола лежит письмо...

Дубельт. Кому?

Меняев. Письмо французское, адресовано оно господину голландскому посланнику...

Дубельт. Меняев! Смотрел внимательно?

Меняев. Ваше превосходительство! Черновичок. Половина замарана. Что по-французски, что по-русски...

Дубельт протягивает руку.

Меняев изумлен.

Дубельт. Подай копию. Меняев, копию подай!

Меняев. Ваше превосходительство, французское — это раз! А потом сами посудите, на [минуту] заскочил в кабинет, и так руки трясутся, ведь это рыск...

Дубельт. Жалованье получить у вас руки не трясутся ни у кого.

Меняев. Ваше превосходительство, кажись, я все силы, все меры...

Дубельт. Так вот что, Меняев! Завтра опять туда, и все по этому делу о письме...

Меняев. Ваше превосходительство, да ведь часы-то я починил! Завтра это...

Дубельт. Часы починить каждый может! Ты сломать сумей и опять починить. Словом, ступай.

Меняев. Ваше превосходительство, велите приказать мне жалованье выписать. Я ведь с прошлого месяца ничего не получал.

Дубельт. Жалованье? За этого [Жулковского] с тебя еще следует дополучить. Иди в канцелярию, скажи, что я приказал, чтобы тебе тридцать рублей выдали.

Меняев. Ваше превосходительство, что же тридцать рублей?

Дубельт. И Иуда Искариотский, един от обою на десяти иде ко архиереям, да предаст его им... Они же, слышавши, возрадовашася, и обещаша сребреники дати... И было этих сребреников, друг любезный, тридцать! В память его и вам всем плачу.

Меняев. Ваше превосходительство, дайте тридцать пять.

Дубельт. Тридцать пять рублей сумма для меня слишком грандиозная. А за каждое слово из письма, что выпишешь, русское, я тебе заплачу по полтиннику. Ступай! Да смотри лишнего не выпиши.

Меняев выходит.

Дубельт звонит. Резко меняется. Напевает: «Буря мглою ..» В ту же минуту открывается дверь. Боголюбов.

Погодите, Павел Максимович, одну минуту.

Боголюбов. Ваше превосходительство, срочнейшей важности дело. *(Вынимает из кармана бумагу.)* У меня копия... Угадать извольте?

Дубельт. И гадать нечего. Письма к Геккерену.

Боголюбов. Ваше превосходительство! Прямо вы колдун! *(Подает письмо Дубельту.)*

Дубельт. Отправлено?

Богомолов. Завтра утром велел отвезти Никите в Голландское посольство.

Дубельт. Так. Благодарю вас, Петр Петрович.

Богомолов. Кроме того, ваше превосходительство, третьего дня я был на завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что новенького говорит старый [врун]?

Богомолов. Шумное собрание было! Грехи! Про государя императора рассказывает так: «видел le Grand bourgeois...»

Дубельт. Вы, Петр Петрович, это на отдельной записочке относительно завтрака у Салтыкова.

Богомолов. Слушаю, ваше превосходительство. А кроме того, Петя Долгоруков.

Дубельт. Bancal?

Богомолов. Он самый. Ведь что несет, лоботряс. Вторую ногу переломить ему. Списочек показывал с пушкинского стихотворения.

Дубельт. Брюлловская картина?

Богомолов. Точно так. *(Подает бумагу.)*

Дубельт. Давно не читал стишков, благодарю вас. [Петр Петрович, мне одному надо остаться, у меня тут...]

Богомолов. [Слушаю-с, слушаю-с, ваше превосходительство!] Не смею беспокоить. *(Идет.)*

Дубельт *(вслед)*. Петр Петрович, деньжонок не надобно ли? Прошлый месяц не брали.

Богомолов. Покорнейше благодарю, Леонтий Васильевич. Рубликов двести, двести пятьдесят?

Дубельт. А я вам триста, э! Для ровного счета, а? Вы скажите Павлу Максимовичу, что я распорядился.

Богомолов. Имею честь, ваше превосходительство! *(Уходит.)*

По уходе Богомолова Дубельт читает копию стихотворения, потом откладывает ее. Потом берется за копию письма к Геккерену, внимательно, жадно читает, думает, напевает сквозь зубы: «Буря мглою небо кроет...», свистит. Потом прислушивается, подходит к окну, становится настороженным, поправляет мундир и эполеты, садится за стол.

Дверь в кабинет распахивается. Первым появляется жандарм, который останавливается у двери и вытягивается.

Затем в дверь быстро входит Бенкендорф, делает знак глазами Дубельту, оттесняет жандарма, останавливается у дверей.

Вслед за ним входит Николай. Он в шинели и в каске.

Николай *(Дубельту)*. Здравствуй!

Дубельт *(стоя)*. Здравия желаю, ваше величество! В штабе Корпуса жандармов, ваше императорское величество, все обстоит благополучно.

Николай. Проезжали с графом. Вижу, у тебя огонек. Не помешал ли я тебе? Занимаешься?

Дубельт *(негромко)*. Пономарев, шинель!

Николай сбрасывает на руки жандарму шинель, отдает каску. Тот выходит.

Бенкендорф пододвигает Николаю кресло.

Николай *(садится. Потом Бенкендорфу)*. Садись.

Бенкендорф садится.

(Дубельту.) Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Слушаю, ваше величество. *(Остается стоять во время сцены.)*

Николай *(оглядевшись)*. Стены покрасил?

Дубельт. Так точно.

Николай. А хорошо! Работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Только что получил. Собирался его сиятельству докладывать.

Николай. Докладывай. Я не буду мешать.

Дубельт *(Бенкендорфу)*. Бездельники и нарушители общественного спокойствия в списках распространяют. По поводу брюлловского распятия. *(Читает.)*

...Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим — поставлены на месте жен святых —
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие — казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?
<...>
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(Подает листок Бенкендорфу.)

Пауза.

Николай. Прочти еще раз последние строки.

Бенкендорф читает.

Этот человек способен на все, исключая добра. Господи Вседержитель! Ты научи, как милостивым быть! Старый болван Жуковский! Вчера пристал ко мне и сравнивал его с Карамзиным! Как поворачивается у балаболки язык! Карамзин был святой жизни человек! А этот, этот!.. Казалось бы, не мальчик — отец семейства! Ох, мое долготерпение, только оно его и спасает. Не его жаль — его жену, хорошая женщина, семью жаль. Пусть ему совесть будет наказанием.

Бенкендорф. Он этого не понимает, ваше величество.

Николай. Что делает он в последнее время?

Дубельт. В карты играет, ваше величество.

Николай. И то дело для семейного человека. Продолжай, Леонтий Васильевич.[1]

Дубельт. Имею честь донести вашему сиятель-

[1] Здесь Булгаков делает ссылку на тетрадь с подготовительными материалами к пьесе, где есть текст Дубельта: «Дубельт. Помимо сего, ваше сиятельство, в последнее время получили распространение стишки, писанные уже лет пятнадцать тому назад». Впоследствии в тексте пьесы появилась сцена чтения эпиграммы, которую приписывали Пушкину:

В России нет закона.
Есть столб, а на столбе — корона.

ству, что в столице в ближайшие дни я ожидаю дуэль каковой состоится не позднее после завтрашнего дня

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем Геккереном Д'Антес Сейчас мой шпион перехватил письмо Пушкина к барону Геккерену.

Николай. Прочитай письмо.

Дубельт. Осмелюсь сообщить — письмо неприличное.

Николай. Прочитай письмо.

Дубельт *(Читает)*. «Господин барон, я принужден сознаться, что ваша роль неприлична. Вы — представитель коронованной главы — служите сводником вашему сыну. Подобно старой развратнице, вы подстерегаете мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына, и когда больной сифилисом он оставался дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не желаю, чтобы ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай.

Имею честь быть, господин барон, ваш покорный и послушный слуга Александр Пушкин».

Пауза.

Николай. Этот человек дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит.

Бенкендорф. Он бретер, ваше величество

Николай. Были ли случаи нашептывания Геккереном?

Бенкендорф. Леонтий Васильевич!

Дубельт. Были, ваше величество. *(Заглянув в бумаги.)* И последний раз на балу у Воронцовой вчера.

Николай. Это сводник! Посланник! Оба хороши!

Пауза.

Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе дал. Ты истинный мученик.

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество!

Николай. О, головорез! Ни о семье не думает, ни о том, что срамом покрывает должность, мундир! Позорной жизни человек! Ничем и никогда не смоет с себя пятна И умрет не по-христиански! Время, время отмстит ему за эти стихи, за поруганную национальную честь. *(Встает.)*

[Бенкендорф. Какие меры прикажете взять, ваше величество?]

Николай. [Не потакать головорезам.] Предупредить дуэль. Обоих без промедления под суд! И впредь чтоб знали. Спокойной ночи! Не провожай, Леонтий Васильевич. *(Встает, выходит.)*

Бенкендорф за ним.
Дубельт один.
Через некоторое время возвращается Бенкендорф, садится.

Бенкендорф. Много в столице таких, которых вышвырнуть бы надо.

Дубельт. Найдется.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора!

Дубельт Золотое сердце!

Бенкендорф. Как же быть с дуэлью?

Пауза.

Дубельт Это как прикажете, ваше сиятельство?

Бенкендорф. Поступите согласно монаршей воли Извольте послать на предполагаемые места дуэли с тем, чтобы их накрыли на месте. [Арест.] Примите во внимание, место могут изменить.

Дубельт Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Д'Антес этот какой стрелок?

Дубельт. Туз — пятнадцать шагов.

Пауза.

Бенкендорф. Императора жаль!.. Ах!..

Дубельт Еще бы!

Бенкендорф. Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы жандармы не ошиблись. А то поедут не туда...

Дубельт. Помилуйте, ваше превосходительство!

Бенкендорф. А то поедут не туда! Спокойной ночи, Леонтий Васильевич. *(Уходит.)*

[Дубельт один.
Внезапно дверь открывается.

Примите меры, а то или не туда, или опоздают! *(Скрывается.)*]

Дубельт *(один. Думает).* Не туда... *(Напевает.)* Буря мглою небо кроет... Не туда... Тебе-то хорошо говорить! *(Звонит.)*

Дверь приоткрывается.

(В дверь.) Павла Максимовича!

Темно.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Геккеренов. Комната в персидских коврах, стены в коврах и картинах великолепных мастеров. На[коврах] стенах — коллекция оружия.
Дверь в столовую, в которой виден приготовленный для обеда стол и другая дверь.
Геккерен во фраке со звездой сидит и слушает маленький музыкальный ящичек. Когда мелодия кончается, Геккерен звонит. Входит ливрейный слуга.

Геккерен. Если приедет граф Строганов, проводите его прямо сюда.

Слуга. Слушаю. *(Выходит.)*

Через некоторое время дверь открывается и входит Дантес.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. Мой дорогой, здравствуй. Иди ко мне. Я давно тебя не видел. Соскучился по тебе.

Дантес садится. Геккерен гладит его волосы.

Отчего у тебя печальное лицо? Отчего ты не весел? Откройся мне. Зачем ты молчишь? Ведь ты знаешь, как я люблю тебя. Ты причиняешь мне боль.

Дантес. У меня сплин. Вот уж третий день метель. Мне кажется, что если бы я прожил сто лет в этой стране, я не привык бы к этому климату. Летит снег. Все белое.

Геккерен. Ты хандришь? Ай, это дурно! Мой мужественный мальчик! Хандра не идет к тебе.

Дантес. Ужасная, белая, тяжелая, жестокая страна!

Геккерен. А я привык. Я привык за эти четырнадцать лет. Я научился не смотреть в окно. Когда мне становится скучно, я ухожу сюда, запираюсь, любуюсь моими сокровищами. Послушай, какая музыка. *(Пускает музыкальный ящик в ход.)*

Дантес. Мне скучно, отец!

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем? Как в замке!

Дантес. Ты знаешь, что я не мог не жениться.

Геккерен. Твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в дом вошла женщина, я стал беспокоен, я потерял свой угол. Я потерял тебя. Мне некуда деваться. Я ухожу сюда, но меня ничто уже не радует. Она внесла в дом шум и улицу. Я ненавижу женщин.

Дантес. Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Я ненавижу их за то, что ты их любишь. Ты терзаешь меня. Из любви к тебе, только из любви к тебе я сам же старался помочь тебе. Ты неблагодарный, ты растоптал покой!

Дантес *(глядя в окно)*. Это несносно! Смотри, совсем исчезло небо и все смешалось. Ужасный климат! Летом — душное болото...

Геккерен. Нет ни одного дня, чтобы я теперь не ждал беды. Из-за тебя. Ты идешь как будто в пропасть. Что ты находишь хорошего в них? Нет, я слишком глуп! Другой давно бы отвернулся от тебя!

Дантес. Ты знаешь, она не выходит у меня из головы! Отец, помоги мне!

Геккерен. Что ты задумал?

Дантес. Я хочу увезти ее в Париж.

Геккерен. О, Боже! Ты подумал ли, что ты говоришь! Как это сделать! Ну, хорошо, даже если бы тебе удалось похитить ее, — твоя карьера, вся твоя жизнь! А обо мне подумал ты? Все это погибнет! Нет, ты жестокий человек! Я не хочу слушать твои слова. Мы еле избавились от беды в ноябре. Нет, ты хочешь убить меня и ты меня убьешь!

Стук.

Да. Да.

Входит слуга.

Слуга. Письмо вашему сиятельству. (*Подает письмо. Выходит.*)

Геккерен *(вскрывая письмо)*. Ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

Геккерен читает письмо, бледнеет, роняет письмо.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе! Читай!

Дантес *(читает. [Лицо его искажается злобой])*.

Пауза.

[Негодяй!] Так, так, так...

Геккерен. Как смеет он!.. Мне!.. Мне!.. Он забывает, кто я! Я уничтожу его! Как он мог забыться! Мне!.. *(Закрывает лицо руками.)* Беда! Беда. Вот пришла беда. Все это погибнет! *(Дантесу.)* Что ты сделал со мной?! Что ты сделал со мной?!

Дантес. В чем ты можешь упрекнуть меня?

Геккерен. Это бешеная собака! Ты отдал меня, Жорж, в руки бретера!

Дантес. Как можешь ты говорить мне это?! Это бездарный плебей!.. Черномазая обезьяна!.. Этот жалкий писака осмелился сделать это! Я не виноват.

Геккерен. Не лги мне! Здесь нас никто не слышит! Ты проник в его очаг, ты разрушил его очаг! И

этим ты разрушил мой! Ты злой, ужасный человек! Какую роль ты заставил меня играть? Ах, мой сын, ах, мой сын, мы погибли!

Дантес. Мне надоело слушать эти причитания! Молчи! Этот город я ненавижу, потому что в нем есть эта фигура! Он слишком много писал! И поверь мне, это его последнее письмо!

Геккерен. Ты, ты напал на него! Ах, я не могу вспомнить это гнусное лицо с оскаленными зубами!..

Дантес. Я люблю его жену!

Геккерен. Ах, Боже, не повторяй этого! *(Берет письмо, перечитывает. Лицо его искажается.)* Что же мне теперь делать? Вызвать его? Но как я гляну в лицо королю? Да, даже если бы, если бы каким-то чудом мне удалось убить его, разве это решит дело? Я обесчещу тебя! Скажут, что у тебя не хватило храбрости!

Дантес *(вырвав письмо из рук Геккерена)*. Молчи! Тебе не придется отвечать! И я, я!..

Дверь открывается, и в ней появляется старик Строганов, весь в черном, в темных очках и с палкой. Слуга вводит Строганова под руку и тотчас скрывается.

Строганов. Вы, надеюсь, простите меня, дорогой барон, за то, что я опаздываю к обеду, как я чувствую. Но посмотрите в окно. Я не был уверен в том, что кучер вообще доставит меня к вам.

Геккерен. Граф, во всякий час, во всякую минуту вы для меня желанный гость. *(Обнимает Строганова, усаживает его в кресло.)*

Дантес подходит к Строганову.
Слепой Строганов, нащупав руку Дантеса, рукой жмет ее.

Строганов. Это молодой барон Геккерен? А-а, узнаю вашу руку. Но она совершенно ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен *(в дверь)*. Никого не принимать! *(Закрывает дверь.)* Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам вашим советом. *(Берет письмо.)* Сейчас я по-

лучил ужасное письмо от человека, который ненавидит Жоржа и меня.

Строганов. Мне трудно подать вам совет, не читая письма, дорогой барон.

Геккерен. Я заранее прошу у вас извинения за те гнусности, которые мне придется прочесть вам.

Дантес вздрагивает, отходит к окну.

Но перед сим; злокозненные слухи, распространенные врагами моего сына, явились причиною мерзкой выходки. Письмо написано господином Пушкиным. Слепой ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену, и вот он ищет столкновения. Это ужасная личность! Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне! Он пишет...

Дантес. Я против того, чтобы оглашать эту гнусность!

Геккерен. Ах, нет, нет, Жорж! Ты не смеешь вмешиваться в это! Письмо адресовано мне, граф — мой друг

Строганов. [Какой это Пушкин? Не тот ли...] Какой именно из Пушкиных пишет письмо? Александр?

Геккерен. Да, он.

Строганов. Племянница моя была красавицей Сейчас я не могу, к сожалению, судить о том, хороша ли она. Итак, дорогой барон...

Геккерен *(читает)*. «...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...» Дальше он пишет о том, что Жорж болен сифилисом Он осыпает его площадной бранью и угрожает... Словом, это ужасно! Граф, я безгранично верю вам, вам известно мое уважение. Скажите, граф, что нам делать теперь? Я должен вызвать его?

Строганов. О, нет.

Геккерен. Он лжет и клевещет! Жорж не подавал повода, и тем не менее он второй раз бросается на нас, как ядовитая собака!

Строганов. Теперь это не имеет значения, подавал ли ему повод барон Дантес или не подавал. Вам

надобно, барон, тотчас же написать ему письмо о том, что барон Жорж Геккерен вызывает его, а вы предуведомите его, что вы, посланник короля, сумеете внушить ему уважение к вашему знанию. А вы *(в сторону Дантеса)* должны написать на этом письме, что вы его и читали, и одобряете.

Геккерен. Так будет.

Дантес *(во внезапной ярости схватывает со стены пистолет).* Я убью этого негодяя! *(Стреляет в картину, швыряет пистолет и уходит из комнаты.)*

Строганов. Собираясь к вам на обед, дорогой барон, и не знал, что это будет такой шумный обед... Я отвык...

Геккерен. Я умоляю, простите! Оцените всю тяжесть оскорбления, которое он получил.

Темно

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ДУЭЛЬ

[Замерзший] ручей в сугробах.
Через ручей — горбатый пешеходный мостик.
Сторожка.
Рядом со сторожкой сарай.
Зимний закат. Багровое солнце. Слышна вдали балалайка и веселая пьяненькая песня. Потом послышался свист полозьев, топот лошадей.
На мостике появляется Геккерен, озирается, вынимает из кармана подзорную трубу. Прикладывает трубу к глазам, смотрит, вздрагивает, испуганно озирается.
Опять топот.
Геккерен оглядывается и прячется за сарай.
Потом послышался женский смех, мужской голос. На мостик поднимаются Воронцова и Воронцов Воронцов тяжело дышит в тяжелой шубе

Воронцов. Охота пуще неволи! Дальше не пойду, хоть убей меня, Сашенька, не пойду.

Воронцова. Дальше и нет надобности. *(Поворачивает Воронцова к солнцу.)* Смотри! О, как красиво!

Воронцов. Очень красиво, только поедем, Сашенька, домой.

Воронцова. Какое солнце! Да гляди уж ты, если я тебя привезла!

Воронцов. Душенька, я не люблю солнца.

Воронцова. Снег играет, смотри.

Воронцов. Он мне вот в сапоги набился. Чьи это сани, интересно знать? Вот еще подъехали. Ах, обезьянство!

Воронцова. От этой песни волнение в сердце! И песня, и солнце!..

Воронцов. Пьяные мужички, душенька. Поедем домой. Признаюсь тебе, я озяб, долго ли простудиться.

Воронцова. Ах, какой ты скучный!

Воронцов. Нет, что? Ну, полюбовались, и честь пора знать. Вот еще какие-то чудаки на поляне.

Воронцова удивленно вглядывается. Воронцов также.
[На мосту появляются Дантес в шинели и в фуражке. За ним — д'Аршиак в шубе.]

Вот что, едем, матушка, домой.

Воронцов. Постой! Погоди... (Вглядывается) Это он!

Воронцов. Кто он?

Воронцова. Пушкин. Ты посмотри! Иван, бежим туда, останови их! Я знаю, это дуэль!

Воронцов *(схватив ее за руку)*. Ты что, ошалела, матушка? Едем домой, я тебе говорю!

Воронцова. Я знала, знала, его убьют! Там Дантес! Пусти руку, мне больно!

Воронцов. Опомнись! Кучера смотрят!

Воронцова. Там Пушкин! Я знала, что это будет! Знала!

Воронцов. Одумайся! Как ты можешь это остановить? Уходи отсюда! Едем! Зачем я поехал?

Воронцова. Я тебя презираю!

Воронцов. В какое положение ты меня ставишь? Дура! Девчонка! Уходи отсюда!

Воронцова. Останови! Его убьют!

Воронцов. Опомнись, ведь это же смешно! Это нельзя остановить!

Воронцова. В город... Предупредить... послать... Боже мой, я не знаю, что делать!

Воронцов увлекает Воронцову.
Геккерен тотчас выскакивает из-за сарая, прикладывает трубу к глазам, смотрит.
На мосту показывается слегка выпивший сторож, напевает, идет к сторожке.
Потом останавливается, смотрит вдаль.

Сторож. Чего это они делают?

Солнце садится. Начинает темнеть. Очень негромко вдали щелкнул выстрел.

(Всматривается.) Батюшки! Что ж это офицеры делают? Батюшки мои! Господи! Ну их!.. *(Скрывается в сторожку.)*

Геккерен входит на мост. Смотрит вдаль. Закрывает глаза рукою. Послышался второй выстрел.

Геккерен вцепляется рукой в перила мостика, потом схватывается за сердце. Потом медленными шагами идет к краю мостика, вглядываясь [вдаль]. Потом отшатывается.
На мост всходит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится по снегу. Сюртук залит кровью. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана платком. Дантес бледен. Геккерен бросается к нему, судорожно хватается за карманы, вытаскивает носовой платок, вытирает пот со лба Дантеса.

Геккерен. Небо! Небо!.. Благодарю тебя!.. *(Бормочет, крестится.)* Обопрись о мое плечо!

Дантес. Нет... *(Прислоняется к перилам, отплевывается кровью.)*

Геккерен *(кричит с моста)*. Сани! *(Подхватывает под руки Дантеса. Тихо.)* Он убит?

Дантес. Почем я знаю? Он без памяти.

Геккерен. О, Боже, все погибло! Ах, Жорж, Жорж!..

В этот момент на мосту появляется быстро Данзас.

Данзас *(козыряет Геккерену)*. Это ваши сани?

Геккерен. Да, да, да..

Данзас. Ваши сани просторнее. Вам придется их уступить другому противнику.

Геккерен. Mais...

Дантес. Да, да!

Данзас *(кричит с мостика)*. Кучер! Эй, ты, ты, в широких санях! Объезжай низом! Низом! Там есть дорога! Жердь эту сними! Что ты глаза вытаращил, дурак! Говорю тебе, низом поезжай! *(Убегает с мостика.)*

Геккерен *(ведя Дантеса)*. Грудь, грудь цела?

Дантес. Цела.

Геккерен *(тихо)*. А тот?

Дантес. Он больше не напишет [письма]

Уходят.

Темно.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

День. У кабинетного камина в кресле Никита в очках. Читает по тетрадке.

Никита. На свете счастья нет... Да, нету у нас счастья... Вот горькая участь, нету. Но есть покой и воля... Покой! Вот уж нету чего, так нету... По ночам не спим, какой же это покой. *(Читает.)* Давно, усталый раб, замыслил я побег... Вот тебе раз! Куды побег? Вот уж не было беды!.. Замыслил я побег... Что же это он замыслил? *(Читает.)* Давно, усталый раб, замыслил я побег... Не разберу...

Битков *(входит с сумкой)*. В обитель дальнюю трудов и чистых нег!.. Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь? Здравствуй, Степан Ильич.

Битков. Я вчера в Шепелевском дворце был у

господина Жуковского. Трубу подзорную чинил. Читали стихи твоего барина...

Никита. А... ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят. Ко мне обратились. Правда, говорят, глубоко?

Никита. А ты что?

Битков. Так точно, говорю, глубоко...

Никита. Глубоко-то оно глубоко... *(Кладет тетрадь на камин.)*

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с [полковником] Данзасом. Надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? А чего ж его еще до сих пор нету?

Никита. А тебе-то что? Понадобился он что ль тебе?

Битков. Да ты верно знаешь, что на горы?

Никита. Может, к Дюме заехали... Да что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Чудно ей-богу. К обеду он тебя что ль звал?

Битков. Я полагаю, камердинер все знать должен.

Никита. Где работать сегодня будешь?

Битков. Кабинет.

Никита. Посмотри хорошенько. А то после того как ты последний раз в столовой починил, кабинетные как их кто заколдовал. Час показывают — тринадцать раз бьют...

Битков. Посмотрим, всю механику в порядок поставим... *(Идет в кабинет.)*

Колокольчик.

Никита. Вот, наверное, и он... *(Ворошит угли в камине.)*

Жуковский. Здорово, Никита!

Никита. Ваше превосходительство! Бог радость послал! Пожалуйте...

Жуковский. Он дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. И детишки с нянькой...

Жуковский. Нету? Да что ж это такое? А? Я тебя спрашиваю.

Никита. Да они будут сейчас, ваше превосходительство, будут...

Жуковский. Я тебя спрашиваю, что это такое?

Александра. Бесценный друг! Здравствуйте!

Жуковский. Здравствуйте, милая Александра Николаевна! Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Александра. Что вас взволновало, Василий Андреевич, дорогой. Садитесь... Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma sante est gatee par les attaques de nerfs! [1] И все из-за него.

Александра. Что такое?

Жуковский. Да помилуйте. Ведь условились же! Сам назначил мне час, я откладываю дела, скачу сюда сломя голову, и он, изволите ли видеть, кататься уехал.

Александра. Ну простите, милый друг. Я за него прошу... Ну я вас поцелую...

Жуковский. Не хочу я никаких поцелуев. Простите, забылся... Я человек злой... Отрекаюсь! Отрекаюсь! На веки веков! Из чего я хлопочу? Из чего? Только что-нибудь состряпаешь, только наладишь, тотчас же испакостит! Поглупел он, что ли? Драть его надобно, драть!

Александра. А что такое?

Жуковский. А то, что царь гневается, вот что-с...

Битков показывается у камина в кабинете.

Извольте-с. Позавчера на бале государь... и что скажешь... ну что скажешь? Сгорел со стыда... Двор, корпус... не угодно ли-с... стоит у колонны во фраке и в черных портках! Простите, Александра Николаевна! Никита...

---

[1] Мое здоровье пошатнулось нервными приступами! *(фр.)*

Битков скрывается в глубине кабинета.
Входит Никита.

Ты что барину подал позавчера на бал?

Никита. Фрак-с.

Жуковский. Мундир надо было подать. Мундир!

Никита. Они велели... Не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит! Твое дело. Бал — мундир. Ступай.

Никита. Ах ты, горе... *(Уходит.)*

Жуковский. Скандал! Не любит государь фраков. Государь фраков не выносит. Да он права не имеет. Непристойно, неприлично. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя! Государь огорчен! Смотрите, Александра Николаевна, Наталии Николаевне скажите... Оттолкнет от себя государя — потом не поправишь!

Александра. Бесценный, лучший, прекрасный, драгоценный друг. *(Целует Жуковского.)*

Жуковский. Да что вы меня все целуете! Я не нянька! Вредишь? Вреди, вреди! Себе вредишь! А насчет сегодняшнего извольте передать, что это... ну, словом...

Александра. Все, все передам... Останьтесь, подождите... Он сейчас придет. [Он все это исправит.]

Жуковский. Видеть не хочу! Да мне и некогда... Мне к цесаревичу в половину шестого.

Александра. Смените гнев на милость. Он исправится.

Жуковский. En cette dernière chose je ne compte guère! Au revoir...[1] *(Проходит, видит книгу.)*

В кабинете играют часы.

Этого я еще не видел...

Александра. Сегодня из типографии прислали.

Жуковский *(вертит в руках книгу)*. Хорошо... Смирдин знает дело...

---

[1] В этом последнем случае я не иду в счет! До свидания... *(фр.)*

Александра. Я уж гадала по [этой книге] ней...

Жуковский. По книге? Погадайте мне...

Александра. Какая страница?

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Александра. Строчка?

Жуковский. Пятнадцатая.

Битков выходит из кабинета [скромно] кланяется Жуковскому.

А, ты здесь?

Александра. Познал я глаз иных желаний, познал я новую печаль. Для первых нет мне упований...

Битков *(шепотом)*. ...А старой мне печали жаль. *(Укрывается в столовой.)*

Жуковский. А?..

Александра. А старой мне печали жаль!

Жуковский. Ах, ах... Ведь черпает мысль внутри себя, как легко находит материальное слово, соответственное мысленному... Сечь, сечь. Крылат! Крылат.

Из передней стук... Неясные голоса. Битков в кабинете, проходит в глубь его.

Александра. Нет, вы мне...

Жуковский. Страница?

Александра. Сто тридцать девятая.

Жуковский. Строка?

Александра. Тоже пятнадцатая.

Жуковский. Что-то не то...

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага,
Приятно зреть, как он упрямо —
Склонив бодливые рога...

Наталия в дверях.

Не попали... Приятнее... приятнее...
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстояньи.

А, простите, Наталия Николаевна, шумим, стихи читаем...

Наталия. Добрый день, Василий Андреевич. Читайте на здоровье. Я никогда не слушаю стихов.

Жуковский. Хоть бы мне-то не говорили, Наталия Николаевна!

Наталия. Кроме ваших! Votre ballade m'a fait un plaisir infini et j'ai reluc à toutes les personnes qui sont venues me voir...

Жуковский. Не слушаю, не слушаю!

Часы бьют.

Батюшки! Цесаревич. Au revoir, chère madame, je m'apercois un peu tard que je suis trop bavard!

Наталия. Обедайте с нами.

Жуковский. Покорнейше благодарю. Не могу... *(Александрине.)* Au revoir, mademoiselle... Извольте сказать ему... *(Скрывается.)*

Наталья. Никита!..[1]

Александрина. Какая я несчастная!

Стучат в дверь.

Наталья. Кто там?

Никита *(входит)*. Полковник Данзас просит вас принять.

Наталья *(шепотом)*. Откажи. Не могу принять.

Данзас *(в шинели)*. Простите, вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича, он легко ранен.

Пауза.

(Никите.) Ну, что стоишь?

---

[1] Далее в рукописи пропуск и авторская помета: «См. тетрадь 1 стр. 115». Однако в 1 тетради есть лишь обозначение в начале листа: «Концовка сцены перед Данзасом (7-я картина)». Текст этой сцены здесь так и не был написан, он появляется лишь в следующей редакции пьесы. В этой сцене после ухода Жуковского происходит разговор между Натальей Николаевной Пушкиной и Александрой Гончаровой, который прерывается внезапным появлением Данзаса. Реплика Александрины — завершение задуманной сцены, обозначенной Булгаковым в рукописи как <...>.

Никита. Владычица небесная!

Данзас. Ты что стоишь? Иди, помогай вносить его. Осторожно, смотрите!

Никита выбегает в дверь в столовую.

Велите дать огня.

Наталья сидит неподвижно, смотрит.

Александра. Огня, огня!

В ту же секунду из двери в столовую показывается с канделябром в руке Битков.

Данзас. Ты кто такой?

Битков. Я часовой мастер.

Данзас *(вырывает у него канделябр из рук, кричит)*. Беги, помогай вносить! Осторожно!

Битков убегает.

В дверях, ведущих из внутренних комнат, появляется девушка со свечой.

Данзас с канделябром устремляется в дверь кабинета, успевает закрыть одну половину двери.

Наталья *(кричит)*. Пушкин!

Данзас. Тише!

Со стороны передней шаги, негромкие голоса. Данзас поднимает канделябр.

Александрина у камина молча берется за сердце. Видно, как в кабинете [появляется] кто то с канделябром, проходит в глубь кабинета. Вслед за ним мелькнули еще какие то лица, кого-то [несут] пронесли.

Наталья *(устремляется к двери кабинета)*. Пушкин, что с тобой?

Данзас *(преграждая ей дорогу)*. Non, madame, n'entrez pas! [1] Он не велел входить к нему. Прошу вас не волноваться, прошу вас! *(Закрывает дверь.)*

Наталья. Пустите меня!

Александра. Не входи

---

[1] Нет сударыня, не входите! *(фр.)*

Данзас. Идите к себе. Я вам приказываю, идите к себе.

Александра устремляется к двери.
Данзас отстраняет ее.

Александра. Дантес?

Данзас. Да, он дрался с ним на дуэли.

Александра *(Наталье)*. Ты!.. Ты!..

Наталья *(в исступлении падает на колени перед Данзасом, целует ему руки)*. Я не виновата! Не виновата!

Данзас *(девушке и Александрине)*. Ведите ее к себе! Ведите ее к себе, говорю вам! *(Наталье.)* Не кричите! Не кричите!

Девушка и Александрина подхватывают под руки Наталью и увлекают ее за сцену.
В то же время послышалась за окнам военная веселая музыка.
Данзас ставит канделябр на камин.
Из дверей кабинета появляется Битков.

(*Выхватив деньги из кармана, подает ему деньги.)* Бери первого извозчика, не торгуйся, лети, первого доктора, какого встретишь, сюда!..

Послышался дверной колокольчик, еще какие-то голоса.

Понял? Доктора посылай сюда, сам не возвращайся! Лети! Лети к доктору Соломону Христиану Христиановичу и его сюда! И доктора Арендта, знаешь?..

Битков. Знаю, знаю, ваше высокоблагородие! Понял! *(подбегает к окну.)* Ах ты, Господи! Гвардия идет! Я кругом! Я проходным двором! *(Выбегает.)*

Данзас хочет войти в дверь кабинета.
В то же время из дверей в столовую выбегает Воронцова в шубе и в капоре.

Воронцова. Как же вы не предупредили?! Вы не имели права! Что с ним, говорите!

Данзас *(холодно)*. Он ранен смертельно.

Темно.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гостиная Пушкина. Вечер. Гостиная ярко освещена. Зеркала завешаны белым.

Диван сдвинут с места. Стоит какой-то ящик, возле чего валяется солома.

На фортепиано несколько склянок с лекарствами.

Все двери, ведущие в гостиную, закрыты.

На диване, в сюртуке, не раздеваясь, спит Данзас.

С улицы иногда доносится шум голосов. Иногда глухо слышно монотонное чтение где-то за дверями, ведущими в столовую. Дверь из кабинета тихонько открывается, и выходит Жуковский В руках у него свеча, черный сургуч и печать. Жуковский ставит свечу на камин, пододвигает кресло к дверям кабинета, потом прислушивается к тому, что происходит на улице, подходит к окну, глядит в него.

Жуковский. Ай-яй-яй, что делается!

Данзас *(спросонок)*. А? *(Садится.)* Мне приснилось, что я на гауптвахте. Сон в руку, надо полагать.

Жуковский. Константин Карлович, я буду просить государя.

Данзас. Тут проси не проси, закон известен. Вынесут — пожалуйте! А впрочем, и то сказать, на гауптвахте, говорят, сейчас уютно. По крайней мере, высплюсь.

Жуковский. Вы извольте посмотреть, что на улице делается?

Данзас. Я уж насмотрелся.

Дверь во внутренние комнаты открывается, и выходит Наталья, а за ней горничная девушка.

Девушка. Барыня, извольте идти к себе! Барыня, нечего вам тут...

Наталья *(девушке)*. Уйди!

Девушка уходит.

Какие глупости! Il vivra![1] Я вам говорю, что он будет жив! Рана не опасная. И тотчас же, тотчас же на Полотняный Завод.

---

[1] Он будет жить! *(фр.)*

Данзас. Вот, не угодно ли?

Жуковский. Наталья Николаевна, опомнитесь!

Наталья. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага, приятно зреть, как он упрямо, упрямо... упрямо... склонив... склонив... склонив... забыла... Приятно дерзкой эпиграммой... *(Вскрикивает.)* Пушкин! Вели, чтоб меня пустили к тебе! *(Жуковскому.)* Вы лжете! Дать ему еще опия! И тотчас же пройдет. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... А Александрина злодейка!

Жуковский. Наталья Николаевна! *(Наливает воду из графина.)*

Данзас *(приоткрыв дверь в столовую, тихо)*. Доктор!.. Доктор!..

Выходит Арендт.

(Тихо.) Вот, ваше превосходительство, извольте видеть...

Арендт. Сударыня, сударыня, нечего вам здесь делать! Пожалуйте!.. *(Капает в рюмку лекарство, подносит Наталье.)* Выпейте.

Наталья отбрасывает рюмку.

Так делать не годится, сударыня, пойдемте-ка!

Наталья *(Арендту)*. Вы — низкий человек! Какого-то шарлатана, акушера позвали!.. Как вы могли это допустить?

Арендт *(увлекает из комнаты Наталью)*. Идемте, идемте, сударыня...

Наталья. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Забыла... все забыла...

Наталья и Арендт уходят.

Жуковский. Заклюют ее теперь, заклюют.

Данзас. Заклюют. Да было ли, не было...

Жуковский разводит руками.

Данзас. Не велел!.. То вызвал бы его! Только бы из-под суда уйти!

Жуковский. Константин Карлович, не множьте горя, что вы говорите?! Вы — христианин!

Тотчас за дверями, ведущими в столовую, послышался возглас священника, а затем мягко запел хор.

Жуковский перекрестился.

За внутренними дверями послышалось, как вскрикнула Наталья.

Господи, Господи!..

Данзас поправил смятые эполеты, махнул рукой и пошел в дверь в столовую. Когда он открывал и закрывал дверь, яснее послышался хор: «...К тихому пристанищу твоему притек вопию Ти...»

Потом глухо.

Выбежал Арендт, схватил какую-то склянку с фортепиано и с ней ушел во внутренние комнаты.

Из внутренних дверей выходит Александра и устремляется к двери в столовую.

Жуковский преграждает ей дорогу.

Александра Николаевна, послушайтесь голоса благоразумия, не ходите туда. Ни к чему это!

Александра *(уткнувшись в плечо Жуковскому, тихо плачет)*. Ma vie est finie! [1] Погибли мы, Василий Андреевич! Погибла и я... Нету мне больше жизни! Удавлюсь я, Василий Андреевич! Я без него жить не могу!.. О, злодейка, злодейка! За что ты его от меня отняла!

Жуковский. Ну что вы, Александра Николаевна, услышит кто-нибудь, молчите!

Александра. Что мне? Ужли вы думаете?!.. Ах!..

Послышалось вскрикивание Натальи.

А, мучительница!

Жуковский. Александра Николаевна! О Христе-то хоть вспомните! Что вы говорите?! Ее люди загрызут, а вы еще! Помогите ей, она вас послушает. Не подда-

[1] Моя жизнь кончена! *(фр.)*

вайтесь голосу злобы, это темный голос, Александра Николаевна!

Александра. Не пойду я, Василий Андреевич, не могу я ее видеть!

Жуковский *(обняв Александру, ведет ее к дверям, и та выходит во внутренние комнаты. Жуковский закрывает за ней дверь, прислушивается к тому, как поет хор, садится в кресло).* Земля и пепел!.. *(Что-то соображает, потом вынимает карандаш, берет листик бумаги, записывает.)* ...Не горел вдохновения... не сиял острый ум... В этот миг предстало как будто какое видень... Что-то сбывалось над ним... И спросить мне хотелось: что видишь?..

Дверь во внутренние комнаты открывается, и входит Дубельт.

Дубельт. Мое почтение, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Да, несчастье какое! Василий Андреевич, вы запечатать собираетесь?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить минуту, я войду в кабинет, а затем мы приложим печать Корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно возложить на меня опечатание и разбор бумаг покойного. Я не понимаю...

Дубельт. Как же, как же, мне известно.

Жуковский. Но в таком случае зачем же печать корпуса?

Дубельт. А разве вам не приятно, Василий Андреевич, если печать корпуса будет стоять рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте! Но... среди бумаг покойного письма посторонних лиц... наконец, бумаги, которые могут повредить памяти покойного... Я должен их уничтожить, а письма возвратить тем, кои писали их.

Дубельт. Но не иначе как после прочтения их графом Бенкендорфом.

Жуковский. Как?! Государь император... Я доложу...

Дубельт. Вы полагаете, Василий Андреевич, что я могу действовать вопреки желанию правительства? Ах, Василий Андреевич!

Жуковский. Повинуюсь, повинуюсь.

Дубельт *(берет свечу, входит в кабинет. Через некоторое время оттуда возвращается. Берет сургуч, начинает запечатывать дверь, предлагает сургуч Жуковскому.)* Прошу вас.

Жуковский прикладывает печать.
С улицы донесся звон разбитого фонаря, глухие крики.
Жуковский вздрагивает.

(Негромко.) Эй!

Портьера внутренних дверей отодвигается, и входит Битков.

Ты кто такой?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Друг, узнай, что там на улице случилось. Да, горе, горе какое!.. *(Прикладывает печать, после чего отходит к окну, начинает смотреть в окно.)*

Жуковский. Я никак не ожидал такого стечения народа!

Пауза.

В соборе будет, наверно, еще больше толпа.

Дубельт. Я надеюсь, что в соборе никого не будет. Тело покойного будет направлено в Конюшенную церковь.

Жуковский. Как, генерал?.. Но ведь пригласительные билеты!..

Входит Битков.

Битков. Там, ваше превосходительство, двое каких-то стали кричать, что лекаря нарочно залечили господина Пушкина. Ну, один кирпичом швырнул, фонарь разбил.

Дубельт. Ах, народ какой!

Битков скрывается. Послышался усилившийся хор.

(Прислушался, потом у внутренних дверей негромко.) Пожалуйте, господа!

В ту же минуту из внутренних дверей один за другим появляются десять жандармских офицеров в шинелях. Жуковский поражен.

Господа, прошу вас. Вынос. Ротмистр Раксев, вас попрошу остаться здесь при вдове [покойного]. Она страдает... Благоволите принять меры к утешению ее и к тому, чтобы надлежащая помощь была ей оказана лекарями своевременно. Прошу брать гроб, господа!

Раксев идет во внутренние комнаты, а офицеры выходят в двери столовой.
Жуковский двинулся туда же.

Василий Андреевич! А вы?..

Жуковский. Я хочу нести гроб.

Дубельт. Граф Александр Христофорович просил оказать ему любезность: останьтесь при вдове. Страдалица нуждается в утешении. Вы же были близки покойному... Что касается гроба, то поверьте, Василий Андреевич, не стоит. Уличные ротозеи могут потеснить, а офицеры примут все меры к тому, чтобы было соблюдено надлежащее уважение к телу...

Жуковский. Повинуюсь, повинуюсь. *(Перекрестившись, уходит во внутренние комнаты.)*

Дубельт поправляет эполеты и, перекрестившись у дверей в столовую, уходит в них.

Темно.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

[Окна квартиры Пушкина, выходящие на Мойку. Сквозь прозрачные занавески свет бесчисленных свечей. Домовая арка, возле нее уличный фонарь.]

Показывается набережная Мойки перед квартирой Пушкина.

Вечер. Уличный фонарь. Перед зрителем медленно начинают плыть окна пушкинской квартиры, потом останавливаются.

На набережной появляются Кукольник и Бенедиктов.

Кукольник. За мной, Владимир.

Бенедиктов. Ох, не задавили бы нас!

Кукольник. Следуй за мной!

Тотчас показывается конный жандарм, лошадь под ним танцует. Вслед за конным жандармом появляется квартальный.

Квартальный *(Кукольнику)*. Виноват, господин!.. Нельзя-с... Вы куда?

Кукольник. Почему вы преграждаете нам путь? Мы ко гробу господина Пушкина.

Бенедиктов. Поклониться праху.

Квартальный. Извините, не могу... Прошу повернуть. Доступа нет больше. Извольте посмотреть, что делается!

Показывается плохо одетый человек. Квартальный обращается к нему.

Куда ты прешь? Назад!

Плохо одетый человек ловко проскальзывает мимо жандармской лошади и скрывается.

Ах, вот народ!

Бросается за плохо одетым человеком. Жандарм наезжает на Кукольника.

Жандарм. Назад, назад, господин! Не приказано!

Бенедиктов. Нестор, идем назад.

Кукольник. Но позвольте...

Жандарм, не слушая, отъезжает.

Ну, что ж, нельзя так нельзя. Попрощаемся и тут. Сними шапку, Владимир!

Бенедиктов. Голова озябнет.

Кукольник *(сняв шапку)*. Прощай, Александр! Ты был моим злейшим врагом! Сколько обид, сколько незаслуженных оскорблений!.. За что?.. Был у тебя порок — зависть! Однако в сию минуту я забываю все это!.. *(Обращается к окнам)* И, как русский, душевно скорблю об утрате! Кланяюсь твоему праху! Прощай, Александр!

Бенедиктов снимает шляпу, крестится.
Выбегает студент.

Студент *(Кукольнику)*. Верно ли, что умер?..

Кукольник *(торжественно)*. Прах!

Дом начинает медленно плыть. Появляются окна квартиры, сквозь тонкие занавесы виден свет свечей.
Домовая арка. Толпа народа гудит. В толпе встревоженный квартальный, конный жандарм. Полицейские сдерживают напор толпы, стараются не пропустить в арку.

Полицейский. Не велено! Не велено! Назад!

Возгласы в толпе:
— Да позвольте!.. Я в этом доме проживаю!..
— Позвольте пройти!..
— Голландец застрелил!..
— Ничего не голландец, кавалергард!
— Что врать-то? Француз!
— Наших, стало быть, иностранцы почем зря могут бить!
— Я жаловаться буду: — квартирую я в этом доме!
Хорошо одетый человек, стиснут толпой

Хорошо одетый. Pardon, messieurs, pardon!.. Виноват! А!

Квартальный. Извините, господин, нельзя!

Хорошо одетый *(ломаным языком)*. Я посланник Франции. *(Распахивает шубу, показывает ордена.)*

Квартальный. Пропусти его превосходительство! Господа, осадите!

Полицейские оттесняют толпу, пропускают посланника в арку.

Студент. Это что такое?! Почему нам нельзя? Почему иностранцев пропускаете?! Погиб национальный поэт!

Возгласы в толпе: Они ухлопали, их и пущают?
Внезапно из толпы выделяется фигура в студенческой [одежде] форме. Человек этот без шапки.

Человек. Тише!

Толпа несколько стихает.

Тише! Не тревожьте прах поэта! *(Проворно вынимает из кармана бумажку)* Слушайте! *(Уцепившись одной рукой за фонарь, читает при свете его по бумажке.)*

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид.

Толпа стихает совсем. Квартальные от удивления застыли.

Восстал он против мнений света, Один, как прежде, и убит!

Квартальный *(отчаянно)*. Господин, что это вы делаете?!

Крик в толпе: «Шапки долой!»

Человек. ...Убит. К чему теперь рыданья.
Похвал и слез ненужный хор?
И жалкий...

В толпе засвистели полицейские.

Квартальный. Иваненко! Снимай его!
Человек. Не вы ль сперва так долго гнали...

Свист.
Возгласы в толпе: «Убили! Слушайте!..»

Человек. ...Угас, как светоч, дивный гений!

Из подворотни выбегает жандармский офицер.

Офицер. Эге-ге! Арестовать!

Выбегают трое жандармов. Толпа шарахается в сторону.

Человек. Руки прочь!

...Его убийца хладнокровно
Навел удар. Спасенья нет!..

Жандармы протискиваются к фонарю, берут человека, вырывают у него бумажку.

Офицер. Тесните толпу!

Человек с фонаря исчезает вместе с жандармами. Из подворотни выбегают жандармы, начинают теснить толпу. Пространство очищается, кругом стихает. Потом из дверей, выходящих в подворотню, показываются чинно жандармские офицеры, и послышалось стройное, приятное пение «Святый Боже...»
Подворотня наполняется светом, показались первые свечки. Темно.

(КАРТИНА ДЕСЯТАЯ)

Помещение глухой почтовой станции. Огонь в русской печке, лавка, стол, фонарь, свеча.
За окном — вьюга.
Жена смотрителя припала к окошку, что-то рассматривает. За окошком мелькнул свет фонарей, глухо послышались голоса.
Дверь раскрывается, первым входит смотритель в шинелишке, с фонарем в руках, кланяется, пропускает вперед себя Ракеева. Тот — в шинели, запорошен снегом видимо, сильно иззяб.
Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого?

Ракеев *(всматривается)*. Это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Ракеев. Так... Через два часа дашь лошадей. Под мой возок тройку, и под... (*указывает коротким жестом в окно*) пару! (*Трет у огня руки.*)

Смотритель. Тройку-то ведь ваш...

Ракеев. Слышал, что я сказал? Через два часа дашь лошадей!

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев (*раздельно*). Никому не болтать, понял? Чтобы ни одна душа не знала?

Смотритель. Слушаю, ваше высокоблагородие...

Ракеев (*смотрительше*). А ты, матушка, смотри, язык держи на привязи. Да нечего смотреть на улицу, ничего там любопытного нет. На улицу тебе незачем выходить!

Смотритель. Незачем, незачем... Ты у меня смотри! (*Ракееву.*) Чайку, ваше высокоблагородие, не прикажете ли?

Ракеев. Нет. Я на час прилягу. Ровно через час... Часы-то есть у тебя? Через час меня разбудишь? Если будет какой-нибудь проезжий, буди раньше. И жандарму дашь знать.

Смотритель. Понял. Слушаю. Пожалуйте на чистую половину.

Ракеев уходит, закрывает за собой дверь. Лишь только Ракеев скрылся, смотритель грозит пальцем жене. Та подбегает.

Смотрительша. Кого, кого?..

Смотритель. Молчи ты, дура! И ежели на улицу выглянешь!.. Беду с тобой наживешь! Вот оказия навязалась? Нужно же было им по этому тракту! (*Жене.*) Выглянешь — я тебе вожжой?.. Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего мне выглядывать? Чего я там не видела?

Смотритель уходит.

Смотрительша в ту же минуту бросается к окну, дышит на стекло, всматривается. Потом крадучись идет к наружной двери, хочет выйти. Навстречу ей входит замерзший жандарм.

Жандарм Пономарев. Лег?

Смотрительша. Лег.

Жандарм. Давай скорей на двугривенник! Кости замерзли!

Смотрительша бросается в угол, достает штоф, наливает стаканчик водки.

Пономарев торопливо выпивает, закусывает хлебом, прислушивается.

Заснул. Давай второй! *(Выпивает.)*

Смотрительша. Вы что ж так... Вы б обогрелись...

Пономарев. Обогреешься тут!

Смотрительша. Куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя! Ты все равно как Ева! Вот отдерут тебя когда-нибудь! Не посмотрят, что смотрительша! *(Уходит.)*

Смотрительша быстро накидывает платок, бросается к дверям. Из них выходит Битков. Уши у него под шапкой повязаны платком.

Битков *(стонет)*. Заснул? Ох! *(Подходит к огню.)*

Смотрительша. Зазябли?

Битков. Да ты в окно посмотри, что спрашиваешь?.. (*Садится на лавку, кряхтит, разматывает платок.)* Ты — смотрительша? То-то, я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Арина Никитишна.

Битков. Давай, Никитишна, штоф.

Смотрительша подает штоф, хлеб. Битков жадно выпивает стаканчик.

Что ж это такое?.. Мать пресвятая Богородица!.. Двадцать две версты!.. Вот связала!

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба! *(Выпивает второй стаканчик, согревается, пьянеет.)* Ведь это рыбий мех, а?.. *(Выпивает третий стакан.)*

Смотрительша. Вот разрази меня на месте гром, вот никому ни словечечка не скажу! Скажите, кого везете, а?

Битков. Не спрашивай. Государственное дело.

Смотрительша. Так и думала. Ведь это что ж?.. И нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете!

Битков. Ему не холодно. Ему теперь тепло. *(На цыпочках подходит к двери.)* Захрапел. Ведь это зря опять. Ведь сейчас будить. *(Возвращается, выпивает.)* Пошло, пошло, вот оно...

Смотрительша. Куда везете-то?

Битков. Но-но-но-но! У меня выпытывать!.. Это, тетка, не твое дело! Это наше занятие. *(Пауза.)* В Святые Горы... Как его закопаем — сейчас же и мою душу на покаяние... Ныне отпущаеши раба твоего, владыко!.. Ах, сколько я стихов переучил!.. Могу стихами говорить!.. Не веришь?..

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, вполовину говорите!

Битков. Каждого человека я насквозь вижу, и еще под землей вижу, и по твоему лицу вижу, что тебя отдерут. Вот вспомни мое слово!..

Смотрительша. Но-но-но... А чего это вы — стихи говорите?

Битков. Да, стихи писал... Из-за этих стихов никому покоя, ни ему, ни начальству, ни мне, рабу Божиему Лариону Биткову! Год за ним всюду! Умора! Не везло! Как ни напишет — мимо попал! Не те, не такие!

Смотрительша. Да неужто казнили за это?

Битков. Ну, ну, ну!.. Ты смотри, дура! А впрочем, может быть, ты и не дура... Но Битков на него зла не питает. Человек как человек!.. Одна беда — стихи! Я с ним всюду... На извозчик — я за ним прыг!.. *(Пьянеет.)*

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер, чего же это вы за ним? Теперь-то чего же?

Битков. Хе? Помер?.. Померсть-то помер, а вон видишь!.. *(Указывает на дверь.)* Видела? Ночью! Буря! А мы по восемьдесят верст? Вот тебе и помер! Я и то опасаюсь, будет ли толк — закопаем его — опять, может быть, спокойствия не будет.

Смотрительша *(жадно)*. Да может быть, оборотень?

Битков. Может, и оборотень. Кто его знает! И чего это меня мозжит, а?.. Налей-ка мне еще! Что-то сосет! Да, нехорошо умирал... Ох, мучился... Пулю-то он ему в живот засадил...

Смотрительша. Ай-яй-яй!..

Битков. Да!.. Так руки закусывал!.. Так и помер!.. А на Мойку мне теперь не ходить... Квартира теперь там пустая...

Смотрительша. А это старичок-то с вами?

Битков. Камердинер его.

Смотрительша. Что же он не обогреется-то?

Битков. Не желает. Так и караулит. Я ему вынесу.

Смотрительша. Да вы-то сами чиновник будете?

Битков. Эх... Нет, тетка Никитишна, мы поважнее будем чиновников! *(Встает)* Ой, буря! Ой, буря! Самые лучшие стихи написал:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя!

Слышишь? Верно — как дитя?

То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашуршит....

Штоф сколько?

Смотрительша. Цена известная.

Битков *(швыряет деньги широким жестом)* То, как путник запоздалый, вдруг...

Двери распахиваются, вбегает смотритель, за ним жандарм Смотритель стучит кулаками в дверь

Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать!

Мгновенно в дверях показывается Ракеев.

Ракеев *(кричит)*. Ехать!

Занавес

Конец

27.III.35

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пьеса в четырех действиях

1 Вариант

И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...

Действуют

Пушкина
Гончарова
Воронцова-Дашкова
Салтыкова
Смотрительша
Девушка
Битков
Никита
Дантес
Шишкин
Бенедиктов
Кукольник
Долгоруков
Богомазов
Салтыков
Николай I
Жуковский
Геккерен
Дубельт
Бенкендорф
Ракеев
Пономарев
Строганов
Воронцов-Дашков
Данзас
Арендт
Студент
Станционный смотритель
Тургенев
Филат
Агафон

Преображенец 1
Преображенец 2
Негр
Камер-юнкер
Звездоносец
Гость
Павел Максимович
Слуга
Сторож
Квартальный
Конный жандарм
Посол
Жандармы
Офицеры
Жандармы
Полицейские
Толпа

Действие происходит в конце января и начале февраля 1837 года

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Пушкина.

Горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов.
В открытую в кабинет дверь виден камин, в котором тлеют угли часть книжных полок.
Слабый огонь в камине в гостиной.
Гончарова сидит за фортепиано, а Битков с инструментами стоит у часов и чинит их.
Часы под руками Биткова то бьют, то играют.
Гончарова тихо наигрывает на фортепиано и напевает.
За окном слышна вьюга.

Гончарова *(напевает)*. ...И печальна и темна. Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет как дитя...

Битков. Какая чудная песня. Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту... На мосту иду, господи! Крутит, вертит!.. И в глаза, и в уши...

Пауза.

Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко! Воет в трубе, истинный бог, как дитя! Прекрасное сочинение.

Послышался дверной колокольчик.
Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просит принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могут.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?

Гончарова. Oh, mon Dieu![1] Ах ты, Боже мой! Вспомнила!.. Проси сюда.

Никита. Слушаю. *(Идет к дверям.)* Ах, неволя... Ах, разорение... *(Уходит.)*

Пауза.

Шишкин *(входя)*. Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке Алексей Петрович Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погодка-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь?.. А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, чрезвычайно рад нашему знакомству!

Гончарова. Prenez place, sil vous plait, monsier[2].

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель[3]. Покорнейше благодарю. *(Садится.)* Погодка-то говорю, а?

Гончарова. Да, метель,

---

[1] О, Боже мой! *(фр.)*

[2] Прошу вас, присаживайтесь, сударь. *(фр.)*

[3] Parlez russe, mademoiselle. — говорите по-русски, сударыня. *(фр.)*

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача! Ведь это что же, никак не застанешь!

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю... Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчугу и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной тысяч, как одна копеечка!

Гончарова. А вы не могли бы еще немного потерпеть?

Шишкин С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надо? А у меня сыновья в Черноморском флоте. Поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другой бы давно продал. Персиянина упустить боюсь.

Слышатся тяжелые вздохи.
Никита показывается в дверях.
Гончарова с досадой машет ему рукой, Никита скрывается.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро, может быть, вы посмотрели бы...

Шишкин. Прошу прощенья, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Но, помилуйте, как же нам без вещей-то остаться? Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну, что же, извольте. *(Идет вслед за Гончаровой.)* Квартирка славная какая! Что плотите?

Гончарова Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато! *(Уходит с Гончаровой в дверь, ведущую во внутренние комнаты.)*

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепиано, переворачивает и рассматривает ноты, затем подбегает к двери кабинета, заглядывает в него, поколебавшись, входит. Освещая свечой полки, читает названия книг, затем, перекрестившись, уходит в вглубь кабинета и скрывается за стеной гостиной. Через некоторое время возвращается в гостиную на свое место к часам. Выходит Гончарова, за ней Шишкин — с узелком в руках.

Гончарова. Я передам, передам.

Шишкин. Векселек мы завтра же перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота, в доме Борщова, в заду на дворе маленькие оконца, да они знают. Оревуар, мадемуазель.

Гончарова Au revoir, monsieur. Никита, проводи!

Шишкин уходит.

Битков *(закрывает часы, кладет инструменты в сумку)*. Готово, барышня, живут. А и кабинете... я завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Гончарова сидится у камина, протягивает руки к огню. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова Ну, что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна! Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же-то выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мною?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Аптекарю, каретнику. Первого Карадыкину за бюро платить надо? А заемные письма! Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем и деревню. Не будет здесь добра, вот вспомните мое слово! Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое! И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали и бессонница.

Гончарова Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают — пойди, старый хрыч, в болото! И без тебя голова вихрем идет.

Гончарова Ну, Наталье Николаевне скажи.

Пауза.

Никита. Не буду я говорить Наталье Николаевне, не поедет она.

Пауза

А без Натальи Николаевны? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор! И удобство!

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита, вздохнув, уходит.
Гончарова, посидев еще немного у камина, уходит в дверь во внутренние комнаты.
Слышится дверной колокольчик.

Потом в кабинет, который в полумраке, входит не через дверь в гостиную, а из передней Никита, проходит в глубь кабинета, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек.
В кабинете изменилось освещение — в глубине, в той части кабинета, которая не видна, зажгли свет.

Никита. *(глухо, в глубине кабинета).* Слушаю-с, хорошо. *(Выходит в гостиную и говорит у дверей, ведущих во внутренние комнаты.)* Александра Николаевна! Они больные приехали, малины *(просят)* заварить.

Гончарова *(за сценой).* Ага, хорошо, сейчас.

Никита возвращается и скрывается в глубине кабинета.

(Гончарова проходит через гостиную с чашкой в руке в кабинет. Стукнув в дверь кабинета.) On entre? *(Входит в кабинет, скрывается в глубине его.)*

Никита показывается в той части кабинета, которая видна, у камина, шевелит в нем угли.

(Голос Гончаровой глухо в кабинете.) Alexandre, êtes-vous indisposé?[1] Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? *(Выходит из кабинета, проходя мимо Никиты, говорит ему.)* Раздевай барина. *(Отходит к камину в гостиной, ждет.)*

Никита входит в кабинет, а через некоторое время Никита уходит через дверь в переднюю, закрыв ее за собой.

(Тогда Гончарова возвращается в глубь кабинета. Слова ее слышны глухо.) Все благополучно, нет, нет...

Дверной колокольчик.
Никита появляется в гостиной с письмом в руках.
Сейчас же Гончарова выбегает к нему навстречу из кабинета.

Никита. Письмо Александ...

Гончарова *(сделав страшные глаза, грозит Никите и вырывает у него письмо, говорит громко).* Ага, хорошо, от портнихи... Скажи, что буду завтра в два часа. Ну, что ты стал? Ступай. *(Тихо.)* Тебе сказано — не подавать писем?

---

[1] Александр вам нездоровится? *(фр.)*

Никита, вздохнув, выходит.

(Гончарова возвращается в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Бог с вами, Александр, говорю же, от портнихи... Право, я пошлю за лекарем. Ну, хорошо, хорошо... Дайте я вас перекрещу. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет.

(Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой, подходит к камину, вскрывает письмо, читает, прячет в карман.) Кто эти негодяи? Опять, Боже праведный! *(Пауза.)* В деревню надо ехать, он прав.

Послышался дверной колокольчик, потом где-то голос Никиты, и из дверей, ведущих из гостиной в столовую, появляется Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепиано. Лицо ее ослепляющей красоты.
Пушкина близоруко щурится, видит Гончарову у камина.

Пушкина. Ты одна? Не спишь? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной и заснул, просил его не беспокоить.

Пушкина. Ах, бедный! Да не мудрено, какая буря, господи! Нас засекло снегом!

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес.

Гончарова Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Oh, mon Dieu! Азя, это смешно! Ну кому какое дело, что beur frere[1] меня проводил?

Гончарова вынимает письмо, подает Пушкиной.

(Пушкина читает. Шепотом.) Он не видел?

Гончарова. Бог спас, Никита хотел подать.

Пушкина. Ах, старый дурак! *(Бросает письмо в*

[1] Свояк. *(фр.)*

камин.) Гнусные люди! Ты знаешь, какая мысль меня осенила? Это она сама же и делает!

Гончарова *(указывая на камин).* Это тебе не поможет. Это сгорит, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Азя, я не могу отвечать за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же мне ты говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну, хорошо, и сознаюсь, я виделась с ним у нее. Но это вышло нечаянно, я не знала, что он придет туда.

Гончарова. Наши дела поистине ужасны. Все бесят, долги покою не дают. Уедем в деревню.

Пушкина. Бежать? Из Петербурга? Прятанья в деревне? От кого? Из-за того, что какая-то свора низких людей... презренный аноним... Он подумает, что я точно виновата. А между нами ничего нет. И с какой стати? Покинуть Петербург? Я не хочу сойти с ума в деревне! Благодарю покорно!

Гончарова. Но неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутаны!

Пушкина. Ну, уж в этом я не виновата. Конечно, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства. Муж должен заботиться об этом.

Гончарова. Нет, я не могу с тобой разговаривать, я не понимаю тебя.

Пушкина. Ложись спать, Азя.

Гончарова Прощай. *(Уходит.)*

Пушкина некоторое время у камина, потом переходит к окну, смотрит в него, улыбается, очевидно что-то вспоминая.

Фонарь с улицы бросает на нее отсвет.

В это время из дверей, ведущих в столовую, бесшумно появляется и останавливается в дверях человек. Он в шлеме, на котором поблескивает орел, в тяжелой шинели, запорошен снегом, с палашом, в перчатках с раструбом. Он держит женские перчатки. Человек в шлеме очень красив.

Пушкина поворачивается, видит вошедшего.

Пушкина *(шепотом).* Как вы осмелились? Как вы

проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам.

Дантес *(говорит с сильным акцентом, иногда коверкая слова)*. Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. *(Кладет перчатки на фортепиано, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)*

Пушкина *(шепотом)*. Вы сознаете ли опасность, которой вы меня подвергли? Он за дверьми. *(Подбегает к двери кабинета, бесшумно поворачивает ключ, [закрывает портьерой дверь].)* На что вы рассчитывали, когда входили? А если бы в гостиной был он? Ведь это же смерть!

Дантес. Chaque inseant de la vie est un pas vers la mort [1]. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел...

Пушкина. Он не потерпит, он убьет меня.

Дантес. Из всех африканцев сей, полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя, он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах. Что будет со мною?

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и отвезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Я заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас. Не заклинайте меня.

Пушкина. Уйдите.

Дантес. Ах, нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня. А между тем есть величайшей важности дело, которое вам надлежит выслушать. *(Пауза)* Там... Да? ...иные страны. Скажите мне только одно слово — да, и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы? Месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Ваши по-

---

[1] Каждое мгновение моей жизни это шаг к смерти. *(фр.)*

ступки не делают вам чести, барон. Ох, нет... не делают... Грех вам... Вы и преступны, вы и безумны!

Дантес. Я женился на ней из-за вас. Да, я совершил преступление. Бежим!

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. О, жестокая мука. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

Зачем, зачем вы появились на нашем пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна, ни днем покою...

Часы бьют полночь.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии, нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра на балу у Воронцовой, после котильона, подойдите ко мне.

Дантес прикладывает руку к шлему, поворачивается и уходит.

(Крестится, прислушивается.) Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что не скажет. О, горькая отрава... *(Подбегает к окну гостиной, смотрит в него, еще раз крестится, потом подбегает к двери кабинета, прикладывает ухо, слушает, поворачивает ключ, отдергивает портьеру, задувает свечи и выходит через дверь, ведущую во внутренние комнаты.)*

Через некоторое время ручка в дверях кабинета поворачивается, возникает полоска света, дверь приоткрывается, полоска света расширяется.

Потом тьма...

...Зимний день.

Столовая в квартире Салтыкова. Рядом библиотека с массою книг. Из библиотеки открыта дверь, в которую видна часть гостиной. В столовой накрыт завтрак. Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего поэта отечественного, Владимира Григорьевича Бенедиктова. Истинный светоч и талант!

Бенедиктов *(скромный человек в вицмундире)*. Ах, Нестор Васильевич!

Кукольник. Господа офицеры, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество.

Преображенцы, сыновья Салтыкова, улыбаются.

Салтыкова. Enchantée de vous voir...[1] Очень рада вас видеть. Сергей Васильевич очень, очень любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым к руке Салтыковой подходит князь Долгоруков.

Очень рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

Из дверей гостиной через библиотеку в столовую проходит Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна! *(Подходит к руке Салтыковой.)* А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить Очень, очень рада, господа.

Богомазов *(Долгорукову)*. Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов *(Кукольнику)*. Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Истинное наслаждение! Позвольте поздравить вас и облобызать! Публики — яблоку негде упасть! Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник *(тихо, Бенедиктову)*. Ну, брат, насмотришься сейчас! Оригинал!

Филат открывает широко дверь, и появляется Салтыков. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с громадным фолиантом под мышкой. Входит в комнату, сильно стуча тростью, ни на кого не глядя, подходит к Филату, у которого в руках поднос.

---

[1] Рада вас видеть! *(фр.)*

Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Кукольник дергает Бенедиктова, подмигивает ему. Долгоруков и Богомазов смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова.

Филат наливает чарочку водки.

Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается.

Преображенцы улыбаются.

Салтыков *(сам себе)*. Да-с! Секундус парс! Секундус! *(Смеется сатанинском смехом и уходит.)*

Бенедиктов, побледнев, смотрит на Кукольника.

Кукольник. Это он называет своим инкогнито...

Салтыкова. Mon mari...

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться! Знаем, знаем! На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит этот язык в устах поэта!

Салтыкова *(Бенедиктову)*. Мой муж — страшнейший чудак... Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемоний.

В столовую входит Салтыков. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом.

Все обращают к нему оживленные лица. Богомазов кланяется.

Салтыков *(поднимает палец)*. А-а-а-а! Очень рад! *(Стучит пальцем по фолианту.)* Сикундус парс! Секундус! Преднамеренная опечатка. Корпус юрис романи [1]. Эльзевир! *(Преображенцам.)* Здравствуйте, сыновья!

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте поглядеть, Сергей Васильевич!

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Serge!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. *(Ставит книгу на камин. Обращается к Салтыковой.)* Ежели ты только ее тронешь!

---

[1] Corpus Juris Romani! — Свод римского права! *(Лат.)*

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу.

Гости подходят, пьют и закусывают.

Салтыкова. Прошу за стол.

Усаживаются.
Филат подает блюдо.

Салтыков *(глядя на руку Кукольника)*. Вас можно поздравить?

Кукольник. Да-с, государь император пожаловал за пьесу мою «Рука Всевышнего...»

Долгоруков. Вас наградила.

Салтыков. Неважный перстенек!

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее... Филат. Что это на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю-с.

Салтыков. Да, вспоминается мне... в бытность мою молодым человеком, император Павел пожаловал мне звезду Андрея Первозванного, усеянную алмазами необыкновенной величины...

Преображенцы косятся на Салтыкова.

...а такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова. Serge, что ты говоришь?

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь, я ее прячу от всех. Тридцать семь лет, вместе с табакеркой.

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры. *(Постучав по перстню Кукольни-*

ка.) Сейчас видел... проехал. Le grand bourgeois. В саночках. Кучер Антип.

Богомазов. Это вы хотите сказать, государь император?

Салтыков. Да, он.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет, Антип кучер.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда же, что и с лошадью?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Это происшествие было позже, в царствование императора Александра. *(Бенедиктову.)* Поэзией изволите заниматься?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в третьем отделении отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности, какие ты неприятности рассказываешь!

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. *(Салтыковой.)* И тебя тоже могут отодрать.

Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно, я тоже слышал. Только это было лет семнадцать назад.

Салтыков. Нет, я сейчас слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю, что такое? Говорят, Пушкина, барин, дерут.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни!

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть-чуть не отодрали. Император Александр хотел мою лошадь купить за тридцать пять тысяч рублей, а я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. *(Бенедиктову.)* Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф зет, полка тринадцатая, номер сто тридцатый. Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич! *(Бенедиктову.)* Прочитай «Звездочку». Преображенцы, вы любите поэзию, просите его!

Преображенцы улыбаются..

Салтыкова. Прочитайте. Право, это так приятно после этих мрачных рассказов, как кого-то отодрали.

Бенедиктов *(сконфужен. Встает)*. Право, я...

Салтыков. Филат, перестань громыхать блюдом.

Бенедиктов *(декламирует)*.

Путеводною звездою
Над пучиной бытия
Ты сияешь предо мною,
Дева светлая моя!

Салтыкова. Как хорошо!

Бенедиктов.

Перед чернию земною
Для чего твой блеск открыт?
Я поставлю пред тобою
Вдохновенья верный щит.
Да язвительные люди
Не дохнут чумой страстей
На кристалл прозрачный груди,
На эмаль твоих очей!

Преображенцы, перемигнувшись, выпивают.

Нет, сияешь ты беспечно
И не клонишься ко мне.
О, сияй, сияй же вечно
В недоступной выщине!
Будь звездою неземною,
Непорочностью светись
И, катясь передо мною
В чуждый мир не закатись!

Кукольник. Браво! Браво! Каков! Преображенцы, аплодируйте!

Богомазов. Прелестная пиэса! [Позвольте мне списать ее.]

Салтыкова. Как поэтично, как трогательно пишете!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат. *(Салтыковой).* К вам графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова.

Салтыкова. Проси в гостиную. *(Вставая.)* Простите, господа, я покину вас. Может быть, угодно курить, прошу. *(Проходит через библиотеку, скрывается в гостиной.)*

Кукольник *(Салтыкову).* Истинного поэта драть не за что, Сергей Васильевич! Преображенцы, наполните ваши бокалы!

Преображенцы охотно наполняют бокалы.

Здоровье первого поэта отечества! Ура!

Богомазов *(пьет).* Фора! Фора!

Салтыков встает, за ним встают гости. Салтыков идет в библиотеку, усаживается там на диване, за ним следуют другие.
Филат проносит в библиотеку шампанское, раздает трубки.

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич, первый!

Салтыков. Агафон!

Агафон появляется.

Агафон! Из второй комнаты, шкаф зет, полка тринадцатая, переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина переставь в тот шкаф. *(Бенедиктову.)* Первые у меня в этом шкафу. *(Агафону.)* Не вздумай уронить на пол.

Агафон. Слушаю-с, Сергей Васильевич. *(Уходит.)*

Бенедиктов подавлен.

Долгоруков. А как же, господин Кукольник, все утверждают, что первым является Пушкин?

Кукольник. Химеры!

Агафон появляется с двумя томиками, влезает на стремянку у шкафа.

Салтыков. Извините, вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там!

Агафон остается на стремянке с томами в руках.

Кукольник. Он ничего не пишет!

Долгоруков *(хихикая, вынимает из кармана листок)*. Как же вы говорите не пишет? Вот недавно мне дали списочек с последнего его стихотворения.

Богомазов, Бенедиктов, Кукольник рассматривают листок. Преображенцы выпивают.

Кукольник. Боже мой! Боже мой! И это пишет русский! Преображенцы, не подходите к этому листку!

Богомазов. Ай-яй-яй... *(Долгорукову.)* Дозвольте мне списать. Люблю, грешник, вольную литературу.

Долгоруков. Пожалуйста.

Богомазов *(берет листок, усаживается к столу)*. Только, князь, тссс... никому! *(Берет перо, пишет.)*

Кукольник. Ежели сия поэзия пользуется признанием современников, то слушай, Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Беги от них! Уйди в тот мир, где до сих пор звучат терцины божественного Алигиери! О, divina commedia![1] Протяни руку великому Франческо! Его канцоны навевают на тебя вдохновение! Пиши по-итальянски, Владимир!

Салтыков. Агафон! В итальянском шкафу есть у нас место?

Агафон. Так точно, Сергей Васильевич.

Богомазов. Браво, браво, Нестор Васильевич!

Бенедиктов. Зачем же ты так кипятишься, Нестор?..

Кукольник. Я не могу слушать несправедливости! Вся душа у меня горит! А этот злосчастный Пушкин! Да, у него было дарование! Неглубокое, поверхностное, но было дарование! Но он его растратил, разменял, он угасил свой малый светильник! Преображенцы, дайте мне вина! Он высох, исчерпался, исписался до дна! Он бесплоден, как смоковница, и ничего не напишет, кроме вот таких позорных строк! И притом какая самонадеянность! Надменный тон, резкость в суж-

[1] О, божественная комедия! *(итал.)*

дениях. Все, что не им выдумано, — мерзость, дрянь... О, мишурный талант! Жалок, жалок ваш Пушкин!

Богомазов. Браво, браво! Трибун!

Кукольник. О, злосчастный Пушкин! Да разве тебя можно поставить рядом с чистым певцом! Я пью здоровье первого поэта отечества Бенедиктова!

Воронцова-Дашкова *(бесшумно появляется на пороге библиотеки).* Все, что вы сказали сейчас, неправда.

Бенедиктов бледнеет.

Ваш Бенедиктов очень плохой поэт.

Богомазов замирает.

Я думала, что Пушкина травят только в свете. Ну, да, он чужой. Но вы, вы занимаетесь литературой, и мне кажется, я слышала, как черная зависть говорит вашими устами.

Кукольник. Позвольте, графиня!

Преображенцы стоят, вытянувшись.
Долгоруков от счастья хихикает, завалившись за спину Богомазова.

Салтыкова *(появляется в дверях).* Графиня, позвольте вам представить Нестора Васильевича Кукольника и поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Долгоруков от счастья давится.

Преображенцы, переглянувшись, выходят в столовую и, обменявшись многозначительным взором, исчезают из нее.

Воронцова-Дашкова. Ах, боже мой, простите меня великодушно, я увлеклась... простите... Милая Александра Сергеевна, я убегаю... я убегаю... *(Скрывается в гостиной.)*

Салтыкова скрывается вслед за ней. Бенедиктов с искаженным лицом выходит в столовую. Кукольник за ним.

Бенедиктов. Зачем ты меня повез на этот завтрак?! Я сидел тихо дома... А все ты! И вечно ты!

Кукольник. Жалкий свет! Терпи, Владимир!

Салтыков. Агафон? Снимай обоих, и Пушкина и Бенедиктова! В ту комнату!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Троекратный грохот труб. Он прекращается. Идет занавес. Ночь. Дворец Воронцовых-Дашковых. Зимний сад. Лампы в зелени. Фонтан. В зелени, между прозрачными сетками порхают встревоженные птицы. В глубине колоннада. За ней видна гостиная. В гостиной мелькают то гости в бальном одеянии, то ливрейные лакеи. Слышен издали стон бального оркестра, шорох толпы. У входа в зимний сад у колонны стоит — неподвижен — негр в тюрбане и в блестящем одеянии.

В самой чаще, в зеленой нише, укрывшись от взоров света, сидит за столиком на диванчике Долгоруков в бальном наряде. Перед Долгоруковым бутылка шампанского на столике и миндаль. Долгоруков подслушивает разговор в зимнем саду.

Там, где просторнее, недалеко от колоннады, у стола, на котором шампанское, на диване сидит лицом к зрителю, поражая своей красотой, Пушкина. Повернувшись спиной к зрителю, перед Пушкиной сидит в лейб-казачьей парадной форме Николай I.

Николай I. Когда я слышу, как плещет фонтан и как шуршат в чаще птицы, о, сколь безумно я страдаю!

Пушкина. Но отчего же?

Николай I. Ежели кто-нибудь знал бы, как напоминает мне волшебный сад подлинную природу, и тихое журчанье ключей, и сень дубрав. О, ежели б можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и выйти на луга, в уединение лесов, в мирные долины и пить неотравленный чистый воздух. Лишь там, наедине с землею, может вздохнуть хоть раз измученное сердце!

Пушкина. Вы утомлены.

Николай I. Никто не знает этого и никогда не поймет, какое грустное бремя я должен нести один для всех.

Пушкина. Зачем вы хотите огорчить меня? Нет,

нет, я понимаю вас. Поверьте, что печаль охватывает меня.

Николай I *(положив руку на руку Пушкиной)*. Вы искренни? О, да, разве могут такие глаза лгать? Ваши слова я слушаю с чувством искреннего счастья. Вы одна нашли их для меня.

Долгоруков, сияя, припадает к стенке беседки.

Я вас искренно люблю как очень добрую женщину. И только одно страшит меня, когда я гляжу на нас.

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите.

Пушкина. Я благодарна вам. Я хочу верить вашему искреннему участию.

Николай I. О, верьте мне. Сердце мое открыто. Я говорю с душою чистою. *(Гладит руку Пушкиной.)* Скажите, почему у вас всегда закрыты шторы?

Пушкина. Я не люблю дневного света. Зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I *(понизив голос)*. Каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня на набережную, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновенье мелькнет в окне лицо...

Пушкина *(отдернув руку)*. Не говорите так.

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня.

Из гостиной выходит в зимний сад камер-юнкер, подходит к Николаю I.

Камер-юнкер. [Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она изволит отбыть с великой княгиней Марией через десять минут.

Николай I встает. Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается за колоннадой.

Николай I. Вы недавно в вашей должности?

Камер-юнкер. Третий месяц, ваше величество.

Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И когда я разговариваю, меня нельзя перебивать. Вы болван!] [1]

Камер-юнкер улыбается счастливой улыбкой.
Долгоруков наслаждается в беседке, пьет шампанское.

Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского.

Камер-юнкер. Слушаю, ваше императорское величество. *(Уходит.)*

Николай I некоторое время один у колонны. Смотрит вдаль тяжелым взором.

Жуковский *(при звезде и ленте, входит торопливо и кланяется)*. Вашему императорскому величеству угодно было...

Николай I. Василий Андреевич, скажи, я плохо вижу отсюда, кто этот черный стоит там у колонны?

Жуковский всматривается. Крайне подавлен. Вздыхает.

Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично?

Жуковский вздыхает. Крайне подавлен.

В чем он? Может быть, ты со своим даром слова суме-

---

[1] Поверх вычерков рукой Булгакова сделан набросок сцены: «Из гостиной выходит в зимний сад камер-юнкер, подходит к [Николаю I].

Камер-юнкер. Великая княжна Мария желает танцевать с вами, господин посол...

Николай I встает. Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается за колоннадой.

Николай I *(берет за руку камер-юнкера, подводит к послу)*. Ея императорское высочество, государыня великая княжна Мария Николаевна желает сделать вам, господин посол, честь протанцевать с вами. *(Камер-юнкеру.)* Болван!

Посол. Votre Majeste Imperiale... *(Выходит, поклонившись.)*»

В окончательную редакцию эта сцена не вошла.

ешь объяснить ему всю бессмысленность его поведения? Может, он собирался вместе с другими либералистами в Convention Nationale? И по ошибке попал на бал? Или он полагает, что сделает слишком большую честь нам, ежели наденет мундир? Скажи ему, что я силой никого не держу. Ты что же молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, умоляю вас, не карайте его.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич. Не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого никогда не караю. Карает закон.

Жуковский. В сердце вашего величества, я знаю, найдется место для первого поэта... Простите заблуждение в память Карамзина, которого он призван сменить, для славы отечества.

Николай I. Знаю твою доброту и скромность тоже. Карамзин! Сравнил! Первый поэт — ты, и отечество знает это.

Жуковский. Осмелюсь сказать, ваше величество, — покорил, победил! Я приемлю на себя смелость сказать о нем: ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уголь сажей не замараешь... Не верю. В нем сердца нет.

Жуковский *(изменившись в лице)*. Ваше величество...

Николай I. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. Я уезжаю. *(Выходит.)*

Негр тотчас снимается с места, идет вслед за Николаем I. Жуковский тоже выходит. Выходя, смотрит вдаль с яростным лицом, кому-то грозит кулаком украдкой.

Из за колоннады появляются Воронцова-Дашкова и Воронцов-Дашков. Улыбаясь, кланяются Николаю I.

Воронцова-Дашкова. Votre Majesté Imperiale...[1]

Воронцов Votre Majesté Imperiale...

---

[1] Ваше императорское величество... *(фр.)*

Оба скрываются вместе с Николаем I.

Вдали загремела музыка. Гостиная опустела.

В зимний сад, но не со стороны гостиной, а сбоку, входит, оглядываясь, Богомазов, в мундире и в орденах, и устремляется в чашу.

Долгоруков *(тихо)*. Стоп. Место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Вы, как видно, отшельник. Изволите этим из любви к чистому искусству заниматься?

Долгоруков. А вы? Тоже из любви к чистому?..

Богомазов. Я случайно.

Долгоруков. Присаживайтесь. Что-что, а шампанское хорошее.

Выпивают.

Богомазов. Бал-то каков, а? Семирамида! Любите, князь, балы?

Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь.

Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите...

Долгоруков. Я вам не Петенька!

Богомазов. Ну-ну, князенька, вы недавно пеленки пачкали, а я государю своему статский советник. Уж больно у вас язык остер!

Долгоруков. Я вынужден просить вас не выражаться столь тривиально!

Богомазов. На балу цвет аристократии.

Долгоруков. На балу здесь аристократов счетом пять человек, а несомненный из них [только] один я.

Богомазов. Одначе! Любопытен был бы я знать, это как же?

Долгоруков. А так, что я по прямой от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного.

Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы увидеть, что вы от святого происходите. *(Указывает сквозь чащу.)* Видали, прошел? Это кто, по вашему? Граф Иван Кириллович?

Долгоруков. Он самый. Купил чин гофмейстера, заплатил двадцать тысяч рублей серебром Жеребцовой, любовнице старика Волконского. [Холуй. *(Выпивает.)*]

Богомазов. Так, так. А вон это? Ведь это князь Григорий?

Долгоруков. Нет, это брат его, Ипполит. Известная скотина.

Богомазов. Ой, смотрите, князь, услышат вас когда-нибудь, нехорошо будет...

Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу. Дикость монгольская, подлость византийская, только что штаны европейские. Дворня, холопия! Трудно решить, кто из них гаже!

Богомазов. Ну, конечно, где же им до святого мученика Петеньки!

Долгоруков. Вы не извольте острить.

Выпивают.

(Шепотом.) Сам был.

Богомазов. Его величество?

Долгоруков. Он.

Богомазов. С кем разговаривал?

Долгоруков. С арабской женой. Что было! Поздно изволили пожаловать.

Богомазов. А что?

Долгоруков. Руку гладил.

Выпивают.

Будет скоро наш поэт украшен. *(Кривляется, приставляет рожки к затылку.)*

Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина, а? Ну, по дружбе?

Долгоруков. Презираю. *[Плебей. А лезет.]* Смешно. Рогоносец. Умора! Здесь тет-а-тет, а он стоит у колонны, во фрачишке каком-то канальском, волосы всклокоченные, а глаза, как у волка! Дорого ему этот фрак обойдется!

Богомазов. [Слушок ходил такой, князь Петр, что будто на вас он эпиграмму написал?]

Долгоруков. [Плюю на бездарные вирши.] Тссс, тише!

В зимний сад входит Геккерен в мундире, в иностранных и русских орденах; садится.

Через некоторое время показывается Пушкина, входит в сад.

Геккерен *(вставая навстречу Пушкиной)*. Я следил за вами, как вы проходили, и понял, почему вас называют северной Психеей. О, как вы цветете! Как пленяете всех! Dieu aussi a essayé de faire des ouvrages; sa prose cest lhomme, sa puésie cest la fémme [1].

Пушкина. Ах, барон, барон!

Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?

Пушкина. О, нет, я очень рада. *(Присаживается, беспокойно оглядывается, как будто ищет кого-то.)*

Пауза.

Геккерен. Он сейчас придет.

Пушкина. Я не понимаю вас, о ком вы говорите?

Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно? Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота! *(Шепотом.)* Верните мне сына. Смотрите, что вы сделали с ним! Он любит вас.

Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.

Геккерен. Нет, нет, не уходите. Он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами.

И колоннаде показывается Дантес. Входит в зимний сад. Геккерен отходит несколько в сторону. Богомазов и Долгоруков, зашипев друг на друга, проваливаются в чашу.

---

[1] Бог однажды тоже пробовал перо, его проза — это мужчина, его поэзия — это женщина. *(фр.)*

Дантес *(Пушкиной).* Я видел, как вы с ним разговаривали. Ваша рука была в его руке?

Пушкина *(шепотом).* Ради бога, что вы делаете? Не говорите с таким лицом, на нас смотрят из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке. У меня могущественный соперник... Какое черное вероломство... Коварство.

Пушкина *(шепотом).* Я приду, приду. Двадцать седьмого в три часа. Отойдите от меня, ради всего святого!

Из колоннады выходит Гончарова.
Вдали грянула музыка.

Гончарова. Мы собираемся уезжать... Александр тебя ищет.

Пушкина. Да, да... *(Геккерену.)* Au revoir, monsieur le baron.

Геккерен. Au revoir, madam. Au revoir, mademoiselle.

Дантес кланяется.
Пушкина и Гончарова уходят в колоннаду.
В гостиной мелькнула Воронцова-Дашкова. Видно было, как некоторые подходили к ней, кланяясь.
Музыка гремит все победоносней.

(Дантесу.) Запомни все жертвы, которые я принес тебе. *(Уходит с Дантесом.)*

Пустеет гостиная. Начинает стихать вдали. Музыка внезапно обрывается громовым аккордом. Стихает вдали шум толпы.

Долгоруков. Люблю балы, люблю!

Богомазов. Что говорить!

Пьют.

В зимний сад, не со стороны колоннады, выходит Воронцова-Дашкова. Она, по-видимому, очень устала и не хочет этого скрывать. Обмахивается веером, садится на скамейку

Долгоруков. Хорош посланник, ах хорош! Видали, какие дела делаются!

Богомазов. Петя, смотрите!..

Воронцова-Дашкова удивленно слушает. Богомазов и Долгоруков ее не видят.

Долгоруков *(кривляясь)*. Будет Пушкин рогат как в короне! Сзади царские рога, а спереди Дантесовы. Ай да любящий приемный отец!

Воронцова-Дашкова бесшумно встает, скрывается в чаще, слушает.

Богомазов. Ай люто ненавидите вы его князь! Впрочем, кажется, вы всех ненавидите! Ну, князь, мне, никому — клянусь!.. друг до гроба!.. [Вы] послали ему пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Или гагаринская работа? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь роют два месяца, не могут понять, кто! Лихо сделано! Стиль хорош! Ну, князь, прямо, — [вы]?

Долгоруков. [Я. Будет он помнить свои эпиграммы!] [1]

Богомазов. Будет, будет. Ну, до свиданья, князь, а то огни тушить будут.

Долгоруков. До свиданья.

Богомазов. Только, Петя, на прощанье говорю дружески, ой придержите язык! *(Скрывается.)*

Долгоруков пьет, потом выходит из беседки, собираясь уходить.

Воронцова-Дашкова. Князь?

Долгоруков оборачивается, улыбается, кланяется

[Как понравился вам вечер?] Почему вы одни, вы не скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, [ваш вечер ослепителен. Это можно видеть только во сне.] возможно ли скучать в вашем доме. Упоительный бал.

Воронцова-Дашкова. А мне взгрустнулось как-то.

---

[1] Далее следует: «Откуда я знаю! Почему вы задаете мне этот вопрос? Кто бы ни писал, так ему и надо, будет знать как на красивой женщине жениться, обезьяна!»

Долгоруков. Графиня, вы огорчаете меня. Но это нервическое, уверяю вас. Прогулка завтра — и к вам вернется то расположение духа, которым пленяете вы всех.

Воронцова-Дашкова. Нет, грусть безысходна. Князь, вам не приходила в голову мысль о том, сколько подлости в мире? Неужели вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Как вы правы. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать этого. Оно сжимается при мысли о том, до чего дошло падение нравов. И слезы невольно...

Воронцова-Дашкова. Висельник! Pendard!..[1]

Пауза.

Висельник! Гнусная тварь!

Гость *(вышедший из-за колонны)*. Madame la comtesse, jai lhonneur de vous...[2] *(Шарахнулся и исчез.)*

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей.

Воронцова-Дашкова. Так вот кто этот мерзавец! Ужели бы я только не боялась нанести ему еще один удар, вызвать волнение, я бы выдала вас ему! Вас надо убить как собаку! Желаю тебе погибнуть на эшафоте! Вон! Вон! *(выходит в гостиную.)*

Гость в звездах *(в сопровождении Воронцова-Дашкова в гостиной)*. Madame la comtesse, jai lhonneur...

Воронцов-Дашков. Сашенька, и князь покидает нас.

Воронцова-Дашкова. Bonne nuit, mon cher prince[3].

Все трое уходят из гостиной. Всюду опустело. И вдруг начинает убывать свет.

Долгоруков *(один)*. Подслушала. Ох, дикая

---

[1] Висельник! *(фр.)*

[2] Графиня, имею честь... *(фр.)*

[3] Доброй ночи, дорогой князь. *(фр.)*

кошка! Ты что же, тоже любовница его? Этот слышал за колонной, да, слышал! [А все он! Все эта проклятая обезьяна на моем пути!] Ну, ладно! Вы вспомните меня! Вы все вспомните меня, клянусь вам!

Хромая, идет к колоннаде.
Тьма.

Ночь.
Большой казенный кабинет. Лампы под зелеными экранами. Большой письменный стол. Шкафы с делами. За столом сидит Дубельт. Дверь приоткрывается. Входит Ракеев.

Ракеев. Ваше превосходительство, там Битков к вам.

Дубельт. Да.

Ракеев выходит, а в кабинете появляется Битков.
Пауза.
Дубельт пишет, потом поднимает глаза.

Битков. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Дубельт. А, наше вам почтение. Как твое здоровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навестил?

Битков. Находясь в неустанных заботах...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено? Секретное наблюдение, каковое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самое его квартиру...

Дубельт. Ишь, ловкач? По шее тебе не накостыляли?

Битков. Миловал Бог!

Дубельт. Как камердинера его зовут, Фрол, что ли?

Битков. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая комната — гостиная. В гостиной на фортепиано лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепиано? Какие же сочинения?

Битков *(вспоминает, потом декламирует)*. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То но кровле обветшалой вдруг соломой зашумит. То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она запоет, то заплачет, как дитя.

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Фортепиано тоже в сторону. Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проник в кабинет. Каковой кабинет весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. От камина по левую руку на ближайшей полке: Сова — ночная птица, Кавалерист-девица, История славного вора Ваньки-Каина и о запое и о лечении оного в наставление каждому в университетской типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру.

Дубельт. Оставим книги. Дальше.

Битков. Я обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку: «Приезжай ко мне немедленно, дело слишком серьезно». Записка подписана неизвестным человеком, которого зовут Вильям Джук.

Дубельт звонит.
Ракеев входит.

Дубельт. Павла Максимовича ко мне.

Пауза. Входит Павел Максимович, чиновник в гражданской форме.

Вильям Джук?

Павел Максимович. Ваше превосходительство, все перерыли, такого нету в Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы был.

Павел Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса! Англичанин в Питере провалился.

Стук в дверь.
Ракеев входит.

Ракеев. Ваше превосходительство, Петр Петрович Богомазов, по этому вопросу.

Дубельт. Да.

Богомазов *(входя)*. Прошу прошения, ваше превосходительство, у вас в канцелярии Джука ищут, это Жуковский. Он шуточно подписываться любит

Ракеев и Павел Максимович дико смотрят на Биткова

Дубельт *(махнув рукой Ракееву и Павлу Макаровичу)*. Хорошо, господа. *(Богомазову.)* Извольте подождать там, Петр Петрович, я вас потом приму.

Трое выходят.

(Биткову.) Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника цесаревича воспитатель, Василий Андреевич Жуковский, действительный статский советник. Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство.

Дубельт. Отделение взбудоражил! Тебе морду надо бить, Битков! Дальше.

Битков. В правом ящике стола сегодня утром появилось письмо, адресованное иностранцу...

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. [Французское письмо, черновичок.

Дубельт. Фамилия?

Битков. Мудреная фамилия.

Дубельт *(подает перо Биткову)*. Черти.

Битков *(берет перо, медленно выводит буквы)*. А следующая...

Дубельт *(пишет букву)*. Подходит?

Битков. Она, она!]

Дубельт. Довольно! Битков! *(Протягивает руку)*

Битков в недоумении.

Письмо, письмо мне сюда подай!

Битков. Ваше превосходительство... сами посудите, как же письмо?! На мгновение заскочишь в кабинет, руки трясутся... Да ведь он придет, письма хватится! Ведь это рыск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. *[Ну, вот что, Битков, за каждое слово в копии заплачу тебе по целковому.]* Точно узнай, когда будет доставлено письмо, кем, когда будет доставлен ответ. Ступай!

Битков. Слушаю.

Пауза.

Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать, я ведь за прошлый месяц не получал.

Дубельт. Жалованье? За этого Вильяма Джука с тебя еще получить следует. Ступай к Павлу Максимовичу, скажи, что я приказал тебе выписать тридцать рублей.

Битков. Что же тридцать рублей, ваше превосходительство? У меня детишки.

Дубельт. Иуда Искариотский иде к архиереям, они же обещаша сребреники дати... И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйте тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай. Попроси ко мне Петра Петровича Богомазова.

Битков уходит.
Входит Богомазов.

Богомазов. Ваше превосходительство, извольте угадать, что за бумага? *(Вынимает из кармана бумагу)*

Дубельт. Гадать грех. Копия письма к Геккерену

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун *(Подает бумагу.)* [И французская и русская копия Вчера зашел к Пушкину с визитом, поджидал его в кабинете.

Дубельт. Искусник вы, Иван Варфоломеевич Отправлено?

Богомазов. Завтра Никита повезет в посольство

Дубельт. Благодарю вас. Еще что, Варфоломей Павлович?

Богомазов *(вынув бумаги).* Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый [книжный] враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет le grand bougeois!.. Говорит, что кучер Антип *(Вынимает бумагу.)* Пушкинское. Петя Долгоруков дал списать...

Дубельт. Bancal? [2]

Богомазов. Он самый. [*(Вынимает вторую бумагу.)* А сегодня, после воронцовского бала, прибежал ко мне, говорит, что это старое, но опять будто бы заходило по рукам.

Дубельт *(посмотрев листок).* Пушкин ли?

Богомазов. Клянется, пушкинское, говорит.

---

[1] Петр Петрович. Иван Варфоломеевич Варфоломей Павлович — варианты имени Богомазова.

[2] Хромой? *(фр.)*

Дубельт. Так. И еще, Петр Петрович?

Богомазов. Бал. Государь император удостоил беседы госпожу Пушкину.

Дубельт. [Ах, так.] Как вы говорите... Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петю внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нет. Холопами всех так и чешет. Вторую ногу ему переломить мало. Говорит, что от святого мученика происходит...

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. И в заключение — сюрприз, ваше превосходительство. Хромой признался, что он написал диплом Пушкину.

Дубельт. А! Петр Петрович, по этому поводу вы ко мне завтра особо.]

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Деньжонок не надо ли, Петр Петрович?

Богомазов. Рубликов двести, двести пятьдесят не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста для ровного счета выпишу, там сочтемся. Тридцать червонцев. Скажите Павлу Максимовичу, что я распорядился.

Богомазов кланяется, выходит.

(Читает бумаги, принесенные Богомазовым.) Буря мглою... небо кроет... *(Свистит, прислушивается, глядит в окно, поправляет эполеты.)*

В дверь стукнули. Тотчас дверь распахивается. Первым появляется жандарм Пономарев, вытягивается у дверей.

[Вслед за ним быстро входит Бенкендорф, делает знак глазами Дубельту.] Дубельт встает. Входит Николай I, он в кирасирской каске и в шинели, а вслед за ним Бенкендорф.

Николай I. Здравствуй.

Дубельт. Здравия желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше импе-

раторское величество, все обстоит в добром порядке. Больных офицеров и нижних чинов не имеется.

Николай I. Проезжал с графом, вижу у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель!

Николай I и Бенкендорф сбрасывают свои шинели. Пономарев, приняв их, выходит. Бенкендорф пододвигает кресло Николаю.

Николай I *(садясь, Бенкендорфу)*. Садись, граф.

Бенкендорф садится.

(Дубельту.) Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Слушаю, ваше величество. [*(Остается стоять.)*]

Николай I. Работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. Докладывай. Я не буду мешать. *(Берет с камина какую-то книжку, открывает.)*

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили приказать поставить часовых. *(Читает.)*

...Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим поставленных на место жен снятых
В ружье и кивере двух грозных часовых
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?.
...Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

И озаглавлено «Мирская власть»...

Пауза.

Николай I Этот человек способен на все. Исключая добра. Ни благоговения к божеству, ни любви

к отечеству. Ах, Жуковский!.. Вчера пристал ко мне, сравнивал его с Карамзиным. И как поворачивается язык у балаболки! Карамзин был святой жизни человек, доблестный певец, составивший славу героев и честь народа. Семью жалко, жену жалко. Хорошая женщина. Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, ваше сиятельство, [доставлено] краткое стихотворсние [давнишнего сочинения, которое ныне, по донесениям, ходит по Санкт-Петербургу и приписывается господину Пушкину].

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное...

Николай I *(глядя в книгу)*. Прочитай.

Дубельт *(читает)*.

В России нет закона,
А столб, а на столбе — корона.

Пауза.

Николай I. Это он?

Пауза.

Дубельт. [Покамест ручаться не могу.]

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова фигура.

Николай I. Ты прав.

Пауза.

(Дубельту.) Сожги. [Ежели он, пусть совесть будет ему наказанием. Найти того, кто распространял.]

Дубельт бросает листок в камин.

Дубельт. Имею честь далее доложить вашему сиятельству, что не позднее послезавтрашнего я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юн-

кером Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Геккереном-Дантес. Имею копию черновика с пропусками письма Пушкина к барону Геккерену-отцу.

Николай I. Прочитай его.

Дубельт. Осмелюсь сообщить, письмо неприличное.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт *(читает)*. ...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына. И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили... пропуск... не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания... пропуск... ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шалопай. Имею честь быть...

Пауза.

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бретер, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал ей?

Бенкендорф. Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Пауза.

Николай I. Посланник.

Пауза.

Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение.

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек. Ничем и никогда не смоет перед детьми с себя сих пятен. Но время отмстит ему за эти стихи, за поруганную национальную честь. И умрет он не по-христиански. *(Вста-*

ет.) Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. *(Выходит.)*

Бенкендорф устремляется за ним.
Дубельт некоторое время один.
Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.
Дубельт. Золотое сердце.

Пауза.

Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?
Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем, чтобы взяли с пистолетами и под суд. Примите во внимание, место могут изменить.
Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство.

Пауза.

Бенкендорф. Дантес каков стрелок?
Дубельт. Туз — пятнадцать шагов.

Пауза.

Дубельт. Императора жаль.
Дубельт. Еще бы.

Пауза.

Бенкендорф *(вставая)*. Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы жандармы не ошиблись. А то поедут не туда...

Пауза.

Дубельт Слушаю, ваше сиятельство.
Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. *(Выходит.)*

Дубельт *(один)*. Буря мглою небо... Не туда... Тебе хорошо говорить. *(Думает.)* Буря мглою... *(Звонит.)*

Дверь приоткрывается.

Ротмистра Ракеева ко мне!

Темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена в посольстве. Богато и обильно убранная комната. Картины мастеров, ковры, коллекция оружия.
Геккерен сидит и слушает музыкальную шкатулку. Дантес входит. Он в сюртуке.

Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну, иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился.

Дантес садится. Геккерен гладит его волосы.

Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'ètas très fatigue ces-jours-ci...[1] У меня сплин. Вот уже третий день метель. Мне кажется, что ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы не привык к этому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандришь. А, это дурно.

Дантес. Снег, снег.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde qui me donne comme Petersbourg le sentiment d'être è la maison, un sentoment de lendresse, de calme et de paix...[2] Когда мне становится скучно, я ухожу сюда, запираюсь от людей, любуюсь,

---

[1] Я очень устал за эти дни. *(фр.)*

[2] На свете нет другого места, кроме Петербурга где бы я чувствовал себя как дома, испытывал умиротворенность и покой. *(фр.)*

ведь это сокровища. Послушай, какая музыка. *(Пускает в ход музыкальный ящик.)*

Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем!

Дантес. Это смешно! Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

Геккерен. Вот я и говорю — твои страсти убьют меня! Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в дом вошла женщина, я стал беспокоен, как будто я потерял свой угол. Я потерял тебя. В дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne croyeu pas de grace, que j'aie oublie cela[1]. Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен. Ты растоптал мой покой.

Дантес *(глядя в окно)*. Это несносно. Смотри, все смешалось и исчезло.

Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Отчего ты тоскуешь? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой бы давно отвернулся от тебя.

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О Боже! Этого даже я не ожидал. Да ты подумал ли о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того что ты лишил меня покоя, но ты хочешь еще и разбить жизнь. Да обо мне-то ты подумал? Вся карьера, все кончено! Ведь все это погибнет! Да нет, нет, я не верю!.. Ты жестокий человек, ты хочешь убить меня.

Стук.

Да, да.

Слуга *(входит, подает письмо)*. Вашему превосходительству. *(Выходит.)*

Геккерен *(вскрывая письмо)*. Ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста.

---

[1] Ради Бога, не думайте, что я об этом забыл. *(фр.)*

Геккерен читает письмо, роняет его.

Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

Дантес *(читает)*.

Пауза.

Так. Так.

Геккерен. Как смеет! Мне! Он забыл, кто я! Я уничтожу его! Мне!

Пауза.

Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мной?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность?

Геккерен. Это бешеный зверь. Жорж, ты отдал меня в руки бретера.

Дантес. О, не спеши. *(Смотрит в окно.)* Снег, снег. *(Читает.)* Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я всегда спорил в обществе и еще раз повторяю — у него плохой стиль.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался один раз на нас. И с ноября у меня в памяти лицо с оскаленными зубами! Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй, не повторяй.

Пауза.

Что же мне теперь делать? Вызвать его? Как я гляну в лицо королю? Да даже если каким-либо чудом мне удалось бы убить его... Что делать?

Открывается дверь, и в ней появляется Строганов *(в темных очках)*. Слуга ведет Строганова под руку, потому что тот слепой. Слуга скрывается.

Строганов. Приношу вам тысячу извинений, дорогой барон, что я опаздываю к обеду, но я не был уверен в том, что кучер вообще доставит меня к вам. Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, вы мой желанный гость. *(Обнимает Строганова, усаживает в кресло.)*

Дантес подходит к Строганову.

Строганов *(нащупав руку Дантеса)*. Это молодой барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен *(в дверь)*. Никого не принимать. *(Закрывает дверь.)* Граф, у нас случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это письмо.

Геккерен. Ах, нет, Жорж, ты не смеешь вмешиваться. Письмо адресовано мне. Граф — мой друг. A raconter ses maux souvent on les soulage [1]. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да, да. Злокозненные слухи распустили враги моего сына, и это причина мерзкой выходки Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне!

Строганов. Племянница моя была красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, хороша ли она.

Геккерен *(берет письмо)*. «...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына...» Граф, я, я якобы подстрекал моего сына! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью! Он осыпает его площадной бранью! Он угрожает!.. Нет, я не могу читать больше.

Строганов. И это пишет русский дворянин.

Геккерен. Что же? Я, полномочный представитель короля, должен вызвать его?

---

[1] Рассказать о неприятностях — часто значит утешиться. *(фр.)*

Строганов. О, нет.

Геккерен. Но он бросается, как ядовитая собака! Жорж не подавал повода к этому!

Строганов. Теперь уже не имеет значения, после этого письма, подавал ли барон Дантес ему повод или же нет. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантеса могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. *(Геккерену.)* Вы должны написать письмо, что его вызывает барон Дантес. А о себе напишите, что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. *(Обнимает и целует Строганова.)* Благодарю вас, граф. Пойдемте. Стол готов. Мы слишком злоупотребили вашим вниманием и терпением. Но оцените всю тяжесть оскорбления, которое нам нанесли. *(Уводит Строганова в соседнюю комнату.)*

Дантес — один, вдруг сбрасывает музыкальную шкатулку на пол. Та отвечает ему стоном. Дантес берет со стены пистолет, стреляет в картину.

(Выскакивает из дверей в ужасе.) Что ты делаешь?

Дантес. Я хочу только одного, чтобы он дожил до завтрашнего дня.

Темно.

...Багровое солнце на закате. Тихо.
Ручей в сугробах. Через ручей — горбатый пешеходный мост.

Рядом с мостом — дача. Воронцов-Дашков и Воронцова-Дашкова в шубах поднимаются на мост.

Воронцов-Дашков. Охота пуще неволи. Дальше не пойду, хоть убей меня, Сашенька, не пойду.

Воронцова-Дашкова. А дальше и нет надобности. *(Поворачивает Воронцова лицом к солнцу.)* Гляди.

Воронцов-Дашков. Очень красиво. Только поедем, Сашенька, домой.

Воронцова-Дашкова. Да смотри уж, ежели я тебя привезла.

Воронцов-Дашков. Душенька, я не люблю солнца. И снег в сапоги набился. Признаюсь тебе, я озяб. Долго ли простудиться?

Воронцова-Дашкова. Ох, какой ты скучный! Посмотри, как хорошо, людей нет.

Воронцов-Дашков. Нет, что же. Ну, полюбовались, пора и честь знать. Как это нет людей? Кто-то подъехал.

Смотрят.

Вот еще... Странно. Дантес? Кто это, Сашенька, с ним? Д'Аршиак? Постой. Еще кто-то... Какой-то военный...

Воронцова-Дашкова. Пушкин!.. Они с ящиками... *(Всмотревшись.)* Иван, бежим туда, остановим их!

Воронцов-Дашков *(схватив ее за руку)*. Ты ополоумела, матушка! Едем домой, я тебе говорю! Как это в это вмешаться, они в другое место пойдут.

Воронцова-Дашкова. Я знала, я знала, что это будет! Пусти руку, мне больно!

Воронцов-Дашков. Одумайся, кучера смотрят! Едем! *(Увлекает Воронцову-Дашкову.)*

Воронцова-Дашкова. Я тебя презираю!

Воронцов-Дашков. Замолчи, дура, дура! Девчонка, дура! Ты знаешь, чего это стоит? Дура! *(Увлекает ее с мостика.)*

Воронцова-Дашкова. Все равно, я в город... я к Бенкендорфу...

Скрываются.

Сторож *(пьяненький, выходит на мост, напевает, смотрит вдаль)*. Чего это [офицеры] пошли? И карета подъехала. *(Скрывается.)*

Пауза.
Очень негромко вдали щелкнул выстрел.

Геккерен выходит из-за сторожки на мост, смотрит вдаль. Вцепляется руками в перила. Далеко щелкнуло второй раз. Бледнеет, поникает.

Пауза.

[На мост] входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и в снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана платком.

Геккерен *(бросается к Дантесу)*. Небо, небо! Благодарю тебя! *(Бормочет что-то.)* Обопрись о мое плечо.

Дантес. Нет. *(Берется за перила, отплевывается кровью.)*

Геккерен. Грудь, грудь цела?

На мост выбегает Данзас [без шинели]. Козыряет Геккерену.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О, да, о, да.

Данзас *(кричит с мостика)*. Кучер!.. Эй, ты, в карете! Объезжай низом, там есть дорога! [Жердь сними!] Что ты глаза вытаращил, дурак? Низом поезжай! *(Убегает с мостика.)*

Геккерен *(тихо)*. А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

Темно.

(Занавес)

...Зимний день к концу.
У кабинетного камина, в кресле Никита в очках, с тетрадкой.

Никита *(читает)*. На свете счастья нет... Да, нету у нас счастья. Горькая участь, нету. ...Но есть покой и воля... Вот уж чего нету, так нету! По ночам не спать, какой уж это покой! ...Давно, усталый раб, замыслил я побег... Куды побег? Что это он замыслил? Давно, усталый раб, замыслил я побег... Не разберу.

Битков *(тихо выходит из передней в кабинет).* ...В обитель дальнюю трудов и чистых нег. Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. А я вчерась в Шепелевском дворце был, у господина Жуковского. Трубу подзорную починял. Читали эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко... *(Кладет тетрадь на камин.)*

Битков *(беспокойно).* А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом. Надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Чудно, ей-богу. К обеду он тебя, что ли, звал?

Битков. Я полагаю, камердинер все знать должен.

Никита. Ты лучше в кабинете часы погляди. Что ж ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. *(Уходит в глубь кабинета.)*

Колокольчик.
Никита идет в гостиную.
Из дверей, идущих из столовой в гостиную, входит Жуковский.

Никита. Ваше превосходительство, пожалуйста.

Жуковский. Как это поехал кататься? Его нету дома?

Никита. Одна Александра Николаевна и детишки с нянькой... Они к княгине...

Жуковский. Что это такое, я тебя спрашиваю?

Гончарова *(выходит из внутренних комнат).* Бесценный друг! Здравствуйте.

Жуковский. Здравствуйте, милая Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь, как ваше здоровье?

Жуковский. Ma santé est gâtée paø les attaques de nerfs[1]. И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помилуйте! Вчера, как полоумный, скачет на извозчике, кричит, заходи ко мне завтра, я откладываю дела, скачу сюда сломя голову, а он, изволите видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну простите его, я за него прошу. Ну я вас поцелую, Василий Андреевич.

Жуковский. Не надобно мне никаких поцелуев... простите, забылся. Отрекаюсь! Отрекаюсь навеки веков! Из чего хлопочу, позвольте спросить? Из чего? Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Поглупел он, что ли? Драть его надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с!

Битков показался у камина в кабинете.

Извольте-с: третьего дни на бале государь... и что скажешь, ну что скажешь... я сгорел со стыда! Не угодно ли-с, стоит у колонны во фраке и в черных портках! Извините, Александра Николаевна. Никита!

Битков скрывается в глубине кабинета.
Входит Никита.

Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундирита. Они велели, не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит? А мо-

[1] Мое здоровье испорчено нервными приступами (*фр.*)

жет, он тебе халат велит подать? Эти твое дело, Никита! Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... *(Уходит.)*

Жуковский. Скандал! Не любит государь фраков, государь фраков не выносит! Да он и права не имеет! Непристойно, неприлично! Да что фрак! Он что, опять начал об отставке разговаривать? Нашел время! Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где же история Петра Великого, которую он обещал? *(Шепчет.)* Опять про какие-то [вольные] стихи заговорили, помните? А у него доброжелателей множество, поверьте, натрубят завистники в уши!..

Гончарова. Запутались мы в Петербурге совсем, Василий Андреевич.

Жуковский. Распутаться надобно! Блажь! Блажь! У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Смотрите, Александра Николаевна, Наталье Николаевне скажите, оттолкнет от себя государя, потом не поправишь!

Гончарова. Несравненный, лучший, прекрасный друг. *(Целует Жуковского.)*

Жуковский. Да что вы меня все целуете. А я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Останьтесь, подождите, он сейчас приедет.

Жуковский. И видеть не намерен. Да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится.

Жуковский. Полно, Александра Николаевна. En cette dernière chose je ne compte guère!..[1] *(Идет к дверям столовой. Видит лежащие стопкой книги на фортепиано. Останавливается.)* Я этого еще не видел. *(Берет книгу.)* А, хорошо...

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. Хорошо...

---

[1] Я на это уже не надеюсь! *(фр.)*

Гончарова. Я уже гадала сегодня по книге.

Жуковский. Как это по книге? Погадайте мне.

Гончарова. Какая страница?

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну, пятнадцатая.

Битков выходит из кабинета.

Гончарова *(читает)*. Познал я глас иных желаний...

Жуковский. Мне? Верно.

Гончарова. ...познал я новую печаль...

Жуковский. Верно, верно...

Гончарова. ...для первых нет мне упований...

Битков *(скрываясь в дверях столовой, говорит шепотом)*. ...а старой мне печали жаль...

Гончарова. ...а старой мне печали жаль.

Жуковский. Ах, ах!.. Ведь черпает мысль внутри себя! И как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат! Крылат! О, неблагодарный глупец! Сечь! Драть!

Ползут сумерки в квартиру. Из передней донеслись глухие голоса.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строчка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский *(читает)*. Приятно дерзкой эпиграммой... Нет, что-то не то.

Пушкина показалась в дверях.

Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага, приятно зреть, как он упрямо... Нет, что-то не вышло. Склонив бодливые рога... Не попали. А, простите, Наталья Николаевна, шумим, шумим, стихи читаем.

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич,

рада вас видеть. Читайте на здоровье. Я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших.

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь Бога!

Пушкина. Кроме ваших. Votre dernière ballade ma fait un plaisir infini et je lai relue a loutes les personnes que sont venues me voir...[1]

Жуковский. Не слушаю, не слушаю.

Бьют часы.

Батюшки! Мне к цесаревичу... Au revoir, chere madame, je m'apcois que je suis trop bavard!..[2]

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарю покорнейше, никак не могу. Au revoir, mademoiselle. Извольте сказать ему... *(Уходит.)*

Сумерки.
Пушкина отходит к окну, смотрит в него.

Гончарова. Таша! Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятности на бале из-за фрака...

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобою?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что он несчастлив? И ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды!

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня нужно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи! Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и ты счастлива!.. И прекрасно!.. Оставь меня!

---

[1] Ваша последняя баллада доставила мне истинное наслаждение, и я всякий раз читала ее всем, кто меня навещал... *(фр.)*

[2] До свидания, мадам, я чувствую, что заболтался!.. *(фр.)*

Гончарова. Вижу: не к добру расположена твоя душа, не к добру. Ты его не любишь, Таша, все от этого.

Пушкина. Большей любви я дать не могу.

Гончарова. Боже мой, Боже мой, что ты говоришь! Я знаю твои мысли!

Пушкина. Ну и знай! Знай! Что и сегодня должна была его увидеть, а он не пришел! И мне скучно!

Гончарова. Ах, вот ты на какой путь становишься!

Пушкина. А что тебя в этом волнует? Он не одинок. Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю вот так... *(Подносит пальцы к глазам.)*

Колокольчик слышен.

Гончарова. Ты с ума сошла? Не смей так говорить! Мне жаль его! Его все бросили!

Пушкина. Не лги.

Никита *(в дверях)*. Полковник Данзас просит вас принять.

Пушкина *(тихо)*. Откажи, не могу принять.

Данзас *(входит, в шинели)*. Приношу мои извинения, вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича. Он ранен.

Пауза.

(Никите.) Ну, что стоишь? Помогай вносить его, только осторожнее смотрите!

Никита. Владычица небесная! Александра Николаевна! Беда! *(Убегает в столовую.)*

В глубине кабинета вспыхивает свет.

Данзас. Не кричи. Не тряхните его. Велите дать огня.

Пушкина сидит неподвижно.

Гончарова. Огня, огня!

Битков с зажженным канделябром в руке появляется в дверях кабинета.

Данзас *(берет у него канделябр)*. Беги, помогай его вносить.

Битков убегает в столовую.
Из внутренних дверей выбегает горничная девушка с канделябром.
Со стороны передней шаги, негромкие голоса.
Видно, как прошел в глубь кабинета Никита со свечой.
Вслед за ним в сумерках кого-то пронесли.
Слышны глухие голоса.
Данзас закрывает дверь в кабинет.

Пушкина *(устремляется к двери кабинета)*. Пушкин! Что с тобой?

Данзас. Non, madame, n'entrez pas[1]. Он не велел. Не кричите, вы его встревожите. *(Гончаровой и девушке.)* Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина *(упав на колени перед Данзасом)*. Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише. Ведите ее.

Гончарова и девушка подхватывают Пушкину, увлекают ее из гостиной.
На улице послышалась веселая военная музыка.
Битков выбегает из кабинета.

Данзас *(вынув деньги)*. Лети, не торгуйся с извозчиком!.. Первого доктора, какого найдешь, вези сюда!

Битков. Слушаю, ваше высокоблагородие. *(Бросается к окну)* Господи, гвардия идет! Я черным ходом, проходным двором... *(Убегает во внутренние комнаты.)*

Гончарова *(выбежав из внутренних комнат)*. Дантес?.. Говорите правду, что с ним?

Данзас *(холодно)*. Он ранен смертельно.

Темно.

Занавес

---

[1] Нет, мадам, не входите! *(фр.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ночь. Гостиная Пушкина стала неузнаваемой. Зеркала у камина завешаны белым. Какой-то ящик, возле него солома. На фортепиано — склянки с лекарствами.

Все двери в гостиную закрыты.

Стоит какой-то диванчик, и на этом диванчике, не раздевшись, спит Данзас.

С улицы доносится по временам гул толпы.

Дверь из кабинета тихонько открывается, и выходит Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на фортепиано, кладет сургуч и печать. Подходит к окну, всматривается.

Жуковский. Ай-яй-яй!..

Данзас *(спросонок)*. А? *(Садится.)* Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это, натурально, сон в руку.

Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя.

Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. *(Щупает эполеты.)* Прощайте. Эх, линейный батальон, кавказские горы!

Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается. *(Шепчет.)* Тысячная толпа. Кто бы мог ожидать?

Данзас. Я уже насмотрелся.

Дверь из внутренних комнат открывается. Выходит Пушкина и с ней горчичная девушка.

Девушка. Барыня, извольте идти к себе. Барыня, пожалуйте...

Пушкина *(девушке)*. Уйди.

Девушка уходит.

(Подходит к дверям кабинета) Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли?

Жуковский *(преградив Пушкиной дорогу)*. Наталья Николаевна, опомнитесь!

Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна. Il vivra![1] Надобно дать еще опию и тотчас на Полотня-

[1] Он будет жить! *(фр.)*

ный Завод... Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Приятно зреть, как он упрямо... упрямо... склонив... забыла, все забыла... приятно дерзкой эпиграммой... Пушкин, вели, чтобы меня пустили к тебе!

Жуковский. Наталья Николаевна!..

Данзас *(приоткрыв дверь в столовую)*. Господин доктор... Ваше превосходительство...

Арендт *(выходит)*. Э, сударыня, сударыня, нечего вам здесь делать, пожалуйте. *(Капает в рюмку лекарство, подносит Пушкиной)* Пожалуйте, выпейте.

Пушкина отталкивает рюмку.

Так делать не годится, пойдемте-ка.

Пушкина. Это низко! Позвали какого-то акушера! Разве это мыслимо! Как вы могли это допустить!

Арендт *(увлекает из комнаты Пушкину)*. Идемте, пойдемте, сударыня.

Пушкина. Приятно дерзкой эпиграммой взбесить... Все забыла... все забыла я, все... Александрине я не верю!

Арендт скрывается с Пушкиной.

Жуковский. Заклюют бедную! Заклюют ее теперь!

Данзас. Да было ли, не было?

Жуковский вздыхает.

Ох, не уехал бы он от меня! Поверьте, не уехал бы! Но не велел! Да и как вызовешь? Завтра запрут.

Жуковский. Что вы говорите? Умножить горе хотите? Все кончено, Константин Карлович.

За закрытыми дверями очень глухо, со стороны передней, донесся мягкий складный хор. Данзас махнул рукой, поправил смятые эполеты и вышел в столовую. Когда он открывал дверь, донесся из сени сладкий и печальный хор: «К тихому пристанищу...», потом тихо. Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к фортепиано, берет склянку.

Гончарова. Ma vie est finie![1] Погибли мы, Василий Андреевич! А мне больше жизни не будет. Да я и жить не хочу.

Жуковский. Александра Николаевна...

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к ней больше. Оденусь я сейчас и пойду на улицу. Не могу я здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу! Это темный голос, Александра Николаевна! *(Шепотом.)* Да разве можно ее бросить? Ее люди загрызут.

Гончарова. Да что вы меня мучаете, тяжело мне!

Жуковский. Провидение, провидение. К нему обратитесь, оно несчастных укрепит... А я вам велю, идите.

Гончарова идет и скрывается во внутренних дверях.

Что ты наделал?! *(Прислушивается к хору.)* Да. Земля и пепел... *(Садится, что-то соображает, потом берет с фортепиано листок бумаги, записывает что-то.)* ...Не сиял острый ум... *(Бормочет что-то.)* ...В этот миг предстояло как будто какое виденье... и спросить мне хотелось: что видишь?..

Дверь из столовой бесшумно открывается, и тихо входит Дубельт.

Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Василий Андреевич, вы запечатывать собираетесь?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я прошу вас, повремените минуту, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно возложить на меня опечатание и разбор бумаг! Я не понимаю! Я буду разбирать бумаги. Один. Я не понимаю, зачем другая печать!

---

[1] Моя жизнь кончена! *(фр.)*

Дубельт. А разве вам не приятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов будет стоять рядом с вашеи печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц! Помилуйте! Ведь меня могут назвать доносчиком! Вы посягаете на единственное ценное, что имею, — на доброе имя мое! Я доложу государю императору!..

Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать помимо повеления государя императора? Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич!.. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить кому бы то ни было. Василий Андреевич, не будемте терять времени.

Жуковский. Повинуюсь.

Дубельт берет канделябр, входит в кабинет.
Потом выходит из него, ставит канделябр, предлагает сургуч Жуковскому.
Жуковский прикладывает печать.
С улицы донесся звон разбитого фонаря, глухие крики.

Дубельт *(негромко.)* Эй!

Портьера внутренних дверей отодвигается, и входит Битков.

Ты кто таков?

Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.

Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.

Битков. Слушаю. *(Скрывается.)*

Жуковский. Я никак не ожидал такого необычайного скопления народу! Страшно подумать, тысяч десять, надо полагать, перебывало сегодня!

Дубельт. Сегодня здесь перебывало сорок семь тысяч восемьсот человек.

Жуковский смотрит на Дубельта молча.

Битков *(входит)*. Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина... Ну, какой-то швырнул в фонарь... кирпичом.

Дубельт. Ага. (*Машет рукой Биткову.)*

Тот уходит.

Ах, чернь, чернь!

Где-то за дверями сильнее послышался хор: «Содухи праведных скончавшихся...»

(Кладет печать в карман, подходит к внутренним дверям, говорит негромко.) Пожалуйте, господа.

Внутренние двери открываются, и из них начинают выходить в шинелях, с головными уборами в руках, один за другим десять жандармских офицеров.

Прошу к выносу, господа. Ротмистр Ракеев, прошу руководить выносом.

Ракеев выходит в дверь столовой.

(Другому жандармскому офицеру) А вас, полковник, прошу остаться здесь. Благоволите принять меры, чтобы всяческая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно.

Один из жандармских офицеров уходит во внутренние двери, а остальные уходят вслед за Ракеевым в столовую.

А вы, Василий Андреевич? Останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении.

Жуковский *(резко)*. Нет, я хочу нести его. *(Уходит в столовую)*

Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбант, крестится и входит в столовую.

Темно.

Занавес

Показывается Мойка перед домом, где пушкинская квартира. Ночь. Скупой и тревожный свет фонарей.

И медленно начинает плыть дом, но останавливается раньше, чем показались окна пушкинской квартиры. Летит снег. На набережной появляются Кукольник и Бенедиктов.

Кукольник. За мной, Владимир!

Бенедиктов. Ох, не задавили бы нас.

Кукольник. Следуй за мной!

Тотчас показывается конный жандарм и выбегает квартальный.

Квартальный. Виноват, господа, нельзя. Вы куда?

Кукольник. Почему вы преграждаете нам путь, господин офицер? Мы ко гробу господина Пушкина.

Бенедиктов. Поклониться.

Квартальный. Извините, не могу. Прошу повернуть. Доступа нет больше. Извольте посмотреть, что делается.

Бенедиктов. Нестор, идем назад.

Кукольник. Но позвольте...

Показывается плохо одетый человек и за спиной квартального пробегает.

Квартальный. Куда ты? (*Бросается вслед за человеком.*)

Жандарм. Назад, назад, не приказано!

Кукольник. Ну, что ж, ежели нельзя, так нельзя. Попрощаемся и тут. Сними шапку, Владимир.

Бенедиктов. Голова озябнет.

Кукольник *(сняв шапку)*. Прощай, Александр! Ты был моим злейшим врагом! Сколько обид и незаслуженных оскорблений я претерпел от тебя! У тебя был порок — зависть, но в сию минуту я забываю все это и, как русский, душевно скорблю об утрате тебя! Прощай, Александр!

Бенедиктов приподнимает шляпу и крестится.

Мир твоему праху!

Дом начинает плыть. Появляются окна пушкинской квартиры. Окна налиты за занавесом светом.

Домовая арка.

Толпа народа теснится и гудит. В толпе квартальный, полицейские и конный жандарм.

Квартальный. Да не велено, говорят! Назад! Назад!

В толпе слышны возгласы:

— Да помилуйте, я в этом доме живу!
— Что же такое, до собственной квартиры невозможно протолкаться!
— Позвольте пройти!..
— Голландец застрелил.
— Ничего не голландец, кавалергард!
— Что врать-то? Француз.
— Наших, стало быть, иностранцы почем зря могут бить.
— Лекаря немцы! Ну, натурально, залечили русского!
— Я жаловаться буду, квартирую я в этом доме!

Посол *(стиснут толпою).* Pardon, messieurs, pardon!.. Виноват.

Квартальный. Извините, господин, нельзя!

Посол. Я посланник Франции. *(Распахивает шубу, показывает ордена.)*

Квартальный. Пропусти его превосходительство! Иваненко, осаживай их!

Пропускают посла. В толпе возгласы:

— Это что такое? А почему нашим нельзя?
— Русские не могут оплакать своего великого согражданина!
— Они ухлопали, их и пущают!

Внезапно из толпы выделяется фигура в студенческой форме и поднимается на фонарь.

Студент. Тише!

Толпа несколько стихает.

Не тревожьте прах поэта! Слушайте! *(Снимает фуражку, проворно вынимает из кармана листок, читает.)* Не вынесла душа поэта позора мелочных обид!

Толпа молчит. Полиция от удивления застыла.

Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и... убит!

Квартальный *(отчаянно)*. Господин, что это вы делаете?!

Возглас в толпе: «Шапки долой!»

Студент. Убит! К чему теперь рыданья, похвал и слез ненужный хор? И жалкий ле...

Пронзительно засвистели полицейские.

Квартальный. Иваненко! Снимай с фонаря!

Студент. Не вы ль сперва так долго гнали!!

Полиция свистит сильнее.
Женщина в толпе крикнула: «Убили!»

Угас, как светоч, дивный гений!..

В домовой арке возникает Ракеев.

Ракеев. Эге-ге-ге! Эй, арестовать! Пономарев!

Крик в толпе: «Беги!»

Студент. Его убийца хладнокровно навел удар! Спасенья нет!

Жандармы устремляются к фонарю.
Толпа шарахнулась и взревела.
Студент исчез в толпе бесследно.
За сценой крик. «Держи его!».

Ракеев. Тесните толпу! Ты что зеваешь?

Жандармы и полиция теснят толпу. Очистилось пространство. Сразу стихло.
Вдруг подворотня за аркой начинает наливаться светом от свечей.
Из дверей, выходящих в подворотню, показались чинно первые жандармские офицеры, и потекло приятное, печальное пение хора.
Показались первые свечи. Темно.

(Занавес)

...Ночь. Глухая почтовая станция. Фонарь. Свеча. Огонь в печке. Стол. Лавка. Самовар.

За окном — вьюга.

Смотрительша припала к окошку, что-то рассматривает.

За окошком мелькнул свет фонарей, глухо послышались голоса. Дверь раскрывается. Первым входит станционный смотритель в шинелишке, с фонарем в руках и пропускает вперед себя Ракеева и Тургенева. Оба они запорошены снегом. Смотрительша кланяется.

Ракеев. Есть кто на станции?

Тургенев распахивает шубу, бросается к огню, греет руки.

Станционный смотритель. Никого нету, ваше высокоблагородие, никого.

Ракеев *(всматривается)*. А это кто?

Станционный смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай? Налейте мне стакан, пожалуйста.

Ракеев. И мне стакан. Только поскорее.

Смотритель наливает два стакана.

Через час дашь лошадей. Под возок тройку и под... *(показывает коротким жестом в окно)* пару.

Тургенев сбрасывает шубу и, обжигаясь, пьет чай.

Станционный смотритель. Тройку-то ведь, ваше...

Ракеев. Слышал, что я сказал? Через час дашь тройку! *(Бросает на стол подорожную. Берет стакан, пьет.)*

Станционный смотритель. Слушаю. Слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... часы-то есть у тебя? Через час нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. О, да, да. Я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше. И дай знать жандарму.

Станционный смотритель. Понял. Слушаю.

Ракеев *(смотрительше).* А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там любопытного нету.

Станционный смотритель. Слушаю. Слушаю. Пожалуйте на чистую половину. *(Открывает дверь в другую комнату.)*

Смотрительша вносит в другую комнату свечку и возвращается.
Раксев идет в другую комнату.
Тургенев за ним.

Тургенев. О, Боже мой... *(Греет руки.)*

Дверь за Тургеневым и Раксевым закрывается.

Смотрительша *(шепотом).* Кого, кого это они?

Станционный смотритель. Ежели на улицу выглянешь, я тебя вожжой! Беду с тобой наживешь! Вот оказия навязалась... и надо же было им по этому тракту! Выглянешь — я тебе!.. Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела.

Станционный смотритель берет фонарь и выходит наружу.
Смотрительша тотчас бросается к окошку, дышит на него, протирает, смотрит в окно.

Наружная дверь открывается, и входит Пономарев.

Пономарев *(шепотом).* Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на полтину. Кости замерзли!

Смотрительша бросается к шкафчику, достают штоф, наливает стакан водки, из-за шкафчика выносит кадочку с огурцами, ставит перед Пономаревым.
Пономарев выпивает, закусывает, трет руки.

Давай второй.

Смотрительша *(наливая).* Да что же вы так, вы бы сели, обогрелись.

Пономарев. Обогреешься тут!

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя! Ты все равно

как Ева! *(Выпивает, дает смотрительше деньги и выходит.)*

Смотрительша схватывает платок, набрасывает. Но наружная дверь открывается и входит Битков. Смотрительша снимает платок. Битков в шубенке, уши у него под шапкой повязаны платком

Битков. Заснули? Ох... *(Стонет, подходит к огню.)*

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, что спрашиваешь? *(Садится, кряхтит, развязывает платок. Строго.)* Ты — смотрительша. То-то, я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Арина Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф.

Смотрительша подает штоф, хлеб, кадочку с огурцами. Битков жадно выпивает стаканчик, снимает шубенку.

Что же это такое, а? Пресвятая Богородица... пятьдесят пять верст! Вот связала!

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. *(Выпивает.)* Ведь это рыбий мех! Да нешто это мыслимо!

Смотрительша. Ну никому! *(Крестится.)* Ну никому! Ни кот, ни кошка не узнают! Скажите, кого везете?

Битков. Не спрашивай. Государственное дело.

Смотрительша. И что же это вы, нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете.

Битков. Ему теперь не холодно. *(На цыпочках подходит к внутренним дверям.)* Захрапели. Это зря! Ведь сейчас будить. *(Выпивает.)*

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но-но-но-но! У меня выпытывать? Это, тетка, не твое дело! Это наше занятие.

Пауза.

В Святые Горы... Как его закопаем, ну, тут и мою душу наконец на покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а меня в отпуск. Ах, сколько я стихов переучил!

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите?

Битков *(выпивает, пьянеет)*. Да, стихи сочинял. И из-за тех стихов никому покоя! Ни ему, ни начальству, ни мне, рабу Божиему, Степану Ильичу! Я за ним всюду. Но не было фортуны ему! Как ни напишет, мимо попал, не туда! Не те, не такие!

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну, ну, ну, ну... С тобой разговаривать! Ох, дура! А впрочем, может быть, ты и не дура. Только я на него зла не питал, вот крест! Человек как человек! Одна беда — стихи. Я за ним всюду, даже на извозчиках гонял. Он на извозчика, я на другого — прыг!.. Потеха!.. *(Пьянеет.)*

Смотрительша. Теперь-то он помер? Теперь-то чего же за ним?

Битков. Хе! Помер! Помереть-то он помер, а вон видишь — ночью, буря! Столпотворение! А мы по пятьдесят верст! Вот тебе и помер. Я и то опасаюсь, закопаем мы его, а будет ли толк? Опять, может быть, спокойствия не будет?

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень, кто его знает.

Пауза.

Что это меня мозжит? Налей мне еще... Что это меня сосет? Да, трудно помирал. Ох мучился! Пулю-то он ему в живот засадил.

Смотрительша. Ай-яй-яй!

Битков. Да. Руки закусывал. Чтобы не крикнуть. Жена чтобы не услыхала. А потом стих. Только, истинный Бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожность... Ведь никогда его одного не пускали! Куда он — туда и я. Он даже и не знает. А в тот день, среду, меня в другое место послали. Один чтобы! Умные! Знают, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время! И он прямо на Черную речку, а там уж его дожидаются! Меня не было!

Пауза.

А на Мойку мне теперь не ходить. Квартира теперь там пустая. Чисто.

Смотрительша. А кто этот старичок-то с вами?

Битков. Камердинер его.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Караулит, не отходит. Я ему вынесу. *(Встает.)* Ой, буря! Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя». Слышишь? Верно — как дитя? Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков *(швыряет на стол деньги широким жестом)*. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашуршит... то, как путник...

Наружная дверь открывается. Вбегает станционный смотритель, за ним Пономарев. Станционный смотритель стучит во внутреннюю дверь.

Станционный смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать.

Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев

Ракеев. Ехать!

Занавес

Конец

29 мая 1935 года

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Изменения к сцене бала

После слов Николая I «Ты что же молчишь, Василий Андреевич?»:

Жуковский. Ваше императорское величество, умоляю вас, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать о нем: ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество!.. Уголь сажей не замараешь. Вспомни, у каждого из гнусных мятежников находили его стихи, и вспомни, какие стихи!

Жуковский. Ваше величество, ведь это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, осмелюсь напомнить его благороднейший ответ друзьям, где он говорит, что он не льстец, что он царю хвалу свободную слагает...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, ты веришь всему этому? А я нет. Вот недавно выпустил Историю пугачевского бунта. Кажется, мысли благонамеренные. Я разрешил, я не люблю стеснять чужие мнения. Но где пламенное негодование? Где картины, от которых содрогнулось бы сердце всякого честного русского? Или еще эта его повестушка, как ее... где Пугачев?

Жуковский. «Капитанская дочка», ваше величество?

Николай I. Да, да. Злодей мужик, гнусный мерзавец у него великодушен, как царь! Он его с орлом

сравнивает! И ты после этого заступаешься! У него сердца нет. Не верю я ему. *(Пауза.)* Государыня хотела тебя видеть. Пойдем со мной.

После слов Долгорукова «И слезы невольно...»:

Воронцова-Дашкова. Замолчите! Негодяй!

В колоннаде показывается Салтыков, останавливается.

Я теперь воочию убедилась, до чего может дойти человеческая гнусность!

Долгоруков. Графиня, вы нездоровы! Я позову людей!

Воронцова-Дашкова. Вы кривлялись, как паяц... Изображали рожки... Вы радуетесь тому, что какой-то подлый человек посылает затравленному... Гнусность, гнусность! Чтобы разбить его жизнь! Ах, с каким бы наслаждением я выдала бы вас! Уходите из моего дома! Вон! *(Идет в колоннаду.)*

Салтыков. Графиня...

Воронцова-Дашкова. Извините, Сергей Васильевич, я немного взволнована... я спорила...

Салтыков. Ничего, ничего. Со мною тоже был такой случай. Я тоже выгнал одного гостя со своего бала. Это было в прошлое царствование. Удивительно неприятная тоже фигура. Мне он сразу не понравился. Я сам его взял за шиворот и... я вам расскажу это подробно, графиня.

Воронцова-Дашкова и Салтыков удаляются.
Всюду опустело. И вдруг начинает убывать свет

Долгоруков *(один)*. Подслушала. Ох, дикая кошка! Ты что же, тоже любовница его?.. Салтыков слышал за колонной, да, слышал! [А все он! Все эта проклятая обезьяна на моем пути!] Ну, ладно, вы вспомните меня! Вы все вспомните меня, клянусь вам!

Хромая, идет к колоннаде.

Тьма.

1935, август

МАСТЕР И МАРГАРИТА
ГЛАВЫ РОМАНА, ДОПИСАННЫЕ И ПЕРЕПИСАННЫЕ В 1934—1936 ГОДАХ

30/X.34.
Дописать раньше, чем умереть!

ОШИБКА ПРОФЕССОРА СТРАВИНСКОГО

В то время как раз, как вели Никанора Ивановича, Иван Бездомный после долгого сна открыл глаза и некоторое время соображал, как он попал в эту необыкновенную комнату с чистейшими белыми стенами, с удивительным ночным столиком, сделанным из какого-то неизвестного светлого металла, и с величественной белой шторой во всю стену.

Иван тряхнул головой, убедился в том, что она не болит, очень отчетливо припомнил страшную смерть Берлиоза, но она не вызвала уже прежнего потрясения. Иван огляделся, увидел в столике кнопку, и вовсе не потому, что в чем-нибудь нуждался, а по своей привычке без надобности трогать предметы позвонил.

Тотчас же перед Иваном предстала толстая женщина в белом халате, нажала кнопку в стене, и штора ушла вверх. Комната сразу посветлела, и за легкой решеткой, отгораживающей окно, увидел Иван чахлый подмосковный бор, понял, что находится за городом.

— Пожалуйте ванну брать, — пригласила женщина, и, словно по волшебству, стена ушла в сторону, и блеснули краны, и взревела где-то вода.

Через минуту Иван был гол. Так как Иван придерживался мысли, что мужчине стыдно купаться

при женщине, то он ежился и закрывался руками. Женщина заметила это и сделала вид, что не смотрит на поэта.

Теплая вода понравилась поэту, который вообще в прежней своей жизни не мылся почти никогда, и он не удержался, чтобы не заметить с иронией:

— Ишь ты! Как в «Национале»!

Толстая женщина на это горделиво ответила:

— Ну, нет, гораздо лучше. За границей нет такой лечебницы. Интуристы каждый день приезжают осматривать.

Иван глянул на нее исподлобья и ответил:

— До чего вы все интуристов любите. А среди них разные попадаются.

Действительно было лучше, чем в «Национале», и, когда Ивана после завтрака вели по коридору на осмотр, бедный поэт убедился в том, до чего чист, беззвучен этот коридор.

Одна встреча произошла случайно. Из белых дверей вывели маленькую женщину в белом халатике. Увидев Ивана, она взволновалась, вынула из кармана халатика игрушечный пистолет, навела его на Ивана и вскричала:

— Сознавайся, белобандит!

Иван нахмурился, засопел, а женщина выстрелила губами «Паф!», после чего к ней подбежали и увели ее куда-то за двери.

Иван обиделся.

— На каком основании она назвала меня белобандитом?

Но женщина успокоила Ивана.

— Стоит ли обращать внимание. Она больная. Со всеми так разговаривает. Пожалуйте в кабинет.

В кабинете Иван долго размышлял, как ему поступить. Было три пути. Первый: кинуться на все блестящие инструменты и какие-то откидные стулья и все это поломать. Второй: сейчас же все про Понтия Пилата и ужасного убийцу рассказать и добиться освобождения. Но Иван был человеком с хитрецой и

вдруг сообразил, что, пожалуй, скандалом толку не добьешься. Относительно рассказа тоже как-то не было уверенности, что поймут такие тонкие вещи, как Понтий Пилат в комбинации с постным маслом, таинственным убийством и прочим.

Поэтому Иван избрал третий путь — замкнуться в гордом молчании.

Это ему выполнить не удалось, так как пришлось отвечать на ряд неприятнейших вопросов, вроде такого, например, что не болел ли Иван сифилисом. Иван ответил мрачно «нет» и далее отвечал «да» и «нет», подвергся осмотру и какому-то впрыскиванию и решил дожидаться кого-нибудь главного.

Главного он дождался после завтрака в своей комнате. Иван выпил чаю, без аппетита съел два яйца всмятку.

После этого дверь в его комнату открылась и вошло очень много народу в белых балахонах. Впереди шел, как предводитель, бритый, как актер, человек лет сорока с лишним, с приятными темными глазами и вежливыми манерами.

— Доктор Стравинский, — приветливо сказал бритый, усаживаясь в креслице с колесиками у постели Ивана.

— Вот, профессор, — негромко сказал один из мужчин в белом и подал Иванушкин лист. «Кругом успели исписать», — подумал Иван хмуро.

Тут Стравинский перекинулся несколькими загадочными словами со своими помощниками, причем слух Ивана, не знавшего никакого языка, кроме родного, поразило одно слово, и это слово было «фурибунда». Иван изменился в лице, что-то стукнуло ему в голову и вспомнились вдруг закат на Патриарших и беспокойные вороны.

Стравинский, сколько можно было понять, поставил себе за правило соглашаться со всем, что ему говорили, и все одобрять. По крайней мере, что бы ему ни говорили, он на все со светлым выражением лица отвечал: «Славно! Славно!»

Когда ординаторы перестали бормотать, Стравинский обратился к Ивану:

— Вы — поэт?

— Поэт, — мрачно ответил Иван и вдруг почувствовал необыкновенное отвращение к поэзии и самые стихи свои, которые еще недавно ему очень нравились, вспомнил с неудовольствием. В свою очередь, он спросил Стравинского:

— Вы — профессор?

Стравинский вежливо наклонил голову.

— Вы здесь главный?

Стравинский и на это поклонился, а ординаторы улыбнулись.

— Мне с вами нужно поговорить.

— Я к вашим услугам, — сказал Стравинский.

— Вот что, — заговорил Иван, потирая лоб, — вчера вечером на Патриарших Прудах я встретился с неким таинственным гражданином, который заранее знал о смерти Миши Берлиоза и лично видел Понтия Пилата.

— Пилат... Пилат... это тот, который жил при Христе? — прищурившись на Ивана, спросил Стравинский.

— Тот самый, — подтвердил Иван.

— А кто это Миша Берлиоз? — спросил Стравинский.

— Берлиоза не знаете? — неодобрительно сказал Иван.

Стравинский улыбнулся виновато и сказал:

— Фамилию композитора Берлиоза я слышал...

Это сообщение сбило Ивана с толку, потому что он про композитора Берлиоза не слыхал...

Опять он потер лоб.

— Композитор Берлиоз, — заговорил Иван, — однофамилец Миши Берлиоза. Миша Берлиоз — известнейший редактор и секретарь Миолита, — сурово сказал Иван.

— Ага, — сказал Стравинский. — Итак, вы говорите, он умер, этот Миша?

— Вчера он попал под трамвай, — веско ответил Иван, — причем этот самый загадочный субъект...

— Знакомый Понтия Пилата? — спросил Стравинский, очевидно, отличавшийся большою понятливостью.

— Именно он, — подтвердил Иван, глядя мрачными глазами на Стравинского, — сказал заранее, что Аннушка разлила постное масло, а он и поскользнулся на Аннушкином масле ровно через час. Как вам это понравится? — многозначительно сказал Иван и прищурился на Стравинского.

Он ожидал большого эффекта, но такого эффекта не последовало, и Стравинский, при полном молчании ординаторов, задал следующий вопрос:

— Виноват, а кто эта Аннушка?

Иван расстроился, и лицо его передернуло.

— Аннушка здесь не важна, — сказал он, нервничая, — черт ее знает, кто она такая! Просто дура какая-то с Садовой улицы! А важно то, что он заранее знал о постном масле. Вы меня понимаете?

— Отлично понимаю, — серьезно сказал Стравинский и коснулся Иванушкина колена, — продолжайте.

— Продолжаю, — сказал Иван, стараясь попасть в тон Стравинскому и чувствуя, что только спокойствие может помочь делу. — Этот страшный тип отнюдь не профессор и не консультант, а убийца и таинственная личность, обладающая необыкновенной силой, и задача заключается в том, чтобы его немедленно арестовать, иначе он натворит неописуемых бед в Москве.

— Вы хотите помочь его арестовать, я правильно вас понял? — спросил Стравинский.

«Он умен, — подумал Иван, — среди беспартийных иногда попадаются на редкость умные!»

— Мой долг советского подданного его немедленно арестовать, а меня силою задержали здесь! Прошу меня выпустить сейчас же!

— Слушаюсь, — покорно сказал Стравинский, — я вас не держу. Нет никакого смысла задерживать в лечебнице здорового человека, тем более что у меня и мест не хватает. И я немедленно выпущу вас отсюда, если только вы мне скажете, что вы нормальны. Не докажете, а только скажете. Итак, вы — нормальны?

Тут наступила полнейшая тишина, и толстая в белом благоговейно посмотрела на профессора, а Иван растерянно еще раз подумал: «Положительно, умен!»

Прежде чем ответить, он, однако, очень подумал и наконец сказал твердо:

— Я нормален.

— Ну, вот и славно! — с облегчением воскликнул Стравинский, — ну, а если так, то будем рассуждать логически. Возьмем ваш вчерашний день.

Тут Стравинский вооружился исписанным Иванушкиным листом.

— В поисках неизвестного человека, который отрекомендовался вам как знакомый Понтия Пилата, вы вчера произвели следующие действия.

Стравинский начал загибать длинные пальцы на левой руке, глядя в исписанный лист.

— Прикололи себе к коже груди английской булавкой иконку. Было?

— Было.

— Явились в ресторан со свечкой в руке, в одном белье и в этом ресторане ударили по лицу одного гражданина. После этого вы ударили швейцара. Попав сюда, вы звонили в Кремль и просили прислать стрельцов на мотоциклетках. Затем сделали попытку выброситься в окно и ударили санитара. Спрашивается: возможно ли при этих условиях кого-либо поймать? Вы человек нормальный и сами ответите — никоим образом. Вы желаете уйти отсюда — пожалуйста! Позвольте узнать, куда вы направитесь отсюда?

— В Гепеу, — значительно ответил Иван.

— Непосредственно отсюда?

— Непосредственно, — сказал Иванушка, несколько теряясь под взглядом Стравинского.

— А на квартиру не заедете? — вдруг спросил Стравинский.

— Не заеду, — сказал Иван, — некогда мне тут по квартирам разъезжать. Он улизнет.

— Так! Что же вы скажете в Гепеу в первую голову, так сказать?

— Про Понтия Пилата, — сказал Иван, и глаза его вспыхнули сумрачным огнем.

— Ну, вот и славно! — окончательно покоренный, воскликнул профессор и, обратившись к толстой белой, приказал ей:

— Прасковья Васильевна? Выпишите гражданина Попова в город! Эту комнату не занимать, постельное белье не менять. Через два часа он будет опять здесь: ну, всего доброго, желаю вам успеха в ваших поисках!

С этими словами профессор Стравинский поднялся. За ним поднялись все ординаторы.

— На каком основании я опять буду здесь? — тревожно спросил Иван.

— На том основании, — немедленно усевшись опять, сказал Стравинский, — что, как только вы, явившись в кальсонах в Гепеу, скажете, что вы вчера виделись с человеком, который был знаком с Понтием Пилатом, как тотчас вас привезут туда, откуда вы уехали, то есть в эту самую комнату.

— При чем здесь кальсоны? — спросил, смятенно оглядываясь, Иван.

— Главным образом, Понтий Пилат. Но и кальсоны также. Ведь на вас казенное белье, мы его снимем и выдадим вам ваше одеяние. А вы явились к нам в ковбойке и в кальсонах. А домой вы не собирались заехать. Я же вам своих брюк дать не могу, на мне одна пара А далее последует Пилат. И дело готово!

Тут странное случилось с Иваном. Его воля пропала. Он почувствовал себя слабым и нуждающимся в совете.

— Так что же делать? — спросил он тихо.

— Вот и славно! — отозвался Стравинский. — Это резоннейший вопрос. Зачем вам, спрашивается, самому, встревоженному, изнервничавшемуся человеку, бегать по городу, рассказывать про Понтия Пилата! Вас примут за сумасшедшего! Останьтесь здесь и спокойно изложите все ваши обвинения против этого человека, которого вы хотите поймать, на бумаге. Ничего нет проще, как переслать этот документ куда следует. И если мы имеем дело с преступлением, как вы говорите, все это разъяснится очень быстро.

— Понял, — твердо сказал Иван, — прошу выдать мне бумагу, чернила и Евангелие.

— Вот и славно! — воскликнул покладистый Стравинский, — Прасковья Васильевна, выдайте, пожалуйста, товарищу Попову бумагу, коротенький карандаш и Евангелие.

— Евангелия у нас нет в библиотеке, — сконфуженно ответила Прасковья Васильевна.

— Напрасно нет, — сказал Стравинский, — нет, нет, а вот, видите, понадобилось. Велите немедленно купить у букинистов.

Тут Стравинский поднялся и обратился к Ивану:

— Попробуйте составить ваше заявление, но не напрягайте мозг. Если не выйдет сегодня, не беда. Выйдет завтра. Поймать всегда успеете, уверяю вас. Возьмите тепловатую ванну. Если станет скучно, позвоните немедленно: придет к вам ординатор, вы с ним поговорите. Вообще, располагайтесь поудобнее, — задушевно прибавил Стравинский и сейчас же вышел, а следом за ним вышла и вся его свита.

ВЕСТИ ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА

В это время в кабинете дирекции «Кабаре» сидели и, как обычно, занимались делами двое ближайших помощников Степы Лиходеева — финансовый директор Римский и администратор Варенуха.

День тек нормально. Римский сидел за письменным столом и, раздраженно глядя сквозь очки, читал и подписывал какие-то бумаги, а Варенуха то отвечал на бесчисленные телефонные звонки, присаживаясь в мягкое кресло под стареньким, запыленным макетом, то беседовал с посетителями, то и дело открывавшими дверь в кабинет. Среди них побывали: бухгалтер с ведомостью, дирижер в грязном воротничке. С этим дирижером Римский, отличавшийся странной манерой никому и никогда не выдавать денег, поругался из-за какой-то кожи на барабане и сказал:

— Пусть они собственную кожу натягивают на барабан! Нету в смете!

Оскорбленный дирижер ушел, ворча что-то о том, что так он не может работать.

В то время как Римский оскорблял дирижера, Варенуха непрерывно лгал и хамил по телефону, отвечая бесчисленным лицам:

— Все продано! Нет-с, не могу! Не могу! — говорил Варенуха, приставив руку корабликом ко рту.

Но телефон трещал вновь, и вновь Варенуха кричал неприятным гусиным голосом:

— Да!

Приходил какой-то лысый униженный человек и принес скетч. Приходила какая-то накрашенная актриса просить контрамарку — ей отказали.

До часу дня все шло благополучно, но в час Римский стал злиться и нервничать из-за Степы. Тот обещал, что придет немедленно, а, между тем, его не было. А у Римского на столе накопилась большая пачка бумаг, требовавших немедленно Степиной подписи.

Варенуха через каждые пять минут звонил по телефону на квартиру к Степе, которая, кстати сказать, находилась в двух шагах от «Кабаре».

— Безобразие! — ворчал Римский каждый раз, как Варенуха, кладя трубку, говорил:

— Не отвечают. Значит, вышел.

Так продолжалось до двух часов дня, и в два часа Римский совершенно остервенился... И в два же часа

дверь в кабинет отворилась и вошла женщина в форменной куртке, в тапочках, в юбке, в мужской фуражке, вынула из маленькой сумки на поясе конвертик и сказала:

— Где тут «Кабаре»? Распишитесь, «молния».

Варенуха черкнул какую-то закорючку в тетради у женщины и, когда та вышла, вскрыл конвертик. Прочитав написанное, он сказал: «Гм!..» — поднял брови и дал телеграмму Римскому.

В телеграмме было напечатано следующее:

«Владикавказа Москву Кабаре Молнируйте Владикавказ помощнику начальника Масловскому точно ли субъект ночной сорочке брюках блондин носках без сапог признаками психоза явившийся сегодня отделение Владикавказа директор Кабаре Лиходеев Масловский».

— Здорово! — сказал Римский, дернув щекой.

— Лжедимитрий! — сказал Варенуха и тут же, взяв трубку, сказал в нее следующее:

— Дайте телеграф. «Молния». «Владикавказ Помощнику начальника Масловскому Лиходеев Москве Финдиректор Римский».

Независимо от сообщения о владикавказском самозванце принялись разыскивать Степу. Квартира его упорно не отвечала.

Варенуха начал звонить совершенно наобум и зря в разные учреждения. Но, конечно, нигде Степы не нашел.

— Уж не попал ли он, как Берлиоз, под трамвай? — сказал Варенуха.

— А хорошо бы было, — сквозь зубы, чуть слышно буркнул Римский.

Тут принесли колоссальных размеров, ярко расписанную афишу, на которой крупными красными буквами стояло: ВОЛАНД, а ниже черными поменьше: «Сеансы белой магии с полным их разоблачением».

На круглом лице Варенухи выразилось удовольствие, но он не успел как следует полюбоваться афишей, как в дверь вошла та самая женщина, которая

принесла первую «молнию», и вручила Варенухе новый конвертик.

Варенуха прочитал «молнию» и свистнул. В «молнии» стояло следующее:

«Умоляю молнируйте Масловскому что я действительно Лиходеев брошенный Воландом Владикавказ Примите меры наблюдения Воландом Лиходеев».

В течение минуты Римский и Варенуха молча, касаясь друг друга лбами, перечитывали телеграмму.

— Да ты же с ним в двенадцать часов разговаривал по телефону? — наконец с недоумением сказал Варенуха.

— Да смешно говорить! — воскликнул Римский, — разговаривал, не разговаривал!.. Да не может он быть во Владикавказе! Это смешно!..

— Он пьян, — сказал Варенуха.

— Кто пьян? — спросил Римский.

И дико уставились глазами друг на друга.

Женщина, которая принесла «молнию», вдруг рассердилась.

— Граждане! Расписывайтесь, а потом уж митинги устраивайте!

— Телеграмма то из Владикавказа? — спросил у женщины Римский.

— Ничего я не знаю, не мое дело, — ответила женщина и удалилась, ворча.

Тут произошло совещание. Варенуха ежесекундно прерывал его восклицаниями:

— Это глупо!

Но сколько он ни кричал: «Это глупо!» — делу это нисколько не помогало.

Несомненно, из Владикавказа телеграфировал какой-то самозванец, но вот что было странно: слово «Воланд» в телеграмме. Откуда же владикавказский негодяй знает о приезде артиста и о связи, существующей между ним и Степой?

— При-ми-те ме-ры, — бормотал Варенуха, мигая вспухшими веками, — откуда он о нем знает и зачем меры?.. Это мистификация!

Решили ничего не молнировать в ответ.

Но ровно через пятнадцать минут появилась та же женщина, и Римский с Варенухой даже с мест поднялись навстречу ей.

Женщина вынула из сумки не беленький, а темный листок.

— Это становится интересным, — сказал Варенуха, ставя закорючку в книжке и отпуская злую женщину.

На фотографической бумаге отчетливо чернели писаные строки.

Варенуха без чинов навалился на плечо Римскому.

«Вот доказательство: фотография моего почерка Молнируйте подтверждение личности Масловскому Строжайшее наблюдение Воландом Случае попытки выехать Москвы арестовать Лиходеев».

Варенуха был известен в Москве как администратор, не имеющий себе равных. За двадцать лет своей деятельности он видал всякие виды. Но тут Варенуха почувствовал, что ум его как бы застилает пеленой, и он ничего не произнес, кроме житейской, но нелепой фразы:

— Этого не может быть!

Римский поступил не так. Он поднялся, рявкнул в дверь:

— Никого! — и собственноручно запер эту дверь на ключ.

Затем достал из письменного стола пачку бумаг, начал тщательно сличать букву за буквой залихватские подписи Степы на ведомостях с подписью на фотограмме.

Варенуха, навалившись, жарко дышал в щеку Римскому.

— Это почерк Лиходеева, — наконец выговорил Римский, и Варенуха, глянув ему в лицо, удивился перемене, которая в нем произошла. Римский как будто бы постарел лет на десять. Глаза его в роговой оправе утратили свою колючесть и уверенность, и в них появилась не то что тревога, а даже как будто печаль.

Варенуха проделал все, что делает человек в минуты великого изумления, то есть и по кабинету прошелся, и руки вздымал, как распятый, и выпил целый стакан желтой воды из графина, и восклицал:

— Не понимаю!

Но Римский смотрел не на Варенуху, а в окно и думал. Положение финансового директора «Кабаре» было затруднительное. Нужно было тут же, не сходя с места, представить обыкновенные объяснения для совершенно необыкновенного явления.

Римский зажмурился, представил себе Степу в ночной сорочке влезающим в Москве сегодня в какой-то сверхбыстроходный аэроплан, представил себе Казбек, покрытый снегом, и тут же эту мысль от себя отогнал. Представил себе, что не Степа сегодня говорил по телефону в Москве, и эту мысль отринул. Представил себе какие-то пьяные шутки при участии почты и телеграфа, фальшивые «молнии», опять — Степу в носках среди бела дня во Владикавказе, и всякое логическое здание в голове у Римского рухнуло, и остались одни черепки.

Ручку двери крутили и дергали, слышно было, как курьерша кричала:

— Нельзя!

Варенуха также кричал:

— Нельзя! Заседание!

Когда за дверью стихло. Римский спросил у Варенухи:

— Сколько километров до Владикавказа?

Варенуха ответил:

— Черт его знает! Не помню!.. Да не может он быть во Владикавказе!

Помолчали.

— Да, он не может быть во Владикавказе,— отозвался Римский, — но это писано Лиходеевым из Владикавказа.

— Так что же это такое? — даже взвизгнул Варенуха.

— Это непонятное дело, — тихо ответил Римский.

Помолчали. Грянул телефон. Варенуха схватил

трубку, крикнул в нее: «Да!», потом тотчас «Нет!» — бросил трубку криво на рычаг и спросил:

— Что же делать?

Римский молча снял трубку и сказал:

— Междугородная? Дайте сверхсрочный с Владикавказом.

«Умно!» — подумал Варенуха. Подождали. Римский повесил трубку и сказал:

— Испортился телефон с Владикавказом.

Римский тотчас же опять позвонил и заговорил в трубку, в то же время записывая карандашом сказанное.

— Примите «молнию» Владикавказ Масловскому. Ответ фотограмму 803.

«Сегодня до двенадцати дня Лиходеев был Москве От двенадцати до половины третьего он неизвестно где Почерк подтверждаю Меры наблюдения за указанным фотограмме артистом принимаю Замдиректора Кабаре Римский».

«Умно!» — подумал Варенуха, а сейчас же подумал: «Глупо! Не может он быть во Владикавказе!»

Римский же взял обе «молнии» и фотограмму, положил в конверт, заклеил конверт, надписал «в ОГПУ» и вручил конверт Варенухе со словами:

— Отвези, Василий Васильевич, немедленно. Пусть они разбирают.

«Это очень умно!» — подумал Варенуха и спрятал в портфель таинственный пакет, потом взял трубку и навертел номер Степиной квартиры. Римский насторожился, и Варенуха вдруг замигал и сделал знак свободной рукой.

— Мосье Воланд? — ласково спросил Варенуха. Римский затаил дыхание.

— Да, я, — ответил в трубке Варенухе бас.

— Добрый день, — сказал Варенуха, — говорит администратор «Кабаре» Варенуха.

— Очень приятно, — сказали в трубке, — как ваше здоровье?

— Мерси, — удивляясь иностранной вежливости, ответил Варенуха.

— Мне показалось, — продолжала трубка, — что вы вчера плохо выглядели, и я вам советую никуда сегодня не ходить.

Варенуха дрогнул от удивления, но, оправившись, сказал:

— Простите. Что, товарища Лиходеева нет дома?

— Нету, — ответила трубка.

— А, простите, вы не знаете, где он?

— Он поехал кататься на один час за город в автомобиле и сказал, что вернется в «Кабаре».

Варенуха чуть не уронил трубку и замахал рукой встревоженному Римскому.

— Мерси, мерси! — заговорил и закланялся Варенуха, — итак, ваше выступление сегодня в десять часов вечера.

— О да, я помню.

— Всего, всего добренького, — нежно сказал Варенуха и, грянув трубкой, победоносно воскликнул:

— Уехал кататься за город! Никакой не Владикавказ, а с дамой уехал! Вот-с!

— Если это так, то это черт знает что такое! — воскликнул бледный от негодования Римский.

— Все понятно! — ликовал Варенуха, — уехал, надрался и застрял.

— Но «молнии»? — глухо спросил Римский.

— Он же и телеграфирует в пьяном виде, — вскричал Варенуха и вдруг, хлопнув себя по лбу, закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! В Звенигороде есть трактир «Владикавказ»! Вспомнил! Оттуда он и молнирует!

— Нет, это чересчур! — заговорил озлобленный Римский, — и в конце концов я буду вынужден...

Но Варенуха его перебил.

— А пакет нести?

— Обязательно нести, — ответил Римский.

Тут же открылась дверь и вошла... «Она!» — подумал Римский... И действительно вошла та самая женщина и опять с белым пакетиком.

В телеграмме были слова:

«Спасибо подтверждение Молнией пятьсот Вылетаю Москву Лиходеев».

— Ну, не сук... — вскричал Варенуха, — не переводи! Он с ума сошел!

Но Римский ответил:

— Нет, деньги я переведу.

Варенуха, открыв рот, глядел на Римского, думая, что не Римского видит перед собой.

— Да, помилуй, Григорий Максимович, этот Масловский будет поражен, если там только есть Масловский! Я говорю тебе, что это из трактира!

— Это будет видно часа через два, — сказал Римский, указывая на портфель Варенухи.

Варенуха подчинился своему начальнику и условились так: Варенуха повезет немедленно таинственные телеграммы, а Римский пойдет обедать, после чего оба опять сойдутся в «Кабаре» заблаговременно перед спектаклем, ввиду исключительной важности сегодняшнего вечера.

Варенуха вышел из кабинета, прошелся по коридорам, оглянул подтянувшихся капельдинеров командирским взглядом, зашел и в вешалки, всюду и все нашел в полном порядке, узнал в кассе, что сбор резко пошел вверх с выпуском афиши о белой магии, и наконец заглянул перед самым уходом в свой кабинет.

Лишь только он открыл дверь, как на клеенчатом столе загремел телефон.

— Да! — пронзительно крикнул Варенуха в трубку.

— Товарищ Варенуха? — сказал в телефоне треснувший тенор. — Вот что, вы телеграммы сейчас никуда не носите. А спрячьте их поглубже и никому об них не говорите.

— Кто это говорит? — яростно закричал Варенуха. — Товарищ, прекратите ваши штуки! Я вас обнаружу! Вы сильно пострадаете!

— Товарищ Варенуха, — сказал все тот же препротивный голос в телефон, — вы русский язык понимаете? Не носите никуда телеграммы и Римскому ничего не говорите.

— Вот я сейчас узнаю, по какому номеру вы говорите! — заорал Варенуха и вдруг услышал, что трубку повесили и что никто его больше не слушает.

Тогда Варенуха оставил телефон, нахлобучил кепку, схватил портфель и через боковой выход устремился в летний сад, в который публика выходила во время антрактов из «Кабаре» курить.

Администратор был возбужден и чувствовал, что энергия хлещет из него. Кроме того, его обуревали приятные мысли. Он предвкушал много хорошего; как он сейчас явится куда следует, как возбудит большое внимание, и в голове его зазвучали даже целые отрывки из будущего разговора и какие-то комплименты по его адресу.

«Садитесь, товарищ Варенуха... гм... так вы полагаете, товарищ Варенуха... ага... так...», «Варенуха — свой парень... мы знаем Варенуху... правильно...», и слово «Варенуха» так и прыгало в голове у Варенухи.

Ветер дунул в лицо администратору, и в верхушках лип прошумело. Варенуха поднял голову и увидел, что темнеет. Сильно посвежело.

Как ни торопился Варенуха, он все же решился заглянуть по дороге в летнюю уборную, чтобы проверить, исполнили ли монтеры его повеление — провести в нее свет.

Мимо только что отстроенного тира по дорожке Варенуха пробежал к зданьицу, выкрашенному серой краской, с двумя входами и с надписями: «Мужская», «Женская». Варенуха пошел в мужское отделение и, прежде всего, увидел, что пять дней тому назад выкрашенные стены исписаны неплохо сделанными карандашом рисунками половых органов, четверостишиями и отдельными очень употребительными, но почему-то считающимися неприличными, словами. Самое короткое из них было выписано углем большими буквами как раз над сиденьем, и сиденье это было загажено.

— Что же это за народ? — воскликнул Варенуха сам себе и тут же услышал за своим плечом голос:

— Товарищ Варенуха?

Администратор почему-то вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой какого-то небольшого толстяка, как показалось Варенухе, с кошачьей мордой и одетого в клетчатое.

— Ну, я, — ответил Варенуха неприязненно, решив, что этот толстяк, конечно, сейчас же попросит у него контрамарку на сегодняшний вечер.

— Ах, вы? Очень приятно, — писклявым голосом сказал котообразный толстяк и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что тот слетел с ног и с размаху сел на запачканное сиденье.

Удару отозвался второй громовой удар в небе, блеснуло в уборной, и в ту же секунду в крышу ударил ливень. Еще раз блеснуло, и в зловещем свете перед администратором возник второй — маленького роста, но необыкновенно плечистый, рыжий, как огонь, один глаз с бельмом, изо рта клыки. Этот второй, будучи, очевидно, левшой, развернулся с левой руки и съездил сидящего администратора по другому уху. И опять бухнуло в небе и хлынуло сильнее. Крик «Караул!» не вышел у Варенухи, потому что перехватило дух.

— Что вы, товари... — прошептал совершенно ополоумевший администратор, но тут же сообразил, что слово «товарищи» никак не подходит к двум бандитам, избивающим человека в сортире в центре Москвы, прохрипел «граждане!», сообразил, что и названия граждан эти двое не заслуживают, и тут же получил тяжкий удар от того с бельмом, но уже не по уху, а по середине лица, так что кровь потекла по Варенухиной толстовке.

Тогда темный ужас охватил Варенуху. Ему почудилось, что его убьют. Но его больше не ударили.

— Что у тебя в портфеле, паразит, — пронзительно, перекрикивая шум грозы, спросил тот, который был похож на кота, — телеграммы?

— Те... телеграммы, — ответил администратор.

— А тебя предупреждали по телефону, чтобы ты не смел никуда их носить?

— Преду...предупре...ждали...дили... — ответил администратор, задыхаясь от ужаса.

— Но ты все-таки потопал? Дай сюда портфель, гад! — прогнусил второй с клыками, одним взмахом выдрав у Варенухи портфель из рук.

— Ах ты, ябедник паршивый! — воскликнул возмущенный тип, похожий на кота, и пронзительно свистнул.

И тут безумный администратор увидел, что стены уборной завертелись вокруг него, потом исчезли, и во мгновение ока он оказался в темноватой и очень хорошо ему знакомой передней Степиной квартиры.

Дверь, ведущая в комнаты, отворилась, и в ней показалась рыжая с горящими глазами голая девица. Она простерла вперед руки и приблизилась к Варенухе. Тот понял, что это самое страшное из того, что с ним случилось, и отшатнулся, и слабо вскрикнул.

Но девица подошла вплотную к Варенухе, положила ладони ему на плечи, и Варенуха почувствовал даже сквозь толстовку, что ладони эти холодны как лед.

— Какой славненький! — тихо сказала девица, — дай, я тебя поцелую!

И тут Варенуха увидел перед самыми своими глазами сверкающие зеленые глаза и окровавленный извивающийся рот. Тогда сознание покинуло Варенуху.

ГРОЗА И РАДУГА

Скудный бор, еще недавно освещенный майским солнцем, был неузнаваем сквозь белую решетку: он помутнел, размазался и растворился. Сплошная пелена воды валила за решеткой. Время от времени ударяло в небе, время от времени лопалось в небе, тогда всю комнату освещало, освещало и листки, которые предгрозовой ветер сдул со стола, и больного в белье, сидящего на кровати.

Иванушка тихо плакал, глядя на смешавшийся бор и отложив огрызок карандаша. Попытки Иванушки со-

чинить заявление относительно таинственного консультанта не привели ни к чему. Лишь только он получил бумагу и карандаш, он хищно потер руки и тотчас написал на листке начало: «В ОГПУ. Вчера около семи часов вечера я пришел на Патриаршие Пруды с покойным Михаилом Александровичем Берлиозом...»

И сразу же Иван запутался — именно из-за слова «покойный». Выходила какая-то безлепица и бестолочь: как это так с покойным пришел на Патриаршие Пруды? Не ходят покойники! «Еще, действительно, за сумасшедшего примут...» — подумал Иван, вычеркнул слово «покойный», написал «с М. А. Берлиозом, который потом попал под трамвай»... не удовлетворился и этим, решил начать с самого сильного, чтобы сразу остановить внимание читающего, написал про кота, садящегося в трамвай, потом про постное масло, потом вернулся к Понтию Пилату, для вящей убедительности решил весь рассказ изложить полностью, написал, что Пилат шел шаркающей кавалерийской походкой...

Иван перечеркивал написанное, надписывал сверху строк, попытался даже нарисовать страшного консультанта, а когда все перечел и сам ужаснулся, и вот, плакал, слушая, как шумит гроза.

Толстая белая женщина неслышно вошла в комнату, увидела, что поэт плачет, встревожилась, тотчас заявила, что вызовет Сергея Павловича, и прошел час, и уже бора узнать опять нельзя было. Вновь он вырисовался до последнего дерева и расчистилось небо до голубизны, и лежал Иван без слез на спине, и видел сквозь решетку, как, опрокинувшись над бором, в небе рисовалась разноцветная арка.

Сергей Павлович, сделав какой-то укол в плечо Ивану, ушел, попросив разрешения забрать листки, и унес их с собой, уверив, что Иван больше плакать не будет, что это его расстроила гроза, что укол поможет и что все теперь изменится в самом наилучшем смысле.

И точно, оказался прав. Иван и сам не заметил, как слизнуло с неба радугу, как небо это загрустило и

потемнело, как бор опять размазался, и вдруг вышла из-за него неполная луна, и бор от этого совсем почернел.

Иван с удовольствием выпил горячего молока, прилег, приятно зевая, и стал думать, причем и сам подивился, до чего изменились его мысли.

Воспоминания об ужасной беззубой бабе, кричавшей про Аннушку, и о черном коте исчезли, а вместо них Иван стал размышлять о том, что, по сути дела, в больнице очень хорошо, что Стравинский очень умен, что воздух, текущий сквозь решетку, сладостен и свеж.

Дом скорби засыпал к одиннадцати часам вечера. В тихих коридорах потухали белые матовые лампы и загорались дежурные слабые голубые ночники. В камерах умолкали и бреды, и шепоты, и только отдельный корпус буйных до утра светился полной беспокойной жизнью. Толстую сменила худенькая, и несколько раз она заглядывала к Ивану, но, убедившись, что он мирно дремлет, перестала его навещать.

Иван же, лежа в сладкой истоме, сквозь полуопущенные веки смотрел и видел в прорезах решетки тихие мирные звезды и думал о том, почему он, собственно, так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай?

— В конечном счете, ну его в болото! — прошептал Иван и сам подивился своему равнодушию и цинизму. — Что я ему, кум или сват? Если как следует провентилировать этот вопрос, то выясняется, что я совершенно не знал покойника. Что мне о нем было известно? Ничего кроме того, что он был лысый, и более ровно ничего.

— Далее, товарищи! — бормотал Иван, — почему я, собственно, взбесился на этого загадочного консультанта на Патриарших, мистика с пустым глазом? К чему вся эта петрушка в ресторане?

— Но, но, но, — вдруг сказал где-то прежний Иван новому Ивану, — а про постное-то масло он знал!

— Об чем, товарищ, разговор? — отвечал новый Иван прежнему, — знать заранее про смерть еще не

значит эту смерть причинить! А вот, что самое главное, так это, конечно, Пилат, и Пилата-то я и проморгал! Вместо того чтобы устраивать дикую бузу с криками на Прудах, лучше было бы расспросить досконально про Пилата! А теперь дудки! А я чепухой занялся — важное кушанье, в самом деле, редактор под трамвай попал!

Подремав еще немного, Иван новый ехидно спросил у старого Ивана:

— Так кто же я такой в этом случае?

— Дурак! — отчетливо сказал бас, не принадлежащий ни одному из Иванов. Иван, почему-то приятно изумившись слову «дурак» и даже хихикнув, открыл глаза, но увидел, что в комнате никого нет, и опять задремал, причем ему показалось, что пальма качает шапкой за решеткой. Иван всмотрелся и разглядел за решеткой человеческую фигуру, поднялся без испуга и слышал, как фигура, погрозив ему пальцем сквозь решетку, прошептала: — Тсс!

БЕЛАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Высоко приподнятая над партером сцена «Кабаре» была освещена прожекторами так ярко, что казалось, будто на ней солнечный день.

И на эту сцену маленький человек в дырявом котелке, с грушевидным малиновым носом, в клетчатых штанишках и лакированных ботинках, выехал на двухколесном велосипеде. Выкатившись, он издал победный крик, отчего его велосипед поднялся на дыбы. Проехавшись на заднем колесе, человечек перевернулся кверху ногами, на ходу отвинтил заднее колесо и поехал на одном переднем, вертя педали руками. Громадный зал «Кабаре» рассмеялся, и аплодисмент прокатился сверху вниз.

Тут под звуки меланхолического вальса из кулисы выехала толстая блондинка в юбочке, усеянной звездами, на сиденье на конце высочайшей тонкой мачты,

под которой имелось только одно маленькое колесо. И блондинка заездила по сцене. Встречаясь с ней, человечек издавал приветственные крики и ногой снимал котелок. Затем выехал молодой человек с необыкновенно развитыми мускулами под красным трико и тоже на высокой мачте и тоже заездил по сцене, но не сидя в сиденье, а стоя в нем на руках. И, наконец, малютка со старческим лицом, на крошечной двуколеске, и зашнырял деловито между взрослыми, вызывая раскаты смеха и хлопки.

В заключение вся компания под тревожную дробь барабана подкатилась к самому краю сцены, и в первых рядах испуганно шарахнулись, потому что публике показалось, что компания со своими машинами грохнется в оркестр. Но велосипедисты остановились как раз тогда, когда колеса уже должны были соскользнуть на головы джазбандистам, и с громким воплем соскочили с машин, причем блондинка послала воздушный поцелуй публике. Грохот нескольких тысяч рук потряс здание до купола, занавес пошел и скрыл велосипедистов, зеленые огни в проходах угасли, меж трапециями, как солнца, вспыхнули белые шары. Наступил антракт.

Единственным человеком, которого ни в какой мере не интересовали подвиги велосипедной семьи Рибби, выписанной из Вены, был Григорий Максимович Римский.

Григорий Максимович сидел у себя в кабинете, и если бы кто-либо увидел его в этот момент, поразился бы до глубины души. Никто в Москве никогда не видел Римского расстроенным, а сейчас на Григории Максимовиче буквально не было лица.

Дело в том, что не только Степа не дал больше ничего знать о себе и не явился, но пропал и совершенно бесследно Варенуха.

Что думал о Степе Римский, мы не знаем, но известно, что он думал о Варенухе, и, увы, это было до того неприятно, что Римский сидел бледный и одинокий и по лицу его проходила то и дело судорога.

Когда человек уходит и пропадает, не трудно догадаться, что случилось с ним, и Римский, кусая тонкие губы, бормотал только одно: «Но за что?»

Ему почему-то до ужаса не хотелось звонить по поводу Варенухи, но он все-таки принудил себя и снял трубку. Однако оказалось, что телефон испортился. Вызванный звонком курьер доложил, что испортились все телефоны в «Кабаре». Это, казалось бы, совершенно неудивительное событие почему-то окончательно потрясло Римского, и в глазах у него появилось выражение затравленности.

Когда до слуха финдиректора глухо донесся финальный марш велосипедистов, вошел курьер и доложил, что «они прибыли».

Замдиректора почему-то передернуло, и он пошел за кулисы, чтобы принять гастролера.

В уборную, где поместили иностранного артиста, под разными предлогами заглядывали разные лица. В душном коридоре, где уже начали трещать сигнальные звонки, шныряли фокусники в халатах с веерами, конькобежец в белой вязанке, прошел какой-то бледный в смокинге, бритый, мелькали пожарные.

Прибывшая знаменитость поразила всех, во-первых, своим невиданным по покрою и добротности материала фраком, во-вторых, тем, что был в черной маске, и, в-третьих, своими спутниками. Их было двое: один длинный, тонкий, в клетчатых брючонках и в треснувшем пенсне. Короче говоря, тот самый Коровьев, которого в одну секунду узнал бы товарищ Босой, но товарищ Босой, к сожалению, в «Кабаре» быть никак не мог в это время. И второй был неимоверных размеров черный кот, который как вошел, так и сел непринужденно на диван, щурясь на ослепительные огни гримировальных лампионов.

В уборной толкалось много народу; был маленький помощник режиссера в кургузом пиджачке, чревовещательница, пришедшая под тем предлогом, что ей нужно взять пудру, курьер и еще кто-то.

Римский с большим принуждением пожал руку магу, а длинный и развязный и сам поздоровался с Римским, отрекомендовавшись так; «ихний помощник».

Римский очень принужденно осведомился у артиста о том, где его аппаратура, и получил глухой ответ сквозь маску:

— Мы работаем без аппаратуры...

— Наша аппаратура, товарищ драгоценный, — ввязался тут же клетчатый помощник, — вот она. При нас! Эйн, цвей, дрей! — И тут наглец, повертев узловатыми пальцами перед глазами отшатнувшегося Римского, вытащил внезапно из-за уха кота собственные золотые Римского часы, которые были у него до этого в кармане под застегнутым пиджаком, с продетой в петлю цепочкой.

Кругом ахнули, и заглядывавший в дверь портной крякнул.

Тут затрещал последний сигнал, и под треск этот кот отмочил штуку, которая была почище номера с часами. Именно он прыгнул на подзеркальный стол, лапой снял пробку с графина, налил воды в стакан и выпил ее, после чего пробку водрузил на место. Тут даже никто не ахнул, а только рты раскрыли, и в дверях кто-то шепнул:

— Ай! Класс!

Через минуту шары в зале погасли, загорелись зеленые надписи «выход», и в освещенной щели голубой завесы предстал толстый, веселый, как дитя, человек в помятом фраке и несвежем белье. Видно было, что публика в партере, узнав в вышедшем известного конферансье Чембукчи, нахмурилась.

— Итак, граждане, — заговорил Чембукчи, улыбаясь, — сейчас перед вами выступит знаменитый иностранный маг герр Воланд. Ну, мы-то с вами понимаем, — хитро подмигнув публике, продолжал Чембукчи, — что никакой белой магии на самом деле в природе не существует. Просто мосье Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса. Ну, а тут двух мнений

быть не может! Мы все, начиная от любого уважаемого посетителя галерки и вплоть до почтеннейшего Аркадия Аполлоновича, — и здесь Чембукчи послал ручкой привет в ложу, где сидел с тремя дамами заведующий акустикой московских капитальных театров Аркадий Аполлонович Семплеяров, — все, как один, за овладение техникой и против всякой магии! Итак, попросим мистера Воланда!

Произнеся всю эту ахинею, Чембукчи отступил на шаг, сцепил обе ладони и стал махать ими в прорез занавеса, каковой и разошелся в обе стороны. Публике выход Воланда с его помощниками очень понравился. Замаскированного великана, клетчатого помощника и кота встретили аплодисментами.

Коровьев раскланялся с публикой, а Воланд не шевельнулся.

— Кресло мне, — негромко сказал Воланд, и в ту же минуту неизвестно кем и каким образом на сцене появилось кресло.

Слышно было, как вздохнула публика, а затем наступила тишина.

Дальнейшее поведение артистов поразило публику еще более, чем появление кресла из воздуха.

Развалившись на полинявшей подушке, знаменитый артист не спешил ничего показывать, а оглядывал публику, машинально покручивая ухо черного кота, приютившегося на ручке кресла.

Наконец послышались слова Воланда:

— Скажи мне, рыцарь, — очень негромко осведомился он у клетчатого гаера, который стоял, развязно опершись на спинку кресла, — это и есть московское народонаселение?

— Точно так, — почтительно ответил клетчатый циркач.

— Так... так... так... — загадочно протянул Воланд, — я, надо признаться, давненько не видел москвичей... Надо сказать, что внешне они сильно изменились, как и сам город... Появились эти... трамваи, автомобили...

Публика внимательно слушала, полагая, что это прелюдия к магическим фокусам.

Между кулисами мелькнуло бледное лицо Римского среди лиц артистов.

На физиономии у Чембукчи, приютившегося сбоку одного занавеса, мелькнуло выражение некоторого недоумения, и он чуть-чуть приподнял бровь. Воспользовавшись паузой, он вступил со словами:

— Иностранный артист выражает свое восхищение Москвой, которая значительно выросла в техническом отношении, а равно также и москвичами, — приятно улыбаясь, проговорил Чембукчи, профессионально потирая руки.

Тут Воланд, клоун и кот повернули головы в сторону конферансье.

— Разве я выразил восхищение? — спросил артист у клетчатого.

— Нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, — доложил клетчатый помощник.

— Так... что же он говорит?

— А он просто соврал, — звучно сказал клетчатый и, повернувшись к Чембукчи, прибавил:

— Поздравляю вас, соврамши!

На галерее рассмеялись, а Чембукчи вздрогнул и выпучил глаза.

— Но меня, конечно, не столько интересуют эти автобусы, телефоны и... прочая...

— Мерзость! — подсказал клетчатый угодливо.

— Совершенно верно, благодарю, — отозвался артист, — сколько более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне, э?

— Важнейший вопрос, мессир, — озабоченно отозвался клетчатый.

В кулисах стали переглядываться, пожимать плечами, но, как бы отгадав тревогу за кулисами, артист сказал снисходительно:

— Ну, мы заговорились, однако, дорогой Фагот, а публика ждет от нас чудес белой магии. Покажи им что-нибудь простенькое.

Тут зал шевельнулся, и пять тысяч глаз сосредоточились на клетчатом. А тот щелкнул пальцами, залихватски крикнул:

— Три, четыре!..

Тотчас поймал из воздуха атласную колоду карт, стасовал ее и лентой пустил через сцену.

Кот немедленно поймал колоду, в свою очередь стасовал ее, соскочил с кресла, встал на задние лапы и обратно выпустил ее к клетчатому. Атласная лента фыркнула, клетчатый раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.

Даже аплодисмента не было, настолько кот поразил публику.

— Класс! — воскликнули за кулисами.

А Фагот указал пальцем в партер и сказал:

— Колода эта таперча, уважаемые граждане, в седьмом ряду, место семнадцатое, в кармане.

В партере зашевелились, и затем какой-то гражданин, пунцовый от смущения, извлек из кармана колоду и застенчиво тыкал ею в воздух, не зная, куда ее девать.

— Пусть она останется у вас на память, гражданин Парчевский, — козлиным голосом прокричал Фагот, — вы не зря говорили вчера, что без покера жизнь в Москве несносна.

Тот, фамилия которого действительно была Парчевский, вытаращил глаза и колоду положил на колени.

— Стара штука! — раздался голос с галерки, — они уговорились!

— Вы полагаете? — отозвался Фагот, — в таком случае она у вас в кармане!

На галерке произошло движение, послышался радостный голос:

— Червонцы!

Головы поднялись кверху. Какой-то смятенный гражданин на галерке обнаружил у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом, с надписью «Одна тысяча рублей». Соседи навалились на него, а он начал ковырять пачку пальцем, стараясь

дознаться, настоящие это червонцы или какие-нибудь волшебные.

— Истинный Бог, червонцы! — заорали на галерке.

— Сыграйте со мной в такую колоду! — весело попросил женский голос в ложе.

— Авек плезир, медам, — отозвался клетчатый и крикнул:

— Прошу глядеть в потолок!

Головы поднялись, Фагот рявкнул:

— Пли!

В руке у него сверкнуло, бухнул выстрел, и тотчас из-под купола, ныряя между нитями подтянутых трапеций, начали падать в партер белые бумажки. Они вертелись, их разносило в стороны, забивало на галерею, откидывало и в оркестр, и в ложи, и на сцену.

Через несколько секунд бумажки, дождь которых все густел, достигли кресел, и немедленно зрители стали их ловить. Сперва веселье, а затем недоумение разлилось по всему театру. Сотни рук поднялись к лампам и на бумажках (увидели) самые праведные, самые несомненные водяные знаки. Запах также не оставлял ни малейших сомнений: это был единственный, лучший в мире и ни с чем не сравнимый запах только что отпечатанных денег. Слово «червонцы! червонцы!» загудело в театре, послышался смех, вскрики «ах, ах», зрители вскакивали, откидывали спинки, ползали в проходах.

Эффект, вызванный фокусом белой магии, был ни с чем не сравним. На лицах милиции в проходах выразилось смятение, из кулис без церемоний стали высовываться артисты. На галерее вдруг послышался голос: «Да ты не толкайся! Я тебя сам так толкну!» и грянула плюха, произошла возня, видно было, как кого-то повлекли с галереи. На лицо Чембукчи было страшно глянуть. Он круглыми глазами глядел то на вертящиеся бумажки, то на замаскированного артиста в кресле, то старался диким взором поймать за кулисами Римского, то в ложе взгляд Аркадия Аполлоновича.

Трое молодых людей из партера, плечистые, в так

называемых пуловерах под пиджаками, нахватав падающих денег, вдруг бесшумно смылись из партера, как будто по важной и срочной надобности.

В довершение смятения дирижер, дико оглянувшись, взмахнул палочкой, и тотчас оркестр заиграл, а мужской голос ни к селу ни к городу запел: «У самовара я и моя Маша!» Возбуждение от этого усилилось, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы кот вдруг не дунул с силой в воздух, отчего червонный снег прекратился.

Публика мяла и смотрела на свет бумажки, охала, разочарованно глядела вверх, глаза у всех сияли.

Тут только Чембукчи нашел в себе силы и шевельнулся. Стараясь овладеть собой, он потер руки и звучным голосом заговорил:

— Итак, товарищи, мы с вами сейчас видели так называемый случай массового гипноза. Научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес не существует. Итак, попросим мосье Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти якобы денежные бумажки, что у вас в руках, исчезнут так же внезапно, как и появились!

Тут он зааплодировал, но в совершенном одиночестве. На лице конферансье сохранял при этом выражение уверенности, но в глазах этой уверенности не было и даже выражалась мольба. Публике его речь не понравилась, наступило молчание, которое было прервано клетчатым Фаготом.

— Это так называемый случай вранья, — заявил он своим козлиным тенором, — бумажки, граждане, настоящие!

— Браво! — восторженно крикнули на галерке.

— Между прочим, этот, — тут клетчатый нахал указал на бледного Чембукчи, — мне надоел, суется все время, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы с ним такое сделать?

— Голову ему оторвать! — крикнул злобно какой-то мужчина.

— О? Идея! — воскликнул Фагот, и тут произош-

ла невиданная вещь. Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздирающе мяукнул. Затем прыгнул, как тигр, прямо на грудь к несчастному Чембукчи и пухлыми лапами вцепился в его жидкую шевелюру, в два поворота влево и вправо — и кот, при мертвом молчании театра, сорвал голову Чембукчи с пухлой шеи.

Две с половиной тысячи человек, как один, вскрикнули. Песня про самовар и Машу прекратилась.

Безглавое тело нелепо загребло ногами и село на пол. Кровь потоками побежала по засаленному фраку.

Кот передал голову Фаготу, тот за волосы поднял ее и показал публике, и голова вдруг плаксиво на весь театр крикнула:

— Доктора!

В партере послышались истерические крики женщин, а на галерке грянул хохот.

— Ты будешь нести околесину в другой раз? — сурово спросил клетчатый.

— Не буду, — ответила, плача, голова.

— Ради Христа, не мучьте его! — вдруг на весь театр прозвучал женский голос в партере, и видно было, как замаскированный повернул в сторону голоса лицо.

— Так что же, граждане, простить, что ли, его? — спросил клетчатый у публики.

— Простить! Простить! — раздались вначале отдельные и преимущественно женские голоса, а затем они слились в дружный хор вместе с мужскими.

— Что же, все в порядке, — тихо, сквозь зубы, проговорил замаскированный, — алчны, как и прежде, но милосердие не вытравлено вовсе уж из их сердец. И то хорошо.

И громко сказал:

— Наденьте голову!

Кот с клетчатым во мгновенье ока нахлобучили голову на окровавленную шею, и голова эта, к общему потрясению, прочно и крепко села на место, как будто никогда и не отлучалась. Клетчатый мгновенно нахватал из воздуха червонцев, сунул их в руку бессмыслен-

но улыбавшемуся Чембукчи, подпихнул его в спину и со словами:

— Катитесь отсюда, без вас веселей! — выпроводил его со сцены.

Чембукчи, все так же безумно улыбаясь, дошел только до пожарного поста и возле него упал в обморок.

К нему кинулись, в том числе Римский, лицо которого было буквально страшно.

Пока окружавшие Чембукчи смотрели, как растерянный доктор совал в нос бедному конферансье склянку с нашатырным спиртом, клетчатый Фагот отпорол новую штуку, которая вызвала неописуемый восторг в театре, объявив:

— Таперича, граждане, мы открываем магазин! Клетчатый вдруг всю сцену осветил разноцветными огнями, и публика увидела ослепительные дамские платья разных цветов, отражающиеся в громадных зеркалах, опять-таки неизвестно откуда взявшихся.

Сладко ухмыляясь, клетчатый объявил, что производит обмен старых дамских платьев на парижские модели и притом совершенно бесплатно.

Колебание продолжалось около минуты, пока какая-то хорошенькая и полная блондинка, улыбаясь улыбкой, которая показывала, что ей наплевать, не последовала из партера по боковому трапу на сцену.

— Браво! — вскричал Фагот и тут же развернул широчайший черный плащ, блондинка скрылась за ним, из-за плаща вылетело прежнее блондинкино платье, которое подхватил кот, и эта блондинка вдруг вышла в таком туалете, что в публике прокатился вздох, и через секунду на сцене оказалось около десятка женщин.

— Я не позволяю тебе! — послышался придушенный мужской голос в партере.

— Дурак, деспот и мещанин! Не ломайте мне руку! — ответил придушенный женский голос.

Кот не успевал подхватывать вылетающие из-за плаща прежние старенькие платьица, комкать их.

Через минуту на сцене стояли десять умопомрачительно одетых женщин, и весь театр вдруг разразился громовым аплодисментом.

Тут клетчатый потушил огни, убрал зеркала и объявил зычно, что все продано.

И здесь вмешался в дело Аркадий Аполлонович Семплеяров.

— Все-таки нам было бы приятно, гражданин артист, — интеллигентным и звучным баритоном проговорил Аркадий Аполлонович, и театр затих, слушая его, — если бы вы разоблачили нам технику массового гипноза, в частности денежные бумажки.

И, чувствуя на себе взоры тысяч людей, Аркадий Аполлонович поправил пенсне на носу.

— Пардон, — отозвался клетчатый, — это не гипноз, я извиняюсь. И в частности, разоблачать тут нечего.

— Браво! — рявкнул на галерке бас.

— Виноват, — сказал Аркадий Аполлонович, — все же это крайне желательно. Зрительская масса...

— Зрительская масса, — заговорил клетчатый нахал, — интересуется, Аркадий Аполлонович, вопросом о том, где вы были вчера вечером?

— Браво! — крикнули на галерке.

И тут многие увидели, что лицо Аркадия Аполлоновича страшно изменилось.

— Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании, — неожиданно сказала надменным голосом пожилая дама, сидящая рядом с Аркадием Аполлоновичем.

— Нон, мадам, — ответил клетчатый, — вы в заблуждении. Выехав вчера на машине на заседание, Аркадий Аполлонович повернул в Третью Мещанскую улицу и заехал к нашей очаровательной артистке Клавдии Парфеновне Гаугоголь...

Клетчатый не успел договорить. Сидящая в той ложе, где и Аркадий Аполлонович, неописуемой красоты молодая дама приподнялась и, крикнув мощным голосом:

— Давно подозревала! — и размахнувшись, лиловым зонтиком ударила Аркадия Аполлоновича по голове.

— Мерзавка! — вскричала пожилая, — как смела ты ударить моего мужа!

И тут неожиданно кот на задних лапах подошел к рампе и рявкнул так, что дрогнули трапеции под потолком:

— Сеанс окончен! Маэстро, марш!

И ополоумевший маэстро, сам не понимая, что он делает, взмахнул палочкой, и оркестр грянул залихватский, чудовищный, нелепый, нестерпимый марш, после чего все смешалось.

Видно было только одно, что все три артиста, то есть замаскированный, клетчатый и кот, бесследно исчезли.

ПОЛНОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Погрозив Иванушке пальцем, фигура прошептала:

— Тсс!..

Иван изумился и сел на постели.

Тут решетка отодвинулась, и в комнату Ивана, ступая на цыпочках, вошел человек лет 35-ти примерно, худой и бритый блондин, с висящим клоком волос и с острым птичьим носом.

Сказавши еще раз: «Тсс», пришедший сел в кресло у Иванушкиной постели и запахнул свой больничный халатик.

— А вы как сюда попали? — спросил шепотом Иван, повинуясь острому осторожному пальцу, который ему грозил, — ведь решеточки-то на замочках?

— Решеточки-то на замочках, — повторил гость, — а Прасковья Васильевна человек добродушный, но неаккуратный. Я у нее ключ стащил.

— Ну? — спросил Иван, заражаясь таинственностью гостя.

— Таким образом, — продолжал пришедший, — выхожу на балкон... Итак, сидим?..

— Сидим, — ответил Иван, с любопытством всматриваясь в живые зеленые глаза пришельца.

— Вы, надеюсь, не буйный? — спросил пришедший. — А то я не люблю драк, шума и всяких таких вещей.

Преображенный Иван мужественно ответил:

— Вчера в ресторане одному типу я засветил по рылу.

— Основание?

— Без основания, — признался Иван.

— Напрасно, — сказал пришедший и спросил отрывисто:

— Профессия?

— Поэт, — неохотно признался Иван.

Пришедший расстроился.

— Ой, как мне не везет! — воскликнул он. Потом заговорил:

— Впрочем, простите. Про широкую реку, в которой прыгают караси, а кругом тучный край, *про солнечный размах*, про ветер, и полевую силу, и гармонь — *писали*?

— А вы читали? — спросил Иван.

— И не думал, — ответил пришедший, — я таких вещей не читаю. Я человек больной, мне нельзя читать про это. Ужасные стишки?

— Чудовищные, — отозвался Иван.

— Не пишите больше, — сказал пришедший.

— Обещаю, — сказал Иван торжественно.

Тут пожали друг другу руки.

Пришедший прислушался испуганно, потом сказал:

— Нет, фельдшерица больше не придет. Из-за чего сели?

— Из-за Понтия Пилата, — сказал Иван.

— Как? — воскликнул пришедший и сам себе зажал рот, испугавшись, что его кто-нибудь услышит. Потом продолжал тише: — Удивительное совпадение. Расскажите.

Иван, почему-то испытывая доверие к неизвест-

ному посетителю, вначале робко, а затем все более расходясь, рассказал вчерашнюю историю, причем испытал полное удовлетворение. Его слушатель не только не выражал никакого недоверия, но, наоборот, пришел в величайший восторг. Он то и дело прерывал Ивана, восклицая: «Ну-ну», «Так, так», «Дальше!», «Не пропускайте!» А рассказ о коте в трамвае положительно потряс слушателя. Он заставил Ивана подробнейшим образом описывать неизвестного консультанта и в особенности добивался узнать, какая у него борода. И когда узнал, что острая, торчащая из-под подбородка, воскликнул:

— Ну, если это только так, то это потрясающе!

А когда узнал, что фамилия начиналась на букву «W», изменился в лице и торжественно заявил, что у него почти и нет никаких сомнений.

— Так кто же он такой? — спросил ошеломленный Иван.

Но собеседник его сказал, что сообщить он этого пока не может, на том основании, что *Иван этого не поймет*. Иван почему-то не обиделся, а просто спросил: что же делать, чтобы поймать таинственного незнакомца?

На это собеседник расхохотался, зажимая рот самому себе, и только проговорил:

— И не пробуйте!

Затем, возбужденно расхаживая по комнате, заговорил о том, что заплатил бы сколько угодно, лишь бы встретиться с ним, получить кой-какие справки необходимые, чтобы дописать его роман, но что, к сожалению, он нищий, заплатить ничего не может, да и встретить его, этого... ну, словом, того, кого встретил Иван, он, увы, не встретит...

— Вы писатель? — спросил Иван, сочувствуя расстроенному собеседнику.

— Я — *мастер*, — ответил тот и, вынув из кармана черную шелковую шапочку, надел ее на голову, отчего его нос стал еще острей, а глаза близорукими.

Неизвестный тут же сказал, что он носил раньше

очки, но в этом доме очков носить не позволяют и что это напрасно... не станет же он сам себе пилить горло стеклом от очков? Много чести и совершеннейшая нелепость! Потом, увлекшись и взяв с Ивана честное слово, что все останется в тайне, рассказал, что, собственно, только один человек знает, что он мастер, но что, так как она женщина замужняя, то именно ее открыть не может... А что пробовал он его читать кое-кому, но его и половины не понимают. Что не видел ее уже полтора года и видеть не намерен, так как считает, что жизнь его закончена и показываться ей в таком виде ужасно.

— А где она? — расспрашивал Иван, очень довольный ночной беседой.

Гость сказал, что она в Москве... Но обстоятельства сложились прекурьезно. То есть *не успел он дописать свой роман до половины, как* . . . . . .

— Но, натурально, этим ничего мне не доказали, — продолжал гость и рассказал, как он стал скорбен главой и начал бояться толпы, которую, впрочем, и раньше терпеть не мог, и вот, его привезли сюда и что она, конечно, навестила бы его, но знать о себе он не дает и не даст... Что ему здесь даже понравилось, потому что, по сути дела, здесь прекрасно и, главное, нет людей. Что же касается Ивана, то, по заключению гостя, Иван совершенно здоров, но вся беда в том, что Иван (гость извинился) невежествен, а Стравинский, хотя и гениальный психиатр, но сделал ошибку, приняв рассказы Ивана за бред больного.

Иван тут поклялся, что больше в невежестве коснеть не будет, и осведомился, о чем роман. Но гость не сразу сказал о чем, а хихикая в ночи и поблескивая зелеными глазами, рассказал, что когда прочел Износкову, приятелю редактора Яшкина, то Износков так удивился, что даже ужинать не стал и все разболтал Яшкину, а Яшкину роман не только не

понравился, но он будто бы даже завизжал от негодования на такой роман и что отсюда пошли все беды. Короче же говоря, роман этот был про молодого Ешуа Га-Ноцри. Иванушка тут сел и заплакал, и лицо у гостя перекосилось, и он заявил, что повел себя как доверчивый мальчишка, а Износков — Иуда!

— Из Кериота! — пламенно сказал Иван.

— Откуда вы знаете? — удивленно вопросил гость, а Иван, отирая слезы, признался, что знает и больше, но вот горе, вот увы! — не все, но страстно желает знать, что случилось дальше-то после того, как Ешуа двинулся с лифостротона, и был полдень.

И что все неважно, и ловить этого удивительного рассказчика тоже не нужно, а нужно слушать лежа, закрыв глаза, про Ешуа, который шел, обжигаемый солнцем, с лифостротона, когда был полдень.

— За полднем, — заговорил гость, — пришел первый час, за ним второй час, и час третий, и так наконец настал самый мучительный — час шестой.

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Настал самый мучительный час шестой. Солнце уже опускалось, но косыми лучами все еще жгло Лысую Гору над Ершалаимом, и до разбросанных камней нельзя было дотронуться голой рукой.

Солдаты, сняв раскаленные шлемы, прятались под платами, развешанными на концах копий, то и дело припадали к ведрам и пили воду, подкисленную уксусом.

Солдаты томились и, тихо ворча, проклинали ершалаимский зной и трех разбойников, которые не хотели умирать.

Один лишь командир дежурящей и посланной в оцепление кентурии Марк Крысобой, кентурион-великан, боролся со зноем мужественно. Под шлем он подложил длинное полотенце, смоченное водой, и

методически, пугая зеленоватых ящериц, которые одни ликовали по поводу зноя, ходил от креста к кресту, проверяя казнимых.

Холм был оцеплен тройным оцеплением. Вторая цепь опоясывала белесую гору пониже и была реже первой, а у подножия горы, там, где начинался пологий подъем на нее, находился спешенный эскадрон.

Сирийцы пропускали всех граждан, которые желали видеть казнь троих, но смотрели, чтобы ершалаимские жители не скоплялись бы в большие толпы и не проходили бы с какой-нибудь поклажей, не учиняли бы каких-либо демонстраций. А за вторую цепь уже не пропускали никого. Бдительность спешенных сирийцев, повязанных чалмами из мокрых полотенец, во вторую половину дня была, в сущности, излишней. Если в первые часы у подножия холма еще были кучки зевак, глядевших, как на горе поднимали кресты с тремя пригвожденными и устанавливали *громадный щит с надписью на ... языке «Разбойники»*, то теперь, когда солнце уходило за Ершалаим, караулить было некого. Меж сирийской цепью и цепью спешенных легионеров находились только какой-то мальчишка, оставивший своего осла на дороге близ холма, неизвестная старуха с пустым мешком, которая, как она бестолково пыталась объяснить сирийцам, желала получить какие-то и чьи-то вещи, и двух собак — одной лохматой желтой, другой — гладкой запаршивевшей.

Но в стороне от гладкого спуска, под корявой и чахлой смоковницей поместился один зритель, который явился к самому началу казни и вот уже пятый час, прикрывшись грязной тряпкой от солнца, сидел под совершенно не отбрасывающей тень смоковницей.

Явившись к началу казни, зритель повел себя странно. Когда процессия поднялась на холм и цепь замкнулась за ней, он сделал наивную попытку, не

слушая окриков, подняться следом за легионерами, за что получил страшный удар тупым концом копья в грудь и слетел с ног.

Оглядев ударившего его воспаленными глазами, человек поднялся, собрался с силами и, держась за грудь, тронулся в сторону, пытаясь проникнуть в другом месте, но тут же вернулся, сообразив, что если сделает еще одну попытку, будет арестован, а быть задержанным в этот день в его план не входило.

Он вернулся и утвердился под смоковницей, там, где ротозеи не мешали ему. Место он выбрал так, чтобы видеть вершину с крестами.

Сидя на камне, человек чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами, тосковал.

Он то, вздыхая, открывал на груди таллиф и обнажал грудь, по которой стекал пот, то глядел в небо и следил за тремя орлами-стервятниками, которые в стороне от холма делали тихие коварные круги или повисали неподвижно над холмом, дожидаясь неизбежного вечера, то вперял безнадежный взор в землю и видел выбеленный собачий череп под ногами и шныряющих веселых ящериц.

Мучения человека были так велики, что иногда он заговаривал вслух сам с собой.

— О, я трус, — бормотал он, от внутренней боли царапая ногтями расшибленную грудь, — падаль, падаль, собака, жалкая тварь, пугливая женщина!.. Глупец! Проклинаю себя!

Он поникал головой, потом оживал вновь, напившись из фляжки тепловатой воды, хватался то за нож, спрятанный за пазухой, то за покрытую воском таблицу. Нож он, горько поглядев на него, прятал обратно, а на таблице украдкой заостренной палочкой выцарапывал слова.

На таблице было им выцарапано так.

«Второй час. Я — Левий Матвей нахожусь на Лысой Горе. Ничего».

Далее:

«Третий час. Там же. Ничего».

И теперь Левий безнадежно записал, поглядев на солнце:

«И шестой час ничего».

И от тоски расцарапал себе грудь, но облегчения не получил.

Причина тоски Левия заключалась в той тяжкой ошибке, которую он сделал. Когда Га-Ноцри и других двух осужденных, окруженных конвоем, вели на Лысую Гору, Левий Матвей бежал рядом с конвоем, толкаясь в толпе любопытных и стараясь какими-нибудь знаками показать Ешуа, что он здесь. В страшной сутолоке в городе этого сделать не удалось, но когда вышли за черту города, толпа поредела, конвой на дороге раздался, и Левий дал Ешуа себя увидеть. Ешуа узнал его и вздрогнул, и вопросительно поглядел. Тогда Левия осенила великая мысль, и он сделал Ешуа знак, радостный и успокоительный, такой, что Ешуа поразился.

Левий бросился бежать изо всех сил в сторону, добежал до первой лавчонки и, прежде чем кто-нибудь опомнился, на глазах у всех схватил с прилавка мясной нож и, не слушая криков, скрылся.

Замысел Левия был прост. Ничего не стоило прорваться сквозь редкую цепь идущего конвоя, подскочить к Ешуа и ударить его ножом в грудь, затем ударить себя в грудь. Молясь в быстром беге и задыхаясь, Левий бежал в зное по дороге, догоняя процессию, и опоздал. Он добежал до холма, когда сомкнулась цепь.

В шестом часу мучения Левия достигли такой степени, что он поднялся на ноги, бросил на землю бесполезный украденный нож, бросил деревянную флягу, раздавил ее ногой и, простерши руки к небу, стал проклинать себя.

Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, проклинал своих родителей, породивших глупца, не догадавшегося захватить с собою нож, а более всего проклинал себя адскими клятвами за бесполезный, обнадеживший Ешуа знак.

Видя, что клятвы его не действуют, он, зажмурившись, уперся в небо и потребовал у Бога немедленного чуда, чтобы тотчас же он послал Ешуа смерть.

Открыв глаза, он глянул и увидел, что на холме все без изменений и по-прежнему ходит, сверкая, не поддающийся зною кентурион.

Тогда Левий закричал:

— Проклинаю Бога! — *и поднял с земли нож. Но он не успел ударить себя.*

Он оглянулся в последний раз и увидел, что все изменилось вокруг. Исчезло солнце, потемнело сразу, пробежал ветер, шевельнув чахлую растительность меж камней, и, как показалось Левию, ветром гонимый римский офицер поднялся между расступившихся солдат на вершину холма.

Левий нож сунул под таллиф и, оскалившись, стал смотреть вверх. Там, наверху, прискакавший был встречен Крысобоем. Прискакавший что-то шепнул Крысобою, тот удивился, сказал тихо: «Слушаю...» Солдаты вдруг ожили, зашевелились.

Крысобой же двинулся к крестам. С крайнего доносилась тихая хриплая песня. Пригвожденный к нему к концу четвертого часа сошел от мух с ума и пел что-то про виноград, но головой, закрытой чалмой, изредка покачивал, и мухи тогда вяло поднимались с его лица и опять возвращались.

Распятый на следующем кресте качал чаще и сильней вправо, так, чтобы ударять ухом по плечу, и чалма его размоталась.

На третьем кресте шевеления не было. Прокачав около двух часов головой, Ешуа ослабел и впал в забытье. Мухи поэтому настолько облепили его, что лицо его исчезло в черной шевелящейся маске. Жирные слепни сидели и под мышками у него, и в паху.

Кентурион подошел к ведру, взял у легионера губку, обмакнул ее, посадил на конец копья и, придвинувшись к Ешуа, так что голова его пришлась на уровне живота, копьем взмахнул. Мухи снялись с гу-

дением, и открылось лицо Ешуа, совершенно заплывшее и неузнаваемое.

— Га-Ноцри! — сказал кентурион.

Ешуа с трудом разлепил веки, и на кентуриона глянули совсем разбойничьи глаза.

— Га-Ноцри! — важно повторил кентурион.

— А? — сказал хрипло Га-Ноцри.

— Пей! — сказал кентурион и поднес губку к губам Га-Ноцри.

Тот жадно укусил губку и долго сосал ее, потом отвел губы и спросил:

— Ты зачем подошел? А?

— Славь великодушного Кесаря, — звучно сказал кентурион, и тут ветер поднял в глаза Га-Ноцри тучу красноватой пыли.

Когда вихрь пролетел, кентурион приподнял копье и тихонько кольнул Ешуа по мышку с левой стороны.

Тут же висящий рядом беспокойно дернул головой и прокричал:

— Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он! Убей и меня!

Кентурион отозвался сурово:

— Молчи на кресте!

И висящий испуганно смолк.

Ешуа повернул голову в сторону висящего рядом и спросил:

— Почему просишь за себя одного?

Распятый откликнулся тревожно:

— Ему все равно. Он в забытьи!

Ешуа сказал:

— Попроси и за товарища!

Распятый откликнулся:

— Прошу, и его убей!

Тогда Ешуа, у которого бежала по боку узкой струей кровь, вдруг обвис, изменился в лице и произнес одно слово по-гречески, но его уже не расслышали. Над холмами рядом с Ершалаимом ударило, и Ершалаим трепетно осветило.

Кентурион, тревожно покосившись на грозовую тучу, в пыли подошел ко второму кресту, крикнул сквозь ветер:

— Пей и славь великодушного игемона! — поднял губку, прикоснулся к губам второго и заколол его. Третьего кентурион заколол без слов, и тотчас, преодолевая грохот грома, прокричал:

— Снимай цепь!

И счастливые солдаты кинулись с холма.

Тотчас взрезало небо огнем и хлынул дождь на Лысый Холм, и снизился стервятник.

НА РАССВЕТЕ

— ...и хлынул дождь и снизился орел-стервятник, — прошептал Иванушкин гость и умолк.

Иванушка лежал неподвижно со счастливым, спокойным лицом, дышал глубоко, ровно и редко.

Когда беспокойный гость замолчал, Иванушка шевельнулся, вздохнул и попросил шепотом:

— Дальше! Умоляю — дальше...

Но гость привстал, шепнул:

— Тсс! — прислушался тревожно. В коридоре послышались тихие шаги. Иванушка приподнялся на локтях, открыл глаза. Лампочка горела радостно, заливая столик розовым светом сквозь колпачок, но за шторой уже светало. Гость, которого вспугнули шаги, уже приготовился бежать, как шаги удалились и стихли.

Тогда гость опять поместился в кресле.

— Я ничего этого не знал, — сказал Иван, тревожась.

— Откуда же вам знать! — рассудительно отозвался гость, — неоткуда вам что-нибудь знать.

— А я, между прочим, — беспокойно озираясь, проговорил Иван, — написал про него стишки обидного содержания, и художник нарисовал его во фраке.

— Чистый вид безумия, — строго сказал гость, — вас следовало раньше посадить сюда.

— Покойник подучил, — шепнул Иван и повесил голову.

— Не всякого покойника слушать надлежит, — заметил гость и добавил: — Светает.

— Дальше! — попросил Иван. — Дальше, — и судорожно вздохнул.

Но гость не успел ничего сказать. На этот раз шаги послышались отчетливо и близко.

Собеседник Ивана поднялся и, грозя пальцем, бесшумной воровской походкой скрылся за шторой. Иван слышал, как тихонько щелкнул ключ в металлической раме.

И тотчас голова худенькой фельдшерицы появилась в дверях.

Тоска тут хлынула в грудь Ивану, он заломил руки и, плача, сказал:

— Сжечь мои стихи! Сжечь!

Голова скрылась, и через минуту в комнате Ивана появился мужчина в белом и худенькая с металлической коробкой, банкой с ватой в руке, флаконом. Плачущего Ивана посадили, обнажили руку, по ней потекло что-то холодное как снег, потом кольнули, потом потушили лампу, потом как будто поправили штору, потом ушли.

Тут вдруг тоска притупилась, и самые стихи забылись, в комнате установился ровный свет, бледные сумерки, где-то за окном стукнула и негромко просвистала ранняя птица, Иван затих, лег и заснул.

БОЙТЕСЬ ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ

В то время когда Иванушка, лежа со строгим и вдохновленным лицом, слушал рассказы о том, как Ешуа Га-Ноцри умирал на кресте, финансовый директор «Кабаре» Римский вошел в свой кабинет, зажег лампы на столе, сел в облупленное кресло и сжал голову руками.

Здание еще шумело: из всех проходов и дверей шумными потоками выливалась публика на улицу. Директору казалось, хотя до него достигал лишь ровный, хорошо знакомый гул разъезда, что он сквозь запертую дверь кабинета слышит дикий гогот, шуточки, восклицания и всякое свинство.

При одной мысли о том, как могут шутить взволнованные зрители, что они разнесут сейчас по всей Москве, судорога прошла по лицу директора. Он тотчас вспомнил лицо Аркадия Аполлоновича без пенсне с громаднейшим шрамом на правой щеке, лицо скандальной дамы, сломанный зонтик, суровые лица милиции, протокол, ужас, ужас...

Но ранее этого: окровавленный и заплаканный Чембукчи. Как его сажали в такси; ополоумевшие капельдинеры и почему-то с подмигивающими рожами! Отъезд Чембукчи в психиатрическую лечебницу к профессору Стравинскому; ранее этого кот, произнесший человеческим голосом слова... ужас, ужас. Часы на стене пробили — раз — и глянув больными глазами, Римский на циферблате увидел половину двенадцатого.

В то же мгновение до обострившегося слуха финансового директора долетела с улицы отчетливая трель милицейского свистка и явный гогот. Трель повторилась, и лицо директора перекосило, как при зубной боли. Он не сомневался, что эта трель относится непосредственно опять-таки к «Кабаре» и к диким происшествиям этого вечера.

И он ничуть не ошибся.

Кабинет помещался во втором этаже и одной стеной с окном выходил в сад, а другой — на площадь.

С искаженным лицом директор приподнялся и глянул в окно, выходящее на площадь.

— Так я и знал! — испуганно и злобно шепнул Римский.

Прямо под собой, в ярком освещении площадных прожекторов, он увидел даму-блондинку в сорочке, заправленной в шелковые дамские штаны фиолетово-

го цвета, на голове у дамы была шляпенка, сдвинутая на одно ухо, в руках зонтик.

Вокруг дамы стояла толпа, издавая тот самый гогот, который доводил директора до нервного расстройства.

Какой-то гражданин, выпучив глаза, сдирал с себя летнее пальто и от волнения никак не мог выпростать руку из рукава, и слова раздетой дамы отчетливо долетели сквозь стекла до исступленного директора:

— Скорей же, дурак!

Едва растерянный, выпучивший глаза гражданин сорвал с себя пальто, как улюлюканье и крики послышались с левой стороны у бокового подъезда, и Римский увидел, как другая дама, одетая совершенно так же, как и первая, с той разницей только, что штаны на ней были не фиолетовые, а розовые, сиганула с тротуара прямо в подъезд, причем за ней устремился милиционер, а за милиционером какие-то жизнерадостные молодые люди в кепках. Они хохотали и улюлюкали.

Усатый лихач подлетел к подъезду и осадил костлявую в яблоках лошадь. Усатое лицо лихача радостно ухмылялось.

Римский хлопнул себя кулаком по голове и перестал смотреть. Он просидел некоторое время молча в кресле, глядя воспаленными глазами в грязный паркет, и дождался того, что здание стихло. Прекратился и скандал на улице.

— «Увезли на лихаче», — подумал Римский, подпер голову руками и стал смотреть на промокательную бумагу. Сейчас у него было только одно неодолимое желание — снять трубку телефона, и какая-то неодолимая сила не позволяла ему это сделать.

Римский был осторожен, как кошка. Он сам не понимал, какой голос шепчет ему «не звони», но он слушался его. Он перевел косящие тревожно глаза на диск с цифрами, и вдруг молчавший весь вечер аппарат разразился громом.

Римский побледнел и отшатнулся. «Что с моими нервами?» — подумал он и тихо сказал в трубку:

— Да.

Голос женский хриплый, развратный и веселый ответил директору:

— С каким наслаждением, о Римский, я поцеловала бы тебя в твои тонкие и бледные уста! Пусть мой гонец передаст тебе этот поцелуй!

Тут голос пропал, сменился свистом, и чей-то бас, очень отдаленно, тоскливо и грозно пропел:

— Голые скалы — мой приют...

Римский трясущейся рукой положил трубку, поднялся на дрожащих ногах, беззвучно сказал сам себе:

— Никуда не позвоню . . . . . .

... постарался, при помощи своей очень большой воли, не думать о странном звонке, взялся за портфель.

Кто-то торопил Римского. Римский ощутил вдруг, что он один во всем здании; и он хотел только одного — сейчас же бежать домой. Он двинулся, часы на стене зазвенели — полночь. С последним ударом дверь раскрылась и в кабинет вошел Варенуха.

Финансовый директор почему-то вздрогнул и отшатнулся. Вид у него был такой странный, что Варенуха справедливо изумился.

— Здорово, Григорий Петрович! — вымолвил Варенуха каким-то не своим голосом. — Что с тобой?

— Как ты меня испугал! — дрожащим голосом отозвался Римский, — вошел внезапно... Ну, говори же, где ты пропадал?!

— Ну, пропадал!.. Там и был...

— Я уж думал, не задержали ли тебя... — принужденно вымолвил Римский.

— Зачем же меня задерживать? — с достоинством ответил Варенуха, — просто выясняли дело.

— Ну, ну?..

— Ну, был в Звенигороде, как я и думал, а потом в милицию попал.

— Но как же фотограммы?

— Ах, плюнь ты на эти фотограммы, — ответил Внучата, отдуваясь, как очень уставший человек, сел в кресло и заслонил от себя лампу афишей.

Тут Римский всмотрелся в администратора и, несмотря на затемненный свет, убедился в том, что администратор очень изменился. . . . . .

ЧТО СНИЛОСЬ БОСОМУ

С того самого момента, как Никанора Ивановича Босого взяли под руки и вывели в ворота, он не сомневался в том, что его ведут в тюрьму.

И странное, никогда еще в жизни им не испытанное, чувство охватило его. Никанор Иванович глянул на раскаленное солнце над Садовой улицей и вдруг сообразил, что прежняя его жизнь кончена, а начинается новая. Какова она будет, Никанор Иванович не знал, да и не очень опасался, что ему угрожает что-нибудь страшное. Но Никанор Иванович неожиданно понял, что человек после тюрьмы не то что становится новым человеком, но даже как бы обязан им стать. Как будто бы внезапно макнули Никанора Ивановича в котел, вынули и стал новый Никанор Иванович, на прежнего совершенно не похожий.

Вот это-то и есть самое главное, а вовсе не страхи, иногда не оправдывающиеся. Понял это и Никанор Иванович, хотя был, по секрету говоря, тупым человеком. Первые ожидания Никанора Ивановича как будто оправдались: спутники привезли его на закате солнца на окраину Москвы к неприглядному зданию, о котором Никанор Иванович понаслышке знал, что это тюрьма. Следующие впечатления тоже были как будто тюремные. Никанору Ивановичу пришлось пройти ряд скучных формальностей. Никанора Ивановича записали в какую-то книгу, подвергли осмотру его одежду, причем лишили Никанора

Ивановича подтяжек и пояса. А после этого все пошло совершенно не так, как представляет себе Никанор Иванович.

Придерживая руками спадающие брюки, Никанор Иванович, вслед за молчаливым спутником, пошел куда-то, по каким-то коридорам и не успел опомниться, как оказался голым и под душем. В то время, пока Никанор Иванович намыливал себя и тер мочалкой, одежда его куда-то исчезла, а когда настало время одеваться, она вернулась, причем была сухая, пахла чем-то лекарственным, брюки стали короче, а рубашка и пиджак съежились, так что полный Никанор Иванович не застегивал больше ворота.

А далее все сложилось так, что Никанор Иванович впал в полное изумление и пребывал в нем до тех пор, пока не сообразил, что видит сон.

Именно Никанора Ивановича повели по светлым, широким коридорам, в которых из-под потолка лампы изливали ослепительный, радостный и вечный свет.

Никанору Ивановичу смутно показалось, что его подвели к большим лакированным дверям, и тут же сверху веселый гулкий бас сказал:

— Здравствуйте, Никанор Иванович! *Сдавайте валюту!*

Никанор Иванович вздрогнул, поднял глаза и увидел над дверью черный громкоговоритель. Затем Никанор Иванович очутился в большом зале и сразу убедился, что это театральный зал. Под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, на стенах — кенкеты, была сцена, перед ней суфлерская будка, на сцене большое кресло малинового бархата, столик с колокольчиком и черный бархатный задний занавес.

Удивило Никанора Ивановича то, что все это безумно пахло карболовой кислотой.

Кроме того, поразился Никанор Иванович тем обстоятельством, что зрители, а их было по первому взгляду человек полтораста, сидели не на стульях, а просто на полу — довольно тесно.

Тут смутно запомнил Никанор Иванович, что все зрители были мужеского пола, все с бородами и с усами, отчего казались несколько старше своих лет.

На Никанора Ивановича никто не обратил внимания, и тогда он последовал общему примеру, то есть уселся на пол, оказавшись между худым дантистом, как выяснилось впоследствии, и каким-то здоровяком с рыжей бородой, бывшим рыбным торговцем, тоже как узналось в свое время.

Глядя с любопытством на сцену, Никанор Иванович увидел, как на ней появился хорошо одетый, в сером костюме, гладко выбритый, гладко причесанный молодой человек с приятными чертами лица.

Зал затих при его появлении, глядя на молодого человека с ожиданием и весельем.

— Сидите? — спросил молодой человек мягким баритоном и улыбнулся залу.

Многие улыбнулись ему в ответ в зале, и послышались голоса:

— Сидим... сидим...

— И как вам не надоест? — удивился молодой человек, — все люди, как люди, ходят по улицам, прекрасная погода, а вы здесь торчите! Ну, ладно!

И продолжал:

— Итак, следующим номером нашей программы — Никанор Иванович Босой, председатель домового комитета. Попросим его!

И тут громовой аплодисмент потряс ярко освещенный зал.

Никанор Иванович странно удивился, а молодой человек поманил его пальцем, и Никанор Иванович, не помня себя, очутился на сцене. Тут ему в глаза ударил яркий цветной свет снизу, из рампы.

— Ну, Никанор Иванович, покажите нам пример, — задушевно заговорил молодой человек, — и сдавайте валюту.

Зал затих.

Тут Никанор Иванович вспомнил все те страст-

ные, все убедительные слова, которые он приготовил, пока влекся в тюрьму, и выговорил так:

— Богом клянусь...

Но не успел кончить, потому что зал ответил ему негодующим криком. Никанор Иванович заморгал глазами и замолчал.

— Нету валюты? — спросил молодой человек, с любопытством глядя на Никанора Ивановича.

— Нету! — ответил Босой.

— Так, — отозвался молодой человек, — а откуда же появились триста долларов, которые оказались в сортире?

— Подбросил злодей переводчик! — со страстью ответил Босой и застыл от удивления: зал разразился диким негодующим воплем, а когда он утих, молодой человек сказал с недоумением:

— Вот какие басни Крылова приходится выслушивать! Подбросили триста долларов! Все вы, валютчики! Обращаюсь к вам, как к специалистам! Мыслимое ли дело, чтобы кто-нибудь подбросил триста долларов?

— Мы не валютчики, — раздались голоса в зале, — но дело это немыслимое.

— Спрошу вас, — продолжал молодой человек, — что могут подбросить?

— Ребенка! — ответил в зале кто-то.

— Браво, правильно! — сказал молодой человек, — ребенка могут подбросить, прокламацию, но таких идиотов, чтобы подбрасывали триста долларов, нету в природе!

И, обратившись к Никанору Ивановичу, молодой человек сказал печально:

— Огорчили вы меня, Никанор Иванович! А я на вас надеялся! Итак, номер наш не удался.

Свист раздался в зале.

— Мерзавец он! Валютчик! — закричал кто-то в зале, негодуя, — а из-за таких и мы терпим невинно!

— Не ругайте его! — сказал добродушно молодой

человек, — он раскается. — И, обратив к Никанору Ивановичу глаза, полные слез, сказал:

— Не ожидал я от вас этого, Никанор Иванович!

И, вздохнув, добавил:

— Ну, идите, Никанор Иванович, на место.

После чего повернулся к залу и, позвонив в колокольчик, громко воскликнул:

— Антракт, негодяи!

После чего исчез со сцены совершенно бесшумно.

Потрясенный Никанор Иванович не помнил, как протекал антракт. После же антракта молодой человек появился вновь, позвонил в колокольчик и громко заявил:

— Попрошу на сцену *Сергея Герардовича* Дунчиль!

Дунчиль оказался благообразным, но сильно запущенным гражданином лет пятидесяти, а без бороды — сорока двух.

— Сергей Бухарыч, — обратился к нему молодой человек, — вот уж полтора месяца вы сидите здесь, а между тем государство нуждается в валюте. Вы человек интеллигентный, прекрасно это понимаете и ничем не хотите помочь.

— К сожалению, ничем помочь не могу, валюты у меня нет, — ответил Дунчиль.

— Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов, — спросил тоскливо молодой человек.

— И бриллиантов нет, — сказал Дунчиль.

Молодой человек печально повесил голову и задумался. Потом хлопнул в ладоши.

Черный бархат раздвинулся, и на сцену вышла дама, прилично одетая, в каком-то жакете по последней моде без воротника.

Дама эта имела крайне встревоженный вид. Дунчиль остался спокойным и поглядел на даму высокомерно.

Зал с величайшим любопытством созерцал неожиданное и единственное существо женского пола на сцене.

— Кто эта дама? — спросил у Дунчиля молодой человек.

— Это моя жена, — с достоинством ответил Дунчиль и посмотрел на длинную шею без воротника с некоторым отвращением.

— Вот какого рода обстоятельство, мадам Дунчиль, — заговорил молодой человек, — мы потревожили вас, чтобы спросить, нет ли у вашего супруга валюты.

Дама встревоженно дернулась и ответила с полной искренностью:

— Он все решительно сдал.

— Так, — отозвался молодой человек, — ну что ж, в таком случае мы сейчас отпустим его. Раз он все сдал, то надлежит его немедленно отпустить, как птицу на свободу. Приношу вам мои глубокие извинения, мадам, что мы задержали вашего супруга. Маленькое недоразумение: мы не верили ему, а теперь верим. Вы свободны, Сергей Герардович! — обратился молодой человек к Дунчилю и сделал царственный жест.

Дунчиль шевельнулся, повернулся и хотел уйти со сцены, как вдруг молодой человек произнес:

— Виноват, одну минуточку!

Дунчиль остановился.

— Позвольте вам на прощание показать фокус! — и молодой человек хлопнул в ладоши.

Тут же под потолком сцены вспыхнули лампионы, черный занавес распахнулся, и вздрогнувший Никанор Иванович Босой увидел, как выступила на помост красавица в прозрачном длинном балахоне, сквозь который светилось горячим светом ее тело. Красавица улыбалась, сверкая зубами, играя черными мохнатыми ресницами.

В руках у красавицы была черная бархатная подушка, а на ней, разбрызгивая во все стороны разноцветные искры, покоились бриллианты, как лесные орехи, связанные в единую цепь. Рядом с бриллиантами лежали три толстые пачки, перевязанные конфетными ленточками.

— Восемнадцать тысяч долларов и колье в сорок тысяч золотом, — объявил молодой человек при пол-

ном молчании всего театра, — хранились у Сергея Герардовича Дунчиль в городе Харькове в квартире его любовницы, — молодой человек указал на красавицу, — Иды Геркулановны Косовской. Вы, Сергей Герардович, охмуряло и врун, — сурово сказал молодой человек, уничтожая Дунчиля огненным взглядом, — ступайте же теперь домой и постарайтесь исправиться!

Тут дама без воротника вдруг пронзительно крикнула: «Негодяй» — и, меняясь в цвете лица из желтоватого в багровый, из багрового в желтый, а затем в чисто меловой, Сергей Герардович Дунчиль качнулся и стал падать в обмороке, но чьи-то руки подхватили его. И тотчас по волшебству погасли лампионы на сцене, провалилась в люк красавица, исчезли супруги Дунчиль.

21/VI. 35. в грозу.

И опять наступил антракт, ознаменов . . . . . .

. . . . . .

Раскисший в собственном поту Никанор Иванович открыл глаза, но убедился, что продолжает спать и видит сны. На сей раз ему приснилось, что появились между зрителей повара в белых колпаках и стали раздавать суп. Помнится, один из них был веселый круглолицый и, черпая суп громадной ложкой, все приговаривал:

— Сдавайте, ребята, валюту. Ну чего вам тут на полу сидеть!

Похлебав супу без аппетита, Босой опять вынужден был зажмуриться, так как засверкали лампионы на сцене.

Вышедший из бархата молодой человек звучно объявил, что известный артист Прюнин исполнит отрывки из сочинения Пушкина «Скупой рыцарь». Босой хорошо знал фамилию сочинителя Пушкина, ибо очень часто слышал, да и сам говорил: «А за квартиру Пушкин платить будет?» — и поэтому с любопытством уставился на сцену.

А на ней появился весьма пожилой бритый чело-

век во фраке, тотчас скроил мрачное лицо и, глядя в угол, заговорил нараспев:

— Счастливый день!..

Фрачник рассказал далее, что сокровища его растут, и делал это столь выразительно, что притихшей публике показалось, будто действительно на сцене стоят сундуки с золотом, принадлежащим фрачнику. Сам о себе фрачный человек рассказал много нехорошего. Босой, очень помрачнев, слышал, что какая-то несчастная вдова под дождем на коленях стояла, но не тронула черствого сердца артиста. Затем фрачник стал обращаться к кому-то, кого на сцене не было, и за этого отсутствующего сам же себе отвечал, причем у Босого все спуталось, потому что артист называл себя то государем, то бароном, то отцом, то сыном, то на «вы», то на «ты». И понял Босой только одно, что артист умер злою смертью, выкликнув: «Ключи! Ключи мои!» и повалившись после этого на колени, хрипя и срывая с себя галстук.

Умерев, он встал, отряхнул пыль с фрачных коленей, улыбаясь поклонился и при жидких аплодисментах удалился.

Молодой человек вышел из бархата и заговорил так:

— Ну-с, вы слышали, граждане, сейчас, как знаменитый артист Потап Петрович со свойственным ему мастерством прочитал вам «Скупого рыцаря». Рыцарь говорил, что резвые нимфы сбегутся к нему и прочее. Предупреждаю вас, дорогие граждане, что ничего этого с вами не будет Никакие нимфы к вам не сбегутся, и музы ему дань не принесут, и чертогов он никаких не воздвигнет, и вообще он говорил чепуху. Кончилось со скупым рыцарем очень худо — он помер от удара, так и не увидев ни нимф, ни муз, и с вами будет тоже очень нехорошо, если валюты не сдадите.

И тут свет в лампах превратился в тяжелый красный и во всех углах зловеще закричали рупоры:

— Сдавайте валюту!

Поэзия Пушкина, видимо, произвела сильнейшее впечатление на зрителей. Босому стало сниться, что какой-то маленький человек, дико заросший разноцветной бородой, застенчиво улыбаясь, сказал, когда смолкли мрачные рупоры:

— Я сдаю валюту...

Через минуту он был на сцене.

— Молодец, Курицын Владимир! — воскликнул распорядитель, — я всегда это утверждал. Итак?

— Сдаю, — застенчиво шепнул молодец Курицын.

— Сколько?

— Тыщу двести, — ответил Курицын.

— Все, что есть? — спросил распорядитель, и стала тишина.

— Все.

Распорядитель повернул за плечо к себе Курицына и несколько секунд смотрел не отрываясь Курицыну в глаза. Босому показалось, что лучи ударили из глаз распорядителя и пронизывают Курицына насквозь. В зале никто не дышал.

— Верю! — наконец воскликнул распорядитель, и зал дыхнул как один человек. — Верю. Глядите — эти глаза не лгут!

И верно: мутноватые глаза Курицына ничего не выражали, кроме правды.

— Ну, где спрятаны? — спросил распорядитель, и опять замер зал.

— *Пречистенка, 2-й Лимонный, дом 103, квартира 15.*

— Место?

— У тетки Пороховниковой Клавдии Ильинишны. В леднике под балкой, поворотя направо, в коробке из-под сардинок.

Гул прошел по залу. Распорядитель всплеснул руками.

— Видали вы, — вскричал он, — что-либо подобное? Да ведь они же там заплесневеют? Ну мыслимо ли доверить таким людям деньги? Он их в ледник засунет или в сортир. Чисто как дети, ей-богу!

Курицын сконфуженно повесил голову.

— Деньги, — продолжал распорядитель, — не в ледниках должны храниться, а в госбанке, в специальных сухих и хорошо охраняемых помещениях. И на эти деньги не теткины крысы должны любоваться, а на деньги эти государство машины будет закупать, заводы строить! Стыдно, Курицын!

Курицын и сам не знал, куда ему деваться, и только колупал ногтем свой вдрызг засаленный пиджачок.

— Ну, ладно, кто старое помянет, — сказал распорядитель и добавил: — Да... кстати... за одним разом чтобы... у тетки есть? Ну, между нами? А?

Курицын, никак не ожидавший такого оборота дела, дрогнул и выпучил глаза. Настало молчание.

— Э, Курицын! — ласково и укоризненно воскликнул распорядитель. — А я-то еще похвалил его! А он, на тебе! Взял да и засбоил! Нелепо это. Курицын! Ведь по лицу видно, что у тетки есть валюта. Зачем же заставлять нас лишний раз машину гонять.

— Есть! — крикнул залихватски Курицын.

— Браво! — вскричал распорядитель, и зал поддержал его таким же криком «браво!».

Распорядитель тут же велел послать за коробкой в ледник, заодно, чтобы не гонять машину, захватить и тетку — Клавдию Ильинишну, и Курицын исчез с эстрады.

Далее сны Босого потекли с перерывами. Он то забывался в непрочной дреме на полу, то, как казалось ему, просыпался. Проснувшись, однако, убеждался, что продолжает грезить. То ему чудилось, что его водили в уборную, то поили чаем все те же белые повара. Потом играла музыка.

Босой забылся. Ногами он упирался в зад спящему дантисту, голову повесил на плечо, а затем прислонил ее к плечу рыжего любителя бойцовых гусей. Тот первоначально протестовал, но потом и сам затих и даже всхрапнул. Тут и приснилось Босому, что будто бы все лампионы загорелись еще ярче и даже

где-то якобы тренькнул церковный колокол. И тут с необыкновенною ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что на священнике прекрасная фиолетовая рясамуар, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза, острые, деловые и немного бегают. Босому приснилось, что спящие зрители зашевелились, зевая, выпрямились, уставились на сцену.

Рыжий со сна хриплым голосом сказал:

— Э, да это Элладов! Он, он. Отец Аркадий. Поп-умница, в преферанс играет первоклассно и лют проповеди говорить. Против него трудно устоять. Он как таран.

Отец Аркадий Элладов тем временем вдохновенно глянул вверх, левой рукой поправил волосы, а правой крест и, даже, как показалось Босому, похудев от вдохновения, произнес красивым голосом:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!

Босому показалось, что он ослышался, он затаил дыхание, ожидая, что какая-то сила явится и тут же на месте разразит умницу попа ко всем чертям. Но никакая сила не явилась, и отец Аркадий повел с исключительным искусством проповедь.

Рыжий не соврал, отец Аркадий был мастером своего дела. Первым же долгом он напомнил о том, что Божие Богу, но кесарево, что бы ни было, принадлежит кесарю.

Возражать против этого не приходилось. Но тут же, сделав искусную фиоритуру бархатным голосом, Аркадий приравнял ныне существующую власть к кесарю, и даже плохо образованный Босой задрожал во сне, чувствуя неуместность сравнения. Но надо полагать, что блестящему риторику — отцу Аркадию — дали возможность говорить, что ему нравится.

Он пользовался этим широко и напомнил очень помрачневшим зрителям о том, что нет власти не от

Бога. А если так, то нарушающий постановления власти выступает против кого?..

Говорят же русским языком — «сдайте валюту».

ИСТОРИЯ КОСТЮМА И ПРОЧЕЕ

В бою, когда из строя выбывает командир, команда переходит к его помощнику; ежели выбывает и помощник, принимает команду следующий за ним по должности. Но если и он выбывает?

Короче говоря, расхлебывать все, что произошло в «Кабаре» накануне, пришлось бухгалтеру Василию Степановичу Захарову, который и оказался единственным командиром «Кабаре» и при том тяжелом условии, что вся команда находилась в полном смятении, близком, пожалуй, к панике.

Аккуратнейший человек Захаров прибыл на службу, лишь только стрелка часов показала девять по московскому времени, и, к ужасу своему, застал в помещении «Кабаре» милицию и представителей уголовного розыска. В пять минут десятого прибыли следственные власти.

Дело было неслыханное. Нюра, дежурный накануне ночью капельдинер, была найдена в вестибюле «Кабаре» лежащей в луже крови и с перерезанным горлом.

Дело осложнилось дикой и соблазнительной деталью — исчез директор «Кабаре» Степан Лиходеев, исчез финансовый директор Римский и исчез главный администратор Варенуха Николай. Все трое в разное время, но все бесследно.

Захаров был допрошен тут же и поступил, как всякий в его положении, то есть испугался до смерти, все свои усилия направив к тому, чтобы доказать, что он тут вообще ни при чем и ни к чему никакого отношения не имеет. Это ему удалось сделать легко — сразу же стало ясно, что тишайший и скромнейший Василий Степанович, всю жизнь сидевший в бухгалтерии, ни в чем решительно не виноват, а клятвенные его увере-

ния, что он и представления не имеет о том, куда девались директора и администратор, заслуживают полного доверия.

Но руководить «Кабаре» в тот день пришлось все-таки ему. Узнав об этом, Василий Степанович едва в обморок не упал, но его тут же значительно утешило то, что следствие категорически заявило, что сегодняшний спектакль отменяется. Тут же двери «Кабаре» были закрыты, вывешены всюду надписи «Сегодняшний спектакль отменяется», и Захаров, стоя в толпе растерянных и бледных капельдинеров и билетерш, видел, как остроухая собака со вздыбленной шерстью, почему-то оскалившись и рыча, кинулась прямехонько из вестибюля к кабинету финансового директора, встала на задние лапы, а передними начала царапать дверь.

Все население «Кабаре» тихо ахнуло, узнав об этом, а уголовный розыск открыл дверь и впустил знаменитую ищейку. Она повела себя чрезвычайно странно. Во-первых, стала прыгать вверх, а затем, все более раздражаясь и даже тоскливо подвывая, бросилась к окну, выходящему в сад. Окно открыли, и собака высунула морду в него и тут же явно завыла, глядя злыми глазами вверх.

Что дальше происходило, Захаров не знал, так как отправился, куда ему было велено. А велено ему было немедленно добиться в управлении кабаретными зрелищами присылки заместителей Лиходееву, Римскому и Варенухе.

Захаров облегченно вздохнул, когда покинул здание, где совершилось странное злодейство, и вышел на раскаленную солнцем площадь.

Прежде всего он увидел громаднейшую толпу, теснящуюся возле кассовых дыр и читающую с неудовольствием надпись об отмене спектакля. Вспомнив вчерашний необыкновенный спектакль, Захаров пробормотал: «Ну и ну!» — крепче прижал к себе взбухший портфель со вчерашней кассой и направился к стоянке таксомоторов.

Тотчас подошла машина. Но шофер ее мрачно сказал «еду за бензином», и уехал. Второй спросил: «Вам куда?», получил ответ: «На Остоженку», махнул рукой, сказал: «В гараж» и исчез. Захаров терпеливо дожидался третьей машины. Третий шофер сказал что-то, что поразило бухгалтера до глубины души, именно:

— Покажите деньги, гражданин.

Захаров, изумляясь, вынул червонец.

— Не поеду! — сказал шофер.

— Я извиняюсь, — сказал Захаров, моргая глазами.

— Пятерки есть? — спросил шофер.

Пораженный Захаров вынул пятерку.

— Садитесь, — сказал шофер, почему-то свирепея.

Когда в пыли и дыму Захаров летел, подпрыгивая на сиденье, он робко осведомился у мрачного возницы:

— А почему это вы насчет червонца?..

— Третий случай сегодня, — отозвался шофер, — третий сукин сын, — и с этим вынул из кармана ярлык с надписью «Абрау-Дюрсо-полусухое». — Дает червонец как миленький, — продолжал рычать шофер, — я ему сдачи три рубля... Вылез, сволочь... Через полчаса смотрю — и шофер скомкал ярлык... — Потом другой — опять червонец... смотрю... Оказывается, в «Кабаре» сиянс вчера сделал какая-то гадюка-фокусник...

Тут Захаров затаил дыхание и сделал вид, что он впервые слышит и самое слово «кабаре», а про себя подумал: «Ну и ну!» Шофер же до того расстроил себя воспоминанием, что едва не раздавил какую-то женщину и ее же обругал непечатными словами.

Наконец дотряслись до нужного места. Шофер щупал пятерку, глядел сквозь нее на солнце, что-то ворчал, но дал сдачи рубль, а насчет двугривенного сказал, что двугривенного нету.

Захаров решил не спорить — пусть пропадает двугривенный — лишь бы только скорее сплавить с плеч все это дело и с облегченной душой убраться домой.

Однако так не вышло.

Бухгалтер поднялся по лестнице во второй этаж и только что собирался пройти по коридору в конец к двери, на которой была надпись: «заведующий — прием от 2 до 3», как мимо него промчалась курьерша, бормоча что-то вроде... «вот так-так!», и скрылась. Лишь только показалась заветная дверь, бухгалтер остановился, как будто прилип к полу, и выпучил глаза. Дверь была полуоткрыта и вся облеплена людьми. Они прилипли к щелям, и лица у них были искаженные. Потом вдруг вся компания кинулась бежать и рассеялась в явном ужасе, кто куда. Загремели двери по коридору. Захаров отчетливо слышал, как визгнула женщина, а пронесшийся мимо него знакомый заведующий сектором был в таком состоянии, что явно не узнавал людей.

«Распекает?» — подумал Захаров и, движимый неодолимой силой, заглянул в дверь. Заглянув, тут же сел на стул, потому что ноги подкосились.

В комнате теперь находились трое. *Блистающая красотой женщина* с размазанной губной краской по подбородку и заплаканным лицом, сам Захаров и третий был шевиотовый костюм с самопишущим пером в борту пиджака, и костюм этот помещался за столом заведующего в кресле.

Увидев Захарова, красавица, в которой нетрудно было узнать личную секретаршу заведующего, взрыдала, а затем и вскричала:

— О. Боже! Боже! Боже! Да где же он?

Тут грянул телефон на столе и холодный пот потек по спине бухгалтера. Костюм, протянув руку, снял трубку, поднес ее к пустоте над воротником и голосом, совершенно похожим на голос заведующего, взревел: «Да!» Затем захлопал рукавом по столу и закричал раздраженно: «Двадцать раз я говорил, чтоб они прислали мне, лично мне!» Тут швырнул трубку на вилку и, уставившись на Захарова, спросил грозно:

— В чем дело, товарищ? Я не принимаю!

Красавица вскочила и, указывая рукой на костюм, рыдая и топоча ножками, вскричала:

— Вы видите?! Видите? Спасите его, верните! О, Боже! — стала ломать руки.

Из коридора донеслись тревожные голоса, затем кто-то сунулся в дверь, охнул, кинулся бежать.

— Я всегда останавливала, когда он чертыхался, в отчаянии кричала красавица, терзая носовой платок, — вот и дочертыхался! Проша!

— Кто вам тут «Проша»? — спросил страшным голосом костюм.

— Не узнает! Не узнает! — взрыдала красавица.

— Попрошу не кричать в кабинете, — заходясь, сказал костюм в полоску.

Красавица зажала рот платком, а костюм невидимой кистью подтянул к себе пачку бумаг и стал размашисто и косо ставить какие-то пометки на бумагах.

«Резолюции ставит!» — подумал бухгалтер, и волосы его шевельнулись.

Красавица еще что-то пискнула, но костюм так злобно рыкнул, что она умолкла. Но, движимая желанием рассказать, она зашептала Захарову:

— Приходит сегодня какая-то сволочь толстая, похож на кота, и прямо ломит в кабинет... Я говорю: «Вы видите надпись, гражданин?» А он влез, говорит: «Я уезжаю сейчас...» Ну, Прохор Наумыч, он человек нервный несколько. Вспылил. Он добрейшей души человек, но нервный. «Понимаете вы русский язык, товарищ? Что вам надо?» А этот нахал отвечает, вообразите: «Я пришел с вами поболтать!» Как вам это покажется? А? Ну, тут Прохор Наумыч не вытерпел и крикнул: «Да вывести его вон, чтоб меня черти взяли!» Тут, вообразите, этот негодяй, улыбнулся, и в ту же минуту Прохор Наумыч исчез, а костюм... — и здесь красавица разрыдалась и затем понесла какую-то околесину о том, что нужно немедленно звонить, про каких-то врачей, уголовный розыск...

Захаров вдруг поднялся, задом скользнул в дверь и, чувствуя, что близок к умопомешательству, покинул управление. И очень вовремя, по лестнице навстречу

ему поднялась милиция. Другой на месте Захарова уже тут сообразил бы, что на сегодняшний день лучше выйти из игры и никуда больше не ходить, но бухгалтер, во-первых, был недалек, а во-вторых, добросовестен. Проклятый портфель, в котором лежало 17 тысяч вчерашней кассы, жег ему руки. Захаров, чего бы это ни стоило, хотел сдать казну и поэтому пешком, в известковой пыли, пробежал с Остоженки в Ваганьковский переулок и явился в отдел сметы и распределения того же управления с целью избавиться от денег, распиравших портфель.

Отдел сметы разместился в облупленном особняке и замечателен был своими колоннами. Но не порфировые колонны в этот знаменитый день поражали посетителей отдела.

В вестибюле сбилась целая кучка их и, открыв рты, глядела на барышню, продающую под колонной литературу. Барышня эта плакала и что-то злобно пыталась рассказать. Второе из ряда вон выходящее обстоятельство заключалось в том, что из всех комнат особняка несся непрерывный грохот телефонов, к которым, по-видимому, никто не подходил.

Лишь только Захаров оказался в вестибюле, барышня прервала рассказ, истерически крикнула: «Опять!» — и вдруг запела дрожащим сопрано:

— Славное море, священный Байкал!

Курьер, показавшийся на лестнице со стаканами на подносе, выругался коротко и скверно, расплескал чай и запел в тон барышне:

— Славен корабль, омулевая бочка!..

Через несколько секунд во всех комнатах пели служащие про славное море. Хор ширился, гремел, в финансово-счетном секторе особенно выделялись два мощных баса. Аккомпанировал хору усилившийся грохот телефонных аппаратов и плач девицы.

— Молодцу плыть недалечко! — рыдая и стараясь стиснуть зубы, пела девица.

Курьер пытался прервать пение, вставляя матерные слова, но это ему плохо удавалось.

Прохожие в переулке стали останавливаться, пораженные весельем, доносившимся из учреждения. Группа посетителей под колоннами, дико вытаращив глаза, смотрела на поющую девицу. Улыбки блуждали по лицам. Лишь только первый куплет пришел к концу, пение оборвалось, курьер получил возможность выругаться, выпустил несколько ругательств подряд, схватил поднос и исчез.

Тут в парадных дверях показался гражданин, при котором тут же в группе посетителей зашептали «доктор... доктор приехал»... и двое милицейских.

— Примите меры, доктор! — истерически крикнула девица.

Тут же на лестницу выбежал секретарь и, видимо сгорая от стыда и растерянности, начал говорить:

— Видите ли, доктор, у нас случай массового... — но не кончил, стал давиться словами и вдруг запел неприятным козлиным тенором о том, что Шилка и Нерчинск нестрашны теперь...

— Дурак! Дурак! — крикнула девица, но не объяснила, кого ругает, а вывела руладу, из которой явствовало, что горная стража ее не поймала.

Недоумение разлилось по лицу врача, но он постарался совладать с собой и сурово прикрикнул на секретаря:

— Замолчите!

Видно было по всему, что секретарь и сам бы отдал все на свете, чтобы замолчать, но сделать этого не мог и, могучий, рассеянный по всему учреждению хор вместе с секретарем донес до вконец соблазненных ваганьковских прохожих вопль о том, что в дебрях не тронул прожорливый зверь.

Девицу поволокли куда-то под руки, явился лекарский помощник с сумкой.

Захаров через минуту от взволнованных посетителей учреждения узнал в чем дело.

Оказалось, что в перерыве, предназначенном по закону для завтрака, заведующий учреждением явился в столовую как раз в тот момент, когда все

служащие доедали питательную и вкусную свинину с бобами.

Заведующий, по словам озлобленной девицы, сиял как солнце и вел под руку какого-то «сукина сына, неизвестно откуда взявшегося» (так точно выразилась девица), тощего в паршивых брючках и в разбитом пенсне.

Дело в том, что устройство кружков было манией заведующего. В течение полугода он организовал шахматно-шашечный кружок, кружок пинг-понга, любителей классической литературы, духовой музыки (последний быстро распался, так как проворовался кассир, игравший на валторне) и к июню угрожал организовать кружок гребли на пресных водах и альпинистов. Коротко говоря, заведующий ввел под руку Коровьева и отрекомендовал его всем любителям бобов как товарища-специалиста по созданию хоровых кружков. Лица будущих альпинистов стали мрачны. Но заведующий призвал всех к бодрости, а Коровьев тут же и пошутил, и поострил, и клятвенно заверил, что времени пение берет самую малость: «На ходу! на ходу! — трещал Коровьев, — но удовольствия и пользы три вагона». И тут «этот подхалим Косарчук» (выражение девицы) первый вскочил и восторженно заявил, что записывается. Тут все увидели, что пения не миновать, и, как один, записались. Петь решили, так как все остальное время было занято пинг-понгом и шашками, в этом самом для завтрака перерыве.

Заведующий, чтобы подать пример, объявил, что у него тенор, и далее все пошло как сон скверный (девица так говорила). Коровьев проорал «до-ми-соль-до», самых застенчивых извлек из-за шкафов, за которые они прятались в надежде отлынуть, Косарчуку сказал, что у того абсолютный слух, заныл, попросил уважить старого регента-певуна грянуть «Славное море», камертоном стучал по пальцу.

Было 12. Грянули. И славно грянули, Коровьев действительно понимал дело. Первый куплет допели в столовой до конца, после чего Коровьев исчез.

Недоумение. Пауза. Радость. Но ненадолго. Как-то сами собой двинули второй куплет, Косарчук повел высоким хрустальным тенором. Хотели остановиться — не тут-то было. Пауза. Полился третий куплет. Поняли, что беда. Заведующий стал бледен, как скатерть в столовой.

Через час был скандал, неслыханный, страшный, всемосковский скандал.

К трем часам занятия были остановлены милицией. Врачи сделать ничего не могли. Захаров был уже на улице, когда к особняку подъехали три грузовых платформы.

Милиция распорядилась очень хорошо: весь состав учреждения — восемьдесят семь человек — разбили на три партии и на этих трех грузовиках и увезли. Способ был умный, простой и наименее соблазнительный.

Лишь только первый грузовик, качнувшись, выехал за ворота, улицы огласились пением про славное море, и никому из прохожих и в голову не пришло, куда везут распевшихся служащих из отдела смет и распределения. Но, конечно, не трудно догадаться, что все три хора приехали как раз в то здание, которым руководил профессор Стравинский.

Появление такой большой партии больных вызвало смятение. Стравинский начал, кажется, с того, что всем приехавшим были даны большие дозы снотворного. А дальнейшая судьба несчастных жертв Коровьева москвичам неизвестна. Что касается Захарова, то он все-таки добился неприятности. Он добрался со своим портфелем до главного коллектора зрелищ облегченного типа, написал по форме приходный ордер и вывалил кассиру все пачки денег, которые привез в портфеле.

Лишь только кассир макнул пальцы в алюминиевую тарелочку, в которой плавала губка, обнаружилось, что пачки состоят частью из резаной газетной бумаги, частью из денежных знаков различных стран, как-то: долларов канадских, гульденов голландских, лат латвийских, иен японских и других.

На вопрос о том, что это значит, Захаров ничего не мог сказать, ибо у него отнялся язык.

Его немедленно арестовали.

6/VII. 36 г.
Загорянск.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Была полночь, когда снялись со скалы и полетели. Тут мастер увидел преображение. Скакавший рядом с ним Коровьев сорвал с носа пенсне и бросил его в лунное море. С головы слетела его кепка, исчез гнусный пиджачишко, дрянные брючонки. Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана, на рукояти, на звездах шпор. Не было никакого Коровьева, невдалеке от мастера скакал, колол звездами бока коня рыцарь в фиолетовом. Все в нем было печально, и мастеру показалось даже, что перо с берета свешивается грустно. Ни одной черты Коровьева нельзя было отыскать в лице летящего всадника. Глаза его хмуро смотрели на луну, углы губ стянуло книзу. И, главное, ни одного слова не произносил говоривший, не слышались более назойливые шуточки бывшего регента.

Тьма вдруг налетела на луну, жаркое фырканье ударило в затылок мастеру. Это Воланд поравнялся с мастером и концом плаща резнул его по лицу.

— Он неудачно однажды пошутил, — шепнул Воланд, — и вот, осужден был на то, что при посещениях земли шутит, хотя ему и не так уж хочется этого. Впрочем, надеется на прощение. Я буду ходатайствовать.

Мастер, вздрогнув, всмотрелся в самого Воланда, тот преображался постепенно, или, вернее, не преображался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне. Нос его ястребино свесился к верхней губе, рот вовсе сполз на сторону, еще острее стала раздвоенная из-под подбородка борода. Оба глаза стали одинаковы-

ми, черными, провалившимися, но в глубине их горели искры. Теперь лицо его не оставляло никаких сомнений — это был Он.

Вокруг кипел и брызгал лунный свет, слышался свист. Теперь уж летели в правильном строю, как понял мастер, и каждый, как надо, в виде своем, а не чужом.

Первым — Воланд, и плащ его на несколько саженей трепало по ветру полета, и где-то по скалам еще летела за ним тень.

Бегемот сбросил кошачью шкуру, оставил лишь круглую морду с усами, был (в) кожаном кафтане, в ботфортах, летел веселый по-прежнему, свистел, был толстый, как Фальстаф.

На фланге, скорчившись, как жокей, летел на хребте скакуна, звенел бубенцами, держал руку убийцы на ноже огненно-рыжий Азазелло.

Конвой воронов, пущенных, как из лука, выстроившись треугольником, летел сбоку, и вороньи глаза горели золотом огнем.

Не узнал Маргариту мастер. Голая ведьма теперь неслась в тяжелом бархате, шлейф трепало по крупу, трепало вуаль, сбруя ослепительно разбрызгивала свет от луны.

Амазонка повернула голову в сторону мастера, она резала воздух хлыстом, ликовала, хохотала, манила, сквозь вой полета мастер услышал ее крик:

— За мной! Там счастье!

Очевидно, она поняла что-то ранее мастера, тот подскакал к Воланду ближе и крикнул:

— Куда ты влечешь меня, о великий Сатана?

Голос Воланда был тяжел, как гром, когда он стал отвечать.

— *Ты награжден. Благодари, благодари бродившего по песку Ешуа*, которого ты сочинил, но о нем более никогда не вспоминай. Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил. Ты будешь жить в саду, и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом, как цепляясь ползет

по стене. Красные вишни будут усыпать ветви в саду. Маргарита, подняв платье чуть выше колен, держа чулки в руках и туфли, вброд будет переходить через ручей.

Свечи будут гореть, услышишь квартеты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной косе, в стареньком привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить гулять и мыслить.

Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но и исчезнет мысль о Га-Ноцри и о прощенном игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь. Ты не покинешь свой приют. Мы прилетели. Вот Маргарита уже снизилась, манит тебя. Прощай!

Мастер увидел, как метнулся громадный Воланд, а за ним взвилась и пропала навсегда свита и боевые черные вороны. Горел рассвет, вставало солнце, исчезли черные кони. Он шел к дому, и гуще его путь и память оплетал дикий виноград. Еще был какой-то отзвук от полета над скалами, еще вспоминалась луна, но уж не терзали сомнения, и угасал казнимый на Лысом Черепе, и бледнел и уходил навеки, навеки шестой прокуратор Понтийский Пилат.

Конец.

Краткие комментарии

БЛАЖЕНСТВО (СОН ИНЖЕНЕРА РЕЙНА)

Пьеса в четырех действиях

Впервые опубликована: Звезда Востока (Ташкент), 1966, № 7. Затем: Булгаков М. А. Пьесы, М., 1986 (Составители Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева); Булгаков М. А. Кабала святош (Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин), М., Современник, 1991.

Черновые автографы рукописи — ОР РГБ.

В настоящем издании публикуется авторизованный машинописный экземпляр третьей редакции, законченной 23 апреля 1934 года (ОР РГБ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 4). Кроме того, проанализированы к. 13, ед. хр. 1—3.

Первые наброски пьесы Булгаков сделал 26 мая 1933 года, летом предполагал завершить черновой вариант, но другие творческие планы заставили его оставить этот замысел до лучших времен.

Новые наброски пьесы о будущем датированы 8 декабря 1933 года. Черновая рукопись первой редакции пьесы завершена 28 марта 1934 года.

11 апреля 1934 года Булгаков завершает вторую редакцию пьесы, уже получившей название — «Блаженство».

23 апреля пьеса перепечатана, при этом Булгаков, по своему обыкновению, дорабатывает ее, вносит поправки. Так возникла третья редакция пьесы «Блаженство». И в этом экземпляре есть карандашные поправки.

25 апреля Булгаков прочитал пьесу в театре Сатиры, с которым был заключен договор 23 марта 1934 года.

Е. С. Булгакова в своем «Дневнике» оставила несколько интересных записей, касающихся творческой истории этой пьесы и споров вокруг самого факта передачи Булгаковым пьесы в другой театр.

«27 марта. ...И еще — М. А. работал над новой комедией. Сегодня днем заходила в МХАТ за М. А. Пока ждала его в конторе у Феди, подошел Ник. Вас. Егоров. Сказал, что несколько дней назад в Театре был Сталин, спрашивал, между прочим, о Булгакове, работает ли в Театре?

— Я вам, Е. С., ручаюсь, что среди членов Правительства считают, что лучшая пьеса это «Дни Турбиных».

Вообще держался так, что можно думать (при его подлости), что было сказано что-то очень хорошее о Булгакове.

Я рассказала о новой комедии, что Сатира ее берет.

— Это что же, плевок Художественному театру?

— Да вы что, коллекционируете булгаковские пьесы? У вас лежат «Бег», «Мольер», «Война и мир». Если бы Судаков не отложил (или Театр — уж не знаю, кто виноват!) репетиций «Бега» для «Лжи» — «Бег» шел бы уже. «Мольера» репетируете четвертый год. Теперь хотите новую комедию сгноить в портфеле? Что за жадность такая».

«13 апреля. Вчера М. А. закончил комедию «Блаженство», на которую заключил договор с Сатирой.

Вчера же у нас была читка не для театра еще, а для своих. Были: Коля Лямин, Патя Попов, который приехал на три дня из Ясной Поляны, Сергей Ермолинский и Барнет. Комедия им понравилась».

Очевидно, что Булгаков в эти дни читал вторую редакцию пьесы, читал по тетради с клеенчатым переплетом. И после первой же читки начал переделывать рукопись.

14 апреля Е.С. Булгакова записывает: «М.А. правит «Блаженство», диктует мне». «1 мая. 25 апреля М.А. читал в Сатире «Блаженство». Чтение прошло вяло. Просят переделок. Картины «в будущем» никому не понравились.

Вчера у нас ужинали Горчаков, Никитин Вас. Мих., Калинкин (директор), Поль, Кара-Дмитриев и Милютина. Встретил их М. А. лежа в постели, у него

была дикая головная боль. Но потом он ожил и встал к ужину. Вечер прошел приятно. Все они насели на М. А. с просьбой переделок, согласны на длительный срок, скажем, четыре месяца. (Ведь сейчас М. А. должен работать над «Мертвыми душами» для кино). Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного».

«16 мая. ...Из Ленинграда — третий запрос о «Блаженстве». Из Московского театра Ермоловой тоже об этом спрашивают. Надо решать этот вопрос» *(«Дневник», с. 55—56, 59)*.

Читал Булгаков «Блаженство» и вахтанговцам, но картины будущего отпугивали: зритель 30-х годов не принял бы такие итоги развития общества, которое он с таким энтузиазмом строил, к тому же и цензура вряд ли пропустила бы эту пьесу. Так что надежды на постановку пьесы не осуществились и на этот раз. Серьезных попыток продать свою пьесу какому-либо театру Булгаков больше не предпринимал, догадываясь о тщетности своих усилий.

Публикуя пьесу, редакция журнала «Звезда Востока» высказала несколько бесспорных и спорных положений. Так, в частности, нельзя не согласиться с целым рядом высказанных мыслей: «Блаженство» — характерный образец булгаковской сатирической драматургии. Фантастический прием, острый гротеск — и, наряду с этим, правдивость, честность, точность в анализе определенных жизненных противоречий. Водевильная ситуация, элементы буффонады — и тут же четко выписанные характеры. Беззаботная веселость — и рождающееся из нее серьезное раздумье». Бесспорна и мысль о том, что образ Радаманова в пьесе получился «бледным» — «а ведь именно он наиболее широко и, так сказать, полномочно представляет в пьесе людей будущего».

Спорным оказалось следующее высказывание редакционной статьи «Звезды Востока» : «Будущее в изображении М. Булгакова — условно. Писатель отнюдь не намеревается делать в своей комедии какие-нибудь пророчества. Его цель — разоблачить современные ему пороки». *(«Звезда Востока», 1966, № 7, с. 75—76).*

Почти одновременно с этим В. Сахновский-Панкеев высказал иную точку зрения. Он увидел в «Блаженстве» спор М. Булгакова с Маяковским и его «Баней», давшим «абстрактно-рационалистическое» изображение будущего: «Споря с методом плакатно-публицистического изображения человека будущего, Булгаков наполнил живой жизнью образы наших далеких потомков, граждан 2222 года. Это не некие особые, непонятные, скучные, правильные существа, чье духовное бытие непознаваемо для нас. Они — это мы сами, только очищенные от скверны зависти, корысти, эгоизма. Не только смелое парение мысли, но и вся безграничность и сила чувства доступны им. Чутко, остро воспринимают они мир, разум и эмоции сосуществуют у них в идеальной гармонии. Техницизму многих описаний грядущего Булгаков противопоставил поэзию» *(Очерки истории русской советской драматургии. Т.2, 1934—1945. М. — Л., с. 135—136).*

Полемизируя с этой упрощенной точкой зрения, Ю. Бабичева в статье «Фантастическая дилогия М. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич») писала: «Думается, что комедия Булгакова не дает повода, ни даже возможности отрицать первостепенной важности в ней именно пророческого пафоса. Перед нами типичный и чистый жанр «яипоту» — антиутопии, тревожного предупреждения об ошибочных или порочных тенденциях в развитии общества. Булгаков был сатириком крупного плана, его волновали те явления, которые грозили сложиться в тенденцию и омрачить завтрашний день. Именно их он подверг сатирическому осмеянию с помощью уэллсовской модели «яипоту» — произведения о «машине времени» и «аргонавтах хроноса».

Другое дело, что писатель нарисовал картину будущего под определенным углом зрения, избирательно, схематично, в стиле гротеска.

Ему казалось, что в процессе построения нового общества возникает угроза стирания индивидуальности, а на этой почве зарождается иной тип деспотизма (деспотизм коллективизма, или «коммунальный») и происходит духовное обеднение человеческой личности. Поэтому общество, которое предстало читателю «Блаженства», — это вовсе не достижение прогресса (как кажется В. Сахновскому-Панкееву), а, напротив, результат вырождения, своего рода вариант уэллсовских элоев». *(См.: М. А: Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 129).*

Верно подметила Ю. Бабичева и «авторский сарказм» в изображении Радаманова — сына бездушного XXIII века, увидев в нем человека «благородного и доброго», но вместе с тем «духовно обесцвеченного, односторонне развитого, эмоционально обедненного».

А вот изобретатель Рейн и управдом Бунша проанализированы слабо, их сущность не угадана, характер понят поверхностно.

Изобретатель Рейн не только фанатик, преданный своей идее пронизать время и свободно общаться с людьми прошлого и будущего, он живой человек. И Бунша ведет запись его «преступлений»: «Первого мая сего года в половине первого ночи Аврора Радаманова целовалась с физиком Рейном. С тем же физиком она целовалась третьего мая у колонны. Сего числа в восемь часов утра означенная Аврора целовалась с тем же физиком у аппарата, причем произнесла нижеследующие слова. мы с тобой улетим...» В пьесе есть и другие эпизоды, в которых физик Рейн показан крупным и интересным человеком. А управдом Бунша вряд ли может «выродиться в Саввича», как утверждает Ю. Бабичева.

Так что серьезный разговор о «Блаженстве» еще впереди. Первые постановки — в Курске и Горьком в 1989, в Москве — в 1990.

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Киносценарий

13 апреля 1934 года Е. Булгакова записала в «Дневнике»: «На днях приходил кинорежиссер Пырьев с предложением делать сценарий для кино по «Мертвым душам». М. А. согласился — будет делать летом».

«Мертвые души» с успехом шли во МХАТе, Пырьев только что закончил съемки антифашистского фильма «Конвейер смерти», положительно встреченного на первых просмотрах специалистами и зрителями. Он был свободен, видел успех «Мертвых душ» в театре, а потому кинорежиссер задумал экранизировать великий роман Гоголя. В своих мемуарах «О прожитом и пережитом» И. А. Пырьев вспоминает о посещении Булгаковых: «Отворил мне дверь сам Михаил Афанасьевич в узбекской тюбетейке и узбекском халате, надетом на голое тело. Церемонно поздоровавшись, он попросил меня пройти в его кабинет, а сам исчез.

Войдя в небольшую комнату с книжными шкафами и полками, я с недоумением увидел висящие на стенках аккуратно окантованные, под стеклом, самые ругательные рецензии на спектакли по булгаковским пьесам.. Очевидно, хозяин хотел предупредить гостя или посетителя, чтобы тот знал, к кому он попал и с кем ему придется иметь дело....

— Чем могу служить? — прервав мое обозрение рецензий, спросил, входя в кабинет, успевший переодеться хозяин.

— Я бы хотел, — назвав себя, смущенно начал я, — чтобы вы написали для меня сценарий «Мертвых душ»...

— Душ? — воскликнул Булгаков. — А каких вам нужно душ?.. И почем вы изволите их покупать?.. — лукаво улыбнувшись, заговорил он со мной языком Гоголя».

11 мая запись в «Дневнике»: «Вчера вечером — Пырьев и Вайсфельд по поводу «Мертвых душ». М. А. написал экспозицию. Пырьев:

— Вы бы М. А., поехали на завод, посмотрели бы...

(Дался им этот завод!)

М. А.:

— Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу».

В июле 1934 года Булгаков закончил первый вариант сценария, Пырьев попросил переделать. 19 июля Булгаков начал диктовать Е. С. Булгаковой второй вариант сценария. 15 августа Е. С. Булгакова записывает: «М. А. очень мучился, сдавая «Мертвые», — теперь сдан уже третий вариант».

18 октября следует запись в «Дневнике»: «Пришли домой — письмо с фабрики, требуют поправок к «Мертвым душам» — какая мука...»

«Начался подготовительный период, — вспоминал Пырьев. — Я договорился с Н. П. Акимовым — о художественном оформлении им будущего фильма. Д. Д. Шостакович согласился писать музыку. В. Э. Мейерхольд обещал играть Плюшкина. На роль Ноздрева был намечен Н. П. Охлопков, Ю. А. Завадский на роль Манилова, а К. А. Зубов должен был играть Чичикова. Уже начали готовиться к пробам. Шить костюмы, делать парики...»

Но начались разногласия между Булгаковым и Пырьевым, написавшим режиссерский сценарий. Об этом есть запись в «Дневнике» 26 марта 1935 года: «Наконец сегодня М. А. написал отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ». Про многое: «Это надо исключить!» Но исключит ли Пырьев?»

И действительно, как и предполагала Е. С. Булгакова, Пырьев не согласился «исключать» то, что ему казалось необходимым, к сценарию охладел, стал сни-

мать фильм «Партийный билет», вышедший на экраны в апреле 1936 года, как раз тогда, когда вокруг Булгакова снова поднялись критические волны после снятия «Мольера». К тому же статьи против Шостаковича, Булгакова и других видных деятелей литературы и искусства насторожили его, и вскоре он вообще отказался снимать фильм. «И я отказался от постановки «Мертвых душ» — заключает И. А. Пырьев.

Творческая история киносценария «Мертвых душ» подробно освещена в статьях Григория Файман под общим названием «Кинороман Михаила Булгакова» (Искусство кино, 1987, №№7,8,9,12), острых, полемичных, насыщенных новыми материалами, служебной перепиской, извлеченной из архивов, дневниковыми записями, цитатами из газет того времени. В многотиражке кинокомбината «За большевистский фильм» 25 августа 1934 года опубликовано интервью М. А. Булгакова: «Я закончил сценарий «Похождения Чичикова, или Мертвые души» по гоголевской поэме.

Ранее, работая над инсценировкой «Мертвых душ» для театра, я убедился в том, что это сложное произведение Гоголя представляет для инсценировщика величайшие трудности. Превращение «Мертвых душ» в кинопоэму, с моей точки зрения, представляет работу еще более трудную, но увлекательную.

Работа эта, надо сказать, протекала в очень благоприятной обстановке. Режиссер Пырьев и заместитель директора И. Б. Вайсфельд сделали все, чтобы такую обстановку создать. С самых первых шагов они поддерживали со мной постоянную связь, и наши живые беседы значительно помогли мне в поисках способа, при помощи которого можно было бы труднейший в композиционном смысле роман-поэму превратить в стремительную и достаточно острую пьесу для экрана.

Мне понадобилось три варианта, чтобы пройти через все ухабы и добиться результата, который мог бы меня удовлетворить (см.: Искусство кино, 1987, № 7, с. 87)

Но после этого начались предложения по переработке сценария. Прежде всего Пырьев, узнав о мнении от-

ветственного работника Кинокомиссии ЦК партии т. Храпченко, внес в сценарий «кое-какие режиссерские поправочки», попросил в письме на них не обижаться. А мнение Храпченко в сущности было отрицательным: многое не удалось показать в сценарии — «Сценарий развертывает один за другим ряд гоголевских образов — вне определенной социально-исторической обусловленности. Основным недостатком сценария является отсутствие крепостной деревни...» Экранизация «Мертвых душ» неизбежно должна сопровождаться преодолением реакционных сторон мировоззрения Гоголя, выраженного в «Мертвых душах». По мнению партийного чиновника и литературоведа, Булгаков обеднил гоголевские образы, не показал «хищническую сущность» Чичикова, не преодолел «статичность» «Мертвых душ», не дал полного представления об эпохе.

25 октября 1934 года начальник ГУКФ Шумяцкий писал руководству Московского кинокомбината: «Главное управление кино-фотопромышленности при СНК СССР ставит Вас в известность, что сценарий Булгакова «Мертвые души» директивной инстанцией предложено переработать согласно указаний тов. Храпченко. Заключение тов. Храпченко Вам своевременно передано» (Искусство кино, № 8, с. 93).

5 ноября 1934 года Булгаков резко возражал против «поправочек» Пырьева: «На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен». 27 ноября руководство кинофабрики довело до сведения Булгакова, что оно не удовлетворено доработкой киносценария и «вынуждена отказаться от предложенных Вами поправок». А между тем группа 1 декабря 1934 года должна была приступить к съемкам фильма. Но работа над сценарием все еще продолжалась.

Дирекция Кинокомбината направила письмо в Художественно-производственный отдел ГУКФа следующее письмо: «Направляя Вам два экземпляра режиссерского сценария «Мертвые души», сообщаем, что в основу режиссерской разработки были положены: литературный

сценарий Булгакова, отзывы начальника ГУКФа тов. Шумяцкого и тов. Храпченко. Главное внимание было обращено на придание сценарию наибольшей сюжетной стройности, усиление роли Чичикова как выразителя «буржуазного стяжательства эпохи капиталистического накопления», на более яркую обрисовку социального фона, на большую выпуклость характеристик главных действующих лиц...»

Доработанный сценарий вновь прочитал Храпченко и высказал положительное отношение: качество сценария значительно улучшилось, «огромные трудности, заключающиеся в экранизации «Мертвых душ», — преодолены».

Но возникли другие трудности и преграды: Пырьев в своих интервью постоянно подчеркивал, что сценарий «Мертвых душ» написан при его «ближайшем участии». «Вечерняя Москва» 20 января 1935 года прямо сообщила, что «сценарий написан М. А. Булгаковым и Ив. Пырьевым». 28 января 1935 года Е. С. Булгакова, приглашая Пырьева на обсуждение сценария «Мертвых душ», писала: «Кроме того, я попрошу Вас сообщить мне, что означает заметка в «Веч. Москве» от 20.01 сего года, в которой сообщается, что сценарий «Мертвых душ» написан Булгаковым и Вами».

М. А. Булгаков вынужден был написать в Управление по охране авторских прав два письма 10 и 11 февраля 1935 года, в которых доказывал, что И. А. Пырьев «никаких прав в результате этих переделок не приобрел и соавтором сценария не сделался» (Искусство кино, № 9, с. 82—83).

После этого И. А. Пырьев «остыл» к будущему фильму по «Мертвым душам» и стал снимать фильм, который получил название — «Партийный билет».

Приведу свидетельство еще одного участника работы над фильмом по «Мертвым душам». «Работа над сценарием шла трудно, — вспоминает И. В. Вайсфельд. — Михаил Афанасьевич Булгаков видел дальше и знал о Гоголе больше, чем кинематографические производственники... пресс вульгаризаторских оценок литерату-

ры и кино сжимал замыслы экранизаторов, и очертания будущего фильма постепенно менялись... Чичикова усердно гримировали под героев Островского. Ему надлежало стать выразителем «торгового капитала». Все, что помогало прямолинейному иллюстрированию этого нехитрого литературоведческого открытия, всячески поощрялось, а все действительно гоголевское, сложное, причудливое, необычайное, потрясающее встречало недоверие... Режиссерский сценарий его в каких-то своих элементах смещался под уклон от Гоголя к его противоположности... В № 1 за 1978 год журнала «Москва» был опубликован сценарий «Мертвые души» с указанием двух авторов — М. А. Булгакова и И. А. Пырьева. Это ошибка... Двойного авторства литературного сценария не существовало». (Воспоминания о Михаиле Булгакове, — М. 1988, с. 423, 427)

Этой публикацией исправляем допущенную ошибку.

Публикуется по ксерокопии журнала. Публикация Ю. П. Тюрина.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, ИЛИ РЕВИЗОР (ПО ГОГОЛЮ)

Из «Дневника» Елены Булгаковой можно узнать о возникновении замысла, чернового текста и всего хода работы над киносценарием.

В августе 1934 года позвонили из «Украинфильма» и предложили написать киносценарий. Булгаков «с удовольствием» взялся за эту работу. «Режиссером намечают Дикого. Обычная картина: милы, предупредительны, любезны. Это уж закон: начало работы». За счет киностудии Булгаковы побывали в Киеве, были две встречи с дирекцией, план сценария понравился. И после возвращения из Киева приступил к работе. 25 августа Елена Сергеевна записывает: «Вечером М. А. диктовал мне черновые наброски «Ревизора» для кино». 7 сентября: «После обеда и сна диктовал «Ревизора». 14 сентября на собрании жильцов Шкловский сообщил Булгакову, что он по заказу того же «Украинфильма» написал и сдал сценарий «Ревизора». 21 сентября Е. С. Булгакова записывает: «Вчера в «Литературной газете» были напечатаны отрывки из сценария Шкловского «Ревизор».

А сегодня Катинов по телефону: «Они только надеются на М. А...». Обложил сценарий Шкловского, сказал, что ему уже давно было говорено в «Украинфильме», что его сценарий не подходит. Но что Шкловский теперь продвигает его по линии оргкомитета. Чтобы М. А. не обращал на это внимания». 16 октября, ночью, в присутствии администрации будущего фильма «М. А. читал черновик (первый) «Ревизора». За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович

говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную». 19 октября «М. А. диктует второй вариант сценария («Ревизор»). 24 октября. «Сегодня дописала под диктовку М. А. сценарий «Ревизора». 26 ноября: «Я забыла записать, что восемнадцатого были мы у Дикого, и тут выяснилось, что он и не собирался ставить «Ревизора». Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?»

10 декабря следует еще одна запись: «Были: Загорский, Коростин и Катинов. Загорский, сквозь дремоту (что он все спит?) говорил, «чтобы это была сатира...»

Такие разговоры действуют на М. А. угнетающе». 22 декабря: «У М. А. — Коростин, работа над «Ревизором». М. А. боится, что не справится: «Ревизор», «Иван Васильевич» и надвигается «Пушкин».

А его тянет к роману.»

Эти и другие записи и документы свидетельствуют, что угнетающее состояние у Булгакова возникло после того, как к работе над «Ревизором» подключился молодой режиссер Михаил Коростин, предложивший свой сценарий по «Ревизору». Такая практика складывалась уже в то время, и Булгакову пришлось соглашаться с такими «правилами» игры. Этот факт объясняет и все последующие записи в «Дневнике».

В марте 1935 года был перезаключен договор: Булгаков и Коростин стали соавторами сценария.

Григорий Файман, исследовав первые варианты «Ревизора» и сравнив с публикуемым, пришел к выводу, что Булгаков дорабатывал сценарий так, «чтобы раздвинуть, расширить социально-политическое, идейное пространство произведения», «осмысляя пьесу кинематографически»; «с помощью Коростина — обогатил свое экранное видение, приобщился к специфике кино» (Искусство кино, 1983, №9, с.108-109).

8 апреля позвонил Коростин, только что приехав-

ший из Киева, и «радостно объявил о принятии последнего варианта сценария М. А.». Но и в последующем еще шли уточнения. Так, 25 сентября Е. Булгакова записывает: «Вечером были с М. А. у Коростина, больного. Выяснили отношения — соавторские», а на следующий день Коростин приехал к Булгаковым, «подписали соглашение».

Впервые сценарий опубликован в 1935 году на правах рукописи для сценарно-производственной конференции.

Затем — в журнале «Искусство кино», 1983, №9. Публикация Григория Файман.

Публикуется по расклейке этого издания.

В статье Татьяны Деревянко «Из истории постановки фильма «Ревизор» приводятся интересные материалы о начале работы над фильмом, приведены цитаты из писем и статей оператора Николая Топчия, художника-постановщика А. Бобровникова. В фильме снимались Сергей Мартинсон в роли Хлестакова, Иван Штраух в роли Осипа, Геннадий Мичурин в роли Городничего, Гнат Юра в роли Добчинского и др. «Во время съемочного периода мы были единым коллективом, единым творческим организмом, — вспоминал А. В. Бобровников. — Очень экспансивный Михаил Каростин вынашивал множество идей, которые выплескивал на съемочной площадке. Жаль, что многое из того, что он придумывал, не вошло в картину и забылось. Помню предложенный им эпизод появления Добчинского и Бобчинского. Городничий играет в кегельбане. Брошенный им шар сбивает кегли в конце зала, и в тот же миг из-за сбитых кеглей появляются, как подброшенные, Добчинский и Бобчинский. Прекрасен был Сергей Мартинсон, не повторявший того, что он делал у Мейерхольда. Каростин и Мартинсон все время придумывали новые решения. Помню репетицию сцены появления городничего у Хлестакова в гостинице. Оба испуганы встречей. В комнате, у поломанной лестницы,

две колонны. Вокруг одной от страха должен был трижды обвиться Мартинсон. Обвиться спиралью, как требовал режиссер. Несмотря на всю свою великолепную пластику, актер не смог выполнить задание Каростина. Мы все подсказывали и даже показывали, как это нужно сделать, что вызывало общий смех.

Много ушло из памяти, но навсегда остались в ней прекрасные дни работы над «Ревизором».

К сожалению, заключает свою статью Т. Деревянко, «утрачены отснятые эпизоды (первый визит городничего к Хлестакову и финальная сцена), эскизы декораций и костюмов», остались лишь фотографии, письма, воспоминания» (Искусство кино, 1983, № 9).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Комедия в трех действиях

Впервые опубликована вторая редакция комедии: Булгаков М. А. Драмы и комедии. М.,1965. Затем: Булгаков М. А. Пьесы. Составители Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. М., Советский писатель, 1986; Булгаков М. А. Кабала святош. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. М., Современник, 1991.

Публикуется по расклейке последнего издания; сверено с машинописью, хранящейся в фонде 562, к. 14 ед. хр.2, ОР РГБ.

В 1965 году публикация была осуществлена с благословения Е. С. Булгаковой. Л. Е. Белозерская тоже выбрала для публикации вторую редакцию. В третьем томе Собрания сочинений (1990) и сборнике «Пьесы 30-х годов» (1994) публикуется первая редакция пьесы по машинописному списку, хранящемуся в РГАЛИ, ф. 656 (фонд Главреперткома), оп. 3. ед. хр. 329. На этом списке есть подписи рецензентов Реперткома 9 и 25 декабря 1940 г. и штамп: «Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по делам искусств. Разрешается только к печати...» Но в то время пьеса не была опубликована.

Публикатор и автор примечаний к пьесе «Иван Васильевич» в Собрании сочинений в пяти томах, Я. С. Лурье, сравнив обе редакции, пришел к выводу: «Главное различие между первой редакцией и второй (к которой примыкает также сценическая версия, созданная в Театре Сатиры) заключается в том, что история с машиной времени, созданной изобретателем Тимофеевым, описывалась в первой редакции как реально происшедшая, а во второй — как сон Тимофеева. Переделка эта была вынужденной: на одном из эк-

земпляров второй редакции (РГБ, ф. 562, к. 14, ед. хр. 2) было надписано: «Поправки по требованию и приделанный сон». Другие «поправки по требованию» выразились в том, что был удален текст, читавшийся в начале и конце первого акта: лекция «свиновода» по радиорепродуктору. О том, что мотив этот имел отнюдь не безобидный характер, свидетельствуют слова Тимофеева в финале, когда его, вместе с двумя путешественниками в прошлое, арестовывает милиция: «Послушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное?..» (первоначальный текст первой редакции). Тема пьесы здесь заметно перекликалась с темой «Собачьего сердца». Во второй редакции пьеса стала начинаться передачей по радио музыки «Псковитянки» (чем и мотивировался сон Тимофеева), а заканчиваться пробуждением Тимофеева. Слова управдома в первом акте, что жильцы дома «рассказывают про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно», были заменены во второй редакции на: «рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно». *(См.: Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах. М., Художественная литература, 1990, т. 3, с. 674).*

После того как Театр отказался от «Блаженства», предложив на этом материале написать новую пьесу — комедию об Иване Васильевиче Грозном, попавшем в советскую эпоху, Булгаков без всякого воодушевления принял эти рекомендации. Но потом эта идея все больше и больше захватывала его. И не удивительно: чуть ли не при каждой встрече с теми, кто слушал чтение его пьесы, говорилось, что надо написать новую пьесу, использовав все ту же машину времени: из этого можно извлечь много комедийных положений, конфликтов, можно от души посмеяться над прошлыми и нынешними нравами и обычаями. Так, Е. С. Булгакова записывает в «Дневнике»: 30 сентября 1934. «Вчера у меня была встреча с Веровым — новым заместителем директора

в Сатире. Театр усиленно просит М. А. согласиться на переделки «Блаженства». 7 мая 1935: « У нас вечером: Горчаков, Веров, Калинкин (из Сатиры). Просят, умоляют переделать «Блаженство». М. А. прочитал им те отрывки, что сделал. Обещал им сдать к первому декабря». 17 октября 1935. «Звонок из Реперткома в Сатиру (рассказывает Горчаков): Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного? Ничего не нашли. Замечательная фраза: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?» Двадцатого придется М. А. ехать туда с Горчаковым».

20 октября 1935 года скорее всего Булгаков не ездил в Репертком. Поехали туда Калинкин и Горчаков. И привезли к Булгакову одного из сотрудников Реперткома — Млечина. «Последний — записывает Е. С. Булгакова, — никак не может решиться — разрешить «Ивана Васильевича». Сперва искал в пьесе вредную идею. Не найдя, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Сказал: «Вот если бы такую комедию написал, скажем, Афиногенов, мы бы подняли на щит... Но Булгаков!..»

И тут же выдал с головой Калинкина, сказав ему: «Вот ведь есть же и у вас опасения какие-то...»

29 октября 1935: «Ночью звонок Верова: «Ивана Васильевича» разрешили с небольшими поправками». 31 октября: «Мы вечером в Сатире. М. А. делал поправки цензурные». 1 ноября: «М. А. читал труппе «Ивана Васильевича». Громадный успех». 18 ноября: «Первая репетиция «Ивана Васильевича» *(См.: «Дневник», с. 73—109).*

9 марта 1936 года, М. А. Булгаков, прочитав статью в «Правде» «Внешний блеск и фальшивое содержание», сказал: «Конец «Мольеру», конец «Ивану Васильевичу». Действительно, «Мольера» сняли тут же, а с «Иваном Васильевичем» история еще продолжалась некоторое время.

Но Театр тут же потребовал дополнительных переделок. 5 апреля: «М. А. диктует исправления к «Ивану Васильевичу».

Несколько дней назад Театр сатиры пригласил для переговоров. Они хотят выпускать пьесу, но боятся неизвестно чего. Просили о поправках. Горчаков придумал бог знает что: ввести в комедию пионерку, положительную. М. А. наотрез отказался. Идти по этой дешевой линии!»

11 мая: «Репетиция «Ивана Васильевича» в гримах и костюмах. Без публики. По безвкусию и безобразию это редкостная постановка. Горчаков почему-то испугался, что роль Милославского (блестящий вор — как его задумал М. А.) слишком обаятельна и велел Полю сделать грим какого-то поросенка рыжего, с дефективными ушами. Хорошо играют Курихин и Кара-Дмитриев. Да, слабый, слабый режиссер Горчаков. И к тому же трус».

13 мая: «Генеральная без публики «Ивана Васильевича». (И это бывает — конечно, не у всех драматургов!) Впечатление от спектакля такое же безотрадное. Смотрели спектакль (кроме нашей семьи — М. А., Евгений и Сергей, Екатерина Ивановна и я) — Боярский, Ангаров из ЦК партии, и к концу пьесы, даже не снимая пальто, держа в руках фуражку и портфель, вошел в зал Фурер, — кажется, он из МК партии.

Немедленно после спектакля пьеса была запрещена. Горчаков передал, что Фурер тут же сказал: — Ставить не советую» («Дневник», с.118—120).

На этом сценическая история «Ивана Васильевича» закончилась.

В критике чаще всего мелькала мысль, что М. Булгаков в этой пьесе высказался резко отрицательно об Иване Грозном и результатах его царствования. Так, в частности, Я. С. Лурье писал: «Изображение эпохи Грозного в «Иване Васильевиче» было однозначным и весьма выразительным. Изображенный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и

чудовищно-абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации» (См.: т. 3, с. 676). Вряд ли с этим можно согласиться. У Булгакова нет однозначных решений, всегда явление у него показано многогранным, многозначным, даже в комедийной интерпретации. Так и здесь Иван Грозный суров, беспощаден, но вместе с тем умен, справедлив, щедр... Образ его выразителен и не однозначен.

Много лет с успехом «Иван Васильевич» шел в Театре киноактера, во многих других театрах России и стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ (ПУШКИН)

Пьеса в четырех действиях

Впервые опубликована в сборнике пьес: Булгаков М.А. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М., 1955. Затем: Булгаков М. А. Пьесы. М., 1962; Булгаков М. А. Драмы и комедии. М., 1965; Булгаков М.А. Пьесы. М., Советский писатель, 1986; Булгаков М.А. Кабала святош. М., Современник, 1991.

Публикуется по расклейке последнего издания.

У истоков этой публикации стояла Е. С. Булгакова, а Л. Е. Белозерская, участвуя в составлении сборника «Пьесы-86», как бы подтвердила правомерность этого выбора.

Этот текст возник в итоге театральной доработки: так вместо названия пьесы «Александр Пушкин» стало: «Последние дни (А. С. Пушкин)», сокращены некоторые реплики и ремарки.

Премьера спектакля «Последние дни (Пушкин)» во МХАТе состоялась 10 апреля 1943 года. И за этим текстом пьесы сохраняется право на публикацию.

Кроме того, в основном корпусе тома печатаем «окончательный текст» пьесы «Александр Пушкин», датированный 9 сентября 1935 года, который по общему мнению исследователей является второй редакцией пьесы (См.: ОР РГБ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 6 / Булгаков М. А. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, М., 1990).

В Приложении публикуем рукопись пьесы «Александр Пушкин», законченной 27 марта 1935 года / См.: РГБ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 5. Впервые: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПБ, 1994/, первый вариант, законченный 29 мая 1935 года / ИРЛИ, ф. 369, № 28. Впервые: Булгаков М. А. Черный маг. Киев, 1990. Затем: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПБ, 1994/, и

«Изменения в сцене бала» / ИРЛИ, ф. 369, № 220. Впервые: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПБ, 1994/.

«Наброски из черновой тетради», «Первый вариант» и «Изменения в сцене бала» печатаются по ксерокопии книги: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПБ, 1994. Подготовка текста и примечания — И. Е. Ерыкалова. Составитель использовал некоторые текстологические наблюдения подготовителей этих рукописей.

Вполне возможно, что мысли написать о Пушкине возникали у М. А. Булгакова еще во Владикавказе, во всяком случае в «Записках на манжетах» он высказал свою любовь к великому писателю, защищая его в диспуте от оголтелых нападок пролеткультовского толка. О Пушкине в то время писали много и многие, а в 1937 году предполагалось отметить 100 лет со дня его гибели: театры готовы были к тому времени поставить пьесы. Так возникла мысль написать пьесу «Александр Пушкин».

Но в литературе о Пушкине было много противоречивого материала, много неясностей, сложностей, «белых пятен» в биографии поэта. И Булгаков предложил В. В. Вересаеву, автору популярной книги «Пушкин в жизни», написать пьесу в соавторстве: Вересаев поставляет материал, а Булгаков «обрабатывает» его, создавая пьесу. Но из этого творческого союза ничего не получилось: о сложностях и противоречиях этой творческой работы можно прочитать в переписке двух писателей, опубликованной Е. С. Булгаковой в журнале «Вопросы литературы» (1965, № 3), а также: Булгаков М. А. Письма. М., 1989.

Тщательно изучая материалы о Пушкине, в том числе и представляемые В. В. Вересаевым, М. А. Булгаков писал ему 20 мая 1935 года, когда работа над пьесой подходила к концу: «Вы говорите, что Вы, как пушкинист, не можете согласиться с моим образом Дантеса. Вся беда в том, что пушкиноведение, как я горько убедился, не есть точная наука» («Письма», с. 340).

Булгаков перечитал прежде всего самого Пушкина, его письма, дневниковые записи, воспоминания о нем и его времени, о его современниках. Особенно тщательно он изучил все материалы о гибели поэта. И здесь он нашел много противоречивых материалов, которые нуждались в критическом использовании. Прежде всего он поставил себе цель — «воскресить минувший век во всей его истине» (А. С. Пушкин).

Ведь пушкиноведение — «не есть точная наука». Сам В. В. Вересаев высказывал неверные суждения. В частности, в статье «В двух планах» он отделял Пушкина-поэта от Пушкина-человека: «В жизни — суетный, раздражительный, легкомысленный, циничный, до безумия ослепляемый страстью. В поэзии — серьезный, несравненно-мудрый и ослепительно-светлый, — «весь выше мира и страстей» (Вересаев В. В. В двух планах: статьи о Пушкине. М., 1929. с.140). Многие не соглашались с такой огрубленной трактовкой личности Пушкина. В. Шкловский, по воспоминаниям В. Каверина, сказал, что книга В. Вересаева «Пушкин в жизни» — «это Пушкин, от которого отняли перо и чернила». Критически отнеслись к этой книге такие известные ученые, как Н. Пиксанов, Д. Щеголев, М. Цявловский, Г. Винокур и др. М. Цявловский обращал внимание на то, что В. Вересаев упорно в своих статьях и книге «Пушкин в жизни» развивал мысль «о полной разобщенности Пушкина-человека и Пушкина-поэта». И эти мысли В. Вересаева совершенно неприемлемы.

«Однако мысль В. Вересаева о «двух планах» пушкинской личности оказалась очень живучей, — писал А. Г. Рабинянц. — В 1930-х г.г. в статьях других авторов она доводилась до крайности. С поэтом вообще не считались как с человеком, и он лишался каких бы то ни было личных мотивов, взглядов, желаний. О нем сочиняли самые разные, подчас странные книги и пьесы. В 1935 году самому Вересаеву пришлось защищать от таких авторов Пушкина, ибо, как он писал, «даже при жизни Пушкина никакие Булгарины не печатали о

нем подобных гнусностей», как некоторые ученые и критики в 1930-х г.г. Именно к пушкинистам обращался со словами «пощадите классика!» В. Стенич, в борьбе за «пристойное обращение с пушкинским наследием» нужны были очень серьезные меры». (А. Г. Рабинянц. Из творческой истории пьесы М. Булгакова «Александр Пушкин». Булгаков и пушкинистика 1920-1930 г.г. — сб. «Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова», Л.1987. с.79—80 и др.)

По письмам к В. Вересаеву и другим источникам установлено, что М. А. Булгаков тщательно изучил и сделал выписки из следующих книг: Щеголев П. Е. «Дуэль и смерть Пушкина», Лемке М. К. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.г.», «Воспоминания» В. А. Сологуба, «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, «Приключения Лифляндца в Петербурге», «Петербургские очерки П. В. Долгорукова, «Записки» А. В. Никитенко, Н. И. Греча и др.

А. Г. Рабинянц совершенно правильно отмечает: «Булгаков создавал свое произведение в полемике с критиками, поэтами, пушкинистами. Взявшись за самую трудную, мало исследованную тогда историю дуэли и гибели, он самостоятельно изучал материалы, не принимая на веру ни одного пушкинистского утверждения». Вместе с тем не лишено основания и другое утверждение: «О роли Николая I в событиях пушкинской смерти Булгаков почти полностью согласился с А. Поляковым, П. Щеголевым, М. Лемке, Г. Чулковым, М. Цявловским, Б. Казанским». В этом вопросе Булгаков оказался не выше пушкиноведения 1930-х г.г. Сегодня, на основе новых материалов, автор книги «Пушкин в 1836 году» С. Г. Абрамович пишет, что «поведение Николая I в деле Пушкина не было, конечно, ни единственной, ни тем более определяющей причиной январской трагедии... Никакого «адского» злодейства царь не совершил: наивно приписывать ему некие тайные козни и заранее разработанные планы, направленные на то, чтобы погубить Пушкина. Николай I не давал себе труда быть интриганом, он был слишком само-

держцем, чтобы испытывать в этом потребность» (Там же, с. 85 и 84).

А между тем А. Гозенпуд приводит многочисленные свидетельства в пользу именно роковой роли Николая I в гибели Пушкина: «В пьесах В. Каменского «Пушкин и Дантес» (1924) и Н. Лернера «Пушкин и Николай I» (1927) трагедия затравленного светской чернью гения подменялась темой обманутого мужа, узнающего об измене жены. Пасквиль не только оказывался единственной причиной гибели поэта, но, что неизмеримо страшнее, в нем, как считали авторы, заключалась истина. В пьесе Н. Лернера герой произносил, обращаясь к жене: «Какое у тебя лживое и бесчестное лицо. Ты все время мне лгала, лгала. Я все больше узнаю правду о тебе. Так вот перед кем я много раз унижал свой гордый ум».

Император в пьесе Лернера вместе с Бенкендорфом сочиняет текст оскорбительного «диплома» на звание коадьютора ордена рогоносцев, провоцируя дуэль. Николай I занят только тем, что борется с Пушкиным, радуется его гибели (он присутствует в комнате, примыкающей к той, где умирает поэт) и цинично ухаживает за его женой. Он прямой убийца поэта.

Герой пьесы В. Каменского также осыпает упреками жену, увидев, как ее обнимает и целует Дантес. Вызвав Дантеса на дуэль и осушив три бутылки шампанского, он восклицает патетически: «Я поднимаю меч ...чтобы отныне не одним только словом бороться с этой мещанской сволочью, но и оружием. Я хочу проучить этого негодяя Дантеса, в котором одном сосредоточены все мерзости общества, весь гной света, весь ужас и зло нашей царской дворни».

В начале драмы, в селе Михайловском, где уже в 1825 году Дантес преследует изгнанника, поэт заявляет Пущину: «Я сам головою против царя, против нашей жандармской власти... я за народ, за республику. За революцию... за немедленную...»

Пьеса В. Каменского первоначально заканчивалась смертью Дантеса — его убивал на дуэли Пушкин. А за-

тем, перед занавесом должен был появиться автор и пояснить изумленным зрителям, что у него не поднялась рука. Об этом автору статьи рассказывал постановщик спектакля К. П. Хохлов (Ленинград, Театр драмы). Этот оптимистический финал, однако, не увидел света рампы.

В кинофильме «Поэт и царь» (1927) в то мгновенье, когда Дантес собирался выстрелить, Николай I в кадре нажимал курок пистолета. Так буквально была реализована метафора Э. Багрицкого:

Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай.

А. Гозенпуд, ссылаясь на свою беседу с Е. С. Булгаковой в 1949 году, на даче К. Г. Паустовского, утверждает, что Булгаков с некоторыми пьесами о Пушкине был знаком, хотя они и не были опубликованы, «возмущался дерзостью авторов». (См.: А. Гозенпуд. «Последние дни («Пушкин») (Из творческой истории пьесы) в сборнике «М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени». М.,1988, с.155)

Машинописные экземпляры пьес И. Лернера и В. Каменского, на которые ссылается А. Гозенпуд, хранятся в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского.

Пожалуй, над пьесой «Александр Пушкин» Булгаков работал больше и тщательнее, чем над некоторыми другими своими произведениями. И тому несколько причин: В. В. Вересаев, суровый оппонент чуть ли не всего того, что создавал Булгаков; писал о любимом, писателе, судьба которого была столь же тягостна, как и его собственная; светила малюсенькая надежда поставить эту пьесу к 100-летию со дня гибели Пушкина в 1937 году.

О ходе работы над пьесой узнаем из переписки с В. Вересаевым, П. С. Поповым, из документов и «Дневника» Е. С. Булгаковой.

25 августа 1934 года Е. С. записывает: «У М. А. воз-

ник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала, М. А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам приехал к М. А. и предложил в долг денег. М. А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают».

18 октября 1934 года: «Днем были у В. В. Вересаева. М. А. пошел туда с предложением писать вместе с В. В. пьесу о Пушкине, то есть чтобы В. В., подбирал материал, а М. А. писал.

Мария Гермогеновна встретила это сразу восторженно. Старик был очень тронут, несколько раз пробежался по своему уютному кабинету, потом обнял М. А.

В. В. зажегся, начал говорить о Пушкине, о двойственности его, о том, что Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина.

Сначала В. В. был ошеломлен — что М. А. решил пьесу писать без Пушкина (иначе будет вульгарной) — но, подумав, согласился».

18 декабря: «У Вересаева. М. А. рассказывал свой план пьесы. Больше всего запомнилось: Наталья, ночью, облитая светом улицы. Улыбается, вспоминает. И там же — тайный приход Дантеса. Обед у Салтыкова. В конце — приход Данзаса с известием о ранении Пушкина».

28 декабря: «...В девять часов вечера Вересаевы. М. А. рассказывал свои мысли о пьесе. Она уже ясно вырисовывается».

12 февраля 1935 года: «Вечером — к Вересаевым. М. А. читал четвертую, пятую, шестую, седьмую и восьмую картины. Старику больше всего понравилась четвертая картина — в жандармском отделении.

Вообще они все время говорят, что пьеса будет замечательная, несмотря на то, что после читки яростно критиковали некоторые места. Старик не принимает выстрела Дантеса в картину.

А Мария Гермогеновна оспаривает трактовку Натальи. Но она не права, это признал и В. В.».

28 мая 1935 года: «М. А. диктует все эти дни «Пушкина». 2 июня — чтение в Вахтанговском театре, а 31 мая он хочет нескольким знакомым дома прочесть».

29 мая: «Сегодня М. А. закончил первый вариант «Пушкина». Пишу вариант, так как М. А. сам находит, что не совсем готово.

Пришел Вересаев и взял экземпляр с тем, чтобы завтра вечером придти обсуждать».

30 мая: «Был Вересаев. Начал с того, что говорил о незначительных изменениях в ремарках и репликах (Никита не в ту дверь выходит, прибавить Богомазову слова «на театре»).

Потом пришел Гр. Конский, и мы с ним сидели в кабинете, а М. А. и Вересаев разговаривали в столовой. Со слов М. А. — старик вмешивается в драматургическую область, хочет ломать образ Дантеса, менять концовку с Битковым и т. д. Сначала говорил очень решительно, даже говорил, что им «придется разъехаться» и он снимет свою фамилию (получая 50% гонораров). Но потом опять предложил — давайте мириться.

Решили — 1-го опять встретиться.

1 июня — Вчера было чтение. Оленька, ребята, Дмитриев, Жуховицкий, Ермолинские, Конский, Яншин и мы с Лоли (И Лоли, и Оля плакали в конце).

Оля, уходя сказала:

— Пройдут века, а эта пьеса будет жить. Никто никогда так о Пушкине не писал и не напишет.

Яншин потом за ужином сказал, что эта пьеса перекликается с «Мольером» и что М. А. за нее так же будут упрекать, как за «Мольера» — что не выведен великий писатель, а человек, что будут упрекать в поверхности, что он, как актер, знает, что это не так. Говорил, что ему не понравились Наталья, Дантес и Геккерен... Дмитриев позвонил часа в четыре ночи и сказал, что пьеса «замечательна», «она его встревожила, он взволнован, не может уснуть. Она так необычна, так противоречит всему общепринятому».

2 июня. Сегодня М. А. читал вахтанговцам. Успех большой. После чтения говорили сначала артисты, по-

том М. А. и Вересаев. М. А. аплодировали после его выступления и после чтения».

Все лето 1935 года М. А. Булгаков шлифовал пьесу, вел полемику с Вересаевым. Пьесой заинтересовались «наверху».

20 сентября Е. С. Булгакова записала, что Реперт-ком разрешил «Пушкина», а днем раньше она отправила в Ленинград Вольфу в Красный театр — «под двумя фамилиями».

Пьесой заинтересовались мхатовцы, вахтанговцы протестуют против постановки во МХАТе; Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович думают написать оперы на эту тему.

Даже в газетах мелькнули сообщения о том, что М. Булгаков написал пьесу «Александр Пушкин» и в ближайшее время Театр им. Вахтангова осуществит ее постановку. За это время были заключены договоры со многими театрами. Но все перечеркнула статья в «Правде» от 9 марта 1936 года «Внешний блеск и фальшивое содержание» — о мхатовском «Мольере».

16 марта 1936 года состоялся разговор с председателем комитета по делам искусств П. Н. Керженцевым, после которого Булгаков сказал Е. С. Булгаковой, что «Пушкина» снимут.

Так оно и оказалось. Началась травля «драмоделов» — Булгакова и Вересаева.

Лишь через три года после этого МХАТ возобновил разговоры о постановке пьесы. Но Булгаков так и не увидел свою пьесу на сцене.

Эти комментарии относятся и к публикуемой в этом томе пьесе под названием «Александр Пушкин», ко всем здесь публикуемым материалам о Пушкине.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

(Либретто оперы в семи картинах)

Публикуется машинопись с авторской правкой, внесенной Е. С. Булгаковой, карандашом и чернилами, по расклейке книги: Булгаков М. А. Кабала святош. М., Современник, 1991, хранящейся в ОР РГБ, Ф. 562, к. 16, ед. хр. 8.

2 редакция датирована: 1936 ноября 18.

Кроме того, в ОР хранятся 1 и 3 редакции (к. 16, ед. хр. 7). Автограф и рукою Е. С. Булгаковой внесены поправки. Стоят даты: 1936, окт. 16 — ноября 9, 1937, марта 7—18.

На титульном листе дано полное описание материалов этой единицы хранения: На стр. 1-6, 65-68 — материалы к либретто; на стр. 7—55 — первая редакция; на стр. 69—151 — третья редакция (не закончена); на стр. 182—183 — список источников.

Как всегда у М. Булгакова, первая редакция «Черного моря» четче выявляет творческий замысел, а вторая — емче в художественном отношении. Приведу пример: Марич объясняется с Болотовой. Сначала во второй редакции было: «Марич. Ну, хорошо, я вам скажу. Я вижу вы не можете сочувствовать тем, кто сделал это. Нет! Итак, я коммунист. Я состою в подпольном ревкоме. За мною гонятся. Мне нужно скрыться. Со мною важные бумаги организации. И прибежал я к вам с одною целью, позвольте мне их у вас сжечь, мне некуда девать их. И я оставлю ваш дом».

Синим карандашом внесены исправления и окончательный текст стал значительно лучше: «Марич. Нет, нет, я объясню. Я вижу вы не с теми, кто сделал это... Нет! Итак, я коммунист... За мною гонятся... Мне нужно скрыться. Со мною важные бумаги. Позвольте мне у вас их сжечь, мне некуда девать их. Бежать я должен».

И на других страницах после вмешательства синего карандаша окончательный текст становится экономнее, благозвучнее, ярче.

Хранится в ОР РГБ еще один экземпляр машинописи, в котором главная героиня именуется Ольгой Анд-

реевной Шатровой, а не Ольгой Андреевной Болотовой, — а ее муж — Шатров, а не Болотов. Отсутствует Зейнаб, из отряда зеленых. Есть и другие разночтения.

Тема либретто возникла не сразу. Как только М. А. Булгаков ушел из МХАТа, а после гибели «Мольера» это было неизбежно, перед ним встали новые задачи: он пошел служить в Большой театр либреттистом. 2 октября 1936 года он писал В. В. Вересаеву: «Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто» (Письма, с.367). Но слухи о переходе распространялись гораздо раньше, а потому к Булгакову стали приходить музыканты с различными просьбами и предложениями. 9 сентября 1936 года Е. С. Булгакова записала в «Дневнике»: «Вечером — композитор Потоцкий и режиссер Большого театра Шарашидзе Тициан. Пришли с просьбой — не переделает ли М. А. либретто оперы Потоцкого «Прорыв». М. А., конечно, отказался. Потоцкий впал в уныние. Стали просить о новом либретто...»

В сентябре шли переговоры с художественным руководителем Большого театра Самуилом Абрамовичем Самосудом о совместной творческой работе, в разговорах принимали участие все те же — Шарашидзе и Потоцкий. После предложения Самосуда работать в Большом театре — «Мы вас возьмем на любую должность. Хотите — тенором?» — М. А. Булгаков «с каким-то даже сладострастием» написал письмо руководству МХАТа о своем ухода со службы. И еще после этого колебался, поступать ли в Большой театр, но вскоре решил, что «не может оставаться в безвоздушном пространстве, что ему нужна окружающая среда, лучше всего — театральная» («Дневник», 122), хотя перед ним тут же поставили вопрос о либретто для новой оперы. Такого ясного сюжета, на который можно было бы написать оперу, касающуюся Перекопа, у него нет. А это, по-видимому, единственная тема, которая сейчас интересует Самосуда» (там же, с.122—123). Но уже 1 октября 1936

года замысел определился, и Е. С. Булгакова записывает: «Договоры относительно работы в Большом и либретто «Черного моря» для Потоцкого подписаны» (там же, с. 123).

Булгаковы стали бывать у Сергея Ивановича Потоцкого (1883-1962), ученика С. Василенко и К. Игумнова, автора одной из первых опер на современную тему — «Прорыв», но впечатление от его музыки было неутешительное: «Были у Потоцких. Он играл свои вещи. Слабо. Третий сорт» (там же, с. 123).

В эти же дни к М. А. Булгакову обращается Юрий Шапорин с просьбой исправить либретто «Декабристов», с 1925 года он работает с А. Н. Толстым над либретто и до сих пор многое нуждается в доработке, но Толстой никак не может доделать, занятый множеством своих сочинений. М. А. отказался «входить в чужую работу», но как консультант Большого театра обещал помочь советом.

15 ноября 1936 года Е. С. Булгакова записывает: «Были на «Бахчисарайском фонтане». После спектакля М. А. остался на торжественный вечер. Самосуд предложил ему рассказать Керженцеву содержание «Минина», и до половины третьего ночи в кабинете при ложе дирекции М. А. рассказывал Керженцеву не только «Минина», но и «Черное море».

Через два дня Керженцев сказал М. Булгакову, «что он сомневается в «Черном море». А 18 ноября Булгаков читал Потоцкому и Шарашидзе либретто оперы «Черное море». «Потоцкому понравилось».

3 февраля 1937 года С. Ермолинский попросил вернуть ему две тысячи рублей, которые Булгаковы были давно ему должны. М. А. Булгаков тут же написал заявление в Большой театр, и к концу дня он мог «получить аванс под «Черное море».

19 марта Е. С. Булгакова записала: «Вечером вчера Потоцкий — слушал «Черное море». М. А. сдал в Большой экземпляр либретто».

На этом творческая история либретто «Черное море» и заканчивается.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Либретто оперы в 5 актах (9 картинах)

В ОР РГБ хранятся материалы к либретто, 1-я (черновая) редакция и позднейшие добавления и варианты. 1936, июня 18 — июля 6; дорабатывал либретто в 1937 и 1938 гг. В автограф карандашом и чернилами вложены листы со стихотворными текстами для либретто (к. 16, ед. хр. 1).

Вторая редакция оперы в четырех актах (7 картин) была закончена 20 июля 1936 года. Первая публикация за границей.

Публикуется машинопись с размеченными рукою Е. С. Булгаковой местами для дополнений 1938 г., карандашом, по расклейке книги: Булгаков М. А. Кабала святош. М Современник, 1991 (См.: ф. 562, к. 16, ед. хр. 5—6). Впервые опубликована М. Козловой и А. Павловой-Арбениной в книге: Музыка России. Выпуск 3, М., 1980. Затем: Советская Россия, 1987, 9 августа. Вступительная статья и публикация В. Лосева.

В публикацию внесена незначительная правка после сверки с машинописью. Так, в 3 картине есть фраза: «Слепцы. Было видение. Сергий явился — спящих будить». В машинописи тире зачеркнуто карандашом. И в данной публикации эта фраза без тире, и по смыслу здесь не должно быть тире. В опубликованном тексте в акте пятом Пахомов говорит: «Я погибну в темнице сырой, вдалеке от невесты, Марии родной». В машинописи: «Марии моей».

Остались и другие незначительные разночтения публикации с машинописью, но эти разночтения можно обсудить при подготовке текста к академическому изданию.

Из переписки М. А. Булгакова и Б. В. Асафьева и «Дневника» Е. С. Булгаковой можно узнать весьма су-

щественные подробности о творческой истории этого либретто.

Из дома отдыха ГАБТ Поленово 10 июля 1936 года Б. В. Асафьев писал М. А. Булгакову: «Сюда вчера приехал Мелик-Пашаев и сообщил мне радостную весть: «Вы кончили «Минина». Разрешите, поэтому, Вас от души поздравить и приветствовать». Через две недели Асафьев, получив либретто и прочитав его, писал уже из Ленинграда: «Пишу Вам, чтобы еще раз сказать Вам, что я искренне взволнован и всколыхнут Вашим либретто. Вы не должны ни нервничать, ни тревожиться. Я буду писать оперу, дайте только отдышаться и дайте некоторое время еще и еще крепко подумать над Вашим текстом в связи с музыкальным действием, то есть четко прощупать это действие... Умоляю, не терзайте себя. Если б я знал, как Вас успокоить! Уверяю Вас, в моей жизни бывали «состояния», которые дают мне право сопереживать и сочувствовать Вам: ведь я тоже одиночка...»

А 17 октября 1936 года Асафьев дал телеграмму Булгакову, что «кончил нашу оперу». В тот же день Булгаков ответил: «Радуюсь горячо приветствую хочу услышать». Но дело затянулось по каким-то соображениям, и Е. С. Булгакова 15 ноября 1936 года с тревогой записывает: «Асафьев ни сам не едет, ни клавира не шлет, чем весьма портит дело. Не хватало еще этих волнений М. А.». 19 ноября Яков Леонтьевич Леонтьев рассказал о посещении Большого театра Керженцевым и его одобрительных словах о «Минине». И в тот же день запись в «Дневнике»: «Но где же клавир? Что делает Асафьев?» Эта тревога передалась и дирекции Большого театра.

...В последние дни 1936 года Булгаков и Мелик-Пашаев, получив клавир из Ленинграда, кое-что меняли в тексте, выправляли полученный экземпляр. В эти же дни получили письмо Асафьева от 12 декабря: «Спасибо за приезд, за чуткость... Приезд Ваш и Мелика вспоминаю с радостью. Это было единственно яркое происшествие за последние месяцы в моем существовании: все остальное стерлось. При свидании нашем я, волнуясь,

ощутил, что я и человек, и художник, и артист, а не просто какая-то бездонная лохань знаний и соображений к услугам многих, не замечающих во мне измученного небрежением человека. Я был глубоко тронут чуткостью Вас обоих. Сердечное спасибо...» (Письма, с. 394—395).

Но во всех этих спорах и обсуждениях высказывались и здравые мысли и предложения, и Булгаков сразу же после встречи нового, 1937 года приступил к доработке либретто, тем более, что и в разговорах с Асафьевым тоже возникала какая-то обоюдная потребность еще раз вернуться к либретто, что-то действительно нужно было доработать, чем-то дополнить, чтобы скрепить разрозненные события и столкнуть в оперном конфликте действующих лиц.

9 января 1937 года Булгаков писал Асафьеву: «Не сердитесь за то, что не написал Вам. Не писал потому, что решительно не знал, что написать.

Сейчас сижу и ввожу в «Минина» новую картину и поправки, которые требуют...

Я ценю Вашу работу и желаю Вам от души того, что во мне самом истощается, — силы» (Письма, с. 396).

7 февраля 1937 года Е. С. Булгакова записывает: «По желанию Комитета, М. А. дописал еще две картины для «Минина», послал Асафьеву и сдал в театр. Теперь от Асафьева зависит возможность начать работу над оперой, Дмитриев сказал, что новые картины Асафьеву понравились».

5 марта: «Звонок Городинского из ЦК. Спрашивал М. А., в каком состоянии «Минин» и принято ли при дополнительных картинах во внимание то, что Комитетом было сказано при прослушивании.

М. А. ответил — конечно, принято».

20 марта: «Вечером Дмитриев. Длинные разговоры о «Минине» — дополнительные картины до сих пор не присланы, Асафьев шлет нервные письма — по поводу того, что опера назначается на филиал, что ее не начинают репетировать до получения дополнительных картин».

Дирекция Большого театра предложила Булгакову ставить «Минина», уже шел разговор с художниками об эскизах. 22 марта: «Две картины «Минина» от Асафьева приехали, Мелик принес их и играл. «Кострома» очень хороша».

В это время Большой театр работал над постановкой оперы «Поднятая целина» Дзержинского и «Руслан и Людмила» Глинки, а вслед за этими постановками пойдет, как намечалось, «Минин и Пожарский». Но пойдет в филиале Большого театра, и этот слух огорчил Асафьева: в письме от 12 марта 1937 года он писал Булгакову: «Очевидно, массовые сцены будут купюрованы? Когда у меня был Платон Михайлович (Керженцев — *В. П.*) и восторженно описывал мне, какой он сценически представляет себе нашу оперу с точки зрения политической значимости тематики, я все время ощущал большой размах, большой план и, следовательно, сцену Большого театра. Но если это мечты, если Большой театр не для меня, то ведь тогда, действительно, надо пересмотреть всю оперу и многое переделать в сторону большей экономии массовых сцен, усилить интимно-лирический элемент (или просто его воссоздать), уменьшить число действующих лиц и т. д. Словом, эти слухи о Филиале изнуряют и подтачивают мою творческую энергию едва лишь менее, чем сознание, что опера совсем не пойдет, к чему я все время стараюсь себя приучить...»

24 марта 1937 года Булгаков писал Асафьеву: «Обе картины получены в театре. Одну из них, именно «Кострому», 22-го Мелик играл у меня. Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще! Как хорош финал — здравствуйте, граждане костромские, славные! Знайте, что (...), несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за «Мининым» и делаю все для проведения оперы на сцену.

О деталях я Вам сейчас не пишу, потому что эти детали прохождения оперы сейчас будут так или иначе меняться, и я буду информировать Вас по мере того, как они будут устанавливаться прочно.

Но повторяю основное: помните, что для оперы делается все, чтобы она пошла на сцену».

Но положение М. А. Булгакова в это время крайне неустойчивое. 7 апреля Е. С. записывает: «Звонок из ЦК. Ангаров просит М. А. приехать. Поехал. Разговор был, по словах М. А., по полной безрезультатности. М. А рассказывал о том, что проделали с «Пушкиным», а Ангаров отвечал в таком плане, что он хочет указать М. А. правильную стезю.

Говоря о «Минине», сказал: — Почему вы не любите русский народ? — и добавил, что поляки очень красивые в либретто.

Самого главного не было сказано в разговоре — что М. А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать так, как он не будет писать.

Обо всем этом, вероятно, придется писать в ЦК. Что-то надо предпринять, выхода нет» (Дневник, с. 138).

А 19 апреля арестовали директора Большого театра В. И. Мутных, благосклонно относившегося к Булгакову и его творчеству. Естественно, «в Большом театре волнение», волнение и беспокойство и у Булгаковых.

Арестован Ягода, в газетах и на собраниях ругают Киршона, Афиногенова, Литовского, Крючкова.

9 мая Е. С. Булгакова, рассказав о разговоре М. А. с Керженцевым, записала: «...Про Минина» сказал, что он его не читал еще, пусть Большой театр даст ему. «Минин» написан чуть ли не год назад, и уже музыка давно написана! Словом — чепуха» (Дневник, с. 144).

Но в это время возникла идея поставить «Жизнь за царя», почти предложили Булгакову писать новое либретто на музыку Глинки. «Это после того, как М. А. написал «Минина»!!! Это восклицание в «Дневнике» Е. С. Булгаковой как бы предвещает печальный конец и этого начинания.

Так оно и вышло: к XX годовщине Великой Октябрьской революции Большой театр решил поставить «Ивана Сусанина», либретто взялся написать Сергей Горо-

децкий, Самосуд и Мордвинов приступили к постановке оперы Глинки.

10 мая 1937 года Булгаков писал Асафьеву: «Дорогой Борис Владимирович, диктую, потому что так мне легче работать. Вот уж месяц, как я страдаю полным нервным переутомлением. Только этим объясняется задержка ответа на Ваше последнее письмо. Со дня на день я откладывал это письмо и другие. Не было сил подойти к столу. А телеграмму давать бессмысленно, в ней нечего телеграфировать. Вы хорошо понимаете, что такое замученность, и, конечно, перестанете сердиться на меня.

На горизонте возник новый фактор, это — «Иван Сусанин», о котором упорно заговаривают в театре. Если его двинут, — надо смотреть правде в глаза, — тогда «Минин» не пойдет. «Минин» сейчас в репертко-ме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто.

Вчера ему послали из Большого экземпляр... Вам необходимо приехать в Москву. Настойчиво еще и еще раз повторяю это. Вам нужно говорить с Керженцевым и Самосудом, тогда только разрешатся эти загадки-головоломки с «Мининым»...» (Письма, с. 404—405).

Узнав, что «Иван Сусанин» пойдет непременно на Большой сцене, что Сергей Городецкий уже сделал либретто, Е. С. Булгакова 29 июня 1937 года записала: «Минину» — крышка. Это ясно» (Дневник, с. 157).

11 июля Асафьев написал Булгакову: «Конечно, «Минин» похоронен волей Самосуда и Комитета, но я бы не хотел его хоронить. Что вы думаете, если бы попытаться подставить под него русский же исторический сюжет с сохранением тех же характеров и типов, тоже с темой защиты родины, ибо ведь вся русская история, в сущности, всегда была и есть история обороны с вытекающими отсюда повинностями для людишек....» (Письма, с. 407).

Но и на этом не закончилась творческая история «Минина». 18 декабря 1937 года Булгаков писал Асафь-

еву: «...14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над «Мининым», и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает. Кратко главное:

а) Расширение Минина (ария, которую можно отнести к типу «О поле, поле....»).

б) Противодействие Минину в Нижнем.

в) Расширение роли Пожарского.

г) Перенесение финала оперы из Кремля на Москву-реку — мост.

Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам и одновременно добиваюсь прослушания Керженцевым клавира в последнем варианте, где и Мокеев, и Кострома, с тем, чтобы наилучшим образом разместить дополнения, поправки и переделки.

Не знаю, что ждет «Минина» в дальнейшем, но на сегодняшний день у меня ясное впечатление, что он снят с мертвой точки...» (с. 411).

19 декабря Асафьев написал Булгакову, что он готов продолжить работу над оперой: «...и пусть даже за этой третьей редакцией последуют еще другие... я от работы не откажусь никогда». 21 декабря Булгаков предлагает Асафьеву немедленно приехать в Москву для выяснения судьбы «Минина». Но доктор категорически возражает против этой поездки, тем более, что Керженцев написал Асафьеву о сути доработки оперы, но 24 декабря Булгаков направляет Асафьеву телеграмму: «Немедленно выезжайте в Москву». Но Асафьев не внял мольбам Булгакова, скорее всего по состоянию здоровья.

25 декабря 1937 года Булгаков писал Асафьеву: «21 декабря я послал Вам письмо, где предупредил, что Вам нужно выехать в Москву. Я ждал единственно возможного ответа — телеграммы о Вашем выезде. Ее нет. Что же: Вам не ясна исключительная серьезность вопроса о «Минине»? Я поражен. Разве такие письма пишутся зря?

Только что я послал Вам телеграмму, чтобы Вы вы-

езжали. Значит есть что-то очень важное, если я Вас так вызываю.

Повторяю: немедленно выезжайте в Москву.

Прошу Вас знать, что в данном случае я забочусь о Вас, и помнить, что о необходимости Вашего выезда я Вас предупредил».

2 февраля 1938 года Булгаков писал Асафьеву: «Посылаю Вам первое из дополнений к «Минину» — арию Минина в начале второй картины.

Вслед за нею начну высылать остальные дополнения... Когда опять в Москву? Я очень рад, что Вы побывали в ней...

7 февраля Булгаков послал дополнения к третьей картине (в Нижнем, на Лобном месте). 10 февраля Асафьев послал телеграмму, что получил оба письма и благодарен за «прекрасные тексты». 15 февраля Асафьев телеграфирует, что музыка на присланные тексты написана.

10 апреля 1938 года Булгаков послал дополнения, на этом завершая работу над либретто. 4 июня 1938 года Асафьев писал Булгакову: «...Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе «Минина» и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить. В Большом театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят. Это мне было ясно, еще когда я сидел у Вас и просил клавир...»

Последние надежды на постановку «Минина» были связаны с двумя эпизодами, которые произошли в ноябре 1937 года. Скорее всего «оживление» вокруг «Минина» возникло после того, как в Большом театре побывал Сталин. 24 ноября 1937 года Е. С. Булгакова записала: «...Позвонил Яков Л. и сообщил, что на «Поднятой целине» был Генеральный секретарь и, разговаривая с Керженцевым о репертуаре Большого театра, сказал:

— А вот же Булгаков написал «Минина и Пожарского»...

Яков Л. обрадовался этому и тут же позвонил» (с. 176).

14 декабря: «Керженцев пригласил М. А. Сообщил, что докладывал «высокоответственному лицу» о «Минине». Просил М. А. сделать поправки. Сказал, что поляки правильные. (А в прошлый раз говорил, что неправильные). «Надо увеличить роль Минина, дать ему арию вроде «О, поле поле...» и т. д.

Приезд Асафьева в январе 1938 года не внес никаких изменений в судьбу «Минина». Видимо, музыкантам Большого театра не нравилась его музыка. Это становится ясно из записи Е. С. Булгаковой: Асафьев «играет настолько хорошо, что даже и музыка понравилась» (с. 180). Он встречался и подробно разговаривал о переделках оперы с Мелик-Пашаевым, Самосудом, Булгаковым. Но вскоре после этого «гробовая новость о Керженцеве»: «На сессии, в речи Жданова, Керженцев назван коммивояжером. Закончилась карьера. А сколько вреда, путаницы он внес», — записывает Е. С. Булгакова (Дневник с. 181).

20 января 1938 года назначен председателем Комитета по делам искусства Назаров — «Абсолютно неизвестная фигура» (Вскоре выяснилось, что Назаров — сотрудник «Правды»). Значит, все нужно начинать сначала...

Последние поправки были сделаны, но опера оказалась в катастрофическом положении... Никто за катастрофу эту не нес ответственности. Скорбно и горестно было не только Асафьеву, но и Булгакову.

В это время М. А. Булгаков работал над романом «Мастер и Маргарита», а для Большого театра писал новое либретто — о Петре Великом

МАСТЕР И МАРГАРИТА.

Черновые главы романа, дописанные и переписанные в 1934—1936 годах.

Автограф хранится в ОР РГБ, к. 6, ед. хр. 5—8, Впервые опубликовано в книге: Булгаков М. Великий канцлер. М., Новости, 1992. Публикация В. И. Лосева.

Публикуется по расклейке этой книги, сверенной с автографом, хранящимся в ОР РГБ. В сверке принимал участие В. И. Лосев.

21 сентября 1934 года Булгаков начал писать предпоследнюю главу романа «Ночь», в последующие дни сентября роман был в основном завершен, правда, он оставил его на полуслове, но почувствовал, что замысел сложился окончательно. Многое еще было не дописано, возникали новые подробности, детали, но впервые перед нами предстал роман от первой и до последней главы. Исследователи считают эту публикацию романа третьей его редакцией, а публикуемые здесь главы — четвертой. Третья и четвертая редакции романа составляют первую полную его редакцию.

Эти годы, 1934—1936, были очень насыщенными для Булгакова: принимал участие в репетициях «Мольера», завершал киносценарии «Ревизор» и «Мертвые души», пьесы «Иван Васильевич» и «Александр Пушкин», первый вариант либретто оперы «Минин и Пожарский», поэтому роману мог уделять лишь свободное время. Может быть, этим можно объяснить и тот удивительный факт, что о романе в дневнике Е. С. Булгакова даже не упоминает. Вполне возможно, что опасалась упоминать: время было тяжелое, шли аресты неугодных власть имущим, публиковались жесткие статьи, прорабатывающие «отступников» от большевистской идеологии. И в письмах этого периода Булгаков о романе тоже не упоминает.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Петелин. «Дописать раньше, чем умереть» 5
Блаженство (Сон инженера Рейна). Пьеса в четырех действиях . 34
Мертвые души. Киносценарий 83
Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю). Киносценарий в соавторстве с режиссером М. С. Коростиным . . . 155
Иван Васильевич. Комедия в трех действиях 197
Последние дни (Пушкин). Пьеса в четырех действиях 248
Александр Пушкин. Пьеса в четырех действиях 306
Черное море. Либретто оперы в семи картинах 366
Минин и Пожарский. Либретто оперы в 5 актах (9 картинах) . . 389
Приложение.
Блаженство. Комедия в трех актах (Набросок) 419
Блаженство. Пьеса в четырех актах (1-я редакция) 420
Блаженство. Пьеса в четырех действиях (фрагменты 2-ой редакции) 485
Иван Васильевич. Наброски из черновой тетради 509
Иван. Васильевич. Комедия в трех действиях, 2-я редакция Фрагменты (Начало и конец пьесы) 516
Александр Пушкин. Наброски из черновой тетради 520
Александр Пушкин. Пьеса. Рукопись 525
Александр Пушкин. Пьеса в четырех действиях. 1 вариант 586
Александр Пушкин. Изменения в сцене бала 652
Мастер и Маргарита. Черновые главы романа, дописанные и переписанные в 1934—1936 годах 654
Краткие комментарии 725

Булгаков М. А.

Б 90 Собрание сочинений в 10 томах. Т 7 Последние дни Пьесы, киносценарии, либретто Мастер и Маргарита, главы романа, написанные и переписанные в 1934—1936 гг. — М , Голос, 1999 768 с

ISBN 5-7117-0427-3 (т 7)
ISBN 5-7117-0304-8

Седьмой том Собрания сочинений Михаила Булгакова составили пьесы «Блаженство», «Иван Васильевич», «Александр Пушкин», киносценарии «Мертвые души» и «Ревизор», либретто «Черное море» и «Минин и Пожарский», черновые главы романа «Мастер и Маргарита» (1934—1936)

УДК 882
ББК 84 (2 Рос—Рус) 6

Михаил Афанасьевич БУЛГАКОВ

Собрание сочинений

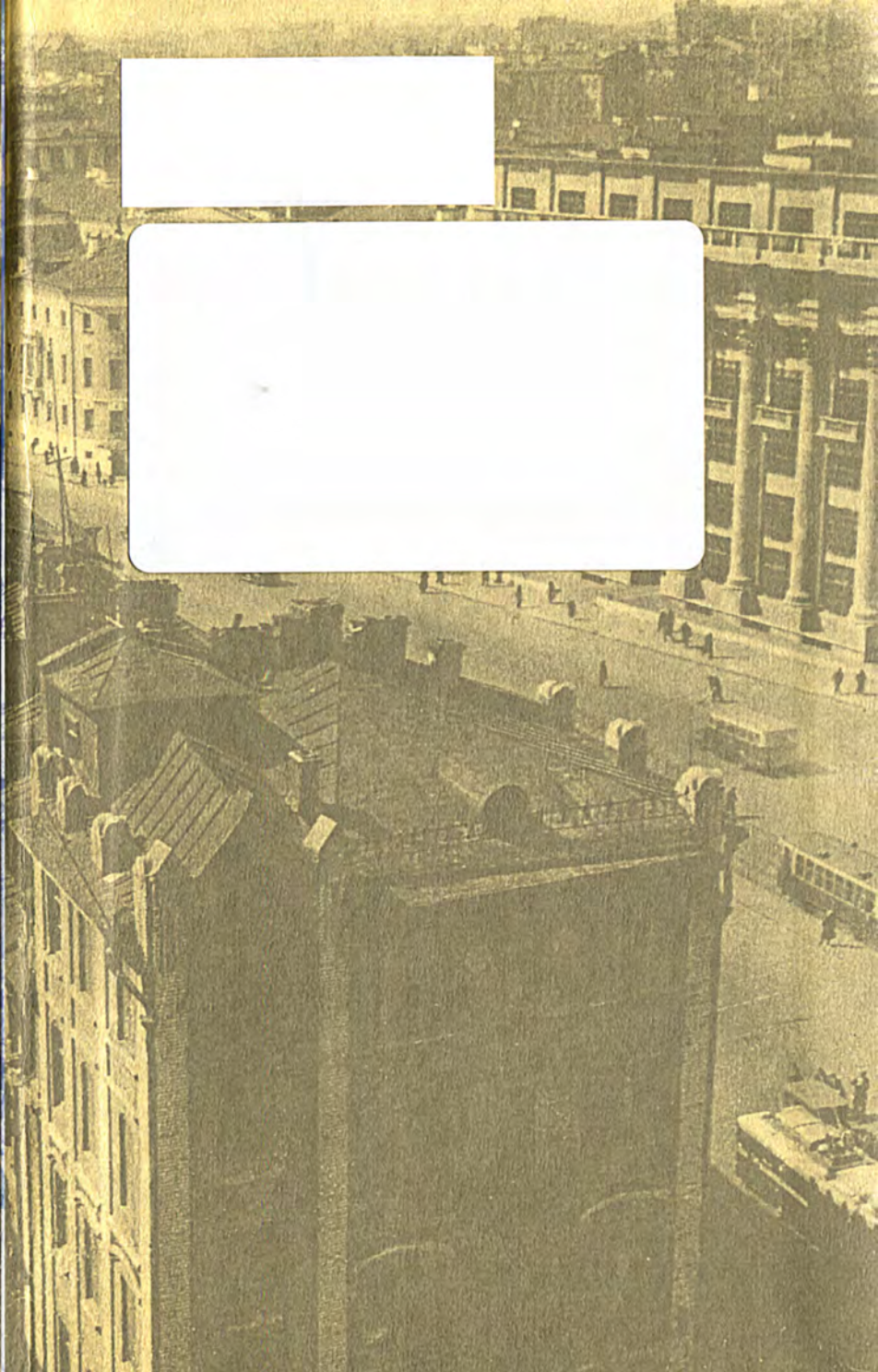
Том 7

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Редактор *А Меньков*
Художественный редактор *А Морозова*
Технический редактор *В Куркова*
Корректор *Л Марченко*
Фотограф *А Задикян*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040020 от 07 02 97 г.

Сдано в набор 05.10 98 Подписано в печать 01 06 99.
Формат 84×108 1/32 Бумага газетная Печать высокая.
Гарнитура «Таймс» Усл печ л. 40,32
Тираж 10 000. Зак № 1510.

Издательство «Голос»,
113184, Москва, ул Пятницкая, д 52, стр. 1

Отпечатано с оригинала-макета
на издательско-полиграфическом предприятии «Правда Севера».
163002, Архангельск, Новгородский пр , 32